

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Основан в 2016 г.

Выпуск 4

Минск
Академия МВД
2019

Содержит научные статьи, в которых отражены результаты исследований курсантов и магистрантов Академии МВД по актуальным проблемам юридических и социально-гуманитарных наук, а также тезисы докладов, представленных на конференциях (чтениях, круглых столах), проведенных Академией МВД.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

Редакционная коллегия:

- А.В. Яскевич*, профессор кафедры экономической безопасности, кандидат юридических наук, доцент (ответственный редактор);
А.А. Вишневецкий, начальник кафедры экономической безопасности, кандидат юридических наук, доцент;
Н.С. Демьянец, научный сотрудник научно-исследовательского отдела;
С.В. Добрян, начальник кафедры административной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;
Е.М. Ефременко, заведующая кафедрой гражданского и трудового права, кандидат юридических наук, доцент;
И.В. Козелецкий, начальник кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров, кандидат юридических наук, доцент;
В.Ч. Родевич, заместитель начальника Академии МВД по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;
А.Н. Тукало, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;
Т.М. Фицук, начальник научно-исследовательского отдела;
М.П. Шруб, начальник кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019

УДК 378.635

В.А. Астаионок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат медицинских наук *Е.В. Лемешко*

Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *Г.В. Мережко*

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются проблема адаптации курсантов-первокурсников к новым условиям жизнедеятельности, роль профессорско-преподавательского состава и курсового звена в ней, а также анализ адаптивности курсантов, обучающихся на разных факультетах Академии МВД Республики Беларусь.

Адаптация относится к общим понятиям, которая определяет связь живого организма со средой. В 1865 г. Аутберг ввел это понятие для обозначения изменения чувствительности живого существа при длительном воздействии адекватного раздражителя, оно стало одним из наиболее значимых понятий в науках о жизни. В обобщенном виде адаптация описывается как приспособление, необходимое для адекватного существования в изменяющихся условиях, а также как процесс включения индивида в новую социальную среду, освоение им специфики новых условий [1].

Тенденции функционирования целенаправленной системы определяются соответствием либо несоответствием ее целей и достигнутых в процессе работы итогов. Адаптивность проявляется в их согласованности. Отличия в трактовке обуславливают разнообразные виды вероятной ориентированности приспособления [2]:

- 1) гомеостатический – адаптационный результат заключается в набирании баланса;
- 2) гедонический – адаптационный результат заключается в удовольствии, избегании мучений;
- 3) практичный – адаптационный результат заключается в фактической полезности, преуспевании и пр.

Указанное исследование приводит к понятию о неадаптивности как о допустимо положительном явлении. Она означает наличие двойствен-

ных взаимоотношений между целями и итогами функционирования целенаправленной концепции: планы никак не сходятся с действием, воплощением, побуждением к воздействию – с его результатами. Недостижение результата стимулирует продолжать деятельность в заданном направлении. В случае если же итог лучше первичных устремлений, то при участии элементов рефлексии это симулирует развитие деятельности [3]. Неадаптивность – это также особая причина, регулирующая формирование индивида и выражающаяся в активности над ситуацией, в своеобразной привлекательности действий с предварительно неизвестным финалом.

Неадаптивность способна представляться как дезадаптивность – в случае стабильной неуспешности усилий осуществить задачу либо же при присутствии двух и более одинаково важных целей, что может свидетельствовать о незрелости личности, невротических отклонениях, дисгармонии в области принятия заключений либо является результатом экстремальности условий пребывания [4].

Адаптивность к стрессу – это универсальная способность человека, сопряженная с преодолением непростых, напряженных, опасных, сверхэкстремальных, травматических происшествий своей жизни; полисистемное качество личности, позволяющее человеку преодолевать серьезные трудности и результативно работать, невзирая на стресс [5].

Адаптивность (в психофизиологии) – умение лица реализовывать адаптационные перестройки и адаптироваться к меняющимся обстоятельствам и характеру работы. Потребность в приспособлении у лица появляется в том случае, если он принимается взаимодействовать с какой-либо концепцией в обстоятельствах конкретного рассогласования с ней, то, что порождает потребность перемен. Данные перемены имеют все шансы быть связанными с самими людьми либо с концепцией, с которой они взаимодействуют. В таком случае пусковым моментом является движение. Приспособлением лица считается замена находящейся вокруг него привычной сферы, присутствие которой для него оказалось неэффективным либо малоэффективным, что порождает потребность в преодолении затруднений, сопряженных непосредственно с новизной условий [6].

Таким образом, адаптивность – стойкость, значительная функциональность, стабильность к болезням и иным условиям наружной сферы человека. Адаптивность зависит от степени самочувствия, но способна также рассматриваться как степень дополнительных способностей организма. Приспособление – процесс адаптации устройства организма к

новым для него условиям функционирования, что естественно для живых систем.

Важнейшим социальным требованием к вузам является ориентация образования не только на усвоение обучающимся определенных профессиональных знаний, но и на развитие его личности, познавательных и созидательных способностей, успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда.

Для системы ведомственного образования на передний план выходит проблема учебной и профессиональной адаптации курсантов, одной из разновидностей социальной адаптации. От успешности адаптации на младших курсах вуза во многом зависят дальнейшая профессиональная деятельность и личностное развитие будущего специалиста.

Многочисленными исследованиями установлено, что эффективность, успешность обучения в большинстве случаев зависят от возможностей обучающегося освоить новую среду, в которую он попадает, поступив в вуз. Начало занятий и устройство быта означает включение курсанта в сложную систему адаптации.

Таким образом, качественная адаптация курсантов-первокурсников к новым условиям жизнедеятельности напрямую связана с успешной учебной и иной деятельностью обучающихся в ведомственном вузе, а также с надежным физическим и психическим состоянием их организмов. Нельзя недооценивать значимость процессов адаптации для благополучной реализации себя в будущей профессии.

В связи с вышеизложенным проведено исследование адаптации курсантов-первокурсников следственно-экспертного факультета и факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Академия МВД) к новым условиям жизнедеятельности.

Цель исследования – оценка сущности и процесса адаптации курсантов-первокурсников, проходящих обучение и постоянно проживающих на территории Академии МВД.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

изучить понятия «адаптация» и «адаптивность»;

исследовать особенности адаптации курсантов-первокурсников;

выявить факторы, влияющие на адаптацию курсантов-первокурсников;

определить условия успешной адаптации курсантов-первокурсников.

Теоретической основой проведенного исследования послужили работы исследователей, посвященные рассматриваемой тематике. Раз-

личные стороны проблемы адаптации обучающихся в вузе исследовали В.Н. Грибов, О.Н. Казакова, Т.И. Каткова, Г.П. Кузина, С.А. Рунова, Ю.В. Стафеева и др. В.Н. Грибов рассматривал адаптацию молодежи малого города на этапе обучения в филиале вуза и при переходе студентов на учебу в базовый вуз. Изучением вопросов развития личности в процессе освоения математических и естественнонаучных дисциплин занимались А.Н. Колмогоров, В.А. Крутецкий, Л.Д. Кудрявцев, Д. Пойя, А.Я. Хинчин. Однако не в полной мере исследовано то, как проходит учебная адаптация курсантов в условиях, когда по объективным причинам существуют серьезные различия в уровне подготовки и мотивации абитуриентов, а также в условиях их жизнедеятельности.

Методологическая основа проделанной работы сводится к единству культурологического и психолого-педагогического подходов к решению обозначенных проблем. Интердисциплинарный характер исследования потребовал обращения к достижениям в различных отраслях гуманитарных знаний, учета концептуальных идей социологии, психологии, педагогики. Студенческая молодежь рассматривается не только как объект воспитания и субъект социально-культурной деятельности, но и как важнейший ресурс развития общества. Главным средством оптимизации процесса социальной адаптации обучающихся выступает социально-культурная деятельность в вузе.

Объектом исследования явились 201 курсант 1-го курса следственно-экспертного факультета и факультета милиции Академии МВД, из которых пять представителей женского пола. Выделены 3 группы: группа 1–22 будущих эксперта-криминалиста, из которых 17 мужчин и 5 женщин; группа 2–90 будущих следователей мужского пола; группа 3–89 будущих офицеров милиции мужского пола.

Предмет исследования – Академия МВД как среда адаптации курсантов.

Анализ адаптации курсантов-первокурсников к новым условиям жизнедеятельности проводился по методикам: «Самооценка психологической адаптивности» и «Оценка эмоционально-деятельной адаптивности» [7, с. 322–323].

При исследовании самооценки психологической адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола ее высокие уровни более всего выявлены у представителей групп 1 и 2 (в 52,9 % и 58,9 % случаев соответственно). В группе 3 указанный уровень самооценки практически в два раза ниже, чем в остальных группах. Уровни социально-психологической адаптации курсантов исследуемых групп «Средний»

и «Выше среднего» не имеют значимых межгрупповых отличий, однако средний уровень самооценки психологической адаптивности менее выражен среди курсантов-первокурсников мужского пола по сравнению с уровнем «Выше среднего» во всех исследуемых группах соответственно. Уровень «Ниже среднего» отсутствует в группе 1 и минимально выявлен в группах 2 и 3 (в 7,8 % и 12,3 % случаев соответственно). Низкий уровень самооценки психологической адаптивности курсантов-первокурсников не обнаружен во всех исследованных группах. Такой результат может быть связан с тем, что при поступлении в Академию МВД на следственно-экспертный факультет проходной балл был выше, чем на факультет милиции, а для будущих экспертов-криминалистов конкурс был самый высокий. Соответственно, более подготовленные абитуриенты, а следовательно, более мотивированные на поступление и учебу в ведомственном вузе имели более высокий уровень социально-психологической адаптивности.

При исследовании самооценки психологической адаптивности курсантов-первокурсников женского пола по сравнению с их коллегами мужского пола выявили, что у первых исследуемый показатель соответствует только уровням «Высокий» и «Выше среднего» (в 60 % и 40 % случаев соответственно). Причем распространенность указанных уровней самооценки психологической адаптивности преобладает у представительниц женского пола по сравнению с мужским (в 60% против 52,9 % и в 40 % против 29,4 % случаев соответственно). Такой результат обусловлен более высоким уровнем подготовки к подобным условиям жизнедеятельности курсантов-первокурсников женского пола, так как все они являлись выпускниками кадетских училищ и, возможно, врожденными особенностями их организмов, обуславливающих повышенную устойчивость к меняющимся условиям окружающей среды.

Результаты исследования оценки эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола показали преобладание ее средних значений по сравнению с высокими, низкими и очень низкими во всех группах (в 82,4 % случаев в группе 1, в 71,2 % – в группе 2 и в 66,3 % – в группе 3 соответственно). Высокие значения оценки эмоционально-деятельной адаптивности преобладали в меньшей степени по сравнению со средними также во всех группах (в 11,8 % против 82,4 % случаев в группе 1, в 14,4 % против 71,2 % – в группе 2 и в 21,4 % против 66,3 % – в группе 3 соответственно). Низкие значения оценки эмоционально-деятельной адаптивности были зарегистрированы в еще более меньшем проценте случаев, чем высокие оценки в группах 1 и 3 (в 5,8 % против 11,8 % случаев в группе 1 и в 12,3 % против 21,4 % – в

группе 3 соответственно). В группе 2 высокие и низкие оценки совпали (в 14,4 % случаев). Очень низкие оценки эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола не были выявлены ни в одной исследуемой группе. На наш взгляд, полученные результаты связаны с теми же причинами, что и данные распределения уровней социально-психологической адаптивности курсантов-первокурсников мужского пола.

В свою очередь, оценка эмоционально-деятельной адаптивности курсантов-первокурсников женского пола по сравнению с мужским показала иные результаты. У первых выявлены только высокие и средние значения исследуемого показателя (в 20 % и 80 % случаев соответственно). Причем процент случаев высоких оценок больше (20 % против 11,8 %), а средних – меньше (80 % против 82,4 %). Полученный результат подтверждает более высокую подготовку курсантов-первокурсников женского пола к новым условиям жизнедеятельности, как и в случае с самооценкой психологической адаптивности, по сравнению с мужским по тем же причинам.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает мнения многих отечественных и зарубежных ученых о том, что представителям женского пола проще адаптироваться в новых измененных условиях жизнедеятельности, чем мужского. Исследование также показало, что уровень адаптивности выше всего у будущих экспертов криминалистов. За ними по указанному показателю идут будущие следователи. Наименьший уровень адаптивности к измененным условиям жизнедеятельности зарегистрирован у будущих офицеров милиции. Полученные результаты безусловно связаны с общим уровнем подготовки курсантов-первокурсников и их приверженностью к дальнейшему обучению в Академии МВД.

Адаптация курсантов-первокурсников к обучению в ведомственном вузе – это системный, двусторонний, поэтапный процесс активного приспособления к новым условиям образовательной среды, выражающийся в формировании и развитии когнитивных, мотивационно-волевых, социально-коммуникативных связей. Указанные связи характеризуют субъектные отношения курсанта к основным видам его деятельности в образовательной среде ведомственного вуза. При этом процесс адаптации носит взаимовлияющий и взаимоизменяющий характер: образовательная среда вуза воздействует на обучающегося, а обучающийся активно воздействует на среду, определенным образом преобразуя ее. Выделение связей разного типа между обучающимися и новой средой их жизнедеятельности помогает глубже понять суть явления адаптации. При этом последняя протекает системно, как единый процесс. Процесс

адаптации имеет временную динамику, его этапы связаны с изменениями, происходящими как в характере учебно-познавательной деятельности, так и на уровне личностных свойств. Механизмы адаптации, обеспечивающие успешное вхождение курсанта в образовательную среду, заключаются в педагогическом сопровождении, когда в процессе адаптации, с одной стороны, создаются условия для усвоения обучающимися норм и способов учебно-познавательной деятельности, с другой – осуществляется изменение, преобразование образовательной среды в соответствии с потребностями, возможностями, личностными особенностями курсантов. Указанные механизмы действуют на разных уровнях: когнитивном, мотивационно-волевом, социально-коммуникативном. Они обеспечивают формирование и развитие связей соответствующего типа. Педагогическое сопровождение организуется с позиций личностно-ориентированного подхода и развивающего обучения, что позволяет преодолеть образовательные и социально-коммуникативные проблемы сложных по составу групп курсантов (с точки зрения адаптации: одни курсанты являются выпускниками специализированных училищ, другие – правовых классов, третьи – общеобразовательных школ и гимназий, а четвертые – поступили в ведомственный вуз после прохождения срочной службы в армии) и обеспечить необратимость процесса адаптации. Ведущая роль в процессе адаптации отводится учебной деятельности (в отличие от сложившихся представлений о возможности адаптации обучающихся-первокурсников путем широкого вовлечения их во внеучебную деятельность) и курсовому звену (начальники курсов и их заместители). Формирование общеучебных умений и навыков, развитие творческих, логических качеств мышления осуществляется в процессе изучения базовых дисциплин. Адаптация – процесс, в котором организация учебно-познавательной деятельности курсантов должна способствовать наиболее полной реализации личностного потенциала. Несмотря на безусловную сложность базовых дисциплин, когда курсанты младших курсов испытывают проблемы в их освоении, раскрытие и использование развивающего потенциала обучающихся с целью учебной адаптации обуславливают формирование, стимулируют развитие, обеспечивают устойчивое функционирование связей, определяющих место обучающихся в образовательной среде вуза.

Проведенное исследование имеет и прикладное значение. Лицам, работающим с курсантами (курсовым офицерам, профессорско-преподавательскому составу, психологам и др.), необходимо внимательнее относиться к курсантам-первокурсникам мужского пола, особенно – к будущим следователям и офицерам милиции. Деадаптация нередко

приводит к повышению уровня заболеваемости обучающихся, что влечет за собой перерасход имеющихся сил и средств.

Все вышесказанное указывает на необходимость в проведении дополнительного углубленного исследования по изучению влияния дезадаптации на состояние здоровья курсантов и их физические и умственные возможности, а главное – по разработке оптимального пошагового алгоритма адаптации курсантов-первокурсников с учетом пола, факультета, особенностей условий их жизни, обучения и несения службы. Кроме того, необходимо провести исследование адаптации к новым условиям жизнедеятельности курсантов-первокурсников уголовно-исполнительного факультета Академии МВД.

Цель, которая ставилась при планировании исследования, достигнута, задачи выполнены. Досконально изучены понятия «адаптация» и «адаптивность». Выявлены особенности адаптации курсантов-первокурсников следственно-экспертного факультета и факультета милиции. Определено, что главным в адаптации к новым условиям жизнедеятельности курсантов-первокурсников остается личность обучающегося, его способности, умение и желание приспособляться к измененным условиям.

Безусловно, много внимания учеными уделено адаптации студентов к учебе в «классических» вузах. Обучающиеся ведомственных вузов в этом плане менее изучены, особенно будущие сотрудники органов внутренних дел, что также требует более подробной научной проработки вопросов адаптации и дезадаптации при поступлении на службу.

1. Развитие мотивации формирования профессиональной готовности обучающихся медицинских вузов / Н.В. Агранович [и др.] // *Фундамент. исслед.* – 2015. – № 2. – С. 572–576.

2. Андреева, Г.М. *Общественная этнопсихология* : учеб. пособие / Г.М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 363 с.

3. Березин, Ф.Б. *Психическая и психофизиологическая адаптация человека* : монография / Ф.Б. Березин. – СПб. : Книголюб, 2012. – 270 с.

4. Логинова, М.В. Жизнестойкость личности студента как фактор ее успешной адаптации к условиям обучения в вузе / М.В. Логинова // *Гуманитар. и соц.-экон. науки.* – 2009. – № 6. – С. 77–80.

5. Мещеряков, Б.Г. *Большой психологический словарь* / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – 4-е изд., доп. и испр. – М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2008. – 868 с.

6. Панихина, А.В. Оценка адаптации студентов первокурсников к обучению в вузе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://открытыйурок.рф/статьи/513384/> (дата обращения: 02.02.2018).

7. Фетискин, Н.П. *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп* : учеб. пособие / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М. : Ин-т психотерапии, 2002. – 339 с.

УДК 341.231.14

Д.А. Блохин, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.И. Бородич*

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СТАТУСА БЕЖЕНЦА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И США

Рассматриваются основания предоставления статуса беженца в Республике Беларусь, а также анализируется законодательство, закрепляющее права лиц, получивших статус беженца. Вносятся предложения по совершенствованию обеспечения реализации прав указанной категории лиц, с учетом опыта правового регулирования США.

Миграция людей из одного государства в другое – явление, существующее с давних времен. Любое государство осуществляет контроль над пребыванием иностранцев на его территории, регулирует передвижение людей через их границы.

«Миграция (лат. *migratio*, от *migro* – перехожу, переселяюсь) – переселение, перемещение населения, связанное со сменой жительства, работы, часто из-за экономической и политической нестабильности» [1, с. 243].

На современном этапе миграцию определяют «как движение людей с одной территории на другую по различным причинам, в том числе через границы тех или иных административно-территориальных образований и государств, сопровождающееся, как правило, временным или постоянным местом жительства» [2, с. 8].

Следует отметить, что в настоящее время значительное внимание уделяется вопросам вынужденной миграции. Проблема вынужденной внешней миграции весьма актуальна и для Республики Беларусь. Так, события в Украине явились основными причинами массового притока вынужденных мигрантов из этого государства в различные страны, в том числе в Республику Беларусь. Подтверждением этому является информация, размещенная на официальном Интернет-сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь: «Структура стран, откуда в Беларусь прибывали вынужденные мигранты, в сравнении с предыдущим годом в основном не изменилась. В 2016 г. заявители из Украины составили 637 человек, или 80,8 % от общего числа ходатайствующих о защите (2014 – 663 человека, или 76,5 %, 2015 – 978 человек, или 78,5 %) и являются, как и в предыдущие два года, самой многочисленной группой».

пой вынужденных мигрантов, обратившихся с ходатайствами о защите. Ходатайствующие о защите из Афганистана составили 22 человека, или 2,8 % от общего числа ходатайствующих о защите (2014 – 34 человека, или 3,9 %, 2015 – 41 человек, или 3,3 %), из Ирака – 21 человек, или 2,7 % (2014 – 10 человек, или 1,2 %, 2015 – 36 человек, или 2,9 %), из Сирии – 21 человек, или 2,7 % (2014 – 95 человек, или 11,0 %, 2015 – 103 человека, или 8,3 %)» [3].

Помимо вышеуказанной причины, в результате которой увеличился рост вынужденных мигрантов в Республику Беларусь, еще одну причину данному явлению называет О.В. Кошель: «Из-за принятых странами Европы мер, ограничивающих въезд на их территорию, часть транзитных мигрантов вынуждены задерживаться в странах СНГ. Республика Беларусь – крупнейший транзитный центр на пути беженца к обретению новой жизни» [4, с. 293].

В международном праве понятие «беженец» появляется после Первой мировой войны: в 1922 г. Лига Наций принимает первое соглашение (дополненное соглашениями 1924, 1926 и 1928 гг. о статусе русских и армянских беженцев). В данных соглашениях впервые были определены права беженцев. После Второй мировой войны была создана Международная организация по делам беженцев, преобразованная в 1951 г. в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев [5].

В настоящее время международно-правовым актом, регламентирующим права беженцев, а также закрепляющим определение термина «беженец» является Конвенция о статусе беженцев 1951 г. (п. 1 и 2 разд. А ст. 1) [6].

Что касается становления понятия «беженец» в суверенной Беларуси, то следует отметить, что в начале 90-х гг. XX в., после распада СССР, Республика Беларусь как независимое государство столкнулась со многими новыми проблемами, в том числе с проблемой, касающейся миграции. Так, уже в 90-х гг. XX в. Беларусь приняла первую волну вынужденных мигрантов, вызванную межнациональным противостоянием, социально-экономическими проблемами и дискриминацией некоренного населения в ряде бывших советских республик.

Вопросы, связанные с миграцией, требовали правового разрешения, однако на начальном этапе белорусское государство не имело собственных нормативных правовых актов, хотя количество вынужденных мигрантов (беженцев) возрастало. В.Р. Саматья отмечает: «Результатом серьезной работы в данной сфере стало принятие 22 февраля 1995 г. Закона "О беженцах", который определил основания и порядок признания иностранных граждан и лиц без гражданства беженцами в Республике

Беларусь, основания лишения, утраты статуса беженца, а также впервые установил правовые, экономические и социальные гарантии защиты прав и законных интересов иностранцев, ходатайствующих о признании их беженцами и признанных беженцами в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и ее законодательством, общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами» [7, с. 47].

В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 22 февраля 1995 г. № 3605-ХІІ «О беженцах» было закреплено определение понятия «беженец» [8].

Анализ определения понятия «беженец», содержащегося в Конвенции о статусе беженцев 1951 г., и определения данного понятия, закрепленного в Законе Республики Беларусь от 22 февраля 1995 г. № 3605-ХІІ «О беженцах», показывает их отличие, состоящее в том, что в данном законе наряду с иными основаниями, по которым лицо могло признаваться беженцем, также содержалось такое основание, как наличие опасений стать жертвой преследования из-за национальной принадлежности. Таким образом, этот закон по сравнению с названной выше конвенцией расширял перечень оснований, вследствие которых лицо могло признаваться беженцем, что указывает на особую заботу Республики Беларусь о данной группе вынужденных мигрантов. Республика Беларусь только в 2001 г. стала участницей Конвенции о статусе беженцев 1951 г., а именно лишь после принятия Закона Республики Беларусь от 4 мая 2001 г. № 10-3 «О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о статусе беженцев и протоколу, касающемуся статуса беженцев» [9].

Впоследствии Закон Республики Беларусь от 22 февраля 1995 г. № 3605-ХІІ «О беженцах» утратил юридическую силу в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» [10].

Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает различные формы защиты иностранных граждан и лиц без гражданства: предоставление убежища, предоставление статуса беженца, предоставление дополнительной защиты и предоставление временной защиты.

При предоставлении одной из вышеуказанных форм защиты иностранные граждане и лица без гражданства наделяются определенными правами и на них возлагаются определенные обязанности. Полагаем необходимым рассмотреть детально такую форму защиты, как предоставление статуса беженца в Республике Беларусь.

Следует отметить, что в абз. 13 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и

лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» официально разъясняется термин «статус беженца» [10].

Наряду с Конституцией и иными нормативными правовыми актами Республики Беларусь правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе которым предоставлен статус беженца, регламентируются Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [11] и Законом Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-3 «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» [10].

В гл. 2 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» закрепляются права, свободы и обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства. При этом в зависимости от режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь их права имеют некоторые отличия [11].

Необходимо отметить, что ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» предусматривает, что особенности правового положения иностранцев (иностранцев граждан и лиц без гражданства), ходатайствующих о предоставлении статуса беженца, или дополнительной защиты, или убежища в Республике Беларусь, а также иностранцев (иностранцев граждан и лиц без гражданства), которым предоставлены статус беженца, или дополнительная либо временная защита, или убежище в Республике Беларусь, регулируются специальными законодательными актами Республики Беларусь [11].

В ст. 19 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-3 «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» закреплены основания предоставления «статуса беженца» в Республике Беларусь. Статус беженца предоставляется иностранцу на срок сохранения в государстве гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства оснований, по которым ему предоставлен статус беженца [10].

Процедурные вопросы, связанные с предоставлением иностранному гражданину и лицу без гражданства статуса беженца, а равно аннулированием указанного статуса, детально регламентированы в гл. 7, 8 и 9 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-3 «О предоставле-

нии иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» [10].

Что касается непосредственно прав и обязанностей лиц, получивших статус беженца, то необходимо отметить, что наряду с так называемыми «общими» правами, которые предоставляются другим иностранцам (иностранцам гражданам и лицам без гражданства), которые приведены выше, данная категория лиц также имеет и особые права. Перечень этих прав приведен в ст. 20 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-3 «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь». Так, в соответствии с данной статьей названного выше закона иностранный гражданин или лицо без гражданства, которым предоставлен статус беженца, имеют право:

- на получение удостоверения беженца;
- получение разрешения на временное проживание в Республике Беларусь;
- получение проездного документа Республики Беларусь;
- медицинское обслуживание наравне с гражданами Республики Беларусь;
- судебную защиту наравне с гражданами Республики Беларусь;
- пользование иными правами наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь и др. [10].

Проведенный анализ прав лиц, которым предоставлен в Республике Беларусь статус беженца, показывает, что действующее законодательство довольно детально регламентирует их. Вместе с тем необходимо отметить, что на практике с реализацией отдельных прав могут возникать определенные проблемы. Это обусловлено тем, что в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь различные государственные органы обеспечивают реализацию того или иного права иностранного гражданина или лица без гражданства, которому предоставлен статус беженца.

Представляется, что указанной категории лиц затруднительно реализовать права, предоставленные им действующим законодательством, поскольку возникает необходимость обращения в различные государственные органы. В целях совершенствования законодательства Республики Беларусь в части предоставления статуса беженца, реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства, которым статус беженца предоставлен, рассмотрим опыт США.

Парламентом США в 1980 г. был принят Закон о беженцах, который определяет и предусматривает пять оснований для предоставления статуса беженца. Так, основаниями для предоставления статуса беженца являются преследование человека из-за принадлежности его к определенной расе, религии, национальности, определенной социальной группе, определенным политическим взглядам.

При рассмотрении заявления о предоставлении статуса беженца плата не взимается. Собеседования на предмет получения статуса беженца проводятся в посольстве США. Заявитель и члены его семьи опрашиваются одновременно, но в разных помещениях. Могут быть заданы вопросы по поводу документов, которые представил человек, нуждающийся в помощи и данных, которые он указал. Опрос может производиться достаточно в жесткой форме, но задача чиновника не унижить человеческое достоинство, а установить имеет ли он право получить статус беженца [12].

Представляется, что в законодательстве США содержится важная гарантия реализации прав лиц, которым предоставлен статус беженца, заключающаяся в том, что с указанным лицом непосредственно будет работать представитель общественной организации, который называется *case worker*. Он будет проводить работу по адаптации лица, которому предоставлен статус беженца, на территории США, а также даст направления в необходимые организации и будет в течение 30 дней решать все проблемы, с которыми лицо, получившее статус беженца, может столкнуться. По истечении 30 дней *case worker* обязан убедиться в том, что семья лица, которому предоставлен статус беженца, получает пакет социальной помощи от государства, а нетрудоспособные и пожилые члены его семьи получают либо подали на пенсию. Кроме того, *case worker* проконтролирует, что условия проживания лица, которому предоставлен статус беженца, соответствуют нормам, а в доме имеется вся необходимая мебель. Он должен также убедиться, что все несовершеннолетние дети зарегистрированы в соответствующих школах, а взрослые – на курсах изучения английского языка [12].

Необходимо также отметить, что в США в статусе беженца можно жить долго, сколько нужно. Однако после года пребывания в стране в качестве беженца можно получить статус постоянного резидента США (*permanent resident*), если за это время лицом не были допущены нарушения американского законодательства, и иммиграционная служба не получила о нем данных, свидетельствующих о том, что статус беженца был предоставлен по ошибке, либо вследствие указания неверных сведений при заполнении соответствующих форм [12].

Таким образом, в законодательстве Республики Беларусь закреплены права иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлен статус беженца, однако их реализация затрудняется тем, что обеспечение реализации указанных прав осуществляется различными государственными органами.

На основании изложенного представляется возможным предположить, что наиболее полной реализации в Республике Беларусь своих прав указанной категорией лиц будет способствовать правовое регулирование с учетом опыта США, законодательство которого предусматривает деятельность такого лица, как *case worker*. Деятельность такого лица в Республике Беларусь смогла бы оказать необходимую помощь лицам, которым предоставлен статус беженца, в реализации принадлежащих им прав.

1. Краткий словарь современных понятий и терминов / под общ. ред. В.А. Макаренко. – 2-е изд. – М. : Республика, 1995. – 512 с.

2. Кодавбювич, В.А. Конституционное право Республики Беларусь : учеб. пособие / В.А. Кодавбювич, В.А. Круглов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2012. – 512 с.

3. Справка о миграционной обстановке в Республике Беларусь за 2016 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=9871/>. – Дата доступа: 10.04.2017.

4. Кошель, В.О. Система защиты беженцев в Республике Беларусь / В.О. Кошель // Личность. Общество. Государство. Право. – Минск, 2012. – С. 292–296.

5. Беженцы [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%86%D1%8B#cite_note-4/. – Дата доступа: 31.03.2017.

6. О статусе беженцев [Электронный ресурс] : Конвенция Организации Объединенных Наций, 28 июля 1951 г., Женева. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml/. – Дата доступа: 10.04.2017.

7. Саматя, В.Р. Становление национальной системы защиты беженцев в Республике Беларусь: организационно-правовые аспекты / В.Р. Саматя // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2005. – № 4. – С. 46–51.

8. О беженцах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 февр. 1995 г., № 3605-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2006 г. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/text32/index.htm>. – Дата доступа: 10.04.2017.

9. О присоединении Республики Беларусь к Конвенции о статусе беженцев и Протоколу, касающемуся статуса беженцев [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 мая 2001 г., № 10-3. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon1/z297.htm>. – Дата доступа: 10.04.2017.

10. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-3 : в ред.

Закона Респ. Беларусь от 20.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

12. Беженцы [Электронный ресурс] // Комитет по правам человека в Нью-Йорке. – Режим доступа: <http://www.politicalasylumusa.com/ru/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%81-%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B0/>. – Дата доступа: 10.04.2017.

УДК 342.7

Д.А. Блохин, О.А. Дементей, курсанты факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Кодавлович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.А. Середа*

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются исторические предпосылки возникновения соматических прав. Проводится анализ законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран, регламентирующего соматические права человека. Вносятся предложения по законодательному закреплению права человека на эвтаназию.

С развитием таких наук, как биология, химия, медицина и другие, развивается и право вследствие необходимости регулирования новых общественных отношений, которые складываются в связи с достижениями указанных выше наук.

Категория соматических прав (полномочий по распоряжению человеком своим телом) является принципиально новой для любой правовой системы. Одним из новаторов введения понятия «личностные (соматические) права» является российский ученый В.И. Крусс, который определяет эти права как «... группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [1, с. 43].

Отдельные «личностные» права находят свое отражение в некоторых древних источниках, иные – появились в последнее время. Так, например, *право на эвтаназию*, иначе говоря, право на смерть, возникло еще в период первобытнообщинного строя. Самостоятельный уход из жизни поощрялся в Спарте, Древней Греции, допускался в Древнем Риме. Однако эвтаназия осуждалась в эпоху Средневековья из-за отрицательного отношения общественности к самоубийству и убийству, что связано с господством христианского религиозного мировоззрения [2, с. 95].

Такое соматическое право, как *право на искусственный аборт*, Аристотель считал допустимым в демографических целях, но только до момента, когда в зародыше сформируется «чувствительная и двигательная активность» [3, с. 62].

В древности выделялись также некоторые сексуальные права, входящие, по мнению ученого М.А. Лаврика, в систему соматических прав, в частности, *право на занятие проституцией* [4, с. 71]. Древние греки узаконили проституцию и создали институт государственных публичных домов – диктериад, где содержались и работали рабыни. Проблема проституции упоминается в римском праве, описывающем проститутку как женщину, которая неограниченно удовлетворяет общий публичный спрос на половые наслаждения [5, с. 13].

На основании древних источников, содержащих сведения о фактах употребления *психотропных веществ и наркотических средств*, можно судить об исторической предпосылке возникновения соответствующего права, входящего в классификацию личностных (соматических) прав. Об этом также отмечает в своей статье ученый И. Рачков в отношении мака. Так, он отмечает: «Еще 5 тысяч лет назад его использовали шумеры, жившие на землях Нижней Месопотамии. Позже знания о лечебных свойствах мака были перенесены в Персию и Египет» [6, с. 51].

Исторические предпосылки указанных, а также иных соматических прав, по нашему мнению, стоит учитывать, как объективный фактор, способствующий их регламентации в законодательстве. Но, тем не менее, легализация соматических прав – довольно дискуссионная, моментами даже противоречивая относительно некоторых общественных ценностей, тема. Однако «появление каждого нового поколения прав человека обусловлено определенными коренными изменениями в обществе, сменой мировоззренческих установок» [4, с. 69]. Вдобавок к этому, ввиду научно-технического прогресса, некоторые ученые, в частности А.А. Абашидзе и А.М. Солнцев, считают, что «у человека появилась реальная возможность не только улучшать мир вокруг, но изменить самого себя, весь человеческий род» [4, с. 69]. В связи с этим назревает реальная необходимость в правовом регулировании отдельных соматических прав.

Некоторые соматические (личностные) права находят свое место в законодательстве той или иной страны. Так, в отдельных государствах лишение жизни при ряде обстоятельств и условий считается правомерным, т. е. легализована *эвтаназия*. Выделяют две формы эвтаназии: активную и пассивную. Активная форма эвтаназии в ряде стран разрешена. Однако обязательным условием ее осуществления является выражение воли лица, подвергающегося данной процедуре. Производится она путем введения инъекции, приводящей к летальному исходу.

Следует отметить, что в области международных отношений существуют Венецианская (1983) и Мадридская (1987) декларации Всемирной медицинской ассамблеи, которые допускают пассивную форму эвтаназии, осуществляемую путем отключения аппаратуры, поддерживающей жизнедеятельность пациента [7, с. 123].

В странах, где эвтаназия запрещена, дается различная юридическая оценка деяниям, связанным с ней. Так, в уголовных кодексах ряда государств существует особый привилегированный состав, в рамках которого уголовная ответственность за лишение жизни при наличии настоячивого требования потерпевшего существенно снижена по сравнению с убийством, например Австрии, Германии, Японии [8].

В целях регулирования вопросов по поводу *трансплантации органов и тканей* законодательство многих государств, в частности, Бельгии, Греции, Турции, России, устанавливает специальные процедуры получения согласия донора на изъятие у него трансплантата [9, с. 287].

Широко обсуждается проблема *легализации однополых браков*, которая также вписывается в категорию соматических прав. Согласно информации РИА Новости и других новостных источников, можно сделать вывод, что легализация однополых браков имеет довольно положительную тенденцию: большинство стран Европы (Франция, Великобритания, Дания, Исландия, Швеция, Норвегия, Испания, Бельгия, Нидерланды), американского континента (Канада, отдельные штаты США, Мексика, Аргентина, Бразилия) и др. узаконили данную разновидность браков [10].

Представляется, что требует правового регулирования вопрос по поводу *клонирования* человеческих существ. В 2005 г. была принята Декларация ООН о клонировании человека, в которой указывалась необходимость принятия мер, необходимых для соответствующей защиты человеческой жизни в процессе применения биологических наук. Тем не менее из всех членов ООН 84 проголосовало «за», а 34 (сюда входит Беларусь) «против» [4, с. 73].

Что касается нашего законодательства, то Беларусь занимает лидирующие позиции в области защиты прав человека. В соответствии со

ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его прав, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [11]. Наряду с западными тенденциями по правовому закреплению соматических прав в наше законодательство на основе опыта зарубежных стран вносятся определенные коррективы, но легализация некоторых из указанных прав не может иметь место в Беларуси в ближайшее время в силу определенных объективных причин.

Стоит отметить, что законодательство Республики Беларусь допускает осуществление человеком некоторых соматических прав. Так, в национальном законодательстве вопрос о *смене пола* нашел свое разрешение. В частности, в ст. 19 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» закреплено: «Изменение и коррекция половой принадлежности проводятся в государственных организациях здравоохранения по желанию совершеннолетнего пациента при наличии медицинских показаний на основании решений Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь в порядке, установленном Министерством здравоохранения Республики Беларусь» [12].

В отличие от законодательно закрепленного права смены пола, которое осуществляется исходя из медицинской необходимости на основании несоответствия физиологического и психического пола, в Республике Беларусь *легализация однополых браков* не допускается. Это связано прежде всего с менталитетом людей нашего государства, уровнем правосознания и морали. Утверждение, касающееся неприемлемости легализации подобных браков, подтверждает ст. 12 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, в которой дается точное определение понятия «брак» как добровольного союза мужчины и женщины, который заключается на условиях, предусмотренных названным кодексом, направлен на создание семьи и порождает для сторон взаимные права и обязанности [13]. При таких обстоятельствах однополые браки считаются недействительными на территории Беларуси.

Право на трансплантацию органов в национальном законодательстве употребляется не как право распоряжаться своим телом, а как крайняя мера, которая может быть произведена только тогда, когда невозможно иными методами оказания медицинской помощи сохранить жизнь пациента или восстановить его здоровье (ст. 5) [14].

Такой вид личностных прав, как *право на употребление наркотиков и психотропных веществ*, находится под запретом государства. Лишь в отдельных случаях допускаются определенные ограничения из данного правила. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 18 Закона Республики Беларусь

от 13 июля 2012 г. № 408-3 «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» наркотические средства, психотропные вещества используются в медицинских целях для облегчения боли и физического (психического) страдания, связанных с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, в соответствии с медицинскими показаниями на основании клинических протоколов (методов оказания медицинской помощи), утвержденных Министерством здравоохранения Республики Беларусь [15].

Что касается такого соматического права, как право на смерть (*право на эвтаназию*), то в ч. 1 ст. 31 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» эвтаназия определяется как удовлетворение просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием. В ч. 3 данной статьи также закреплено следующее: «Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несет ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [12]. Таким образом, реализация человеком права на эвтаназию в Беларуси запрещена.

Вследствие динамичности общественных отношений, по нашему мнению, также должны пересматриваться некоторые позиции в отношении вопросов регламентации отдельных соматических прав, которые пока являются неприемлемыми для нашего общества, но, исходя из принципа гуманности, должны найти свое разрешение. Это непосредственно касается и права человека на эвтаназию.

Вопрос эвтаназии давно является предметом оживленных дискуссий. Многие ученые до сих пор не могут определить, какую сторону этого вопроса отстаивать. Легализация активной формы эвтаназии проблематична и не находит своего отражения в законодательстве большинства государств в силу того, что может вызвать ряд юридических и нравственных проблем. В первую очередь это связано с тем, что эта форма может ассоциироваться у людей с убийством. Тем не менее некоторые ученые, в частности ученый К.С. Захилько, отрицают аналогию эвтаназии и убийства, так как «убийце не характерны особые мотивы сострадания, и, кроме того, ему безразлична воля жертвы» [8].

Позиция противников эвтаназии имеет массу аргументированных утверждений, которыми и объясняется проблема ее легализации.

Во-первых, в ст. 24 Конституции Республики Беларусь указано: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств» [11]. Данная норма фактически не допускает осуществление человеком права на эвтаназию.

Во-вторых, существуют противоречия между религией и эвтаназией. В частности, христианская мораль, по мнению профессора О.Г. Дробницкого, отрицает возможность осуществления субъективного желания ухода из жизни. [16, с. 94].

В-третьих, ряд ученых высказывают предположения о довольно существенных сдвигах в общественном сознании, полной перестройке моральных принципов общества.

Ученые, считающие легализацию эвтаназии недопустимой, указывают на человеческий фактор, то есть возможные злоупотребления из корыстных побуждений со стороны медицинского персонала при осуществлении эвтаназии. Кроме того, они также указывают, что может иметь место добровольный уход из жизни без необходимых на то медицинских оснований, например вследствие суицидальных наклонностей пациента или иных психических заболеваний. Однако эти проблемы возможно разрешить путем формализации и усложнения порядка организации акта эвтаназии. К тому же, по мнению ученого М.Н. Малениной, данные опасения не являются существенными [17, с. 75].

Представляется, что легализация пассивной формы эвтаназии является возможной и вполне осуществимой. Закрепление данной формы эвтаназии на законодательном уровне позволит человеку избежать излишних страданий при неизлечимой болезни. Вместе с тем для легализации пассивной формы эвтаназии следует четко изложить основания, условия и порядок ее осуществления в законодательстве Республики Беларусь.

1. Кресс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Кресс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.
2. Капинус, О.С. Эвтаназия в аспектах *de lege lata* и *de lege ferenda* / О.С. Капинус // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 95–100.
3. Старовойтова, О.Э. Право на аборт / О.Э. Старовойтова, Н.В. Янчар // Ленингр. юрид. журн. – 2015. – № 4. – С. 62–67.
4. Абашидзе, А.А. Новое поколение прав человека: соматические права / А.А. Абашидзе, А.М. Солнцев // Моск. журн. междунар. права. – 2009. – № 1. – С. 69–82.
5. Блох, И. История проституции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pseudology.org/Sex/BlohIogan_IstoriyaProstitucii2.pdf (дата обращения: 31.03.2017).
6. Рачков, И. Возникновение наркомании и незаконного оборота наркотиков. Уроки истории / И. Рачков // Закон и жизнь. – 2006. – № 5. – С. 51–53.

7. Дрозд, А.Н. Эвтаназия: правовые и моральные аспекты / А.Н. Дрозд // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2005 г. / под общ. ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – С. 123–124.

8. Захилько, К.С. К вопросу об уголовной ответственности за эвтаназию [Электронный ресурс] : ст. по состоянию на 31 янв. 2017 г. / К.С. Захилько // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Афанасьева, Е.Г. Донор и реципиент перед лицом закона: Зарубежный опыт / Е.Г. Афанасьева // сб. науч. тр. Современ. мед. право. – М., 2003. – С. 472.

10. Однополые браки в странах мира [Электронный ресурс] // «РИА Новости». – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20130717/950406062.html/>. – Дата доступа: 31.03.2017.

11. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

12. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

13. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

14. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

15. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

16. Дробницкий, О.Г. Проблемы нравственности / О.Г. Дробницкий. – М., 1977. – 336 с.

17. Маленина, М.Н. Человек и медицина в современном праве : учеб. и практ. пособие / М.Н. Маленина. – М. : БЕК, 1995. – 260 с.

УДК 342.9

А.Ю. Богданкевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ

Анализируется функциональное назначение, задачи и возможности общественного совета при МВД Республики Беларусь как субъекта формирования положительного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.

Важную роль в системе оценки эффективности служебной деятельности милиции, да и в целом системы органов внутренних дел (ОВД) играет общественное мнение, которое в правоохранительной сфере представляет собой «специфическое проявление общественного сознания, выражающееся в оценках проблем обеспечения правопорядка и характеризующее явное или скрытое отношение к актуальным проблемам охраны правопорядка, присущее отдельным группам, социальным общностям или обществу в целом» [1, с. 118]

В качестве предмета мониторингового исследования общественного мнения применительно к деятельности ОВД выделяются: общественные потребности и интересы граждан, различных социальных групп, слоев и организаций в обеспечении общественного порядка и взгляды на деятельность ОВД; информированность граждан, различных социальных групп и слоев общества о деятельности ОВД, событиях общественной жизни, имеющих непосредственное отношение к охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; понимание населением различных аспектов социальной действительности, управленческих решений и инициатив, реализующихся в сфере правоохранительной деятельности; взгляды на пути решения конкретных проблем организации деятельности системы ОВД; готовность и возможность населения участвовать в обеспечении общественного порядка [2, с. 20].

В условиях активного развития информационных технологий, на фоне снижения уровня общей и правовой культуры, наблюдающихся негативных информационных «вбросов», в том числе направленных на дискредитацию деятельности представителей власти, важно своевре-

менно перейти от пассивной констатации к активному формированию объективного общественного мнения о деятельности ОВД (милиции).

Позиционируя себя как открытый в определенных пределах элемент механизма государства, ОВД призваны регулярно информировать государственные учреждения и организации, негосударственные институты, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Публичный характер функционирования милиции реализуется через предоставление сведений о своей деятельности средствами массовой информации по официальным запросам их редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылок справочных и статистических материалов и в иных формах.

В Республике Беларусь формирование позитивного общественного мнения о деятельности милиции (ОВД в целом) происходит на системной основе посредством реализации следующих относительно самостоятельных организационно-функциональных блоков:

в процессе *функционирования подразделений информации и общественных связей* системы ОВД и внутренних войск МВД Республики Беларусь [3], которыми организуется объективное освещение результатов правоохранительной деятельности ОВД по выявлению (пресечению) преступлений, защите государственных и общественных интересов от противоправных посягательств.

Кроме того, в целях популяризации фактов оказания помощи гражданам и юридическим лицам, в том числе в ситуациях, не связанных с профессиональной деятельностью, обеспечивается информирование общественности о поступающих в МВД Республики Беларусь обращениях, содержащих положительные отзывы и благодарности в адрес сотрудников и военнослужащих, а также результатах реализации предложений, направленных на укрепление правопорядка и безопасности [4].

постоянного мониторинга выступлений в средствах массовой информации, сети Интернет, касающихся деятельности милиции и иных вопросов правоохранительной тематики; организации своевременного реагирования на материалы деструктивного характера и выступления, содержащие негативные оценки [5];

широкой информационно-разъяснительной работы, проводимой в ходе непосредственного контакта с гражданами, должностными лицами и трудовыми коллективами при выступлениях на предприятиях, в учреждениях, организациях, учебных заведениях, по месту работы, учебы и жительства населения [6].

Наряду с обозначенными направлениями информационно-коммуникационного взаимодействия, по которым происходит формирование

позитивного общественного мнения о работе милиции, в качестве дополнительного резерва следует выделить функционирование общественного совета при МВД Республики Беларусь, обладающего огромным конструктивным потенциалом в диалоге между населением и системой ОВД.

Наше общество, где достаточное количество граждан неоднократно привлекались к различным видам ответственности, в ряде случаев не может положительно относиться к милиции. Кроме того, столкнувшись с ситуацией, когда сотрудники ОВД осуществляют мероприятия по противодействию с преступностью, задерживают правонарушителей в присутствии родственников и т. д., граждане невольно становятся заложниками данной ситуации. А если учесть низкий уровень правового воспитания и правосознания граждан, которые легко поддаются влиянию средств массовой информации, негативно освещающих деятельность милиции, то можно с уверенностью сказать, что общество само не в полной мере готово воспринимать с доверием и одобрением ОВД.

Сформировать или заложить позитивное отношение к сотрудникам ОВД у граждан, которые настроены к ним прямо противоположно, – это задача, на разрешение которой должны быть направлены достаточно большие силы и средства. Один из субъектов, призванный ее разрешить, – общественный совет, созданный при МВД.

Влияние общественных советов при ОВД на формирование положительного мнения об их деятельности связано прежде всего с тем, что в их состав включаются наиболее авторитетные общественники, являющиеся лидерами мнения. Традиционно в советы входят представители образовательных организаций, медицины, средств массовой информации, культуры и спорта, к мнению которых прислушиваются широкие слои населения. Это авторитетные люди, имеющие большие заслуги перед нашим государством, которые могут оценивать состояние дел в милицеском ведомстве со стороны, причем не с точки зрения обывателя, а по мнению граждан, имеющих немалый жизненный опыт и уникальные профессиональные знания. Это очень важно для системы МВД, переживающей период серьезного реформирования. Транслируя свой положительный опыт взаимодействия с ОВД на разнообразные аудитории, информируя граждан о их деятельности, они, несомненно, позитивно влияют на изменение мнений и оценок общественности. Данная форма взаимодействия милиции и общественности не нова. Она уже успешно применялась в 1970-е гг. в СССР.

Общественный совет при МВД Республики Беларусь (далее – общественный совет) является консультационным органом и образуется

в целях обеспечения согласования общественно значимых интересов граждан Республики Беларусь, государственных органов, а также общественных организаций, в том числе правозащитных, религиозных организаций, профессиональных союзов, решения наиболее важных вопросов деятельности ОВД [7].

Члены общественного совета независимо и объективно должны воспринимать деятельность ОВД, обозначать проблемные места, корректировать и направлять советами деятельность ОВД.

Основными задачами, которые возложены на общественный совет, являются: привлечение граждан, общественных объединений и организаций к реализации государственной политики в сфере охраны общественного порядка, профилактики правонарушений, обеспечения общественной безопасности; участие в разработке и рассмотрении концепций, программ, инициатив граждан, общественных объединений и организаций по наиболее актуальным вопросам деятельности ОВД; участие в информировании граждан о деятельности ОВД, в том числе через средства массовой информации, и в публичном обсуждении вопросов, касающихся деятельности ОВД; анализ мнения граждан о деятельности ОВД и доведение полученной в результате анализа обобщенной информации до руководителей соответствующих ОВД; проведение общественной экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов Республики Беларусь по вопросам деятельности ОВД; укрепление положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск МВД и популяризация деятельности ОВД и внутренних войск МВД среди населения (п. 3 Положения).

Реализуя возложенные на него задачи, общественный совет имеет право запрашивать и получать в установленном порядке информацию о деятельности ОВД, если это не противоречит требованиям законодательства; заслушивать информацию должностных лиц МВД и территориальных ОВД об их деятельности по противодействию преступности, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности; вносить министру внутренних дел предложения по совершенствованию деятельности ОВД; создавать по вопросам, отнесенным к компетенции общественного совета, комиссии и рабочие группы, в состав которых могут входить сотрудники ОВД, а также представители общественных объединений и организаций, деятели культуры, спорта и искусства; оказывать содействие сотрудникам ОВД в защите их прав и законных интересов.

Заседания общественного совета проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал. Срок полномочий членов обще-

ственного совета истекает через два года со дня первого заседания общественного совета.

Одной из эффективных форм взаимодействия ОВД с общественными советами, используемых в целях формирования положительного мнения о деятельности ОВД, являются социальные акции, которые организуются ОВД при непосредственном участии либо по инициативе членов общественных советов. Благодаря проведению такого рода мероприятий и последующему их освещению в средствах массовой информации появляется возможность привлечь внимание общественности к актуальным социальным проблемам (в том числе и в правоохранительной сфере), повысить правовую культуру граждан, мотивировать их на оказание содействия правоохранительным органам, осуществлять общую профилактику преступлений и правонарушений. Кроме того, они способствуют повышению открытости ОВД для населения, а также формированию благоприятного мнения об их деятельности.

В качестве примера можно привести участие членов общественного совета в награждении номинантов республиканской акции «Честь и доблесть», которая ежегодно проводится накануне Дня белорусской милиции в целях повышения авторитета сотрудников ОВД и военнослужащих внутренних войск МВД Республики Беларусь, престижа службы в ОВД, пропаганды мужества и героизма сотрудников, проявленных при выполнении служебных и боевых задач [8].

Высокая эффективность социальных акций как инструмента формирования позитивного отношения общественности к ОВД определяется тем, что они позволяют влиять на общественное мнение об их деятельности одновременно по трем основным каналам.

Во-первых, общественное мнение при их проведении формируется на основе опыта реального взаимодействия граждан и сотрудников органов внутренних дел. Его общий позитивный контекст оказывает сильное социально-психологическое и эмоциональное воздействие на участвующих в нем лиц, а наиболее важным его итогом является разрушение негативных стереотипов, искажающих восприятие гражданами сотрудников ОВД и влияющих на мнение об их деятельности.

Во-вторых, позитивный опыт в дальнейшем транслируется участниками взаимодействия в процессе межличностного общения на свое социальное окружение. Гражданин, рассказывая своим близким и знакомым о таком опыте, влияет на изменение сложившихся у них оценок относительно деятельности сотрудников ОВД, а также установок,

влияющих на взаимодействие с ними. Причем степень эффективности такого воздействия достаточно велика, поскольку люди склонны верить своим близким и знакомым, воспринимая информацию, полученную от них, менее критично, чем полученную через средства массовой информации.

В-третьих, информация о проведении социальных акций распространяется по каналам средств массовой информации, что оказывает опосредованное коммуникативное воздействие на общественное мнение. При этом эффект от такого рода сообщений усиливается тем, что автор информационного материала сам, как правило, является участником акции, а часто и членом общественного совета, принимающим участие в ее организации [9, с. 9].

С точки зрения укрепления взаимоотношений ОВД и институтов гражданского общества в формировании положительного общественного мнения о деятельности ОВД представляется полезным рассмотреть практический опыт закрепления и функционирования общественных советов при ОВД Российской Федерации. Катализатором развития таких взаимоотношений стало закрепление в Федеральном законе Российской Федерации «О полиции» такого принципа, как «общественное доверие и поддержка граждан», который, по сути, заложил новую парадигму отношений полицейского органа и общества (ст. 9) [10].

Одним из способов выражения данного принципа является закрепление в качестве одного из критериев работы полиции общественного мнения.

Другим проявлением принципа «общественное доверие и поддержка граждан» является создание при ОВД общественных советов. В задачи данных формирований входит решение наиболее важных вопросов деятельности полиции путем согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей.

Анализ положений ч. 7 ст. 9 Федерального закона Российской Федерации «О полиции» показывает, что перечень закрепленных данной нормой задач, возложенных на общественный совет, идентичен задачам, прописанным в Положении об общественном совете при МВД Республики Беларусь, за исключением функции осуществления общественного контроля за деятельностью полиции.

Положение об общественном совете при МВД Российской Федерации конкретизирует данный перечень, а также дополняет его следующими полномочиями: привлечение граждан, общественных объединений и организаций к профилактике правонарушений, обеспечению общественной безопасности; участию в информировании граждан о деятельности ОВД и в публичном обсуждении вопросов, касающихся деятельности ОВД; анализ мнения граждан о деятельности ОВД и доведение полученной в результате анализа обобщенной информации до руководителей соответствующих органов внутренних дел; проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам деятельности ОВД [11].

Вместе с тем роль общественных советов не должна сводиться только лишь к работе в одном направлении – по доведению пожеланий и интересов общества до сотрудников полиции. Представители общественного органа непосредственно сталкиваются с работой должностных лиц в полиции, они видят реальную, сложнейшую деятельность профессионалов, и на них должна быть возложена задача по объективному информированию общества о фактах и процессе осуществления своих функций полицейскими. Поскольку членами общественных советов являются не только известные личности, но и представители ведущих средств массовой информации, постольку их объективное мнение и оценка должны найти реальное закрепление в сознании общества [12].

Таким образом, рассмотрев функциональное назначение и организационно-правовое построение общественного совета при МВД Республики Беларусь, можно заключить, что он играет важную координационную роль, являясь связующим звеном между обществом и системой МВД Республики Беларусь, реализуя ряд важных социально-правовых функций, одновременно выступая источником объективной и достоверной информации о деятельности милиции (ОВД в целом).

В качестве дальнейших мер по реализации конструктивного потенциала общественного совета по формированию позитивного общественного мнения о деятельности милиции на фоне отказа МВД от ведомственного проведения изучения общественного мнения собственными силами представляется обоснованным наделить членов общественного совета следующими функциями: оценки результатов общественного мнения (по мере их проведения); осуществления общественного контроля за деятельностью милиции, с последующим их закреплением в Положении об общественном совете при МВД Республики Беларусь.

1. Леонов, А.П. Научно-методологические основы управления органами внутренних дел : учеб. пособие : в 2 ч. / А.П. Леонов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – Ч. 1. – 331 с.

2. Общественное мнение о работе милиции: мониторинг в системе МВД Республики Беларусь : метод. реком. / А.М. Малиновский [и др.] ; под общ. ред. В.В. Наумова. – Минск, 2007. – 82 с.

3. Положение об управлении информации и общественных связей МВД Республики Беларусь : утв. приказом М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 10 мая 2011 г., № 161 : в ред. приказа М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 13.02.2015 г. № 38.

4. О дополнительных мерах по формированию положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь : распоряжение М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 19 мая 2016 г., № 32.

5. Об организации взаимодействия органов внутренних дел и внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь со средствами массовой информации : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 31 июля 2014 г., № 266.

6. Об организации воспитательно-профилактической работы с гражданами, проводимой личным составом органов внутренних дел Республики Беларусь : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 28 апр. 2017 г., № 104.

7. Положение об общественном совете при МВД Республики Беларусь : утв. постановлением МВД Респ. Беларусь, 26 марта 2013 г., № 115.

8. О республиканской акции Министерства внутренних дел Республики Беларусь «Честь и доблесть» [Электронный ресурс] : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 22 сент. 2008 г., № 265 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. Колесник, К.С. Роль общественных советов при органах внутренних дел в формировании положительного мнения об их деятельности / К.С. Колесник // Наука. Теория. Практика. – 2014. – № 2 (2). – С. 8–11.

10. О полиции : Федер. закон Рос. Федерации, 7 февр. 2011 г., № 3-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

11. Об общественном совете при МВД России : Федер. закон Рос. Федерации, 7 февр. 2011 г., № 3-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

12. Об утверждении Положения об общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 28 июля 2011 г., № 1027 // СЗ РФ. – 2011. – № 31. – Ст. 4712.

13. Орлов, К.А. К вопросу о роли общественных советов при органах внутренних дел / К.А. Орлов, Т.Ю. Фалькина // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2014. – № 1. – С. 10–12.

УДК 343.2/7

А.А. Богданова, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Ковальчук*

ОСОБЕННОСТИ АУТЕНТИЧНОГО И КАЗУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, СОДЕРЖАЩИХ ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ

Рассматриваются виды толкования различных оценочных категорий. Анализируются способы аутентичного толкования оценочных признаков, а также исследуются проблемы, связанные с необходимостью соблюдения правоприменителем определенных принципов при казуальном толковании отдельных оценочных категорий, содержащихся в уголовном законе.

Проблема законодательного закрепления и использования оценочных признаков в наши дни является весьма дискуссионной в науке уголовного права. Регулируемые правом общественные отношения настолько сложны и многообразны, что законодатель вынужден использовать оценочные понятия, чтобы охватить юридической регламентацией все возможные явления и процессы. С этой точки зрения употребление понятий подобного рода является неизбежным. При этом к использованию оценочных понятий необходимо подходить с позиции их оправданности и незаменимости. Вместе с этим оперирование оценочными понятиями представляет определенную сложность для правоприменительной практики. Основная проблема заключается в понимании этих признаков, уяснение их содержания, так как от этого в значительной мере зависит правильная квалификация преступлений и, как следствие, справедливость назначенного наказания, решение иных уголовно-правовых вопросов.

Будучи неопределенными в уголовном законе, содержание оценочных признаков устанавливается непосредственно в процессе толкования их правоприменителем.

В зависимости от того, какой орган, какое лицо дают разъяснения, выделяют легальное, аутентичное, судебное, доктринальное. Легальное толкование дается органом, который в соответствии с законом наделен правом толкования закона. Видом легального толкования является аутентичное толкование, которое дается органом, принявшим закон.

В качестве возможных приемов аутентического толкования оценочных признаков могут выступать, на наш взгляд, создание нормативных дефиниций последних и прямое закрепление критериев конкретизации (стандартов) оценочных признаков. В научной литературе не существует единого мнения относительно наибольшей предпочтительности того или иного способа законодательной интерпретации оценочных признаков. Я.М. Брайнин пишет о законодательном закреплении критериев определения содержания некоторых оценочных понятий [1, с. 65–66]. Н.А. Лопашенко указывает на максимально конкретное определение или перечисление в законе наиболее спорных вариантов оценочных категорий, признавая возможным их сочетание. Следует согласиться с мнением М.И. Бару и Н.И. Пановым, которые настаивают на необходимости установления в законе примерного перечня явлений, подпадающих под то или иное оценочное понятие [2, с. 103; 3, с. 105]. В качестве примера можно проанализировать такой признак преступлений, как тяжкие последствия. Законодатель, употребив данный оценочный признак и стремясь раскрыть его содержание, почти всегда указывает на некоторые возможные варианты его проявления в действительности, т. е. фактически перечисляет подпадающие под него явления. Другое дело, что такие перечни не отличаются широтой, а иногда и завершаются фразой «иные тяжкие последствия» с предварительным приведением лишь одного могущего произойти случая. Так, в качестве единственного варианта наступления тяжких последствий в законе указывается неосторожное причинение смерти человека (ст. 130, 218, 291, 463, 465 УК и др.). В иных случаях наряду с причинением смерти указаны и тяжкие телесные повреждения (ст. 181, 181¹, 182, 301, 325 УК и др.). Считаю необходимым в данной ситуации согласиться с мнением М.Б. Костровой о необходимости дальнейшей максимальной конкретизации «иных тяжких последствий» [4, с. 43]. Закрепить же результаты такой конкретизации необходимо прежде всего путем более подробного (и подробного – там, где перечня нет совсем, например ст. 351, 354, 373, 374, 375, 392, 393, 395, 397, 408, 425, 426 УК и др.) перечисления явлений, подпадающих под понятие «тяжкие последствия». Кроме того, как справедливо отметил В.В. Питецкий, «тяжкие последствия» можно было бы, да и следовало бы, конкретизировать посредством выделения (по возможности) из их структуры и абсолютной формализации материального вреда [5, с. 13].

Для интерпретации оценочных признаков возможно также создание нормативных дефиниций. Однако увлекаться уточнением оценочного понятия все же не стоит: сформулировать лаконичное, емкое определение оценочного понятия из-за нефиксированности и многогранности его содержания чрезвычайно трудно, а закрепление больших по размеру

определений лишь приведет к загромождению уголовного законодательства. Прибегать к такому способу интерпретации оценочных признаков лучше всего, с нашей точки зрения, в рекомендательных актах толкования (например, в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь). Кроме того, при разработке дефиниции оценочного понятия законодатель вынужден прибегать к употреблению других ничем не определяемых оценочных признаков, что не способствует, на наш взгляд, решению проблемы.

Что касается такого способа законодательного толкования, как прямое закрепление критериев конкретизации, то его использование нецелесообразно, на наш взгляд, при интерпретации качественных признаков и, наоборот, эффективно для отражения содержания количественных оценочных. Как это было сделано с определением крупного и особо крупного размера и т. п.

Таким образом, сущность данного способа аутентического толкования оценочных понятий заключается в раскрытии объективных свойств явлений, обозначаемых этими понятиями.

Определенное воздействие на выбор способа нормативного толкования оценочного признака оказывает, на наш взгляд, объем и характер уголовно-правовых последствий их применения. Так, если речь идет об оценочном признаке основного состава преступления, то он должен быть максимально определен либо путем формулирования как можно более полной дефиниции (в отношении качественных оценочных признаков), либо путем прямого закрепления критериев конкретизации (в отношении признаков количественного типа). Если же оценочный признак является конструктивным элементом квалифицированного (привилегированного) состава преступления или же нормы, обеспечивающей индивидуализацию наказания, то можно ограничиться приведением примерного перечня подпадающих под него явлений.

Однако при рассмотрении данного аспекта проблемы законодательного использования оценочных признаков не должен, на наш взгляд, остаться без внимания вопрос относительно места закрепления результатов их конкретизации в системе уголовно-правовых норм. Среди ученых нет единого мнения по данному вопросу. К примеру, Г.Л. Кригер отмечает необходимость создания специального раздела с перечнем оценочных понятий, в котором будет раскрываться их содержание. М.Б. Кострова говорит и о введении в Общую часть УК статьи «Основные понятия, содержащиеся в настоящем Кодексе», и об увеличении количества примечаний к статьям Особой части, закрепляющих определения используемых в них понятий [6, с. 95]. Н.Ф. Кузнецова и

Б.А. Миренский высказываются за составление терминологического словаря Уголовного кодекса [7; 8].

По мнению ряда белорусских ученых, аутентичное толкование лишь отдельных терминов, содержащееся в ст. 4 УК, не удовлетворяет потребности следственно-судебной практики о единообразном применении уголовно-правовых норм, поэтому они предлагают включить в УК главу, посвященную терминам УК. По мнению В.В. Марчука, структура главы должна соответствовать уже устоявшемуся в УК подходу о поста-тейном изложении нормативного материала. Все термины УК должны быть сгруппированы в отдельных статьях. В качестве критериев классификации целесообразно использовать признаки, характеризующие основания и условия уголовной ответственности. Термины, закрепленные в отдельной главе УК, должны иметь значение терминологического стандарта, который должен неукоснительно соблюдаться при конструировании новых норм УК лицами, причастными к законотворческому процессу [9].

Придерживаясь этой точки зрения, считаем возможным включение в УК главы, которая и разъясняла бы содержание оценочных признаков, имеющих одинаковое значение для всех закрепляющих их уголовно-правовых предписаний.

Еще одним видом толкования является казуальное толкование, которое дается теми органами и должностными лицами, которые применяют нормы уголовного законодательства к конкретным случаям жизни. Именно от того, насколько верно будет осуществлено данное толкование, зависит законность, обоснованность и справедливость окончательного уголовно-правового решения. Что касается казуальной интерпретации норм, содержащих оценочные признаки, то она сопряжена с известными трудностями, не просто увеличивающими возможность их неправильного применения, но и создающими угрозу злоупотреблений и произвола со стороны реализующих их лиц. Будучи одним из основных факторов, влияющих на судьбы людей, процесс казуального толкования должен быть подвержен руководящему комплексному воздействию определенных исходных идей, отклонение от следования которым сродни прямому нарушению закона.

Речь идет о самостоятельной подгруппе принципов толкования уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки, – принципах их казуальной интерпретации, система которых складывается из четырех основополагающих требований.

Первое из них можно охарактеризовать как принцип недопустимости нарушений закона, связанных с процессами криминализации и декриминализации деяний.

Закрепление в уголовном законодательстве оценочных признаков изначально сопряжено с угрозой определения линии уголовной политики лицами, применяющими соответствующие «оценочные» правовые предписания. И даже безусловное соблюдение такого принципа формирования указанной разновидности уголовно-правовых норм, как принцип недопустимости интерпретационного влияния оценочных признаков на результат проведенной с их использованием криминализации, не способно, на наш взгляд, полностью исключить существование этой угрозы. Истолкование, по сути, любого оценочного понятия можно (при «желании» или «высоком» профессионализме) произвести более узко, или более широко, чем этого требует дух закона, в результате чего, соответственно, сужается или расширяется круг общественно опасных деяний, признаваемых преступными и влекущими уголовную ответственность.

Вторым основополагающим началом процесса казуального толкования уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки, является принцип всесторонности и полноты осуществляемой конкретизации. Он, в свою очередь, слагается из нескольких требований, состоящих в обязательном учете факторов, ограничивающих свободу правоприменителя в выборе критериев оценки.

Так, при толковании оценочных норм уголовного законодательства необходимо осуществлять обязательный максимальный учет фактических обстоятельств конкретного уголовного дела. Именно условия конкретной уголовно-правовой ситуации позволяют определить область поиска критериев оценок, от верного установления которых зависит и эффективность применения норм, содержащих соответствующие оценочные признаки. Привязав оценочный признак к конкретной социальной ситуации и определив область поиска стандартов, следующим, и, пожалуй, самым основным звеном в цепи его казуальной конкретизации становится обязательный учет положений выявленной области знания, тщательный анализ практики толкования оценочного понятия другими науками. «Чтобы обосновать применение нормы к общественно опасному действию, конкретизировать оценочные элементы нормы, – пишет М.И. Ковалев, – требуется использование определений и понятий, почерпнутых из других областей знания: филологии, философии, социологии, физики, химии и т. п.» [10, с. 70].

Третий принцип в системе принципов казуального толкования уголовно-правовых предписаний, содержащих оценочные признаки, – это принцип обязательной мотивированности решения, связанного с применением оценочной нормы.

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» гласит: «Признавая лицо

виновным в преступлении, в составе которого имеются оценочные признаки (тяжесть последствий, размер ущерба, существенный вред и другие), суд обязан привести доказательства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака» (п. 13) [11, с. 473]. К сожалению, на практике это требование не всегда выполняется. Таким образом, обязательным условием правильности казуальной интерпретации «оценочного» правового предписания должна быть мотивировка решения, связанного с применением оценочного признака и основанного на учете конкретных обстоятельств уголовного дела.

И наконец, четвертым принципом рассматриваемой подгруппы является принцип максимально ответственной реализации профессионального правосознания интерпретатора. «Эффективной с точки зрения правосознания, – пишет А.В. Грошев, – будет та уголовно-правовая норма, которая... точно формулирует пределы действия нормы, содержит ясное и понятное описание основных (конструктивных) признаков запрещаемого или предписываемого поведения» [12, с. 28–29].

Таким образом, любое судебное решение, а в особенности, связанное с такой уголовно-правовой категорией, как оценочные признаки, должно быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым. При таком подходе к толкованию и уяснению уголовно-правовой нормы обеспечивается стабильность в понимании и применении уголовного закона. Однако ситуация, которая складывается на данный момент относительно оценочных признаков, не позволяет сделать вывод, что последние правильно толкуются и соответствующим образом применяются на практике. На основании этого следует вывод о необходимости конкретизации законодателем методов и способов интерпретации оценочных признаков, что в значительном объеме сократило бы неправильное толкование указанной уголовно-правовой категории.

1. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 240 с.

2. Фролов, Е.А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве / Е.А. Фролов // Проблемы уголовного права и криминологии. – Свердловск, 1973. – Вып. 28. – С. 67–74.

3. Бару, М.И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве / М.И. Бару // Совет. государство и право. – 1970. – № 7. – С. 105–106.

4. Кострова, М.Б. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона / М.Б. Кострова // Уголов. право. – 2001. – № 4. – С. 42–43.

5. Питецкий, В.В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства / В.В. Питецкий // Совет. юстиция. – 1991. – № 2. – С. 12–13.

6. Кострова, М.Б. Лингвистические аспекты уголовного законодательства России / М.Б. Кострова // Рос. юрид. журн. – 2000. – № 4. – С. 90–97.

7. Миренский, Б.А. Методологические основы и методы совершенствования законодательства / Б.А. Миренский ; отв. ред.: А.С. Пиголкин. – Нукус : Каракалпакстан, 1990. – 192 с.

8. Кузнецова, Н.Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса / Н.Ф. Кузнецова // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 78–86.

9. Марчук, В.В. Терминология уголовного закона и квалификация преступлений [Электронный ресурс] / В.В. Марчук // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/19832> (дата обращения: 20.09.2018).

10. Ковалев, М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе / М.И. Ковалев // Совет. государство и право. – 1973. – № 11. – С. 71–73.

11. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. В.О. Сукало, И.Н. Минец. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 560 с.

12. Грошев, А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Грошев. – Екатеринбург, 1997. – 32 с.

УДК 343.412.2

А.И. Бубко, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ, НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются проблемы торговли людьми и незаконной миграции на территории Республики Беларусь, получение человека в целях эксплуатации, совершенное путем обмана, а также проблемы классификации данных деяний.

Сегодня торговля людьми – актуальная проблема не только для Республики Беларусь, но и для всего мирового сообщества. Это хорошо отлаженный транснациональный преступный вид деятельности, приносящий трафикерам колоссальные доходы. В первом десятилетии текущего века мировым сообществом и Республикой Беларусь принят ряд мер законодательного и правоприменительного характера, в результате чего были преодолены многие негативные тенденции в рассматриваемой

мом виде преступности. Несмотря на это, в настоящее время проблему торговли людьми необходимо решать. Ежегодно тысячи белорусов становятся жертвами торговли людьми, подвергаются трудовой и сексуальной эксплуатации.

Одной из обсуждаемых проблем в современном обществе является также незаконная миграция населения, которая, в свою очередь, тесно взаимосвязана с торговлей людьми. Основная цель миграции населения – поиск достойного заработка и более привлекательных условий труда. Незаконная миграция для Республики Беларусь – противоправная деятельность, связанная с въездом, транзитным проездом, пребыванием на территории государства и выездом с территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением миграционного законодательства Республики Беларусь, а также пребывающих с целью совершения общеуголовных, экономических преступлений.

Важнейший вопрос в разграничении данных составов – квалификация и разграничение преступлений. От правильного применения уголовно-правовых норм в следственной и судебной практике во многом зависит укрепление законности, повышение деятельности правоохранительных органов, обоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности и дальнейшее назначение им справедливого наказания.

Так, необходимо уделить внимание разграничению между ст. 181 и ст. 187 УК Республики Беларусь; различиям между незаконной миграцией и торговлей людьми; обману как способу вовлечения жертв.

Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан, если в результате таких действий лица, трудоустроенные за границей, подвергались трудовой, сексуальной или иной эксплуатации помимо своей воли и при этом отсутствуют признаки преступления, предусмотренные ст. 181 УК, в уголовном праве являются преступлением, предусмотренным ст. 187 УК. Критерием разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 181 и 187 УК, являются признаки субъективной стороны преступления. Трудовая эксплуатация, в особенности за границей, нередко связана с нарушением законодательства о трудоустройстве. Вместе с тем уголовная ответственность за незаконное трудоустройство граждан за рубежом в Республике Беларусь наступает только в случае, когда присутствует эксплуатация людей; при отсутствии же таковой указанные действия наказываются в административном порядке. Если в 2011–2013 гг. наблюдался рост числа административных правонарушений, связанных с незаконным трудоустройством граждан Беларуси за рубежом (в 2011 г. было выявлено 123 факта, 2012 г. – 144, 2013 г. – 115), то с 2014 г. в этой области наметилась некоторая тенденция к снижению (в 2014 г. выявлено 52 правонарушения, 2015 г. – 58, 2016 г. – 227) [1; 2, с. 198].

Психическое отношение виновного к совершению торговли людьми выражается в умышленной форме вины в виде прямого умысла, когда лицо совершает действия только с целью заведомо поставить потерпевшего в условия, при которых он не может отказаться от выполнения работы или оказания услуг. Умысел виновного при незаконном трудоустройстве гражданина за границей характеризуется умышленной формой вины в виде косвенного умысла, когда лицо сознает незаконность своих действий, направленных на трудоустройство граждан за границей, предвидит, что в результате таких действий лицо может быть подвергнуто сексуальной или иной эксплуатации, не желает, но сознательно допускает наступление таких последствий либо относится к ним безразлично. При установлении прямого умысла по отношению к наступившим последствиям речь следует вести о торговле людьми (ст. 181 УК).

Достаточно аргументированная позиция в части определения формы вины преступления, предусмотренного ст. 187 УК Республики Беларусь, высказана А.В. Барковым, который полагает, что путем толкования диспозиции и санкции ч. 3 данной статьи можно сделать вывод о том, что преступление совершается с косвенным умыслом. В качестве квалифицирующего признака преступления указывается его совершение организованной группой. Соучастие в неосторожных преступлениях невозможно. Включение законодателем в санкцию такого наказания, как конфискация имущества, свидетельствует о том, что это тяжкое преступление, а следовательно, умышленное. Об умышленной форме вины говорит и максимальный размер наказания в виде лишения свободы на срок до восьми лет [3, с. 382].

Развитие международных экономических отношений и миграции населения привели к тому, что граждане Республики Беларусь стали трудоустраиваться за рубежом с использованием услуг посредников, которые в свою очередь допускают нарушение действующих правил. С целью решения данной проблемы введено требование осуществления трудоустройства граждан за границей только при наличии разрешения (лицензии). Органы, осуществляющие контроль за данной деятельностью, должны проверять юридических лиц на соответствие выполняемой ими работы, например, если претенденты вводятся в заблуждение относительно характера и содержания предстоящей работы – жертвы, выезжавшие работать горничными, крупье казино либо официантками, получают работу проститутки. Жертвы также могут принуждаться к выполнению работ не в той сфере, куда были предварительно завербованы, – вместо покраски фасадов грузить тяжелые железобетонные плиты.

Следует согласиться с мнением о том, что существенными нарушениями законодательства, позволяющими квалифицировать деяния по ст. 187 УК, являются те из них, которые значительно ослабляют конт-

роль за добросовестностью принимающей стороны и могут привести к сексуальной или иной эксплуатации граждан. К таким нарушениям, в частности, можно отнести: отсутствие лицензии, нарушение запрета заключать договоры о трудоустройстве граждан за границей с организациями и гражданами, в том числе иностранными, не являющимися непосредственными нанимателями; невыполнение обязательства об оказании помощи в заключении трудового договора (контракта) с иностранным нанимателем и т. п. В то же время отдельные нарушения законодательных предписаний не могут являться основанием для применения данной статьи. Исключается ответственность по данной статье в том случае, когда трудоустроенные за границей граждане разрывают отношения с контрагентами белорусской стороны и самостоятельно устраиваются на другую работу или в другую организацию, где и оказываются подвергнутыми сексуальной или иной эксплуатации [4, с. 401].

Одним из условий уголовной ответственности за незаконные действия по трудоустройству граждан за границей является отсутствие свободы волеизъявления (добровольности) граждан заниматься теми видами деятельности, которые являются сексуальной или иной эксплуатацией. Отсутствие свободы волеизъявления выражается в принудительном использовании человека для выполнения работ или оказания услуг под угрозой причинения ему каких-либо неблагоприятных последствий.

Миграция населения – столь же древнее явление, как и торговля людьми. Одной из фундаментальных причин существования незаконной миграции является неравенство экономического развития государств. Страны с высоким уровнем жизни населения привлекательны для мигрантов из менее развитых государств, в которых часто за подобную работу платят значительно меньше. Появление такой незаконной миграции связано с действием выталкивающих факторов в странах происхождения мигрантов (бедность, безработица, кризисы и т. д.) и притягивающих в странах назначения (более высокий уровень оплаты труда, возможности трудоустройства, безопасность и т. д.). Кроме того, существующие рамки и механизмы законной миграции не позволяют решить проблемы дефицита трудовых ресурсов в странах с развитой и растущей экономикой. Во многих странах, куда стремятся попасть мигранты, рынки труда способны поглотить большое число незаконных трудовых мигрантов из-за нехватки рабочих отдельных профессий и специальностей, а также из-за нежелания местного населения выполнять предлагаемую работу. Такая ситуация характерна почти для всех отраслей производства, но чаще всего для предприятий добывающей промышленности, строительства, сельского хозяйства. Таким образом, наличие возможностей трудоустройства и готовность работодателей на-

нимать незаконных мигрантов – важнейшие факторы, способствующие росту такой миграции [2, с. 202–203; 5, с. 97].

Важным признаком, отличающим торговлю людьми, предусмотренную ст. 181 УК Республики Беларусь, от организации незаконной миграции, является наличие цели эксплуатации (трудовой, сексуальной или иной), а также зависимости жертвы от торговца людьми. При организации незаконной миграции цель эксплуатации отсутствует, а отношения между мигрантом и преступником прекращаются после пересечения границы либо получения последним денег. Далее свобода мигранта не ограничивается, он больше не находится в зависимости от организаторов незаконной миграции. Нелегальные мигранты чаще всего не подвергаются физическому или сексуальному насилию, применяемому в отношении жертв торговли людьми. Причиной существования перечисленных особенностей является то обстоятельство, что в случаях незаконного ввоза мигрантов преступники получают доход за счет оплаты за незаконный ввоз, вносимой мигрантом, и после ее получения утрачивают к нему интерес. В случае торговли людьми основным источником дохода преступников и движущим экономическим стимулом является получение дохода, извлекаемого за счет эксплуатации жертв в форме проституции, принудительного труда или иным путем, что возможно лишь при условии дальнейшего нахождения жертвы торговли людьми в распоряжении злоумышленника [6, с. 171].

Незаконная торговля людьми и организация незаконной миграции – это разные преступления, которые требуют разного законодательного подхода как с точки зрения прав лиц, ставших объектом того или иного из этих преступлений, так и в плане наказания тех, кто их совершает. Проблема незаконной миграции в Республике Беларусь обусловлена прежде всего географическим положением – через территорию страны пролегают маршруты в Западную Европу. Иностранцы прибывают в Республику Беларусь в качестве туристов, транзитного проезда по служебным делам, а также с прямыми нарушениями правил въезда и выезда. Если рассматривать проблему с позиции прав человека, то из-за путаницы в понятиях незаконной торговли людьми и незаконного ввоза государства, суды и те, кто занимается этими лицами, часто не рассматривают некоторых мигрантов в качестве жертв торговли людьми. Важно правильно распознавать жертв торговли людьми во избежание дополнительного нарушения их прав и для обеспечения им доступа к помощи, мерам и процедурам защиты, включая оказание медицинской помощи для охраны физического и психологического здоровья, меры по защите свидетелей и средства судебной защиты. В этой связи высокую актуальность представляет создание системы, позволяющей реально обеспечивать такое распознавание.

Хотя торговля и незаконный ввоз могут сопровождаться нарушениями прав человека, реакция многих государств на проблемы торговли людьми, незаконного их ввоза определяется далеко не в первую очередь принципами защиты прав человека. Часто акцент в законодательстве и других инструментах, предназначенных для борьбы с торговлей людьми и незаконным ввозом, делается на привлечении к ответственности торговцев или контрабандистов, тогда как внимания адекватному учету потребностей жертв торговли людьми и незаконного ввоза в помощи и защите не уделяется. Как правило, государства занимаются проблемами торговли людьми и незаконного ввоза исключительно по линии органов иммиграции, уголовной юстиции и охраны общественного порядка. В этой связи в отношении жертв торговли людьми в белорусском законодательстве оправданно предусмотрены меры защиты и реабилитации. В продолжение высказанной Д.Л. Харевичем идеи о формулировании термина «жертва незаконной миграции» [6, с. 174] представляется логичным законодательная регламентация аналогичных мер защиты и реабилитации в отношении жертв незаконной миграции, подвергшихся физическому или психологическому насилию. Ведь незаконные мигранты могут быть подвергнуты изнасилованию, избиению, лишены пищи и питья. Такие преступления нередко остаются незамеченными. Без применения правозащитного подхода государства не смогут предупреждать такого рода нарушения и принимать меры по их пресечению, на что обращают внимание многие международные правозащитные организации [7, с. 1].

В соответствии с ч. 1 ст. 181 УК Республики Беларусь одним из способов получения человека в целях эксплуатации является обман. Непосредственное вовлечение жертв торговли людьми в зависимости от средств и способов воздействия на них делится на следующие виды: вовлечение путем открытого предложения (без обмана или с применением частичного обмана); вербовка путем обмана; похищение [8, с. 7]. Похищение как способ вовлечения жертвы, преступниками используется весьма редко, так как имеет ряд трудностей, поскольку возникает необходимость нейтрализации сопротивления жертвы. Преступники могут пробовать привлечь жертву, не прибегая к похищению, а использовать методы психологического воздействия (оказывать давление на жертву, угроза применения физической силы, насилие). При похищении так же, как и при вербовке может применяться обман. Если при вербовке обман подразумевается в характере предстоящей работы (скрываются условия труда, значительно преувеличивается сумма оплаты труда) и жертва сама себе оплачивает билеты в страну назначения, то при похищении потерпевший полностью вводится в заблуждение относительно целей поездки и, кроме того, подвергается принуждению на этапе перемещения.

Вербовочные действия, совершаемые путем обмана, определенно представляют общественную опасность, поскольку фактически означают завладение человеком и ограничение его свободы. Именно завербованные лица, как правило, впоследствии становятся жертвами торговли людьми либо незаконной эксплуатации. Что касается совершения вербовки без принуждения, использования обмана, то в данном случае при наличии действительно добровольного согласия лица о выполнении работ, оказании услуг, и соблюдения оговоренных условий вербовщиком, отсутствует объект уголовно-правовой охраны, поскольку личная свобода не нарушается.

Таким образом, проблема торговли людьми в настоящее время настоящая и актуальная для всех государств мирового сообщества и требует объединения совместных усилий по противодействию этому социальному злу. Благодаря наработанной практике в последнее время наблюдается рост не торговли людьми, а выявленных преступлений, связанных с трафиком. Предпринятые в нашей стране меры позволили существенно снизить масштабы торговли людьми и незаконной миграции в Республике Беларусь, и это заслуга совместной работы государственных органов, международных и неправительственных организаций, которые не конкурируют, а сотрудничают. Вместе с тем, несмотря на успехи правоохранительных органов в сфере противодействия торговле людьми и связанным с ней преступлениям, очевидно, что одних таких усилий недостаточно. Для эффективного противодействия «современному рабству» необходимо вовлечение в борьбу с ним всех заинтересованных субъектов и граждан. Одним из направлений такого взаимодействия может являться предлагаемая нами система распознавания жертв торговли людьми, а также законодательная регламентация и практическая реализация мер защиты и реабилитации в отношении подвергшихся физическому или психологическому насилию жертв незаконной миграции по аналогии с предусмотренными в отношении к жертвам торговли людьми.

1. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию торговле людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=76673>. – Дата доступа: 01.11.2017.

2. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-ва внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.

3. Ахраменка Н.Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка ; [под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1004 с.

4. Бабий, Н.А. Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей / Н.А. Бабий // Белорус. юрид. энцикл. / Минск : ГИУСТ БГУ. – М., 2009. – С. 401–402.

5. Бобылев, А.С. Миграция в Республике Беларусь и ее причины / А.С. Бобылев // Сб. науч. тр. по материалам Респ. межвуз. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Гомель, 5–6 мая 2011 г. / редкол.: А.Э. Набатова (гл. ред.), И.М. Синицына, И.Н. Цыкунова ; М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель, 2011. – С. 96–100.

6. Харевиц, Д.Л. Некоторые криминологические аспекты ограничения торговли людьми от организации незаконной миграции // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – С. 171–174.

7. Межучрежденческая координационная группа по борьбе с незаконной торговлей людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://icat.network/sites/default/files/publications/documents/UNODC-IB-01-RUS-draft1.pdf>. – Дата доступа: 03.11.2017.

8. Шруб, М.П. Криминологическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации : науч. изд. / М.П. Шруб. – Минск : Друк-С, 2007. – 130 с.

УДК 343.412.2:343.985

А.М. Буд-Гусаим, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевиц*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается ситуация, связанная с проституцией в Республике Беларусь, а также организационно-правовые меры противодействия данному явлению. Выдвинуты предложения по совершенствованию правовой регламентации оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» при противодействии торговле людьми с целью внутренней сексуальной эксплуатации.

Торговля людьми – хорошо отлаженный транснациональный преступный вид деятельности, приносящий трафикерам колоссальные доходы и занимающий в криминальном мире третье место по прибыль-

ности после торговли оружием и наркотиками. В настоящее время торговля людьми остается актуальной проблемой для Республики Беларусь и всего мирового сообщества. Сексуальная эксплуатация – самая распространенная форма торговли людьми в Республике Беларусь. Из 6 406 жертв торговли людьми, установленных в 2002–2016 гг., сексуальной эксплуатации подверглись 5 781 человек, трудовой – 622, изъятию органов – 3 [1, с. 195; 2].

По мере повышения уровня благосостояния населения все более острой проблемой в сфере торговли людьми в Республике Беларусь становится противодействие использованию занятия проституцией. В связи с этим наряду с противодействием международному трафику уделяется большое внимание искоренению всех форм внутренней сексуальной эксплуатации. Сотрудники правоохранительных органов при документировании преступной деятельности сталкиваются с разветвленной сетью организованных преступных групп, осуществляющих контроль над сферой сексуальных услуг, с четким распределением ролей и специализацией их деятельности. В состав организованных преступных групп входят водители такси, персонал, включая руководство, ночных клубов, гостиниц, саун, организаторы сети снимаемых внаем «на сутки» квартир, сутенеры, использующие занятие уличной проституцией (на трассах, автозаправочных станциях) и т. д. В каждой такой группе действует жесткая дисциплина, поддерживаемая системой карательных штрафных санкций, а также оказанием физического и психического насилия. Процветанию проституции и вовлечению в нее женщин способствуют не только экономические факторы, этот сверхдоходный промысел поддерживается организованной преступностью, где проститутки являются «низшим звеном». Деньги от этой деятельности легализуются и идут на содержание преступных группировок, являясь существенным источником финансирования организованной преступности [3, с. 172–174].

Использование занятия проституцией по-прежнему остается актуальным видом преступной деятельности прежде всего ввиду высокого спроса на услуги проституток, который порождает соответствующее предложение. Сегодня на оперативных учетах подразделений по противодействию торговле людьми состоит 2 059 лиц, занимающихся проституцией, из них 948 – в г. Минске (46 %, т. е. почти половина от всех проституток по республике) [2].

В последнее десятилетие в столице Республики Беларусь встречаются также случаи организации «элитной» проституции, т. е. оказания дорогостоящими проститутками эскорт-услуг «с продолжением» VIP-клиентам из числа очень состоятельных бизнесменов и влиятельных за-

рубежных гостей. Следует отметить и случаи, когда в сексуальную эксплуатацию перерастают факты совершения иных преступлений против личности [2; 4, с. 114].

Круг потребителей услуг проституток достаточно велик, так как включает в себя не только состоятельные слои общества. При относительно небольших гонорах некоторых проституток они доступны и широким слоям населения. Соответственно, цены на оказываемые проститутками услуги имеют весьма широкий диапазон. Так, уличные проститутки в среднем получают около 40–70 долларов США за один час (нижний предел 10 долларов США, верхний – 75–90). Работающие по вызову и с помощью объявлений в среднем оценивают свои услуги около 80–100 долларов США за час (общий диапазон от 40 до 300 долларов США). «Элитные» проститутки встречу на час оценивают в 150–300 долларов США (при поиске клиентов в ночных клубах, выезде на базу отдыха либо эскорте с интимом, что рассматривается как услуги на всю ночь – 400–1000 долларов США). В 2016 г. к административной ответственности за занятие проституцией привлечено 1 420 лиц. Анализ ситуации, связанной с занятием проституцией, свидетельствует о развитии «студенческой проституции». Только в г. Минске до 15 % проституток – студентки высших учебных заведений [2].

Необходимо отметить, что в Республике Беларусь принят ряд нормативных правовых актов, направленных на совершенствование деятельности, связанной с оказанием реабилитационной помощи жертвам торговли людьми. В 2013 г. Республика Беларусь присоединилась к Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми и на сегодня является единственной страной, не входящей в состав Совета Европы, присоединившейся к указанной конвенции. Выполняя взятые на себя обязательства, наше государство проделало значительную работу по совершенствованию национального законодательства и приведению его в соответствие с вышеуказанной конвенцией. В 2014 г. принят Закон Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми», определяющий основы национального механизма идентификации и перенаправления жертв торговли людьми. Созданный указанными нормативными правовыми актами механизм идентификации и перенаправления жертв торговли людьми предполагает участие в идентификации не только государственных органов, но и иных заинтересованных субъектов [1, с. 204].

Во исполнение Палермского протокола и Конвенции Совета Европы к международным стандартам приведено национальное определение понятия «торговля людьми» (вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации, совершенные путем обмана, либо злоупотребления доверием, либо применения наси-

лия, либо под угрозой применения насилия). Для того чтобы устранить конкуренцию норм, было дано определение понятия «использование занятия проституцией» [4].

В 2005, 2008 и 2015 гг. в Уголовный кодекс Республики Беларусь внесен ряд изменений и дополнений, призванных оптимизировать уголовно-правовую составляющую противодействия торговле людьми. На данный момент предусмотрено 7 составов преступлений, криминализирующих торговлю людьми и связанные с ней деяния, которые охватывают все виды и формы «современного рабства». К ним относятся: ст. 171 «Организация и/или использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией»; ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией»; ст. 181 «Торговля людьми»; ст. 181¹ «Использование рабского труда»; ст. 182 «Похищение человека» (если эти действия совершаются в целях эксплуатации людей); ст. 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (если эти действия привели к эксплуатации человека за рубежом)»; ст. 343¹ «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего». При этом преступления, предусмотренные ст. 171, 171¹, 343¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь влекут исключительно сексуальную эксплуатацию, ст. 181¹ – исключительно трудовую эксплуатацию, ст. 181, 182 и 187 – как сексуальную, так и трудовую эксплуатацию. Максимальное наказание по указанным статьям – лишение свободы сроком до 15 лет с конфискацией имущества.

В Республике Беларусь занятие проституцией является административным правонарушением, за совершение которого в соответствии со ст. 17.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность в виде штрафа – от 6 до 20 базовых величин, а за повторное в течение года такое же нарушение – от 30 до 50 базовых величин. Уголовная ответственность наступает только за использование занятия проституцией другим лицом, вовлечение в занятие проституцией, либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171, 171¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь).

На практике существует актуальная проблема, связанная с правовыми ограничениями проведения оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «оперативный эксперимент» по фактам использования занятия проституцией или вовлечения в нее. Указанное ОРМ – наиболее действенное для выявления и задержания сутенера в случае установления женщины, оказывающей платные интимные услуги. Однако после принятия новой редакции 2015 г. Закона Республики Беларусь «Об оперативно-

розыскной деятельности» была исключена возможность проведения ОРМ «оперативный эксперимент» для выявления и пресечения менее тяжких преступлений и лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Поскольку преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 171 УК и ч. 1, 2 ст. 171¹ УК, относятся именно к указанной категории преступлений, то единственной возможностью проведения указанного ОРМ являются его инициирование при наличии заявления, сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном в отношении его или его близких менее тяжком, тяжком или особо тяжком преступлении – при условии участия в оперативном эксперименте гражданина, в отношении которого готовится, совершается или совершено преступление [5]. Однако в связи с опасениями за свою жизнь и здоровье в большинстве случаев лица, задержанные за занятие проституцией, отказываются от написания заявления. Это существенно усложняет возможности оперативно-розыскного противодействия рассматриваемым преступлениям. Одной из причин законодательного ужесточения оснований проведения рассматриваемого ОРМ являлась необходимость исключить злоупотребления при его проведении, а также возможность достижения аналогичных целей путем проведения иных ОРМ. Однако с учетом описанной выше ситуации представляется целесообразным допустить проведение оперативного эксперимента в отношении указанных составов преступлений (ч. 1 ст. 171 УК и ч. 1, 2 ст. 171¹ УК), сохранив прежний запрет на его проведение в отношении иных менее тяжких преступлений.

Таким образом, проведенное рассмотрение позволяет сделать обоснованный вывод о том, что торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации продолжает оставаться актуальной социальной проблемой. Принятыми мерами удалось существенно снизить ее остроту, однако искоренение одних ее форм влечет за собой появление других разновидностей. Эффективное противодействие изучаемой проблеме состоит в принятии более широких предупредительных мер со стороны не только правоохранительных органов, но и структур гражданского общества, в том числе неправительственных организаций. Рассматривая аспекты совершенствования оперативно-розыскных мер противодействия торговле людьми с целью внутренней сексуальной эксплуатации предлагается расширение перечня преступлений, допускающих проведение ОРМ «оперативный эксперимент» по менее строгим основаниям.

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-ва

внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.

2. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию торговле людьми [Электронный ресурс] / Гл. упр. по нарконтролю и противодействию торговле людьми кримин. милиции М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=76673>. – Дата доступа: 10.11.2017.

3. Харевич, Д.Л. Некоторые криминологические аспекты ограничения торговли людьми от организации незаконной миграции / Д.Л. Харевич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26 мая 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – С. 171–174.

4. Ретнева, Н.И. Вербовка в целях сексуальной эксплуатации и вовлечение в занятие проституцией: проблемы квалификации и ограничения / Н.И. Ретнева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 1. – С. 112–115.

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 342.9

А.С. Васильев, П.Д. Терешёнок,

выпускники следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,

доцент *А.С. Кривонощенко*

Рецензент – кандидат юридических наук *О.В. Гиммельрейх*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Анализируются основные этапы возникновения и развития органов предварительного расследования на территории Республики Беларусь. На основе исследования закономерностей эволюции данной группы государственных органов предложена авторская периодизация развития следственных органов, показаны объективные причины создания и функционирования Следственного комитета Республики Беларусь на современном этапе.

Правоохранительная деятельность, направленная на защиту прав и свобод граждан от противоправных и преступных посягательств, является одной из важнейших функций государства, выступая в качестве его конституционно закрепленной обязанности. Еще римский юрист До-

миниций Ульпиан отмечал, что правосудие – это основа государства, а все ужасные преступления не должны оставаться без наказания. На сегодня государство возложило раскрытие преступлений, изобличение виновных лиц и привлечение их к уголовной ответственности на органы дознания и предварительного следствия, которые на территории современной Беларуси прошли длительный путь становления.

Проведенный анализ научных трудов отечественных ученых показывает, что история органов предварительного следствия фактически не изучена, а имеющаяся информация не систематизирована должным образом. В связи с этим логичным видится провести ретроспективное исследование основных этапов эволюции органов предварительного расследования, которые, по мнению автора, наиболее точно отражают периодизацию их становления.

Представляется обоснованным выделить следующие этапы периодизации отечественных следственных подразделений:

следственные органы в период Великого княжества Литовского;

следственные органы на территории Беларуси в период царской Российской империи;

следственные органы в период Октябрьской революции;

реформирование предварительного следствия в период Советского государства;

предварительное следствие периода суверенной Беларуси.

1-й этап – следствие времен Великого княжества Литовского. Досудебное производство по уголовным делам в Великом княжестве Литовском велось в соответствии со статьями Статута 1588 г. На тот момент функция дознания возлагалась на «возного» – должностное лицо, которое участвовало в отправлении правосудия всех поветовых судов в качестве дознавателя и судебного исполнителя. В ходе осуществления своих полномочий возному полагалось присутствие как минимум двух шляхтичей «веры годных», задачей которых являлось подтверждение результатов осмотра [1, с. 64].

«Шкрутыніум» – такое название получило предварительное следствие в Великом княжестве Литовском и могло осуществляться специальным органом, однако были и исключения из этого правила [2, с. 31]. В подтверждение сказанному ст. 61 разд. XI «Аб гвалтах, пабоях, галоўшчынах шляхетскіх», где право на предварительное следствие также предоставлялось старосте повета, а в его отсутствие – его заместителю либо же подстаросте совместно с замковым судьей [1, с. 178–179].

2-й этап – следствие на белорусских землях в составе царской Российской империи. Вплоть до 1860 г. на территории Российской империи и Беларуси предварительное следствие и дознание также велось лицами,

для которых они не являлись их главной функцией. К ним относились: Главная полицмейстерская канцелярия, Сыскной приказ, а также нижние земские суды и управы благочиния [3, с. 7]. Деятельность полиции и устав благочиния в уголовном процессе определялась законом, именуемым «Устав благочиния или полицейских», который в 1782 г. был подписан Екатериной II. Будучи государственным органом, на который возлагалась задача по обеспечению общественного порядка, полиция также одновременно с этим реализовывала функцию судебного органа первой инстанции по «мелким» уголовным делам и являлась тем органом, который осуществлял предварительное следствие по уголовным делам и проводил оперативно-розыскные действия [4, с. 364–387].

Однако, как отмечали многие юристы того периода, предварительное следствие и дознание низкого качества, а также коррупция и излишняя бюрократия потребовали от правительства ряда серьезных преобразований судебной системы. Ответом правительства на эти факторы выступила реформа 1860–1864 гг., которая носила явно прогрессивное направление – был создан институт судебных следователей, который получил некоторую независимость и самостоятельность [3, с. 11]. Однако ввиду своей удаленности от «взора царёва» ее реализация на белорусской земле затянулась на длительный период.

3-й этап – следственные органы периода Октябрьской революции. После Октябрьской революции 1917 г., стремясь уничтожить «наследие царизма», революционное правительство расформировало всю судебную систему, а вместе с ней и институт судебных следователей, а на их месте стало создавать ряд иных органов. Декрет № 1 «О суде» возложил проведение предварительного единоличного следствия на всех судей местных судов, а по делам, которые рассматривались рабочими или же крестьянскими революционными трибуналами, – на целенаправленно созданные при местных Советах следственные комиссии [5]. Что касается функций дознания, то они согласно Инструкции «Об организации рабоче-крестьянской милиции» были отнесены к милиции.

20 декабря 1917 г. была основана Всероссийская чрезвычайная комиссия. Изначально было запланировано, что будет создан орган, на который возложат исключительно следственную функцию, однако чуть позже ей делегировали и оперативно-розыскную работу. Что касается территории Беларуси, то тут действовала Западная областная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, которая позднее была преобразована в чрезвычайную комиссию Литвы и Белоруссии с Особым отделом ЛитБел. Сразу после прекращения существования Литовско-Белорусской республики 21 июля 1920 г. была создана Минская губернская чрезвычайная комиссия, а еще чуть

позже в этот же год произошло ее переименование в чрезвычайную комиссию БССР.

Декрет № 2 «О суде» определил, что по категориям дел, которые превышают подсудность местного народного суда, предварительное следствие должно было производиться специально созданной комиссией из трех граждан, которые избирались Советами рабочих, солдатских, крестьянских депутатов [6]. Уже в Декрете № 3 «О суде» произошло расширение компетенции следственных комиссий: им было поручено производство следствия по наиболее значимым делам местных народных судов. Однако уже в августе 1920 г. в БССР на место следственных комиссий по делам общей подсудности приходит институт единоличных народных следователей.

4-й этап – реформы предварительного следствия в Советском государстве. В феврале 1922 г. происходит упразднение Всероссийской чрезвычайной комиссии, а ее функции были переданы образованному при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) Государственному политическому управлению (ГПУ), полномочия которого ограничивались сугубо расследованием контрреволюционных дел.

25 мая 1922 г. происходит принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который приводит полный перечень органов дознания: органы милиции и уголовного розыска; органы ГПУ; правительственные учреждения и должностные лица, по делам о дисциплинарных проступках. В Положении о судостроительстве БССР от 30 марта 1923 г. было предусмотрено два вида следователей: народные следователи при соответствующих следственных участках и следователи по важнейшим делам Наркомата юстиции БССР.

Отличительной особенностью БССР в такой период явилось то, что вопрос о передаче следователей в структуру органов прокуратуры решился еще в 1924 г., а вот в РСФСР это произошло только спустя четыре года.

10 июля 1934 г. ЦИК СССР принял постановление «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел СССР», в состав которого вошло Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Структурным подразделением ГУГБ являлся Особый отдел, главной задачей которого было производство предварительного следствия по государственным преступлениям. Приказ народного комиссара внутренних дел от 22 декабря 1938 г. создал Следственную часть НКВД, которая спустя год (в сентябре 1939 г.) была разбита на две части: первая вошла в состав ГУГБ, вторая – в состав Главного экономического управления. Самостоятельный следственный аппарат, начиная с апреля 1943 г., имело и Главное управление контрразведки «СМЕРШ»

Народного комиссариата обороны. Говоря о дальнейшем развитии следственного аппарата после Второй мировой войны, можно утверждать, что оно заключалось сугубо в периодическом перераспределении функций предварительного следствия между прокуратурой и органами внутренних дел. Так, в процессе судебной реформы 1950-х гг. Министерство внутренних дел было реорганизовано, в состав иных ведомств был передан ряд подразделений, а в 1962 г. упразднено. В его преемнике – Министерстве охраны общественного порядка – следственного подразделения уже не было.

В связи с усилением роли Министерства охраны общественного порядка и ослаблением позиций Прокуратуры в середине 1960-х гг. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. в МООП вновь было создано следственное подразделение. В итоге по состоянию на 1963 г., в БССР органами, осуществляющими предварительное следствие, были Прокуратура, органы внутренних дел и Комитет государственной безопасности. Фактически без значительных изменений эта расстановка сил в области предварительного следствия не изменилась вплоть до распада СССР.

5-й этап – предварительное следствие суверенной Беларуси. Итогом реформы предварительного следствия и дознания явилось создание единого Следственного комитета [7]. В соответствии со ст. 43 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1960 г. в редакции от 19 сентября 1991 г. ведомствами, осуществляющими предварительное следствие, являлись органы прокуратуры, органы внутренних дел и органы государственной безопасности.

Необходимо обратить внимание на то, что Концепция судебной реформы, которая была принята 23 апреля 1992 г., признала необходимость принятия серьезных организационных и правовых мер. Для усиления роли следственных подразделений в защите личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства, избличения и привлечения к уголовной ответственности виновных лиц в 1993 г. был образован Следственный комитет МВД (с 1999 г. – Следственный комитет при МВД). Однако уже в декабре 2003 г. Следственный комитет был упразднен, а вместо него было создано новое подразделение – главное управление предварительного расследования МВД.

Как отмечалось выше, следственные подразделения на территории Республики Беларусь претерпели немало изменений за историю своего существования. В разные годы предварительное следствие в нашей стране производилось следователями прокуратуры, органов внутренних дел, государственной безопасности и финансовых расследований. Все они являлись структурными единицами соответствующих ведомств.

Логическим финалом совершенствования следственной системы Республики Беларусь на современном этапе развития явилось подписание 12 сентября 2011 г. Президентом Республики Беларусь Указа № 409 «Об образовании Следственного комитета Республики Беларусь».

Образованию Следственного комитета предшествовала масштабная научная и аналитическая работа, изучался зарубежный опыт, оценивалась современная ситуация в правовой и общественно-политических сферах. В результате подписания вышеназванного указа Следственный комитет Республики Беларусь был создан путем выделения и слияния: из прокуратуры следственного аппарата, из системы органов внутренних дел и системы органов финансовых расследований Комитета государственного контроля – подразделения предварительного расследования.

Создание Следственного комитета Республики Беларусь заложило начало фундаментальной реформы белорусской правоохранительной системы. Решение о его создании было принято 2 августа 2011 г. на проведенном под руководством Главы государства совещании по вопросу совершенствования системы органов предварительного расследования. При этом перед создаваемым Следственным комитетом была поставлена задача – улучшение качества, оперативности и эффективности предварительного следствия.

В качестве закономерного действия выступило подписание Указа Президента Республики Беларусь от 10 ноября 2011 г. № 518 «Вопросы Следственного комитета Республики Беларусь», который утвердил:

Положение о центральном аппарате Следственного комитета Республики Беларусь;

Положение о порядке прохождения службы в Следственном комитете Республики Беларусь;

Дисциплинарный устав Следственного комитета Республики Беларусь;

текст Присяги сотрудника Следственного комитета Республики Беларусь;

перечень соответствия специальных званий сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь классным чинам прокурорских работников, воинским званиям, специальным званиям сотрудников органов внутренних дел, работников органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

1 января 2012 г. новая следственная структура Республики Беларусь приступила к своему функционированию.

Таким образом, органы предварительного следствия суверенной Беларуси прошли длительную периодизацию своего формирования и развития, в рамках которой можно условно выделить следующие этапы: период Великого княжества Литовского, период царской Российской

империи, период Октябрьской революции, советский период, а также период суверенной Республики Беларусь.

1. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. / пер. на беларус. мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2002. – С. 203.

2. Мытнік, П.В. К вопросу о создании единого Следственного комитета / П.В. Мытнік // Юстыцыя Беларусі. – 2011. – № 9. – С. 31–36.

3. Соловьева, Л.Л. Становление института судебных следователей в Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Рязанской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.Л. Соловьева ; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказ. – Владимир, 2007. – 22 с.

4. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / сост.: О.И. Чистяков. – М. : Юрид. лит., 1987. – Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. – 528 с.

5. Декреты Советской власти. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. – Т. I : Декрет «О суде».

6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/sm_full.aspx_guid=1711531479396414.pdf/. – Дата доступа: 17.04.2018.

7. О Концепции судебно-правовой реформы [Электронный ресурс] : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 340.130.3

С.О. Вашумирский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Григорьев*

ФЕНОМЕН «МЯГКОГО» ПРАВА

Рассматривается недостаточно изученная в отечественной юридической науке правовая категория «мягкое» право. Анализируется история возникновения данного феномена, его признаки, источники, содержание. Уделяется внимание юридической силе «мягкого» права, его связи и соотношению с конституционным и международным правом.

В современном мире многие государства вступают во взаимодействие. Очевидно, что значительное влияние на их деятельность и функционирование оказывают такие процессы, как глобализация, модернизация, унификация, инновационная деятельность, деятельность в сфере высоких технологий. Эти тенденции порождают новые сферы сотрудничества и,

как результат, необходимость в регулировании возникших отношений. На современном этапе, безусловно, ключевую позицию в регулировании отношений между государствами играет международное право, в частности, публичное и все его составляющие. Большинство исследователей приходят к выводу, что международное право как система стало складываться к концу XVII – началу XVIII в. с появлением абсолютистских государств, которые вели постоянную внешнюю политику. Одним из результатов обозначенных выше процессов является появление в середине XX в. нового способа регуляции международных отношений. Речь идет о так называемом «мягком» или рекомендательном праве. Возникает небезосновательный вопрос: почему появившийся способ регулирования отношений между государствами называют правом?

Право как таковое имеет ряд признаков, которые характерны для вышеупомянутого явления. Важнейшим из них выступает нормативность. Это значит, во-первых, обязательность правил поведения, содержащихся в нормативных предписаниях, во-вторых, персонально неопределенный круг лиц, на которых распространяется действие правовых норм и, в-третьих, многократность их применения в практической деятельности, т. е. применение данных правил поведения во всех схожих ситуациях.

Исходя из приведенных признаков, следует вывод о том, что два обязательных признака нормативности в рассматриваемом явлении присутствуют: персонально неопределенный круг лиц и многократность применения. Таким образом, интерес изучения «мягкого» права заключается в том, что его рекомендательность вытесняет такой немаловажный признак права, как общеобязательность. Тем не менее рекомендательность норм рассматриваемого феномена порождает определенные обязательства для государств, что и позволяет называть данное явление «мягким» правом.

Несмотря на то что в средние века в практике регулирования международных отношений уже использовались рекомендательные нормы (например, средневековое торговое право), рассматривать данный феномен как самостоятельное правовое явление начали в 60-х гг. XX в., что обусловлено принятием Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее – Генеральная Ассамблея ООН) резолюций, носящих рекомендательный характер (за исключением резолюций по внутриорганизационным вопросам ООН и финансово-бюджетным вопросам).

В юридической науке сложилась следующая периодизация формирования концепции «мягкого» права:

предварительный этап (50–60-е гг. XX в.) (в юридической доктрине начинается исследоваться вопрос, касающийся правовой природы резо-

люций Генеральной Ассамблеи ООН; формируется концепция «рекомендательных норм международного права»);

непосредственно формирование концепции (70-е гг. прошлого столетия) (в это время активизируется нормотворческая деятельность Генеральной Ассамблеи ООН, создается и начинает функционировать Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе);

современное прочтение концепции «мягкого права», связанное с саммитом тысячелетия и принятой на 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларацией тысячелетия (2000 г.), а также принятыми в последствии «мягко-правовыми» актами ООН и международных конференций.

В юридической науке термин «мягкое» право четкого определения еще не получил.

Как правило, под «мягким» правом в соответствующей юридической литературе понимается совокупность норм, состоящая из двух видов:

нормы договоров, которые неопределенны по своему содержанию и не порождают для государств конкретных прав и обязанностей;

нормы, содержащиеся в резолюциях международных органов и организаций, не обладающих юридически обязательной силой.

Ф. Снайдер полагал, что нормы «мягкого» права – «это правила поведения, которые в принципе не имеют правовой обязательности, но которые, тем не менее, могут иметь практический эффект» [1, с. 26]. М.Ю. Велижанина определяет «мягкое право» как совокупность юридически необязательных международных норм, создаваемых государствами, международными организациями и иными субъектами «мягкого» права, не противоречащих основным принципам международного права и направленных на регулирование международных отношений [2, с. 10].

Что касается белорусской юридической науки, то на современном этапе данный вопрос в ней глубокому изучению не подвергался.

Проанализировав совокупность взглядов на исследуемую правовую категорию, можно сделать вывод о некоторых отличительных признаках «мягкого» права. К таким признакам можно отнести: 1) содержательную неопределенность: нормы «мягкого» права не порождают конкретных прав и обязанностей и так называемых границ правомерности; 2) волевой характер: для того, чтобы нормы «мягкого» права были созданы, необходимо согласование воли государств по выработке таких правил поведения; 3) необязательность исполнения, в отличие от норм «жесткого» права, которые, как известно, имеют такой характерный признак, как общеобязательность (это значит, что нормы являются обязательными для всех, кто попадает под их юрисдикцию; в случае их нарушения

вступает в действие механизм государственного принуждения; нормы «мягкого» права не являются юридически обязательными; никакого принуждения со стороны государства они не имеют по определению, так как сами нормы составляются по согласованию и взаимному решению государств, вступивших в международные отношения); 4) отсутствие гарантий реализации: для того, чтобы нормы международного договора имели гарантии реализации, государствам необходимо этот договор подписать и ратифицировать (без этой практики нормы договоров имеют исключительно декларативный характер, в большинстве случаев государства, игнорируя ратификацию договоров, принимают либо присоединяются к ним); 5) диспозитивность и влияние: несмотря на то, что мягко-правовые нормы не обладают обязательной юридической силой, их положения часто оказывают не меньшее влияние по сравнению с международными договорами и обычаями на развитие и сближение законодательства государств.

Исходя из вышеперечисленных признаков можно судить о том, что нормы «мягкого» права не имеют однообразной формы. «Мягко-правовые» положения не накладывают на стороны конкретных обязательств действовать в строго определенных рамках или воздерживаться от осуществления тех или иных действий. «Мягкое» право наделяет участников взаимоотношений элементом дискреционности в отношении выбираемого варианта поведения. Например, государствам гораздо легче закрепить договоренности в акте «мягкого» права и впоследствии внести изменения и дополнения без производства на внутригосударственном уровне процедуры ратификации. Более того, часто положения «мягкого» права содержат установки, желательные цели, базирующиеся на основополагающих принципах и носящие рекомендательный характер. Встречаются такие формулировки, как «стороны способствуют», «стороны содействуют», «стороны поощряют», «правительства должны стремиться к достижению целей», «должно стремиться найти пути и средства...» и т. п. Стороны лишь стремятся, а не обязываются совершить те или иные предписания. Например, в Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте отмечается, что «Государства-участники содействуют сотрудничеству между антидопинговыми организациями, государственными органами и спортивными организациями, находящимися под их юрисдикцией, и аналогичными организациями и органами, находящимися под юрисдикцией других государств-участников, в интересах достижения на международном уровне цели настоящей Конвенции» [3].

Что касается формы выражения «мягкого» права, то здесь проблематично привести исчерпывающий перечень видов правовых актов, в

которых могут содержаться рассматриваемые правила поведения. Так, анализируя такую форму «мягкого» права, как резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, можно констатировать наличие двух основных частей: 1) общая часть, или в отдельных источниках введение – та часть, в которой государства-участники, опираясь на многолетний опыт, признают, подтверждают, отмечают наличие нерешенных глобальных проблем, а также многократные попытки (удовлетворительные или же нет) разрешить определенный казус, в которой констатируются эффективные средства разрешения проблем и в которой нередко содержится предыстория проблематики; 2) специальная часть, или часть, содержащая непосредственно обязательства сторон, рекомендации для решения тех или иных проблем. Здесь находят свое выражение вышеупомянутые декларации, принципы-начала, такие как «мы будем сотрудничать в целях содействия», «мы обязуемся направлять силы», «мы обязуемся расширять возможности» и многое другое.

Следующим видом акта рекомендательного характера является конвенция. Здесь следует упомянуть о преамбуле, в которой повествуется о самих фактах серьезных проблем и признании того, что настоящая ситуация действительно является угрожающей мировому сообществу. Далее идет часть, в которой имеется схожесть с общей частью нормативного правового акта (например, закона или кодекса), а именно определение терминов, используемых в данной конвенции и необходимых для сокращения и компактности самого материала. Затем перечислены принципы-начала, упоминаемые ранее: «Сторонам следует предпринимать действия по охране и повышению качества, в соответствующих случаях, поглотителей и накопителей парниковых газов» [4].

Существует еще один вид такого рекомендательного акта – декларация. Однако описывать особенности этого вида акта не является целесообразным, так как данный вид имеет много общего с резолюцией.

Таким образом, дана достаточно полная характеристика такой правовой категории, как «мягкое» право. Безусловно, был сделан акцент на базовые признаки данного явления, позволяющие выстроить юридическую конструкцию «мягкого» права. Так, под «мягким» правом понимается совокупность, состоящая из двух видов норм: нормы договоров, которые неопределенны по своему содержанию и не порождают для государств конкретных прав и обязанностей; нормы, содержащиеся в резолюциях международных органов и организаций, не обладающих юридически обязательной силой. Основными признаками являются содержательная неопределенность, волевой характер созидания, диспозитивность, дискреционность, необязательность исполнения, отсутствие гарантий реализации. Положения «мягкого» права содержат установки,

желательные цели, базирующиеся на основополагающих принципах и носящие рекомендательный характер. Нормы «мягкого» права содержатся во многих международных правовых актах. Основными формами выражения «мягкого» права являются такие виды документов международно-правового характера, как резолюция, конвенция, декларация. Несмотря на значительное количество источников описываемого правового явления полагаем, что ключевое значение имеет все же не вид документа, в котором закреплены нормы «мягкого» права, а характер содержащихся в нем предписаний.

1. Кашлач, О.В. Нормы «мягкого» права: понятие и признаки / О.В. Кашлач // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2006. – № 2. – С. 26–32.

2. Велижанина, М.Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / М.Ю. Велижанина ; Дипломат. акад. М-ва иностр. дел. – М., 2007. – С. 10.

3. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте [Электронный ресурс] : [заключена в г. Париже 19.10.2005 г.] // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/doping.pdf. – Дата доступа: 08.10.2018.

4. Парижское соглашение об изменении климата [Электронный ресурс] : [заключено в г. Париже 12.12.2015 г.] // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: http://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf. – Дата доступа: 30.10.2018.

УДК 343.57:341.45

В.Р. Воскресенский, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ

Рассматриваются проблемы взаимодействия стран в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. На основании анализа международных договоров, статистических данных и национального законодательства в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ сформулирован ряд предложений организационного характера, направленных на совершенствование международного сотрудничества в данной сфере.

В последние годы незаконный оборот наркотиков стал серьезной социальной проблемой, оказывающей все более негативное влияние на различные сферы жизни общества. Этому, в частности, способствовало появление и широкое распространение новых психоактивных веществ (спайсов и иных дизайнерских наркотиков), вызывающих тяжелые психические расстройства и физиологические последствия у лиц, потребляющих такие вещества [1, с. 151–152; 2, с. 181–182].

Одна из особенностей новых психоактивных веществ – наличие возможности изменять в ходе синтеза их химическую структуру путем модификации исходной молекулы, в качестве которой избирается молекула запрещенного наркотика. Такая модификация производится целенаправленно, чтобы полученное новое вещество не относилось к категории запрещенных законом наркотических средств или психотропных веществ. Вместе с тем это новое вещество обладает психоактивными свойствами исходного наркотика, которые в некоторых случаях могут даже усиливаться. Но поскольку такое вновь синтезированное вещество не внесено в национальный перечень запрещенных наркотиков, оно по формальному признаку не может рассматриваться как незаконное.

Новые психоактивные вещества и ранее выявлялись на подпольном наркорынке в Республике Беларусь. Механизм противодействия этому процессу предусматривает дополнение Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь (далее – перечень), вновь выявленным веществом. Процесс внесения изменений в перечень занимал в Республике Беларусь от четырех месяцев до года, в течение этого периода новое вещество с точки зрения закона являлось разрешенным к обороту. Ранее это не представляло существенной проблемы, поскольку новые вещества появлялись в незаконном обороте не так часто. Однако возможность модификации структуры дизайнерских наркотиков привела к значительному увеличению частоты появления новых психоактивных веществ и возникновению такой категории, как легальные наркотики, т. е. вещества, оказывающие вредное воздействие на организм человека, но еще не включенные в перечень. Это позволяло наркодилерам безнаказанно сбывать такие вещества без риска быть привлеченными к уголовной ответственности. В связи с этим в 2012 г. был принят новый Закон Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах», в котором впервые закреплено понятие «аналоги наркотических средств и психотропных веществ». С принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» в законодательство введено понятие

«базовая структура», предусмотрено сокращение сроков внесения изменений в перечень [1, с. 153; 3, с. 85; 4; 5].

Современную международную базу правового регулирования легального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействия их незаконному обороту составляют международные конвенции Организации Объединенных Наций (ООН), резолюции специальных сессий ООН, соглашения и документы ООН, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Совета Европы и Евросоюза, документы стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и иных региональных организаций. Международные документы для государств, присоединившихся к конвенциям, содержат систему обязательных или рекомендованных правил контроля наркотических средств и психотропных веществ и противодействие их незаконному обороту. Важнейшими из них являются Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. и Конвенция о психотропных веществах 1971 г. [6; 7]. Указанные конвенции ООН содержат в себе рекомендации о запрете использования наркотических средств и психотропных веществ без соответствующих разрешений и их изъятия в случае обнаружения. Однако любая сторона может принимать более строгие или суровые меры контроля, чем меры, предусматриваемые указанными конвенциями, если, по ее мнению, такие меры являются желательными или необходимыми для охраны здоровья и благополучия населения. Таким образом, действия с наркотическими средствами или психотропными веществами, являющиеся правомерными в каком-либо одном государстве, могут быть запрещены в другом.

Полагаем, что существуют неиспользованные организационные возможности противодействия рассматриваемым явлениям. Одна из таких мер – создание центра мониторинга и регулирования ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, включая их легальный оборот. Целью создания такого центра является отслеживание новых наркотиков, появляющихся в незаконном обороте в Республике Беларусь и других странах, для оперативной подготовки и внесения изменений в перечень, а также урегулирование вопросов, касающихся перечня наркотических средств и психотропных веществ, отнесенных к легальному обороту. Необходимость отслеживания новых наркотиков, появляющихся в других государствах, обусловлена тем, что поставки данных веществ осуществляются в нашу страну, как правило, не напрямую, а с территории соседних государств (например, Российской Федерации). В связи с этим своевременное выявление новых психоактивных веществ в соседних странах позволит с определенной

степенью вероятности прогнозировать их появление через некоторое время в Республике Беларусь. Правовой основой для осуществления обмена сведениями о новых наркотиках, появляющихся в незаконном обороте, являются дву- и многосторонние межгосударственные и межведомственные соглашения Республики Беларусь с зарубежными государствами, в которых предусмотрена такая возможность. Помимо функции выявления новых психоактивных веществ, появляющихся на подпольном наркорынке, предлагаемый центр может выполнять и иные функции в сфере анализа и прогнозирования наркоситуации, а также в вопросах гармонизации перечня с национальными перечнями других стран. Данный центр также позволит осуществлять согласование стран СНГ по вопросам, связанным с легальным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Такие центры уже созданы и действуют за рубежом, например, Европейский центр мониторинга за наркотиками и наркоманией, Глобальная полицейская коммуникационная система Интерпола. Однако они не затрагивают вопросы легального оборота, что в свою очередь способствовало более целеному регулированию вопросов в рассматриваемой сфере [3, с. 86].

В Республике Беларусь с 2005 г. на базе Гродненского государственного медицинского университета действует центр мониторинга, который ежегодно готовит отчеты о наркоситуации и представляет их заинтересованным органам. Однако данный орган не наделен полномочиями по сбору информации, поступающей от правоохранительных органов зарубежных стран, и инициированию внесения изменений в перечень.

В этой связи очевидна необходимость проработки организационных форм работы такого центра. Возможен ряд вариантов, например создание распределенной национальной сети сбора информации с включением в нее сотрудников органов внутренних дел либо создание аналогичного международного центра на базе одного из межгосударственных образований – СНГ, ОДКБ, ЕАЭС.

Следует также отметить такую недостаточно используемую форму сотрудничества, как обмен образцами наркотиков, изымаемых из незаконного оборота. Данная форма сотрудничества предусмотрена Соглашением о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (заключено в г. Минске 30 ноября 2000 г.) и Соглашением о порядке передачи образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (заключено в г. Санкт-Петербурге 18 октября 2011 г.). Согласно указанным договорам с целью установления единого источника происхождения наркотиков,

изымаемых из незаконного оборота, Стороны могут передавать образцы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, изъятых из незаконного оборота, для проведения сравнительных криминалистических исследований, осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Перемещаемые образцы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров освобождаются от таможенного досмотра при условии соблюдения положений, предусмотренных Соглашением о порядке передачи образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Представляется, что из полученных таким образом образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров могут создаваться коллекции наркотиков, которые могут использоваться всеми государствами – участниками СНГ. В этой связи полагаем, что будет целесообразным возложить на данный центр также функции по созданию и ведению такой коллекции и проведению исследований по запросам компетентных органов государств – участников СНГ.

Опыт практической деятельности указывает на существование определенного правового противоречия, обусловленного различиями в национальных перечнях наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, принятых в различных государствах – участниках СНГ, что препятствует эффективной борьбе с незаконным оборотом наркотиков на территории государств – участников СНГ.

При определении возможности перевозки наркотика физическим лицом в медицинских целях в пределах границ каждого из государств – участников СНГ используется внутреннее законодательство соответствующей страны, в том числе национальные перечни наркотиков. Так, в ст. 15 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» указано, что физические лица могут осуществлять ввоз, вывоз, транзит наркотических средств или психотропных веществ для личного применения по медицинским показаниям при наличии подтверждающих медицинских документов или их копий, заверенных в соответствии с законодательством государства вывоза этих средств и веществ или государства выдачи этих копий, с указанием наименования и количества таких средств и веществ, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь, международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза. При этом подтверждающие медицинские документы или их заверенные копии, составленные на иностранном языке, должны сопровождаться переводом на белорусский

или русский язык, заверенным в соответствии с законодательством государства вывоза этих средств и веществ или государства выдачи этих документов или их копий [4].

Однако, как отмечено выше, наркотическое средство или психотропное вещество, разрешенное к использованию в медицинских целях в одном государстве – участнике СНГ, может быть запрещено в другом, так как перечни наркотиков различаются в различных государствах. В этой связи возможно возникновение ситуации, при которой лицо, правомерно вывозящее определенное наркосодержащее лекарство из одного государства, окажется правонарушителем в другом государстве, запрещающем его легальное использование. В отношениях с другими странами острота данной проблемы в определенной степени снижается в связи с наличием таможенного контроля на границе. Однако между государствами – участниками СНГ такой контроль не осуществляется, поэтому незаконность ввоза и хранения наркотиков может быть выявлена правоохранительными органами через продолжительное время после пересечения лицом границы государства – участника СНГ. В такой ситуации лицо, вероятнее всего, будет привлечено к ответственности, установленной законодательством государства ввоза наркотиков.

Подобные ситуации имели место после внесения в перечень запрещенных веществ в Украине перманганата калия, который входит в Республике Беларусь в состав автомобильной медицинской аптечки. В 2012 г. стало известно о помиловании в Российской Федерации двух граждан Республики Беларусь, которые ранее по заказу сотрудника ФСКН, действовавшего под прикрытием, ввезли в Россию тысячу таблеток от кашля «Туссал», разрешенных к продаже в Беларуси и запрещенных в России в связи с нахождением в их составе психотропного вещества «декстрометорфан».

Возможно возникновение сходных ситуаций с такими содержащими фенотропные лекарственными препаратами, как корвалол, валокордин и иными, отпускаемыми в аптеках Беларуси без рецепта. В этой связи полагаем, что назрела необходимость принятия мер по гармонизации перечней запрещенных веществ в государствах – участниках СНГ. Считаем, что это возможно путем принятия соответствующего международного договора, утверждающего перечень запрещенных к обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, единый для государств-участников. Обязанности по актуализации данного перечня полагаем целесообразным возложить на описанный нами выше международный центр.

Таким образом, проведенное рассмотрение позволяет сделать вывод о необходимости создания центра мониторинга и регулирования

ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, который должен выполнять функции оповещения о новых психоактивных веществах, появляющихся на подпольном наркорынке, анализа и прогнозирования наркоситуации, гармонизации перечня наркотиков с национальными перечнями других стран, ведения коллекции изъятых наркотиков и проведения исследований по запросам компетентных органов стран-участниц.

1. Харевич, Д.Л. Об организационных и правовых мерах по усилению борьбы с распространением новых психоактивных веществ в Республике Беларусь / Д.Л. Харевич // Актуальные вопросы современной науки : материалы Международ. науч.-практ. конф., Караганда, 27 окт. 2017 г. / Караганд. акад. МВД Респ. Казахстан ; под общ. ред. Д.Т. Кенжетова. – Караганда : Караганд. акад. МВД Респ. Казахстан им. Б. Бейсенова, 2017. – С. 151–153.

2. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-ва внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Академия МВД, 2017. – 385 с.

3. Харевич, Д.Л. О создании центра мониторинга в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов / Д.Л. Харевич, О.А. Воробьев // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 5 июня 2015 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2015. – С. 84–86.

4. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 408-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2014 г., № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. О ратификации Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 13 янв. 1964 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. О ратификации конвенции о психотропных веществах от 21 февраля 1971 г. [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 24 окт. 1978 г., № 2369-IX // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.614

А.В. Высоцкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маишталер*

Рецензент – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Рассматриваются ключевые этапы возникновения, становления и развития уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за доведение до самоубийства. Детальный анализ становления и развития данного феномена принципиально важен, так как нельзя осознавать современные явления без обращения к истории.

Самоубийство – социально-негативное явление, осуждаемое обществом, которое существует с древних времен. В древности отношение к суициду, его причины и условия, а также технологии были тесно связаны с тем, как то или иное общество, социальная группа и этническая общность воспринимали понятие смерти.

В общепризнанных мировых религиях самоубийство запрещается как безнравственное и богопротивное деяние. При этом не без сильного влияния религии средневековое феодальное законодательство отнесло самоубийство к тяжким преступлениям.

Уголовное законодательство Беларуси в процессе своего становления и исторического развития относилось к явлению самоубийства по-разному, что влекло за собой различные подходы к ответственности за данное деяние. Анализ истории становления и развития ответственности за доведение до самоубийства принципиально важен, так как нельзя осознавать современные явления без обращения к прошлому.

В Древней Руси до принятия в 988 г. христианства жены не желали переживать своих мужей, так как это считалось бесчестием семьи. Н.М. Карамзин писал: «...славянки не хотели переживать мужей и добровольно сжигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением Христианской Веры, введено было славянами» [1].

Позже с принятием христианства самоубийство считалось страшным грехом, в связи с чем самоубийца лишался погребения, если только оно не случилось «вне ума» [1].

В правовом памятнике Древней Руси «Русская Правда» (данный нормативный правовой акт также применялся на территории Беларуси) о противоправных деяниях, связанных с доведением до самоубийства, не упоминалось. Можно предположить, что подобные случаи имели место, но не являлись преступлениями, общество осуждало их с позиции религии и нравственности.

В таких правовых памятниках, как Судебник Казимира 1468 г. и Статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., упоминания о феномене самоубийства не было, но это не значит, что данное явление отсутствовало в обществе XV–XVI вв., оно активно осуждалось религией.

Особую роль в развитии ответственности за доведение до самоубийства сыграло и Уголовное Уложение 1903 г. В нем предусматривалась ответственность для «... виновного в доставлении средств к самоубийству» и «виновного в подговоре к самоубийству лица, не достигшего 21 года, или лица, заведомо неспособного понимать значение своих действий, или в содействии самоубийству таких лиц советом или указанием, доставлением средства или устранением препятствия». Иными словами, наказание устанавливалось лишь за совершение данных действий лишь в отношении отдельных категорий лиц (подстрекатель, пособник) [2, с. 36].

При дальнейшем развитии уголовного законодательства на Руси следует выделить принятый Петром I «Артикул воинский» 1715 г. (Артикул), где в числе прочих посягательств на жизнь упоминается и самоубийство. В Артикуле было уделено большое внимание посягательствам на жизнь. Так, даны более четкая дифференциация убийствам, совершенным умышленно и неосторожно, деление убийств на простые и квалифицированные (артикул 156 и 157) [3, с. 356]. За совершение простого убийства предусматривалось наказание в виде смертной казни путем отсечения головы, а за квалифицированное – путем колесования. К квалифицированным видам убийства относились убийства по найму, из корысти (артикул 161), убийство родителей, «дитя во младенчестве» (артикул 163), убийство путем отравления (артикул 162) и другие виды, к которым и относили самоубийство. В случае посягательства на свою жизнь наказанию подвергался труп. Именно так были заложены основы светского наказания за самоубийство, за которое устанавливалась позорящая процедура: «Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу» (артикул 164) [3, с. 358].

Более детально была проанализирована уголовная ответственность за преступления, связанные с самоубийством, перед созданием Уложе-

ния «О наказаниях уголовных и исправительных» (Уложение) 1845 г. В этом Уложении был выделен отдельный раздел, посвященный преступлениям против жизни, здоровья, свободы, чести частных лиц. Данный раздел подразделялся на две главы: в первой главе предусматривалась ответственность за смертоубийство, а во второй – за самоубийство. В Уложении убийства подразделялись на простые, квалифицированные, привилегированные и совершенные по неосторожности. Согласно ст. 1946 Уложения: «Кто склонит другога к самоубийству, или же чрез доставление средств к тому, или иным каким-либо образом будет участвовать в совершении им сего преступления, тотъ подвергается наказаниями определеннымъ за пособие въ убийствъ, учиненномъ съ обдуманнми намърениемъ или умысломъ, на основании Постановленныхъ въ статьи 127 сего Уложения правилъ о пособникахъ въ преступлении». Из этого следует, что законодатель предусмотрел ответственность как за доведение до самоубийства, так и за подстрекательство к самоубийству и пособничество ему [4, с. 198].

Следующим законодательным актом, предусматривающим ответственность за доведение до самоубийства, был Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УК РСФСР 1922 г.) 1922 г.¹, который применялся и на территории Беларуси. Так, в ст. 148 УК РСФСР 1922 г. была предусмотрена ответственность за «содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали». Из анализа данной нормы следует, что законодатель выделял специального потерпевшего для криминализации данной статьи [5, с. 132].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.² внес существенное изменение, а точнее дополнил данный вид преступления. Так, в ст. 141 УК РСФСР 1926 г. было закреплено: «Доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него – влекло наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет» [6].

Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали – лишение свободы на срок до трех лет [6].

¹ Положения указанного кодекса были применены в УК Белорусской Советской Социалистической Республики 1924 г.

² Положения указанного кодекса были применены в УК Белорусской Советской Социалистической Республики 1928 г.

Введенный в действие 15 ноября 1928 г. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – УК БССР) воспринял законодательный опыт конструирования нормы, содержащейся в ст. 141 УК РСФСР 1926 г., а также сложившуюся на тот момент практику ее применения.

Из анализа указанной нормы следовало, что законодатель расширил круг потерпевших по данному преступлению.

Принятый 29 декабря 1960 г. УК БССР существенно изменил систему преступлений против жизни. В частности, в число преступлений против жизни вошли: умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, убийство без отягчающих обстоятельств, т. е. простое убийство при превышении пределов необходимой обороны, неосторожное убийство, доведение до самоубийства. Санкции за квалифицированные и основной составы убийства были вновь ужесточены. Так, за квалифицированный вид убийства было предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 8 до 15 лет, альтернативно – наказание в виде смертной казни [7].

В ст. 105 УК БССР 1960 г. было предусмотрено: «Доведение до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства – наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

Те же действия, совершенные в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет [8].

Из анализа данной нормы и сравнения ее с альтернативной нормой УК БССР 1928 г. можно выделить тот факт, что законодатель убрал такие виды потерпевших, как несовершеннолетний и лицо, заведомо неспособное понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками. При этом наказание за доведение до самоубийства осталось прежним: лишение свободы сроком до пяти лет. Данный кодифицированный акт предусматривал различные меры наказания в зависимости от тяжести совершенного деяния.

Проведенный ретроспективный анализ уголовной ответственности за доведение до самоубийства позволил нам прийти к выводу о том, что на начальных этапах развития уголовного законодательства, в силу казуистичности норм права, общей статьи уголовного закона об ответственности за данное преступление закреплено не было.

На истоках становления такого явления, как самоубийство ответственность лица, совершившего самоубийство и лица, непосредственного доведшего до него, не предусматривалась, данный феномен порицался религией и обществом. На протяжении веков самоубийство

вызывало ужас, осуждение обществом и порицание им, и существующие сейчас масштабы суицида создают серьезнейшую опасность выхода самоубийства с уровня индивидуальных случаев на уровень социальной практики как действительной проблемы общества. Таким образом, современному социуму необходимо повысить эффективность предупреждения случаев самоубийств, а сделать это, не изучив истории развития, проблематично. Обобщая вышесказанное, стоит сделать вывод, что общество и государство на протяжении столетий отрицательно относилось к явлению самоубийства и покушению на него, закрепляя различного рода ответственность за это деяние.

Позиция уголовного законодательства Беларуси претерпевала изменения, сначала устанавливая ответственность за суицид и покушение на него, за содействие и пособничество к нему, но с совершенствованием и развитием общего законодательства все же отказалась от криминализации самоубийства и традиционно стала рассматривать в качестве преступного деяния именно доведение до самоубийства или покушение на него и установила за это общественно опасное деяние уголовную ответственность.

1. Шальга, Е.В. Становление и развитие уголовной ответственности за доведение до самоубийства по российскому законодательству / Е.В. Шальга [и др.] // Студенческий форум : электрон. научн. журн. – 2018. – № 11.

2. Цыркалюк, А.А. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства / А.А. Цыркалюк // Рос. следователь. – 2011. – № 3. – С. 35–37.

3. Российское законодательство X–XX веков : [тексты и коммент.] / под общ. ред. О.И. Чистякова : Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. – М. : Юрид. лит., 1986. – 512 с.

4. Российское законодательство X–XX веков : [тексты и коммент.] / под общ. ред. О.И. Чистякова : Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. – М. : Юрид. лит., 1988. – 431 с.

5. Отечественное законодательство XI–XX веков : пособие для семинаров / Г.А. Кутьина [и др.] ; под ред. О.И. Чистякова : Ч. 2. – М. : Юристъ, 1999. – 347 с.

6. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года [Электронный ресурс] : принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва : в ред. Указа Президиума Верхов. Совета РСФСР 11 янв. 1956 г. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901757374/>. – Дата доступа: 13.11.2018.

7. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года [Электронный ресурс] : утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. : в ред. Федер. закона от 30.07.96 № 103-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

8. Уголовный кодекс БССР 1960 года [Электронный ресурс] : принят 4-й сессией Верхов. Совета БССР пятого созыва 29 дек. 1960 г. – Режим доступа: http://www.pravo.by/pravovaya_informatsiya/pravovye-akty-bssr/kodeksy/. – Дата доступа: 09.11.2017.

Ю.Н. Гаркуша, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

ПУТИ СОКРАЩЕНИЯ ТЕНЕВЫХ ПРОЦЕССОВ НА РЫНКЕ ПОДАКЦИЗНЫХ ТОВАРОВ

Рассматриваются направления сокращения теневых процессов на рынке подакцизных товаров. Раскрыты объективная основа и сущность теневой экономики, выявлено ее социально-экономическое содержание, обоснованы институциональные предпосылки нейтрализации.

Экономические правонарушения – опасное явление, которое угрожает не только правам человека и верховенству закона, но и вызывает недоверие граждан к органам государственной власти, порождает социальное неравенство. Экономические правонарушения присущи любому государству и потенциально в определенных условиях социальной жизни могут привести к появлению проблем, ставящих под сомнение само существование государства. В целом под угрозу ставятся гарантированность прав и свобод всех членов общества, сохранение конституционного строя, законности и правопорядка в государстве. Без постоянного противодействия и усиления борьбы с экономическими правонарушениями, они имеют свойство расширяться и совершенствоваться [1, с. 45].

При этом правонарушения в области экономики обладают так называемой «сверхлатентностью» (незарегистрированная государственным органами часть фактической преступности). В настоящее время значительное число правонарушений в сфере экономики превратилось в массовое социально одобряемое или, как минимум, не осуждаемое значительной частью общества явление.

С первых лет формирования налоговой системы государство столкнулось с проблемой уклонения от уплаты налогов. Анализ правоприменительной практики показывает, что в ходе документальных проверок нарушения налогового законодательства выявлялись у каждого четвертого налогоплательщика. В результате таких противоправных действий государство несет крупные убытки и его интересам наносится экономический ущерб [2, с. 218].

Среди разновидностей налоговых правонарушений следует особо выделить правонарушения в области подакцизных товаров. Подакцизные товары – товары, реализация которых является объектом налого-

обложения по акцизам. Самыми распространенными правонарушениями в данном направлении являются:

правонарушения в сфере производства и оборота алкогольной, иной спиртосодержащей продукции;

правонарушения в сфере производства и оборота табачных изделий;

правонарушения в сфере оборота нефтепродуктов [3].

Учитывая, что эти товары являются высоколиквидной продукцией и их производство и реализация приносят быструю и значительную прибыль, многие граждане и субъекты хозяйствования принимают решение на этом подзаработать, минуя уплату налогов и государственных пошлин. Характер рыночных преобразований в Республике Беларусь привел к существенному росту масштабов экономических отношений, связанных с производством, ввозом, реализацией подакцизных товаров, которые всегда отличались своей криминальной притягательностью. Специфика подакцизных товаров, их незаконное производство и нелегальный оборот, распространение контрафактных подакцизных товаров являются реальной угрозой как экономической, так и социальной безопасности государства.

Влияние изменений налогового законодательства на развитие рынка товаров, имеющего большую теневую составляющую и представленного товарами, налогообложение которых существенно влияет на бюджет государства требует тщательного изучения как научная проблема, отличающаяся новизной, имеющая практическую значимость и важное значение при рассмотрении аспектов экономической безопасности. Несмотря на возросший в последние годы интерес юридической науки к проблеме обеспечения экономической безопасности, вопросы противодействия нелегальному обороту подакцизных товаров и продукции нуждаются в углубленном исследовании.

Благоприятной средой для совершения преступлений в сфере налогообложения являются следующие условия и факторы:

- а) переходная экономика государства;
- б) динамика изменения налоговых ставок;
- в) высокая ликвидность подакцизных товаров;
- г) незаконное производство подакцизных товаров.

Эффективность применяемых в Республике Беларусь мер государственного регулирования в совокупности с обеспечением контроля за их соблюдением и применением жестких санкций за нарушение законодательства выражена в значительном снижении теневого оборота алкогольной и иной спиртосодержащей продукции в Республике Беларусь, но при этом требуют дальнейшего совершенствования в правоприменительной практике. Наш взгляд, достаточно значимым фактором со-

кращения теневых процессов на рынке подакцизных товаров является ужесточение мер государственной ответственности в части увеличения штрафных санкций за нарушение законодательства в области подакцизных товаров.

Проводя анализ изменений цен, ситуации, сложившейся в экономике, в социальной сфере государства, в связи с трудностями исполнения бюджетных обязательств, можно предположить, что может произойти увеличение роста контрафактной продукции как в целом, так и табачной продукции в частности.

Министерство по налогам и сборам (МНС) является контролирующим органом в сфере оборота подакцизных товаров. Контрольная деятельность налоговых органов, в том числе в отношении подакцизных товаров, регламентируется Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», с изменениями и дополнениями, и Налоговым кодексом Республики Беларусь [4; 5].

Следует отметить, что МНС – республиканский орган государственного управления, проводящий государственную политику и осуществляющий регулирование и управление в сфере государственного контроля за производством и оборотом алкогольной, пищевой спиртосодержащей продукции, пищевой этилового спирта и табачных изделий, оборотом табачного сырья, а также координирующий деятельность в этой сфере других республиканских органов государственного управления.

В целях обеспечения государственного контроля в МНС ведется Государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство, хранение (как вид предпринимательской деятельности) табачных изделий, оптовую и розничную торговлю ими, Государственный реестр юридических лиц Республики Беларусь, иностранных организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство и оборот алкогольной, пищевой спиртосодержащей продукции и пищевой этилового спирта, изучается и анализируется складывающаяся ситуация на рынке алкогольной и иной спиртосодержащей продукции, табачных изделий, обобщается практика применения законодательства, регулирующего производство и оборот алкогольной и иной спиртосодержащей продукции, табачных изделий, вырабатываются предложения о совершенствовании государственного регулирования и контроля в сфере производства и оборота алкогольной и иной спиртосодержащей продукции, табачных изделий, координируется деятельность других республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных

органов по этим вопросам, ведется баланс производства и оборота на внутреннем рынке алкогольной и иной спиртосодержащей продукции, табачных изделий.

Контрольная деятельность осуществляется налоговыми органами с использованием предоставленных законодательством прав, предусмотренных методов и способов проведения проверок, в частности путем проведения встречных проверок, назначения инвентаризаций, проведения контрольных закупок, осмотра используемых для осуществления деятельности территорий, помещений и иных объектов, наблюдения хронометражным методом. Одной из составляющих контрольной деятельности налоговых органов является использование таких мер профилактического и предупредительного характера, как осуществляемый мониторинг, проведение разъяснительной работы о порядке соблюдения требований законодательства, применения его положений на практике.

Основными направлениями совершенствования налоговой системы Республики Беларусь в сфере оборота подакцизных товаров являются: усиление контроля за оборотом подакцизных товаров со стороны органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; интенсификация взаимодействия налоговых органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; наращивание объемов международного сотрудничества; в перспективе наделение налоговых органов полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Незаконный оборот подакцизных товаров и продукции наносит значительный ущерб в сфере социально-экономических отношений: производственным, торговым, инвестиционным, бюджетным, внешнеэкономическим, социальным, а также экологическим.

Преступления в сфере подакцизных товаров совершаются главным образом при рассогласовании экономического механизма, там, где не срабатывает нормальный экономический интерес законных участников общественного производства, нарушены воспроизводственные пропорции, отсутствуют регулируемый рынок, правильно организованный учет и контроль. Решение данной проблемы видится в специально разработанном, системно действующем, механизме профилактики экономических преступлений.

В период системной трансформации белорусского общества, замены экономических институтов основным требованием, которое предъявляется к правоохранительным органам и осуществляемой ими деятельности, является их адекватность новым экономическим и социальным институтам. Роль государства в целом и правоохранительных органов

в частности в условиях перехода к рыночной экономике изменяется. Аппарат государственного принуждения как организационно, так и функционально должен соответствовать уровню и масштабности угроз и вызовов национальной безопасности Республики Беларусь в экономической сфере.

Формирование системы противодействия теневой экономики должно охватывать определение целей, задач, функций данной системы, ее ресурсного обеспечения, механизма взаимосвязи между ее компонентами, механизмов разрешения внутренних конфликтов, а также методов воздействия системы на «теневые» экономические процессы.

Складывающаяся ситуация в области «теневого рынка» наносит ущерб престижу и инвестиционному климату государства, бюджеты всех уровней недополучают прибыль, которая оседает в «теневой» экономике, тем самым укрепляя ее значимость.

Острота сложившейся ситуации обуславливает необходимость проведения серьезных усилий со стороны органов государственной власти по устранению с рынка кустарных производителей, нелегальных розничных торговцев. Однако, как показало проведенное исследование, принимаемые органами внутренних дел меры по пресечению незаконного оборота подакцизных товаров и продукции, во многих случаях не дают желаемого результата. Это обстоятельство требует проведения детальных научных изысканий, направленных на выявление особенностей и механизма совершения соответствующих преступлений.

Одним из важнейших направлений практической деятельности органов внутренних дел является профилактика преступлений в сфере экономики. Осуществляется она в двух основных видах: общей и индивидуальной профилактики. Главное их отличие заключается в том, что в первом случае (при осуществлении общей профилактики) одним из объектов воздействия является хозяйственный механизм, во втором случае (при индивидуальной профилактике) объектами воздействия выступают конкретные лица (хозяйствующие субъекты), которые склонны к совершению преступлений.

Профилактика преступлений включает в себя самые разнообразные виды социальной деятельности – от общих социальных мероприятий, проводимых в масштабе всей страны, до индивидуальных мер, реализуемых с учетом особенностей определенного лица и конкретной жизненной ситуации.

Таким образом, основными направлениями дальнейшего совершенствования деятельности правоохранительных органов в сфере сокращения теневых процессов на рынке подакцизных товаров яв-

ляются получение знаний и повышение квалификации не только по законодательству в сфере подакцизных товаров, но и специальных судебно-товароведческих, для более детальной проверки подакцизной продукции; проведение мониторинга деятельности субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих оптовую и розничную торговлю табачными изделиями; урегулирование и приведение к единому источнику законодательства в области подакцизных товаров; создание устойчивого взаимодействия в борьбе с правонарушениями в сфере подакцизных товаров как внутри правоохранительных органов, так и с другими органами; увеличение имущественных санкций за правонарушения в рассматриваемой области; устранение коррупционных проявлений в государственных органах.

1. Бобкова, И.Н. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики : учеб. пособие / И.Н. Бобкова, А.И. Гвоздев. – Минск : Мин. высш. шк. МВД СССР, 1991. – 225 с.

2. Купрещенко, Н.П. Теневая экономика : учеб. пособие / Н.П. Купрещенко. – М. : МосУ МВД России, 2011. – 345 с.

3. Структура налоговых органов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nalog.gov.by>. – Дата доступа: 06.10.2017.

4. Налоговый кодекс Республики Беларусь : 29 дек. 2009 г., № 71-З ; принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в Кодекс с 9 янв. 2017 г. изм. и доп. не вносились. – Минск : Амалфея, 2017. – 286 с.

5. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 510. – 1/16901.

УДК 947.6

Р.В. Герасименко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент *А.И. Мурашко*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, РУССКОГО И ЖЕМОЙТСКОГО

Рассматриваются основные причины возникновения ВКЛ, ключевые направления внешней политики молодого княжества, а также внутренняя деятельность великих князей литовских и особенности династической борьбы в ВКЛ.

Первая половина XIII в. отмечена появлением двух агрессивных и враждебных к своим соседям сил: монголо-татар на востоке и Тевтонского ордена на западе. Между ними и поднялась новая европейская страна. Ее созидательным ядром стали белорусские и балтские земли, а первой столицей – белорусский Новгородок [1, с. 161]. К причинам возникновения Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (ВКЛ) можем отнести то, что развитие производительных сил, упрочение феодальных производственных отношений вызвали углубление общественного разделения труда. Это объективно повлекло за собой ускоренное развитие городов и торговли, что, в конечном счете, предопределило процесс ликвидации обособленности государств – княжеств и их объединение.

Внешняя угроза, которая исходила с северо-запада от католических орденов крестоносцев, настораживала обособленные княжества. Орден крестоносцев, заручившись поддержкой Папы римского, решил распространить свою идеологию и власть.

Создание ВКЛ относится к 1240-м г., когда тут стал княжить Миндовг. Сложная борьба молодого государства с коалицией Ливонского ордена заставила князя Миндовга пойти на компромисс с Орденом. После восстания жемойтов Миндовг расторг союз с Ливонским орденом, отрекся от принятого католицизма, опять воевал с крестоносцами, но был убит в результате заговора своих же князей-вассалов (жемойтского Троняты, нальшанского Довмонта и полоцкого Товтивила). Великим князем стал так и оставшийся язычником Тронята. На Товтивила он смотрел как на одного из самых опасных врагов, готового в первый же удобный момент занять великокняжеский престол. Наилучшим выходом из такого положения каждый считал смерть соперника [1, с. 164; 2, с. 387].

Как указывает «Хроника Быховца», Тронята пригласил Товтивила делить наследство Миндовга, твердо решив, что ничего, кроме смерти, гость не получит. Полоцкий князь направлялся с большой боярской свитой также с намерением кончить дележ смертельным ударом. Полоцкие бояре не были против, но среди них нашелся изменник Прокоп, выдавший планы земляков Троняте. В скором времени погиб Товтивил. Через несколько месяцев после его гибели умер и Тронята. По дороге в баню, мстя за хозяина, его зарезали четверо конюших Миндовга. Узнав об этом, полочане изгнали верного убитому князя Константина и пригласили Герденя [1, с. 65, 164].

Войшелк, сын Миндовга, узнав о безвластии, решил, что наступил момент для концентрации в своих руках власти над Литвой и Новгородком. Он пришел княжить в Литву, где в целом был встречен как свой «господичич». Войшелк завоевал Дяволтвскую и Нальшанскую

земли и, присоединив их к Новогрудку, стал активнее распространять свою власть на другие княжества, прежде всего на Полоцкое [3, с. 108; 4, с. 324].

Серьезным противником все равно оставались полочане. Поэтому князь Войшелк умело натравливал на Полоцк соседнего псковского князя Довмонта. Таким образом, Довмонт пришел «воевать Полоцк» вместе с новгородцами. Отражая нападение, князь Гердень погиб. Полочане считали за лучшее жить с Новгородком в мире, что, по сути, означало вхождение в ВКЛ. Полоцк получил большую самостоятельность, фактически автономию, которую литовские господа многократно подчеркивали письменными обещаниями «не рухать старины, не вводить новины» [1, с. 165].

Исторической заслугой Войшелка является объединение им в одном государстве Литовской, Нальшанской, Новгородской, Полоцко-Витебской и Пинской земель. Собственно, это и явилось дальнейшим реальным шагом становления нового государства – ВКЛ. Однако последующие действия Войшелка во многом кажутся нелогичными. В последующем он отдал свое княжество Шварну, а сам принял монашеский стан. Шварн уговаривал Войшелка княжить вместе с ним, но тот решительно отказывался [3, с. 109].

В 1279 г. литовские войска нанесли поражение Ливонскому ордену. Князь Витень, опираясь на Новгородское, Городецкое, Полоцкое и другие княжества, укрепил государство. Витень заключил мирный договор с Ригой, из-за соперничества Ливонского ордена и рижского архиепископа. Во времена правления Витеня Полоцкое княжество окончательно вошло в состав ВКЛ [2, с. 387].

Значительно расширилась территория ВКЛ при Гедимине. Он назвал себя великим князем «літоўцаў і рускіх». Гедимин стал править после смерти своего отца в Кернаве. Однако против него восстали немцы и пришли с войском на великокняжескую землю. Гедимин был не в состоянии за короткий срок собрать людей против них и послал своего старейшего гетмана Гаштольда с небольшим войском на город Куноса, чтобы защитить его от немцев. Немцам удалось обойти Гаштольда и осадить его город. Одолев литовское войско, немцы захватили Жемойтскую землю и взяли в плен гетмана. Великий князь Гедимин выкупил у немцев Гаштольда за тридцать тысяч золотых [2, с. 387; 5, с. 89].

Согласно «Хронике Быховца» на второй год, собрав все свои литовские и русские силы, пошел Гедимин на немцев. Однако они предвидели такой ход от великого князя Гедимина, немцы ждали на реке Атмене, в двух милях от Жемойти. Гедимину удалось разбить немецкое войско. Жемойть перешла к Гедимину. После победы Гедимин пошел с Жемой-

тей на вражескую территорию, опустошив всю землю, вернулся на Родину [5, с. 89].

Необходимо понимать, что при Гедимине территория ВКЛ не была втянута во внутреннюю раздробленность и расслоение, поэтому можно обоснованно полагать, что он был одним из немногих литовских князей, которые смогли удержать равновесие в таком государственном образовании, как ВКЛ.

Поскольку современная территория Беларуси не знала татарского нашествия и ее экономические и культурные центры не были разрушены, то расширение территории ВКЛ шло путем мирного объединения белорусских земель. Не всегда мы можем указать точно, какая из них и когда стала частью ВКЛ [6, с. 13].

Если объединение белорусских земель происходило мирно, то вхождение в состав государства многих литовских земель проходило путем их насильственного присоединения. Великий князь Гедимин фактически начал свою деятельность с борьбы с жемойтами, которые по-прежнему сопротивлялись великокняжеской власти и находили поддержку у крестоносцев [6, с. 14].

В этот период происходит сближение ВКЛ с римско-католической церковью, так как Гедимину по внешнеполитическим причинам пришлось заключить союз с Польшей.

Орден крестоносцев – враг для ВКЛ и Польши. Естественно, это не могло не привести к идее единства соседних государств против смертельного противника. Расширение католической веры стало основным направлением в польской экспансии. Данный факт проявился позже, после Кревской унии, однако раннее сближение Польши и ВКЛ явилось своеобразным прологом этой экспансии. При Гедимине, как свидетельствуют его послания, католическая церковь расширяется в государстве, в Новгороде и Вильно возводились костелы. Сам великий князь заботился о приезде монахов, которые хорошо знают польский язык [2, с. 30].

Великий князь сменил тактику борьбы с крестоносцами. С помощью канцелярии рижского магистра Гедимин подготовил и направил лист к Папе римскому [7, с. 102].

Гедимин также стремился привлекать из европейских держав колонистов, особенно ремесленников, которые бы повышали уровень мастерства и культуры среди населения ВКЛ. Господарь приглашал в страну священников, рыцарей, купцов, лекарей, а также ремесленников любой специальности. Всем гарантировались защита, земельный участок и льготы [8, с. 147].

Отправляя послания на Запад, Гедимин не собирался отказываться от основного средства политики того времени – военной силы. Летом 1323 г. его послания читались в немецких городах, а войска продолжали войну с Орденом на всех возможных направлениях. 14 сентября, незадолго до отъезда из Вильни, по просьбе своего зятя Ванько полоцкого, Гедимин послал войска опустошить Добжинскую землю, которую потом активно использовала орденская пропаганда. Великий князь подходил к миру не как слабейший партнер, а с позиции силы, по давнему римскому правилу «Хочешь мира – готовься к войне!» [7, с. 107].

Со временем польско-литовский союз фактически перестал существовать по причине отсутствия заинтересованности обеих сторон. Этот союз историки оценивают как не очень удачный, но признают, что он стал первым шагом по дороге к сближению двух держав в будущем. Оценивать же их сближение возможно как и с положительной, так и с отрицательной стороны [7, с. 124].

На взгляд многих российских историков, за выгодными условиями, которые Польша предоставила ВКЛ: защита от крестоносцев, передача Литве Подляшья, новые рабочие руки, которые помогли бы великому князю обучить народ, что повлекло бы за собой выгодное экономическое положение, скрывалась угроза полонизации белорусского народа, что в конечном итоге и привело к распаду ВКЛ.

В целом неудачные попытки по окончанию войны с Тевтонским орденом можно считать поражением, но не трагедией. Великий князь Гедимин был вынужден смириться с существованием орденской державы – как с неизлечимой, но и не смертельной болезнью [7, с. 124].

Ливонские отряды совершали нападения на земли ВКЛ, прежде всего на Жемойть. Надо отметить, что Польша в это время не пришла на помощь ВКЛ. Более того, в 1337 г., когда готовился новый объединенный поход на ВКЛ, польский король Казимир, хотя сам и не принял участие в этой военной акции, однако намного ее облегчил, заключив мир с тевтонами. Поход этот был направлен на территорию современной Литвы [2, с. 36].

Только тогда, с большим опозданием, Гедимин увидел опасность и попытался уничтожить построенные тевтонские крепости, к тому же укрепленные огнестрельным оружием, которые только-только начали применяться в Европе. Однако при штурме Байебурга, по свидетельству Виганда, Гедимин был убит пулей [2, с. 37].

Польша не смогла прийти на помощь Гедимину именно тогда, когда это было необходимо, что повлекло за собой его смерть и начало прав-

ления Ольгерда и Кейстута, которые не смогли предвидеть амбиций своих сыновей, один из которых пойдет на очередной союз с Польшей. Распространение католицизма на территории ВКЛ повлекло за собой столкновения с Москвой, без которых, на наш взгляд, ВКЛ смогло бы в союзе с Москвой просуществовать и до настоящего времени с выходом в море, что собственно и изменило бы географическую обстановку во всем современном мире.

25-летнее княжение этого властителя было особым промежутком нашего прошлого, и поэтому объективная его оценка имеет важнейшее значение для разумного понимания дальнейшей белорусской истории. В это время четко выявлялись как положительные, так и отрицательные особенности нашей дальнейшей исторической жизни. К первым нужно отнести как наиболее важную – объединение основной массы белорусских земель. Это придало им силу для дальнейшего развития, особенно в восточном и южном направлениях, что и началось вскоре после смерти Гедимина. Объединение стало прочным фундаментом и для окончательного формирования белорусской народности, ее культуры и языка [2, с. 37].

Крестоносцы по-прежнему оставались самым опасным врагом с запада, а с востока начинает расти московская угроза. Польша, понимая необходимость объединения с ВКЛ в борьбе с крестоносцами, прежде всего видела в этом союзе свою крепкую опору для дальнейшего противостояния против них. Однако, будучи католическим государством, как и Орден, Польша стремилась расширять свою государственную религию в соседнем государстве, только в отличие от последнего, который действовал крестом и мечом, она действовала только крестом [2, с. 38].

Таким образом, ВКЛ оказалось в треугольнике вражеских сил, стало ареной борьбы с востока и запада, что прежде всего и обусловило его дальнейший кризис.

В ВКЛ не существовало определенного порядка престолонаследия, поэтому в 1341 г., после смерти великого князя Гедимина, Литва была разделена на восемь частей, находившихся в управлении брата Гедимина Война и семи сыновей: Монвида, Наримонта, Кориата, Ольгерда, Кейстута, Любарта и Явнута. По завещанию Гедимина его сын князь Наримонт получил во владение Пинское княжество [9, с. 182].

Как записано в «Летописце великих князей литовских», Ольгерд, отец короля Ягайло, и Кейстут, отец великого князя Витовта, жили в большой дружбе и любви. И не понравилось им, что великий князь Явнут так возвысился, и сговорились между собой. Князья выбрали определенное время для того, чтобы прибыть в Вильно и занять город под

князем Явнутом. Кейстут первым приехал до города и ворвался в него. Князь Явнут убежал из Вильно в горы и отморозил ноги. Его схватили и привезли к нему великого князя Кейстута, который незамедлил послать гонца с вестью, что находится в Вильно и великого князя Явнута пленил [4, с. 49].

В соответствии с «Летописцем великих князей литовских» сказал Кейстут великому князю Ольгерду: «Тебе подобает князем великим быть в Вильне, ибо ты старший брат, а я с тобой заодно живу». Посадил его Кейстут на великое княжение в Вильно, а Явнута братья дали Заславль. И договорились между собой Кейстут и Ольгерд, что все их братья должны слушаться великого князя Ольгерда, а если обретут город или волость, все делить пополам. Поклялись они друг другу быть до конца жизни в любви и дружбе и никогда не замышлять ничего дурного. И были верны клятве [4, с. 50].

Для нас наибольший интерес представляет Ольгерд, владения которого – Кревский и Витебский уделы – находились на территории Беларуси. Ольгерд особое внимание уделял своим владениям и объединение главного массива белорусских земель в едином белорусском государстве означало дальнейшее расширение белорусского государства путем продолжения традиционной полоцкой политики в отношении северных и восточных соседей. На это были брошены все силы ВКЛ [2, с. 42].

Формой правления была патримониальная монархия, и было нормальным, что в стране сохранилось двоевластие, это имело под собой основания, так как внешнеполитическое положение так усложнилось, что одному лицу, как это проявилось уже при Гедимине, трудно было справиться с управлением государством. Таким образом, когда Кейстут был обязан защищать западные земли, Ольгерд брал в свои руки остальную простор и обязывался расширять границы своего государства.

Главный результат правления Ольгерда – в исключительном расширении территории ВКЛ, которое стало одной из и наиболее великих держав Европы. В ней белорусские земли занимали центральное место, что еще в большей степени обеспечивало им доминирующее положение, давало возможность определять главные направления как внутренней, так и внешней политики ВКЛ [2, с. 70].

Факт правления Ольгерда в Витебске еще долгое время был известен в ВКЛ. Об этом ярко свидетельствуют, в частности, документы времен великого князя литовского и короля польского Казимира Ягайловича – внука Ольгерда, который стал наследником не только государства, но и многих талантов своего знаменитого деда [10, с. 13].

Великий князь Ольгерд умер, и князь великий Кейстут не забыл просьбы брата своего, с которым «до самой смерти в единстве жил, начал держать князем великим в Вильне его сына, князя Ягайло, и начал также приезжать в Вильно, как и к старшему брату своему приезжал» [4, с. 50].

В территориальном плане ВКЛ представляла собой множество земель, владений, которые в свою очередь и составляли две части государства: центральную и примыкающую. Отношения между двумя частями государства складывались на основе подчинения примыкающих территорий и зависимости удельных князей от великого князя на основе сюзеренитета-вассалитета. В центральной части ВКЛ было сосредоточено множество земельных владений феодалов. В центральной части княжества собиралась большая часть войска, а также населения [11, с. 28].

В примыкающей части ВКЛ сохранились местные старинные органы государственного управления, однако такие области никогда не имели полной независимости от центральных органов власти [11, с. 29].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: ВКЛ возникло в результате тяжелого противостояния против внешних врагов отдельных княжеств, а также ускоренного развития городов и торговли, что в конечном итоге и повлекло объединение отдельных территорий и образование ВКЛ. При правлении Миндовга, Гедимины, Ольгерда и Кейстута ВКЛ еще не впало во внутривнутриполитическую раздробленность, обусловленную, в будущем, разногласием великих князей литовских по поводу завоевания власти, а также конфликтами в государстве, связанными с религией. Однако события, начало которым положил Гедимин, а именно сближение ВКЛ с Польшей, продолжали развиваться при правлении Ягайло, имели в том числе и негативные последствия для независимости Великого княжества. Можно наблюдать, что на данном этапе ВКЛ являлось относительно стабильным и мощным государственным образованием того времени.

1. Орлов, В.А. Тайны Полоцкой истории / В.А. Орлов. – Минск : Попурри, 2012. – 608 с.

2. Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 2. Беліцк – Э68 Гімн / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э.Э. Жакевіч. – Минск : БелЭн., 1994. – 537 с.

3. Чигринов, П.Г. История Беларуси : монография / П.Г. Чигринов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 839 с.

4. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь. Полацкі і Новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск, 1990. – 353 с.

5. Беларускія летапісы і хронікі : пер. са старажытнарус., старабеларус. і польск. / уклад. У. Арлова; прадам. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 432 с.

6. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд: гіст. дасл. / М. Ермаловіч. – Мінск : Выд. цэнтр «Бацькаўшчына» : МП «Бесядзь», 1994. – 91 с.

7. Краўцэвіч, А.К. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг. / А.К. Краўцэвіч. – Гародня : Аляксандр Краўцэвіч; Уроцлаў : Kolegium Europy Wschodniej, 2015. – 302 с.

8. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 448 с.

9. Черемин, А.А. Туровское княжество (X–XIV века) / А.А. Черемин. – Минск : Политграфкомбинат им. Я. Коласа, 2012. – 208 с.

10. Варонін, В.А. Княжанне Альгерда ў Віцебску / В.А. Варонін // Беларус. гіст. часоп. – 2013. – № 7. – С. 11–15.

11. Лапановіч, С.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб.-метадапам. / С.Ф. Лапановіч, А.М. Сувалаў ; установа адукацыі «Акад. М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь». – Мінск : Акадэмія МУС, 2018. – 173 с.

УДК 343.985.8

Д.В. Грузинский, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

МЕСТО И РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются вопросы, связанные с современным положением оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в сфере обеспечения национальной безопасности, предлагаются меры по дальнейшей оптимизации данных подразделений.

Мир вступил в стадию кардинальных экономических, общественных, военно-политических и иных изменений, характеризующихся высокой интенсивностью и динамичностью.

В настоящее время формы противоправного поведения приобрели характер реальной угрозы национальной безопасности каждого госу-

дарства, поэтому особо остро стоит вопрос обеспечения национальной безопасности, поиска оптимальных путей повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. В таких условиях значительно возрастает роль органов внутренних дел как одного из компонентов сил обеспечения национальной безопасности.

Ядром национальной безопасности выступает совокупность потребностей государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Беларуси. Они основываются на национальных традициях и ценностях белорусского народа, обеспечиваются возможностями экономики, социальной сферы, политической и военной организации государства.

Особое место в Республике Беларусь среди государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, занимают органы внутренних дел. Органы внутренних дел Республики Беларусь – это государственные органы, осуществляющие правоохранительную функцию в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, а также обеспечивающие общественную безопасность в установленном законом порядке.

Исходя из толкования нормативных правовых актов, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, – государственный орган, уполномоченный в установленном законодательством порядке на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Итак, в ст. 12 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь» [1] закреплен перечень органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Такая структура государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обусловлена интересами белорусского государства, которые отражены в Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 1996 г. и 2004 г.) [2], а также в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [3].

Как видно из анализа правовой регламентации деятельности государства по обеспечению национальной безопасности, субъекты обеспечения национальной безопасности, а также органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, четко закреплены. Вместе с тем предметом дискуссий среди ученых-юристов был и остается вопрос относительно органов, обладающих полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Коллизии возникают в связи с

тем, что оперативно-розыскная деятельность в ряде случаев противоречит законным интересам граждан. Таким образом, наделить полномочиями тот или иной государственный орган – задача, требующая особого контроля государства. Для этого необходимо определить потребность того или иного государственного органа в таких полномочиях, а также четко определить круг этих самых полномочий.

Исходя из анализа данных норм, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, являются органами, обеспечивающими национальную безопасность. Это следует из того, что для выполнения задач, возложенных на органы, обеспечивающих национальную безопасность, в том числе необходима возможность осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Ключевую функцию в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь среди государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, традиционно выполняют органы внутренних дел [4].

В противодействии преступной деятельности посредством оперативно-розыскной деятельности выступают подразделения криминальной милиции: уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, по наркоконтролю и противодействию торговле людьми, по борьбе с коррупцией и организованной преступностью и др. К основным задачам последних можно отнести защиту интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, профилактику, выявление, пресечение преступлений, розыск обвиняемых и др.

С точки зрения обеспечения национальной безопасности организованная преступность – особо опасная форма преступной деятельности. В целях эффективной борьбы с организованной преступностью в МВД создано главное управление по борьбе с организованной преступностью и коррупцией (ГУБОПиК). Сегодня в ГУБОПиК практически реализуются все основные функции подразделений криминальной милиции в сфере борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Используя современные формы и методы оперативно-розыскной деятельности, криминалистики, нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, сотрудники подразделения выполняют оперативно-служебные задачи [5, с. 5].

Основными задачами в области борьбы с организованной преступностью и коррупцией являются: выявление, устранение и предупреждение причин и условий, их порождающих; усиление роли государства как гаранта безопасности личности и общества; противодействие установлению контроля со стороны организаторов (руководителей) и дру-

гих участников организованных групп и преступных организаций над стратегическими отраслями экономики; противодействие легализации («отмыванию») материальных ценностей, приобретенных должностными лицами в результате совершения коррупционных преступлений, или членами организованных групп, в том числе поиск и обеспечение изъятия этих ценностей и денежных средств [5, с. 69].

Правовой основой антикоррупционной деятельности служит Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», в соответствии с которым борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности [6].

Государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, решают стоящие перед ними задачи самостоятельно и во взаимодействии между собой, с другими государственными органами и иными организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь [6].

Подразделениями по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Республики Беларусь пресечена противоправная деятельность более тысячи организованных групп, преступных организаций и банд. В 2004 г. их работа позволила остановить «морозовский» беспредел. В этом же году ликвидировали преступную организацию так называемых «пожарников». Ранее были задержаны и арестованы более 30 участников преступного формирования «Якусевича». В 2014–2015 гг. изобличена преступная организация Молнара. В 2016 г. на скамье подсудимых оказались 11 фигурантов «группы Зайцева», подсудимым было предъявлено обвинение в незаконном обороте и контрабанде наркотиков, организации преступной группы и участие в ней, причинение смерти по неосторожности.

Сегодня, благодаря принимаемым мерам оперативно-профилактического характера, удается держать под контролем процессы, происходящие в криминальном мире, и минимизировать влияние оргпреступности на государство и общество в целом. Приоритетным направлением является выявление и своевременное пресечение коррупционных преступлений. И здесь удалось добиться положительных сдвигов, в чем немалая заслуга органов внутренних дел.

Исходя из действующего законодательства, а именно Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [4], Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [7], можно сделать вывод о том, что особое место в профилактике отведено МВД.

Таким образом, в Республике Беларусь создана и функционирует система государственных органов, которые посредством осуществле-

ния оперативно-розыскной деятельности обеспечивают национальную безопасность государства. Особое место в этой системе занимают органы внутренних дел. На данный момент функции подразделений органов внутренних дел довольно четко разграничены, что способствует повышению эффективности их деятельности. Вместе с тем на фоне проводимой в МВД Республики Беларусь оптимизации, структура и функции подразделений криминальной милиции МВД Республики Беларусь также могут быть изменены с учетом успешного международного опыта. Такие мероприятия поспособствуют стабилизации достижений, которых достигло МВД Республики Беларусь и дальнейшему росту эффективности деятельности подразделений МВД.

Указом Президента Республики Беларусь от 8 июля 2013 г. № 307 «О вопросах совершенствования деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь» утверждается Положение о Департаменте обеспечения оперативно-розыскной деятельности МВД, созданном Указом Президента от 25 февраля 2013 г. № 90 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь» [8].

Департамент обеспечения оперативно-розыскной деятельности Министерства внутренних дел Республики Беларусь является структурным подразделением МВД с правами юридического лица [9].

Реорганизация, проводимая в системе МВД, должна способствовать более четкой структуре органов внутренних дел, улучшению и совершенствованию их деятельности по обеспечению национальной безопасности [10], повышению уровня доверия со стороны граждан.

Опрос общественного мнения, проведенный в 2016 г., показывает, что порядка 65 % опрошенных полностью поддерживают органы внутренних дел, а около 70 % готовы оказать помощь сотрудникам милиции в пресечении противоправных действий [11, с. 4].

Таким образом, деятельность органов внутренних дел имеет весомое значение в обеспечении национальной безопасности, особенно в правоохранительной сфере. Считаем, что возложение полномочий по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, в том числе органам внутренних дел, является обоснованным решением. Вместе с тем вопрос относительно структуры оперативных подразделений органов внутренних дел остается открытым, поскольку различные страны пошли по разным путям решения данного вопроса. С учетом проводимой оптимизации в МВД очевидны направления грядущих изменений, однако говорить о конечном результате не представляется возможным. Это связано с тем, что общественные отношения становятся все сложнее,

приводя к увеличению различных форм преступности. Следовательно, полностью регламентировать структуру оперативных подразделений не целесообразно, так как это стало бы препятствовать реагированию государства на происходящие в обществе изменения.

Итак, можно говорить о том, что избранная система оперативных подразделений является относительно удачной и нормально функционирует. Вместе с тем структура оперативных подразделений в сфере противодействия угрозам национальной безопасности должна оставаться гибкой, чтобы реагировать на быстро изменяющиеся общественные отношения. Таким образом, первостепенной задачей на данный момент можно считать дальнейшую оптимизацию уже существующих оперативных подразделений органов внутренних дел, так и планомерную разработку предложений по улучшению всей системы оперативных подразделений органов внутренних дел в целом.

1. Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

3. Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. № 231-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Сражаясь за справедливость: 25 лет Главному управлению по борьбе с организованной преступностью и коррупцией / сост. Н.Ю. Карасева. – Минск : Звезда, 2016. – 280 с.

6. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г. № 91-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25

февр. 2013 г., № 90 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. О вопросах совершенствования деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 июля 2013 г., № 307 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 05.08.2014 г. № 395 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 04.04.2018.

11. Кожух, С. В авангарде обеспечения общественной безопасности / С. Кожух // На страже. – 2017. – 4 марта. – С. 2.

УДК 343.985.8

Д.В. Грузинский, А.А. Куликович, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА: ПОНЯТИЕ И ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Рассматриваются проблемы современного состояния оперативно-розыскной профилактики как направления оперативно-розыскной деятельности, а также отдельные общие и частные аспекты оперативно-розыскной профилактики.

В связи с сокращением роста преступности возникает закономерный вопрос относительно мер профилактики. Соответственно, оперативные подразделения органов внутренних дел работают и в этом направлении.

В настоящее время использование оперативно-розыскных сил, средств и методов в целях предупреждения преступлений требует дополнительного осмысления в соответствии с новыми социально-экономическими условиями развития нашего общества. Существующие подходы в определении сути и содержания оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел в значительной степени устарели и требуют дополнительного осмысления и переработки.

Исследования, проведенные в 70-х гг. XX в. А.И. Алексеевым, А.Г. Лекарем, В.А. Лукашовым, С.С. Овчинским, Г.К. Синиловым и др., позволяют определить основополагающие положения теории оперативно-розыскной профилактики, выработать категориальный аппарат, определить содержание данной деятельности, разработать от-

дельные организационные и тактические аспекты. Сегодня осуществление оперативно-розыскной профилактики оперативными подразделениями органов внутренних дел сопряжено с использованием более полного комплекса оперативно-розыскных сил, средств и методов; обладает специфическим информационным обеспечением; воздействует на доприступные формы поведения профилактируемых лиц и классически осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь» [1]. Основными направлениями деятельности специалистов в рамках рассматриваемого вопроса являются: выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений; создание предпосылок, определяющих законопослушное поведение профилактируемого лица; сбор информации о криминально активных субъектах, их связях, преступном опыте, намерениях и др. [2, с. 83–84].

В силу определенной специфики проведения профилактики в отношении некоторых лиц, информационное сопровождение оперативно-розыскной профилактики позволяет нейтрализовать способствующие совершению преступлений условия и причины на стадии их развития, когда применение других методов, присущих иным видам профилактики, неэффективно. Иными словами, оперативно-розыскная профилактика органами внутренних дел осуществляется в соответствии с законодательством Республики Беларусь деятельностью оперативных подразделений по выявлению, изучению, нейтрализации причин и условий, способствующих совершению преступлений, активизации факторов, стимулирующих законопослушное поведение граждан, выявлению, изучению, наблюдению и корректирующему воздействию на лиц, склонных к совершению преступлений, используя весь комплекс оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Условиями успешного осуществления оперативно-розыскной профилактики органами внутренних дел являются своевременное получение достоверной информации о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений; анализ сложившейся оперативной обстановки, объективная оценка которой напрямую зависит от результатов изучения динамики и структуры преступности, времени и мест совершения наиболее распространенных преступлений; поведенческих особенностей контингента лиц, совершающих противоправные деяния, и др.

Установление лиц, нуждающихся в профилактировании, предполагает необходимость выявления у них признаков, указывающих на реальную возможность совершить преступление. Своевременное выявление лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, повышает

вероятность недопущения преступного поведения с их стороны, при этом особое значение имеет полнота получаемой информации, позволяющей определять направления деятельности, потребность в привлекаемых силах и ресурсах.

Итак, достаточная полнота полученной информации предоставляет возможность осуществить изучение профилактируемых лиц, определить степень их маргинальности, а также индивидуализировать арсенал средств для профилактического воздействия на это лицо. При этом вызывает интерес совокупность социально-демографических и нравственно-психологических свойств [3, с. 42]. Под социально-демографическими свойствами понимаются пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий, профессия, социальная принадлежность, материальная обеспеченность, место работы, источники доходов. Нравственно-психологические свойства – совокупность взглядов, ориентаций, приверженность определенным идеям, характер, увлечения, образование, наличие психических аномалий. Подвергаются анализу и данные различных учетов о преступном опыте в прошлом, окружении профилактируемого лица и т. п.

Подходя всесторонне к рассмотрению выбранной темы, необходимо отметить, что круг лиц, подлежащих оперативно-розыскному профилактированию, не является однородным с точки зрения их поведения, ближайшего окружения, степени устойчивости криминальной мотивации, личностных особенностей, и, соответственно, воздействие в таком случае должно быть исключительно индивидуализированным. При этом субъектом воздействия может быть оперативный сотрудник, а по его поручению – сотрудники других подразделений, родственники, близкие, знакомые, другие лица, имеющие возможность оказывать влияние на профилактируемого [2, с. 84–85].

Вместе с тем открытым остается вопрос относительно тактики проведения оперативно-розыскной профилактики. Дело в том, что множество тактических приемов сложно согласовать с действующим законодательством, что обусловлено конспиративным характером оперативно-розыскной деятельности.

Согласно результатам изучения оперативно-розыскной практики использование классических подходов в осуществлении оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел не всегда приносит желаемый результат. В специальной литературе широко рассмотрены тактические построения по оказанию профилактического воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений. Следует признать, что в большинстве случаев они сводятся к методам убеждения и принуждения [4, с. 73–74].

Вместе с тем результаты проведенных исследований показывают, что при осуществлении оперативно-розыскной профилактики редко используются: легендирование, инсценирование, имитация, дезинформирование и т. п. Названные способы изначально появились благодаря непосредственному жизненному опыту межличностного взаимодействия людей при решении различных задач: воспитания, управления, политической борьбы, профилактики правонарушений и привлечения к ответственности. Интересен факт, что еще в риторике древних греков и римлян есть немало интересных приемов воздействия на публику в виде различных сочетаний слов, т. е. фигур мысли и слова, и употребления слов в переносном смысле в таких тропах, как метафора, эпитет, ирония, гипербола. Позже проблема воздействия на человека разрабатывалась в рамках философии, логики, психотерапии и др. [5, с. 11].

Дезинформирование как способ оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел является одним из самых доступных и эффективных. Отношение к данному тактическому построению неоднозначно. В его содержание вкладывается порой диаметрально противоположный смысл, исходя из которого делаются выводы о правомерности или неправомерности его использования, этичности либо неэтичности. Так, в «Энциклопедии шпионажа» под дезинформацией понимается фабрикование и распространение ложных, вводящих в заблуждение сведений с целью причинения того или иного ущерба противнику [6, с. 217]. В отдельных источниках указывается, что дезинформация – это пропаганда с целью навязывания ошибочного общественного мнения [7, с. 29]. Некоторые авторы рассматривают данную категорию в широком смысле как искаженную информацию, отмечая, что поступающие сведения могут быть: поданы как источник дезинформации, искажены преднамеренно, изменены произвольно или непроизвольно в ходе их передачи [8, с. 57–59]. Вместе с тем ряд ученых утверждают, что дезинформация является ложью по самой природе объекта, по тем или иным его качествам, поэтому «лучше говорить о ложной информации, чем о дезинформации» [9, с. 79].

Наиболее полной нам представляется позиция, согласно которой дезинформирование можно рассматривать как доведение дезинформационных сведений до преступника, его пособников или третьих лиц с целью введения в их заблуждение [10, с. 17–18]. В частности, при осуществлении оперативно-розыскной профилактики дезинформируемое лицо оценивает сущность и характер складывающейся ситуации, в которую оперативный сотрудник вводит ряд дополнительных факторов, анализирует конкретную информацию, на основе которой выбирает ту или иную линию поведения. Другими словами, субъект оперативно-

розыскной профилактики осуществляет рефлексивное управление противоборствующей стороной путем имитации ее рассуждений с учетом элементов конкретной ситуации, имеющейся и вновь полученной информации, продумывает линию поведения объекта профилактического воздействия и т. п. [4, с. 74].

При осуществлении дезинформирования пересекаются морально-этические и служебные интересы, проявлениями которых являются идеальные человеческие отношения, где нарушение общих моральных принципов недопустимо, и интересы службы, когда оперативному сотруднику приходится принимать сложные решения о воздействии на профилактируемых лиц для достижения целей профилактики. Предпочтение интересов первой группы может вызывать сложности при решении оперативно-розыскных задач, создавать потенциальные угрозы совершения преступлений профилактируемыми лицами. Доминирование интересов второй группы позволяет оперативному сотруднику использовать возможности тактического уровня, значительно повышающие эффективность осуществляемой деятельности. При этом должны соблюдаться условия допустимости воздействия: законность, т. е. непротиворечивость средств воздействия действующему законодательству, избирательность, т. е. такое воздействие, которое дает положительный эффект только в отношении конкретных лиц и остается нейтральным в отношении незаинтересованных лиц [11, с. 168].

Представляется, что морально-этические аспекты дезинформирования следует рассматривать исходя из конкретных обстоятельств его применения, цели, объектов дезинформирования. Необходимо учитывать, что оно носит вынужденный характер. Важно понимать, что инициатором дезинформирования в большинстве случаев является потенциальный преступник, т. е. профилактируемое лицо, так как именно он своим поведением, свидетельствующим о превалировании личных интересов над интересами общества, потенциальной возможностью причинения вреда предопределяет необходимость его использования.

В научной литературе предпринимались попытки выделения критериев допустимости дезинформирования и рассматривались конкретные условия, при которых оно неприемлемо, в частности: при правовой неосведомленности лица, незнании им своих прав и обязанностей, его ошибочных представлениях о правовых последствиях своих действий; при заведомо невыполнимых обещаниях этому лицу, например, нереальных льготах, незаконных послаблениях и т. п.; при дефектах психики и иных болезненных состояниях; при использовании мистико-религиозных предрассудков лица [5, с. 115]. Современные подходы к изучению обозначенного вопроса позволяют расширить названный список, добавив

ряд ограничений: в ходе дезинформирования нельзя использовать психотропные и иные вещества, угнетающие волю и причиняющие вред здоровью; провоцировать совершение преступлений; ограничивать права и свободы граждан; ставить под угрозу жизнь, здоровье и имущество как профилируемых, так и иных лиц; скрывать или искажать информацию, которую профилируемое лицо имеет право знать.

На основании вышеизложенного следует отметить, что дезинформирование в оперативно-розыскной профилактике, являясь с морально-этической точки зрения неоднозначным способом решения оперативно-розыскных задач, позволяет более эффективно осуществлять оперативно-розыскную деятельность, требует от сотрудников оперативных подразделений творческого подхода при его осуществлении, соблюдения норм законности и нравственности.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод: в современных условиях оперативно-розыскная профилактика органов внутренних дел обладает рядом особенностей, связанных со способом получения и реализации оперативной информации; использованием современных достижений психологии и педагогики; спецификой деятельности различных подразделений органов внутренних дел, что в итоге определяет организационные и тактические решения при осуществлении данного вида деятельности.

1. Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Яскевич, А.В. Особенности осуществления оперативно-розыскной профилактики органами внутренних дел / А.В. Яскевич, Д.Н. Лахтиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 83–86.

3. Ананич, В.А. Предупреждение рецидивной преступности / В.А. Ананич, С.Ю. Часнок. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 98 с.

4. Яскевич, А.В. Вопросы допустимости дезинформирования при осуществлении оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел / А.В. Яскевич, Д.Н. Лахтиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 73–76.

5. Шестаков, А.Г. Психологическое воздействие в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел / А.Г. Шестаков // Вестн. Калинингр. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2015. – № 2. – С. 11–13.

6. Полмар, И. Энциклопедия шпионажа / И. Полмар, Т.В. Аллен. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1999. – 816 с.

7. Прохоров, А.М. Дезинформация / А.М. Прохоров // Большая совет. энцикл. : в 30 т. – М., 1972. – Т. 8. – С. 591.

8. Ронин, Р. Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсирование воздействия на личность, технические средства скрытого наблюдения и съема информации : практ. пособие / Р. Ронин. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. – 368 с.

9. Хант, Ч. Разведка на службе вашего предприятия / Ч. Хант, В. Заргарьян. – Киев : Укрзакордонвизасервис, 1992. – 160 с.

10. Мицкевич, В.В. Словарь-справочник основных терминов, понятий и определений юридической психологии : слов.-справ. / В.В. Мицкевич, А.И. Бородич. – Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2013. – 123 с.

11. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователя : учеб. пособие / А.Р. Ратинов. – М. : Высш. шк. М-ва охраны обществ. порядка СССР, 1967. – 290 с.

УДК 342.9

О.А. Дементей, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Козелецкий*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ОТДЕЛЬНЫМ ПРАВОВЫМ АКТАМ УПРАВЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматривается понятие «административный договор» как разновидность акта административного управления, а также предъявляемые к нему требования. Проводится анализ законодательства Республики Беларусь относительно закрепления в нем норм, регулирующих вопросы применения административно-правовых договоров в деятельности органов государственного управления. Вносятся предложения по разграничению форм «административного договора».

Издание разнообразных актов управления – наиболее действенный и широко применяемый инструмент управления в повседневной исполнительно-распорядительной деятельности органов исполнительной власти Республики Беларусь. Такое положение во многом обусловлено многообразием общественных отношений, возникающих в сфере исполнительной власти, что неизбежно требует подготовки и издания значительного числа нормативных правовых и индивидуальных актов управления.

Законом «О нормативных правовых актах», Указом Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» и другими законодательными актами урегулированы от-

дельные положения, касающиеся требований, предъявляемых к различного рода нормативных правовых актов управления. В большей степени это относится и к индивидуальным актам управления, в особенности по поводу использования нормотворческой техники, требований, предъявляемых к стилистическому оформлению текста нормативного правового акта, и др.

Однако в правовой науке выделяют и некоторые отдельные виды административных (управленческих) актов, в частности административный договор, которые, ввиду их исключительности, не подпадают под общее определение акта государственного управления, однако имеют ряд схожих с ним признаков. В частности, ведя речь об *административном договоре*, который относится юридической доктриной к актам управления, следует учесть, что он является формой проявления воли обеих сторон относительно общей цели или единого результата. Это свидетельствует о преобладании диспозитивности в административном договоре над организационно-управленческим характером. Тем самым презюмируется формальное равенство сторон, что в большей степени свойственно для гражданско-правового договора. Однако не следует забывать, что предметом договора в гражданско-правовом аспекте являются в основном права, складывающиеся по поводу имущества, а под предметом административного договора понимается совершение управленческих либо организационных действий с участием органа исполнительной власти в качестве одной из сторон.

В целом положение о диспозитивности административного договора является принципиальным отличием от других актов управления, но, между тем, данное положение противоречит одному из основных признаков актов управления органов исполнительной власти – односторонности. Однако некоторые ученые, в частности А.А. Абдурахманов, считают, что административный договор тесно связан с односторонним актом управления, или, другими словами, административным актом. По его мнению, односторонний акт управления может служить основанием для заключения административного договора, и наоборот, последний может являться предпосылкой для издания административного акта [1, с. 45].

Между тем, несмотря на то что концепция административного договора в настоящее время развита в недостаточной степени, а соответственно, не урегулирован также вопрос, касающийся формы реализации данного договора. В частности, имеется в виду реализация административного договора в форме соглашения либо в форме юридического акта, принимаемого в установленном порядке полномочными субъектами органов исполнительной власти.

Однако прежде чем вести речь об оформлении административного договора, следует определиться с его дефиницией.

Так, в юридической доктрине существует множество определений понятия «административный договор», которое представляется как основанное на нормах административного права соглашение, понимаемое как взаимное и согласованное проявление воли сторон относительно единой цели, между двумя или более формально равными субъектами, имеющее своим предметом совершение управленческих либо организационных действий, в котором хотя бы одна из сторон является органом исполнительной власти либо его законным представителем [1, с. 46].

Следует также упомянуть, что институт административного договора имеет достаточно давнюю историю своего рассмотрения. Так, например, в 1920-е гг. административные договоры рассматривались в юридической литературе как побочная форма управленческой деятельности [2, с. 140], а в 1960-е гг. – в качестве ее демократизации, основанных на равенстве «неравных сторон» [3, с. 134]. Между тем интерес к административным договорам возрос в 90-е гг. XX в., который обуславливался довольно объективными причинами повышения роли договорного регулирования во многих сферах общественных отношений: экономической, социальной, политической и многих других.

Тем не менее в национальном законодательстве понятие «административный договор» не имеет нормативной регламентации. Это связано с тем, что договорные связи между отдельными субъектами управления или между ними же и общественными объединениями носят лишь единичный, исключительный характер, к тому же лишены системности, однако они все же имеют место в практическом применении.

Кроме этого, содержание административного договора часто связывают только с соглашениями между равноправными субъектами управления, входящих в федерацию, например, между министерствами, главными управлениями, управлениями внутренних дел субъектов стран с федеративной формой государственного устройства и органами центрального аппарата (например, правительством Российской Федерации).

Однако следует отметить то, что существуют точки зрения, согласно которым административный договор в некоторых сферах деятельности, например, в правоохранительной, не следует отождествлять по вышеуказанному примеру. Так, некоторые ученые выделяют несколько разновидностей административных соглашений, отдельные из которых могут иметь или уже имеют место (однако не считаются таковыми) в правовой действительности. Например, А.А. Абдурахманов выделяет следующие виды административных соглашений: между органами внутренних дел и другими государственными организациями; между ОВД и негосударственными организациями; между ОВД и гражданами [1, с. 51].

Административные договоры между ОВД и вышеуказанными субъектами административно-правовых отношений могут заключаться с целью

улучшения взаимодействия, организации регулярного обмена информацией, что позволило бы правохранителям оперативнее выполнять свои полномочия. Так, контракты на негласное сотрудничество между ОВД и гражданами по своей сути носят административно-правовой характер. Такие контракты в полной мере можно считать примерами административного договора. К слову, административные договоры в форме соглашений о взаимодействии заключаются и с компетентными ведомствами иностранных государств [4; 5].

Логичным будет вывод о том, что данные административные договоры будут заключаться в форме соглашения. В подобных договорах, по аналогии с гражданско-правовыми, должны быть оговорены: обязанности и права первой стороны по договору; обязанности и права второй стороны по договору; срок выполнения своих обязательств сторонами; место выполнения обязательств каждой из сторон; способ выполнения обязательств каждой из сторон (порядок действий, их последовательность, сроки).

К каждому виду обязательств (обязанностей) партнера должны быть предусмотрены: соответствующая ответственность; способы обеспечения обязательств; основания досрочного расторжения договора в одностороннем порядке и порядок действия сторон при одностороннем расторжении договора; условие о конфиденциальности информации по договору; порядок разрешения споров между сторонами по договору [6].

Особые требования предъявляются и к преамбуле таких соглашений, которая должна содержать: наименование договора (о сотрудничестве, помощи и взаимодействии и др.); дату составления договора; место подписания договора; полные фирменные наименования партнеров, под которыми они зарегистрированы в реестре; названия сторон по договору; подробное наименование должности, фамилию, имя, отчество лица, подписывающего договор, а также наименование документа, из которого следуют его полномочия на подписание договора [6].

Существует также более широкий перечень подобных требований, однако считаем нецелесообразным подвергать его чрезмерно глубокому анализу. Это обусловлено, в первую очередь, недостаточной разработанностью самой концепции «административного договора». К тому же, по вышеуказанному примеру ученого А.А. Абдурахманова, имеют место также административные договоры, которые объективируются в форме совместных приказов вместе с другими органами исполнительной власти (в том числе и ОВД).

Следовательно, раз в данном случае административные договоры представлены в форме совместных приказов, которые являются по большей части нормативными правовыми актами, то и требования к ним будут несколько отличаться от требований, свойственных для договора.

Так, к общим требованиям, предъявляемым к нормативным правовым актам, относятся: соответствие принципам нормотворческой деятельности (конституционности; соответствия актов нижестоящих государственных органов (должностных лиц) актам Главы государства и вышестоящих государственных органов; приоритета общепризнанных принципов международного права; защиты прав и свобод, законных интересов граждан и социальной справедливости; научности; системности и комплексности правового регулирования общественных отношений) (ст. 7) [7].

Должна иметь место согласованность нормативного правового акта с другими нормативными правовыми актами. Немаловажным требованием является также принятие (издание) нормативного правового акта уполномоченным на то государственным органом (должностным лицом) в пределах его компетенции, а также в порядке и по форме, установленных законодательством Республики Беларусь. К тому же нормативный правовой акт должен соответствовать нормотворческой технике (ст. 9) [7].

Что касается самой нормотворческой техники, то в разд. II вышеуказанного закона также изложен ряд требований, необходимых для нормативных правовых актов. Так, в соответствии со ст. 23 к ним относятся:

понятность и однозначность терминов и понятий, используемых в тексте нормативного правового акта (при изложении норм последнего необходимо избегать чрезмерно обобщенных и чрезмерно детализированных формулировок, а также дублирования нормативных предписаний и их множественности по одному и тому же вопросу; изложение нормы нормативного правового акта должно быть лаконичным, преимущественно утвердительным и сегодня);

лаконичность названия нормативного правового акта, раздела, главы и статьи (они должны быть четко сформулированными и отражать их основное содержание);

размещение сначала более общих, а затем более конкретных положений при изложении текста нормативного правового акта;

изложение нормативных предписаний о порядке вступления в силу нормативного правового акта, изменении и (или) дополнении, признании утратившими силу нормативных правовых актов (их структурных элементов), а также поручения государственным органам (организациям) в виде заключительных положений нормативного правового акта (ст. 23) [7].

Помимо вышесказанного в тексте нормативного правового акта также не допускается употребление: «просторечий и экспрессивных форм разговорной речи; в одном и том же смысле разных понятий (терминов); иноязычных заимствований при наличии равнозначных слов и терминов в белорусском или русском языке; нечетких словосочетаний, обоб-

ценных рассуждений, восклицаний и призывов, образных сравнений, эпитетов, метафор; аббревиатур, кроме общеизвестных; ненормативной лексики» (ст. 34) [7].

Таким образом, административный договор как в форме самого контракта (договора), так и в форме совместного приказа будет являться соглашением, однако способ его принятия (заключения) при различных формах также будет отличаться.

Так, при заключении данного «административного договора» в форме совместных приказов, порядок подготовки их проектов не отличается от других нормативных правовых актов:

«Особенности порядка подготовки проектов различных видов нормативных правовых актов, технико-юридические требования к их оформлению, а также иные вопросы, не урегулированные настоящим Законом, определяются Правилами подготовки проектов нормативных правовых актов, разрабатываемыми Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь совместно с Министерством юстиции Республики Беларусь и утверждаемыми Президентом Республики Беларусь. Правила подготовки проектов нормативных правовых актов не могут ограничивать права субъектов нормотворческой деятельности и нормотворческих органов» (ст. 25) [7].

Что касается формы договора, то она в отличие от формы совместного приказа (соглашения компетентных ведомств) не имеет строго регламентированного порядка подготовки и для ее заключения достаточно волеизъявления сторон.

Таким образом, несмотря на то, что договоры управленческого характера не имеют должного рассмотрения как в деятельности ОВД, так и в деятельности других органов исполнительной власти, они всячески объективируются в форме различного рода совместных приказов, соглашений.

По нашему мнению, данному вопросу следует уделить больше внимания, а разработка этой проблемы будет способствовать повышению качества и оперативности осуществления ОВД своих полномочий. При разработке концепции административного договора следует также выбрать форму, в которой будет представлен данный вид административного акта управления: в виде договора (соглашения сторон) или в виде нормативного правового акта (совместный приказ различных ведомств), вообще в обеих этих формах, которые будут варьироваться от масштаба применения данного административного договора.

1. Абдурахманов, А.А. Правовые акты управления в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие / А.А. Абдурахманов. – М. : ВНИИ МВД России, 2005. – 64 с.

2. Елистратов, А.И. Административное право : учеб. пособие для вузов / А.И. Елистратов. – М. ; Л. : Госиздат, 1929. – 336 с.

3. Ямпольская, Ц.А. О теории административного договора / Ц.А. Ямпольская // Совет. государство и право. – 1966. – № 10. – С. 132–136.

4. Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Федеральной миграционной службой (Российская Федерация) о сотрудничестве в области миграции [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минске 05.12.2008] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Республики Казахстан о сотрудничестве [Электронный ресурс] : [заключено в г. Астане 24.05.2011 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Порядок заключения договоров [Электронный ресурс] // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь «Pravo.by». – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/bank-dannykh-biznes-pravovye-osnovy-biznesa/khozyaystvennaya-deyatelnost/poryadok-zaklyucheniya-dogovorov/>. – Дата доступа: 23.03.2018.

7. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г., № 31-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342.9

Н.А. Демьянов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.И. Левишук*

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.А. Егоров*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЕМ И НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Рассматриваются вопросы, связанные с возникновением и развитием института возмещения вреда, причиненного правонарушением, на этнической территории белорусов. Выявляются место и роль данного института и в целом права в различных социально-экономических и политических условиях.

Согласно ч. 2 ст. 60 Конституции Республики Беларусь граждане с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства вправе взыскать в су-

дебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда в соответствии с законом. Данная конституционная гарантия получила широкое распространение во всех отраслях права и была конкретизирована во многих кодифицированных законах, что отражает значимость института возмещения вреда для нашего правового государства и общества. В связи с этим для понимания значения и сущности института возмещения вреда необходимо проследить этапы его исторического развития, роль в социальной и правовой жизни в различные исторические периоды.

Институт возмещения вреда был известен нашим предкам еще 1000 лет назад и прошел ряд этапов, на каждом из которых нормы, определявшие условия и порядок возмещения вреда, постепенно совершенствовались и охватывали все большую область общественных отношений.

Так, первым дошедшим до нас письменным источником права на этнической территории белорусов является Русская Правда – основной закон великих киевских князей, который впоследствии распространился на всю территорию Древней Руси. В Русской Правде обязательство из причинения вреда можно найти в тех нормах, которые определяют размер денежных взысканий за вред, причиненный собственности. В этих нормах выступают две стороны: управомоченная сторона, которая вправе требовать возмещения вреда, и обязанная, которая должна возместить причиненный вред (субъект правонарушения). Однако уже в то время законодатель определил «возмещение вреда» не как наказание, а как деликтное обязательство.

В Русской Правде институт возмещения вреда имел различные формы. Самая распространенная форма – это институт «головничества». Термин «головничество» в Русской Правде употребляется как частное вознаграждение за убийство, которое уплачивалось только родственникам убитого самим преступником. Следовательно, «головничество» – обязательство из причинения вреда. Из статей Русской Правды также вытекает такая форма возмещения вреда, как «за обиду», означающая, что при совершении любого противоправного деяния уплачивается денежное вознаграждение потерпевшему.

За некоторые правонарушения устанавливалось взыскание в пользу потерпевшего, называемое «урок», которое являлось также обязательством, которое возлагалось на причинителя вреда. Урок выплачивался в случае совершения преступлений против собственности и был равен цене украденной вещи и убыткам, причиненным кражей или повреждением имущества [1]. Таким образом, в Древней Руси институт возмещения вреда имел место как по деликтному, так и по договорному обязательству.

В дальнейшем эволюционирование общественных отношений побудило оптимизировать законодательство (усовершенствовать правовые нормы) с учетом социально-экономических и политических условий развития общества, в том числе нормы, касающиеся возмещения вреда, причиненного правонарушением или незаконными действиями должностных лиц государственных органов.

В XVIII в. в гражданском праве прослеживается тенденция к развитию правовых институтов, направленных на борьбу с незаконными действиями государственных служащих, причинивших вред и убытки государственным и частным интересам. Так, в 1762 г. Екатерина II издает Именной указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства», предусматривающий имущественную ответственность судей за взяточничество, а также обязательства возместить потерпевшему от лихоимства лицу имущественный ущерб. В 1775 г. был принят документ «Учреждения для управления губерний», по которому была предусмотрена ответственность судей за нарушение процессуальных сроков по делам, а в качестве наказания предусматривалось лишение жалования в пользу потерпевшего или его наследников [2].

В начале XIX в. Александр I попытался реформировать систему государственных органов и законодательную систему. Так, на основании Высочайшего Манифеста от 31 января 1833 г. вступил в законную силу Свод законов Российской империи, который включил в себя все действовавшие в тот период законодательные акты. Это стало новым этапом в развитии гражданского права, так как впервые нормам отрасли гражданского права был посвящен целый том, включающий нормы вещного и обязательственного права. Эти нормы предусматривали возникновение обязательств, возникших из причинения вреда в случае совершения правонарушения (глава 6 «О праве вознаграждения за понесенный вред и убытки»). Согласно данным нормам обязательным условием для получения потерпевшим компенсации являлось наличие вины причинителя вреда [3].

Нормы, регулировавшие вопросы компенсации морального вреда, в то время были закреплены в актах гражданского законодательства, однако они были недействующими, поскольку для дворянского сословия важное значение имели обычаи и традиции. Так, личное оскорбление, причиняющее им нравственное страдание, воспринималось как «вызов» для их репутации. Как следствие, в дворянской среде защита своих личных неимущественных прав, не связанных с имуществом, осуществлялась посредством вызова «к барьеру».

На этнической же территории белорусов вышеназванные традиции не получили широкого распространения среди шляхты. На западную

территорию Российской империи распространялись как гражданско-правовые нормы светского законодательства, так и гражданские положения Статутов Великого княжества Литовского.

С приходом Советской власти началось формирование новой правовой системы с учетом всех происшедших социально-политических изменений в обществе. В частности, коренному изменению подверглась отрасль гражданского права, что было обусловлено процессом национализации, изменившей отношение к собственности во всей России, включая западные губернии. Так, вступивший в законную силу в 1922 г. Гражданский кодекс РСФСР установил ответственность за причиненный вред. В гл. 13 данного закона, именуемой «Обстоятельства, возникающие вследствие причинения другому вреда», явно прослеживается связь вреда с деятельностью лица, причинившего вред [4].

Особый интерес в этой главе представляет ст. 406 Гражданского кодекса РСФСР, которая противоречила общим принципам возникновения ответственности за причиненный вред, если материальное положение потерпевшего было тяжелым. Помимо этого, суд мог уменьшить размер вознаграждения за вред в случае несостоятельности причинителя вреда. В ст. 411 указывалось то, что суд во всех случаях должен обращать внимание на имущественное положение как потерпевшего, так и причинителя вреда при определении размера вознаграждения. Эти нормы свидетельствуют о специфическом понимании законодателя классового подхода, а также в полной мере отражают характер всех социальных изменений, происшедших в обществе с образованием новой социалистической государственности.

Вместе с тем Гражданский кодекс РСФСР (1922 г.) не содержал норм, определяющих условия и регулирующих порядок компенсации морального вреда. Советские ученые-юристы принципиально стояли на недопустимости существования института возмещения морального вреда в советском законодательстве, аргументируя это тем, что: компенсация морального вреда является частью буржуазного права, отражает аморальность и безнравственность в обществе; невозможно определить размер компенсации, и она создает опасность расширения судейского рассмотрения и появления судебного произвола. У советских юристов существовало утверждение, согласно которому «невозможно измерить достоинство советского человека в презренных бумажках» [5].

Коренным образом изменила ситуацию новая Конституция СССР 1977 г., которая значительно расширила права советских граждан, в том числе относительно возмещения вреда. Данные положения легли в основу иных правовых актов, освещающих вопросы возмещения вреда в период «застоя».

Институт возмещения вреда привлекает широкое внимание со стороны граждан и организаций, поскольку партийное руководство берет новый курс на «перестройку», что является основанием возникновения новых неурегулированных отношений. В этот период законодатель принимает отдельные нормативные правовые акты, касающиеся института возмещения вреда, в частности Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» и др. [5].

В силу того что гражданско-правовыми нормами в основном регулировались имущественные отношения, то вред возмещался только в случае, если имелось товарно-стоимостное содержание, которое исчислялось в денежном выражении. В зависимости от того, какому благу причинялся вред (имуществу или личности) зависела стоимостная характеристика вреда. Следует отметить, что в этой связи в советском праве остро ставился вопрос о возмещении морального вреда, который никак не связан с товарно-стоимостной оценкой.

Основные положения, касающиеся возмещения вреда, того времени легли в основу современного отечественного законодательства. Сегодня нормы, регулирующие основания и порядок возмещения вреда, содержатся во многих нормативных правовых актах. Однако их большинство носит бланкетный характер, отсылает к гражданскому законодательству (к гл. 58 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Одним из способов защиты прав, свобод и законных интересов в административном процессе является возмещение вреда, причиненного административным правонарушением, а также незаконными действиями судьи, органа, ведущего административный процесс, должностных лиц, наделенных административно-процессуальными полномочиями. Однако данный способ не нашел своего четкого закрепления в административно-процессуальном законодательстве, что отрицательно сказывается на эффективности реализации данного института.

На сегодня положения, касающиеся возмещения вреда, в административном процессе регламентированы Процессуально-исполнительным кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь, а также Гражданским кодексом Республики Беларусь. В частности, гл. 13¹ ПИКоАП «Возмещение вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями суда, органа, ведущего административный процесс» и гл. 22 ПИКоАП «Исполнение постановлений в части возмещения имущественного ущерба» содержат нормы, определяющие порядок и условия возмещения вреда в админи-

стративном процессе [6]. Вместе с тем до сих пор остаются нерешенными вопросы, касающиеся формы требования о возмещении вреда в рамках административного процесса; круга субъектов, имеющих право на возмещение вреда; порядка и процедуры рассмотрения заявленных требований, отражение их в постановлении, выносимому по делу, и др.

1. Памятники российского права : учеб.-науч. пособие : в 35 т. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – Т. 1 : Памятники права Древней Руси. – 528 с.

2. Ведзижева, Т.Ш. Генезис института возмещения вреда, причиненного судебными органами в Древней Руси / Т.Ш. Ведзижева // Вестн. Рос. правовой акад. – 2013. – № 4. – С. 7–10.

3. Институт возмещения вреда в XIX–XX веках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://theoldtree.ru/gosudarstvo_i_pravo/institut_vozmeshheniya_vreda_v_xix_.php. – Дата доступа: 17.03.2018.

4. О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, 11 нояб. 1922 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

5. Донцов, С.Е. Возмещение вреда по советскому законодательству / С.Е. Донцов, В.В. Глянцев. – М. : Юрид. лит., 1990. – 271 с.

6. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342.9

Г.В. Жмаев, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

ФЕНОМЕН «ОДНО ОКНО» В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ (КАК ПРИНЦИП, КАК СЛУЖБА, КАК ТЕХНОЛОГИЯ)

Рассматривается понятие «одно окно» с различных содержательных аспектов: как заявительный принцип, как служба, как одна из форм технологии «электронное правительство». Проводится детальный анализ данного феномена по всем трем направлениям, выделяются его характерные элементы, за-

конодательная база их закрепления, предлагаются меры по повышению эффективности дальнейшего применения.

Понятие «одно окно» представляет собой многосторонний феномен, возникший как средство дебиюрократизации государственного аппарата, оптимизации внутренней деятельности государственных органов, порядка их функционирования и взаимодействия, сокращения переписки и отчетности, и упрощения обработки заявлений, поступающих от граждан и юридических лиц, а также более эффективной реализации субъектами права своих прав в целом.

Данный феномен можно рассматривать с трех различных позиций: как заявительный принцип, как самостоятельную службу и как технологию.

Заявительный принцип «одно окно» заключается в особом режиме обработки документов без непосредственного взаимодействия граждан с должностными лицами, принимающими административные решения, при котором заинтересованному лицу не требуется представлять документы, которые могут быть запрошены и получены самостоятельно уполномоченными должностными лицами. В целях соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, пресечения проявлений бюрократизма и волокиты в деятельности государственных организаций, улучшения качества их работы с гражданами Президентом Республики Беларусь в 2005 г. подписан Указ № 432 [1], который представляет собой комплексный нормативный правовой акт, направленный на реальное внедрение в Беларуси принципа «одно окно».

Несмотря на то что в названном нормативном правовом акте не содержалось упоминания и нормативного определения понятия принципа «одно окно», в нем четко прописывались условия (в том числе требования, запреты, ответственность и т. п.), определяющие порядок фактической реализации данного принципа и рамки правового поля деятельности государственных органов и государственных служащих.

В частности, государственным органам запрещалось требовать для выдачи справок представления гражданами документов и (или) сведений, не предусмотренных в перечнях, и запрашивать у человека документы, если организация может получить их сама, за исключением документов, удостоверяющих их личность, гражданскую дееспособность, полномочия на совершение действий от имени и в интересах других граждан.

Данным документом также устанавливался размер платы за услуги по выдаче документов и справок, которые должны были не превышать экономически обоснованных затрат, связанных с составлением справки, строго регламентировались сроки выдачи государственным орга-

ном справок и срок действия справок и документов (не менее шести месяцев). Указом также устанавливался запрет на прекращение приема граждан и выдачу документов по причине отсутствия уполномоченного работника, и нормативно закреплялась административная ответственность руководителя государственного органа за нарушение установленного порядка работы с гражданами.

Одновременно указом закреплялось требование, согласно которому в государственном органе на информационных стендах, табло должна размещаться информация: о структуре органа и его руководителях; режимах работы и приема граждан; перечнях, порядке заполнения и представления гражданами документов и (или) сведений, необходимых для получения справок; порядке, сроках выдачи и действия справок, а также о размере платы, взимаемой за выдачу справок; местонахождении, номере служебного телефона, фамилии, имени, отчестве, должности работника государственного органа, ответственного за выполнение соответствующих функций.

Дальнейшее развитие принцип «одно окно» получил в Директиве Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2, в котором Совету Министров Республики Беларусь предписывалось: 1) принимать меры по обеспечению максимально полного информирования граждан об использовании при осуществлении административных процедур принципа «одно окно»; 2) проработать вопрос об обеспечении максимальной консолидации административных процедур в рамках одной службы и внести на рассмотрение Главы государства проект указа Президента, определяющего правовой статус и организацию деятельности службы «одно окно»; 3) по обеспечению информационно-технологического взаимодействия всех информационных ресурсов, необходимых для осуществления административных процедур, а также по доработке программного комплекса «Одно окно» с учетом выявленных на практике недостатков в его работе [2].

Первое из трех обозначенных направлений развития нашло отражение при разработке соответствующей нормативной правовой базы, направленной на систематизацию перечня административных процедур и упорядочение деятельности государственных органов по их осуществлению.

Так, впервые на законодательном уровне было нормативно закреплено определение понятия «заявительный принцип одного окна», под которым следует понимать обращение заинтересованного лица с заявлением в один уполномоченный орган с приложением документов и (или) сведений, необходимых для осуществления административной процедуры, которые могут быть представлены только заинтересованным лицом

(ст. 4) [3]. В нем же дано определение непосредственно административной процедуры и административного решения и его видах, закрепляется ряд иных терминов.

В этой связи следует отметить, что требования, предъявляемые к государственным органам по реализации заявительного принципа «одно окно» (порядок и часы приема заявлений, сроков их разрешения, запрета относительно предоставления дополнительных документов, координаты руководства, сотрудников, правила получения документов и т. д.), впервые прописанные в Указе Президента Республики Беларусь № 432 в 2005 г. нашли нормативное закрепление в указанном выше законе.

В развитие положений Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» в части дальнейшего введения и совершенствования действия принципа «одно окно» принят Указ Президента Республики Беларусь № 200, которым закреплен четкий порядок выдачи государственными органами и иными государственными организациями справок и других документов [4]. Данный указ направлен на упрощение, создание более доступной и понятной для граждан процедуры обращения в государственные органы за получением справок и других документов. Утвержденный этим нормативным актом перечень включает административные процедуры, которые охватывают практически все сферы жизни: жилищные правоотношения, здравоохранение, связь, природопользование, архитектуру и строительство, труд и социальную защиту, транспорт, полученные доходы и уплаченные налоги, регистрацию недвижимости и сделок с ней и др. Он помогает гражданам свободно ориентироваться в том, в какой именно государственный орган следует обращаться за получением определенной справки, какие конкретно документы нужно иметь с собой, сколько стоит услуга по выдаче такой справки и в какие максимально короткие сроки государственный орган обязан рассмотреть данное обращение. Аналогичный нормативный документ, закрепляющий единый перечень административных процедур, осуществляемых в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, принят на уровне Совета Министров [5].

В качестве положительного момента разработки пакета документов, регламентирующих административно-процедурные правоотношения и порядок реализации принципа «одно окно», следует отметить систематизацию в конкретных правовых актах исчерпывающих перечней административных процедур. При таком подходе приоритетным направлением взаимодействия при реализации принципа «одно окно» является организация электронного обмена документами и сведениями, касающимися заявителей, которые формируются, хранятся, обрабаты-

ваются и используются в ведомственных информационных системах исполнительных органов государственной власти по предметам их ведения. Вместе с тем анализ практики применения рассмотренных нами нормативных правовых актов свидетельствует о большом количестве вносимых в них изменений и дополнений (с момента принятия Указа № 200 в 2010 г. внесено более 50 дополнений; в постановление Совета Министров № 156 в 2012 г. – более 200), что в определенной степени противоречит принципу стабильности законодательства.

На необходимость создания единой службы «одно окно» указывалось в Директиве Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2, в которой, в частности, указывалось на целесообразность подготовки и внесения на рассмотрение Главы государства «проекта указа Президента, определяющего правовой статус и организацию деятельности служб «одно окно» [2].

В Законе Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. «Об основах административных процедур» закреплено положение, согласно которому в местных исполнительных и распорядительных органах базового территориального уровня, а также в администрациях районов в городах предусмотрено функционирование службы «одно окно», порядок создания и деятельности которых устанавливается законодательством (ст. 6) [3].

Однако фактически единая служба «одно окно» нормативное закрепление своего правового статуса и организации деятельности получила с принятием соответствующего Положения о порядке создания и деятельности службы «одно окно» [6]. Документ принят в целях дальнейшего совершенствования порядка осуществления административных процедур и организации деятельности службы «одно окно». Согласно вышеназванному положению служба «одно окно» является формой организации деятельности исполкомов, их структурных подразделений, осуществляющих государственно-властные полномочия в определенной отрасли (сфере деятельности) на территории соответствующей административно-территориальной единицы, а также республиканских органов государственного управления по осуществлению административных процедур. Создание службы «одно окно» предусматривается в городских (городов областного подчинения), районных исполнительных комитетах, администрациях районов в городах на основании решения соответствующего исполкома. Определено, что основной целью службы «одно окно» является обеспечение в одном месте приема заявлений заинтересованных лиц об осуществлении административных процедур и выдачи административных решений по ним в соответствии с перечнем, установленным правительством.

Основными задачами службы «одно окно» являются: обеспечение реализации заявительного принципа «одно окно»; создание условий для подачи в одном месте заинтересованными лицами заявлений об осуществлении административных процедур; оказание бесплатной консультативной помощи по вопросам подготовки документов, необходимых для осуществления административных процедур; обеспечение своевременной и качественной подготовки документов, необходимых для осуществления административных процедур; выдача административных решений.

В указанном положении закреплены функции, реализуемые службами «одно окно» по решению возложенных на них задач. Важным условием, свидетельствующим о развитии взаимоотношений граждан и уполномоченных органов в административно-процедурных правоотношениях, является закрепление положения о недопущении направления заинтересованных лиц для получения консультаций в уполномоченные органы при их обращении в службу «одно окно». Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 740 закреплен Перечень административных процедур, прием заявлений и выдача решений по которым осуществляются через службу «одно окно» [7], который объединяет 84 вида административных процедур, относящихся к различным сферам жизнедеятельности общества.

Общая координация деятельности государственных органов, иных организаций, службы «одно окно» по вопросам осуществления административных процедур в соответствии с Указом от 24 мая 2018 г. № 202 возложена на Министерство юстиции, которым указанная функция управления осуществляется как самостоятельно, так и через главные управления юстиции областных (Минского городского) исполкомов [8].

Обеспечение информационно-технологического взаимодействия всех информационных ресурсов, необходимых для осуществления административных процедур осуществляется путем внедрения как в службах «одно окно», так и на рабочих местах государственных служащих программного комплекса «Одно окно» (далее – ПК «Одно окно»).

ПК «Одно окно» представляет собой web-портал, состоящий из открытой и закрытой частей (www.odno-okno.by). Открытая часть портала – справочная служба для населения. На портале представлен весь перечень законодательных актов, принятых в целях реализации принципа «одно окно», новости, историческая справка, информация о работе служб «одно окно», информация о процедурах и необходимых для представления в государственные органы документах, регламент выполнения процедур. Закрытая часть портала дает возможность вместо бумаж-

ных писем с печатями и подписями предложить специальные «ключи» и электронно-цифровые автографы, позволяющие государственным служащим мгновенно получать доступ к информационным базам других государственных органов [9].

Первая очередь этого комплекса была разработана в рамках Государственной программы информатизации на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь» [10]. В основу ПК «Одно окно» был положен перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными государственными организациями по обращениям граждан.

ПК «Одно окно» – подсистема общегосударственной автоматизированной информационной системы (ОАИС) [11], предназначенная для предоставления технологий выполнения административных процедур, совершаемых в отношении граждан, в электронном виде посредством Единого портала электронных услуг, который законодательно определен базовой точкой доступа при дистанционной подаче заявлений об осуществлении административных процедур в электронном виде и получении результатов административных решений в виде электронного документа.

На портале реализован механизм выполнения полного цикла действий по получению административной процедуры онлайн для граждан: подача заявки на выполнение административной процедуры; прикрепление необходимых запрашиваемых документов; оплата через ЕРИП; отслеживание хода выполнения заявки в личном кабинете.

С 1 ноября 2017 г. осуществлялся планомерный переход на использование ПК «Одно окно» – вторая очередь. Внедрение в постоянную эксплуатацию второй очереди ПК «Одно окно», являющегося подсистемой ОАИС и разработанного в рамках реализации подпрограммы «Электронное правительство» Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы, в том числе с учетом перехода с первой на вторую очередь ПК «Одно окно», осуществляется республиканским унитарным предприятием «Национальный центр электронных услуг» совместно с государственными органами и иными организациями, осуществляющими административные процедуры [12].

Вторая очередь ПК «Одно окно» предполагает три способа получения информации, необходимой для осуществления административной процедуры: 1) взаимодействие с государственными информационными ресурсами (что позволит сократить время на заполнение заявлений, предоставление административных решений); 2) взаимодействие

«оператор-оператор» (возможность запросить необходимые данные у другого, территориально удаленного, оператора «одного окна»); 3) взаимодействие с системой межведомственного электронного документооборота (что позволяет получить данные удаленно из любого ведомства, подключенного к системе).

В целом модернизация технологии «Одно окно» позволяет упростить работу специалистов по электронной регистрации обращений граждан, направлению запросов, повысить скорость работы программного комплекса, а в перспективе отказаться от документооборота в бумажном виде.

Подводя итог можно заключить, что феномен «одно окно» представляется возможным рассматривать с трех позиций – как заявительный принцип, как службу, как форму реализации технологии «электронное правительство», что отражает его комплексный и многогранный характер. Анализ результатов внедрения «одного окна» свидетельствует о достижении положительных тенденций, таких как: сокращение сроков получения государственных услуг; снижение межведомственной волокиты; достижение существенного антикоррупционного эффекта за счет отсутствия непосредственного взаимодействия с предоставляющими услуги государственными служащими; повышение комфортности и удовлетворенности граждан взаимодействием с государственными органами.

Дальнейшее комплексное развитие феномена «одно окно» предполагает совершенствование технологического и организационного уровней работы с заявлениями граждан, юридических лиц [13, с. 138–143], направленных на оптимизацию административно-процедурных отношений, повышение межведомственного (в том числе электронного) взаимодействия министерств, госкомитетов и госорганов, достижение определенного социально-экономического эффекта в результате взаимодействия граждан с государственными службами.

1. О некоторых мерах по совершенствованию организации работы с гражданами в государственных органах, иных государственных организациях [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 13 сент. 2005 г., № 432 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О дебюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 27 фев. 2006 г., № 2 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23.03.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Об основах административных процедур [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 окт. 2008 г., № 433-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Единый перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 фев. 2012 г., № 156 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.10.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. О службе «одно окно» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 мая 2018 г., № 202 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. О перечне административных процедур, прием заявлений и выдача решений по которым осуществляются через службу «одно окно» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 окт. 2018 г., № 740 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 24 мая 2018 г. № 202 [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 29 июня 2018 г., № 135 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. Петрова, И. Профиль и анфас «одного окна» [Электронный ресурс // Информ. портал «СБ-Беларусь сегодня». ВУ : офиц. сайт. – 8 июля 2010. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/profil-i-anfas-odnogo-okna.html> (дата доступа: 20.11.2018).

10. Государственная программа информатизации на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 дек. 2002 г., № 1819 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

11. Об оказании электронных услуг и реализации государственных функций в электронном виде посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2011 г., № 1074 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

12. О второй очереди программного комплекса «Одно окно» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 дек. 2017 г.,

№ 1028 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. реестр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

13. Петрова, Е.А. «Одно окно» должно быть электронным / Е.А. Петрова // Экономика и упр. – 2007. – № 4. – С. 138–143.

УДК 342.9

Г.В. Жмаев, курсант следственно-экспертного факультета,
А.Ю. Богданкевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук
О.В. Гиммельрейх

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.В. Козелецкий*

О ПРАВОВОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Раскрывается понятие, особенности и назначение морально-этических профессиональных норм в системе государственной службы, их соотношение с правовыми нормами. Проводится сравнительный анализ нормативного правового регулирования правил профессиональной этики государственных служащих в законодательстве государств – участников Содружества Независимых Государств (на примере России, Казахстана, Украины), по результатам которого рассматривается возможность их нормативного закрепления в законодательстве Республики Беларусь и применения в практике государственно-управленческой деятельности.

На сегодня проблема нравственности государственных служащих стала наиболее актуальной. Это связано с рядом факторов. Так, например, в большинстве случаев население оценивает государственных служащих и их деятельность прежде всего с точки зрения нравственной составляющей, присущих им духовных и личностных качеств. Именно от нравственности должностных лиц государственных органов зависит в целом авторитет власти среди населения и, как следствие, доверие граждан к ней. В среде государственной службы формируются также специфические нравственные нормы поведения лиц, занимающих государственные и политические должности, которые способствуют разрешению сложных ситуаций в процессе осуществления ими должностных полномочий. Остается открытым вопрос о содержании правового регулирования профессиональной этики представителей властных структур, в настоящее время в недостаточной степени работают механизмы

прямого общественного воздействия на формирование должной морали должностных лиц органов государственной власти.

Вышеперечисленные аспекты подтверждают актуальность дальнейшего изучения проблемы нравственности государственных служащих и как одного из важных направлений исследования основных механизмов формирования и развития духовно-нравственных качеств государственных служащих: воздействие посредством норм, заложенных в нормативных правовых актах, и прямое воздействие через институты гражданского общества. Данная проблема нашла свое отражение в ряде научных публикаций Г.В. Атаманчука, В.Д. Граждана, Б.В. Лытова, В.А. Михеева, В.С. Нечипоренко, А.И. Турчинова, Б.Т. Пономаренко и других исследователей.

Анализ научно-теоретической литературы показал отсутствие понятия «духовно-нравственные качества», поэтому попытаемся рассмотреть данное понятие как социологическое и операциональное и определить его содержание как проявление в социальной среде через поступки, действия или бездействия госслужащего тех его ценностных ориентаций, которые в определенной степени обусловлены этическими установками. Духовно-нравственные качества характеризуют госслужащего как высокоморальную или аморальную личность. Профессиональная этика имеет значение прежде всего для профессий, объектом воздействия которых является человек, что требует повышенного внимания к нравственной стороне выполняемых функций. Там, где представители определенной профессии в силу ее специфики находятся в постоянном или даже непрерывном общении с другими людьми, связанном с воздействием на их внутренний мир, судьбу, с нравственными взаимоотношениями, существуют специфические «нравственные кодексы» людей этих профессий, специальностей [1, с. 44].

Особенности профессиональной деятельности должностных лиц, которые находятся на государственной службе, настолько своеобразны и так существенно затрагивают права и интересы людей, что требуют отдельной характеристики с точки зрения их влияния на нравственное содержание этой деятельности, которая носит государственный характер, так как они являются должностными лицами, представителями власти, осуществляют властные полномочия. Они наделяются этими полномочиями для защиты интересов общества, государства и его граждан от различных посягательств и в своем служебном общении с другими людьми представляют государственную власть. Закон в ряде случаев прямо определяет государственный характер принимаемых ими решений. Так, приговоры по уголовным делам и решения по гражданским делам выносятся именем государства. Прокурор осуществляет надзор за исполнением законов и поддерживает государственное обвинение.

Все постановления следователя, вынесенные в соответствии с законом по находящимся в его производстве уголовным делам, обязательны для исполнения всеми, кого они касаются, и т. д.

Профессиональная этика – это нравственные нормы, регулирующие взаимодействие людей в рабочем процессе, определяющие их отношение к обязанностям и формирующие представление о профессиональном долге.

Морально-этические профессиональные нормы влияют: на формирование профессионального сообщества, разделяющего этические принципы; единое понимание работниками понятия «профессиональный долг»; определение понятия «профессиональная ответственность», определение обязательных качеств работника, без которых его деятельность не будет успешной; особенности взаимоотношений сотрудников; взаимоотношения между профессионалами и теми людьми, на которых влияют их действия (при выстраивании взаимодействия между врачом и пациентом, учеником и учителем, адвокатом и доверителем); отношение к результатам работы их качеству [2, с. 71].

Люди в статусе государственных служащих, с одной стороны, являются частью нашего общества и несут с собой на службу все те морально-этические принципы и ценности, которыми мы руководствуемся в повседневной жизни, а с другой стороны, они наделены большими властными полномочиями и ресурсами, чем обычный гражданин. Следовательно, граждане должны быть уверены в том, что в случае конфликта интересов государственный служащий станет на защиту интересов гражданина и общества, а не начнет «монетизировать» свою должность или защищать служебный интерес. Таким образом, необходим определенный механизм, обеспечивающий честность, профессионализм, беспристрастность, открытость, подотчетность, ориентированность на результат и многие другие важные этические ценности и качества госслужащего, которым и является институт этики на государственной службе.

Возникает вопрос, почему бы не включить все эти идеи в уже существующие Законы «О государственной службе», «О борьбе с коррупцией», Уголовный кодекс и другие нормативные правовые акты? Ответ неоднозначен по следующим причинам.

Во-первых, вопросы этики, ценностей и поведения государственных служащих настолько широки и неоднозначны, что их невозможно моментально включить в какой-нибудь закон, без превращения этого закона в огромный, размытый и неработающий документ.

Во-вторых, кодификация этики и ценностей госслужащего – лишь один из элементов института этики на государственной службе. Помимо кодекса этики разрабатывается еще и кодекс поведения госслужащего, где

описываются приемлемые шаблоны поведения служащего в различных ситуациях, разрабатываются и проводятся тренинги для лучшего усвоения и принятия ценностей госслужащими, в государственных органах создаются комиссии по этике, призванные помочь разобраться в сложных этических дилеммах. Создание этической инфраструктуры выходит далеко за рамки принятия или обновления нормативно-правового акта.

Требования этики в области управления распространяются на все ее уровни (от низового до самого высокого) и варьируются в зависимости от уровня управления. Объем этических требований изменяется в зависимости от уровня управления, на верхних уровнях он выше. На низовых уровнях требования не очень существенно различаются в различных видах деятельности, а на верхних – специфика вида деятельности накладывает существенные различия на нравственные требования. Управленец не всегда отдает себе отчет в сложности тех механизмов, которые мешают принятию решения. На первом этапе подготовки управленческих решений часто возникает противоречие между знанием о необходимости конкретных изменений и незнанием конкретных путей, методов и средств этих изменений, незнание механизма функционирования объекта, которым надо управлять. Необходимо четкое осознание того факта, что любая возникающая управленческая проблема имеет как минимум два, а чаще – множество возможных решений. Решения различаются: продолжительностью достижения желаемого результата; материальными затратами; количеством привлекаемых средств и структур; особенностью удовлетворения интересов различных людей, социальных групп, организаций, политических сил, заинтересованных в данном решении. Следующее необходимое качество руководителя – умение предвидеть последствия принимаемых решений и прогнозировать получаемые результаты. Особенностью предвидения и прогнозирования является необходимость просчитывать нравственные последствия принимаемых решений. Решений, которые бы не имели нравственных последствий, нет вообще, только последствия могут быть более или менее глубокими. Особенность нравственных последствий и в том, что они могут менять значение с положительного первоначального результата на отрицательный впоследствии и наоборот. Исходя из вышесказанного следует отметить, что нормы этики должностных лиц органов государственного управления играют важную роль при принятии ими грамотных и обоснованных решений [3, с. 68].

Основу этикета государственного служащего составляют общие принципы современного этикета, соблюдаемые сегодня в большинстве стран мира: это принципы гуманизма, целесообразности действий, эстетической привлекательности поведения и уважения к традициям своей

страны и др. Принцип гуманизма закрепляет нравственную основу делового этикета. Следует отметить, что должностные лица обязаны соблюдать не только правила профессиональной и служебной этики, но и основные принципы, закрепленные в Конституции, касающиеся прав свобод и законных интересов граждан.

Правовой системой закрепляются лишь ключевые требования морали, в то же время большую роль играют личностные моральные регуляторы, от которых зависит внутренняя мотивация государственных служащих сохранять и передавать в опыте профессиональной деятельности высоконравственный образ поведения.

Чтобы в большинстве случаев делать выбор в пользу должного морального поведения, важно иметь правильное начальное понимание об этике.

В Республике Беларусь имеются правовые акты, которые отражают сферу профессиональной принадлежности при выполнении непосредственно должностных обязанностей: Кодекс чести судьи Республики Беларусь (1997), Правила профессиональной этики адвоката (2012), Правила профессиональной этики сотрудников ОВД (2013), Правила медицинской этики и деонтологии (2018), и некоторые другие.

Что касается России и Казахстана, там фактически все правовые нормы являются отражением этических взглядов, носителем которых на момент принятия законодательных актов был законодатель. Этический кодекс, по сути, является сводом правил и норм поведения, которые разделяют участники группы. С его помощью задаются определенные модели поведения и единые стандарты отношений и совместной деятельности.

Этические нормы существуют в том или ином обществе, на разных этапах исторического развития регулировали не только деловое общение, но и общение представителей власти с населением. В нашей стране в отличие от государств – участников СНГ (Россия, Казахстан) этические правила касаются должностных лиц и представителей власти не закреплены законодательно.

В связи с рассматриваемым вопросом представляет интерес Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, состоящий из свода общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться государственные (муниципальные) служащие независимо от замещаемой ими должности (ст. 3) [4]. Типовой кодекс – основа для формирования должной морали в сфере государственной и муниципальной службы, уважительного отношения к государственной и муниципальной службе в обще-

ственном сознании, а также выступает как институт общественного сознания и нравственности государственных (муниципальных) служащих, их самоконтроля и структурно состоит из глав, содержащих: основные принципы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих; рекомендательные этические правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих; указание на меры ответственности за нарушение положений Типового кодекса.

Основная задача Этического кодекса – создание комфортных условий труда, благоприятного психологического климата в организации. Нередко, чтобы сделать кодекс эффективным, бывают приняты определенные дисциплинарные меры, направляемые на наказание нарушителей кодекса и поощрение поступков, совершенных в соответствии с правилами Этического кодекса. Создание и четкое закрепление этических норм государственных служащих – важная задача, так как для эффективной реализации государственно-властных полномочий в отношении неподчиненного им круга лиц необходимо руководствоваться определенными нормами нравственного поведения и служебной этики, не только с подчиненными им сотрудниками, но и в отношении лиц, не подчиненных им по службе, по отношению к которым они осуществляют юридически значимые действия.

Коллегиальным органом, призванным обеспечить соблюдение положений Этического кодекса, выступают комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, положение о которых утверждено Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 [5]. В Положении содержится перечень обстоятельств, выступающих основаниями для проведения заседания комиссии.

В Республике Казахстан этические нормы получили нормативное закрепление в Этическом кодексе государственных служащих Республики Казахстан [6], который разработан и принят в развитие положений Законов от 23 ноября 2015 г. «О государственной службе Республики Казахстан» и от 18 ноября 2015 г. «О противодействии коррупции». Кодекс структурно состоит из общих стандартов поведения, стандартов поведения во внеслужебное время; стандартов поведения в служебных отношениях.

Определенный интерес представляет введение института уполномоченного по этике, Положение о котором утверждено Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 г. № 153 [6].

Согласно указанному положению, уполномоченный по этике – государственный служащий, осуществляющий деятельность по обеспечению соблюдения норм служебной этики и профилактики нарушений

законодательства о государственной службе, противодействии коррупции и Этического кодекса государственных служащих Республики Казахстан, а также консультирующий в пределах своих функций государственных служащих и граждан (ст. 1 Положения).

При этом функции уполномоченного по этике возлагаются на государственного служащего, занимающего руководящую должность, а также заслужившего признание и уважение в коллективе.

В этой связи уместно отметить взаимосвязь этики государственно-государственного служащего по влиянию на формирование имиджа должностных лиц организаций. Так, для государственной службы имидж имеет важное функциональное и статусное значение. Он является показателем уровня доверия к ней населения и критерием оценки обществом эффективности управленческой деятельности ее должностных лиц, проводимых государством преобразований. Именно имидж фиксирует степень соответствия действий государственных органов требованиям и ожиданиям конкретных социальных групп и общества в целом. Вследствие этого имидж в значительной мере детерминирует поведение граждан по отношению к должностным лицам органов государственной власти, определяет степень общественной поддержки деятельности государственной службы и программы ее формирования. Формирование позитивного имиджа должностных лиц органов государственной власти и государственных служащих – одно из необходимых условий эффективного функционирования и развития данного социального института.

Таким образом, в настоящее время процесс реформирования государственной службы направлен не только на структурную реорганизацию данного института, но и на его нравственную составляющую. Анализ рассматриваемой тематики подтвердил значимость морального фактора в общем восприятии власти общественностью. От нравственности представителей государственных органов зависит в целом их авторитет среди населения, и, как следствие, доверие граждан к проводимой властями политике, стабильность государственных устоев.

Одно из ключевых направлений внедрения этических норм в системе государственной службы – изменение нравственной культуры государственных служащих через введение в действие ряда этических регуляторов, таких, как кодексы этики, регулирующих нравственное поведение государственного служащего. Изучение проблем воздействия на моральное самосознание государственных служащих в Республике Беларусь, а также подобного опыта в зарубежных странах позволяет лучше понять особенности регламентации норм морали, определить сущность, принципы разработки и формы функционирования кодексов этики. Опыт практики принятия и реализации Этических кодексов

сов государственных служащих в России и Республике Казахстан при осуществлении соответствующих государственно-управленческих мер может быть учтен и использован при разработке собственной модели разработки и внедрения административно-правового института этики на государственной службе.

1. Платонов, Ю.П. Социальная психология власти / Ю.В. Платонов. – СПб. : Речь, 2010. – 573 с.

2. Афанасьева, О.В. Этика и психология профессиональной деятельности юриста : учеб. пособие / О.В. Афанасьева. – М. : Академия, 2001. – 219 с.

3. Абульханова-Славская, К.А. Деятельность и психология личности / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Наука, 1980. – 335 с.

4. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [Электронный ресурс] : одобр. решением Президиума Совета при Президенте Рос. Федерации по противодействию коррупции, 23 дек. 2010 г. : протокол № 21 // СПС «Консультант». Законодательство Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113505. – Дата доступа: 13.11.2018.

5. Положение о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 1 июля 2010 г., № 821 : в ред. Указа Президента Рос. Федерации от 19.09.2017 г. // СПС «Консультант». Законодательство Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102226. – Дата доступа: 14.11.2018.

6. О мерах по дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан, 29 дек. 2015 г., № 153 : в ред. Указа Президента Респ. Казахстан от 01.06.2017 г. // ИС «Параграф». Законодательство Республики Казахстан. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=38035182. – Дата доступа: 15.11.2018.

УДК 343.985.8

Д.О. Завацкий, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается принцип законности, а также реализация данного принципа при осуществлении своей деятельности сотрудниками подразделений по борьбе с экономическими преступлениями.

В основе любой осознанной деятельности человека лежат определенные принципы. Законодательство, будучи социальным явлением, создаваемым людьми с целью юридического закрепления нормативно-правовых предписаний, направленных на урегулирование общественных отношений, основано на определенных принципах.

Принципы права – это основополагающие начала, отправные положения, руководящие идеи, характеризующие сущность права, его содержание и назначение в обществе [1, с. 154].

Принципы оперативно-розыскной деятельности и в общем принципы права выступают в качестве своеобразной базовой конструкции, на которой реализуется вся его система. Принципы оперативно-розыскной деятельности служат основным ориентиром всех органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. От степени их соблюдения в прямой зависимости находится уровень слаженности, стабильности и эффективности системы.

Но наряду с этим любые службы, подразделения для достижения своих целей должны руководствоваться какими-либо начальными положениями, основными идеями, поэтому любая деятельность должна основываться на определенных принципах.

В данной ситуации нас интересует, что же такое принципы с правовой точки зрения?

Под принципами оперативно-розыскной деятельности (ОРД) понимаются основополагающие руководящие начала, на которых она строится и формируется в виде определенных правил [2, с. 372]. В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» ОРД осуществляется на принципах законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно [3].

Мы предлагаем рассмотреть более детально принцип законности и проблемы его реализации на практике.

Суть принципа законности заключается в том, что только закон определяет точное и безусловное соблюдение всеми органами, должностными лицами Конституции Республики Беларусь и иных нормативных правовых актов. Кроме того, законность в ОРД можно определить как надлежащее применение норм, в частности проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в соответствии с основаниями и соблюдением соответствующих условий в установленном законом порядке [5, с. 76].

На современном этапе органы, осуществляющие ОРД, используют различные принципы, но ввиду динамичности правовых норм отраслей права, с которыми взаимодействует ОРД, возникают проблемы при реализации тех самых принципов ОРД.

В настоящее время существует достаточно проблем при реализации принципа законности в практической деятельности органов, осуществляющих ОРД. Одна из них – использование результатов ОРД в уголовном процессе. Закон не в полной мере закрепил вопросы использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, что в свою очередь привело к возникновению противоположных мнений.

Остановимся лишь на отдельных вопросах, которые, на наш взгляд, имеют наиболее актуальное значение в правоприменительной деятельности органов предварительного следствия.

Достаточно часто встречающуюся проблему в реализации принципа законности можно усмотреть в деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями.

Данные подразделения ввиду своей специфики проводят те или иные ОРМ наиболее часто, чем остальные. Обращаясь к аспектам реализации принципов ОРД в деятельности данных подразделений, следует в первую очередь остановиться на реализации ключевого общеправового принципа законности. Рассмотреть же этот вопрос можно на разграничении оперативного эксперимента и провокации.

Определение допустимых пределов проведения оперативного эксперимента, с тем чтобы он не перерос в провокацию, и в настоящее время остается острой проблемой.

По общему правилу побуждение, при проводимом ОРМ, в любом случае не должно провоцировать кого-либо на преступные действия или нарушать законные права и интересы граждан. Но сила воздействия и его направленность в зависимости от характера решаемых задач могут быть различными. Например, если с помощью комбинации необходимо побудить конкретное лицо к отказу от осуществления преступного замысла или подготовительных действий, чем сильнее воздействие, тем оно более эффективно, результативно по своим последствиям.

Но такое воздействие целесообразно проводить лишь в отношении лиц, как правило, замышляющих совершить преступление впервые, под влиянием сложившихся неблагоприятных обстоятельств, когда есть уверенность, что при помощи воздействия они встанут на честный путь.

Другое же дело, когда приходится сталкиваться с субъектом продолжаемых или длящихся преступлений, с теми, у кого антиобщественные взгляды, убеждения и преступные намерения достаточно устойчивы. В этих случаях требуется собрать не только фактические данные, позволяющие привлечь подозреваемых к ответственности за содеянное, но и не допустить возможности нанесения ущерба. Успешно такие задачи решаются тогда, когда за поведением подозреваемых лиц установлен эффективный контроль, когда известны их намерения и способы действий.

Поскольку наиболее часто оперативный эксперимент проводится сотрудниками подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в отношении лиц, вымогающих взятки либо участвующих в коммерческом подкупе, законодатель ввел жесткие правовые ограничения на проведение такого рода ОРМ, с тем чтобы оно не трансформировалось в провокацию. В уголовном законодательстве Республики Беларусь (ст. 396 УК) также предусмотрена ответственность за инсценировку получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа, что представляет собой «передачу должностному лицу, работнику государственного органа либо иной государственной организации, не являющемуся должностным лицом, или работнику индивидуального предпринимателя либо юридического лица денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказания услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа» [6, с. 224].

Опасность провокации взятки либо коммерческого подкупа заключается в том, что такими действиями мы не только подрываем репутацию должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях, но и искусственно создаем повод к возбуждению уголовного дела и его производству, тем самым отвлекая силы и средства органов предварительного расследования от процессуальной деятельности по делам, по которым действительно совершено преступление, чем также и нарушается принцип законности, не говоря уже о нарушении уголовно-процессуального законодательства, в части поводов к возбуждению уголовного дела.

Провокацию взятки следует отличать от попытки раскрытия факта взяточничества. Допуская возможность совершения взяточничества, мы тем самым не создаем искусственных условий, способствующих предложению или получению взятки, не провоцируем эти действия, а создаем предпосылки для обнаружения уже имевших место фактов вымогательства взятки. Иначе говоря, такие действия никак не влияют на решимость подозреваемых совершить преступление вообще. Создается лишь модель реальной ситуации, что позволяет взять под контроль ее развитие, получить изобличающие доказательства, задержать разрабатываемого с поличным [7, с. 158].

Действия участников ОРМ по активизации поведения объекта мероприятия (например, обсуждение решаемого вопроса, разговоры о передаче предмета взятки в более подходящее время для проведения ОРМ), а также направление его поведения к совершению действий, облегчающих его разоблачение (например, ориентирование преступника на объ-

ект, который заранее подготовлен для задержания с поличным, и обеспечение при этом безопасного проведения мероприятия), не образуют провокации преступления и соучастия в нем.

Является недопустимым при проведении данного ОРМ создание таких условий, при которых объект мероприятия лишен права выбора. Недопустимо также и побуждение к преступным действиям или вовлечение другого лица в совершение преступления с целью его дальнейшего разоблачения, если у такого лица отсутствовал умысел на совершение преступления. Инициатива на совершение преступления должна исходить только от объекта ОРМ, а не от оперативных сотрудников или конфиденентов.

Эти вопросы являются существенными для реализации и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, должны быть урегулированы на законодательном уровне (ст. 59 Конституции Республики Беларусь).

На протяжении формирования и всей деятельности подразделение по борьбе с экономическими преступлениями использовало и использует ОРД при раскрытии преступлений в экономической сфере. Хотя ОРД в силу специфики ее средств и методов добывания информации, преимущественно негласным способом, сопряженностью ОРМ с ограничениями конституционных прав и свобод, использования содействия граждан, в том числе на конфиденциальной основе, была и остается предметом критики, дискуссий и пристального интереса юристов, философов, политиков, правозащитников и рядовых граждан. Это объясняется тем, что все тайное всегда вызывало и вызывает любопытство, порождает сомнения, содержит предпосылки для злоупотреблений, становится объектом не только правовой, но и нравственной оценки. Вместе с тем ОРД исторически была и остается эффективным и необходимым средством борьбы с преступностью, обеспечения безопасности личности, общества и государства.

1. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 479 с.

2. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 дек. 2012 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: В.Б. Шабанов [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 407 с.

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. В.Б. Рушайло. – 2-е изд. – СПб., 2000. – 347 с.

5. Захарцев, С.И. Оперативно-розыскные мероприятия : Общие положения / С.И. Захарцев. – СПб., 2004. – 341 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 30 июня 2014 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 304 с.

7. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 2. – М., 1959. – С. 177–178.

УДК 123.89

Н.С. Касперович, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *С.М. Свило*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.А. Кашевский*

ПРЕДМЕТ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Показываются теоретические и практические аспекты определения предмета взяточничества как одного из наиболее опасных коррупционных преступлений; определяется эффективность соответствующих уголовно-правовых норм и формулируются предложения по совершенствованию законодательства. Отдельные положения рассмотрены в аспекте действующего гражданского законодательства, регламентирующего вопросы дарения.

Борьба со взяточничеством определена в качестве приоритетного направления государственной антикоррупционной политики. Однако, несмотря на принимаемые меры противодействия, уровень взяточничества остается высоким. Следственная практика свидетельствует, что с 2007 по 2017 г. наблюдается тенденция снижения преступности в целом, однако количество коррупционных преступлений возросло в три раза. На наш взгляд, проблема заключается в том, что, совершенствуя нормы права, законодатель, в большинстве своем, обращается к регламентации уголовной ответственности, тем самым оставляя в стороне вопросы, которые вызывают дискуссии и неоднозначные подходы.

Так, предмет взяточничества является обязательным признаком преступлений, предусмотренных ст. 430–432 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) [1], поскольку влияет

на характер и степень общественной опасности анализируемых деяний. Исследованием установлено, что в современных условиях чаще всего в качестве предмета взятки используются деньги – в 76,8 % случаев; промышленные и продовольственные товары – 12,7 %; услуги и блага материального характера – 7,1 %; иные предметы и ценности – 3,4 % [2, с. 110].

В национальном законодательстве отдельных государств – участников Содружества Независимых Государств, как правило, единой дефиниции предмета взяточничества не приводится. Например, УК Казахстана формирует определение данного понятия посредством перечисления исчерпывающего перечня коррупционных деяний.

В теории уголовного права также нет четко сформулированной дефиниции предмета взятки. Так, большинство ученых считают, что предметом взятки могут быть только материальные ценности либо выгоды имущественного характера, принимаемые должностным лицом за использование своих служебных полномочий в интересах дающего [3, с. 981]. Соответственно, предметом взятки являются любые материальные ценности и услуги материального характера, переданные (оказанные) должностному лицу исключительно в связи с его должностным положением и за совершение служебного действия (бездействия) в интересах дающего. Необходимо указать, что это могут быть и предметы, изъятые или ограниченные в обороте: наркотические средства, огнестрельное оружие и др. При этом незаконный оборот соответствующих предметов требует дополнительной квалификации.

Вместе с тем Н.А. Бабий справедливо отмечает, что отношение к законодательному описанию должно быть предельно аккуратным [4, с. 33]. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о взяточничестве» предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением [5]. Необходимо отметить, что в данной дефиниции содержится достаточно абстрактное понятие «выгода», которое вовсе не содержится ни в гражданском, ни в уголовном законодательстве. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова выгода определена как «польза, преимущество» [6, с. 111].

На наш взгляд, наиболее актуальные положения, имеющие отношение к рассматриваемым вопросам, целесообразно отразить в постановлении Пленума Верховного Суда. Кроме того, считаем, что наряду с материальными ценностями и выгодами имущественного характера законодательное определение предмета взятки целесообразно дополнить

такой категорией, как «право на материальные ценности либо право на выгоды имущественного характера». Ведь по вопросу определения предмета взятки в научных кругах все еще существуют споры, в частности о том, может ли данное понятие включать неимущественные блага. По нашему мнению, в него должны включаться не только вещи материального вида, имеющие стоимостную оценку, но и иные его элементы – услуги имущественного характера (статья в газете, положительная характеристика).

Дискуссионным остается вопрос о том, стоит ли относить к предмету взятки услуги сексуального характера. Оказание данного вида услуг рассматривается большинством ученых как получение взятки только в том случае, если она оплачена или должна быть оплачена третьими лицами. Совершенно обратная ситуация складывается в случае, когда тот, кто заинтересован в совершении должностным лицом обусловленных действий, сам оказывает интимные услуги. Полагаем, что в обоих случаях деяния лица должны оцениваться как получение взятки.

Несмотря на то что УК Республики Беларусь дифференцирует ответственность, выделяя квалифицирующие признаки (крупный, особо крупный размер взятки), актуальным, как показывает практика, является вопрос о размере предмета взяточничества. Например, в Китае установлен минимальный размер взятки, который может повлечь высшую меру наказания, – 463 тыс. долл. США. При этом в Республике Беларусь законодателем не установлен минимальный размер, получение которого образует взятку, как это сделано, например, в УК Российской Федерации. Из этого следует, что за получение взятки в размере одного доллара США ответственность должна наступать в пределах санкции соответствующей статьи. Вместе с тем инициированные Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в 2014 г. предложения в части установления минимального порога предмета взятки в две базовые величины по непонятной причине не приняты законодательным органом.

В контексте рассматриваемого вопроса следует отметить, что отечественная правоприменительная практика не выработала четких критериев малозначительности для дачи и для получения взятки, что затрудняет оценку степени тяжести совершенного деяния. Например, судом Лоевского района была осуждена к двум годам лишения свободы с лишением права занимать ответственные должности сроком на три года председатель одного из сельских Советов гражданка К., которая получила взятку в размере двух белорусских рублей за выдачу справки о наличии в хозяйстве взяткодателя крупного рогатого скота [7]. В данном случае трудно признать вынесенный судом приговор справедливым и соответствующим тяжести совершенного деяния.

Как показывает практика, значительным упущением отечественного законодателя является бланкетный характер диспозиций анализируемых преступлений, отсылающий правоприменителя к нормам гражданско-правового характера. Проблема осложняется еще и тем, что гражданское законодательство, на наш взгляд, легализует принятие подарков в определенных пределах. Так, установленный Гражданским кодексом Республики Беларусь размер подарка, не превышающий пяти базовых величин, рассматривается отдельными учеными как запрет привлечения к уголовной ответственности.

С целью дифференциации ответственности, полагаем целесообразным при совершенствовании Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях включить соответствующие нормы, регулирующие административную ответственность в данной области и выделить их в отдельную главу, установив возможность назначения альтернативного наказания в новой форме: используя кратность штрафа применительно к стоимости предмета взятки. Однако это может вызвать ряд проблем. На наш взгляд, допустимо применить подобную кратность к предмету в виде денег, ценных бумаг и других предметов, имеющих денежный эквивалент. Иная ситуация представляется с предметом в виде «выгод имущественного характера». Например, в качестве предмета взятки может выступать право на первоочередное, привилегированное участие в конкурсах, торгах и т. п. Такая ситуация может возникнуть в связи с тем, что услуги и имущественные права сами по себе имеют оценочный характер.

В правоприменительной практике также нередки случаи, когда взятке придается видимость легальной сделки под видом договора подряда, договора займа, а иногда и в виде оказания спонсорской помощи. В связи с этим назрела острая необходимость внесения дополнительных разъяснений в существующее постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, конкретно указав на признаки, наличие которых будет свидетельствовать о противоправности деяний.

Таким образом, предмет взятки может быть самым различным, но признается лишь тогда, когда является незаконным вознаграждением должностного лица. Незаконность материального вознаграждения означает, что должностное лицо не имеет никаких прав на получение вознаграждения, не передает взамен эквивалентную сумму денег или имущество либо не выполняет работы и не оказывает услуги соответствующей стоимости. Само по себе нарушение порядка получения материальных ценностей или услуг при условии их полной оплаты не является взяточничеством. Если должностное лицо имеет право на получение имущества или услуг имущественного характера в связи с их эквивалентной оплатой,

то совершение им каких-либо действий по просьбе лица, обеспечившего получение имущества даже с нарушением определенного порядка его получения, не образует взяточничества. В связи с этим для отнесения имущества к незаконному вознаграждению необходимо всякий раз установить отсутствие у взяткополучателя каких-либо прав на него.

Практический интерес представляет положение о том, что взятка может быть получена не только в пользу родственников и иных близких лиц, но и в пользу третьих лиц, в том числе от имени и в интересах юридических лиц. В силу этого считаем целесообразным законодательно конкретизировать признаки субъектов преступления, предусмотренного ст. 430 УК Республики Беларусь, при этом дифференцировав ответственность.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что среди ученых и правоприменителей ряд указанных вопросов не нашли единообразного решения. Соответственно, возникла необходимость дальнейшего изучения данной проблемы на теоретическом уровне и внесения соответствующих корректировок в нормативные правовые акты. Полагаем, выявленные проблемные вопросы и обоснованные предложения по их разрешению будут способствовать более эффективному противодействию взяточничеству.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Крюков, В.Н. Характеристика действий взяточников / В.Н. Крюков // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 29 янв. 2009 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – С. 109–110.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

4. Бабий, Н.А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России : монография / Н.А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 720 с.

5. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 24-е изд. – М. : Мир и образование, 2008. – 1200 с.

7. Архив Гомельского областного суда за 2016 г. – Уголовное дело № 1/1044.

Н.С. Касперович, Н.А. Соловьева, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Л. Федчук*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.Н. Крюков*

ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИЛИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

На основе анализа нормативных правовых актов и практики их применения определены наиболее эффективные пути укрепления законности в деятельности подразделений милиции общественной безопасности органов внутренних дел.

В системе законодательства Республики Беларусь законодательство об административных правонарушениях и процессуально-исполнительное законодательство одни из наиболее сложных для правоприменителя, что требует от органов прокуратуры постоянного и системного надзора за точным и единообразным соблюдением законодательства при ведении административного процесса и законностью постановлений по делам об административных правонарушениях [1, с. 65].

Надзор прокуратуры за законностью деятельности ОВД осуществляет Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры.

Осуществляя надзор за законностью административной деятельности ОВД (ст. 27 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь») прокурор вправе:

беспрепятственно по предъявлении служебного удостоверения входить в помещения и на другие объекты ОВД;

вызывать должностных лиц органов внутренних дел и требовать объяснений об обстоятельствах, связанных с нарушением законодательства;

проверять законность административного задержания граждан и применения к ним административных взысканий;

осуществлять иные полномочия в соответствии с законодательными актами [2, с. 60].

При установлении нарушений законодательства в зависимости от их характера прокурор в пределах своей компетенции принимает следующие меры прокурорского реагирования:

опротестовывает правовые акты и решения (действия) ОВД, должностных лиц, а в случаях, предусмотренных законодательными актами, отменяет их;

освобождает своим постановлением лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию;

выносит постановления о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении к материальной ответственности;

выносит постановления о возбуждении уголовного дела;

составляет протоколы об административных правонарушениях (полномочия прокурора по составлению протоколов об административных правонарушениях закреплены в п. 7 ч.1 ст. 3.30 ПИКоАП Республики Беларусь).

Стоит отметить, что кроме осуществления надзорных полномочий, органы прокуратуры выступают как самостоятельный субъект административной практики, наделенный полномочиями по ведению административного процесса и вынесения постановлений о наложении административного взыскания являются новыми для органов прокуратуры Республики Беларусь и недостаточно устоявшимися с точки зрения теории деятельности прокурорского надзора и правовой регламентации деятельности прокуратуры Республики Беларусь.

В целях формирования единообразной правоприменительной практики при осуществлении прокурорами названных полномочий Генеральной прокуратурой обобщена за 2017 г. в сравнении с 2005 г. практика работы органов прокуратуры областей и г. Минска при реализации в административном процессе положений ст. 2.15, п. 7 ч. 2 ст. 3.30, ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП.

При этом было проанализировано:

количество протоколов об административном правонарушении, составленных прокурорами;

количество постановлений о наложении административных взысканий и о прекращении дела, вынесенных судами по результатам рассмотрения этих протоколов;

количество жалоб, поданных в органы прокуратуры в порядке гл. 12 ПИКоАП на постановления по делам об административных правонарушениях, результаты их рассмотрения;

количество протестов, принесенных на постановления по делам об административных правонарушениях, и др.

Установлено, что при реализации полномочий, установленных п. 7 ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП, должностными лицами органов прокуратуры за анализируемый период составлено 977 (1 062) протоколов об административном правонарушении, из них составлено должностными лицами органов прокуратуры: Брестской области – 400 (371) протоколов; Витебской – 199 (23); Гомельской – 87 (50); Гродненской – 61 (87); Минской – 163 (281); Могилевской – 40 (65); г. Минска – 27 (26) [3].

Наибольшее количество протоколов об административном правонарушении составлено прокурорами за совершение следующих административных правонарушений:

по ст. 9.1 КоАП (умышленное причинение телесного повреждения) 598 (543), или 61 % (49 %) от количества всех составленных протоколов;

по ст. 9.19 КоАП (нарушение законодательства о труде) 153 (152), или 16 % (17 %) от всех составленных протоколов;

по ст. 23.1 КоАП (неисполнение предписания либо представления) 90 (110), или 9 % (10 %) от всех составленных протоколов.

Исходя из анализа реализации полномочий прокурорами предусмотренных п. 7 ч. 2 ст. 3.30 и ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП наиболее активно право на составление протоколов об административном правонарушении использовали прокуроры Брестской, Витебской и Минской областей.

По результатам проведенного анализа в резерве регионов отмечается определенное различие в избрании прокурорами направлений и приоритетов участия в административном процессе.

Так, если должностными лицами органов прокуратуры Брестской и Витебской областей в 2017 г. по ст. 9.1 КоАП составлено 365 и 146 протоколов об административном правонарушении, то органы прокуратуры города Минска за совершение таких правонарушений составили только два протокола.

Аналогичная картина наблюдается и при вынесении постановлений о наложении административного взыскания. Когда прокуроры Брестской области по ст. 11.16 КоАП вынесли 30 постановлений (25 % от числа всех постановлений), прокурорами Гродненской области и города Минска постановления по таким правонарушениям не выносились вовсе.

Однако если прокуроры города Минска вынесли 67 постановлений (40 % от всех постановлений) по ст. 23.1 КоАП, в Витебской и Минской областях вынесено соответственно только пять и семь таких постановлений.

Следует отметить, что в рамках осуществления полномочий, предусмотренных п. 8 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП, прокурорскими работниками за анализируемый период направлено в органы, ведущие административный процесс, 4 114 (4 197) поручений о начале административного процесса и подготовке дела об административном правонарушении к рассмотрению по правонарушениям, протоколы по которым не составляются прокурором.

Наибольшее количество поручений о проведении административного процесса прокурорами дано органам:

МВД – 1 780 (1 236) поручений;

Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды – 871 (886) поручений;

Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты – 738 (642) поручений.

При этом практика направлений прокурорами таких поручений в органы, ведущие административный процесс, также варьируется в зависимости от регионов.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что прокурорский надзор является эффективной мерой обеспечения законности в деятельности ОВД. Однако, на наш взгляд, в этом вопросе есть серьезная недоработка со стороны правоприменителя. Полагаем, что законодатель предоставил прокурорским работникам достаточно широкие полномочия в области административного процесса, но, стоит отметить, что не все сотрудники эффективно используют это право. Проведенная статистика показывает, что в отдельных регионах рассматриваемый вопрос требует более серьезного подхода.

Одним из способов обеспечения законности ведения административного процесса, восстановления нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц является обжалование (опротестование) действий и решений судьи либо должностного лица органа, ведущего административный процесс, в том числе постановлений, выносимых по делам об административных правонарушениях. Жалоба представляет собой вид обращения, в котором излагается требование заявителя о восстановлении его нарушенных прав, свобод и законных интересов. Протест – один из актов прокурорского надзора, в котором прокурорский работник требует отмены либо изменения противоречащих законодательству правового акта, решения или прекращения незаконного действия.

Правом обжалования наделены участники административного процесса, а прокурорские работники правомочны приносить протесты и рассматривать в соответствии с действующим административным законодательством жалобы, поступающие в органы прокуратуры [4, с. 56].

В гл. 2 ПИКоАП содержатся два принципа административного процесса, закрепляющие полномочия органов прокуратуры и права участников административного процесса в сфере обеспечения законности привлечения лиц к административной ответственности. Так, принцип «прокурорский надзор за исполнением законов при ведении административного процесса» (ст. 2.15 ПИКоАП) реализуется путем изучения истребованных у органа, ведущего административный процесс, материалов дела об административном правонарушении; дачи письменных указаний по делу об административном правонарушении; санкционирования производства отдельных процессуальных действий и применения мер обеспечения административного процесса; путем вынесения поста-

новления об освобождении незаконно подвергнутого административному задержанию лица; опротестования противоречащих законодательству постановлений по делам об административных правонарушениях (в том числе постановления о прекращении дела об административном правонарушении, вынесенного по окончании подготовки дела) и др.

Анализ статистических данных свидетельствует, что в 2015 г. прокурорскими работниками всего принесено 3 988 протестов на постановления по делам об административных правонарушениях, а в 2016 г. – 4 089. В 2016 г. по Брестской области всего принесено 773 протеста (в 2015 г. – 740 таких актов прокурорского надзора), по Витебской – 511 протестов (в 2015 г. – 437), по Гомельской – 601 протест (в 2015 г. – 543), по Гродненской – 275 протестов (в 2015 г. – 340), по Минской – 850 протестов (в 2015 г. – 436), по г. Минску – 654 протеста (в 2015 г. – 663). Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в 2016 г. принесено всего 10 протестов (в 2015 г. – 44) [5, с. 55].

Другой принцип административного процесса (право на обжалование процессуальных действий, постановлений) (ст. 2.16 ПИКоАП) предоставляет участникам административного процесса возможность обжаловать действия и решения должностных лиц органов, ведущих административный процесс, судьи. Порядок подачи таких жалоб и сроки их рассмотрения регламентированы гл. 7 и 12 ПИКоАП.

В случае односторонности, неполноты и необъективности исследования обстоятельств административного правонарушения; существенного нарушения ПИКоАП; неправильного применения норм, устанавливающих административную ответственность, вынесенное по делу об административном правонарушении постановление подлежит отмене или изменению.

В соответствии с ч. 1 ст. 12.14 ПИКоАП и постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 сентября 2011 г. № 6 «О практике рассмотрения судами жалоб (протестов) на постановления по делам об административных правонарушениях» основанием к отмене или изменению не вступившего или вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении является несоответствие назначенного административного взыскания тяжести совершенного административного правонарушения. Поверхностное исследование обстоятельств совершения административного правонарушения, а также оставление без внимания доказательств, опровергающих факт правонарушения либо причастность привлекаемого к ответственности лица, являются основаниями для отмены или изменения постановления по делу.

Так, постановлением заместителя начальника УГАИ УВД Мин-облсполкома гражданин Б. был привлечен к ответственности по

ст. 18.38 КоАП в виду того, что являясь должностным лицом, ответственным за выставление технических средств, в нарушение подп. 209.1 ПДД не обеспечил выставление на 25-м километре автодороги М 2 Минск – Национальный аэропорт Минск информационного щита «Контроль режима движения». Вместе с тем в ходе проведенной прокуратурой проверки по жалобе гражданина Б. было установлено, что информационный щит не относится к устройствам и конструкциям, применяемым для организации и регулирования дорожного движения. В связи с чем постановление о наложении административного взыскания было отменено и прекращено дело в отношении гражданина Б. за отсутствием в деянии состава административного правонарушения.

К существенным нарушениям ПИКоАП относится составление протокола об административном правонарушении некомпетентным лицом; необеспечение участия защитника либо участия защитника либо переводчика в производстве по делу об административном правонарушении; ненадлежащее извещение участников административного процесса о времени и месте рассмотрения дела.

Так, постановлением ОГАИ ОВД Лидского райисполкома гражданин А. был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 18.16 КоАП и подвергнут административному взысканию в виде штрафа в размере 50 базовых величин с лишением права управления транспортными средствами сроком на три года. Лицо, в отношении которого было вынесено постановление о наложении административного взыскания, обжаловало данное решение в судебном порядке, но его требования не были удовлетворены и постановление по делу было оставлено без изменений. Однако в ходе проведенной прокуратурой проверки по факту привлечения гражданина А. к административной ответственности выявлен ряд нарушений ПИКоАП о собирании, оценке и закреплении доказательств, их всестороннем и объективном исследовании (выразившееся в проведении подготовки дела к рассмотрению должностным лицом – сотрудником государственной автомобильной инспекции, опрошенным в качестве свидетеля по факту совершения административного правонарушения), что повлекло отмену постановления о наложении административного взыскания.

Неправильное применение норм, устанавливающих административную ответственность, также влечет отмену или изменение постановления по делу. В частности, речь идет о применении норм Особенной части КоАП, утративших или не вступивших в законную силу; неправильном применении норм, исключающих административную ответственность; признанииотягчающим вину обстоятельством, не прописанное в ст. 7.3

КоАП; наложении административного взыскания без учета санкции статьи, устанавливающей административную ответственность, либо неверном применении статьи (части или пункта статьи) КоАП, предусматривающей ответственность; наложении взыскания в отношении лица, к которому оно не могло быть применено.

По результатам рассмотрения жалоб и протестов на постановления по делам об административных правонарушениях выносятся мотивированные постановления, требования к которым изложены в ПИК_оАП.

Таким образом, одним из способов защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также условием обеспечения законности привлечения к административной ответственности является реализация участниками административного процесса права обжалования и прокурорскими работниками права проверять законность и обоснованность наложения административных взысканий. При этом осуществление систематического контроля за ведением административного процесса со стороны уполномоченных на то должностных лиц позволит успешно решать задачи ОВД в целом.

Рассмотрев институт обжалования как способ обеспечения законности в деятельности подразделений милиции общественной безопасности, видим, что нередко правоохранители принимают решения, которые носят незаконный характер. На наш взгляд, обжалование – уникальная возможность приведения норм в соответствие с нормативными правовыми актами и принятия законного и справедливого решения, тем самым восстанавливая права человека как субъекта административного процесса.

1. Лазарев, В.В. Правоприменение в советском государстве / В.В. Лазарев // Законность. – 2010. – № 2. – С. 63–66.

2. Серебрякова, И.М. Деятельность органов внутренних дел Республики Беларусь по укреплению законности и правопорядка: критерии оценки / И.М. Серебрякова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 57–62.

3. Сведения о преступлениях и потерпевших [Электронный ресурс] // М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=314473>. – Дата доступа: 15.04.2018.

4. Гришанин, П.Ф. Пути укрепления законности / П.Ф. Гришанин // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 54–59.

5. Вакульчик, В.П. Справедливость – их ремесло : [беседа с пред. Следств. ком. Респ. Беларусь В.П. Вакульчиком] // Белорус. нива. – Минск. – 2011. – 3 нояб. (№ 198). – С. 54–57.

УДК 351.74;004

В.Ф. Кетурко, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук *И.Г.Мухин*

Рецензент – кандидат юридических наук *М.В. Губич*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ФОТОВИДЕОФИКСАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются проблемы правового регулирования применения в правоохранительной деятельности средств фотовидеозаписи. Предложены авторские определения средства фотовидеозаписи и допустимость использования средств фотовидеозаписи. Предлагается введение в юридический оборот понятия «средства фотовидеозаписи», которое создаст необходимую основу для нормативного правового урегулирования имеющихся проблем при использовании данных средств в ходе осуществления правоохранительной деятельности.

Применение средств фотофиксации в органах внутренних дел стало первым этапом использования технических средств. В ходе изучения имеющихся трудов современных ученых установлено, что термин «фотовидеозапись» не имеет конкретного определения, однако обширно используется в правовом лексиконе и практической деятельности. Так, в соответствии с СПС «КонсультантПлюс» термин «фотовидеозапись» использован в 42 нормативных правовых актах, при этом отсутствует его легальное определение.

Кроме того, отсутствуют также и научные труды, раскрывающие сущность и содержание терминов «фотофиксация» и «видеозапись».

В специальной литературе и действующих нормативных правовых актах содержатся определения таких терминов, как фотография и видеозапись.

В этой связи представляется необходимым предложить авторское определение понятия «средства фотовидеозаписи» – это технические средства, предназначенные для закрепления визуальной (аудиовизуальной) информации на цифровом либо ином носителе информации, которые прошли установленную нормативными правовыми актами процедуру, позволяющую использовать полученную ими информацию в качестве источника доказательств.

Введение в юридический оборот понятия «средства фотовидеозаписи» создаст необходимую основу для нормативного правового уре-

гулирования имеющихся проблем при использовании данных средств в ходе осуществления правоохранительной деятельности.

Рассматривая вопрос использования в правоохранительной деятельности средств фотовидеофиксации, закономерно возникает вопрос об условиях и факторах, при которых допустимым является использование таких средств.

Допустимость – это признак содержания и формы, свидетельствующий о соблюдении всех требований процессуального закона, связанных с получением и фиксацией доказательств. Достоверность – признак содержания, указывающий на соответствие сведений о фактах, обстоятельствах, имеющих значение для дела, объективной действительности. Достаточность – признак совокупности доказательств, позволяющий сделать вывод о наличии или отсутствии события преступления, о виновности или невиновности лица и иных обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Подход к оценке доказательств на любой стадии процесса должен быть непредвзятым, независимым, без выделения доказательств, имеющих большее значение, чем другие. В связи с этим, а также в условиях возможности фальсификации полученных изображений, обусловленных стремительным развитием цифровой техники, необходимо рассмотреть приемы, применяемые при использовании средств фотовидеофиксации, способствующие защите фиксируемой и объективной информации.

Применение средств фотовидеофиксации в правоохранительной деятельности связано с практической реализацией правовых норм и поэтому особенно важным является детальная нормативная правовая регламентация условий и требований, руководствуясь которыми можно определить, подходят ли данные технические средства, приемы или методы для решения задач, стоящих перед правоохранительными органами.

Вопрос о правомерности использования того или иного технического средства должен решаться с учетом эффективности, степени защищенности результатов применения тех или иных технических средств. Оценка доказательств связана с собиранием и проверкой доказательств, служит предпосылкой для формирования выводов и принятия процессуальных решений, а также является итогом доказывания. Главное, чтобы соблюдались требования, предъявляемые к доказательствам: относимость, допустимость, достоверность. Совокупная оценка доказательств позволяет судить об их достаточности.

Оценка доказательств – каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности

для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве (ст. 105) [1].

В целях контроля за внесением изменений в цифровые данные изображения, а именно для недопущения подобных изменений, разработан ряд способов. Одним из них является использование устройств (программно-аппаратных комплексов), действующих по правилам мгновенной печати или соединенных напрямую с принтером, без использования компьютера. Позитивной стороной этого способа является то, что лица, участвующие в том или ином процессе, могут сразу же заверить данные фотографии своими подписями, что, в свою очередь, подтвердит достоверность фотоснимков, и вопрос о возможных манипуляциях с ними будет снят. Однако данный способ не всегда представляется возможным в связи с тем, что часто уполномоченному лицу приходится применять фотосъемку вдали от позволяющих данный способ технических средств, кроме того используемая фотобумага дорогая, а финансовых средств недостаточно.

Следующей возможностью сохранения цифровых изображений от манипуляций может быть признан способ, при котором после фиксации изображения записываются на компакт-диск однократной записи с помощью переносного персонального компьютера (notebook) или устройства записи на компакт-диск (CD-writer). Указанный диск опечатывается, а на конверте расписываются все участники процессуальных действий.

Изображение, зафиксированное цифровой камерой на карте памяти, будет выполнять ту же роль, что и негатив в обычной фотографии. Этот электронный носитель (компакт-диск, флэш-карта) с находящейся на нем информацией и будет тем материальным носителем базовой информации, которую можно проверить и неоднократно использовать для изготовления иллюстраций [2].

При необходимости в подтверждение достоверности иллюстраций в фототаблицах информацию можно просмотреть на всех этапах. Каждый факт обращения к электронному носителю (компакт-диск, флэш-карте) должен быть отражен в материалах дела. Такими фактами являются: установка носителя и его извлечение по окончании съемки; просмотр участниками процессуального действия результатов съемки; дальнейшие обращения участников процесса к магнитным носителям. В случае если в ходе судебного разбирательства возникнет вопрос о возможной фальсификации полученных доказательств, он разрешается посредством экспертного исследования или судебной экспертизы.

При рассмотрении других способов контроля над внесением изменений в цифровые данные при фотосъемке, видеозаписи, заметим, что при любом изменении файла эта информация пропадает и заменяется

технической информацией программы, которая замещала этот файл. Однако информация о дате, времени создания (редактирования, просмотра, печати MS Office), содержащаяся внутри файла, легко подвергается изменениям извне при использовании как программ общего назначения (программы просмотра графических изображений, например «ACDSee» и др.), так и специализированных программ, обрабатывающих файлы как последовательности шестнадцатиричных символов (например, «WinHex», «Hex Workshop» и др.).

При ссылках на дату и время, отмеченных внутри файла, необходимо также принимать во внимание, что при исследовании неизвестно состояние системы, порождающей файл на момент его создания, т. е. неизвестны установленные дата и время в фотокамере на момент производства съемки конкретного кадра.

Таким образом, данные о дате и времени создания файла являются справочно-ориентирующими и без совокупности с другими данными не могут служить основанием для построения дальнейших выводов. Следовательно, наличие соответствующего программного обеспечения, не позволяющего каким-либо образом вторгаться в полученные при съемке данные (так называемой сугубо программной защиты), – первая возможность, позволяющая привести цифровую фотографию в соответствие с требованиями, предъявляемыми законодательством к доказательствам [2].

Анализ исследований показал, что достаточно часто электронные изображения, полученные в ходе определенных мероприятий, используются как материалы, иллюстрирующие выполнение поставленной задачи. Фиксация объектов предполагает использование традиционных фотографических методов с применением современных фотографических средств (цифровой фотографии).

Цифровые технологии расширяют исследовательские возможности средств фотовидеофиксации за счет появления новых методов исследования – методов цифровой обработки и улучшения изображений. Под улучшением изображения (image enhancement) понимается процесс повышения качества изображения. Для этого используются изменение контраста между яркими и темными областями, коррекция цвета, уменьшение шумов, вызванных условиями съемки или особенностями фотоаппаратуры, сглаживание неровных линий, очерчивание смазанного контура, коррекция искажений, вызванных оптическим или отображающим оборудованием. Выявление невидимых и слабо видимых признаков возможно с помощью цветовой, тоновой коррекции, фильтрации и использование прикладных программ. Используемое программное обеспечение должно быть лицензионным и сертифицированным.

Обобщив литературные источники, можно указать следующие условия допустимости применения средств фотовидеофиксации:

1) если их использование предусмотрено законом, основано на законе и не нарушает прав и законных интересов граждан, нравственных и этических требований;

2) если это не создает угрозу для жизни и здоровья граждан, а также участников тех или иных мероприятий;

3) если это не повлечет изменение внешнего вида или уничтожение источников информации;

4) если при этом гарантировано получение однозначных результатов при неоднократном использовании в одинаковых условиях;

5) если это не приведет к искажению фиксируемой информации (например при видеозаписи и фотографировании и т. д.);

6) если оно производится только лицами, уполномоченными на то законом;

7) если использование технических средств отвечает принципу целесообразности и экономичности;

8) если условия и порядок применения технических средств в обязательном порядке отражаются в протоколах действий, проводимых правоохранительными органами, и ином процессуальном документе [2].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь содержатся нормы, определяющие общие правила и разрешающие применение технических средств и научно обоснованных способов обнаружения и фиксации и изъятия следов преступлений и вещественных доказательств, которыми следует руководствоваться при расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде [1]. В системе уголовно-процессуальных норм, регламентирующих применение технических средств и научно обоснованных способов обнаружения и фиксации и изъятия следов преступлений и вещественных доказательств, следует выделить нормы, которые предоставляют сотруднику правоохранительного органа возможность выбора того или иного технического средства при выполнении поставленной задачи. Например, при производстве процессуальных действий сотруднику правоохранительного органа дано право применения фотографирования, киносъемки, аудио- и видеозаписи (ст. 192) [1]. При этом закон предусматривает, что в протоколе должно быть указано о применении технических средств, условиях и порядке их использования, объектах, к которым эти средства были применены, и полученных результатах. Все участники следственного действия уведомляются о том, какие технические средства применяются, в каких целях, а затем им демонстрируются полученные результаты (ст. 193) [1].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь нет исчерпывающего перечня средств фиксации, которые могут быть применены при расследовании или судебном разбирательстве уголовных дел. Кроме

того, стоит отметить, что закон не обязывает сотрудника правоохранительного органа использовать средства фотовидеофиксации, он только предоставляет им такое право. Сотрудник правоохранительного органа самостоятелен в выборе как самих технических средств и методов, так и приемов, направленных на обнаружение, фиксацию доказательств.

Большое значение имеет факт наличия в законе ряда норм, обязывающих сотрудника правоохранительного органа применять технические средства в той или иной ситуации либо соблюдать порядок их применения.

Применение средств фотовидеофиксации предусматривается не только в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, но и в других законодательных актах. В ст. 10.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях описывается четкий регламент применения технических средств как сотрудниками органов внутренних дел, так и участниками административного процесса [3].

В Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» разрешается негласное использование средств негласного получения (фиксации) информации – технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, приспособления, препараты, программные продукты и другие изделия, специально созданные, разработанные, запрограммированные или модернизированные для негласного получения (фиксации) информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [4].

Результаты такого применения могут быть использованы в процессе доказывания, при условии если они будут актуализированы как доказательства в порядке, общем для легализации результатов оперативно-розыскной деятельности.

Применение средств фотовидеофиксации в правоохранительной деятельности носит познавательный характер, данные средства помогают фиксировать и сохранять для последующего восприятия фактические обстоятельства, важные для разрешения дела.

Необходимо отметить, что выработанные наукой рекомендации по применению технических средств в полной мере используются в оперативно-розыскной деятельности. Средства фотовидеосъемки наиболее часто применяются при проведении таких оперативно-розыскных мероприятий, как наблюдение, оперативный эксперимент, а также при исследовании предметов и документов; оперативном отождествлении; оперативном осмотре и др.

Вместе с тем использование средств фотовидеофиксации в оперативно-розыскной деятельности имеет свои особенности, главным образом связанные с негласным характером этой деятельности.

Негласная фотовидеофиксация заключается в скрытно проводимой фиксации внешних признаков проверяемых и разрабатываемых лиц, их действий, а также предметов и документов, представляющих оперативный интерес.

Негласная фотовидеофиксация производится двумя методами:

метод скрытой съемки предполагает использование замаскированной фотовидеоаппаратуры или скрытое от окружающих размещение оперативных работников с аппаратурой;

метод легендированной съемки зашифровывает не процесс съемки, а действия оперативных работников, его осуществляющих.

Результаты оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых оперативным работником либо другими лицами по его поручению, оформляются справкой с приложением полученных фотографий, видеофайлов. В соответствии с ч. 4 ст. 14 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» предоставлять органу уголовного преследования и суду материалы оперативно-розыскной деятельности в соответствии с настоящим законом и иными актами законодательства [4].

Применение видео- и фотосъемки в оперативно-розыскной деятельности может являться одним из условий использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Например, для установления законности изъятия частной собственности могут играть роль прилагаемые к протоколу изъятия материалы фото- и видеосъемки.

Кроме того, отдельные оперативно-розыскные мероприятия могут быть сопряжены с пресечением преступной деятельности. В этом случае может фиксироваться как само преступление, так и покушение на совершение преступления.

Объектами фотовидеофиксации в правоохранительной деятельности являются: места происшествий с их обстановкой, трупы, следы преступлений и преступника, вещественные доказательства, лица, обвиняемые в совершении преступления, а также событие преступления и лицо, его совершившее [5].

Представляется, что с учетом поступательного развития различных научно-технических средств будет возникать и потребность в использовании средств фотовидеофиксации в правоохранительной деятельности. Это, в свою очередь, потребует совершенствования имеющихся и выработки новых практических рекомендаций по применению средств фотовидеофиксации в указанном виде деятельности.

Субъектами применения средств фотовидеофиксации являются: лица, наделенные правом проводить процессуальные действия;

сотрудники оперативных служб при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий;

эксперты, применяющие технические средства при проведении экспертиз, и специалисты, применяющие технические средства в случаях их привлечения к участию в процессуальных действиях;

суд, который имеет право использовать средства фотовидеофиксации, а также средства их воспроизведения во время слушания уголовного дела.

Каждый из них должен не только обладать полномочиями, которыми они наделяются законом, но и иметь необходимые знания, умения и опыт.

Изложенные правовые основания использования средств фотовидеофиксации в деятельности органов внутренних дел позволяют сделать следующие выводы.

1. На современном этапе в органах внутренних дел получили свое активное применение цифровая фотография и видеосъемка, что позволило более эффективно выполнять поставленные перед правоохранительными органами задачи.

Вместе с тем термин «фотовидеофиксация» не имеет конкретного определения, однако используется в правовом лексиконе и практической деятельности. Предлагаем авторское определение понятия «средства фотовидеофиксации». Так, это технические средства, предназначенные для закрепления визуальной (аудиовизуальной) информации на цифровом либо ином носителе информации, которые прошли установленную нормативными правовыми актами процедуру, позволяющую использовать полученную ими информацию в качестве источника доказательств.

Введение в юридический оборот понятия «средства фотовидеофиксации» – необходимая основа для нормативного правового регулирования имеющихся проблем при использовании данных средств в ходе осуществления правоохранительной деятельности.

2. На основании авторского подхода к пониманию средств фотовидеофиксации осуществлена разработка понятия «допустимость использования средств фотовидеофиксации», под которой предлагается понимать совокупность характеристик средств фотовидеофиксации, а также условий их эксплуатации, при которых соблюдены все требования нормативных правовых актов, связанных с допуском таких средств к использованию в целях получения и фиксации юридически значимой информации.

3. В Республике Беларусь создана правовая основа использования органами внутренних дел средств фотовидеофиксации. Вместе с тем

нет четких нормативных правовых предписаний по их применению, что выражается в отсутствии специального нормативного правового акта, регламентирующего порядок использования и применения рассматриваемых средств.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.08.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Аминжанова, Р.Э. Применение судебной фотографии при расследовании уголовных дел: тактические, организационно-правовые и методические аспекты : дис. ... маг. юрид. наук : 12.00.01 / Р.Э. Аминжанова. – Новосибирск : Новосибир. юрид. ин-т, 2016. – 64 л.

3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Бажанов, О.И. Борьба с преступностью в Беларуси: научные основы и концептуальные решения / О.И. Бажанов [и др.]. – Минск : Право и экономика. – 2005. – 402 с.

УДК 351.74(09)

И.П. Клячок, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.В. Ермоленко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Пашкев*

МЕРЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрены проблемные вопросы классификации мер процессуального воздействия, применяемых в рамках гражданского процесса в Республике Беларусь, исследован зарубежный опыт применения таких мер. Сформулирована новая редакция ч. 2 ст. 168 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, в которой предложен новый перечень мер процессуального воздействия на участников гражданского судопроизводства в Республике Беларусь.

Республика Беларусь, признавая принцип верховенства права, обязывает всех лиц (как физических, так и юридических), находящихся на ее территории, соблюдать действующее законодательство. В свою очередь, гарантом исполнения норм права, устанавливающих порядок гражданского судопроизводства, выступают меры государственного принуждения, и, в частности, меры процессуального воздействия. Меры процессуального воздействия – это разновидность мер государственного принуждения, применяемых в целях восстановления существовавшего правоотношения, обязывающих правонарушителя претерпеть неблагоприятные для него негативные последствия за совершенное им правонарушение.

Для выяснения правовой природы мер процессуального воздействия считаем целесообразным классифицировать их по следующим основаниям: «функциональная направленность» и «характер негативного воздействия».

По функциональной направленности меры процессуального воздействия делятся на меры защиты и меры юридической ответственности. В соответствии с данной классификацией к мерам защиты относятся меры, принуждающие к исполнению уже имеющихся обязанностей, которые субъект правоотношения не исполняет. Такие меры выполняют восстановительную функцию. Так, к мерам защиты относятся оставление заявления без рассмотрения (ст. 165 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК)) [1]. В свою очередь, меры юридической ответственности обязывают субъекта соблюдать правовые нормы путем установления дополнительных негативных последствий за совершенное правонарушение, т. е. носят штрафную функцию. К ним, в частности, относятся: возложение обязанности возместить судебные расходы, привод, удаление из зала суда и др.

В теории гражданского процессуального права по «характеру негативного воздействия» выделяют такие виды мер, как правосстановительные и меры ничтожности [2, с. 22].

Правосстановительные меры защиты применяются для восстановления нарушенного порядка гражданского судопроизводства. Например, если адресат отказался принять судебную корреспонденцию, суд с целью восстановления нарушенного порядка устанавливает презумпцию о том, что данное лицо извещено надлежащим образом о времени и месте судебного разбирательства или совершении отдельного процессуального или исполнительного действия (ст. 146¹ ГПК) [1]. К правосстановительным мерам защиты относятся также привод и отмена судебного решения.

В свою очередь, меры ничтожности направлены на недопущение совершения процессуального действия при нарушении норм гражданского процессуального права. Например, если суд установит, что в исковом за-

явлении содержится нарушение норм ГПК, то он выносит определение об оставлении искового заявления без движения с целью недопущения незаконного возбуждения производства по делу (ст. 248 ГПК) [1]. К мерам ничтожности также относятся оставление заявления без рассмотрения (ст. 165 ГПК) [1] и отказ в возбуждении дела (ст. 245, 246 ГПК) [1].

Иной точки зрения на данный классификационный признак придерживается А.Г. Новиков, согласно которой меры процессуального воздействия по характеру негативного воздействия бывают имущественные (возложение обязанности возместить судебные расходы) и неимущественные (предупреждение). Меры неимущественной гражданской процессуальной ответственности автором, в свою очередь, подразделялись на организационно-доказательственные (отказ в принятии заявления об отводе, отказ в отмене заочного решения и др.) и морально-правовые меры (предупреждение, привод и др.) [3, с. 25]. На наш взгляд, основания для выделения мер неимущественной гражданской процессуальной ответственности отсутствуют, поскольку морально-правовые меры гражданской процессуальной ответственности по своей природе идентичны мерам защиты.

Таким образом, меры процессуального воздействия по характеру негативного воздействия можно разделить на имущественные (возложение обязанности возместить судебные расходы) и неимущественные (предупреждение), среди которых меры гражданской процессуальной ответственности могут носить имущественный и неимущественный характер, в отличие от мер защиты, которые носят сугубо неимущественный характер.

Конкретный перечень мер процессуального воздействия зависит от принадлежности государства к определенной правовой семье. Для романо-германской правовой семьи, к которой также относится и Республика Беларусь, характерно применение таких мер, как предупреждение, привод, удаление из зала суда, взыскание компенсации за потерю рабочего времени и др. Для англосаксонской правовой семьи основной мерой процессуального воздействия выступает вынесение воспрещающего определения. Так, в гражданском процессе Англии судья при обнаружении гражданского процессуального правонарушения может вынести ограниченное, расширенное либо общее воспрещающее определение. Остановимся более подробно на каждом из них.

Ограниченное воспрещающее определение – мера процессуального воздействия, согласно которому стороне запрещается подавать ходатайства по рассматриваемому делу без разрешения суда. Основанием для применения этой меры процессуального воздействия является заявление стороной двух и более необоснованных ходатайств по одному делу. При этом данное определение теряет свою силу с момента разрешения дела в суде.

Расширенное воспрещающее определение – мера процессуального воздействия, согласно которому стороне запрещается подавать любые иски и ходатайства в других судах по вопросам, связанным с ранее рассмотренным делом. В отличие от ограниченного воспрещающего определения расширенное воспрещающее определение применяется в случае, если лицо, несмотря на вынесенное ограниченное воспрещающее определение, в дальнейшем подает необоснованные ходатайства.

В случае если сторона нарушает расширенное воспрещающее определение, суд принимает самую тяжелую меру процессуального воздействия – выносятся общее воспрещающее определение. Согласно данному определению лицу запрещается подавать все без исключения иски и ходатайства в суды, без предварительного разрешения суда.

На наш взгляд, такие меры процессуального воздействия не применимы в правовой системе Республики Беларусь по следующим причинам. Во-первых, основанием применения данных мер является оценочная категория «затягивание судебного процесса». Во-вторых, институт воспрещающих определений является прямым ограничением конституционных прав граждан. На сегодня в случае, если стороны заявляют ходатайства об исследовании доказательств с целью затягивания процесса, председательствующий суда, руководствуясь ст. 288 ГПК, лишь отклоняет данные ходатайства, не применяя при этом каких-либо мер процессуального воздействия [1].

Из вышесказанного следует, что конкретные меры процессуального воздействия устанавливаются исходя из принадлежности государства к определенной правовой семье. Однако это не означает, что в рамках одной правовой семьи применяются идентичные меры процессуального воздействия. Так, гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает такую меру процессуального воздействия, как судебный штраф. Законодатель нашего государства не согласен с тем, что судебный штраф является мерой процессуального воздействия, что подтверждается исключением в 2008 г. из ГПК института судебных штрафов. На сегодня нормы, устанавливающие ответственность в виде штрафа за нарушение положений гражданского процессуального законодательства, содержатся в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях. На наш взгляд, данные изменения являются обоснованными, поскольку нет доводов, опровергающих того, что судебный штраф является мерой административной ответственности.

Таким образом, в теории гражданского процессуального права можно выделить множество мер процессуального воздействия.

В настоящее время в гл. 19 ГПК содержится закрытый перечень мер процессуального воздействия (в частности, к таковым относятся пред-

упреждение, удаление из зала суда, привод, возложение обязанности на недобросовестных участников гражданского судопроизводства возместить судебные расходы) (ч. 2 ст. 168 ГПК) [1]. Однако проанализировав содержание норм ГПК, нами установлено, что указанный перечень не является таковым.

Так, в рамках белорусского гражданского судопроизводства помимо мер, перечисленных в ч. 2 ст. 168 ГПК, применяются также такие меры процессуального воздействия, как: взыскание компенсации за потерю рабочего времени; признание лица уведомленным о вручении судебной корреспонденции; оставление заявления без рассмотрения; отказ в возбуждении дела; оставление искового заявления без движения; отложение разбирательства по делу; рассмотрение дела в отсутствие юридически заинтересованных в исходе дела лиц; рассмотрение дела в заочном производстве; отмена судебного постановления. Остановимся подробнее на отдельных из них.

На сегодня спорным является вопрос об отнесении рассмотрения дела в заочном производстве и рассмотрения дела в отсутствие юридически заинтересованных в исходе дела лиц к мерам процессуального воздействия. Так, М.Л. Гальперин, будучи приверженцем того, что данные институты не являются мерами процессуального воздействия, ссылается на тот факт, что явка в судебное заседание участника процесса является его правом, а не обязанностью [4, с. 156]. Противоположной точки зрения придерживаются Д.А. Липинский и О.В. Николайченко. На наш взгляд, данные институты являются исключительно мерами процессуального воздействия, поскольку участники судебного заседания обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им правами, что закреплено в ст. 56 ГПК. Всякие попытки злоупотребления своими процессуальными правами с целью затягивания процесса пресекаются судом. Таким образом, рассмотрение дела в заочном производстве и рассмотрение дела в отсутствие юридически заинтересованных в исходе дела лиц будут выступать мерами процессуального воздействия лишь в том случае, если данные лица будут злоупотреблять своими процессуальными правами с целью затягивания процесса.

Представляются неэффективными закрепленные в ГПК имущественные меры процессуального воздействия. Так, в ч. 2 ст. 168 ГПК предусмотрена лишь одна мера имущественного характера – обязанность возместить судебные расходы, которая может быть возложена на недобросовестных участников гражданского судопроизводства. При этом данная мера в полной мере может достичь воспитательной и штрафной цели лишь в случае, если она будет применяться в отношении третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора. Такой вывод базируется на том, что основанием для применения

указанной меры процессуального воздействия является уклонение от объяснений, дача ложных объяснений, сокрытие доказательств и иные недобросовестные или заведомо неправильные действия [1]. Совершение указанных действий характерно для такого участника процесса, который заранее предопределяет, что решение суда будет вынесено не в его пользу. При этом согласно ст. 135 ГПК обязанность возмещения судебных расходов лежит на «проигравшей стороне». Иными словами, лицо, предполагающее свой проигрыш в процессе, в любом случае будет обязано возместить судебные расходы вне зависимости от того, совершало ли оно недобросовестные или заведомо неправильные действия или нет. Поскольку третье лицо, не заявляющее самостоятельное требование на предмет спора, не является стороной спора, на нее может быть возложена обязанность возместить судебные расходы не иначе, как в случае совершения вышеуказанных виновных действий.

Неопределенным является место предупреждения в системе мер процессуального воздействия по функциональной направленности. Одни исследователи относят их к мерам юридической ответственности, другие – к мерам защиты. Для разрешения указанного вопроса, в первую очередь, необходимо установить основание применения данной меры. Так, в соответствии со ст. 272 ГПК лицу, нарушающему порядок во время судебного заседания, председательствующий от имени суда делает предупреждение. Однако, какую цель преследует суд, делая предупреждение? Д.А. Липинский полагал, что в данном случае преследуется цель наказать лицо, нарушающее порядок судебного заседания в форме «психологического воздействия» [5, с. 133]. На наш взгляд, аргументация Д.А. Липинского не является обоснованной, поскольку понятие «психологическое воздействие» слишком абстрактное, что позволяет его приписывать всем мерам процессуального воздействия. Считается целесообразным отнести предупреждение к мерам защиты, поскольку данные меры выполняют не штрафную, а восстановительную функцию. Так, суд, объявляя предупреждение, достигает цель восстановления нормального порядка судебного заседания.

На основании изложенного представляется необходимым сделать следующие выводы:

глава 19 ГПК не содержит исчерпывающий перечень мер процессуального воздействия, применяемых в гражданском судопроизводстве Республики Беларусь;

все существующие меры процессуального воздействия можно классифицировать по таким основаниям, как функциональная направленность и характер негативного воздействия;

перечень мер процессуального воздействия зависит от установленной в конкретном государстве правовой системы;

предлагается ч. 2 ст. 168 ГПК дополнить такими мерами процессуального воздействия, как взыскание компенсации за потерю рабочего времени; признание лица уведомленным о вручении судебной корреспонденции; оставление заявления без рассмотрения; отказ в возбуждении дела; оставление искового заявления без движения; отложение разбирательства по делу; рассмотрение дела в отсутствие юридически заинтересованных в исходе дела лиц; рассмотрение дела в заочном производстве; отмена судебного постановления.

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Николайченко, О.В. Последствия несоблюдения гражданских процессуальных норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / О.В. Николайченко ; Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Саратов. гос. акад. права». – Саратов, 2007. – 26 с.

3. Новиков, А.Г. Гражданская процессуальная ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / А.Г. Новиков ; Гос. образов. учреждение высш. проф. образования «Саратов. гос. акад. права». – Саратов, 2002. – 35 с.

4. Гальперин, М.Л. Ответственность в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы теории и процессуальной политики : монография / М.Л. Гальперин ; предисл. от рук. серии. – В.В. Янков ; предисл. – В.А. Мусин ; вступ. сл. Ю.С. Любимов. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 256 с. – (Серия «Гражданский и арбитражный процесс: современный взгляд»).

5. Липинский, Д.А. Процессуальная ответственность : монография / Д.А. Липинский, Е.В. Чуклова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 184 с.

УДК 343.72

М.В. Ковальчук, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Ковальчук*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Н.И. Козелецкая*

ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются группы преступлений, конкурирующие с причинением имущественного ущерба без признаков хищения, предлагаются критерии для их разграничения.

Происходящие в нашем обществе социально-экономические трансформации стали причиной значительного усложнения имущественных отношений, что породило новые способы совершения преступлений против собственности. В связи с этим российский ученый В.В. Лунев отмечает, что в настоящее время «идет процесс относительного вытеснения из сферы корыстной преступности примитивного уголовного типа интеллектуальным и предприимчивым преступником с новыми и более изощренными способами преступной деятельности...» [1, с. 852]. Это определяет необходимость осуществления дальнейших исследований проблемы оснований и условий уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности в целом и за причинение имущественного ущерба без признаков хищения в частности.

Статья 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) устанавливает уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения. Потенциал данной нормы в современных социально-экономических условиях в значительной мере возрастает. Задача уголовно-правовой науки заключается в том, чтобы посредством юридического анализа нормы, закрепленной в ст. 216 УК, продемонстрировать весь спектр ее возможностей в уголовно-правовом противодействии различного рода имущественным обманам и злоупотреблениям. Между тем многие вопросы правоприменительной практики в отношении причинения имущественного ущерба без признаков хищения не нашли еще должного теоретического обоснования [2, с. 5]. Так, актуальным представляется вопрос определения критериев отграничения причинения имущественного ущерба без признаков хищения от смежных преступлений.

Причинение имущественного ущерба, являющееся преступлением против собственности, имеет некоторое сходство с признаками иных преступлений. Это является одним из обстоятельств, вызывающих у правоприменителей определенные трудности при квалификации и разграничении анализируемых деяний. Сказанное обуславливает необходимость в исследовании признаков причинения имущественного ущерба, разрешающих безошибочно квалифицировать содеянное и провести такое разграничение.

Исследуемое деяние наиболее тесно находится в конкуренции с группами преступлений, в которые входят следующие их виды:

а) преступления против собственности: нормы об ответственности за мошенничество – ст. 209 УК; присвоение или растрату – ст. 211 УК; угон транспортного средства или маломерного судна – ст. 214 УК;

б) преступления против порядка осуществления экономической деятельности: нормы об ответственности за выманивание кредита или

субсидии – ст. 237 УК; уклонение от погашения кредиторской задолженности – ст. 242 УК; уклонение от уплаты таможенных платежей – ст. 231 УК; уклонение от уплаты сумм налогов, сборов – ст. 243 УК;

в) преступление против интересов службы: злоупотребление властью или служебными полномочиями – ст. 424 УК [3, с. 147–148].

Одной из самых серьезных проблем, которые испытывает правоприменитель, является отграничение причинения имущественного ущерба от других преступлений против собственности. Наиболее близко рассматриваемое преступление к хищениям. Отграничивая преступление, предусмотренное ст. 216 УК, от хищений, необходимо установить факт, поступило ли имущество собственнику или иному владельцу либо нет. Именно незаконный переход имущества потерпевшего в доход виновного характерен для хищения, утверждал А.А. Пионтковский [4, с. 400].

Состав причинения имущественного ущерба характеризуется негативным признаком и может быть вменен в тех случаях, когда в содеянном отсутствует хотя бы один из признаков хищения чужого имущества. Наиболее часто в практике встречается отсутствие такого признака хищения, как завладение. Обязательное условие хищения – наличие в деянии всех его признаков.

Одним из различий рассматриваемых составов является характер имущественного ущерба. В хищении собственнику либо иному владельцу имущества всегда причиняется реальный (прямой) имущественный ущерб, в результате которого происходит уменьшение имущественного состояния потерпевшего. В причинении имущественного ущерба реальный ущерб причиняется не всегда, в большей мере таковым является косвенный ущерб, выражающийся в так называемой упущенной выгоде в виде неполучения должного [3, с. 150–151].

На первом плане среди преступлений против собственности, вызывающих сложность в разграничении с исследуемым составом, стоит мошенничество. Причинение имущественного ущерба предполагает сходные с мошенничеством: объект преступления; способы совершения преступления; сравниваемые преступления связаны с причинением имущественного ущерба потерпевшему и относятся к корыстным посягательствам на чужую собственность, что нередко порождает заблуждения при квалификации на практике и ошибочные мнения среди ученых. Их отличия выражаются в следующем.

При мошенничестве виновный изымает чужое имущество и обращает его в свою пользу, тем самым ставит себя по отношению к похищенному на место собственника. При причинении имущественного ущерба виновный не стремится поставить себя на место собственника, не изымает чужое имущество, а незаконно использует имущество либо иные

объекты гражданских прав; уклоняется от передачи (уплаты) должного; незаконно обращает в свою собственность или собственность третьих лиц имущество, которое не поступило, но должно было поступить потерпевшему; возлагает бремя своих расходов на потерпевшего.

В мошенничестве предмет преступления – имущество, которое на момент совершения противоправного деяния всегда находится у потерпевшего. Право на имущество в мошенничестве представляет собой права собственника или законного владельца имущества в отношении этого имущества, имеющие какую-либо форму выражения вовне: форму документа или предмета материального мира [5, с. 257]. При причинении имущественного ущерба предметом преступления выступает как имущество, имеющее овеществленную форму, так и иные объекты гражданских прав, не имеющие таковой (электрическая или тепловая энергия, интернет-трафик, информация и др.).

По субъективным признакам этих деяний имеются также различия. Мошенничество совершается лишь с корыстной целью, тогда как для причинения имущественного ущерба мотив и цель не имеют обязательного значения для квалификации [3, с. 150–151].

Преступление, предусмотренное ст. 216 УК, следует отличать от хищения путем присвоения или растраты. Сходство этих посягательств заключается в способе их совершения – злоупотреблении доверием, который хотя и не указан в диспозиции ст. 211 УК, но подразумевается, поскольку вверенное виновному имущество основано на доверии. Вопрос об отграничении присвоения или растраты от причинения имущественного ущерба возникает тогда, когда данное преступление совершается в форме незаконного обращения виновным в свою собственность или собственность третьих лиц имущества, которое не поступило, но должно было поступить потерпевшему. В данном случае присвоение или растрату следует отграничивать по наличию правомочий на чужое имущество, обращаемое в пользу виновного, а также по моменту, с которого имущество считается поступившим собственнику.

Разграничение преступления, предусмотренного ст. 211 УК, также следует проводить по характеру причиненного ущерба и предмету преступного посягательства описанных нами при разграничении исследуемого состава с мошенничеством.

По субъекту присвоение или растрата отличается от причинения имущественного ущерба, совершенного путем злоупотребления доверием. Субъект присвоения или растраты – специальный, поскольку им является лицо, которому имущество вверено на основании закона, договора или иного правового основания. Субъект причинения имущественного ущерба – общий, им является лицо, которому имущество доверено в силу доверительного отношения к нему потерпевшего [3, с. 156–157].

Определенное сходство имеет причинение имущественного ущерба с угоном транспортного средства или маломерного судна (ст. 214 УК), так как указанные преступления отнесены к корыстным преступлениям против собственности, не содержащим признаков хищения. Угон направлен на противоправное временное пользование транспортным средством в корыстных или иных целях без согласия собственника или иного владельца, что также придает схожесть исследуемым преступлениям.

Необходимость отграничения данного преступления от причинения имущественного ущерба возникает в тех ситуациях, когда такое деяние совершено путем обмана или злоупотребления доверием лицом в форме незаконного пользования чужим автотранспортом. Если самовольное пользование чужим автомобилем совершено лицом, за которым автотранспортное средство закреплено (было закреплено) по службе, то с учетом имеющихся взаимоотношений между собственником транспортного средства и виновным и представления последнего относительно правомерности использования данного транспорта, содеянное при наличии соответствующих оснований квалифицируется по статье о причинении имущественного ущерба. Если данное деяние совершено путем обмана или злоупотребления доверием лицом, не имеющим никакого отношения к транспортному средству, то его следует квалифицировать как угон [3, с. 157].

Практической и научной значимостью обладает вопрос отграничения причинения имущественного ущерба от преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, поскольку эти преступления являются специальными нормами по отношению к исследуемому нами преступлению.

Проанализируем соотношение причинения имущественного ущерба и кредитных преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 237, 242 УК.

Сходство преступлений, предусмотренных ст. 237, 242 УК, и причинения имущественного ущерба проявляется: а) в способах их совершения – обмане или злоупотреблении доверием; б) в последствиях преступления – наступлении ущерба, который может выражаться в виде реальных имущественных потерь, связанных с невозвратом полученного с нарушением кредита (реальный ущерб), неполучением должного банком, связанного с невозвратом или несвоевременным возвратом кредита, а также несвоевременной уплаты процентов по кредиту [6, с. 254]; в) в том, что посягательства непосредственно не связаны с изъятием имущества из владения собственника или иного владельца [3, с. 158–159].

Различия рассматриваемых составов преступлений выражены в следующем. Непосредственным объектом преступления, предусмотрен-

ного ст. 237, 242 УК, являются общественные отношения в кредитно-денежной сфере. Дополнительным объектом выступают интересы банков и иных кредиторов. Предмет преступления представляет собой кредит, выраженный в денежных средствах либо в товарных ценностях, являющийся основой кредитного договора, льготные условия кредитования, а также государственный целевой кредит, под которым понимается ссуда в денежной или иной товарной форме. По содержанию обмана, преступление, предусмотренное ст. 237 УК, выражается в сообщении лицом ложных сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита или субсидии, либо умышленное несообщение сведений о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или субсидирования. Содержание обмана при совершении уклонения от погашения кредиторской задолженности ст. 242 УК выражается в сообщении кредитору ложных сведений о препятствиях, влекущих невозможность своевременно и полно погасить существующую задолженность, либо умолчании об обстоятельствах, при которых ухудшилось финансовое положение заемщика до погашения задолженности. Содержание злоупотребления доверием при совершении преступлений, предусмотренных ст. 237, 242 УК, может иметь место в неоформлении в письменной форме кредитного договора либо в его нотариальном неаудировании, когда это необходимо, поскольку данные обстоятельства делают такой договор ничтожным. Субъект преступления, признаки которого определены в ч. 1 ст. 176 УК, – специальный, им является индивидуальный предприниматель, должностное лицо юридического лица. Следовательно лица, не обладающие такими признаками, несут уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба. Потерпевшим является кредитная организация. По ст. 242 УК подлежит ответственности лишь лицо, которое уклоняется от погашения кредиторской задолженности по вступившему в законную силу судебному решению.

Таким образом, диспозиции статей о кредитных преступлениях значительно шире диспозиции статьи о причинении имущественного ущерба, чем существенно отличаются друг от друга [3, с. 159].

Актуальной проблемой в правоприменительной практике является вопрос ограничения причинения имущественного ущерба от уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК), а также уклонение от уплаты сумм налогов, сборов – ст. 243 УК.

Признаком, придающим сходство рассматриваемым составам с причинением имущественного ущерба, является уклонение от уплаты предусмотренных законом платежей. Однако содержание указанных преступлений неодинаково. Критерием, позволяющим разграничить

сравнимые преступления, является объект преступного посягательства. Основным непосредственным объектом причинения имущественного ущерба выступают отношения собственности, а объектом преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 231, 243 УК, являются общественные отношения в сфере формирования государственного бюджета. Различия определены и предметом преступления, предусмотренным ст. 231 УК, которым являются таможенные платежи, а преступления, предусмотренного ст. 243 УК, – налоги и сборы. Не являются предметом преступления, предусмотренного ст. 231 УК, обязательные страховые взносы, в связи с чем уклонение от их уплаты в соответствующем размере влечет ответственность по ст. 216 УК. Диспозиции статей об ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей, налогов и сборов свидетельствуют о том, что данные преступления могут быть совершены любым способом, тогда как причинение имущественного ущерба лишь способами обмана, злоупотребления доверием и модификации компьютерной информации.

При совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, потерпевшему причиняется имущественный ущерб, тогда как в результате уклонения от уплаты таможенных платежей, налогов и сборов, государство ввиду отсутствия финансирования не может в полной мере реализовать свои функции в различных сферах. В этой связи последствия в составах уклонения от уплаты таможенных платежей, налогов и сборов являются более широкими по объему, включающими не только имущественный ущерб, но еще и вред организационный [3, с. 160].

Потерпевшим от причинения имущественного ущерба выступает собственник либо иной владелец имущества, а также участник обязательственных отношений, а таковым от уклонения от уплаты таможенных платежей, налогов и сборов является бюджетная система государства.

Существенным сходством обладает преступление против интересов службы, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 424 УК, и причинение имущественного ущерба путем злоупотребления доверием без признаков хищения. Данное сходство выражается в том, что, злоупотребляя полномочиями, виновные при совершении сравнимых преступлений могут причинить имущественный ущерб при отсутствии признаков хищения, что образует объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 216 УК.

Различия данных статей необходимо проводить по признакам объекта и субъекта преступления. Объектом преступления причинения имущественного ущерба являются отношения собственности, а названных преступлений против интересов службы – нормальная деятельность

органов государственной власти, органов местного самоуправления. В ст. 424 УК субъектом является должностное лицо. Данный субъект является специальным. Субъект преступления, предусмотренного ст. 216 УК, – общий.

Для квалификации описываемых нами деяний, при совершении преступления, предусмотренного ст. 216 УК, имеет большое значение факт установления характера и содержания полномочий лица. Если причинение имущественного ущерба совершается должностным лицом не в связи с его служебной деятельностью и без использования им своих служебных полномочий, то такие действия следует квалифицировать лишь по ст. 216 УК. В противном случае, на наш взгляд, указанные деяния необходимо квалифицировать по совокупности преступлений [3, с. 161–162; 7, с. 11].

Системный анализ положений о вопросах квалификации причинения имущественного ущерба без признаков хищения и его отграничения от преступлений и иных сходных правонарушений позволил нам сделать следующие выводы.

1. Исследуемое преступление имеет определенное сходство с некоторыми преступлениями против собственности, против порядка осуществления экономической деятельности, против интересов службы, что на практике вызывает затруднения при их квалификации и отграничении.

2. Критериями, позволяющими отграничить рассматриваемое преступление от хищений, являются: а) установление момента, с которого имущество считается поступившим потерпевшему; б) наличие у виновного полномочий на получение имущества; в) отсутствие хотя бы одного из признаков хищения, указанных в уголовном законе; г) характер имущественного ущерба; д) предмет преступления; е) субъективная направленность способов совершения преступления; ж) характер извлеченной имущественной выгоды; з) субъективные признаки преступления.

3. Критериями, позволяющими отграничить причинение имущественного ущерба от преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, выступают: а) объект и предмет преступного посягательства; б) способы совершения преступления; в) объем причиненных последствий; г) субъект преступления; д) потерпевший от преступления.

4. Критериями отграничения преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 216 УК, ст. 424 УК являются: а) объект преступного посягательства; б) характер и содержание полномочий лица причинившего имущественный ущерб; в) субъект преступления.

1. Лунеев, В.В. Преступность XX в.: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

2. Мороз, Д.Г. Причинение имущественного ущерба без признаков хищения как преступление против собственности / Д.Г. Мороз. – Минск: Бизнесофсет, 2016. – 151 с.

3. Ковальчук, А.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения в уголовном праве России и Беларуси: сравнительное исследование: монография / А.В. Ковальчук. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 256 с.

4. Курс советского уголовного права: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности: в 6 т.: Часть Особенная. Т. 4 / В.Д. Меньшагин, А.А. Пионтковский; редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1970. – 432 с.

5. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н.А. Лопашенко. – М.: ЛексЭст, 2005. – 408 с.

6. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В. Волженкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 560 с.

7. Тенчов, Э. Ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием / Э. Тенчов // Совет. юстиция. – М., 1981. – № 20. – С. 10–11.

УДК 343.985.8

Е.Г. Коновалов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЗАПРЕЩЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Рассматриваются различные способы выявления преступлений, связанных с запрещенной экономической деятельностью.

Преступления, связанные с запрещенной экономической деятельностью, в отличие от другой группы того же рода деяний (связанных с разрешенной экономической деятельностью), совершаются субъектами так называемой теневой экономики. Речь идет о незаконной предпринимательской деятельности, подделке денег и ценных бумаг, платежных документов и ряде других видов преступлений. Все эти преступления объединяет нарушение запретов, установленных уголовно-правовым законодательством, касающихся экономической деятельности в сфере производства, выполнения определенных видов работ, оказания финансовых и других видов услуг [1, с. 63].

Преступления, связанные с запрещенной экономической деятельностью, классифицируются по различным основаниям: по видам выпускаемых товаров, способам их изготовления, масштабу, продолжительности запрещенной деятельности, количеству ее участников, способам маскировки осуществляемой деятельности и др. Наиболее ценной с точки зрения методико-криминалистического обеспечения выявления и раскрытия данных преступлений является их деление на две группы: связанные с изготовлением продукции, рассчитанной на использование при совершении других преступлений; связанные с изготовлением продукции, использование которой не имеет отношения к дальнейшей преступной деятельности [1, с. 63–64].

По всем делам рассматриваемой категории подлежат установлению следующие факты и обстоятельства:

обстоятельства, связанные с тем, когда, где, кем, для чего была организована исследуемая деятельность, какой период времени она осуществлялась, когда, кем и при каких обстоятельствах была прекращена;

круг участников деятельности, их функции и конкретные обязанности;

характер, вид, особенности произведенного и реализованного либо подготовленного к реализации продукта;

размер полученной прибыли и ее долевое распределение между соучастниками;

из каких источников, в каком ассортименте и стоимостном выражении поступали использованные материалы, полуфабрикаты, сырье, кем, когда и на каком транспорте они перевозились к изготовителям;

кто, каким образом, за счет чего, в каком размере покрывал расходы, понесенные поставщиком сырья, материалов, полуфабрикатов и получателем товара;

на каком оборудовании и с помощью каких средств изготавливался товар;

велась ли учетно-отчетная бухгалтерская, кадровая, техническая, технологическая и иная документация, отражающая характер, объем, содержание и иные характеристики деятельности;

кто, когда, каким образом, куда поставлял выпускаемый товар, где он хранился и сбывался, кто его покупал и на каких условиях, как осуществлялся расчет;

являлось ли предприятие легально действующим, имело ли разрешительно регистрационные документы, устав, лицензии, являлись ли эти документы подлинными, в соответствии ли с ними осуществлялась деятельность [1, с. 65–66].

Отдельно может быть поставлен вопрос о качестве выпускаемой и реализуемой продукции и вредных последствиях содеянного. Нередко в

погоне за легкодоступной, скрываемой от налогообложения, прибылью чаще других избирают кратчайшие пути к достижению поставленной цели, не заботясь ни о качестве, ни о безопасности того, что они создают и реализуют, и уж тем более о последствиях [1, с. 66].

Несмотря на большие возможности сотрудников оперативных подразделений в плане информационного обеспечения, процесс получения информации о данного рода преступлениях является довольно затруднительным. Далеко не всякая информация имеет значение для выявления преступлений, связанных с запрещенной экономической деятельностью. Значимость информации определяется с точки зрения ее достоверности, актуальности и полезности.

Практика показывает, что в структуре информационного обеспечения оперативных подразделений негласная информация представлена в меньшей степени в сравнении с гласной. Данное обстоятельство обязывает сотрудников осуществлять поиск сведений из других источников. Однако такие гласные источники информации, как заявления граждан, сообщения должностных лиц, средства массовой информации в настоящее время не в полной мере обеспечивают оперативные подразделения необходимой для них информацией [2, с. 58].

Очевидно, что важнейшую роль в получении информации, представляющей оперативный интерес, должна сыграть работа с общедоступными источниками информации. В связи с этим стоит обратить внимание на возможность поиска оперативной информации в результате аналитической работы. При этом предлагается структура, в которую входят два взаимодополняющих друг друга блока: непосредственно само информационное обеспечение оперативных подразделений и собственно их аналитическая работа. Первый блок – мероприятия по сбору, накоплению и хранению различной информации для ее дальнейшего использования в борьбе с преступностью. Второй блок – мероприятия, направленные на получение итоговых результатов и выводов, сформированных в результате использования специальных методов анализа, синтеза, сравнения, обобщения и т. д. [2, с. 59].

Посредством аналитической работы представляется возможным не только оценить и систематизировать имеющуюся информацию, но и установить взаимосвязь между отдельными ее элементами [3].

После определения роли аналитической работы целесообразно определить сущность и место информационно-аналитического поиска. Информационно-аналитический поиск характеризуется в первую очередь именно своей познавательной сущностью. Другими словами, после получения определенной информации и оценки ее с точки зрения значимости и достоверности оперативный сотрудник не останавливается на этом и продолжает ее поиск до тех пор, пока задача, стоящая перед ним, не будет решена [3].

Особая роль при этом отводится оперативно-розыскному прогнозированию, целью которого является предвидение возможных вариантов поведения предполагаемого преступника в различных ситуациях с целью выработки и принятия в последующем эффективных мер предупредительного характера по недопущению наступления неблагоприятных последствий [3].

Одной из особенностей выявления преступлений, связанных с запрещенной экономической деятельностью, является широкое использование правоохранными органами знаний и возможностей лиц, являющихся специалистами в исследуемом виде деятельности – в области стандартов, в определении качества незаконно изготавливаемых товаров, лицензировании, нормативных документах, регулирующих отношения в сфере экономики [1, с. 75].

Для выявления преступлений, связанных с нарушением правил экономической деятельности, также особое значение имеет такой важный, но недостаточно разработанный в теории криминалистики метод, как сравнительный анализ, связанный с модельной информацией [4, с. 21].

Данный метод представляет собой интегративную систему, соединяющую в одно целое методы криминалистического моделирования, сравнения и анализа. Он позволяет устанавливать сходство или отличие сравниваемых объектов, один из которых чаще всего является мысленной моделью исследуемого события, поведения, деятельности, действия, способа действия, операции или иного объекта познания, определять их качественно-количественные характеристики и другие особенности и принимать на этой основе соответствующие решения. В данном случае мысленная модель объекта познания – это представление о каком-либо конкретном фрагменте исследуемой реалии, отражающее ту или иную меру сходства с оригиналом. Эта фактическая модель сравнивается с моделью другого объективно существующего (существовавшего) единичного объекта того же порядка либо с неким правилом, стандартом, эталоном, иным подобием общего характера [4, с. 21].

В зависимости от особенностей последних выделяется четыре разновидности криминалистического сравнительного модельного анализа: сравнительный анализ фактических моделей единичных, индивидуально определенных объектов (например, элементов серии однотипных нераскрытых преступлений в целях распознавания, кем совершены эти преступления – одним лицом или разными лицами);

сравнительный анализ нескольких типовых информационных моделей, относящихся к одному объекту, каждая из которых отображает по своему (например, решение вопроса о том, какой из серии предложенных методик решения поставленной задачи следует руководствоваться в данном случае);

сравнительный анализ фактической модели и нескольких моделей типового характера, отображающих различные подходы (например, осуществление комплексного анализа содержания уголовно-процессуального предмета доказывания, диспозиции статьи УК, под признаки которой подпадает расследуемое деяние, и криминалистической характеристики соответствующего вида преступления);

сравнительный анализ фактической модели с одной типовой моделью объекта того же порядка (например, для установления пробелов в фактической модели) [4, с. 21].

Без первых двух модификаций не обходится ни одно досудебное и судебное производство по делам о преступном нарушении правил экономической деятельности. Прежде всего сказанное относится к проблеме взаимодействия и анализа фактических моделей познаваемых объектов и правовых моделей как универсальных типовых информационных моделей, содержащих предписывающую, программную, критериальную информацию [4, с. 21].

Таким образом, в условиях дефицита оперативно значимой информации особую актуальность приобретает информационно-аналитическая работа, непосредственное взаимодействие оперативных работников со специалистами, обладающими познаниями в различных областях, и криминалистический метод сравнительного анализа, применяя который оперативный работник будет получать необходимую информацию для своевременного предотвращения и выявления, связанных с запрещенной экономической деятельностью.

1. Бертовский, Л.В. Выявление и расследование экономических преступлений : учеб.-практ. изд. / Л.В. Бертовский, В.А. Образов. – М. : Экзамен, 2003. – 256 с.

2. Войтихович, С.А. Некоторые возможности аналитического поиска при выявлении экономических преступлений / С.А. Войтихович // Правовая и экономическая составляющие обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2014 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2014. – С. 58–60.

3. Войтихович, С.А. Информационно-аналитический поиск при противодействии экономическим преступлениям / С.А. Войтихович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

4. Бертовский, Л.В. Криминалистический сравнительный анализ как метод выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности / Л.В. Бертовский // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. – 2016. – № 4. – С. 20–24.

С.В. Король, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *А.И. Мурашко*

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент *С.Ф. Лапанович*

НАРУЖНОЕ (ФИЛЕРСКОЕ) НАБЛЮДЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Рассматривается такой метод оперативно-розыскной деятельности, как наружное наблюдение, применяемый в своей деятельности правоохранительными органами Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

В отечественной и зарубежной историографии вопросом изучения методов агентурной работы в Российской империи посвящено значительное количество научных трудов. Научное осмысление методов агентурной работы в Российской империи осуществляли Ю.Е. Аврутин [1], С.Г. Александров [2], Ю.А. Абрамов [3], А. Борисов [4], А.Ф. Вишневецкий [5], А.И. Воронова [6], А.Д. Гронский [7,8], В.И. Елинский [9], В.Д. Ефремов [10], С.Н. Жаров [11], Е.А. Иванова [12], А.И. Мурашко [13], З.И. Перегудова [14], Е.И. Щербакова [15]. В то же время вопрос анализа и оценки методов агентурной работы в Российской империи исследован недостаточно полно. Этот аспект определяет актуальность настоящего исследования.

Агентурное наблюдение как один из методов оперативно-розыскной деятельности начало развиваться в конце XIX в., когда политический розыск стал одной из важнейших функций правоохранительных органов.

Имелись два способа осуществления агентурного наблюдения: наружное и внутреннее. Данное исследование посвящено наружному наблюдению.

Наружное (филерское) наблюдение означало контроль за определенным лицом специально обученными агентами, которые действовали по особому заданию. Таких агентов называли филерами, что в переводе с немецкого означало «следовать». Большое распространение на территории Российской империи филерское наблюдение обрело лишь в конце XIX – начале XX в., когда его значимость официально была признана сыскными органами. До этого момента оно являлось не основным, а вспомогательным к внутреннему наблюдению средством розыска.

Летучий отряд филеров в составе порядка 30 человек был создан в 1894 г. при Московском охранном отделении. К 1901 г. штат отряда увеличился примерно на 20 человек, но в 1902 г. отряд был расформирован и некоторые сотрудники Летучего отряда перешли в сыскной отряд при Департаменте полиции.

Правовой основой деятельности филеров являлась Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений, разработанная в октябре 1902 г. Она содержала 21 пункт, в каждом из которых находились сведения о том, кто должен привлекаться в «летучие» отряды, что они должны знать, уметь и делать. Например, в п. 1 отмечалось: «одним из средств негласного расследования является наружное наблюдение за лицами, прикосновенными к революционному движению, для каковой цели назначаются особые лица (филеры)» [15, с. 115]. Авторами данной инструкции были заведующий Особым отделом Департамента полиции С.В. Зубатов и Е.П. Медников. Ею пользовались вплоть до 1907 г., когда она была заменена двумя новыми инструкциями. В 1907 г. были изданы Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения, а также Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения [15, с. 118].

Таким образом, несмотря на все трудности, связанные с ведением и организацией наружного наблюдения, данный метод оперативно-розыскной деятельности активно развивается не только в специально созданных для наружного наблюдения отрядах, но и в сыскных отделениях полиции.

Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения включала в себя 22 пункта, которые определяли назначение наружного наблюдения и регламентировали основные его правила. Параграф 6 в данной инструкции предусматривал возмещение расходов филерам: «Начальники охранных отделений, кроме денег, назначаемых по их усмотрению и выдаваемых за дни действительной службы, возмещают филерам также и расходы, вызываемые на осуществление наблюдения (трактиры, извозчики, квартира и т. п.) по предоставленным ими счетам, по мере действительной надобности» [15, с. 116].

Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения 1907 г. более детально регламентировала порядок отбора филеров, их деятельность и правила ее ведения. В отличие от предыдущей инструкции Инструкция по организации наружного наблюдения состояла из 75 параграфов.

Основным методом работы филеров было наружное наблюдение, т. е. наблюдение за определенным лицом без прямого контакта с ним и без внедрения филера в его окружение.

В соответствии с п. 10 данной инструкции наружное наблюдение устанавливается за известной личностью, с целью выяснения ее деятельности, связей (знакомства) и сношений. Вследствие этого недостаточно «водить» одно данное лицо, а надлежит выяснять лиц, с которыми оно видится и чьи квартиры посещает, а также и связи последних. Филеры не должны были знать лиц, состоящих секретными агентами, и наоборот [14, с. 123].

При осуществлении наблюдения филерам рекомендовалось действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, ходить незаметно, тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться. В ожидании выхода наблюдаемого лица филеру рекомендовалось становиться на таком расстоянии от места выхода, чтобы только его видеть (насколько хватает зрения) с тем, чтобы по выходе безошибочно определить по приметам данное для наблюдения лицо. Позиция филера должна быть по возможности закрыта, т. е. чтобы филер не бросался в глаза наблюдаемому лицу. Для прикрытия необходимо пользоваться калитками, углублениями в воротах, бульварами, скверами, парадными ходами, общественными и публичными зданиями и т. д. Удобными местами прикрытия являются находящиеся по близости трактир или чайная, пивная, кофейная, и тому подобные заведения, где, усевшись у окна, из которого видно место выхода, можно спокойно ожидать наблюдаемого [15, с. 126].

Анализируя данные пункты Инструкции по организации наружного наблюдения, заметим, что критерии отбора филеров, а также условия их работы были достаточно жесткими, которые под силу далеко не каждому человеку.

Наружное наблюдение, по сравнению с внутренним, не подразумевало под собой «внутреннего внедрения» агента в окружение наблюдаемого лица, однако при наружном наблюдении роль агента-филера была также велика: он должен был наблюдать за указанным лицом и его окружением, владеть информацией о его нахождении, увлечениях и деятельности.

К началу XX в. одного наружного наблюдения для обнаружения и ликвидации революционных организаций в период рабочих стачек и волнений студенчества стало недостаточно. Возрос опыт борьбы и конспирации революционных организаций. В условиях активизации революционных сил старые методы уже не срабатывали, необходимо было разрабатывать новые наиболее эффективные методы противодействия революционному движению. Филерское наблюдение давало лишь внешние факты, не освещая внутренней жизни нелегальных органи-

заций. Для достижения последних целей правоохранительные органы стали использовать внутреннее агентурное наблюдение.

Однако, несмотря на то что наружное наблюдение в некоторые периоды его становления и развития давало не всегда полную картину происходящего, в целом наработанный опыт использования данного метода оперативно-розыскной деятельности имеет большое значение для развития и функционирования правоохранительных органов на современном этапе.

1. Аврутин, Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти России: теория, история, перспектива / Ю.Е. Аврутин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 501 с.

2. Александров, С.Г. Борьба с преступностью как принцип деятельности полиции / С.Г. Александров // Ист. государства и права. – 2004. – № 5. – С. 21–23.

3. Белая книга российских спецслужб / Ю.А. Абрамов [и др.] ; редкол.: А.И. Подберезкин [и др.]. – М. : Обозреватель, 1996. – 272 с.

4. Борисов, А. Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб / А. Борисов. – СПб. : Нева, 2001. – 480 с.

5. Вишневский, А.Ф. Политическая полиция в механизме государственного управления России во второй четверти XIX в. / А.Ф. Вишневский, Ф.А. Шумский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2005. – № 2. – С. 39–43.

6. Воранава, А.І. Рабочы рух у Беларусі напярэдадні і ў перыяд рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А.І. Воранава ; пад рэд. З.Ю. Капыскага. – Мінск : Выд. Акад. навук БССР, 1960. – 235 с.

7. Гронский, А.Д. Деятельность в сфере политического сыска Департамента полиции МВД Российской империи на рубеже XIX–XX вв. / А.Д. Гронский // Методологические проблемы формирования и правотворческого использования основных понятий и категорий в сфере охранительного права : сб. науч. тр. респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 нояб. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; [под общ. ред. В.И. Павлова]. – Минск : Академия МВД, 2017. – С. 170–176.

8. Гронский, А.Д. Политическая полиция Российской империи и ее деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02; 07.00.03 / А.Д. Гронский ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 22 с.

9. Елинский, В.И. История уголовного сыска в России (X – начало XX в.): учеб. пособие / В.И. Елинский. – М. : Инфра-М, 2004. – 77 с.

10. Ефремов, В.Д. Сыск и политическая полиция самодержавной России: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.Д. Ефремов ; С.-Петерб. юрид. ин-т. – СПб., 1996. – 16 с.

11. Жаров, С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Жаров ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2010. – 57 с.

12. Иванова, Е.А. Правовые основы организации и деятельности общей полиции России, XVIII – начало XX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.А. Иванова ; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2003. – 24 с.

13. Мурашко, А.И. Жандармская полиция на железных дорогах Беларуси: организация и деятельность (1861–1917 гг.) / А.И. Мурашко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2015. – 135 с.

14. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880–1917) / З.И. Перегудова. – М. : РОССПНЗ, 2000. – 430 с.

15. Щербакова, Е.И. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 г. / Е.И. Щербакова ; под. ред. Г.А. Бордюгова. – М. : АИРО – XXI; СПб. : «Дмитрий Буланин», 2006. – 384 с.

УДК 343.985.8

Е.В. Костючук, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматуйский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.Н. Лахтиков*

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Рассматриваются вопросы, связанные с определением такого понятия, как «оперативно-розыскная характеристика» и его структурой (основных элементах). Анализируются различные взгляды ученых на обозначенные вопросы.

Оперативно-розыскная характеристика – одно из понятий, составляющих категориальный аппарат науки оперативно-розыскной деятельности. Данное понятие имеет очень важное значение для правильной выработки организационно-правовых приемов и способов борьбы с наркопреступностью, позволяет формировать и правильно использовать гласные и негласные методы оперативно-розыскной деятельности, планировать проведение оперативно-розыскных мероприятий, расширить возможности документирования неправомерной деятельности по линии сбыта наркотических средств и психотропных веществ.

Существует множество различных мнений не только о том, какие элементы должна включать в себя оперативно-розыскная характеристика, но и имеют место быть споры о правильности существования такого понятия в целом.

По этому поводу существует мнение, что структурные элементы оперативно-розыскной характеристики преступлений являются составными частями криминалистической характеристики, а также уголовной и криминологической. Именно с этим связано отрицание некоторыми учеными необходимости употребления такого понятия, как «оперативно-розыскная характеристика», так как оно представляет собой совокупность ряда элементов, заимствованных из других наук.

По данному вопросу справедливо будет отметить то, что и уголовное право, и криминология, и криминалистика, и теория оперативно-розыскной деятельности изучают такие явления, как преступления и лиц, совершивших то или иное преступление. Но при всем этом каждая из названных выше наук изучает данные явления с точки зрения своих собственных интересов, в зависимости от направленности каждой из них [1, с. 14].

Если же соотнести понятия характеристик преступлений, рассматриваемых разными науками, то можно говорить о том, что различия заключаются не в методе исследования, а в целях, которые ставит перед собой та или иная наука.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением В.Д. Ларичева, который считает, что оперативно-розыскная характеристика преступлений должна дать наглядное представление о том, какие могут быть проведены оперативно-розыскные мероприятия, для чего и каким образом. При всем этом элементы оперативно-розыскной характеристики должны существовать не в отдельности, а находиться в определенном соотношении с оперативно-розыскными и другими мероприятиями [1, с. 15].

Представленное мнение имеет сходство с утверждением Н.П. Яблокова, которое заключается в том, что успех расследования любого преступления во многом определяется умением следователя проникнуть в его криминалистическую характеристику, уяснение которой позволяет в каждом конкретном случае расследования избрать наиболее правильные его направления, средства и методы [2, с. 25].

В теории оперативно-розыскной деятельности обычно выделяют следующие элементы оперативно-розыскной характеристики преступлений:

- предмет преступного посягательства;
- обстановка совершения преступления (время, место);
- способ совершения преступления;
- механизм слеодообразования;
- способ сокрытия преступной деятельности;
- личность преступника;
- личность потерпевшего.

Однако и по данному поводу существуют различные суждения о правильности отнесения того или иного элемента к оперативно-розыскной характеристике.

Так, например, Б.Б. Шойжилцыренов и А.Е. Ступницкий в качестве основных элементов данного понятия предлагают выделить следующие:

оперативно значимое поведение объектов, представляющих оперативный интерес;

оперативно значимое поведение субъектов, представляющих оперативный интерес [3, с. 23–25].

Предложенные элементы раскрываются посредством выяснения и уточнения способа совершения и сокрытия преступлений, обстановки совершения преступления и личности преступника. В связи с этим считаю более правильным первоначальное суждение об элементах оперативно-розыскной характеристики.

Обобщая вышеприведенные различные мнения как об определении и необходимости существования оперативно-розыскной характеристики преступлений, так и о ее элементах, можно сделать вывод, что данное понятие имеет структуру, сходную по своей сути с криминалистической характеристикой преступлений, но принципиальным отличием будет являться то, что использование оперативно-розыскной характеристики направлено на достижение целей и решение задач оперативно-розыскной деятельности.

Можно сформулировать следующее понятие оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, под которым мы понимаем совокупность взаимосвязанных между собой сведений о самих наркотических средствах, личности сбытчика наркотических средств, внешней обстановке при сбыте наркотических средств и способах сбыта наркотических средств, достоверные знания о которых необходимы для оптимизации процесса осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Рассмотрим более подробно каждый из предложенных нами элементов. Предмет наркосбыта – определяющий элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, поскольку без предмета такие преступления не существуют в принципе. К предметам наркосбыта относятся наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества. Внимательное и всестороннее изучение оперативными сотрудниками предмета наркосбыта, как элемента его оперативно-розыскной

характеристики, во многом способствует правильному и объективному выбору ими форм, методов и тактики осуществления оперативно-розыскной деятельности в борьбе с незаконным сбытом наркотических средств [4].

Объектом изучения является личность человека, совершившего преступление, как универсальный источник воспроизводства и накопления многообразной информации. Личность преступника изучается уголовным правом, криминологией, криминалистикой, а также теорией оперативно-розыскной деятельности. Личность субъекта преступления как слеодообразующий объект всегда оставляет следы-признаки преступного поведения, свидетельствующие не только о событии преступления, но и о самом преступнике, т. е. о том, кто его совершил и как [5, с. 197]. В связи с этим с целью успешного решения задач оперативно-розыскной деятельности крайне необходимым является изучение личности наркосбытчика, как элемента оперативно-розыскной характеристики преступлений рассматриваемой категории. С учетом личности сбытчика наркотических средств избирается и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий, которая в наибольшей степени способствует успешности борьбы с наркопреступностью.

Одним из важнейших элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, является обстановка, в которой оно было подготовлено, совершено, а также в которой происходило его сокрытие, т. е. обстановка наркосбыта. Правильное понимание оперативными сотрудниками оперативной обстановки, складывающейся при сбыте наркотических средств, на практике имеет принципиальное значение. Проникновение в обстановку и обстоятельства преступления рассматриваемого вида ведут к отчетливому пониманию совершившегося, к постижению внутренних связей между действиями, совершаемыми преступной волей и отражением их вовне. Такое понимание дает возможность не только мысленно воссоздать картину преступления, но и понять мотивы, руководящие преступником при совершении наркосбыта. Обстановка наркосбыта во многом влияет на способ его совершения и в полной мере отражается на особенностях и структуре его механизма.

Правильно отмечает Е.А. Ошлыкова, что в обстановке совершения преступления можно выделить субъективные и объективные факторы, которые постоянно оказывают влияние на преступников и выбор ими способа совершения преступления. При этом к субъективным факторам относятся способности, знания, опыт преступников при подготовке, совершении и сокрытии преступления. К объективным отнесем условия, в которых они намеревались совершить преступление [6, с. 217].

Обстановка наркосбыта как элемент его оперативно-розыскной характеристики играет существенную роль в повышении эффективности борьбы с наркопреступностью. Правильная оценка внешней обстановки, сложившейся при сбыте наркотических средств, с учетом способов их сбыта способствует разработке наиболее эффективного комплекса оперативно-розыскных мероприятий, что приводит к своевременному выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Для обстановки совершения преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, характерны следующие признаки:

время и место его подготовки, совершения и сокрытия;
погодные и иные природные условия;
обстоятельства, вызванные человеческой деятельностью;
обстоятельства, сложившиеся независимо от действий людей.

Если же говорить о способе совершения преступления, то данный элемент включает в себя действия по приготовлению, совершению и сокрытию преступления. Знание способов сбыта наркотических средств дает возможность оперативному работнику определить основные направления выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия наркопреступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Кроме того, помогает строить оперативно-розыскные версии в конкретно сложившейся оперативно-розыскной ситуации, проводить наиболее эффективные и оптимальные оперативно-розыскные мероприятия. Именно в способе совершения преступления чаще всего содержится наибольший объем информации, позволяющей быстрее и правильнее сориентироваться в сути происшедшего в целом и его отдельных обстоятельствах, а также круге лиц, среди которых следует искать преступника. К тому же способ совершения преступления, проявляющийся в различных следах, является важным источником сведений о качественной характеристике преступного поведения.

Нельзя упускать из внимания и то, что при подготовке и совершении преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, преступники практически всегда заранее обдумывают и предусматривают меры по их сокрытию от посторонних граждан и сотрудников правоохранительных органов. Действия по сокрытию преступления и его следов являются структурной подсистемой способа совершения преступлений в сфере наркоторговли. Отсюда следует, что сбыт наркотических средств невозможен без предварительной подготовки, изучения обстановки, создания ряда условий, способствующих достижению противоправной цели и цели обеспечения безопасности преступника.

Изложенные в настоящей статье сведения об основных элементах оперативно-розыскной характеристики незаконного сбыта наркотиче-

ских средств дают возможность определить особенности их использования в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений данного вида, а также при выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

1. Ларичев, В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание / В.Д. Ларичев // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 1. – С. 18.

2. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений : учеб. пособие / В.Ф. Ермолович. – М. : Амалфея, 2001. – 304 с.

3. Шойжилцыренов, Б.Б. Проблемные вопросы структурных элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений / Б.Б. Шойжилцыренов, А.Е. Ступницкий // Рос. следователь. – 2009. – № 14. – С. 23–25.

4. Баяхчиев, В.Г. Расследование преступлений, связанных с изготовлением и распространением синтетических наркотических средств организованными группами / В.Г. Баяхчиев, И.И. Курылев, А.П. Калинин. – М. : ВНИИ МВД России, 1995. – 48 с.

5. Гавло, В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений : монография / В.К. Гавло. – Томск, 1985. – 333 с.

6. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств и подержания государственного обвинения по уголовным делам данной категории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1914688/>. – Дата доступа: 12.04.2018.

УДК 343.985

В.В. Кравец, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.М. Веремеенко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются проблемы соблюдения прав и свобод граждан при осуществлении некоторых оперативно-розыскных мероприятий.

Противодействие организованной и общеуголовной преступности – одна из важнейших внутренних функций государства. В силу ряда по-

ложений Конституции Республики Беларусь государство определило высшей ценностью и своей целью обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина и гарантии их реализации [1, с. 2]. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина должны распространяться в равной мере на установленные законодателем допустимые ограничения, касающиеся этих прав. В оперативно-розыскной деятельности эти гарантии приобретают существенное значение в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [2].

Широкое использование методов оперативно-розыскной деятельности уполномоченными государственными органами, закрепленными в Законе об ОРД, обеспечивает эффективность такого противодействия. Информация, полученная в ходе осуществления данного вида деятельности, является доказательством по уголовным делам. Однако при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (ОРД) конституционные права и свободы граждан могут быть ограничены.

Конституция Республики Беларусь допускает ограничение конституционных прав и свобод граждан: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону» [1, с. 7].

В Республике Беларусь ограничение прав и свобод человека и гражданина может выражаться в частичной отмене права (некоторые категории государственных служащих ограничены ст. 36 в свободе политических объединений, но могут создавать и быть членами общественных объединений, которые не преследуют политических целей); полной отмене права (недееспособные лишаются избирательного права, ст. 64 Конституции Республики Беларусь) [1, с. 15].

Ограничение прав и свобод граждан устанавливается:

- а) для уважения прав, свобод и репутации других лиц;
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Следует отметить, что для обеспечения решения задач оперативно-розыскной деятельности законодатель допускает возможность использования оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

В соответствии со ст. 18 Закона об ОРД к ОРМ относятся:

- оперативный опрос;
- наведение справок;
- сбор образцов;

- исследование предметов и документов;
- оперативное отождествление;
- оперативный осмотр;
- наблюдение;
- проверочная закупка;
- контролируемая поставка;
- слуховой контроль;
- контроль в сетях электросвязи;
- контроль почтовых отправлений;
- оперативное внедрение;
- оперативный эксперимент [2].

Оперативно-розыскной закон наделил должностных лиц, органов, осуществляющих ОРД, правом ведения соответствующих дел оперативного учета. Дело оперативного учета заводится в целях систематизации, проверки и оценки сведений, полученных органом, осуществляющим ОРД, при выполнении задач ОРД, а также принятия на их основе соответствующего решения [2]. Характер данной информации в Законе об ОРД не уточняется. Можно предположить, что к этим сведениям относится информация о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления либо осведомленных об этом. Данное предположение вытекает от одного из оснований к заведению дела оперативного учета. Речь идет о сборе, накоплении и систематизации информации о личной жизни физического лица.

Сбор и накопление информации о личной жизни, безусловно, затрагивает не только личные интересы граждан, но и конституционные права физических лиц. Так, в ст. 28 Конституции Республики Беларусь закреплено «каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство» [1, с. 8].

Более конкретный подход к защите информации, затрагивающую личную жизнь физических лиц, закреплен в Законе «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации). Закон об информации никому не предоставляет права требовать от физического лица информации о его частной жизни и персональных данных [3].

Из всего вышесказанного следует, что заведение дела оперативного учета, если оно касается подозрений конкретного лица в подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении является правовым основанием для сбора различной информации о нем, в том числе и

информации, касающейся его личной жизни. Однако в п. 6 ст. 17 Закона об ОРД закреплено положение о том, что «факт заведения дела оперативного учета не является основанием для ограничения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций» [2]. Данный перечень обстоятельств вводит правоприменителя в заблуждение и фактически освобождает от необходимости соблюдения, закрепленных в Конституции Республики Беларусь и Законе об информации, прав, свобод и гарантий их соблюдения и реализации. В связи с этим следует либо закрепить право должностных лиц органа, осуществляющего ОРД, по факту заведения дела оперативного учета ограничивать некоторые права, свободы и законные интересы физических лиц либо закрепить в ст. 17 Закона об ОРД перечень информации, которую могут собирать должностные лица органа, осуществляющего ОРД.

На основании ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД в качестве основания заведения дела оперативного учета называет ставшие известные для органа, осуществляющего ОРД, сведения о лицах, подготавливаемых, совершающих или совершивших преступление, а также о гражданах, располагающих какой-либо информацией о данных преступлениях. Такая формулировка Закона об ОРД фактически предоставляет возможность на усмотрение органа, осуществляющего ОРД, принимать решение о начале оперативно-розыскного производства. Она не обязывает органы, осуществляющие ОРД, учитывать и искать возможность применения иных способов для достижения целей и задач ОРД.

Стоит также отметить, что положение, закрепленное в п. 1 ч. 1 ст. 17, не только не требует, а даже исключает при заведении дела оперативного учета требования ст. 167 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) [4] о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В противном случае обязательным было бы заведение уголовного дела. Таким образом, рассматриваемая норма содержит прямое дозволение заводить дела оперативного учета при отсутствии достоверных данных о преступном деянии. Именно так может быть понято это положение лицами, осуществляющими ОРД. Следовательно, при производстве ОРМ в отношении физических лиц вполне достаточной признается заведение дел оперативного учета для выяснения преступных намерений.

Анализ ст. 19 говорит о том, что требованием обязательности прокурорского санкционирования распространяется только на ОРМ: наведение справок о сведениях, составляющих банковскую, врачебную, коммерческую и иную, охраняемую законом, тайну; оперативный осмотр жилища и иного законного владения гражданина, помещения, здания, сооружения, транспортных средств, иного объекта и территории орга-

низации, проводимый негласно и связанный с проникновением в (на) них в отсутствие собственника, владельца, пользователя; наблюдение с использованием средств негласного получения (фиксации) информации и иных средств, установленных в жилище и ином законном владении гражданина, помещении, здании, сооружении транспортном средстве, ином объекте и на территории организации, за исключением общественных мест, участков местности, а также всех видов общественного транспорта; проверочная закупка, проводимая повторно или более двух раз в отношении одного и того же гражданина в рамках одного и того же дела оперативного учета; слуховой контроль; контроль в сетях электро-связи; контроль почтовых отправлений; оперативный эксперимент [2]. Иное вторжение допускается без уведомления прокурора, фактически бесконтрольно. При этом объем и характер собираемой информации остается на усмотрение органа, осуществляющего ОРД.

В Законе об информации сформулировано положение, прямо противоречащее Закону об ОРД, запрет «Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с согласия данного физического лица» [3].

Анализ ст. 19 Закона об ОРД показывает, что опрос граждан, наблюдение (осуществляющееся в местах, в которых возможен беспрепятственный вход граждан) и другие виды ОРМ, не нарушающие конституционных прав граждан, во всех случаях не требуют санкции прокурора.

Оперативный опрос представляет собой общение с гражданином в целях получения от этого гражданина непосредственно или по средствам сети электросвязи сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [2]. При этом в ходе оперативного опроса сотрудник, осуществляющий ОРД, может получать любую информацию, в том числе и о частной жизни физических лиц и их персональных данных.

Наблюдение представляет собой визуальное или иное восприятие деятельности гражданина, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие, явлений, событий, процессов, деяний иных граждан, происходящих в жилище и ином законном владении гражданина, помещении, здании, сооружении, транспортном средстве, на ином объекте и территории организации, участке местности, непосредственно или опосредованно в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности. Стоит отметить, что в ходе наблюдения за гражданином даже в общественных местах у оперативника есть возможность собирать информацию о его частной жизни и хранить ее в деле оперативного учета.

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что Закон об ОРД дает возможность сотруднику, осуществляющему ОРД, проводить такие ОРМ, как оперативный опрос и наблюдение в целях сбора, хранения и использования информации о его частной жизни, без санкции прокурора, а также в отсутствии достаточных признаков преступления, по которым предварительное следствие обязательно, что не соответствует положениям ст. 25, 28, 29 Конституции Республики Беларусь.

Уважение прав и свобод человека распространяется на все государственные и негосударственные органы, в том числе уполномоченные на проведение ОРД. Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина, равно как и вмешательство в его личную жизнь допускается только на основаниях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь.

Все действия уполномоченных на проведение ОРД лиц должны четко соответствовать предписаниям Конституции Республики Беларусь, Закону об ОРД. В случае нарушения данных законодательных актов лицами, уполномоченными на проведение ОРД, предусматривается уголовная ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Следует отметить, что при любой деятельности, в том числе проведении ОРМ, следственных действий и т. д., конституционные права и свободы человека и гражданина должны обязательно уважать компетентные органы, сотрудники органов внутренних дел и т. д.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Академия МВД, 2016. – 39 с.

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

А.И. Красовский, курсант факультета милиции,
А.А. Швайко, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.П. Пацкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *В.И. Елётнов*

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ МИЛИЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Рассматриваются случаи возможного участия сотрудников милиции в расследовании преступлений на первоначальном этапе; указываются и анализируются возникающие при этом проблемы, предлагаются пути их решения.

В процессе осуществления первоначального этапа расследования преступлений решаются многие важные задачи расследования. Эффективность раскрытия и расследования преступлений в значительной степени зависит от успешного взаимодействия следователя, оперативного работника и других участников уголовного процесса. Общие усилия следователя, сотрудников органов розыска, специалиста, участкового инспектора милиции на данном этапе направлены на решение главной задачи – раскрытия преступления (если оно неочевидное), а также на сбор, оценку и фиксацию событий доказательственной информации, предназначенной для изобличения виновного. Особая роль в решении данной задачи отводится сотрудникам милиции.

Участие милиции в расследовании преступлений регламентируется в нашей стране Уголовно-процессуальным кодексом и иными нормативными правовыми актами [1; 2; 3; 4]. В частности, Инструкцией по организации деятельности участкового инспектора милиции, утвержденной приказом № 20 МВД Республики Беларусь от 24 января 2012 г., участковому инспектору милиции в целях профилактики, выявления и пресечения преступлений вменены следующие обязанности: анализировать складывающуюся оперативную обстановку на административном участке; незамедлительно реагировать на заявления и сообщения о преступлениях, административных правонарушениях и информацию о происшествиях; исполнять поручения следователя, лица, производящего дознание, о проведении следственных и других процессуальных действий, об оказании содействия при производстве следственных и других процессуальных действий и др. [4].

В научной литературе имеется мнение, согласно которому все функции, осуществляемые различными подразделениями милиции в ходе расследования преступлений возможно подразделить на три группы: основные; обеспечивающие нормальный ход уголовного судопроизводства; вспомогательные [5, л. 11]. При таком подходе основной функцией милиции при расследовании преступлений считается производство ей дознания.

Производство дознания милицией закреплено ст. 186 УПК Республики Беларусь, в которой говорится, что «...лицо, производящее дознание, по возбужденному уголовному делу производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления: осмотр, обыск, выемка, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз» [1]. На этапе дознания проводится наиболее важная и, как правило, эффективная работа по установлению всех обстоятельств уголовного дела, воссозданию картины совершенного преступления, информационному наполнению элементов материальной его структуры. В этой связи вклад сотрудников милиции (лиц, производящих дознание), знающих обстановку на объектах оперативного обслуживания, располагающих возможностями применения сил, средств и методов ОРД в общий рисунок расследования может быть неocenim [6, с. 197].

Однако если для органов предварительного следствия осуществление расследования – единственная функция, то милиция имеет много других обязанностей, возложенных на нее законодательством. Участковый инспектор милиции, например, обязан: 1) в целях профилактики, выявления и пресечения преступлений и административных правонарушений, установления граждан, их совершивших: 1.1) осуществлять ежегодную проверку условий хранения оружия и боеприпасов к нему по месту жительства его владельцев; 1.2) участвовать в мероприятиях по осуществлению ОРД контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь; 1.3) готовить представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений и т. д.; 2) в целях предупреждения насилия в семье, правонарушений, совершаемых гражданами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения: 2.1) проводить профилактические беседы; 2.2) объявлять гражданам защитные предписания, вручать их копии; 2.3) выявлять семьи, в которых дети находятся в социально-опасном по-

ложении и т. д.; 3) в целях обеспечения взаимодействия с гражданами: 3.1.) на постоянной основе осуществлять подворный (поквартирный) обход административного участка; 3.2) оказывать содействие в функционировании советов общественных пунктов охраны и т. д. [4].

Выполнение сотрудниками милиции одновременно нескольких направлений деятельности, отсутствие регулярной практики участия в расследовании преступлений, часто приводит к тому, что некоторые их действия и решения (в частности, решения о возбуждении уголовных дел) носят преждевременный и юридически необоснованный характер. Это, в свою очередь, может повлечь прекращение предварительного расследования или отмену прокурором постановления о возбуждении уголовного дела [7, с. 129].

Дознание, осуществляемое милицией в ходе расследования преступлений, может также проявляться в выполнении ее сотрудниками поручений следователя [8, с. 69]. Анализ практики показывает, что на сегодня нагрузка сотрудников милиции в части выполнения поручений следователя, в особенности проведения неотложных следственных действий, продолжает возрастать. По неочевидным преступлениям сотрудникам милиции часто приходится выполнять значительный объем следственной работы. Примечательно, что сложившаяся ситуация может приводить к определенным злоупотреблениям со стороны органов предварительного следствия: переложению своих обязанностей на органы дознания, в то время как законодательно последние фактически не защищены, – нормативные указания, предупреждающие возможные нарушения, носят фрагментарный и не системный характер. Одно из таких указаний содержится, например, в Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции, где предписано, что запрещается поручать участковому инспектору исполнение поручений и постановлений о проведении следственных и других процессуальных действий, об оказании содействия при производстве следственных и других процессуальных действий за пределами города (района), в административные границы которого входит обслуживаемый им административный участок [4].

Процесс выявления и расследования преступлений заключается в установлении истины в уголовном судопроизводстве. Задачи, стоящие перед органами предварительного следствия и милицией, невозможно решить без четкой организации работы, без координации усилий различных служб и подразделений, без целеустремленного планирования расследования по каждому уголовному делу и отдельного следственного действия, так как расследование преступлений осуществляется в условиях существенного недостатка полезной информации, дефицита

времени, при постоянно меняющейся обстановке, нередко испытывая противодействие со стороны как преступника, так и других заинтересованных лиц [9, с. 136–137]. Это необходимо учитывать в ходе взаимодействия различных подразделений милиции и органов предварительного следствия, поскольку разобщенность и разоподчиненность участников следственно-оперативной группы приводит к возникновению несогласия в обмене информации или неполучении ее в полном объеме.

Деятельность следователя на первоначальном этапе по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений многогранна и подчинена отдельным организационным закономерностям. А.П. Пацкевич и И.И. Лузгин указывают в своей работе, что именно в начале расследования «при возбуждении уголовного дела – допускаются наибольшее количество нарушений» [10, с. 188]. Массовость и однотипность таких нарушений может свидетельствовать о том, что такая практика неслучайна и причины этого явления следует искать в несовершенстве закона. Далее А.П. Пацкевич приходит к выводу о том, что на данном этапе уголовного процесса существуют только организационные (непроцессуальные) формы взаимодействия. Так, взаимодействие следователей Следственного комитета Республики Беларусь с органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела начинается с момента предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении с целью установления оснований для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела. При поступлении сообщения о преступлении дежурный оперативно-дежурной службы органов внутренних дел формирует следственно-оперативную группу для выезда на место происшествия. Своевременное создание следственно-оперативной группы, правильная организация ее работы позволяет успешно расследовать преступления различных категорий. От эффективности взаимодействия на данном этапе зависит раскрываемость преступлений по горячим следам [10, с. 188]. В этот же период оперативный дежурный информирует сотрудников милиции о совершении правонарушения, которые после получения информации выбывают к месту совершения преступления с целью сохранения обстановки и следов на месте преступления до приезда следственно-оперативной группы.

Совместная деятельность милиции и предварительного следствия по раскрытию и расследованию преступлений имеет цель обеспечить в максимально сжатые сроки установление и привлечение к ответственности лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, принятие эффективных мер по возмещению причиненного вреда, устранению способствующих преступлению причин и условий [11, с. 51]. Таким образом, взаимодействие между членами следственно-оперативной группы долж-

но носить не случайный, эпизодический характер, а являться устойчивым творческим сотрудничеством, основанном на целесообразном сочетании различных средств и методов, присущих деятельности взаимодействующих органов и базироваться на определенных принципах. Общими принципами организации расследования являются законность, оперативность, научность, комплексность, компетентность, эффективность, плановость. К специальным принципам организации предварительного расследования относят: соответствие организующей системы объекту организации расследования; соответствие прав, полномочий и обязанностей субъектов организации; централизация расследования и его организации; информированность; сочетание следственных и иных действий; интенсивность расследования; оптимальная рабочая нагрузка следователя; ритмичность расследования; обеспечение условий для взаимодействия всех привлеченных к организации предварительного расследования сил; обеспечение условий эффективного применения технико-криминалистических и иных средств при организации предварительного расследования. Изложенные принципы организации предварительного расследования взаимосвязаны и взаимозависимы, значение их состоит в том, что они являются теоретической базой организации расследования [9, с. 137].

Однако часто на практике существуют просчеты в работе следственно-оперативной группы. Анализируя данный вопрос, О.В. Танкевич отмечает следующие недостатки, присущие работе следственно-оперативных групп: «во-первых, работая в составе группы относительно непродолжительный период, обычно не превышающий сроков производства по делу, следователи и сотрудники органов дознания не всегда успевают добиться по-настоящему деловых отношений между собой, создать благоприятный психологический климат для совместной работы. Во-вторых, освобождение части оперативных сотрудников на время работы в следственно-оперативной группе от выполнения других обязанностей, кроме оказания помощи следователю по конкретному делу, совсем не означает, что с них снимается ответственность за состояние профилактической и оперативно-розыскной деятельности на закрепленной территории» [12, с. 241–243].

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время участие сотрудников милиции в расследовании преступлений на первоначальном этапе в основном выражается в незамедлительном их реагировании на заявления и сообщения о преступлениях, исполнении поручений следователя, лица, производящего дознание, о проведении следственных и других процессуальных действий, об оказании содействия при производстве следственных и других процессуальных дей-

ствий. Однако стоит отметить, что данное участие сопровождается рядом проблем:

выполнение сотрудниками милиции одновременно нескольких направлений деятельности, отсутствие регулярной практики участия в расследовании преступлений, часто приводит к тому, что некоторые их действия и решения носят преждевременный и юридически необоснованный характер;

нагрузка сотрудников милиции в части выполнения поручений следователя, в особенности проведения неотложных следственных действий, продолжает возрастать. По неочевидным преступлениям сотрудникам милиции часто приходится выполнять значительный объем следственной работы, что может сказываться на качестве приобщаемого к делу материала;

кратковременность взаимодействия между сотрудниками милиции и следователем, обычно не превышающего время проведения конкретного следственного (процессуального) действия или сроков производства по делу часто приводит к отсутствию должного состояния деловых отношений между ними.

Решение указанных проблем видится в переосмыслении и пересмотре некоторых функций сотрудников милиции, детальном правовом закреплении их прав и обязанностей в части, касающейся расследования преступлений, порядка взаимодействия с органами предварительного следствия.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : в ред. от 19.07.2016 г. № 408-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : в ред. от 09.01.2018 г. № 91-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Об утверждении Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 24 янв. 2012 г., № 20 : в ред. приказа М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 28.02.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Гирько, С.И. Уголовно-процессуальные функции милиции (Теоретические, правовые и прикладные проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.И. Гирько. – М., 2004. – 336 л.

6. Красиков, В.С. Дознание в органах внутренних дел: эволюция и проблемы совершенствования / В.С. Красиков // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 окт. 2017 г. / БГУ ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2017. – С. 192–197.

7. Нечаева, В.А. О полномочии органа дознания возбуждать уголовные дела (на примере территориальных подразделений Министерства внутренних дел Республики Беларусь) / В.А. Нечаева // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. III Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 20 марта 2015 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Ю.П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь, 2015. – С. 127–129.

8. Гирько, С.И. Некоторые проблемы досудебного производства, осуществляемого органами милиции / С.И. Гирько // Журн. рос. права. – 2008. – № 3. – С. 62–69.

9. Пацкевич, А.П. Организация расследования преступлений: проблемы, перспективы, тенденции / А.П. Пацкевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. Криминалистика. – 2011. – № 6. – С. 136–139.

10. Пацкевич, А.П. Актуальные проблемы взаимодействия подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и органов дознания системы МВД при расследовании преступлений / А.П. Пацкевич, И.И. Лузгин // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. Криминалистика и оперативно-розыск. деятельность. – 2013. – № 14. – С. 186–192.

11. Танкевич, О.В. Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания / О.В. Танкевич. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 115 с.

12. Танкевич, О.В. Формы взаимодействия следователя и органа дознания по предупреждению преступлений / О.В. Танкевич // Юридическая наука и образование в Республике Беларусь на современном этапе : материалы Междунар. науч. конф. – Гродно, 2003. – С. 241–243.

УДК 343.985

В.О. Крукович, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *О.В. Савчук*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ИМУЩЕСТВА

На основании анализа хищений имущества рассматриваются и выделяются эффективные способы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия

и расследования хищений имущества подразделениями криминальной милиции органов внутренних дел Республики Беларусь.

На фоне криминогенной обстановки в Республике Беларусь, проанализировав статистику преступности, согласно данным МВД Республики Беларусь, просматривается постепенная тенденция снижения числа нападений на граждан, связанных с такими преступлениями, как кражи, грабежи и разбои. Данная статистика была изучена с 2013 по 2017 г. Так, за 2013 г. всего зарегистрировано 96 676 преступлений (выявлено лиц, совершивших преступления, – 49,8 тыс. человек), из которых 46 356 выпадает на кражи, 2 459 – грабежи, 311 – разбои; в 2014 г. зарегистрировано 93 932 преступления (выявлено лиц, совершивших преступления, – 49,9 тыс. человек), из которых кражи составляют 40 528, грабежи – 2 171, разбои – 289; в 2015 г. зарегистрировано 96 982 преступления (выявлено лиц, совершивших преступления, – 53,1 тыс. человек), кражи – 40 417, грабежи – 2 116, разбои – 284; в 2016 г. зарегистрировано 92 943 преступления (выявлено лиц, совершивших преступления, – 51,6 тыс. человек), кражи – 37 121, грабежи – 1 891, разбои – 225; в 2017 г. зарегистрировано 86 326 преступлений (выявлено лиц, совершивших преступления, – 47,7 тыс. человек), кражи – 32 718, грабежи – 1 545, разбои – 174 [1].

Исходя из предоставленных выше данных можно сделать вывод о том, что прослеживается не только снижение роста преступлений, связанных с хищением имущества, но и повышается уровень выявления лиц, совершивших данные преступления. Это связано с повышением материальной и технической базы оперативных подразделений. Нельзя оставить без внимания также тот факт, что на все количество преступлений, совершаемых в течение года, на кражи, грабежи и разбои выпадает практически половина от общего числа преступлений. Таким образом, данные виды преступлений требуют пристального внимания, которое должно выражаться в организационно-тактических особенностях раскрытия хищений имущества.

Анализ правоприменительной практики показывает, что преступниками применяются в основном следующие способы совершения грабежей: нанесение побоев (не опасных для жизни и здоровья либо с угрозой применения насилия); применение психологического насилия; рывок (например, преступник вырвал у женщины сумочку); использование алкогольного опьянения потерпевшего.

Чаще всего предметами хищений имущества являются дамские сумочки, портфели, чемоданы, ювелирные изделия, деньги, которые могут быть похищены как прямо на глазах у потерпевшего, так и оставленные последним без присмотра.

Особенно настораживает рост количества разбойных нападений с применением огнестрельного оружия (последним примером может служить разбойное нападение на отделение «Белорусбанка» в городе Могилеве, с применением огнестрельного оружия, сопряженным с захватом заложников).

В ходе расследования и построения организации и тактики раскрытия перечисленных преступлений возникает такая проблема, как потерпевший не может предоставить никакой ценной информации о преступнике, так как он очень напуган или получил какие-либо телесные повреждения, что значительно затрудняет работу оперативных подразделений ОВД.

Тактические ситуации, в которых оказывается оперативный сотрудник при раскрытии и расследовании хищений имущества, можно условно разделить на два вида:

Совершенные в условиях очевидности или такими действиями лиц, которые не составляют сложности для их распознавания потерпевшими, а также сотрудниками оперативных подразделений ОВД;

Характеризуется «замаскированностью», внезапностью и заблаговременным планированием действий.

Исходя из этих двух приведенных видов ситуаций и будут создаваться организационно-тактические возможности раскрытия хищений имущества оперативными сотрудниками.

Первая ситуация характеризуется тем, что кражи, грабежи и разбои совершаются единолично или ситуативно. Местами совершения таких преступлений чаще всего являются общественные места, т. е. преступные элементы не скрываются от окружающих. Данный вид ситуации чаще всего встречается в раскрытии хищений имущества.

Если в приведенной ситуации оперативные подразделения действуют по горячим следам, то принятие решения об использовании оперативно-розыскных и иных мероприятий осуществляется только по личной оценке материалов, находящихся в наличии у оперативного сотрудника и должно быть основано на объективной возможности привлечения для этих целей иных сил и средств ОВД.

Подводя итог данной ситуации, можно сказать, что большую роль играют действия оперативных подразделений ОВД на первоначальном этапе раскрытия преступлений, так как только лишь одними процессуальными действиями и иными силами ОВД достигнуть желаемого результата не представляется возможным или крайне затруднительно.

Вторая ситуация характеризуется высокой подготовкой, а также сокрытием следов преступными элементами, т. е. объективная сторона преступления остается незамеченной для ОВД. Такая ситуация появля-

ется при совершении преступлений в составе группы лиц, проще говоря «серийниками». Из-за сложности совершения преступлений, процент краж, грабежей и разбоев образует не более 15–20 %. Как и в первой ситуации, важная роль в раскрытии данного вида оперативно-тактической ситуации отводится оперативным подразделениям, так как из-за материально-технической оснащенности, мастерства, четкой координации действий преступных элементов, невозможно только лишь одними следственными действиями и силами ОВД определить истину по делу.

Особое внимание на раскрытие хищений имущества оперативными сотрудниками выпадает на их действия во время первоначального этапа. Так, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, а субъект, который совершил его, нам неизвестен, тогда оперативные подразделения принимают все возможные меры для поиска подозреваемого (обвиняемого). В таких случаях даже отсутствие поручения следователя по находящемуся в его производстве делу не должно сковывать инициативы и активности оперработников [2, с. 12]. В данном случае раскрытие преступления будет происходить от преступления к лицу, которое его совершило, а это значит, что у оперативного сотрудника возникает возможность в процессе осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий обеспечить орган, ведущий уголовный процесс, информацией, имеющей значение для расследования дела.

В случае возбуждения уголовного дела по нераскрытым хищениям имущества или иным обстоятельствам, определение которых при помощи процессуальных действий невозможно, по истечении определенного времени заводится соответствующее дело оперативного учета, после которого оперативный работник имеет возможность проводить оперативно-розыскные и иные мероприятия, которые могут проводиться только в рамках последних дел, что существенно может способствовать в раскрытии и расследовании отдельных обстоятельств, а также проверке участия подозреваемых (обвиняемых) к иным преступлениям.

Помимо заведения дел оперативного учета также составляется план оперативно-розыскных и иных мероприятий. Главной задачей составления плана является оперативное раскрытие хищений имущества, конспирации сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. При планировании мероприятий с использованием полученной информации вместе с проведением ОРМ должны разрабатываться различные комбинации по зашифровке негласных сил, средств и методов ОРД. При осуществлении таких комбинаций в случае необходимости нужно шире использовать помощь следователя, процессуальные средства; оперативный сотрудник не должен тратить усилия и время на проведение ком-

бинаций по зашифровке источников информации еще и от следователя [3, с. 67].

Стоит отметить также особую роль оперативных подразделений и в подготовке к осуществлению следственных и процессуальных действий, выражающуюся:

- в поиске информации, представляющей оперативный интерес, с помощью которой появляется возможность выявить круг лиц, совершивших преступление;

- моделировании реального поведения в ходе расследования заинтересованных в исходе уголовного дела лиц;

- во всевозможных способах препятствования в расследовании дела.

При этом не стоит совмещать компетенции следственных и оперативных подразделений, т. е. следователь должен пользоваться только теми средствами, которые предусмотрены в уголовно-процессуальном законодательстве, а оперативный сотрудник – использовать силы, средства и методы, которые они имеют в силу своей компетенции. Такой подход, разумеется, не отрицает осуществления отдельных действий по поручению следователя оперативным сотрудником [4, с. 46].

Подводя итог всему вышесказанному, организационно-тактическое обеспечение раскрытия хищений имущества состоит в проведении ОРМ по решению общих задач уголовного процесса, а также обеспечению следственных действий по следующим направлениям:

- предъявление следователю информации, представляющей оперативный интерес и имеющей значение для правильного расследования уголовного дела;

- прямое участие оперативных подразделений в подготовке и проведении следственных и процессуальных действий;

- осуществление оперативных комбинаций, с помощью которых повышается эффективность следственных и процессуальных действий.

Мы разделяем точку зрения исследователей, согласно которой до настоящего времени не решена проблема полного использования результатов ОРД в уголовном процессе [5, с. 91; 6, с. 89]. В УПК Республики Беларусь не в полной мере закреплен порядок использования результатов ОРД в уголовном процессе. На наш взгляд, если бы статус ОРД был четко закреплен в УПК, это позволило бы вводить информацию в уголовный процесс, непосредственно от исполнителя-очевидца [2, с. 49].

Кроме осуществления безопасности и оказания технической помощи возможно использование оперативных подразделений для незамедлительной проверки получаемой информации. Возможность оперативного сотрудника в данном вопросе гораздо шире возможностей следователя,

который скован в применении тактических приемов своими процессуальными действиями.

Неотъемлемой частью организации и тактики раскрытия преступлений оперативными подразделениями будет являться соблюдение такого принципа ОРД, как конспирация. В решении данного вопроса оперативному сотруднику помощь может оказать следователь путем изменения времени и места проведения следственных действий, назначения повторных допросов, отвлекая, тем самым от настоящего интереса в направлении разработки, способствуя легендированию ОРМ.

Незаменимую помощь в раскрытии данных преступлений оказывают лица, содействующие оперативным подразделениям на конфиденциальной основе. Конфиденты могут сообщить информацию о местонахождении лиц, скрывающихся от органов уголовного преследования, сведения о местах, где может быть спрятано похищенное имущество, орудия преступлений, которые могут свидетельствовать о причастности подозреваемого (обвиняемого) к совершенному преступлению. Качество полученной от конфиденентов оперативно значимой информации напрямую зависит от разведывательных возможностей и способностей данных лиц.

Подводя итог рассматриваемому вопросу, можно сделать следующие выводы о том, что организация и тактика раскрытия и расследования преступлений, связанных с хищением имущества, является прямой обязанностью оперативных подразделений, основанной на требованиях уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Необходимо отметить тот факт, что оперативные подразделения ОРД являются эффективным оплотом расследования уголовных дел, которые были возбуждены по факту совершения хищений имущества, так как работа по раскрытию и расследованию данных преступлений строится в непосредственном сотрудничестве оперативных и следственных подразделений, с учетом разделения их функций. Неоценимый вклад, который выражен в организации и тактике, осуществляемой оперативными подразделениями по уголовным делам, возбужденным по факту совершения хищений имущества, позволяет сблечь свидетельствующую базу, вещественные доказательства и противостоять преступной среде в препятствовании в расследовании уголовного дела.

1. Преступность в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. статист. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 20.02.2018.

2. Кирилов, О.П. Оперативно-розыскное производство по оперативным делам / О.П. Кирилов, А.Н. Огрохин. – Москва, 2004. – 157 с.

3. Хомколов, В.П. К вопросу о тактике оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя при раскрытии и расследовании преступлений / В.П. Хомколов // Оперативно-розыскная тактика ОВД : тр. Акад. МВД СССР. – Москва, 1988. – № 1. – С. 66–69.

4. Хомколов, В.П. Организация и тактика предупреждения, раскрытия преступлений, совершенных ОПС, и оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства по ним / В.П. Хомколов, М.И. Миронычев. – Москва, 1995. – 213 с.

5. Дымов, Г.А. Организация и тактика оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними / Г.А. Дымов // Бизнес в законе. – 2005. – № 1. – С. 88–97.

6. Харевич, Д.Л. Актуальные проблемы правового регулирования противодействия незаконному обороту наркотиков и преступлениям в сфере нравов / А.А. Солдатенко, С.Н. Статуев, Д.Л. Харевич // Проблемы борьбы с организованной преступностью, наркоманией и наркобизнесом. Профилактика наркомании и алкоголизма : тез. докл. науч.-практ. конф., Минск, 29 окт. 2004 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2004. – С. 88–92.

УДК 342.9

О.А. Кухновец, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.В. Козелецкий*

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается проблема видов и содержания принципов государственной службы в Республике Беларусь. На основе анализа теоретико-правовых подходов к сущности принципов государственной службы сформулирован ряд выводов, направленных на формирование единого подхода к пониманию указанных принципов и совершенствованию их правовой регламентации в законодательстве Республики Беларусь.

Вопрос о принципах государственной службы является важнейшим в структуре института государственной службы правовой системы не только Республики Беларусь, но и других стран мира. Термин «принципы государственной службы» указывает на основополагающие черты, сущностные характеристики, важнейшее содержание и значение самой государственной службы, а также на главнейшие юридические положения в структуре одноименного правового института.

В связи с этим от правильного понимания принципов государственной службы, формирования единого подхода к их видам и содержанию, а также качества правовой регламентации во многом зависит эффективность организации деятельности государственного аппарата. По мнению Ю.Н. Старилова, принципы государственной службы имеют следующее значение.

1. Принципы государственной службы должны объективно отражать сущность государственной службы, ее наиболее важные черты; они раскрывают общий характер управленческой, исполнительно-распорядительной и другой административной деятельности государственных служащих, закрепляют их в нормах, входящих в правовой институт государственной службы.

2. Принципы государственной службы устанавливают важнейшие закономерности в системе организации и функционирования государственной службы, т. е. они отражают объективные связи, возникающие в системе государственно-служебных отношений. Принципы обуславливают значимость, законность и социальную ценность отношений, имеющих место в системе государственной службы. Отсутствие правовых принципов государственной службы влечет за собой появление в ней элементов произвольности, бюрократизма в худшем смысле этого слова, неорганизованности, беззакония, несправедливости и безнравственности.

3. Принципы являют собой активное, динамичное начало, ибо они обуславливают устанавливаемую законодателем модель государственной службы. Формулировка и установление законодателями принципов государственной службы зависят от избранной (функционирующей в стране) модели государственной службы, от адекватности понимания внутренних закономерностей общественных отношений и правового регулирования.

4. Каждый в отдельности принцип государственной службы отражает не все объективные закономерности деятельности государственных органов и служащих, а лишь некоторые из них. Но все принципы взаимосвязаны; соблюдение одних способствует реализации других и, напротив, нарушение какого-либо из принципов отрицательно сказывается на выполнении остальных принципов [1, с. 5].

В научной литературе предлагаются различные варианты классификации принципов государственной службы.

Д.Н. Бахрах, подвергая принципы государственной службы научной оценке, полагает, что они вытекают из четырех принципов: законности, демократизма, профессионализма и социально-правовой защищенности служащих. Законность и демократизм – общие принципы организации и функционирования исполнительной власти, которые своеобразно проявляются в организации государственной службы, а профессионализм и

социальная защищенность служащих – это ее специфические принципы [2, с. 173–174].

Ю.Н. Старилов разделяет все принципы государственной службы на конституционные и организационные, а с точки зрения организации государственной службы – на принципы организации и практического функционирования [3, с. 79].

Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» установлены следующие принципы государственной службы [4].

1. Принцип верховенства Конституции Республики Беларусь. Этот принцип отражает требование ст. 7 Конституции Республики Беларусь, которая предполагает формирование такой системы, в которой высшей юридической силой обладает Основной Закон государства – его Конституция, а все остальные нормативные правовые акты должны ей соответствовать. При этом должностные инструкции, составленные в государственных органах, фиксируя специфические черты правового статуса государственного служащего, не должны, с одной стороны, противоречить законодательным актам и ограничивать права и свободы государственного служащего, а с другой – устанавливать для него незаконные льготы и преимущества, а также ликвидировать определенные федеральными законами ограничения и запреты по службе.

2. Принцип служения народу Республики Беларусь вытекает непосредственно из правовых установлений ст. 3 Конституции Республики Беларусь. Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией Республики Беларусь. Исходя из этих позиций определяется направленность должностных обязанностей и прав государственных служащих, кем бы и где они ни работали. Свои служебные обязанности и полномочия государственные служащие могут и должны использовать только в целях осуществления функций государства и задач, поставленных перед ним на определенных этапах развития нашего общества.

3. Принцип законности означает, что верховенство законов предполагает строгое и неуклонное их соблюдение, исполнение и применение.

Принцип законности предполагает, что организация и деятельность аппарата государственного управления и самой государственной службы регулируются правовыми нормами и проводятся в целях реализации предписаний закона при неукоснительном соблюдении прав и свобод граждан, прав и законных интересов всех участников управленческих отношений. Принцип законности исходит из того, что все органы госу-

дарственного управления и их должностные лица надлежащим образом (а не из-за удовлетворения своекорыстных интересов) реализуют свои права и обязанности, обеспечивают государственную защиту прав и свобод человека и гражданина.

4. Принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации состоит в создании условий для активного участия самого населения в государственном управлении и в организации такой деятельности государственного аппарата, которая гарантировала бы права и законные интересы каждого гражданина в экономической, социальной и всех других сферах жизни. В правовом государстве права личности должны являться высшей ценностью, а все государственные служащие должны нести предусмотренную законодательством Республики Беларусь ответственность за деяния, нарушающие права и законные интересы граждан. Гражданин должен быть надежно защищен от произвола органов государства и его работников.

5. Принцип гуманизма и социальной справедливости отражает взаимоотношение общества и личности, это неотъемлемое качество законности, правосудия, уголовной и исправительно-трудовой политики государства. Принцип гуманизма получил закрепление в ст. 2 Конституции Республики Беларусь: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Государственные служащие всех органов государственной власти, осуществляя правоприменение и исполняя соответствующие полномочия, руководствуются прежде всего необходимостью признания, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Принцип социальной справедливости имеет нормативно-оценочный характер, заложен в самом содержании права и находит свое воплощение в правах, обязанностях, мерах поощрения и наказания и т. п. Рассматриваемый принцип имеет особое значение в сфере распределительных отношений.

6. Принцип единства системы государственной службы и ее дифференциации исходя из концепции разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. По своей структуре указанный принцип, как и предшествующий, состоит из двух самостоятельных частей, каждая из которых имеет принципиальное значение для организации и функционирования государственной службы.

Первая часть позволяет подходить ко всем видам государственной службы с единых позиций. В результате неизбежно произойдет определенное сближение между видами государственной службы, что особенно важно применительно к сближению гражданской службы с военной и правоохранительной.

Главным содержанием второй части рассматриваемого принципа является создание государственной службы во всех ветвях органов государственной власти. Иными словами, государственные должности государственной службы учреждаются в органах законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, так как сама государственная власть в Республике Беларусь разделяется на законодательную, исполнительную и судебную.

7. Принцип гласности в осуществлении государственной службы. Деятельность государственных служащих должна находиться под постоянным государственным и общественным контролем. Думается, что этому способствует размещение максимального объема информации о деятельности государственных органов в сети Интернет (за исключением информации, ограниченной к распространению), а также широкое применение института электронного обращения граждан. В связи с этим представляется необходимой правовая регламентация вопросов, касающихся деятельности государственного органа и государственных служащих, подлежащих обязательному размещению на интернет-ресурсах соответствующих государственных органов с целью максимального информирования граждан об основных направлениях их деятельности. Данная проблема может быть решена путем принятия отдельного нормативного правового акта.

8. Принцип профессионализма и компетентности государственных служащих. Рассматриваемый принцип заключается, во-первых, в том, что государственный служащий исполняет должностные обязанности на профессиональной основе, т. е. выполняет основную работу, за которую он получает денежное содержание (должностной оклад, заработную плату). Поскольку государственные должности государственной службы подразделяются по специализациям, то у государственного служащего для исполнения обязанностей по государственной должности государственной службы предусматривается наличие одной специализации соответствующего профессионального образования. Профессионализм государственного служащего призван обеспечивать стабильность государственной службы, качественное выполнение функций, постоянную его готовность к сложным заданиям, возможность улучшения своих профессиональных качеств и т. п. Во-вторых, государственный служащий должен быть компетентным сотрудником, т. е. качественно осуществлять свои полномочия [5, с. 19].

9. Принцип подконтрольности и подотчетности государственных служащих, персональной ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение ими своих служебных обязанностей. Данный принцип государственной службы сводится, главным образом, к установлению законодателем ответственности (дисциплинарной, админи-

стративной, материальной, уголовной) за неправомерные действия (деяния) или бездействие государственных служащих.

Принцип ответственности государственных служащих направлен прежде всего на обеспечение законного, целесообразного и обоснованного публичного управления; он способствует на практике принятию правильных и эффективных управленческих решений, обеспечению прав, свободы, законных интересов граждан и юридических лиц, обоснованному применению административно-юрисдикционных мер.

10. Принцип добровольности поступления граждан на государственную службу связан с возможностью реализовывать собственный выбор и реализовывать свой профессиональный опыт и знания в сфере организации и функционирования государственной службы.

11. Принцип равного доступа граждан к государственной службе вытекает из установлений ст. 41 Конституции Республики Беларусь. Это соответствует ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Сущность принципа заключается в том, что при приеме на государственную службу не допускается каких бы то ни было прямых или косвенных ограничений в зависимости от расы, пола, национальности, языка, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

12. Принцип стабильности государственной службы в целях обеспечения преемственности власти. Как нам представляется, более корректно было бы говорить о несменяемости государственных служащих и преемственности в проведении государственной кадровой политики, в формировании основ государственного аппарата. Государственная служба стабильна тогда, когда все остальные принципы постоянно осуществляются на практике. Стабильность, с точки зрения законодателя, проявляется в поддержании управления государственной службы на уровне, позволяющем ей качественно осуществлять функции государства. Стабильность – постоянство государственно-служебных отношений. Она обеспечивается мерами систематического поддержания высокого уровня управления, учебой, проведением занятий, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих и т. д. Принцип стабильности, на наш взгляд, должен стать гарантией для служащего от незаконного увольнения со службы. Так, чиновники европейских государств принимаются на публичную службу пожизненно и могут быть уволены только на основании судебного решения либо по другим, строго оговоренным в законе основаниям. За выполнение своих служебных обязанностей государственные служащие получают от государства денежное содержание.

Структурные изменения в системе государственной власти не должны вносить изменения и нововведения в саму государственную службу, которая является политически нейтральной и должна оставаться стабильной.

Следует отметить, что законодатель неудачно сформулировал принцип «стабильности государственной службы» в государственных органах». Сам термин «стабильность» не самый подходящий для текста закона, ибо он не имеет четкой юридической характеристики отношений, которые необходимо регламентировать; каждый по-своему может понимать и трактовать этот термин, вкладывая (или, наоборот, не вкладывая) в него смысл постоянства и неизменности. Представляется, что в данном случае необходимо вести речь о продолжительности прохождения государственной службы на основе заключенного контракта.

13. Принцип социально-правовой защиты государственных служащих означает, что государственным служащим создаются необходимые условия для эффективной деятельности и обеспечиваются соответствующие социально-правовые гарантии.

Кроме того, необходимо отметить, что в соответствии с законодательством Республики Беларусь значительная часть государственных служащих не может иметь партийной принадлежности. Так, согласно ст. 36 Конституции Республики Беларусь судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, Комитета государственного контроля, органов безопасности, военнослужащие не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели. При этом данный перечень на практике не является исчерпывающим, поскольку в политических партиях не состоят и сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз. Следовательно, можно вести речь о внепартийности отдельных видов государственной службы в Республике Беларусь, в связи с чем представляется обоснованным введение такого принципа государственной службы, как соответствующие нормативные правовые акты.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать ряд выводов:

Принципы государственной службы имеют определяющее значение для правовой регламентации порядка ее прохождения и практической реализации своих полномочий государственными служащими. В связи с этим важным вопросом в осмыслении данной проблемы является формирование единого подхода к их видам и содержанию.

Представляется необходимым принятие отдельного нормативного правового акта, закрепляющего перечень вопросов, касающихся деятельности государственного органа и государственных служащих, под-

лежащих обязательно размещению на интернет-ресурсах соответствующих государственных органов с целью максимального информирования граждан об основных направлениях их деятельности.

Принцип стабильности государственной службы целесообразно понимать как принцип продолжительности ее прохождения на контрактной основе.

Среди принципов государственной службы обоснованно выделять и принцип внепартийности отдельных видов государственной службы, что может быть впоследствии реализовано в соответствующих нормативных правовых актах, регламентирующих порядок прохождения воензированной государственной службы.

1. Стариков, Ю.Н. Курс общего административного права : в 3 т. Т.1 : История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты / Ю.Н. Стариков. – М. : НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – 620 с.

2. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учеб. для высш. учеб. заведений по специальности и направлениям «Юриспруденция» / Д.Н. Бахрах. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2008. – 528 с.

3. Стариков, Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование / Ю.Н. Стариков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 456 с.

4. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : в ред. от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Габричидзе, Б.Н. Принцип профессионализма в государственной службе / Б.Н. Габричидзе, В.М. Коланда // Государство и право. – М., 1995. – № 12. – С. 19–26.

УДК 343(32 + 33 + 34 + 61 + 97)

А.О. Лавышик, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ И КВАЛИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Рассматриваются проблемные вопросы квалификации терроризма и преступлений террористического характера. Выделены признаки, позволяющие произвести дифференциацию терроризма от экстремизма и близких по содержанию норм, имеющих иной объект уголовно-правовой охраны.

Терроризм во всех его формах и проявлениях – одна из самых острых и злободневных мировых проблем. Не стала исключением и наша страна. В Республике Беларусь сформирована и успешно функционирует система предупреждения террористических угроз, которая включает в себя социально-экономические, уголовно-правовые, организационно-управленческие и иные меры. Усиление эффективности данной деятельности видится в объединении усилий мирового сообщества по борьбе с терроризмом, разработке мер противодействия проявлениям различного вида экстремизма, национального сепаратизма, устранении противоречий социально-экономического и иного характера [1, с. 53].

Рассматривая особенности терроризма, следует подчеркнуть его всепроникающий характер, что предполагает, в свою очередь, совместные усилия ветвей власти, ОВД и правоохранительной системы в целом, ученых-исследователей, объединение усилий всех государственных и общественных структур, средств массовой информации.

Многие исследователи указывают на наличие политической, религиозной, этнической (национальной) или иной идеологической мотивации совершаемых действий, разработку и использование идеологического обоснования своих действий, без которого утрачивается специфика террористического проявления и оно превращается в общеуголовное преступление [2, с. 125–126].

В комплексе мер противодействия террористической деятельности законодатель немаловажную роль отводит мерам уголовно-правового характера, где важнейшим условием его эффективности является полная и правильная квалификация преступлений террористической направленности и дифференциация наказания в зависимости от состава преступления и последствий. При квалификации преступления правоприменитель неизбежно сталкивается с необходимостью отграничения преступлений террористического характера от иных преступлений, схожих с ним по объективным и субъективным признакам (посягательств на личность, собственность и общественный порядок), чтобы впоследствии не допустить ошибки в выборе нужной нормы Уголовного кодекса. В этом отношении наиболее обоснованной представляется точка зрения С.В. Ананич и Н.А. Легенченко, которые рассматривают уголовно-правовые средства противодействия терроризму в единстве и взаимосвязи норм и институтов уголовного права, направленных на решение определенной задачи. Согласно высказанной ими позиции террористические преступления в их законодательной характеристике могут быть определены следующими основными признаками: 1) террористическая направленность посягательств (совершение взрыва, под-

жога или иных действий); 2) создание опасности гибели хотя бы одного человека, причинения телесных повреждений, ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий; 3) цель – дестабилизация общественного порядка или устрашение населения (создание обстановки страха, подавленности, напряженности в обществе); 4) альтернативная цель – оказание воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствование политической или иной общественной деятельности. Указанные признаки в совокупности четко отграничивают нормы, предусматривающие ответственность за терроризм от близких по содержанию норм, имеющих иной объект уголовно-правовой охраны [1, с. 55].

В числе приоритетных направлений оптимизации уголовно-правовых мер противодействия терроризму можно отметить: 1) четкое законодательное определение понятий «терроризм», «террористическая деятельность»; 2) устранение противоречий в нормах УК, предусматривающих ответственность за деяния террористической направленности, посягающие на общественную безопасность; 3) установление уголовно-правовых оснований ограничения прав и свобод личности при проведении контртеррористической операции посредством дополнения перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния. В настоящее время уголовное и иное законодательство по борьбе с терроризмом не дает взаимодополняющего комплекса правовых мер.

Для правильной квалификации деяний террористической направленности следует понимать и отграничивать основные понятия, связанные с терроризмом. Согласно Закону Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» терроризм определен как социально-политическое криминальное явление, представляющее собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка. В указанном законе выделяется такое понятие, как акт терроризма, т. е. совершение в целях терроризма взрыва, поджога, затопления, иных деяний общеопасным способом либо создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий, под которыми понимаются насилие в отношении государственного или общественного деятеля, представителя иностранного государства или международной организации, захват и (или) удержание их в качестве заложника, похищение и (или) лишение их свободы, их убийство; захват и (или) удержание людей в качестве заложников, похищение и (или) лишение их свободы, их убийство;

применение объектов использования атомной энергии, использование радиоактивных веществ или ядерных материалов, сильнодействующих, токсичных химических или биологических веществ; уничтожение, повреждение, захват, удержание, блокирование зданий, сооружений, путей или средств сообщения, в том числе средств железнодорожного, водного, воздушного, магистрального трубопроводного транспорта, средств связи, иных коммуникаций и объектов (оборудования); повреждение информационных систем, систем управления, создание условий для аварий и катастроф техногенного характера [3].

Для правильной квалификации также следует разграничивать такие понятия, как «терроризм» и «экстремизм». Терроризм – политика, основанная на систематическом применении террора. Синонимами слова «террор» (лат. слово *terror* – страх, ужас) являются слова «насилие», «запугивание», «устрашение». Экстремизм определяют как «приверженность к крайним взглядам и мерам» [4, с. 846]. Среди таких мер можно отметить провокацию беспорядков, гражданское неповиновение, террористические акции, методы партизанской войны. Наиболее радикально настроенные экстремисты часто отрицают в принципе какие-либо компромиссы, переговоры, соглашения.

Экстремизм и терроризм, как правило, неразрывно связаны и неотделимы друг от друга. Необходимым элементом, присутствующим в любой террористической акции, является устрашение политического противника, либо тех людей, которые выступают в роли непосредственных жертв террористов. Однако грубое подавление психики не является самоцелью терроризма. Нагнетание страха выполняет роль вспомогательного средства для достижения определенной цели: получить материальные или политические выгоды, заставить представителей власти или правоохранительные органы выполнить требования террористов, изменить политический курс и т. д. [2, с. 32; 5, с. 76, 78].

Обычно одни террористические действия некоторыми людьми рассматриваются как справедливые и добродетельные (например, борьба за свободу), а другие – как несправедливые и аморальные (антисоциальные выступления). Это зависит от ценностей, политических убеждений, нравственных ограничений оценивающего, а также от его отношений с деятелем [6, с. 69–72; 7, с. 27]. Полагаем, что указанное утверждение применимо и к экстремизму.

Экстремистские действия часто связаны с насилием, хотя группы экстремистов могут не использовать насильственные методы; они различаются и по уровню применяемого насилия, предпочитаемым мишеням своих действий. Несмотря на то что экстремисты и их группы часто рассматриваются как связанное воедино и согласованное зло, важно по-

нимать, что и внутри них могут быть конфликты и разногласия. Жесткая и нетерпимая позиция экстремистов крайне сложно поддается изменению. Необходимо отметить, что в чистом виде ни одна из форм экстремизма не существует. Всегда происходит переплетение, смешивание политического, националистического, религиозного, молодежного и другого экстремизма. Там, где в действие вовлекаются массы населения, затрагиваются интересы многих граждан, нарушается общественный порядок, создается угроза жизни и здоровью людей, всегда происходит переплетение политики с национализмом, религией, культурой. Таким образом, выделение основных форм экстремизма основывается на установлении доминирующих целей, установок среди участников той или иной экстремистской организации, движения [8, л. 165–191; 9, с. 223–224].

Исходя из этого можно утверждать, что критериями отнесения деяния к проявлению терроризма является характерные цель и практическая деятельность (способ совершения) [5, с. 75–76]. Целями терроризма являются оказание воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствование политической или иной общественной деятельности, провокация международных осложнений или войны, устрашение населения, дестабилизация общественного порядка. Способы, относимые указанным законом к террористической практике, составляют применение насилия или угроза насилием. Понятие террористической деятельности, по нашему мнению, является более широким по отношению к террористической практике, поскольку она включает в себя различные сопутствующие и подготовительные действия [7, с. 29; 10, с. 267–268].

Приведенные аспекты позволяют отнести ряд уголовно наказуемых деяний к преступности террористического характера и произвести их деление по нескольким основаниям. Система уголовно-правовых мер противодействия терроризму включает следующие составы преступлений: международный терроризм (ст. 126 УК), терроризм (ст. 289 УК), угроза совершения акта терроризма (ст. 290 УК), финансирование террористической деятельности (ст. 290¹ УК). Помимо перечисленных деяний к данному перечню следует отнести террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 124 УК), террористический акт (ст. 359 УК), которые по сравнению с общим составом терроризма имеют конкретно определенного потерпевшего, в то время как терроризм в качестве деяния, предусмотренного ст. 289 УК, направлен на причинение вреда или создание опасности в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. Остальные преступления, сопровождающие проявления терроризма, например, захват заложника (ст. 291 УК), незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст. 295), могут играть вспомогательную роль

при правовой оценке деяний, образовывать реальную совокупность (ст. 289 УК) и называться террористическими лишь в криминологическом смысле. Как ранее отмечалось, противодействие терроризму в системе криминологических мер включает, в частности, и контроль над обращением оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ [1, с. 55; 10, с. 271–272].

Таким образом, экстремизм и терроризм дублируют в некотором смысле друг друга, в то же время имеют определенные правовые разграничения между собой, основанные на характерных признаках составов преступлений экстремистской и террористической направленности. Правильная квалификация составов террористических и экстремистских преступлений требует рассматривать указанные деяния сквозь призму их характерных признаков. С позиции отграничения терроризма от экстремизма можно выделить два признака: цель и способ действий. Дифференциация терроризма от близких по содержанию норм, имеющих иной объект уголовно-правовой охраны, может быть произведена по таким признакам, как террористическая направленность посягательств, создание опасности гибели хотя бы одного человека, причинения телесных повреждений, ущерба в крупном размере или наступления иных тяжких последствий, а также наличие одной из целей в виде дестабилизации общественного порядка или устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами или воспрепятствования политической или иной общественной деятельности.

1. Ананич, С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия / С.В. Ананич, Н.А. Легенченко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – С. 53–57.

2. Харевич, Д.Л. Радикальная идеология как отличительный признак терроризма / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1. – С. 125–128.

3. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-З : с изм. и доп. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М., 1999. – 939 с.

5. Харевич, Д.Л. К вопросу о дефиниции понятия «терроризм» / Д.Л. Харевич // Вестн. Сиб. юрид. ин-та ФСКН России. – 2016. – № 4 (25). – С. 74–82.

6. Коновалова, О.В. Особенности терроризма в России: исторические аспекты / О.В. Коновалова // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. – 2010. – № 3. – С. 69–73.

7. Харевиц, Д.Л. О характерных чертах и определении понятия «терроризм» / Д.Л. Харевиц // Юстыцыя Беларусі. – 2017. – № 7. – С. 26–31.

8. Петрянин, А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Петрянин ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. – М., 2014. – 501 л.

9. Харевиц, Д.Л. О разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм» // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10 февр. 2017 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – С. 223–224.

10. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-ва внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.

УДК 342.985.8

А.В. Лазуткин, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.М. Шинкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ МИЛИЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются источники информационного обеспечения подразделений криминальной милиции органов внутренних дел Республики Беларусь. Исследуются учеты, используемые данными подразделениями в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Успешное осуществление оперативно-розыскной деятельности невозможно без получения информации, под которой, в общем смысле, понимается совокупность сведений (данных) о внешнем и внутреннем состоянии соответствующих общественных отношений. Эта совокупность сведений (данных) определяет меру знания о тех или иных событиях, явлениях и фактах действительности конкретного объекта либо сферы жизнедеятельности.

Информация, полученная в процессе деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений подразделяется на информацию, которая имеет только оперативно-розыскное (вспомогательное) значение, и информацию, имеющую доказатель-

ственное значение. Под информацией, имеющей только оперативно-розыскное значение, понимается информация, используемая для выбора организационно-тактических приемов проведения следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий. Доказательственными считаются данные, которые при соответствующем процессуальном оформлении могут быть введены в уголовный процесс в качестве доказательства. Любая информация, появляющаяся в материалах по конкретному преступлению, должна иметь свой источник. Под источником в русском языке понимается то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь [1]. В Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» термин «источник информации» не используется, хотя и подразумевается по тексту данного нормативного правового акта, поэтому определение ему можно дать только с социологической точки зрения. В этом смысле под источником информации следует подразумевать лицо, предмет или вид деятельности, с помощью которых добывается информация, необходимая для решения задач борьбы с преступностью [2, с. 22].

Оперативный сотрудник получает информацию, в том числе и конфиденциальную, из самых разных источников, большую часть которых непрофессионал просто не будет принимать во внимание. В практике при сборе информации случаются самые нестандартные ситуации, когда информация поступила из самых нестандартных источников, на первый взгляд, даже нереалистичных, которая при проверке оказывалась наиболее важной. Возможна ситуация, когда отдельная деталь сама по себе ничего не значит, но в цепи прохождения информации, во взаимной оценке событий, становится главным доказательством. Главными носителями информации всегда являются люди, документы, средства беспроводной и проводной связи, электронные системы обработки информации, другие отслеживаемые обстоятельства (поведение, результаты событий, разговора).

Изучение практики информационного обеспечения деятельности подразделений криминальной милиции показывает, что условно можно выделить следующие основные виды источников получения информации:

гласные (не имеющие гриф, ограничивающий доступ) источники – данные государственных органов, организаций и учреждений, в том числе органов внутренних дел;

негласные (имеющие гриф, ограничивающий доступ) источники оперативно-розыскной информации.

Гласные источники информации, используемые в предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, – материальные

носители информации, полученные правоохранительными органами в уголовно-процессуальном порядке, а также идеальные носители информации, при извлечении сведений из которых с целью использования в уголовном процессе не требуется засекречивания способов их получения [3, с. 376].

К гласным источникам относятся все средства массовой информации, различные официальные отчеты, сообщения, открытые статистические данные, протоколы и др., которые не имеют ограничений на распространение и использование. То, что для других кажется бессмысленным сообщением, для оперативного сотрудника может представлять большой интерес.

Под негласностью принято понимать то, что неизвестно другим, неявно, тайно, секретно, сохранено в тайне. Этот термин наполняется вполне определенным смыслом и означает информацию, полученную втайне от заинтересованных лиц, противодействующих раскрытию и расследованию преступлений.

Под негласными источниками следует понимать все носители информации, попавшие в сферу оперативно-розыскной деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. К ним относятся предметы внешнего мира и лица, хранящие следы тех или иных действий или событий, имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии со ст. 2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» средства негласного получения (фиксации) информации – технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, приспособления, препараты, программные продукты и другие изделия, специально созданные, разработанные, запрограммированные или модернизированные для негласного получения (фиксации) информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [4].

Информационное обеспечение – важнейший аспект в оперативно-розыскной деятельности [5, с. 3]. С развитием информационных технологий значение информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности неуклонно возрастает. Внедрение электронно-вычислительных машин повлекло за собой автоматизацию криминалистических и иных учетов и создание первых информационно-поисковых систем оперативно-розыскного назначения.

В ОВД образовалась сложная система источников сосредоточения различного вида сведений, которые могут быть использованы в целях информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности оперативных и следственных подразделений ОВД. Прежде всего в этих целях используется информация, сосредоточенная в различных видах

учетов, ведущихся специализированными подразделениями в виде автоматизированных поисковых систем, банков данных, картотек, коллекций, различного вида дел и т. п. [6, с. 87].

Таким образом, при решении частных задач борьбы с преступностью только на основе оперативно-розыскных данных получить быстро и достаточно полные сведения об изучаемых объектах невозможно. Для этого нужны дополнительные сведения, содержащиеся в массивах информации правоохранительных органов, а также внешняя информация, находящаяся в распоряжении других ведомств, организаций и учреждений независимо от их формы собственности.

Оперативные учеты – постоянно обновляемая система ограниченного доступа, действующая для регистрации, сосредоточения, классификации, хранения данных о лицах, предметах, событиях по их признакам, предназначенная для эффективного информационного обеспечения деятельности ОВД и их оперативных аппаратов в целях предупреждения, раскрытия, расследования преступлений, розыска скрывшихся преступников и иных категорий разыскиваемых лиц [6, с. 88].

Первоначально процесс сбора, сохранения, использования (учета) значимой в борьбе с преступностью информации назывался «уголовной регистрацией». С каждым годом количество учитываемых лиц в системе уголовной регистрации значительно увеличивалось. Наряду с учетом указанных лиц обязательной стала регистрация самого события преступления, следов и предметов, оставленных преступниками на месте совершения преступления, а также похищенных предметов, что способствовало значительному расширению массивов хранимой информации. Со становлением и дальнейшим развитием практики, а соответственно, и теории оперативно-розыскной деятельности в науке и практике появляется и закрепляется термин «оперативный учет» [6, с. 88].

Значительное количество задач, решаемых с использованием информации, сконцентрированной в массивах ОВД, большие объемы накопленной и обрабатываемой информации привели к разграничению существующих массивов по информационной значимости, решаемым задачам и порядку обращения к этой информации.

При создании системы распределения информации в массиве было применено положение, что всю информацию о преступности, полученную методами эмпирического исследования, как показал многолетний опыт, можно структурировать сообразно структуре самого предмета исследования преступности. При этом в системной модели преступности целесообразно выделить такие ее элементы, которые прямо или косвенно связаны с другими элементами.

применительно к преступности такими элементами являются:

преступления;
субъекты, преступной деятельности (криминальное сообщество);
субъекты, потерпевшие от преступлений;
результаты преступной деятельности (прежде всего ущерб).

Существующая система учетов создает специфический каркас для такого расположения информации, которое обеспечивает ее пополнение, решение поисковых задач, а также использование сосредоточенной в учетах информации для решения задач аналитического поиска, возникающих в практике оперативных аппаратов. На построение системы учетов оказывают влияние два основных фактора: характер задач, которые решаются с помощью учетов; возможности средств обработки информации, интегрируемой в учетных документах. Между этими факторами существует взаимосвязь: чем выше разрешающие возможности средств обработки информации, тем шире круг задач, решаемых с помощью учетов, и тем сложнее могут быть эти задачи.

Система централизованных учетов ОВД включает в себя следующие информационные массивы (виды учетов):

криминалистические;
оперативно-розыскные (оперативно-справочные и розыскные);
профилактические.

Криминалистические учеты как одни из первых созданных претерпели ряд модификаций и сохраняют свое значение до настоящего времени как важнейшие системы сосредоточения, хранения и поиска сведений о криминалистических объектах.

Использование этих учетов дает возможность идентифицировать людей, предметы по отдельным устойчивым признакам, сохраняющим свою индивидуальность независимо от времени (в реально обозримый период). Идентификация в свою очередь позволяет обнаружить связи между людьми и событиями преступлений. Однако с помощью криминалистических учетов возможности обнаружения этих связей реализуются лишь в весьма ограниченной сфере: человек-след, человек-предмет, след-предмет.

Криминалистические учеты позволяют решать диагностические и идентификационные задачи по индивидуальным приметам и другим признакам объектов, когда установочные данные неизвестны или скрываются, ведутся экспертно-криминалистическими подразделениями и активно используются оперативными сотрудниками при раскрытии преступлений. Данные учеты предназначены для оперативного информационного обслуживания раскрытия и расследования, а также предупреждения особо опасных серийных межрегиональных и региональных преступлений. Информационной основой этих учетов является сбор,

накопление и анализ углубленных (по отношению к розыскным и справочным учетам) криминалистически значимых сведений о субъектах и объектах преступлений и связанных с ними событиях [6, с. 91].

Оперативно-розыскные учеты. Преступная деятельность, затрагивая широкий круг социально-экономических отношений, порождает гораздо более обширные связи между фактами, действиями людей, высказываниями, их последствиями. Негласно осуществляемые оперативно-розыскные меры дают возможность проникать в скрытые и маскируемые отношения, выяснять обстоятельства преступной деятельности в сложных переплетениях событий, контактов между людьми путем анализа различных поступков и личностных характеристик. В результате возникла необходимость «консервации» иной (не следовой) информации, использование которой позволяет решать задачи борьбы с преступностью [6, с. 91].

Для систематизации и хранения подобной информации были сформированы оперативно-розыскные учеты, в которые поступает информация о скрывающихся и гастроллирующих преступниках, ранее судимых за тяжкие преступления, преступниках-рецидивистах и иных категориях криминально активных лиц (установочные данные, сведения о преступном опыте, способах совершения преступлений, предпочтительных связях, местах концентрации и т. д.).

В связи с большим объемом накопленной в оперативно-розыскных учетах информации, а соответственно различных целей ее использования, возникла необходимость структурировать эту информацию в оперативно-справочный и розыскной массивы информации.

Оперативно-справочные учеты, являясь элементом оперативно-розыскных учетов, отличаются большими объемами данных при относительно кратком (справочном) описании объектов учета. Основное их назначение – проверка наличия установочных сведений об объекте и его местонахождении на момент запроса.

Розыскные учеты содержат гораздо больше сведений об объекте учета, выполняя наряду с оперативно-справочной функцию сравнения (содержат не только установочные данные, но и внешнее описание объектов).

Профилактические учеты. В связи с наделением ОВД функцией профилактики преступлений потребовалась самостоятельная информационная база, поскольку массив профилируемых лиц оказался значительно шире контингента лиц, попадающих под оперативное наблюдение в связи с принадлежностью к преступлениям. Так, выделен в самостоятельную систему информации оперативно-профилактический учет, а позднее профилактический.

Профилактический учет обеспечивает решение задач предупреждения, пресечения развития антиобщественной направленности в деятельности лиц, взятых на учет, а также позволяет в процессе контроля раскрывать преступления, совершенные этими лицами. Универсальные возможности профилактического учета ставят его в ряд наиболее значимых, особенно в условиях количественного роста преступлений.

В оперативно-розыском и профилактическом учетах проявляется многообразие информационных связей, в первую очередь тех, которые играют существенную роль в познании механизма возникновения и развития преступного поведения. К такого рода связям можно отнести, например, связь между объективными признаками насильственного преступления и характерными насильственными действиями конкретных лиц, зафиксированными задолго до совершения преступления. Очевидно, что, обращаясь к учетным данным, можно определить круг ранее судимых или иных лиц, состоящих на оперативно-розыском или профилактическом учете, среди которых следует проводить работу по установлению преступника, совершившего тяжкое насильственное преступление.

Требует внимания и тот факт, что большой объем оперативно-розыской информации содержится в различных проверочных материалах, которые накапливаются в каждом из оперативных подразделений ОВД. Это оперативно-служебные документы, отражающие результаты проведения тех или иных оперативно-розыских мероприятий, а также заявления и сообщения о преступлениях, материалы об их проверке и др.

Этот массив информации централизованно не учитывается, хранится в делах и архивах ОВД и часто не используется. В результате значительно снижается эффективность в целом всей оперативно-розыской деятельности.

Таким образом, на современном этапе подразделениями криминальной милиции органов внутренних дел Республики Беларусь используются два вида источников информации: гласные и негласные. Благодаря развитию информационных технологий данным подразделениям также предоставлена возможность использовать в повседневной деятельности систему централизованных учетов ОВД, состоящую из криминалистических, оперативно-розыских и профилактических учетов.

1. Ожегов, С.Н. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.Н. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Изд. 4-е. – М. : Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова : Азбуковник, 1999. – 944 с.

2. Босхолов, С.Г. Информационное обеспечение деятельности ОВД в сфере борьбы с преступностью / С.Г. Босхолов. – Минск, 1987. – 26 с.

3. Алегин, А.П. Гласные источники информации, используемые в предупреждении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, связанных с ле-

гализацией незаконных доходов / А.П. Алегин // Актуал. проблемы рос. права. – 2008. – № 3. – С. 368 – 376.

4. Об оперативно-розыской деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 59 с.

5. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация: Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыской и профилактики деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / С.С. Овчинский ; под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 366 с.

6. Шахматов, А.В. Оперативные учеты как элемент системы информационного обеспечения оперативно-розыской деятельности ОВД / А.В. Шахматов, А.В. Сидоренко // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2007. – № 2. – С. 87–91.

УДК 343.985.8

А.А. Масловская, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Пилюшин*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

МЕРЫ, ПРИНИМАЕМЫЕ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются меры противодействия коррупции, а также государственный и общественный контроль, способствующие если не искоренить коррупционную преступность, то свести ее хотя бы к минимуму.

Коррупция – масштабная проблема современности, охватывающая все сферы жизнедеятельности человечества, не имеющая границ. Она ослабляет государство, подрывает перспективы экономического развития и снижает эффективность человеческого потенциала.

Изучение коррупции породило широкие дискуссии относительно определения самого понятия «коррупция», системности проявлений, неотъемлемых ее признаков.

Интересно мнение Г.К. Мишина, который указывает на происхождение латинского термина «*corruptio*» путем слияния слова «*cor*» (лат. – дух, рассудок) и «*ruptum*» (лат. – портить, разрушать). По мнению ученого, сущность коррупции определяется не наличием подкупа, продажности общественных деятелей, а разрушением системных, интегрирующих связей того или иного объекта воздействия, куда можно в числе прочих отнести органы публичной власти [1].

П.А. Кабанов определяет коррупцию как «совершение деяния должностным или частным лицом, в результате которого нарушается принцип государственной службы – бескорыстное служение интересам общества, заключающееся в неправомерном завладении должностным лицом материальными ценностями, деньгами или в получении услуг материального характера, а равно предоставление их иным лицам в формах, запрещенных уголовным законом» [1].

Обстоятельствами, способствующими совершению общественно опасных деяний, являются коррупционные риски, возникающие в процессе функционирования органов государственной власти, осуществления служебной деятельности государственных служащих, создающие ситуацию возможного совершения коррупционного правонарушения, а также неправомерное извлечение материальной и иной выгоды при выполнении полномочий.

Формами проявления коррупции в Республике Беларусь выступают составы преступлений, предусмотренные совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности [2].

В Республике Беларусь сформировалась определенная система организации борьбы с коррупцией, которая включает:

разработку и принятие антикоррупционной нормативной правовой базы и определение механизма ее выполнения;

разграничение между государственными органами их функций, зон ответственности и организацию взаимодействия по противодействию коррупции;

создание и обеспечение деятельности специальных подразделений по борьбе с коррупцией;

образование на различных уровнях комиссий, координационных советов и совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией; специальных информационно-аналитических и криминалистических центров;

обеспечение научного сопровождения деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией;

использование государственных СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции [3].

Базовыми нормативными правовыми актами, регламентирующими противодействие коррупции, выступают:

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией»;

Указ Президента Республики Беларусь от 23 сентября 2010 г. № 485 «О государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией»;

Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»;

Указ Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел»;

Указ Президента Республики Беларусь от 16 июня 2007 г. № 330 «О специальных подразделениях по борьбе с коррупцией и организованной преступностью» и др.

Борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности, в которых создаются специальные подразделения по борьбе с коррупцией. Государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, решают стоящие перед ними задачи самостоятельно и во взаимодействии между собой, с другими государственными органами и иными организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь.

Борьба с коррупцией осуществляется государственными органами и иными организациями посредством комплексного применения следующих мер, представленных в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией»:

планирования и координации деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией;

установления ограничений, а также специальных требований, направленных на обеспечение финансового контроля в отношении государственных должностных и приравненных к ним лиц в целях предотвращения проявлений коррупции и их выявления;

обеспечения правовой регламентации деятельности государственных органов и иных организаций, государственного и общественного контроля, а также надзора за этой деятельностью;

совершенствования системы государственных органов, кадровой работы и процедуры решения вопросов, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц и ряд других [4].

Казалось бы, что с принятием нового Закона «О борьбе с коррупцией» показатели коррупционных преступлений должны снизиться, как никак меры, представленные в данном законе, четко регламентируют действия органов, противодействующих этому злу. Однако если обратиться к статистическим данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, то можно отметить, что вряд ли законодательная база эффективна, так как, например:

составы взяточничества за 2016 г. по сравнению с 2015 г. возросли на 53,3 %, а за 2017 г. по сравнению с 2016 г. – на 12,8 %;

показатели хищений путем злоупотребления служебными полномочиями за 2016 г. по сравнению с 2015 г. возросли на 7,2 %, а за 2017 г. по сравнению с 2016 г. – на 11,4 % [4].

О чем это свидетельствует? О недоработке законодательства по противодействию коррупции или же все-таки иных обстоятельств, которые в определенной степени препятствуют устранению причин и условий совершения общественно опасных деяний в данной сфере?

Меры борьбы с коррупцией реализуются в республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях, подчиненных Правительству Республики Беларусь, областных, Минском городском, городских, районных исполнительных комитетах, местных администрациях районов в городах посредством создания и деятельности комиссий по противодействию коррупции. Эти комиссии выполняют ряд функций, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2011 г. № 1732 [5].

Особую функцию выполняет информационно-аналитическое обеспечение деятельности по выявлению преступлений является сложным системным образованием. В современных условиях противодействия экономической преступности выстроена целая система получения оперативной информации, которая позволяет эффективно решать задачи оперативно-розыскной деятельности.

В целях сбора, хранения, анализа и обобщения информации о фактах, свидетельствующих о коррупции, в том числе о физических и юридических лицах, причастных к коррупции, в специальных подразделениях по борьбе с коррупцией также создаются и ведутся оперативные учеты и централизованные банки данных [6].

Республика Беларусь стремится минимизировать коррупционное проявление всеми доступными способами, однако искоренение столь латентной деятельности невозможно без усиления мер как государственного, так и общественного регулирования.

Одной из форм государственного контроля по противодействию коррупции выступает Программа по борьбе с преступностью и коррупцией. Данная программа составляется на каждые два года. Она направлена на реализацию комплексной, согласованной и последовательной политики Республики Беларусь, основанной на планировании и координации деятельности государственных органов и иных организаций в сфере противодействия преступности и коррупционным проявлениям.

Целью программы являются снижение уровня и позитивное изменение структуры преступности в Республике Беларусь посредством совершенствования деятельности государственных и общественных структур

по предупреждению противоправного поведения, пресечению преступлений и коррупционных проявлений, устранению их негативных последствий [7].

На 2017–2019 гг. она включает в себя следующие меры по предупреждению и пресечению коррупции:

разработать и реализовать комплекс мер, направленных на расширение участия общественных организаций, политических партий, а также граждан в реализации мер по предупреждению коррупции (исполнители – Совет Министров Республики Беларусь, Генеральная прокуратура, КГК, Следственный комитет, облисполкомы, Мингорисполком, общественные организации (с их согласия);

провести мониторинг практики применения Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О борьбе с коррупцией» и внести при необходимости предложения по его совершенствованию (исполнители – Генеральная прокуратура, МВД, КГБ, КГК, Следственный комитет, Госпрогранкомитет, ГТК, Верховный Суд, Министерство экономики);

принять меры по обеспечению прозрачности проведения процедур государственных закупок, в том числе путем создания и функционирования государственной автоматизированной системы по управлению государственными закупками, ее интегрирования с системой государственного казначейства, автоматизации процессов сбора и обработки содержащейся в системе информации по различным параметрам (исполнители – Министерство антимонопольного регулирования и торговли, Министерство финансов, МИД, КГК, Госкомимущество);

обобщить следственную и судебную практику по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–429 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (исполнители – Генеральная прокуратура, Следственный комитет, Верховный Суд) [6].

Помимо государственного контроля в Республике Беларусь существует и общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией и обеспечении национальной безопасности, который осуществляется гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями, в порядке, определенном законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь [8].

Деятельность граждан Республики Беларусь, организаций, в том числе общественных объединений, при осуществлении общественного контроля в сфере борьбы с коррупцией может осуществляться в следующих формах:

участие в разработке и всенародном (общественном) обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией;

участие в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции;

иные формы такого участия, предусмотренные законодательными актами [7].

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что законодательная база, меры, принимаемые государственными органами, осуществляющими противодействие коррупции, тот же государственный и общественный контроль малоэффективны. Аргументируют это все статистические данные. Хотя тоже можно вести дискуссию по поводу цифр, ведь они на бумаге, а что происходит на самом деле, никому неизвестно. Коррупция она везде, во всех отраслях жизнедеятельности. И возникает вопрос: что же делать? Следует усовершенствовать уже созданное или избрать какие-то новые меры?

Реальное противодействие коррупции возможно только в случае, если она будет рассматриваться как явление, затрагивающее совокупность социальных, экономических, организационных и иных проблем. Она должна также носить системный, комплексный характер, охватывая все сегменты общественной жизни, в первую очередь – систему государственного управления и экономику. Таким образом, помимо уголовно-правовых мер важную роль в борьбе с коррупцией должны сыграть меры профилактического характера, заключающиеся в совершенствовании государственного регулирования и контроля в сферах деятельности, подверженных коррупционным рискам [9].

Современное состояние законодательства и существующая правоприменительная деятельность создали предпосылки для выработки новых предложений по совершенствованию мер уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям. Коррупция – актуальная проблема человечества, и, несомненно, ее нужно решать [10].

1. Хилюта, В.В. К вопросу о понятии коррупции от 5 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // В.В. Хилюта. Ч. 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Хилюта, В.В. К вопросу о понятии коррупции от 5 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // В.В. Хилюта. Ч. 2 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Василевич, Г.А. Коррупция как угроза экономической стабильности / Г.А. Василевич // Мировой финансовый кризис и его влияние на экономику страны : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 марта 2009 г. / МИТСО. – Минск, 2009.

4. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. Ануфриева, Е.А. Раскрытие и расследование коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД : учеб.-практ. пособие / Е.А. Ануфриева. – Новосибирск : НГТУ; НОУ ВПО НГИ, 2013.

6. О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 февр. 2016 г., № 101 : в ред. от 08.02.2016 г., № 5/41664 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Терещенко, Т.Г. Об актуальных направлениях развития государственной программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2016–2018 гг. [Электронный ресурс] // Т.Г. Терещенко, Н.В. Кийко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. Васильев, Г.А. Сочетание мер правового и общественного воздействия – важнейший фактор противодействия коррупции [Электронный ресурс] // Г.А. Васильев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Об утверждении критериев оценки деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией и экономическими правонарушениями [Электронный ресурс] : постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, Совета Министров Респ. Беларусь, Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, Следств. ком. Респ. Беларусь, 30 дек. 2014 г. № 30/1257/2/260 : в ред. от 10.01.2015 г. № 5/39990 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 349.2

В.О. Одинец, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Чигилейчик*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

КОНТРАКТНАЯ СИСТЕМА НАЙМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются общие положения трудового договора, контрактной системы найма в Республике Беларусь и проблематика правового регулирования контрактной системы найма в настоящее время.

В ст. 41 Конституции Республики Беларусь закреплено: «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее

достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда» [1, с. 12].

Трудовой договор – соглашение между работником и нанимателем (нанимателями), в соответствии с которым работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям или должностям соответствующей квалификации, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда и своевременно выплачивать работнику заработную плату [5, с. 3]. Одним из видов трудового договора является контракт.

В настоящее время существует множество различных определений трудовых контрактов. Приведем некоторые из них.

Контракт – соглашение двух сторон, каждая из которых имеет равные права на стадии установления контрактных условий.

Контракт – коммерческий договор по поводу купли-продажи рабочей силы и ее использования.

Контракт – трудовой договор, заключаемый в письменной форме на определенный в нем срок и содержащий особенности по сравнению с общими нормами законодательства о труде, предусматривающий конкретную минимальную компенсацию за ухудшение правового положения работника [6, с. 12].

Контракт – волевой двусторонний акт, соглашение двух субъектов, направленное на возникновение взаимных трудовых прав и обязанностей. Следовательно, контракт должен учитывать в одинаковой степени права как работников, так и нанимателей.

В этом случае переход на контрактную форму найма позволяет реализовать следующие функции:

защитную, которая призвана оградить работника от использования собственником преимуществ своего экономического положения, служит фактором, выравнивающим условия работодателя и наемного работника. Эта функция реализуется и по отношению к работодателю – контракт защищает его от переманивания кадров другими собственниками;

упорядочивающую, которая заключается в упорядочении отношений между двумя сторонами путем выработки условий контракта, делает стабильными и предсказуемыми отношения сторон в вопросах оплаты труда;

регулирующую, заключающуюся в расширении круга вопросов, которые регламентируются и регулируются контрактом;

трудовую, ее содержание может быть представлено характеристиками как процесса труда, так и результата труда;

организационную, которая заключается в регламентации обязанностей наемного работника, конкретизации круга обязанностей, за выполнение которых несет ответственность, содействует наиболее рациональной организации труда, повышает личную ответственность за свои и коллективные результаты труда.

Трудовой кодекс Республики Беларусь 1999 г. определил, что контракт – это срочный трудовой договор, который заключается с работниками в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок. Например, на время сезонных работ. В том же году вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» (Декрет). Именно с него и началось распространение трудового контракта, как специфического вида трудового договора, который предоставил нанимателям право заключать контракты с любыми категориями работников.

Реализация контрактной формы найма на работу в Республике Беларусь в современный период представляет собой особую актуальность, что обусловлено распространенностью данной формы регулирования трудовых отношений, и соответственно, необходимостью разрешения имеющих место проблем правового регулирования. Право нанимателей заключать с работниками контракты предоставлено в целях совершенствования организации труда, предупреждения нарушений законодательства в сфере трудовых отношений.

Основными отличительными чертами контракта являются: срочный характер данного вида трудового договора (заключается на срок от 1 до 5 лет); установление в контракте конкретной минимальной компенсации за ухудшение правового положения работника; наличие условий, ухудшающих и улучшающих правовое положение работника по сравнению с действующим законодательством. К условиям контракта, ухудшающим правовое положение работника, можно отнести: невозможность увольнения по собственному желанию, а лишь по требованию работника (ст. 41 Трудового кодекса) [5]; усиление ответственности за нарушение законодательства о труде; особенности выплаты заработной платы; включение дополнительных оснований расторжения контракта по инициативе нанимателя. К условиям контракта, улучшающим правовое положение работника, целесообразно отнести наличие в контракте

дополнительных мер стимулирования труда, в том числе: предоставление работнику дополнительного поощрительного отпуска (с сохранением заработной платы до 5 календарных дней); повышение тарифной ставки (не более чем на 50 %, если больший размер не предусмотрен законодательством).

Контракт – разновидность срочного трудового договора, он должен содержать все обязательные условия, закрепленные в ст. 19 Трудового кодекса. Во-первых, данные о работнике и нанимателе, заключивших контракт, место работы с указанием структурного подразделения, в которое работник принимается на работу. Во-вторых, трудовая функция (работа по одной или нескольким профессиям, специальностям, должностям с указанием квалификации в соответствии со штатным расписанием нанимателя, функциональными обязанностями, должностной инструкцией), основные права и обязанности работника и нанимателя. В-третьих, срок контракта, режим труда и отдыха, условия оплаты труда, в том числе размер тарифной ставки (оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты [4].

Помимо общих условий трудового договора контракт должен содержать обязательные условия, предусмотренные Декретом Президента Республики Беларусь № 29 от 26 июля 1999 г. «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины», постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 1999 г. № 1476 «Об утверждении Положения о порядке и условиях заключения контрактов нанимателей с работниками», Указом Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2000 г. № 180 «О порядке применения Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29». К числу названных условий относятся срок и периодичность выплаты заработной платы, зависимость мер поощрения от соблюдения правил внутреннего трудового распорядка, дополнительные меры стимулирования труда, повышение тарифной ставки, условия привлечения работника к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный нанимателю по вине работника излишними денежными выплатами (за исключением счетной ошибки), неправильным учетом и хранением материальных или денежных ценностей, их хищением, уничтожением, дополнительные основания досрочного расторжения контракта по инициативе нанимателя [2].

Трудовой кодекс Республики Беларусь определяет механизм регулирования трудовых и связанных с ними правоотношений, а также основные права и обязанности работников и нанимателей. В ст. 18 Трудового

кодекса определено, что трудовой договор заключается в письменной форме, составляется в двух экземплярах, каждый из которых находится у подписавших его сторон. Это позволяет сторонам трудовых отношений контролировать как выполнение условий контракта другой стороной, так и соблюдение своих прав, и выполнение своих обязанностей. При заключении контракта на основании декрета следует иметь в виду, что контракт заключается при взаимном согласии сторон оформить трудовые отношения в такой форме. При решении вопроса о форме заключаемого трудового договора с работниками, поступающими на работу к данному нанимателю, работник имеет возможность выбирать, соглашаться или не соглашаться с такой формой трудового договора и с предложенными условиями будущих трудовых отношений с нанимателем [4].

Если работник не согласен на заключение контракта, а наниматель настаивает именно на контрактной форме найма, работник вправе отказаться от трудовых отношений с данным нанимателем.

Для нанимателя отказ поступающего на работу от заключения контракта может являться основанием для отказа в приеме на работу, причем такой отказ не будет являться необоснованным. Исключение составляют работники, перечисленные в ст. 15 Трудового кодекса Республики Беларусь, к ним относятся:

- направленные на работу государственной службой занятости в счет брони;

- письменно приглашенные на работу в порядке перевода от одного нанимателя к другому по согласованию между ними;

- прибывшие на работу в соответствии с заявкой нанимателя или заключенным договором после окончания учебного заведения;

- имеющие право на заключение трудового договора на основании коллективного договора, соглашения;

- прибывшие на работу после окончания государственных учебных заведений по направлению;

- женщины по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей в возрасте до трех лет, а одиноким матерям – с наличием ребенка в возрасте до четырнадцати лет (ребенка инвалида – до восемнадцати лет);

- военнослужащие срочной службы, уволенные из Вооруженных Сил Республики Беларусь и направленные на работу в счет брони для предоставления первого рабочего места.

Особое значение имеет правовое регулирование заключения контрактов с работниками (продления контрактов). В частности, по исте-

чении максимального срока действия контракта, а также в случае перевода работника с его согласия на другую работу по договоренности сторон заключается новый контракт на срок не менее 1 года. Каждая из сторон, заключивших контракт, не позднее, чем за 1 месяц до истечения срока его действия, письменно предупреждает другую сторону о решении продолжить или прекратить трудовые отношения. Наниматель с письменного согласия работника, не допускающего нарушений трудовой и исполнительской дисциплины, проработавшего у данного нанимателя не менее 5 лет, по окончании срока действия контракта вправе заключить с работником трудовой договор на неопределенный срок. При отказе работника от заключения трудового договора на неопределенный срок по письменному соглашению между сторонами контракт может быть продлен либо заключен новый контракт [3].

Законодатель определяет категории работников, с которыми новый контракт заключается в обязательном порядке (продлевается). К таким работникам относятся: беременные женщины, женщины, имеющие детей в возрасте до пяти лет, работники, достигшие предпенсионного возраста.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что трудовой контракт как одна из форм трудового договора призван обеспечивать гибкость в регулировании трудовых отношений с различными категориями работников, стимулировать повышение взаимной заинтересованности работника и нанимателя в результатах трудовой деятельности, поддерживать должный уровень трудовой дисциплины и выполнять ряд других задач. Между тем реализация контрактной формы найма свидетельствует о наличии отдельных проблем правоприменения, связанных с особенностями заключения и прекращения (расторжения по инициативе нанимателя) контрактов. Исследование правовых норм, регулирующих контрактную систему найма, позволяет сделать вывод об их несовершенстве, определяя необходимость совершенствования правового регулирования.

В настоящее время целесообразно привести трудовое законодательство в соответствие с декретами и указами Президента Республики Беларусь, разработать и включить в Трудовой кодекс отдельную главу, связанную с контрактной системой найма. Представляется необходимым также уточнить и увеличить категории граждан, с которыми контракт заключается (продлевается) в обязательном порядке, детализировать отдельные условия контракта, совершенствовать порядок заключения (прекращения) контрактов о службе с сотрудниками военизированных организаций, обеспечив единую правовую регулирование.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2017. – 48 с.

2. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О порядке применения Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 апр. 2000 г., № 180 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. Г.А. Василевича ; редкол.: В.Г. Голованов [и др.]. – Минск : Регистр, 2008. – 1024 с.

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Федотов, В.А. Трудовое право : учеб. пособие / авт.-сост. В.А. Федотов. – Гомель : ГФ МИТСО, 2002. – 81 с.

УДК 342.9

В.В. Павлович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

О СИСТЕМЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ВОПРОСЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Подвергается анализу система нормативных правовых актов Республики Беларусь, регламентирующих вопросы реализации кадровой политики. На основе анализа приводится классификация законов Республики Беларусь, регламентирующих данную сферу правоотношений, исходя из их содержательной направленности, а также рассматриваются акты иных органов государственного управления, принимаемые в целях регулирования вопросов кадровой политики в Республике Беларусь.

На современном этапе развития общества актуальным вопросом является проблема оптимизации государственного управления, поиска путей повышения его эффективности. Ключевая роль в успешности государственного управления принадлежит кадрам – сотрудникам, осуществляющим профессиональную деятельность в органах государственного управления.

Состояние кадрового потенциала, высокий профессионализм и компетентность управленческих кадров в значительной степени определяют развитие общества, сохранения единого социально-культурного пространства страны, роста благополучия каждого гражданина. Своевременное выявление и успешная подготовка кадров к работе в различных должностях – важнейший фактор успеха в конкурентной борьбе.

В связи с этим нормативно-правовое обеспечение выступает в качестве главного элемента государственной кадровой политики. Правовая база представлена в виде нормативных актов, определяющих организационные основы работы с кадрами, время и выбор формы их подготовки, а также требования, которые предъявляются к сотрудникам в сфере государственного управления. Особое значение приобретают нормативные акты и положения в области государственных стандартов подготовки и переподготовки государственных служащих. В странах, ориентированных на рыночную экономику, в том числе и в Республике Беларусь, государство заинтересовано в нормативно-правовом регулировании трудовых и кадровых отношений, что выражается в законотворчестве и правовых нормах. Тем самым формируется содержание кадровой политики государства.

На основании изложенного представляется необходимым провести анализ нормативно-правового обеспечения кадровой политики государственных служащих Республики Беларусь. Согласно Конституции Республики Беларусь каждый гражданин имеет право не только избирать, но и быть избранным [1]. В ст. 39 Конституции Республики Беларусь указано, что «граждане Республики Беларусь в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах». Тем самым обеспечивается равноправие граждан и свобода их профессионального выбора: гражданин Республики Беларусь может претендовать на должность государственного служащего без дискриминации по полу, цвету кожи, религиозным убеждениям, национальности и т. д. Это право также закреплено в ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Таким образом, в Республике Беларусь и в большинстве развитых стран единственным критерием для прохождения государственной службы является профессиональная подготовка кандидата.

Право на трудоустройство граждан Республики Беларусь в органы государственного управления также закреплено в ст. 41 Конституции Республики Беларусь, согласно которой гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека. Иными словами, граждане Беларуси имеют право на выбор профессиональной деятельности в соответствии со своими способностями, стремлениями и образованием. Не существует статьи Конституции, которая препятствовала бы устройству гражданина на государственную службу.

Кроме того, Указом Президента Республики Беларусь от 18 июля 2001 г. № 399 утверждена Концепция государственной кадровой политики Республики Беларусь, принятие которой было обусловлено необходимостью реализации стратегического курса на формирование социально ориентированной рыночной экономики, более глубокой интеграции страны в мировую экономическую систему, совершенствования механизма управления обществом на основе сочетания методов государственного и рыночного регулирования, использования современных организационных, информационных, социальных и политических технологий [2]. Данный акт носит стратегический характер и устанавливает основные цели и задачи в реализации кадровой политики Республики Беларусь, а также меры по их достижению.

Вместе с тем данная сфера правоотношений урегулирована целым комплексом иных нормативных правовых актов, систематизация которых может способствовать формированию четкого представления об их иерархии и роли в определении порядка реализации кадровой политики.

В первую очередь представляется необходимым рассмотреть высший уровень правового регулирования в области кадровой политики – регламентацию данной сферы отношений на уровне законов.

В Республике Беларусь принят целый ряд законов, в той или иной степени регулирующих вопросы реализации кадровой политики. Представляется, что законы в этой области, исходя из их содержательной направленности, можно условно подразделить на три группы:

регулирующие общие правила регулирования трудовых отношений; определяющие статус высших должностных лиц государства в области кадровой политики;

определяющие специфику прохождения государственной службы в отдельных ее видах.

К первой группе следует отнести Конституцию Республики Беларусь, Трудовой кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь».

В Конституции Республики Беларусь осуществлено закрепление особенностей и положения должностных лиц, механизм осуществления принципа разделения властей.

Большая роль в регуляции кадровой политики нашего государства отводится Трудовому кодексу, поскольку он действует по отношению ко всем работникам и нанимателям, осуществляет регуляцию коллективных трудовых взаимоотношений, дает гарантию социальной защиты работников. Принципы Трудового кодекса представляют собой эффективный инструмент для государства, который позволяет в полной мере обеспечить органы государственного управления трудовыми ресурсами [3].

В отличие от Трудового кодекса, который регулирует правоотношения в связи с трудовой деятельностью всех работников (в том числе негосударственных служащих), Закон «О государственной службе в Республике Беларусь» и изданные в его развитие иные правовые акты служат правовой основой функционирования государственных служащих, а закрепленные их полномочия и гарантии защищенности позволяют эффективно проводить работу по руководству и регулированию различных сторон жизни белорусского общества [4].

Ко второй группе законодательных актов относятся Законы Республики Беларусь: «О Президенте Республики Беларусь», «О Совете Министров Республики Беларусь», «О Национальном собрании Республики Беларусь» и др.

Указанные законы определяют место тех или иных высших органов государственного управления или должностных лиц по формированию государственных органов, определению их структуры и состава.

Третья группа включает следующие Законы Республики Беларусь: «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», «О статусе военнослужащих», «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь» и др.

Отличительной чертой белорусского законодательства является то, что на законодательном уровне достаточно детально закреплены основы кадровой службы военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и сотрудников «военизированных» и иных силовых структур. Таким образом, деятельность этих государственных органов и подчиненных им подразделений регламентируется отдельными законами.

Помимо законов вопросы кадровой политики в Республике Беларусь регулируются и нормативными правовыми актами иных государственных органов.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь и иными законодательными актами Президент Республики Беларусь осуществляет целый ряд полномочий, затрагивающих вопросы осуществления го-

сударственной кадровой политики. Он назначает или дает согласие на назначение ряда высших должностных лиц государства, утверждает структуру и штатную численность республиканских государственных органов, назначает руководителей республиканских органов государственного управления. Кроме того, инструментом в руках Главы государства для осуществления кадровой политики является Администрация Президента Республики Беларусь.

В целях осуществления государственной кадровой политики Главой государства были изданы следующие правовые акты: Указ Президента Республики Беларусь от 2 ноября 2000 г. № 577 «О некоторых мерах по совершенствованию работы с кадрами в системе государственных органов»; Указ Президента Республики Беларусь от 24 января 1997 г. № 100 «О совершенствовании системы переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров государственных органов»; Указ Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 г. № 354 «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций»; Указ Президента Республики Беларусь от 17 марта 2005 г. № 139 «Об утверждении положения о квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу» и др.

Помимо перечисленных документов, носящих достаточно широкий характер и распространяющихся на многие государственные органы и организации, Глава государства в пределах своей компетенции издает указы, регулирующие деятельность каждого конкретного государственного органа. Как правило, ими утверждаются структура, штатная численность и положение о деятельности государственного органа. В положении содержатся нормы, определяющие права и обязанности тех или иных должностных лиц, в том числе руководителя государственного органа.

Президент издает указы, дополняющие и развивающие законодательные положения, изложенные в законах. Так, им утверждены положения о прохождении военной службы различными категориями военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и иных формирований. Действие этих документов также направлено на регулирование основ реализации кадровой политики в конкретных, наиболее общественно значимых сферах.

В целом следует признать, что президентский уровень правового регулирования кадровой политики наиболее значимый с точки зрения определения основных направлений деятельности государства. Именно здесь формируются основные положения, на основании которых строят свою деятельность государственные органы в области реализации кадровой политики.

Правительство Республики Беларусь в пределах своей компетенции также издает правовые акты в области кадровой политики. В отличие от актов Главы государства постановления Совета Министров Республики Беларусь носят характер, направленный на принятие конкретных мер по решению вопросов подготовки кадров, финансовых и иных.

Реализация кадровой политики государства на уровне министерств и комитетов – наиболее широкая группа нормативных актов, регулирующих реализацию государственной кадровой политики. Она включает сотни правовых документов, изданных в развитие и в соответствии с законами, декретами и указами Главы государства, постановлениями Правительства.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы:

основные направления деятельности государства в кадровой сфере, ее ориентиры и принципы формируются на политическом уровне. В Республике Беларусь существует достаточно развитая система правового регулирования процесса реализации государственной кадровой политики. Она включает в себя нормативные правовые акты различных уровней, среди которых следует выделить законы Республики Беларусь и иные акты, издаваемые органами государственного управления;

законы Республики Беларусь, регламентирующие вопросы кадровой политики, исходя из содержательной направленности, могут быть разделены на три группы: регулирующие общие правила регулирования трудовых отношений, определяющие статус высших должностных лиц государства в области кадровой политики, определяющие специфику прохождения государственной службы в отдельных ее видах;

к актам органов государственного управления, направленных на реализацию кадровой политики, следует отнести указы Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь, акты республиканских органов государственного управления.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2017. – 39 с.

2. Об утверждении Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июля 2001 г., № 399 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 12.11.2003 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июля 2003 г., № 204-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342.9

А.С. Пинчук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.С. Кривонощенко*

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ И ТОКЕНОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Анализируется правовое регулирование криптовалюты и цифровых денежных знаков (токенов) в Республике Беларусь и его сравнение с правовым регулированием в некоторых зарубежных странах. На основании исследования предложены конкретные меры по дальнейшему совершенствованию регулирования оборота цифровой валюты и токенов в Республике Беларусь.

В современном мире очень быстро развиваются компьютерные технологии. Многие граждане используют электронные деньги для оплаты услуг или товаров в сети Интернет. Банкноты и монеты заменяются пластиковыми банковскими карточками, а в сети Интернет существует и работает огромное количество платежных систем. В настоящее время цифровые валюты не выпускаются национальными банками. Прогресс не стоит на месте, и мы имеем возможность наблюдать рост криптовалют, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах.

Регулирование оборота криптовалюты и токенов – очень важная тема. В качестве новой технологии, которая кардинально изменила и упростила жизнь многим людям, выступают криптовалюта и токены. В мировом рейтинге по числу пользователей данными платежными средствами лидируют Соединенные Штаты Америки (США), где насчитывается 1,2 млн человек, затем идут Китай (350 тыс.) и Германия (250 тыс.). Прежде чем перейти к сравнительному анализу оборота цифровой валюты, следует разъяснить суть того, что понимается под терминами «криптовалюта», «токены», а также технологии функционирования, на которых они работают.

Криптовалюта (от англ. *cryptocurrency*) – распределенная и децентрализованная система безопасного обмена и передачи цифровых денежных знаков, основанная на средствах криптографии, следовательно, криптография – наука о методах обеспечения конфиденциальности (невозможности прочтения информации посторонним), целостности данных (невозможности незаметного изменения информации) и аутентификации (проверки подлинности авторства или иных свойств объекта).

В качестве *токена* понимается разновидность криптовалюты, цифровой актив, выпускаемый с целью привлечения инвестиций в криптовалютный проект или организацию, но по своим свойствам ближе к акции или облигации. Они выпускаются в ходе «Initial coin offering» (ICO) и затем торгуются на криптовалютных биржах наравне с криптовалютами.

Все больше и больше людей прибегают к данному способу, как к способу оплаты в сети Интернет, вместе с этим и стал вопрос о правовом регулировании оборота такого вида «денежных средств». Ведь в самом ближайшем будущем мы сможем расплачиваться с помощью криптовалюты даже в магазинах. Если эти вопросы не урегулировать с правовой точки зрения, то мир может столкнуться с большими трудностями при этом, так как тот же *Bitcoin* (разновидность криптовалюты) позволит сохранять анонимность при осуществлении платежей. Биткоин как и все другие криптовалюты является полностью децентрализованной одноранговой системой, таким образом следует сделать вывод о том, что ни одно правительство на планете не может помешать субъекту подключиться в сети Bitcoin.

Биткоин – одноранговая цифровая денежная система, построенная на криптографических алгоритмах. Расчетная единица в этой системе называется биткоин (bitcoin), пишется со строчной буквы, а названия денежной системы – с прописной. Биткоин – первая массовая криптовалюта.

Для избежания в будущем какого-либо рода кризисных явлений необходимо создание механизмов мониторинга и регулирования криптовалют. Именно правовое регулирование и нужно для обеспечения возможности широкого применения цифровой валюты. В правовой науке существует мнение, что право оборота криптовалют стоит отнести к правам «особого рода». В настоящее время криптовалюта не является электронными деньгами, в чем можно убедиться при обращении к Банковскому кодексу (БК), в котором закреплено, что «электронными деньгами являются хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные в обращение в обмен на наличные или безналичные денежные средства и принимаемые в качестве средства платежа при

осуществлении расчетов как с лицом, выпустившим в обращение данные единицы стоимости, так и с иными юридическими и физическими лицами, а также выражающие сумму обязательства этого лица по возврату денежных средств любому юридическому или физическому лицу при предъявлении данных единиц стоимости» (ст. 274 БК) [1]. Согласно постановлению Национального банка Республики Беларусь № 201 (в ред. от 27 февраля 2015 г.) «Об утверждении Правил осуществления операций с электронными деньгами» электронные деньги должны быть номинированы в белорусских рублях или иностранной валюте [2].

Криптовалюты не эмитируются банками и не выпускаются в обмен на денежные средства. Криптовалюты и токены также не являются ценными бумагами, так как в соответствии с положениями Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) «ценные бумаги должны удостоверяют какие-либо имущественные или неимущественные права» (ст. 143 ГК) [3], а сама криптовалюта и факт владения ею не удостоверяет право на получение каких-либо ценностей. Что касается налогообложения криптовалюты в Республике Беларусь, то на данный момент действует Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», согласно которому юридические лица могут владеть токенами, создавать и размещать их через резидентов Парка высоких технологий (ПВТ). Покупка, отчуждение токенов и иные операции с ними разрешены только через биржи криптовалют и операторов обмена [4].

Декрет закрепил основные термины и их определения, касающиеся производства и оборота криптовалют (криптовалюта, цифровой знак (токен), реестр блоков транзакций (блокчейн)¹ и другие понятия), способствующие единому пониманию и правильному применению цифровых технологий.

В соответствии с настоящим декретом юридические лица вправе владеть токенами и совершать следующие операции через резидента ПВТ [5], осуществляющего соответствующий вид деятельности: создавать и размещать собственные токены в Республике Беларусь и за рубежом; хранить токены в виртуальных кошельках; через операторов криптовалютных платформ, обмен криптовалют, иных резидентов ПВТ, осуществляющих соответствующий вид деятельности, приобретать, отчуждать токены, совершать с ними иные сделки (операции). Физические лица вправе

¹ Реестр блоков транзакций (блокчейн) – выстроенная на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в такой системе операциях. Включает в себя сети peer-to-peer, распределенное хранение данных и криптографию.

владеть токенами и совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены.

Декретом также установлен режим наибольшего благоприятствования, который выражается в том, что токены и доходы от криптовалютных операций не подлежат декларированию физическими лицами, т. е. до 1 января 2023 г. они не будут облагаться налогом; деятельность по майнингу (производству), приобретению, отчуждению токенов, по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам не является предпринимательской. Майнинг (производство), деятельность оператора криптоплатформы, оператора обмена криптовалют с использованием токенов не признаются банковской деятельностью.

Таким образом, Республика Беларусь стала в числе первых государств в мире, которая на государственном уровне легализовала смарт-контакты. Но одновременно возникает вопрос, каким образом обеспечить административно-правовое регулирование оборота криптовалюты и технологий, на которых они базируются? Ведь если ее невозможно отследить, и она не облагается налогом, то каким образом можно защитить права граждан при осуществлении любых операций и транзакций с криптовалютой?

Разрешению данного вопроса будет способствовать изучение опыта нормативного закрепления правового статуса цифровых валют, технологий их функционирования и оборота в законодательстве стран Северной Америки, Западной Европы и государств – участников Содружества Независимых Государств.

В США цифровые деньги не признаны официальным платежным средством, а считаются имуществом. С 1 января 2018 г. все транзакции с криптовалютой облагаются налогом, что закреплено в Налоговом кодексе. До этого момента по законодательству США криптовалюта рассматривалась, как имущество и некоторые операции с ней не облагались налогом, но теперь за каждое взаимодействие с криптовалютой гражданин США должен будет уплатить налог. Если он хранит валюту менее одного года, то ему придется заплатить налог от 10 % до 37 % в зависимости от его личного уровня доходов, а также придется платить налог за обмен одной криптовалюты на другую. Что немаловажно, осенью 2017 г. комиссия по ценным бумагам и биржам в США возбудила первое в истории дело о мошенничестве при первичном размещении криптовалют. Власти США также предложили внести в законодательство такой нормативный документ, который позволит запретить «tumblers» – это инструменты, с помощью которых пользователи могут путать источ-

ник появления своих Bitcoin. Tumbler, как и многие другие нелегальные рынки и биржи, существующие в так называемой «черной сети», может размещаться анонимно с любого сервера в мире.

В Канаде Агентство по финансовой защите потребителей не относит криптовалюты к платежному средству, признанному законным, исключая при этом все средства кроме банкнот и монет Банка Канады. Но центральный Банк работает над созданием цифрового канадского доллара на основе технологии блокчейн. В апреле 2014 г. была организована пресс-конференция, посвященная вопросам правового регулирования криптовалюты, что послужило рассмотрению данного вопроса на уровне законодательства. Предложенный в июне 2014 г. законопроект получил одобрение генерал-губернатора Канады, в который были включены следующие пункты:

Все биржи оборота цифровой валюты обязаны регистрироваться в The Financial Transactions and Reports Analysis Centre of Canada (FINTRAC), как финансовые учреждения.

Компании обязаны обеспечивать соблюдение законов в области легализации средств, т. е. оповещать о подозрительных операциях и также внедрить верификацию пользователей.

Все банки не имеют права открывать счета тем биржам криптовалют, которые не прошли регистрацию в ранее упомянутом FINTRAC.

Не менее важен тот факт, что законопроект распространяется не только на биржи, но и на компании. Сюда входят инкорпорированные в Канаде организации, а также те, которые зарегистрированы в другой юрисдикции, но предоставляют такие услуги в Канаде. Как и во многих странах мира, в Канаде криптовалюта подлежит налогообложению, оплата товаров или услуг может осуществляться электронными средствами, однако берется налоговый сбор, как с бартерной сделки. Еще одним направлением является оплата труда криптовалютой. Это привычная практика для канадцев, и она также подлежит налогообложению. Налог взимается в соответствии с трудовым законодательством.

В отличие от оборота криптовалют оборот электронных денежных средств на территории Российской Федерации регулируется отдельным Федеральным законом [6]. С 2014 г. Центральный Банк России сообщил о том, что юридические лица, которые осуществляют операции с цифровыми денежными средствами, будут нести ответственность согласно действующему законодательству за исполнение рискованных операций. Таким образом правительство приравнило криптовалюту к денежному суррогату. В феврале 2014 г. Генпрокуратура России официально объявила цифровые средства денежным суррогатом, т. е. заменителем законного платежного средства или денег вообще, который выполняет все

или часть их функций, таких как средство обращения, платежа или сбережения, который запрещен в Российской Федерации. Данную позицию поддержала Федеральная служба по финансовому мониторингу. Основной причиной для запрещения криптовалютных операций в Российской Федерации стало заявление Госнаркоконтроля о том, что биткоин использует наркомафия для отмывания денежных средств при реализации наркотических веществ. В 2016 г. Росфинмониторинг заявил, что юридические лица, осуществляющие работу с цифровыми деньгами, должны проходить государственную регистрацию и получать лицензию на свою деятельность. Федеральная налоговая служба поддержала и предложила усовершенствовать законодательство, чтобы дать оценку правовому статусу криптовалюты в Российской Федерации. В конце 2015 г. в Госдуме зарегистрировали проект кодекса об административных правонарушениях, в котором была выделена статья о запрете на выпуск суррогатов, предусматривающая юридическую ответственность. Однако там было указано, что цифровая валюта, которая выпущена за пределами Российской Федерации, не является денежным суррогатом. Точного определения правового статуса криптовалюты в Российской Федерации нет. Ни в одном из документов, касающихся виртуальной валюты, не поднимался вопрос налогообложения криптовалютных операций. Российская Федерация стала первой страной, в которой было заведено уголовное дело. На сегодня правила налогообложения ценных бумаг к цифровой валюте не применяются. С дохода, полученного в виде цифровых денег, физическое лицо оплачивает 13 % налога, а юридическое лицо – 20 %.

16 февраля 2018 г. Служба по надзору за финансовыми рынками Швейцарии (FINMA) опубликовала обзор и правовые рекомендации для организаторов ICO. В частности, FINMA справедливо обращает внимание, что закон и регулирование финансового рынка не могут быть применимы ко всем ICO без исключения, поэтому необходимость соответствия нормативным требованиям оценивается в каждом случае индивидуально.

FINMA также предоставила ставшее уже классическим разделение токенов на три вида:

1) Payment tokens (синонимы криптовалют). Они не имеют никаких дополнительных функций и могут приниматься лишь в качестве платежного средства;

2) Utility tokens – это токены, которые предназначены для обеспечения цифрового доступа к приложению или сервису;

3) Asset tokens подразумевают под собой возможность участия в компании, получении доходов, или право на получение дивидендов или

процентов. Что касается их экономической функции, токены данного вида аналогичны акциям, облигациям.

Вся система криптовалюты развивается такими стремительными темпами, что правительства стран не успевают принимать соответствующие решения. Сейчас же законодатели многих государств мира понимают, что биткоин и его регулирование требуют совершенно нового подхода и гибкого решения для того, чтобы он смог легально развиваться на свободном рынке и предоставлять свои преимущества каждому субъекту.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ и обобщение существующих практик правового регулирования положения и оборота криптовалюты в зарубежных государствах позволяет выделить несколько базовых теоретико-прикладных подходов к определению административно-правового статуса цифровой валюты: как платежного средства; как универсального финансового инструмента; как товара (продукта); как денежного суррогата.

В настоящее время Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» закрепил цифровые знаки (токены) в качестве самостоятельного объекта правоотношений, однако не придал конкретного правового статуса, что требует дальнейших научно-прикладных исследований.

Так, цифровая валюта является средством оборота, обладающим таким признаком, как «анонимность», перспективным направлением правового регулирования представляется нормативное закрепление порядка конвертации криптовалюты в фиантные деньги – валюту, которую правительства ряда стран объявили в качестве законного средства платежных операций. Это позволит идентифицировать пользователей, майнеров (производителей) интернет-магазинов, бирж и обменных пунктов криптовалюты. Именно идентификация участников оборота криптовалюты станет важным шагом к созданию легального рынка и прозрачных правил для участников сферы оборота цифровых денег.

Еще одним направлением установления экономически выгодных и социально-приемлемых правил поведения участников сферы обращения криптовалюты должно стать формирование организационно-технических механизмов мониторинга и регулирования путем создания центров (или иных подразделений) на базе конкретных органов государственного управления и (или) наделением государственных органов соответствующими функциями.

1. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // Консультант-

Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Об утверждении правил осуществления операций с электронными деньгами [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 26 нояб. 2003 г., № 201 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 17 дек. 1998 г., № 218-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. О Парке высоких технологий [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Cryptocurrency Regulation in 2018: Where the World Stands Right Now / Andrew Nelson [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bitcoinmagazine.com/articles/cryptocurrency-regulation-2018-where-world-stands-right-now/>. – Дата доступа: 01.04.2018.

7. О национальной платежной системе [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 июня 2011 г., № 161-ФЗ : в ред. Федер. закона от 18.07.2017 г. // СПС «Консультант». Законодательство Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/. – Дата доступа: 05.04.2018.

УДК 343.123.1

Н.Д. Попков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

Рецензент – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

О ПОНЯТИЯХ «ЛИЦО, ПРОИЗВОДЯЩЕЕ ДОЗНАНИЕ» И «НАЧАЛЬНИК ОРГАНА ДОЗНАНИЯ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются проблемные аспекты законодательного закрепления понятий «лицо, производящее дознание» и «начальник органа дознания» в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь. Обосновывается необходимость их корректировки, предлагаются отдельные пути их совершенствования.

Уголовно-процессуальные термины «орган дознания» и «начальник органа дознания» используются в законодательстве Республики Беларусь достаточно продолжительный период времени. Вместе с тем понятие «лицо, производящее дознание» введено в закон сравнительно недавно. Оно пришло на смену понятия «дознатель», которое было исключено из Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) в связи с происшедшим существенным перераспределением полномочий органов уголовного преследования, обусловленным образованием Следственного комитета Республики Беларусь (СК). В значимости процессуальной роли указанных субъектов уголовно-процессуальной деятельности представляется необходимым проанализировать содержание их легальных дефиниций, поскольку четкое определение различных терминов и институтов является необходимым условием правильного правоприменения и решения других задач в области права.

УПК определяет лицо, производящее дознание, как должностное лицо, уполномоченное органом дознания на осуществление досудебного производства (ч. 1 ст. 39). Анализ содержания приведенной дефиниции показывает, что она не в полной мере согласуется с отдельными нормами уголовно-процессуального закона. Так, в соответствии с п. 4 ст. 6 УПК досудебное производство – это ускоренное производство и производство со дня поступления заявления, сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд для рассмотрения по существу либо прекращения производства по делу, а также подготовка материалов по уголовному делу частным обвинителем и стороной защиты. Однако согласно гл. 47 УПК лицо, производящее дознание, не уполномочено на осуществление ускоренного производства. Передача уголовного дела прокурору (ст. 262 УПК) равно как и подготовка материалов по уголовному делу частного обвинения (ст. 426–427 УПК) также не входит в его компетенцию. Единственное, что подходит к компетенции рассматриваемого участника уголовного процесса из перечисленных выше полномочий, так это производство со дня поступления заявления, сообщения о преступлении до передачи материалов или уголовного дела следователю (ч. 1 ст. 173², ч. 3 ст. 186 УПК), принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде в соответствии со ст. 426 УПК уголовное дело частного обвинения (ч. 1 ст. 174). Причина указанного терминологического диссонанса видится в том, что до образования СК в 2011 г., лицо, уполномоченное законом осуществлять дознание, в случаях, когда проведение предварительного следствия было необязательно, имело право на осуществление производства по уголовному делу в полном объеме. УПК именовал этого субъекта дознавателем и

определял его как должностное лицо, осуществлявшее в пределах своей компетенции досудебное производство (ст. 39). После образования СК и вступления в силу изменений в уголовно-процессуальный закон, наименование «дознатель», как уже было отмечено нами ранее, было заменено категорией «лицо, производящее дознание», однако содержание указанной дефиниции существенно не изменилось. Таким образом, несмотря на то, что полномочия указанного субъекта были существенно откорректированы (лицо, производящее дознание, лишилось права на производство предварительного расследования в полном объеме), норма, определяющая содержание указанного понятия, не подверглась соответствующей доработке.

Описанная несогласованность норм уголовно-процессуального закона требует анализа содержания имеющихся теоретических подходов к дефиниции «лицо, производящее дознание» с целью ее дальнейшего совершенствования.

Так, А.П. Рыжаков считает, что лицо, производящее дознание, – это должностное лицо органа дознания, уполномоченное осуществлять проверку заявлений и сообщений о преступлении; неотложные следственные действия, предварительное расследование в форме дознания, а также исполнять поручения начальника органа дознания, прокурора, следователя, руководителя следственной группы или другого лица, производящего дознание. Данное определение видится не совсем удачным, поскольку нет необходимости при закреплении понятия указанного субъекта, перечислять все направления его процессуальной деятельности. Достаточным представляется указание на то, что данный участник уголовного процесса осуществляет полномочия, предусмотренные УПК. Ведь в таком случае следует говорить не о норме, определяющей пределы процессуальной компетенции, а о понятии субъекта [1, с. 94].

В.А. Нечаева считает недопустимым использовать в дефиниции «лицо, производящее дознание» термин «досудебное производство», указывая, что фактически деятельность этого субъекта ограничивается производством со дня поступления заявления, сообщения о преступлении до передачи уголовного дела следователю после выполнения неотложных следственных действий в течение десяти суток с момента его возбуждения, т. е. деятельностью по материалам и уголовным делам в пределах своей компетенции, что закреплено в ст. 186 УПК [2, с. 115].

Проблемам законодательной регламентации содержания понятия «лицо, производящее дознание» уделяет внимание в своих трудах И.В. Данько. Он считает, что ч. 1 ст. 39 УПК фактически отождествляет дознание с досудебным производством, осуществляемым органом дознания, что разрушает сложившийся стереотип дознания лишь как фор-

мы предварительного расследования. Ученый также утверждает, что в изменениях УПК просматривается попытка законодателя отодвинуть дознание от расследования преступлений, сделать его вспомогательной, обслуживающей предварительное следствие, деятельностью [3, с. 31]. Соглашаясь с его мнением, полагаем, что в связи с образованием СК дознание действительно утратило значение самостоятельной формы предварительного расследования и стало больше походить на его первоначальный этап, обеспечивающий последующее осуществление предварительного следствия.

Таким образом, представляется необходимым корректировка содержащейся в законе дефиниции «лицо, производящее дознание». В качестве возможного варианта совершенствования анализируемой нормы (ч. 1 ст. 39 УПК) видится возможным изложить ее в следующей редакции: «1. Лицом, производящим дознание, является должностное лицо, уполномоченное органом дознания на производство по материалам и уголовным делам».

Полагаем, что законодательное закрепление указанной дефиниции позволит привести в соответствие нормативную регламентацию и фактическое содержание компетенции лица, производящего дознание.

Переходя к рассмотрению категории «начальник органа дознания», следует отметить, что УПК определяет рассматриваемого участника уголовного процесса как руководителя органа дознания, а также каждого из должностных лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 37 УПК (ч. 1 ст. 38). К указанным должностным лицам относятся: военные коменданты военных комендатур в зоне ответственности военных комендатур, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учебных заведений, организаций Вооруженных Сил и гарнизонов, а в других войсках и воинских формированиях – командиры воинских частей, соединений, начальники органов пограничной службы, начальники военных учреждений; начальники учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов; капитаны морских или речных судов, командиры воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь; главы дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь. Деятельность данных субъектов регламентирована в постановлении Министерства обороны Республики Беларусь от 3 декабря 2007 г. № 84 «Об утверждении Инструкции о порядке производства дознания в Вооруженных Силах Республики Беларусь», Кодексе торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. № 321-3 [6] (далее – Кодекс торгового мореплавания) и других нормативных правовых актах. Так, например,

ст. 70 Кодекса торгового мореплавания регламентирует случаи, когда капитан судна выполняет функции органа дознания и начальника органа дознания, закрепляет его права по данному направлению деятельности [7]. Тем не менее в УПК отсутствует какая-либо отметка о том, что правовое положение вышеупомянутых участников уголовного процесса регламентировано в других документах.

В ч. 9 ст. 38 УПК есть упоминание про заместителя начальника органа дознания (заместителей), который обладает такими же правами и обязанностями, как и начальник органа дознания. Представляется, что данное процессуальное положение он приобретает в случае отсутствия начальника органа дознания либо по его поручению. В свою очередь, в ч. 1 ст. 38 УПК, содержащей дефиницию начальника органа дознания, заместитель указанного субъекта не упоминается. В этой связи представляется, что упомянутая норма не в полной мере отражает фактическое содержание определяемого понятия [5].

В.А. Нечаева также считает, что имеющееся в законе определение не является полным. Она предлагает изложить нормативное понятие рассматриваемого участника уголовного процесса в следующей редакции: «Начальником органа дознания являются руководитель государственного органа и его заместители, а также каждое из должностных лиц, перечисленных в части 1 статьи 37 настоящего Кодекса» [4, с. 55]. Считаем, что данное определение также не идеально, поскольку предполагает, что заместитель начальника органа дознания в любом случае обладает правами и обязанностями начальника. Однако, по нашему мнению, это может возникнуть только при наступлении определенных обстоятельств, которые описаны выше.

Кроме того, представляется целесообразным не только изменить формулировку понятия «начальник органа дознания», но и структурно поместить ее в ст. 6 УПК, где закреплены разъяснения отдельных значимых понятий и наименований, содержащихся в законе.

Следует отметить, что начальник органа дознания вправе самостоятельно производить дознание, а значит, и осуществлять уголовное преследование. Что касается уголовного преследования, то в ст. 6 УПК отражено его определение. В соответствии с п. 48 указанной нормы, уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, частным обвинителем в целях установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания либо иных мер уголовной ответ-

ственности или принудительных мер безопасности и лечения. В данном определении наглядно отражаются субъекты, которые вправе осуществлять уголовное преследование:

- орган дознания;
- лицо, производящее дознание;
- следователь;
- прокурор;
- частный обвинитель.

Однако начальника органа дознания в приведенном перечне нет. Это представляется не совсем справедливым, так как он объективно наделен правом на осуществление уголовного преследования, что, безусловно, должно быть отражено в законодательном определении указанного термина.

Анализ дефиниций «начальник органа дознания» и «лицо, производящее дознание» позволяет констатировать, что имеющиеся нормативные определения данных участников могут вызвать некоторую неопределенность в деятельности рассматриваемых субъектов уголовного процесса и требуют доработки. Лицо, производящее дознание, и начальник органа дознания при взаимодействии образуют орган дознания, представляется, что надлежащая процессуальная регламентация рассматриваемых институтов будет способствовать повышению эффективности работы органов дознания в целом. В этой связи представляется, что дефиниция «лицо, производящее дознание» является некорректной. Предлагается ч. 1 ст. 39 УПК изложить в следующей редакции: «1. Лицом, производящим дознание, является должностное лицо, уполномоченное органом дознания на производство по материалам и уголовным делам». Требуется доработки также определение «начальник органа дознания». В ч. 9 ст. 38 УПК упоминается про заместителей начальника органа дознания, которые обладают такими же правами и несут обязанности. В свою очередь, в нормативной дефиниции начальника органа дознания не указывается его заместитель. Полагаем, что дефиниция рассматриваемого участника уголовного процесса в УПК должна быть откорректирована в соответствии с изложенными замечаниями.

1. Рыжаков, А.П. Уголовный процесс : учебник / А.П. Рыжаков. – М. : НОРМА, 2002. – 704 с.

2. Нечаева, В.А. О понятии лица, производящего дознание / В.А. Нечаева // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : III Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 29–30 мая 2017 г. : сб. ст. / Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред.: Ю.А. Матвейчев [и др.]. – Могилев, 2017. – С. 113–117.

3. Данько, И.В. Дознание в контексте реформы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь / И.В. Данько // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 6. – С. 30–33.

4. Нечаева, В.А. Совершенствование правовой регламентации деятельности начальника органа дознания / В.А. Нечаева // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 фев. 2017 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред.: А.В. Яскевич [и др.]. – Минск, 2017. – С. 319-320.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 8 янв. 2018 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018. – 464 с.

6. Об утверждении Инструкции о порядке производства дознания в Вооруженных Силах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва обороны Респ. Беларусь, 3 дек. 2007 г., № 84 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 нояб. 1999 г., № 321-3 : принят Палатой представителей 13 окт. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 28 окт. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2015 г. № 242-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342.9

А.В. Радецкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.С. Касьянчик*

Рецензент – кандидат юридических наук *О.В. Гиммельрейх*

ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рассматриваются историко-правовые аспекты возникновения и развития института защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц. Формулируется вывод об основополагающей роли мер административной ответственности в системе средств противодействия таким посягательствам.

Определенные в рамках взятого курса на модернизацию белорусского государства социально-экономические преобразования наряду с вопросами повышения профессионализма должностных лиц государ-

ственных органов, обусловили необходимость в радикальном совершенствовании деятельности государственных органов как ключевого звена государственного аппарата и актуализировали проблему отношения к ним и их деятельности со стороны общественности.

На важность учета общественного мнения, в частности по вопросам обеспечения национальной безопасности, указывает содержание п. 59 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, а также ряд иных нормативных правовых актов.

Бесспорная значимость феномена общественного мнения о деятельности государственного аппарата подтверждена исторически и научно. «Глас народа – глас Божий!», – утверждает формула аббата Алькуена, которая характеризует силу и власть общего мнения. Помня об этом, Наполеон не раз повторял, что последнее слово всегда будет за общественным мнением, приговор которого страшнее судебного, так как ни обжаловать, ни отменить, ни проигнорировать его невозможно [1, с. 130].

Понимание динамики развития института защиты чести, достоинства и деловой репутации должностного лица государственного органа как правового явления, имеющего богатую историю формирования и развития, важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Именно оно дает возможность прогнозировать тенденции трансформации названного института, своевременно корректировать, в том числе и законодательно, вектор дальнейшего формирования положительного имиджа государственных органов, профессионально-должностной репутации их должностных лиц.

Историю формирования и развития института защиты чести, достоинства и деловой репутации в постсоветских государствах принято рассматривать в разрезе шести этапов [2, с. 160]. Вместе с тем с учетом особенностей развития белорусского государства в историко-правовой системе функционирования института защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц государственных органов полагаем целесообразным выделить пять этапов.

Первый этап – средневековый (XI–XV вв.) – связан с зарождением законодательства о чести. Юридической категорией, которой в данный период времени характеризовалось понятие чести, является «обида». Под последней понимался физический или материальный ущерб лицу.

Правовые нормы в рамках института обиды допускали месть со стороны оскорбленного лица. В частности, в соответствии с нормами Русской Правды оскорбительными для чести являлись такие действия, как удар палкой, жердью, ладонью, вырывание усов или бороды. Однако Русская Правда не вменяла действий, опасных для жизни, но совершен-

ных в случае необходимой обороны или в раздражении оскорбленной чести, например, удара мечом, нанесенного в ответ на удар палкой, «не терпя противу тому» [3]. В Русской Правде также особое внимание уделялось чести людей, «постоянно имеющих при себе наготове меч», т. е. представителей военного, служащего сословия.

Второй этап – раннемонархический (XVI–XVII вв.) – отмечается появлением и развитием такого понятия, как «бесчестье», означавшего нарушение состояния человека, как физического, так и духовного. Этот институт развивался в таких исторических нормативно-правовых актах, как Судебник Ивана IV (1550 г.), Судебник 1589 г., Соборное уложение 1649 г.

Важно заметить, что по Судебнику Ивана IV честь и достоинство различных сословий характеризовались по-разному, в зависимости от занимаемого лицом положения в обществе: чем выше статус, тем выше наказание за бесчестие. Здесь примечательно, что наибольшее наказание предусматривалось за бесчестие бояр, находившихся на государственной службе (кормлении), а также полатных и дворцовых дьяков. Однако уже в Соборном уложении 1649 г. наказание прямо зависело и от сословия оскорбляемого, и от сословия оскорбителя.

Третий этап в истории развития рассматриваемого института получил название монархического. Его периодизация ограничивается XVIII – началом XX вв. Данный этап связан с формированием органов, выполняющих функции поддержания правопорядка в государстве, и, в частности, полиции. Он характеризовался юридическим оформлением таких институтов, как «клевета» и «оскорбление».

В это время активно развивается система санкций за подобные преступления, притом наказания могли назначаться как на основании уголовного, так и на основании гражданского законодательства. Важным аспектом данного этапа развития рассматриваемого института выступает появление особого наказания за оскорбление и клевету в отношении «порядка управления» и лиц, его выполняющих, в том числе жандармов, полицейских и иных чиновников [2, с. 163].

В законодательных актах начала XVIII в. появляется новый состав преступления против чести человека – «наветные и поносные слова», к которым относились «матерная брань», «смрадные и особливо злобственные слова» [5, л. 48].

Артикул краткий характеризуется появлением такого нового состава преступления, как клевета.

В Манифесте от 21 апреля 1787 г. «О поединках» впервые определяется суть оскорбления как преступного деяния: «Оскорбление или обида есть: буде кто кого вредит в праве или по совести, как-то: порочит, поклепит, пренебрежет, уничижит или задерет» [6].

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, от 20 ноября 1864 г. устанавливал уголовную ответственность за оскорбление низших должностных лиц государственных учреждений (чиновников судебных, правительственных мест, полицейских и др.) при исполнении ими служебных обязанностей [7, с. 398–399]. Однако уже в проекте Уголовного уложения 1903 г. наказания отменялись в случае взаимных оскорблений, но между тем предусматривались исключения из этого правила – законом при оскорблении полицейских и иных стражей при исполнении ими служебных обязанностей или в связи с их исполнением (по поводу их).

Четвертый этап – советский (1917–1991 гг.). Этот период связывают с формированием советской государственности. В условиях формирования советской государственности, создание и развитие советской милиции сопровождалось появлением значительного числа правовых норм, направленных на защиту сотрудников милиции от преступных посягательств различной направленности, в том числе от посягательств на их честь и достоинство. Интерпретация юридических категорий «честь», «достоинство» и «репутация» в данный период происходила с идеологических позиций. Ввиду отсутствия рыночных отношений понятие «деловая репутация» на протяжении этого этапа не применялось.

В Уголовном кодексе 1928 г. устанавливалась ответственность в виде лишения свободы на срок не менее шести месяцев за оскорбление представителя власти при исполнении им своих служебных обязанностей [8, с. 128–162].

Пятый этап – современный (с 1992 г. по настоящее время) – связан с формированием Республики Беларусь как унитарного демократического социального правового государства, трансформацией его социальных, экономических и юридических институтов. В этот период наблюдаются активные процессы трансформации институтов чести, достоинства и деловой репутации. Под честью стала пониматься социально значимая положительная оценка лица со стороны общественного мнения, под достоинством – самооценка лицом своих моральных, профессиональных и иных качеств, а под деловой репутацией – сложившееся общественное мнение о профессиональных достоинствах и недостатках лица (гражданина или организации).

Современное законодательство охраняет честь, достоинство и деловую репутацию государственных органов и их должностных лиц посредством регламентации и реализации мер как уголовной ответственности, так и административной.

В соответствии со ст. 23.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Оскорбление должностного лица

государственного органа при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе, – влечет наложение штрафа в размере от двадцати до пятидесяти базовых величин» [4]. При этом если при отсутствии квалифицирующих признаков оскорбление должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий влечет административную ответственность, то такое же действие, совершенное публично, квалифицируется по ст. 369 «Оскорбление представителя власти» Уголовного кодекса Республики Беларусь, санкция которой предусматривает ограничение свободы на срок до трех лет [9].

Однако необходимо принимать во внимание наличие законодательно урегулированной системы средств гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц: в современных условиях государственные органы и их должностные лица кроме их защиты посредством административной, либо уголовной ответственности, могут защищать свою честь, достоинство и деловую репутацию путем подачи гражданско-правового иска, приобретая при этом право на возмещение морального вреда.

Резюмируя вышеизложенное, важно отметить следующее. Ретроспективный анализ правового регулирования отношений в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц государственных органов свидетельствует, что рассматриваемый институт имеет многовековую историю. Исторически обусловленной закономерностью развития указанного института является то, что основными отраслевыми средствами такой защиты традиционно выступали нормы уголовного законодательства. Современная система правовых средств защиты чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц государственных органов включает меры административно-правовой, уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности. При этом отраженная в средствах массовой информации и иных публикациях по теме исследования информация о совершаемых в отношении должностных лиц государственных органов такого рода деяниях и мер ответственности за них дает возможность вести речь о том, что именно административная ответственность за посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию должностных лиц государственных органов приобретает в современных условиях роль основополагающего отраслевого средства противодействия таким посягательствам.

1. Основы идеологии белорусского государства : учеб. для вузов / С.Н. Князев [и др.] ; под. общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 690 с.

2. Батхаев, В.В. Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел: история становления и современное состояние / В.В. Батхаев, А.В. Егоров // *Вопр. рос. и междунар. права*, 2017. – Т. 7. – № 2А. – С. 160–169.

3. Ключевский, В.О. Полный курс лекций по истории России [Электронный ресурс] / В.О. Ключевский. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/in-dex.html> (дата обращения: 01.03.2018).

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

5. Матросова, М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Е. Матросова. – М., 1997. – 211 л.

6. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года [Электронный ресурс] / Тихоокеан. гос. ун-т: офиц. сайт. – Режим доступа: <http://old09403.khstu.ru/studentsbooks/othistory/historyist/magistrat.htm>. – Дата доступа: 01.03.2018.

7. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1994. – Т. 8. – 496 с.

8. Уголовное законодательство СССР и союзных республик : сборник (основные законодательные акты) / под ред. Д.С. Карева. – М. : Госюриздат, 1957. – Т. 1. – С. 128–162.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.35(470)(09)

Е.Л. Рыжий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *А.И. Мурашко*

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент *С.Ф. Лапанович*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рассматриваются становление и развитие системы борьбы с коррупцией в Российской империи, а также раскрываются основные виды ответственности в разные исторические периоды.

Развивающаяся коррупция в Российской империи, поражавшая своими изощренными методами и формами, заставляла правителей того времени вставать на активную борьбу с ней. Первым, кто попытался активно пресекать расхищение государственной казны, был Иван Грозный, который определил взяточникам наказание – смертную казнь. В Российской империи первым документом, который запрещал коррупцию, считалась Псковская судная грамота, затем начали появляться Судебники. Причем если Судебник 1497 г., запрещая взятки (ст. 1, 33, 38, 43, 65, 67), еще не устанавливает ответственности за такое преступление, то Судебник 1550 г. впервые намечает состав преступления против правосудия, а именно вынесение неправильного решения в результате получения взятки, т. е. умышленное неправосудие (ст. 3–5, 8–11, 32–33, 39, 42, 53, 74) [1]. Как видим, взяточничество наказывалось лишь в связи с преступными действиями и влекло, помимо возмещения тройной суммы иска, уголовное наказание, которое, в соответствии с феодальным правом привилегий, различалось в зависимости от субъекта преступления и было тем выше, чем ниже судебный чин [2].

Иногда население реагировало жестокими бунтами против лихоимства нечестных властителей. Так, в 1648 г. во время правления Алексея Михайловича Тишайшего в Москве вспыхнул народный бунт, который закончился победой горожан. При этом часть города вместе с немалым числом его жителей сгорела. Царь был вынужден отдать на растерзание толпы двух воров: главу Земского приказа Плещеева и главу Пушкарского приказа Траханиотова [3].

В рассматриваемый период основным документом, который содержал в себе меры борьбы со взяточничеством, было Соборное уложение 1649 г. Исходя из норм данного уложения уголовная ответственность за взяточничество наступала в сфере правосудия. Однако необходимо отметить, что, в отличие от предыдущих актов, Соборное уложение 1649 г. содержало упоминание не только о взяточнике, но и о посреднике, а также мнимой взятке (ст. 7–9) [4].

Множество проявлений хищений и взяточничества со стороны чиновников, интересы которых не совпадали с общегосударственными и тем более с интересами самого императора, вынудили Петра I создать Тайную полицию. Тайная полиция фактически являлась первым специализированным надзорным органом в России. Указом от 22 февраля 1711 г. Петром I был создан Сенат – высший государственный орган управления, при котором была учреждена служба фискалов и Тайная полиция, созданная для борьбы с коррупцией в России. Главой фискалов, которые занимались доносами по факту коррупционных действий, был обер-фискал, подчинявшийся лично царю. Важно отметить, что в

обязанности фискалов входило тайно узнавать и высматривать, не занимается ли кто из чиновников злоупотреблением при сборе налогов, а также как проходят суды и правильно ли они судят [5, с. 92]. Обо всех коррупционных нарушениях обер-фискал докладывал лично Сенату. Если донос был верным и факт коррупции подтверждался, то чиновника наказывали штрафом или отбирали у него имущество. Этот штраф (или имущество) делился поровну: половина шла в государственную казну, а половина доставалась обер-фискалу за хорошую службу. За ложный донос или ошибку обер-фискал никак не наказывался, потому что оболганные им люди боялись жестокого наказания со стороны обер-фискала и не могли добиться ни его наказания, ни снятия с должности.

Позже были созданы провинциал-фискалы, работающие на обер-фискала. В их задачу входили:

- 1) контроль за исполнением решений на местах;
- 2) уменьшение случаев коррупции.

Для этого они должны были тайно следить и доносить обо всех злоупотреблениях своим положением как высших, так и низших чиновников, преследовать казнокрадство, взяточничество, принимать доносы от других лиц. Фискалы выполняли свою работу и активно привлекали обычных людей к содействию их работе. Таким образом, на Руси каждый стал доносить друг на друга, потому что это было официально закреплено в государстве, за честный донос полагалась большая награда. Однако сами фискалы были неоднократно уличены в коррупции, они брали взятки за то, чтобы они не доносили о факте коррупции. Тем самым Петр, создав в России отделение, которое должно было бороться с коррупцией, еще больше усугубил коррупционную ситуацию в стране. Таким образом, можно констатировать, что методы борьбы с коррупцией, применяемые в начале XVIII в., оказались малоэффективными, взяточничество со стороны чиновников продолжалось, количество фактов его совершения увеличивалось, что привело к плачевному состоянию государственной казны. Однако на законодательном уровне рассматривались правовые средства борьбы с коррупцией.

Так, Указом от 23 августа 1713 г. Петр I ввел наряду с получением взятки уголовную ответственность за дачу взятки. Указ гласил: «Для предотвращения впред подобных явлений велю как взявших деньги, так и давших положить на плаху, и от плахи подняв, бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов с женами и детьми и объявить во все города, села и волости: кто сделает это впред том быть в смертной казни без пощады» [6, л. 103]. Данный указ также не повлиял на уменьшение коррупционных проявлений.

В целях предупреждения взяточничества и других корыстных злоупотреблений Петр I вводит новый порядок прохождения службы для воевод: ограничение нахождения на должности более двух лет.

В 1715 г. был принят Артикул воинский, в котором впервые в истории российского права была реализована попытка систематизации уголовно-правовых норм. В нем, например, были описаны такие должностные преступления, как злоупотребление властью в корыстных целях (арт. 194), взяточничество (арт. 184), подделка печатей и документов (арт. 201), срывание указов (арт. 203), принесение лжеприсяги (арт. 196) и лжесвидетельство (арт. 198), за которые грозило наказание в виде смертной казни, телесных наказаний и тюремного заключения [7]. Более широкий перечень случаев превышения и злоупотребления властью содержался в гл. 50 Генерального регламента коллегий (1720 г.), включающей в себя меры взыскания и поощрения за службу.

Проводя анализ исторических документов, можно отметить, что Петр I старался искоренить коррупцию и навести порядок в государственном аппарате. Однако принятых им мер было недостаточно.

В середине XVIII в. одним из наиболее действенных методов борьбы с коррупцией оказался системный метод. Он предполагал одновременное проведение трех видов деятельности, направленных на борьбу с коррупцией: карательная, предупредительная и восстановительная. Карательная деятельность предполагала жесткую систему наказаний для чиновников, уличенных во взяточничестве и лихоимстве.

В годы правления Екатерины II системный подход не воплощался полностью. Преимущественно к чиновникам, которые были уличены во взятке, применялись только правосстановительные и предупредительные меры (например, широко использовалось опубликование указом фамилий лиц, изблеченных в коррупции; лишение чинов и должностей коррупционеров), что опять же полностью развязывало руки чиновникам, которые продолжали воровать, ощущая безнаказанность за свои действия. Была разработана целая система внешне привлекательных правосстановительных мер: внесение виновными в коррупции в двукратном размере материальных средств, полученных в результате актов подкупа-продажи в пользу сирот питательных и богоугодных учреждений; взыскание расходов по содержанию следственной комиссии по делам коррупционеров с их собственного имущества [8, с. 10].

Однако это не значит, что карательная деятельность отсутствовала вовсе. Она применялась, но крайне редко. В данный период методы борьбы с коррупцией были также малоэффективны, потому что на коррупционную борьбу отправляли тех, кто сам не раз был уличен в этом деле. Начали развиваться коррупционные связи, которые образовали

сформированную горизонтальную и вертикальную системы взяток. Так, в России формировался один из важнейших принципов бюрократического управления – круговая порука.

Малоэффективность методов борьбы с коррупцией отмечалась и в последующие годы: судили лишь малую часть тех, кто попался на взяточничестве. Безнаказанность вновь начала порождать коррупцию, которая охватила к тому времени не только высшие чины государства, но и самые низшие из них.

Применительно к рассматриваемому периоду показательна произведенная всесловным представительным законодательным органом оценка ограниченности избранного вида деятельности (правосстановительного) по борьбе с коррупцией. В 1767 г. было принято решение об установлении смертной казни за взяточничество, однако верховная власть его не одобрила [9, с. 76].

Таким образом, власть Российской империи полностью отвергала увязку предупредительных и правосстановительных мер, ввиду их неэффективности. Такой принцип был отражен в Уставе благочиния 1782 г. Этот устав был направлен на раннее предупреждение коррупции и ее пресечение. Было принято решение вернуть классический системный подход из трех составляющих (правосстановительная, предупредительная и карательная деятельность) по борьбе с коррупцией, как наиболее действенный и эффективный метод.

В 1826 г. при общем собрании Санкт-Петербургских Департаментов Сената был учрежден особый комитет, который занимался разработкой замыслов по борьбе с коррупцией. Данным комитетом была разработана система наказаний за взяточничество и лихоимство, которая предполагала следующие наказания за коррупцию (расположение наказаний в их системе: от самого строгого к более мягкому):

- 1) смертная казнь;
- 2) лишение прав гражданских или политическая смерть с вечным заключением в каторжную работу;
- 3) лишение прав гражданских со ссылкой в Сибирь на поселение;
- 4) лишение прав гражданских и политических и изгнание из государства;
- 5) лишение чести, выставка у позорного столба с надписью: взяточник или вор государственный;
- 6) лишение прав гражданских с оставлением на месте жительства под присмотром полиции;
- 7) лишение чести и срочное заключение в тюрьму;
- 8) срочное заключение в тюрьму;
- 9) отрешение от должности навсегда и недопущение к выборам;
- 10) временное отрешение от должности;

11) выговор перед судом и возмещение убытков;
12) временный арест без удаления от должности и взыскание взятого в приказ общественного призрения с отметкою в послужном списке [6, л. 178].

В 1826 г. сенатор Корнилов по собственной инициативе разработал меры предупреждения лихоимственных преступлений. Они включали: сбор достоверных сведений об имущественном положении чиновников;

установить извещения с почтовых отделений о каких-либо пересылках денег и вещей от чиновника к чиновнику;

билеты от казенных мест, где выдают деньги, должны быть не бумажные, дабы корыстолобивцы не могли скрыть свое имущество [10, л. 56].

Такие меры, включенные в общую систему борьбы с коррупцией, предполагали установление негласного надзора за чиновниками, которые подозревались в лихоимстве.

С 1830 г. портреты чиновников-лихоимцев выставлялись на общественное обозрение в людных местах. При этом стоит отметить, что реагирование со стороны специально уполномоченных органов по борьбе с коррупцией на факты ее проявления происходило крайне оперативно.

В 1832 г. был издан Свод законов, который содержал систему антикоррупционных мер. В нем также были разграничены преступления и провинности (проступки), носящие коррупционный характер. За провинности назначались следующие наказания (без уголовной ответственности):

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) опубликование (фамилий изобличенных);
- 4) временный арест;
- 5) устранение на время от должности или удаление от нее [6, л. 57].

За преступления (лихоимство, прием вещей, поставляемых в казну, и т. д.) устанавливались уголовные наказания: от лишения всех прав состояния до ссылки на поселение или в каторжную работу.

Стоит отметить, что ужесточение наказания, быстрое реагирование на проявления коррупции положительно сказались на борьбе с ней: процент установленных фактов лихоимства, взяточничества начал снижаться. Это говорит об эффективности введения системного подхода в общую систему борьбы с коррупцией в начале XIX в. Однако системный метод борьбы с коррупцией был крайне плохо развит в тех проявлениях подкупа-продажи, которые были скрыты или носили характер гражданского оборота. Это означало, что системный подход в борьбе

с коррупцией учитывал только традиционные формы ее проявления и не давал возможности привлечения к ответственности тех лиц, которые сумели обмануть закон.

В 1845 г. появляется первый российский полноценный уголовный кодекс, который назывался «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В нем были прописаны обстоятельства уголовной ответственности чиновника или иного лица, состоящего на государственной или общественной службе, который примет подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем-то другом.

В Уложении 1845 г. подверглись криминализации деяния, органично связанные с коррупцией. Таковыми были признаны противозаконные поступки чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи (ст. 514–517, 519, 523, 527) [8, с. 18].

Новая волна коррупционных проявлений в системе государственной службы накрыла Российскую империю в конце XIX в., когда российские предприниматели стали активно привлекать крупных правительственных чиновников к учреждению акционерных обществ, делая им заманчивые предложения в виде тех или иных должностей в советах и управлениях частных фирм, что привело, в свою очередь, к сращиванию промышленной и финансовой олигархии с представителями правительственной бюрократии [11].

Именно в тот период в целях борьбы с такого рода завуалированным подкупом в декабре 1884 г. Александром III был утвержден Указ «О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях». В соответствии с нормами данного указа лица, находящиеся на государственной службе, не могли совмещать свою должность с участием в учреждении железнодорожных, паровозных, страховых и других торговых промышленных товариществ, а также общественных и частных кредитных ассоциаций. Кроме этого, они не имели права исполнять обязанности поверенных в делах производственных и коммерческих объединений.

До конца XIX в. тактическое направление борьбы с коррупционными проявлениями состояло в применении мер предупреждения, ради исключения прогнозируемых последствий таких проявлений. Конструктивная особенность данной тактики заключалась в осуществлении комплекса организационных и социально-профилактических мер, реализуемых государством при помощи представительных органов власти. Так, проектируемый земским самоуправлением порядок взимания чинами полиции новых денежных сборов с населения неоднократно

отвергался департаментом полиции. Криминологически обоснованной представлялась рекомендация Департамента – осуществлять указанные меры представителям общественной власти [8, с. 25].

Несмотря на достаточно тяжелый путь борьбы с коррупцией в Российской империи, стоит отметить, что некоторые методы и средства борьбы с ней приносили положительные результаты. Проводя исторический анализ XVII–XIX вв., методы борьбы с коррупцией с начала XIX в. были более эффективными, число фактов лихоимства, взяточничества, казнокрадства уменьшилось почти в два раза. Однако здесь стоит отметить и тот факт, что методы проявления коррупции также развивались: они совершенствовались и внедрялись в обиход в обход закона. Дальнейшая борьба с коррупционными проявлениями требовала серьезной корректировки законодательства в данном направлении, которая продолжилась и в XX в.

Анализ исторической литературы дает возможность заметить, что с усилением уголовной ответственности за подкуп, взяточничество, лихоимство снизилось количество фактов установления коррупционных проявлений.

1. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm. – Дата доступа: 17.04.2018.

2. Формирование навыков и умений антикоррупционного поведения у сотрудников и государственных гражданских служащих органов внутренних дел : курс лекций / под ред. А.С. Аверинской [и др.]. – М. : ДГСК МВД России, 2011. – 248 с.

3. Сущность коррупции как социального явления // Основы государственной службы и кадровой политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://isfic.info/gossab/civserv90.htm>. – Дата доступа: 17.04.2018.

4. История противодействия коррупции в российском государстве – период до 1917 года // Коррупция и борьба с ней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=68022>. – Дата доступа: 16.04.2018.

5. Андрианов, В.Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность / В.Д. Андрианов. – М. : Экономика, 2011. – 304 с.

6. Шедий, М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук : 22.00.04 / М.В. Шедий ; Рос. акад. народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2014. – 393 л.

7. Артикул воинский 1715 года // Исторические документы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>. – Дата доступа: 17.04.2018.

8. Астанин, В.В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: развитие системного подхода / В.В. Астанин. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2003. – 92 с.

9. Гольцев, В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. (с приложением статей) / В.А. Гольцев. – М. : Книга по Требованию, 2011. – 208 с.

10. Чуманов, А.В. Правовая политика в сфере противодействия коррупции в России: вопросы теории и истории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Чуманов. – М. : РГВ, 2007. – 80 л.

11. Историческое представление о коррупции и борьба с ней // Коррупция: ее виды и характеристика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/622600/pravo/istoricheskie_predstavlenie_korrupsii_borba. – Дата доступа: 17.04.2018.

УДК 393.985

Е.С. Савенок, В.В. Кравец, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.М. Веремеенко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СЫСКОГО ДЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются проблемы развития оперативно-розыскной деятельности в неразрывной связи с историей становления белорусской государственности. Процесс правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в зависимости от конкретных исторических условий, в которых находилась Республика Беларусь в разные исторические периоды.

Современные исследователи тайного сыска по-разному подходят к принципу систематизации. Мы будем рассматривать становление и развитие оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в зависимости от становления государственности Республики Беларусь в разных исторических периодах. В этой связи можем выделить три базовых периода правового регулирования ОРД:

правовая регламентация ОРД в Российской империи – с XVIII по начало XX в.;

правовое регулирование ОРД в период Союза Советских Социалистических Республик (СССР) – 1918–1991 гг.;

правовое регулирование ОРД в современный период – с 1992 г. по настоящее время.

Для нас повышенный интерес представляет исследование нормативно-правовой регламентации ОРД в XX в. В нем государственное устройство Республики Беларусь претерпевало значительные изменения – царское самодержавие, буржуазно-демократическая республика, СССР и Республика Беларусь. Однако в ходе этих конкретных измене-

ний правовая регламентация сыскной работы отбрасывалась далеко не полностью. Как правило, новые власти в той или иной мере учитывали предыдущий опыт правовой регламентации ОРД.

На первоначальном этапе становления белорусской государственности правоохранительная функция ограничивалась в основном отправлением правосудия, а установлением преступника и поиском похищенного занимался сам потерпевший. Древнерусское право основывалось на иском, частном характере судебного разрешения конфликтов, которых предусматривал под собой то, что человек не только должен был подать жалобу, но и установить преступника и доказать его вину. Обращаясь в княжеский суд, потерпевший должен был сразу указать на виновное лицо. В этой связи не было необходимости в существовании специальных должностных лиц, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений. Однако некоторые ученые считают, что таких лиц можно выделить из представителей княжеской администрации. Упоминаемые в Русской Правде «вирники» не только осуществляли суд и взимание судебных штрафов, но и избивали преступников, осуществляли их розыск. Упоминаемые должностные лица, например, «емец», выполняли функцию поимщика вора, даже назывались первыми сыскными агентами в истории русского права [1, с. 9–10]. Однако с данными мнениями ученых вряд ли можно согласиться, поскольку в памятниках права отсутствует четкое закрепление обязанностей слуг князя, выполнявших судебные функции.

Актуальным остается вопрос о приемах и методах раскрытия уголовных преступлений, используемых в Древней Руси. Основным источником права был такой Свод законов, как Русская Правда [2], именно в ней и были закреплены несколько таких правил, которые можно отнести к числу первых уголовно-процессуальных норм.

Одним из таких правил было осуществление публичного объявления о преступлении – «заклич». Обычно это происходило в каком-либо публичном месте, например на рынке, и заключалось в том, что человек громко и четко говорил остальным присутствующим на рынке людям о том, что у него произошло. Официально это действие можно назвать началом уголовного процесса в те годы. Следующей стадией являлся «свод», суть которого заключалась в обязанности лица, у которого, например, была обнаружена похищенная вещь, указать на того человека, у которого он ее приобрел, вплоть до того момента, пока не будет установлен тот человек, который не сможет сказать, где он взял эту вещь. По своему содержанию «свод» можно сравнить с современной очной ставкой. Более близок к современным оперативно-розыскным методам

третий из числа закрепленных в Русской Правде прием – «гонение следа». Последний заключался в поиске и преследовании преступника. «Заклич», «свод», «гонение следа» ученые называют формами розыска, методами зарождающегося уголовного сыска. Однако более правильно назвать их процессуальными формами раскрытия преступлений, официально закрепленных в Русской Правде.

По мере формирования российской государственности, на территории которой в то время находилось наше государство, состязательный процесс постепенно начинает вытеснять новый порядок поиска и выявления преступников, получивший название розыскного процесса или розыска [3, с. 20]. Сущность розыскного процесса заключалась в том, что он осуществлялся государственными органами по любому известному ими факту, вне зависимости от того, есть или нет жалоба от потерпевшего.

В XIII–XV вв. суд в Российском государстве осуществлял князь, его представители в уездах – наместники, а в волостях – волостетели, которые для исполнения некоторых судебно-исполнительских функций вынуждены были назначать своих уполномоченных лиц, именовавшихся «тиунами», «доводчиками», «неделщиками», «приставами», «праветчиками». При этом должностных обязанностей у них не существовало, и они по поручению князя выполняли различные поручения по раскрытию и расследованию преступлений.

В XVI в. создается система центральных органов управления государством, называемых приказами. Оперативно-розыскные функции всего Российского государства были возложены на Разбойные приказы, просуществовавшие с 1539 до 1701 г. Их создание сопровождалось введением выборных органов управления на местах – губных и земских изб. Они были созданы прежде всего как карательные органы, ведавшие борьбой с уголовной преступностью. К числу основных методов розыскного процесса в XVI–XVII вв. для установления преступника и его вины можно отнести следующие:

«повальный обыск», заключающийся в поголовном опросе местных жителей, проживавших на территории, на которой проходил поиск и розыск преступника, на сегодня его можно сравнить с оперативно-розыскным мероприятием (ОРМ), оперативным опросом, закрепленным в ст. 18 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;

«поличное», заключающееся в изъятии и обнаружении у обвиняемого похищенного имущества и других вещественных доказательств;

личное признание обвиняемого, получаемое под пыткой, либо путем проведения очных ставок с потерпевшим или свидетелем.

В истории становления ОРД нельзя не отметить создание в 1655 г. Приказа Тайных дел, что следует признавать началом зарождения Тайной полиции на территории Российского государства. Основной его функцией был контроль за деятельностью приказов как открыто, так и тайно.

В Соборном уложении 1649 г. можно встретить нормы, закрепляющие некоторые уголовно-процессуальные положения о «сыщиках», одна из задач которых заключалась в розыске беглых крестьян и холопов [4].

С приходом к власти Петра I и его преобразований, направленных на формирование новой государственности, становится более заметно усиление регламентации Тайной полиции, впоследствии названной оперативно-розыскной. Один из первых правовых актов, закрепивших использование таких методов, – Указ от 2 сентября 1695 г., предписавший воеводам в городах «про воров и разбойников проводить тайно всяким мерам». Именно в годы правления Петра I предпринимается попытка ввести Тайную полицию в качестве Тайной канцелярии розыскных дел, восстанавливается институт сыщиков, а также издается инструкция, которая разрешала создавать розыскные команды из военнослужащих.

В период царствования Петра I происходит заметная переориентация деятельности сыщиков от общеуголовной к государственным и должностным преступлениям. К борьбе с государственными преступниками в большей мере применяют тайные методы, для юридического закрепления данных методов Петр I издает в 1701 г. Преображенский приказ.

В 1711 г. Петр I издает фискальную службу для борьбы с казнокрадством, мздоимством, лихоимством, он предписывал за всеми государственными делами тайно присматривать. Фискалы были призваны оберегать казну путем вербовки агентуры, а также с помощью оперативно-розыскных методов выявлять взяточников и казнокрадов.

В реформах Петра I важное место отводилось созданию регулярной полиции, начало которой было положено учреждением полицейской канцелярии в Петербурге. Однако борьба с общеуголовной преступностью не являлась главной задачей полицейских органов, что следует из анализа содержания Указа от 25 мая 1718 г. Он показывает, что в работе полиции внимание уделялось надзору за благоустройством и санитарией, а также профилактике пожарной безопасности. Однако принимаемые в последующем законодательные акты наделяли полицию кругом широких полномочий по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, что превращало ее в карательно-правоохранительный орган.

В 1802 г. в результате реформы государственного управления были созданы министерства, в том числе и Министерство внутренних дел (МВД), что объединило полицию в общегосударственном масштабе. Однако на МВД были возложены правоохранительная функция, решение вопросов административно-хозяйственных дел: благотворительные, почтовые, продовольственные и др. В связи с этим в 1810 г. снова выделено отдельное Министерство полиции, где была создана более организованная структура органов для политического сыска – Особенная канцелярия, но отдельный орган уголовного сыска не выделялся.

Со второй половины XIX в. и до начала XX в. отмечают две волны преобразований розыскной работы. Если важной причиной первой волны преобразований являлась крестьянская реформа 1861 г., то вторая была вызвана желанием Александра II положить конец беспределу злоумышленников, которые стремились поколебать общественный и государственный строй. Таким образом, совершенствование правовой регламентации сыскной работы проходило под знаком разработки более жестких и действенных методов борьбы со злоумышленниками и нарастающей революционной деятельностью.

На структуру и функциональное устройство полиции повлияла судебная реформа 60-х гг. XIX в. Создан институт судебных следователей и функция предварительного следствия была полностью им передана, из числа уголовно-процессуальных функций в полиции осталась лишь обязанность проведения дознания. Вводя в юридическую практику такое понятие, как дознание, законодатель заложил в него двойной смысл. Под дознанием понимались меры по сохранению доказательств и неотложные следственные действия до прибытия судебного следователя и осуществление негласного розыска. При этом в комментарии к Уставу уголовного судопроизводства эти два порядка проведения дознания не должны смешиваться, поскольку способы действия полиции в том и другом случае очень различны.

В ст. 254 Устава уголовного судопроизводства при производстве дознания полиция могла собирать нужные ей сведения «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением». Исходя из анализа этой статьи можно сделать вывод, что в ней предпринята попытка раскрыть содержание понятия дознания как негласной деятельности полиции.

Необходимо отметить, что розыск выделялся как самостоятельная форма участия полиции в раскрытии преступлений, заключающаяся в скрытом и тайном установлении преступника.

В 1866 г. впервые в России в полицейском управлении Петербурга была учреждена сыскная полиция, на которую возлагались предупред-

ждение и раскрытие преступлений с использованием специальных методов и средств.

Сыскное отделение в то время было крайне малочисленным и состояло всего из 22 штатных сотрудников, которые находились преимущественно в центральном управлении. Столь малочисленный личный состав не мог обеспечить возложенные сыскные задачи. В таких условиях агенты сыскной полиции могли заниматься раскрытием убийств и особо тяжких преступлений. При совершении краж, грабежей, мошенничеств их раскрытием занимались участковые приставы общей полиции. Лишь в 1887 г. штат сыскной полиции состоял из 102 человек, агентам был увеличен должностной оклад.

Создание сыскной полиции дало толчок развитию не только оперативно-розыскной функции, но и учетно-регистрационной работе. Уже в первые годы деятельности сыскной полиции было собрано 20 тыс. справок о судимых лицах. Увеличение штата сыскной полиции позволило создать антропометрическое бюро и фотокабинет, где находились все регистрационные карточки преступников с фотографиями.

Опыт работы первых сыскных отделений убедительно доказал свою более высокую эффективность по сравнению с общей полицией.

Для нас большой интерес представляет факт о том, что еще в XX в. уголовный розыск, важнейшая часть ОРД, был урегулирован Законом от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части». Именно в соответствии с этим законом в 89 городах по всей Российской империи были организованы полицейские управления для производства розыска по делам общеуголовного характера в городах, а в уездах – сыскные отделения.

В 1905–1906 гг. МВД была проведена работа по подготовке законопроекта, предусматривающего выделение ОРД в самостоятельную функцию и создание для ее реализации централизованной системы органов сыскной полиции. Государственная Дума, рассмотрев законопроект, приняла 6 июля 1908 г. Закон «Об организации сыскной части», который стал юридической базой создания единой государственной системы органов уголовного сыска. Впервые оперативно-розыскная деятельность выделена на законодательном уровне.

Для руководства деятельностью сыскных органов в МВД в 1908 г. было создано 8-е делопроизводство, в задачи которого входили разработка методических документов по организации деятельности отделений сыскной работы, создание центрального регистрационного бюро, научно-техническое обеспечение розыска и организация обучения кадров. Однако управленческие функции 8-го делопроизводства были

весьма ограничены, поскольку вся административная система государства на местах замыкалась на губернаторах, являющихся высшей полицейской властью на всей территории. Исторический анализ показывает, что после принятия вышеуказанного закона в России сложилась весьма своеобразная полужцентрализованная система общеуголовной полиции. С одной стороны, МВД обеспечивало централизованное финансирование деятельности сыскной полиции, а 8-е делопроизводство выполняло функции методического руководства. С другой – деятельность сыскных подразделений была основана на полном подчинении местным властям и ограничении сферы полномочий обслуживаемой территории. Конечно, далеко не все возникающие в деятельности сыщиков общественные отношения были поставлены тогда в законные рамки. Тем не менее в названном законе не только определялись субъекты ОРД, но и устанавливались рамки и правила осуществления данной деятельности.

Во время нахождения территории нашей страны в составе СССР в оперативной работе можно выделить несколько этапов.

Первый этап – с середины 1918 г. до 1927 г. – период становления и возникновения ОРД в советский период. Точную дату отсчета этого периода достаточно сложно установить, однако принято считать, что начало ОРД в СССР началось с решения Президиума ВЧК в феврале 1918 г. и лишь спустя несколько месяцев органы ВЧК начали устанавливать скрытое наблюдение за антисоветскими партиями.

Субъектами ОРД являлись органы ВЧК – ГПУ при НКВД, РСФСР – ОГПУ при СНК СССР и оперативно-розыскные подразделения рабоче-крестьянской милиции НКВД. Следует отметить, что до октября 1918 г. центрального аппарата уголовного розыска вообще не существовало, а руководителями оперативно-розыскных органов являлись руководители местных Советов. Впоследствии в 1922 г. уголовный розыск был выделен из органов милиции, им руководил начальник уголовного розыска республики.

В это время происходит трансформация взглядов на негласные методы работы – от попыток воплотить на практике принцип «цель оправдывает средства» и направить деятельность субъектов ОРД на борьбу с контрреволюционерами до реализации нормативно-правовых установок по осуществлению негласного надзора за антисоветскими политическими партиями, группами и лицами.

Объективными факторами, повлиявшими на данные преобразования, являлись следующие:

совершение Великой Октябрьской социалистической революции;

Гражданская война и разруха в стране, разгул преступности и бандитизма;

слом системы сыска, сложившегося в предыдущий период;

образование в 1922 г. СССР и т. д.

Второй этап – с 1928 по 1953 г. Со второй половины 20-х гг. организационно-правовые изменения в органах, осуществляющих ОРД, были подчинены интересам становления и развития авторитарного политического режима, точкой отсчета данного этапа негласной работы выбрано оформление ужесточения карательной политики путем изменения УК РСФСР. Среди предпосылок перехода на данный этап правового регулирования ОРД следует выделить усиление влияния диктата И.В. Сталина в Коммунистической партии и в государстве в целом.

Субъекты осуществления ОРД на данном этапе – ОГПУ и рабоче-крестьянская милиция, КГБ, проводилась и единая работа специальных служб и правоохранительных органов. Например, постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. образован общесоюзный Народный Комиссариат внутренних дел.

Среди документов, регулирующих ОРД, в рассматриваемый период, назовем постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 г. «О разделении Наркомата внутренних дел на два наркомата».

Среди объективных факторов, повлиявших на содержание данного этапа, можно выделить следующие:

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.;

начало «холодной» войны;

распоряжения И.В. Сталина об усилении классовой борьбы в ходе строительства социализма;

массовая насильственная коллективизация и наличие партийной установки на борьбу с кулачеством;

перевод в 1940 г. работы органов уголовного розыска с территориального принципа на линейный и т. д.

Третий этап – с 1954 г. по середину 70-х гг. В этот период происходит постепенный отказ властей от порочной практики нарушения прав граждан при осуществлении ОРД, которые прослеживаются на втором этапе. В январе 1953 г. выходит постановление ЦК КПСС «Об органах МГБ», в соответствии с которым органы госбезопасности были в очередной раз отделены от ОВД.

Субъектами осуществления ОРД являлись МГБ – КГБ при СМ СССР и МООП – МВД СССР.

Факторы, повлиявшие на установление точек отсчета данного этапа, следующие:

смерть И.В. Сталина;

проведение широкой амнистии большой группы осужденных за общеуголовные преступления;

борьба с бандитизмом;

проведение судебной реформы конца 1950-х гг. и т. д.

Четвертый, и соответственно заключительный этап советской истории, – середина 1970-х гг. – август 1991 г. Это период стабилизации правового регулирования ОРД. Точкой отсчета данного периода выбран отрезок времени между принятием МВД СССР Наставления по агентурной работе милиции и в КГБ Инструкции «Об оперативном учете в органах государственной безопасности».

Субъектами осуществления ОРД являлись ОВД и органы государственной безопасности.

Следует отметить также особенности правового регулирования ОРД на данном этапе:

продолжается ведомственная разобщенность нормативно-правовых актов единой сыскальной работы;

обилие внутриведомственных нормативных актов, порой по-разному регулирующих сходные ситуации ОРД;

отсутствие единой нормативной регламентации по проверке заявлений и сообщений и т. д.

Исходя из перечисленных этапов становления и развития ОРД в разные исторические периоды можно сделать вывод о том, что нормативно-правовая регламентация ОРД зависела в первую очередь не из складывающейся преступной обстановки в стране, а из государственно-политического становления. Имеется возможность проанализировать эволюцию нормативно-правового регулирования ОРД, ее форм и методов.

1. Власов, В.И. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование) : монография : в 2-х ч. / В.И. Власов, Н.Ф. Гончаров. – Домодедово : РИПК работников МВД России, 1997. – 304 с.

2. Русская Правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://his95.narod.ru/rus_pr2.htm. – Дата доступа: 29.09.2018.

3. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – 4-е изд. – Санкт-Петербург : СССР. Тип. Изд. «Обществ. польза», 1912 г. – Т. 1 : Курс уголовного судопроизводства. – 579 с.

4. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hrono.info/dokum/1600dok/1649_00.php. – Дата доступа: 28.09.2018.

А.В. Скоробогатый, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются научные подходы к содержанию и структуре оперативно-розыскной характеристики преступлений. Предлагаются структурные элементы оперативно-розыскной характеристики организованной преступности.

Обзор специальной литературы, посвященной изучению оперативно-розыскной характеристики (ОРХ), показывает, что наибольший интерес исследователей представляет информация, отражающая уголовно-правовой, уголовно-процессуальный, криминологический, криминалистический, оперативно-тактический аспекты [1, с. 69–75; 2, с. 8; 3, с. 72–73].

В.М. Аتماжитов считает, что ОРХ – это «научно разработанная система наиболее существенных, типичных для определенной категории преступлений (борьба с которыми отнесена к компетенции оперативных аппаратов) черт, свойств, признаков, отражающихся в объективной действительности. Они динамичны, почерпнуты из различных информационных источников, прежде всего из криминалистической, криминологической, психологической и других видов характеристик» [2, с.8].

По мнению И.И. Басецкого и В.Ч. Родевича, ОРХ представляет собой совокупность гласной и негласной информации о распространенности этого вида преступлений в республике, их характере, особенностях проявления и т. п. [1, с.71].

К.М. Тарсуков и В.П. Шиенок полагают, что ОРХ «представляет собою описание противоправного деяния и тем или иным образом связанных с ним явлений (процессов), как то: криминогенная или криминальная среда, предпреступное поведение и т. д. с целью создания условий (основ) для разработки рекомендаций, применение которых способствует более эффективной борьбе с преступностью» [4, с. 60].

По мнению Д.В. Гребельского, ОРХ представляет собой совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собою, почерпнутых из различных информационных источников (входящих прежде всего в криминалистическую, крими-

нологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений) [3, с. 72–73].

Из приведенных определений можно сделать ряд выводов в отношении содержания ОРХ. Прежде всего в ее состав, среди прочего, входит оперативная информация, т. е. информация, которая не всегда впоследствии может выступать в качестве доказательств в уголовном деле. Это как подтвержденные в ходе оперативной работы сведения о преступной деятельности, так и данные, относящиеся к допреступному поведению.

Учет первых из них необходим для составления объективной картины в сфере борьбы с латентной преступностью, поскольку количество зарегистрированных преступлений этой категории зависит от активности и наступательности правоохранительных органов. При наличии недостатков в управленческих механизмах противодействия латентной преступности официальная статистика, опирающаяся на открытые сведения, будет показывать незначительную или вообще нулевую криминальную активность, хотя фактически она может быть достаточно велика.

Необходимость учета информации о допреступном поведении диктуется спецификой задач, стоящих перед оперативными подразделениями ОВД, обусловленных необходимостью не только реагирования на уже совершенные преступления, но и упреждающего воздействия на преступность.

Наличие в ОРХ анализа оперативной информации позволяет постоянно следить за изменениями в криминальной среде, своевременно получать необходимую информацию о происходящих явлениях и процессах, тем более что многие из них можно определить лишь по косвенным признакам.

Источниками информации, составляющей ОРХ, являются приговоры судов и материалы дел оперативного учета. Это связано с тем, что при расследовании латентных преступлений определенную часть сведений о противоправной деятельности, полученных оперативным путем, реализовать в уголовном деле не удастся. В то же время сведения такого рода могут играть значительную роль для эффективного противодействия преступности и являться важными для составления ее полной ОРХ.

Как уже указывалось, в содержание ОРХ включается информация уголовной, криминалистической, криминологической, психологической и других характеристик [2, с. 8]. Из данного информационного массива в ОРХ включаются лишь необходимые элементы, которые рассматриваются и анализируются с точки зрения задач оперативно-розыскной деятельности.

Рассмотрим это подробнее на примере оперативно-розыскной и криминалистической характеристик преступления. Отдельные исследователи [5, с. 55–57; 6, с. 5–6] отмечают, что оперативно-розыскная деятельность как наука, зародившаяся в недрах криминалистики, недалеко от нее дистанцировалась и в настоящее время. Таким образом, во многом совпадает и назначение разрабатываемых ими информационных моделей (характеристик) преступности. Так, назначение криминалистической характеристики преступлений состоит в совершенствовании процесса выявления, раскрытия, расследования, предупреждения и предотвращения преступлений [5, с. 8; 7, с. 9–10; 8, с. 99–100; 9, с. 53]. ОРХ как категория оперативно-розыскной деятельности используется для выработки рекомендаций по эффективному решению определенных задач данной деятельности, в частности, по оперативному обслуживанию определенного вида (группы) преступлений, по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений.

Как видно, большинство из приведенных видов деятельности относятся к обеим характеристикам. В частности, Р.С. Белкин полагает, что понятие раскрытия преступления, сформировавшееся в теории оперативно-розыскной деятельности, совпадает с целями «конструирования криминалистического определения этого понятия» [5, с. 58]. Тесная связь криминалистической и оперативно-розыскной характеристик проявляется также в проблематике версий, для выдвижения которых данные характеристики используются. Так, Р.С. Белкин обосновывает, что «у следственной и оперативно-розыскной версий – единая природа» [5, с. 61]. Оперативно-розыскная версия, возникшая и подтвердившаяся до возбуждения уголовного дела, ложится в основу следственной версии. Если же оперативно-розыскные мероприятия проводятся по поручению следователя, ведущего расследование по уголовному делу, то оперативно-розыскная версия основывается на следственной версии [5, с. 61–62]. Это сходство обуславливает то, что определенная часть сведений, входящих в криминалистическую характеристику преступлений, включается и в ОРХ.

Поддерживая мнение В.Ф. Ермоловича о том, что назначение криминалистической характеристики состоит, среди прочего, в повышении эффективности выявления и раскрытия преступлений [10, с. 15; 11, с. 32], а также позицию некоторых исследователей о том, что оперативно-розыскная и криминалистическая характеристики во многом совпадают, мы считаем тем не менее, что некоторые особенности оперативно-розыскной деятельности не находят достаточного отражения в криминалистической характеристике. В силу своей специфики оперативно-розыскная деятельность ведется часто в условиях высокой

информационной неопределенности. Если расследование начинается лишь при наличии достаточно определенных поводов и оснований, установленных уголовно-процессуальным законом, то оперативно-розыскная деятельность (в форме оперативного поиска) может проводиться при отсутствии сведений, указывающих на совершенное преступление. Это обуславливает необходимость включения в ОРХ данных, позволяющих сузить диапазон, в котором будет осуществляться поиск возможных признаков совершения преступлений. К ним могут относиться сведения, позволяющие правильно оценить оперативную обстановку и определить направления, в которых будет вестись поиск признаков совершения преступлений, преимущественно латентных видов [12].

Среди исследователей ведется полемика об обоснованности существования ОРХ. Так, Р.С. Белкин высказывал скептическое мнение об обоснованности выделения ОРХ как самостоятельной конструкции, а также о ее научном и практическом смысле [5, с. 63; 13, с. 223]. Тем не менее, говоря об искусственности конструирования ОРХ, ученый в этой же работе признает нерешенность проблемы раскрытия латентных преступлений, «которые остаются необнаруженными не в силу объективных причин, препятствующих их раскрытию, а главным образом потому, что вне поля зрения оперативных преимущественно, но также и следственных аппаратов остаются наличные признаки их совершения» [5, с. 61]. Таким образом, имеется проблема недооценки того факта, что расследование осуществляется лишь после обнаружения (выявления) оперативно-розыскным органом первичной информации о преступной деятельности. И хотя данное направление оперативно-розыскной деятельности имеет важное значение при противодействии латентной преступности, разработке рекомендаций по его наиболее эффективно-му осуществлению уделяется недостаточно внимания. По нашему мнению, выполнению этой функции должна служить ОРХ. Разработка таких рекомендаций выходит за рамки криминалистики (соответственно, криминалистической характеристики), поскольку криминалистика как открытая дисциплина не ориентирована на применяемые в оперативно-розыскной деятельности негласные силы, средства и методы.

Мы согласны с мнением Р.С. Белкина о том, что комплекс сведений о преступлениях, будучи издавна известным, ничего нового не дает. Он приобретает практическое значение лишь в тех случаях, когда между данными сведениями устанавливаются зависимости, позволяющие обоснованно выдвигать версии о преступлении [13, с. 221–222]. На установление таких закономерностей должны быть направлены исследования как криминалистической, так и ОРХ.

Выявление сходства и различий между родственными категориями, какими являются разрабатываемые разными отраслями науки характеристики преступности, позволяет более четко осознать границы исследуемого понятия «оперативно-розыскная характеристика». Различия между оперативно-розыскной и уголовной, криминалистической, криминологической характеристиками обусловлены различиями в предмете наук, изучающих преступность, в их методике. Преступность как социальное явление зависит от множества различных факторов. ОРХ учитывает их путем использования сведений уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминалистического, криминологического и иного характера, что выражает ее комплексность [12, с. 99].

К свойствам ОРХ относится динамичность, которая определяется изменяющимся характером преступности как социального явления. Для того чтобы отражать актуальные потребности противодействия преступности, ОРХ должна учитывать данные ее особенности.

Другим свойством является зависимость от вида описываемой преступности. Те признаки, которые имеют значение для насильственной преступности, могут быть несущественными для латентных форм преступности, и наоборот. Это особенно важно для организованной преступности, затрагивающей самые разнообразные стороны общественной жизни. На этот счет Д.В. Гребельский высказывал мнение о том, что ОРХ зависит от характера преступлений и поэтому «может дополняться или обходиться без некоторых элементов» [3, с. 73].

ОРХ имеет не только практическое, но и научное значение. Научная категория «оперативно-розыскная характеристика» не идентична аналогичному термину, служащему для решения практических задач. Как категория, имеющая практическое значение, ОРХ содержит лишь те признаки, которые имеют актуальность в противодействии преступности в текущий период. Научная категория «оперативно-розыскная характеристика» должна охватывать наиболее широкий круг признаков, имеющих значение для выработки рекомендаций в настоящем и будущем. Это связано с необходимостью выработки наукой новых направлений противодействия преступности, а также с ее прогностической функцией. Таким образом, ОРХ в научном понимании представляет собою каркас, матрицу, из которых практикой выделяются лишь значимые, актуальные в свете сложившейся обстановки элементы.

Обратимся к вопросу о содержании ОРХ организованной преступности. Выше уже указывалось, что в ОРХ следует включить уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, криминологические, криминалистические и оперативно-тактические аспекты [1, с. 71; 3, с. 73; 4, с. 60; 12, с. 99]. Помимо сведений иных наук ОРХ организованной преступ-

ности будет включать в себя специфические для теории оперативно-розыскной деятельности сведения, в том числе оперативно-тактического характера.

Основываясь на исследованиях отечественных [7, с. 10–31; 12] и российских ученых [5, с. 269–285], можно предложить следующую структуру ОРХ организованной преступности:

способ подготовки и совершения преступления, сокрытия его следов и уклонения преступников от уголовной ответственности;

следы (как материальные, так и идеальные) совершенного преступления, подлежащие фиксации оперативно-розыскным путем, их носители (материальные объекты, люди) и места обнаружения;

обстановка приготовления, совершения преступления (время, место), а также после его окончания;

особенности личности преступника;

групповой характер преступления, распределение ролей;

личность потерпевшего (характеристика жертвы);

мотивы и цели совершения преступлений;

закономерные взаимосвязи между перечисленными компонентами.

Представляется, что в состав ОРХ должны входить признаки, на основании которых можно судить о наличии латентной преступности определенного вида (группы) и определить оптимальные направления деятельности по выявлению данных преступлений.

С учетом проведенного рассмотрения предлагается следующее определение. ОРХ – это основанная на анализе негласной и гласной информации о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях и причастных к ним лицах информационная модель, использующая значимые в оперативно-розыскной деятельности сведения с целью определения наиболее оптимальных направлений противодействия отдельным видам преступлений с учетом особенностей оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Предлагается следующая структура ОРХ организованной преступности: способ подготовки и совершения преступления, сокрытия его следов и уклонения преступников от уголовной ответственности; следы (как материальные, так и идеальные) совершенного преступления, подлежащие фиксации оперативно-розыскным путем, их носители (материальные объекты, люди) и места обнаружения; обстановка приготовления, совершения преступления (время, место), а также после его окончания; особенности личности преступника; групповой характер преступления, распределение ролей; личность потерпевшего (характеристика жертвы); мотивы и цели совершения преступлений; закономерные взаимосвязи между перечисленными компонентами.

1. Басецкий, И.И. Квартирные кражи: теория и практика борьбы : монография / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 297 с.
2. Основы оперативно-розыскной тактики органов внутренних дел. Общая часть / под ред. В.М. Аتماжитова. – М., 1986. – 243 с.
3. Гребельский, Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений / Д.В. Гребельский // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. / под ред. Л.Н. Викторова, В.А. Образцова, А.А. Эйсмана. – М., 1984. – С. 70–73.
4. Тарсуков, К.М. Анализ теоретического подхода к выработке понятия «оперативно-тактическая характеристика» в теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / К.М. Тарсуков, В.П. Шиенок // Актуальные вопросы получения, оценки и использования информации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Гордуза [и др.]. – Киев : Киев. высш. шк. МВД СССР, 1986. – С. 54–63.
5. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учеб. для высш. и сред. учеб. заведений МВД России / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М. : Новый юрист, 1997. – 400 с.
6. Басецкий, И.И. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел : учебник / И.И. Басецкий, В.П. Шиенок. – Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1994. – 296 с.
7. Ермолович, В.Ф. Расследование преступлений, связанных с наркотическими средствами : учеб. пособие / В.Ф. Ермолович. – Минск : БелНИУФЭ, 1998. – 181 с.
8. Купрейчик, С.К. Понятие и структура криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств / С.К. Купрейчик // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2001. – № 1. – С. 96–101.
9. Федоров, Г. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с наркотиками / Г. Федоров // Суд. весн. – 1996. – № 4. – С. 53–56.
10. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 303 с.
11. Ермолович, В.Ф. Состояние и основные направления исследования проблемы криминалистической характеристики преступлений / В.Ф. Ермолович // Проблемы повышения эффективности первоначального этапа расследования преступлений : материалы науч.-практ. конф., Минск, 30 нояб. 1998 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 1999. – С. 30–36.
12. Харевиц, Д.Л. Актуальные вопросы оперативно-розыскной характеристики преступлений / Д.Л. Харевиц // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2005. – № 1. – С. 99–100.
13. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : НОРМА, 2001. – 237 с.

УДК 613.2 + 614.31

С.Т. Смалько, В.А. Шериунович,

курсанты следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат медицинских наук *Е.В. Лемешко*Рецензент – кандидат медицинских наук, доцент *А.О. Гусенцов*

**ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
РАЦИОНА ПИТАНИЯ КУРСАНТОВ АКАДЕМИИ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Исследуется и анализируется рацион питания курсантов, обучающихся в ведомственном вузе с повышенными физическими и психическими нагрузками. Оценивается уровень сбалансированности их питания в соответствии с физиологическими потребностями человека в питательных веществах и энергии.

Организм человека на протяжении всей жизни постоянно взаимодействует и обменивается с окружающей средой веществом и энергией. Важно понимать, что энергия не может взяться ниоткуда и не может исчезнуть в никуда, она преобразовывается из одного вида в другой. Если поступление энергии в организм человека больше чем ее затраты, то организм начинает накапливать ее избыток.

Здоровое питание – важнейшая составляющая жизнедеятельности человека, с которой связано множество мифов и антинаучных представлений. Основная причина сложившейся ситуации – отсутствие до сих пор обоснованной научной теории о питании. Существует наука о питании больного человека – диетология. В то же время уже сделаны заметные шаги к созданию теории рационального питания с научным обоснованием.

Под здоровым питанием, как правило, понимают правильно подобранный рацион, который отвечает индивидуальным особенностям организма с учетом характера труда, половых и возрастных особенностей, климатогеографических условий проживания [1].

Еще в начале XI в. персидский врач, ученый, философ и поэт Авиценна говорил: «В еде не будь до всякой пищи падок, знай точно время, место и порядок». Рациональный подход к питанию – одно из основных средств поддержания жизни, роста и развития, а также высокой работоспособности человека [2].

Понятие «здоровое питание» неразрывно связано с определением его физиологических норм. Данные нормы являются средними ориентировочными величинами, которые отражают оптимальные потреб-

ности разных групп населения в основных питательных веществах и энергии.

К правилам здорового питания чаще всего относят баланс поступающей и расходуемой энергии; поступление определенных питательных веществ в необходимых соотношении и количестве; режим питания и др.

Питание должно удовлетворять потребность организма во всех необходимых пищевых компонентах: белках, жирах, углеводах, витаминах, воде, минеральных веществах, клетчатке и т. д. Обеспечение этого условия требует четкого планирования пищевого рациона с учетом не только потребности человека, но и его индивидуальных, профессиональных, бытовых особенностей и функционального состояния [1].

Гармоничное развитие сотрудников силовых структур зависит, в том числе, от качества их пищевого поведения.

Проблематике рационального и сбалансированного питания сотрудников силовых ведомств и курсантов, проживающих круглосуточно в казармах, уделяется незаслуженно мало внимания. По данному вопросу в нашей стране практически не проводятся исследования [3].

Важно учитывать, что быт курсантов Академии МВД – это не только обучение, но и несение службы, которое включает занятия со значительной физической нагрузкой, мероприятия по обеспечению общественного порядка, огневую и строевую подготовку. Неотъемлемой частью жизни курсантов являются наряды, дежурства, выполнение хозяйственных работ и иных обязанностей. Физические, эмоциональные, а также интеллектуальные нагрузки курсантов и их продолжительность часто трудно регламентировать. Независимо от времени суток курсанты могут быть подняты по тревоге, вызваны к руководству либо назначены на дежурство. В силу указанных особенностей ритма жизни для курсантов характерны нарушения общепринятых норм чередования периодов бодрствования и сна во времени и несовпадение его с биологическими ритмами (тревоги, дежурства, учения). По сравнению с другими группами населения курсанты и действующие сотрудники силовых структур гораздо чаще испытывают на себе воздействие различных неблагоприятных факторов.

Социальная сторона курсантской службы также имеет свои особенности. Курсанты лишены возможности поменять место и условия несения службы, они не могут выбирать свое окружение, менять режим труда и отдыха, быт и рацион питания, а также объем и режим приема пищи [4].

Принимая во внимание особенности жизни курсантов, нормы их питания и затрат энергии значительно отличаются от норм, применяемых для гражданского населения.

Уровень физического развития имеет большое значение для любого человека, поскольку во многом определяет состояние здоровья и психической уравновешенности человека, его уверенности в себе, а на этой основе и отношения с окружающими. Но когда речь идет о сотрудниках правоохранительных органов, уровень их физической подготовленности приобретает дополнительное, прикладное значение, так как на ее основе формируется множество профессионально значимых качеств. К тому же, основываясь на результатах проводимого ранее анализа состояния здоровья и успеваемости учащихся старшего школьного возраста в школах и гимназиях г. Минска, можно однозначно утверждать, что имеет место прямая зависимость успеваемости курсантов от их здоровья. Данные о состоянии здоровья и успеваемости обучающихся (средний балл) свидетельствуют о том, что в 90 % случаев очевидна зависимость успеваемости от индивидуального здоровья обучающихся – большинство лиц, имеющих невысокие показатели успеваемости (5,3–6,5 балла), также имели нарушения состояния здоровья [5].

Таким образом, сбалансированность питания напрямую связана со здоровьем и физическим состоянием организма. Нельзя недооценивать также значимость питания для успешной реализации себя в своей профессии. Важно помнить, что значимой составляющей развития любого государства является подготовка высококвалифицированных специалистов для всех отраслей его деятельности, в том числе и сотрудников правоохранительных органов, подготовку которых осуществляет Академия МВД.

Изучение фактического питания курсантов позволяет определить адекватность мероприятий по сохранению и укреплению здоровья личного состава.

В связи с вышеизложенным проведено исследование сбалансированности и полноценности фактического питания курсантов 1–4 курсов следственно-экспертного факультета и факультета милиции Академии МВД.

Цель исследования – оценка сбалансированности и достаточности фактического питания курсантов, проходящих обучение и постоянно проживающих на территории Академии МВД.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

изучить основы здорового питания и энергетический баланс организма человека;

проанализировать, как особенности жизни курсантов влияют на их режим питания, физическую активность и энергозатраты;

исследовать состояние фактического питания курсантов;

оценить уровень сбалансированности рациона питания курсантов и соотношение этого уровня с их физиологическими потребностями в основных питательных веществах и энергии.

Источником информации для анализа фактического питания курсантов явились раскладки получаемых курсантами продуктов за период с 1 по 30 ноября 2017 г. с определением их массы, энергетической ценности, содержания в них белков, жиров и углеводов. Среднесуточный состав и энергетическая ценность рационов питания рассчитывались по таблицам химического состава пищевых продуктов.

В приложении к Санитарным нормам и правилам «Требования к питанию населения: нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Республики Беларусь» [6] для мужчин возрастной категории населения «18–29 лет» IV группы населения с повышенной физической активностью (курсанты Академии МВД) указаны следующие нормы потребления питательных веществ в сутки, энергетическая ценность – 3850 ккал; белки – 108 г; жиры – 128 г; углеводы – 566 г.

Ниже приведена таблица исследуемого фактически получаемого рациона питания курсантов 1–4 курсов следственно-экспертного факультета и факультета милиции.

Калорийность и содержание белков, жиров и углеводов в рационе питания курсантов за 1 месяц

Наименование продукта	Масса продукта, г	Калорийность продукта, ккал	Содержание белков в продукте, г	Содержание жиров в продукте, г	Содержание углеводов в продукте, г
Колбасные изделия	980	2518,6	125,4	217,6	14,7
Масло растительное	700	6293	0	699,3	0
Масло сливочное	1400	9254	11,2	1015	18,2
Пшеница	680	2325,6	78,2	22,4	452,2
Гречневая крупа	840	2587,2	105,8	27,7	479,6
Перловая крупа	320	1008	29,8	3,5	214,1
Мука овсяная, 1 сорт	200	684	24,6	12,2	119
Бобовые	120	68,2	54	18,7	448,6
Рис	720	2181,6	7,2	0,1	10,2
Яйцо	600	942	76,2	69	4,2

Наименование продукта	Масса продукта, г	Калорийность продукта, ккал	Содержание белков в продукте, г	Содержание жиров в продукте, г	Содержание углеводов в продукте, г
Макароны	720	2484	82,8	20,9	482,4
Мука пшеничная, 1 сорт	336	1142,4	44,4	8,4	241,8
Картофель	17680	13613,6	353,6	70,7	2881,8
Капуста	2520	630	32,3	2,5	146,2
Огурец консервированный	560	78,4	4,5	0,6	14
Морковь	1400	490	18,2	1,4	96,6
Свекла	1160	487,2	17,4	1,2	102,1
Лук, чеснок свежий	1120	459,2	15,7	2,2	91,8
Томат-соус	168	40,3	1,8	0,3	6,4
Хлеб ржаной	6720	11114,9	443,5	80,6	2298,2
Хлеб пшеничный	4760	12852	493,6	163,7	2354,3
Сухой кисель	360	199,4	0,2	0,1	52,9
Сухофрукты	320	784	7,4	0	188,8
Сахар	1760	7022,4	0	0	1756,5
Чай	33,6	47,9	6,8	1,7	1,4
Кофе со сгущенным молоком и сахаром	84	200,6	13,9	14,4	4,1
Сок фруктовый	1400	644	7	1,4	141,4
Сметана	280	453,6	7,3	42	10,1
Булка	2100	7119	165,9	197,4	1165,5
Творог	840	1419,6	151,2	75,6	25,2
Сыр	280	1019,2	64,4	81,2	0
Мясо	4776	5062,6	964,8	133,7	0
Рыба	2000	3820	360	264	0

Из приведенной таблицы видно, что в рационе питания курсантов преобладают крупы, картофель и хлеб, а молоко, мясо и рыба представлены в недостаточном количестве. Такие важные для процесса пищеварения продукты питания, как свежие ягоды и фрукты, совсем отсутствуют.

В течение месяца каждый курсант получил продукты питания, энергетическая ценность которых составила 99046,5 ккал (среднесуточная энергетическая ценность – 3301,55 ккал), что значительно меньше реко-

мендуемой действующим законодательством нормы потребления питательных веществ в сутки для данной категории лиц.

Всего за один месяц рацион курсанта содержит 3769,1 г белков (среднесуточное количество составило 125,64 г при норме не менее 108 г); 3249,5 г жиров (среднесуточное количество – 108,32 г, тогда как рекомендуемая норма – 128 г жиров); 13822,3 г углеводов (среднесуточное количество – 460,74 г при норме не менее 566 г).

Проанализировав расчеты, стало очевидно, что во избежание нарушения баланса в питании курсантов необходимо учесть, что:

рацион питания курсантов по своему энергетическому содержанию является недостаточным;

потребление жиров и углеводов также ниже нормы, хотя в сфере общественного питания, как правило, количество жиров и углеводов предоставлено в избытке;

в то же время содержание белков в рационе питания достаточное, но ассортимент мясных, рыбных и особенно молочных продуктов явно нуждается в увеличении;

крайне важно включить в рацион питания свежие овощи и фрукты.

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлено, что курсанты Академии МВД, проходящие обучение с повышенными энергозатратами и психоэмоциональными нагрузками, систематически испытывают острый дефицит в полноценном животном белке, витаминах, микроэлементах, пищевых волокнах, полиненасыщенных жирных кислотах на фоне преобладающих простых углеводов и животных жиров, что не способствует поддержанию приемлемого уровня состояния здоровья и физического развития.

К сожалению, для современного общества в целом характерны негативные изменения в состоянии питания. Рацион питания населения не сбалансирован. Для него свойственны избыток или недостаток калорийности, жира растительного происхождения, простых углеводов, а также недостаток в суточном рационе белков животного происхождения, витаминов, минеральных элементов, клетчатки, пектиновых веществ [7]. Такая ситуация оказывает отрицательное влияние на состояние здоровья взрослого и детского населения, являясь благоприятным фоном для развития разных соматических заболеваний [8].

В результате проведенного исследования, а также проделанной подготовительной работы выполнено следующее: изучены основы здорового питания и энергетический баланс организма человека; проанализировано влияние особенностей жизни курсантов на их режим питания,

физическую активность и энергозатраты; исследовано состояние фактического питания курсантов; оценены уровень сбалансированности рациона питания курсантов и его соотношение с их физиологическими потребностями в основных питательных веществах и энергии.

Областью применения полученных результатов исследования выступает учение о здоровом образе жизни, как составляющая образовательного процесса, а также работа ведомственных учреждений образования по обеспечению жизнедеятельности курсантов.

Экономическая значимость заключается в оптимизации расходов, затраченных государством на содержание курсантов, находящихся на государственном обеспечении, социальная значимость – в обеспечении прав обучающихся на здоровое, полноценное и сбалансированное питание. Практическая значимость состоит в содействии здоровому образу жизни и профилактике заболеваний курсантов, что способствует более эффективному образовательному процессу.

Следует заметить, что последнее время в мире люди уделяют меньше внимания культуре своего питания, чем должны. Отмечается его нерегулярность и несбалансированность, что негативным образом отражается на состоянии здоровья граждан и способствует развитию различных заболеваний, а также замедлению темпов роста и развития детского населения [7, 8, 9].

Жизнедеятельность курсантов предполагает быструю адаптацию к меняющимся окружающим условиям, особенно на начальных курсах. Полноценное и сбалансированное питание в этом процессе играет одну из ключевых ролей [10, 11].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что рацион питания курсантов разнообразен, но не сбалансирован по качеству и количеству необходимых питательных веществ. Выявлены дефицит овощей, фруктов, ягод, рыбы и молочных продуктов и избыток круп, макаронных и хлебобулочных изделий. Данный факт может негативным образом отразиться на состоянии здоровья курсантов и их достижениях.

Вышеизложенное указывает на необходимость в разработке должного рациона питания курсантов и изучении его влияния на психические и физические возможности и состояние здоровья курсантов в сравнении с их действующим рационом.

Проведенное исследование имеет актуальность не только в научном, но и в практическом плане. Необходимость перестраиваться в соответствии с меняющимися ситуациями, эффективно действовать в

соответствии со сложившейся обстановкой ставят перед курсантами задачи быстро восстанавливать работоспособность и овладевать умениями оптимизации режима труда и отдыха. Длительное время в качестве основного способа решения названных задач использовался пассивный отдых. Вместе с тем незаслуженно мало внимания уделяли полноценности питания курсантов, не связывая сбалансированность их рациона с успешной адаптацией к новым условиям жизнедеятельности [10, 11].

1. Карпова, Г.В. Общие принципы функционального питания и методов исследования свойств сырья продуктов питания : учеб. пособие : Ч. 1 / Г.В. Карпова, М.А. Студяникова. – Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2012.

2. Дорошевич, В.И. Фактическое питание курсантов, занимающихся по специальности «Физическая подготовка военнослужащих». Пути улучшения / В.И. Дорошевич, Д.И. Ширко, К.В. Мощик // Воен. медицина. – 2011. – № 4.

3. Варейко, А.В. Сравнительная оценка фактического питания курсантов военно-учебных заведений / А.В. Варейко, А.Н. Портков // Актуальные проблемы современной медицины 2004 года : материалы Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых / под ред. С.Л. Кабака, А.С. Леонтьюка. – Минск : БГМУ, 2004.

4. Бацукова, Н.Л. Гигиеническая оценка статуса питания курсантов Минского Суворовского военного училища / Н.Л. Бацукова // Методология гигиенического регламентирования : сб. науч. тр. / БелНИИСГИ МЗ РБ ; под ред. С.М. Соколова, В.И. Талапина. – Минск : БелНИИСГИ, 1999.

5. Черник, В.Ф. Сравнительный анализ успеваемости и состояния здоровья / В.Ф. Черник // Здоровьесберегающие психолого-педагогические технологии и медико-биологические системы оздоровления : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 28 апр. 2014 г. – Барановичи : БарГУ, 2014.

6. Об утверждении Санитарных норм и правил «Требования к питанию населения: нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Республики Беларусь» и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 14 марта 2011 г. № 16 [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 20 нояб. 2012 г., № 180 : в ред. от 24.11.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. Лисицын, Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение : учебник / Ю.П. Лисицын, Г.Э. Улумбекова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2013.

8. Еншина, А.Н. Лечебные, гигиенические и технологические основы организации питания в лечебно-профилактических учреждениях : справочник / А.Н. Еншина [и др.]. – Минск : Медтраст, 1996.

9. Гладкова, Л.П. Гигиеническая оценка питания и здоровья курсантов Ростовского морского колледжа : дис. ... канд. мед. наук : 14.00.07 / Л.П. Гладкова. – Ростов н/Д, 2005.

10. Кузнецов, А.Ф. Интеграция учебной и спортивно-массовой работы по физической подготовке для повышения уровня физической подготовленности курсантов образовательных учреждений МВД России / А.Ф. Кузнецов, В.А. Торопов // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД Рос. Федерации. – 2011. – № 2 (50).

11. Кузнецов, Б.В. Профессионально-адаптационная физическая подготовка как основа успешной образовательной деятельности курсантов вузов МЧС России / Б.В. Кузнецов // Вестн. Воронеж. ин-та МВД Рос. Федерации. – 2013. – № 1.

УДК 343.3

Н.А. Соловьева, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Л. Федчук*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.Н. Крюков*

ТАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

На основе анализа нормативных правовых актов и практики их применения определены выработанные наукой и практикой наиболее целесообразные формы и методы деятельности органов внутренних дел по выявлению, фиксации и реагированию на факты насилия в семье.

Служба участковых инспекторов милиции – центральное звено в системе субъектов профилактики правонарушений, осуществляемой в ОВД. Участковые инспекторы милиции (УИМ) как должностное лицо, ближе всего стоящее к населению, осуществляет на закрепленных административных участках практически все функции профилактики. Так, УИМ ежемесячно проводят анализ оперативной обстановки на обслуживаемых оперативных участках, вносят начальнику подразделения охраны правопорядка и профилактики ОВД предложения по повышению эффективности профилактической работы, осуществляют контроль за своевременным принятием мер руководителями различных организаций по устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, при взаимодействии с иными сотрудниками участвуют в мероприятиях по предупреждению и пресечению правонарушений, нарушающих законодательство. В соответствии с методическими рекомендациями МВД об организации работы ОВД по предупреждению насилия в семье и правонарушений, связанных с потреблением алкоголя, в целях выявления лиц, совершающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, УИМ обязан:

еженедельно изучать единую книгу регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях, а также журнал задержанных и доставленных в дежурную часть за совершение правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений;

ежемесячно изучать материалы проверок по обращениям граждан и должностных лиц, организаций о правонарушениях, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, в том числе тех, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо вынесены постановления о прекращении проверки;

ежемесячно проводить сверки о привлечении граждан к административной ответственности за правонарушения, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, а также в семейно-бытовой сфере;

ежемесячно изучать в инспекциях по делам несовершеннолетних, комиссиях по делам несовершеннолетних информацию о неблагополучных семьях, в том числе о тех, где родители не занимаются воспитанием детей;

ежемесячно запрашивать из сельских (поселковых) исполнительных комитетов, ЖЭСов списки лиц, длительное время не оплачивающих коммунальные услуги, с целью установления лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, и принятия к ним мер;

ежемесячно анализировать сведения о лицах, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, а также о лицах, у которых, в соответствии с решением комиссии по делам несовершеннолетних, отобрали детей;

ежеквартально изучать рассмотренные судами уголовные дела частного и частно-публичного обвинения, в том числе прекращенные за примирением сторон, а также материалы о расторжении брака, разделе имущества, взыскании алиментов;

ежеквартально анализировать в судах и загсах информацию о расторжении браков и проводить сверки в подразделениях по гражданству и миграции ОВД о бывших супругах, которые после расторжения брака проживают на одной площади [1, с. 7].

Организация и тактика выявления семейного насилия – проблема не только милиции, но и общества, государства в целом. В Республике Беларусь вопросы выявления и реагирования ОВД на семейное насилие не выделяются в отдельное производство, организуются на общих основаниях и регламентированы инструкцией о порядке приема, регистрации, рассмотрения и учета ОВД заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях, утвержденной постановлением МВД Республики Беларусь от 10 марта 2010 г. № 55. В соответствии с данной инструкцией сведения о насилии

в семье могут поступить в ОВД в виде заявлений и сообщений о преступлениях, заявлений и сообщений об административных правонарушениях и информации о происшествиях. Участковый инспектор милиции при получении вышеуказанной информации при реагировании должен соблюдать определенный план действий.

Незамедлительное реагирование (как правило, требует именно информация о происшествии). В целях оперативного решения служебных задач приказом МВД Республики Беларусь № 246, 247 определены следующие сроки прибытия ближайших нарядов ОВД, в том числе УИМ: по информации, указывающей на признаки преступления, со времени совершения которого до момента ее поступления в ОВД прошло не более часа, либо если имеются сведения о лице, причастном к совершению преступления, или о его предполагаемом месте нахождения – не более 10 мин с момента ее поступления в ОВД;

информации, указывающей на признаки преступления, со времени совершения которого до момента ее поступления прошло более часа, либо в случае, если время совершения преступления неизвестно, а также отсутствуют вышеуказанные сведения – ближайший наряд ОВД не направляется;

информации, указывающей на признаки административного правонарушения, – в максимально короткие сроки с учетом складывающейся обстановки, но не более 25 мин с момента ее поступления в ОВД.

Нарядам ОВД или УИМ предписано прибывать на места совершения административных правонарушений в сельской местности в максимально короткие сроки, но не более 1 ч. 30 мин с момента поступления информации в ОВД.

При поступлении информации о семейно-бытовом конфликте УИМ совместно с другими сотрудниками органов внутренних дел должен незамедлительно выехать на место конфликта, соблюдая при этом правила личной безопасности. Перед выбытием следует изучить информацию, при необходимости уточнить ее в ОДС:

о гражданине, в отношении которого поступила информация о конфликте (о фактах привлечения ранее к ответственности, нахождении на каком-либо учете в ОВД);

заявителе, других проживающих по адресу граждан;
наличии зарегистрированного оружия по адресу;
другую имеющуюся информацию [2, с. 82–83].

После прибытия на место сотрудники применяют меры в целях пресечения правонарушений (условия и пределы применения сотрудниками физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники урегулированы в гл. 5 Закона Республики Беларусь от 17 июля

2007 г. № 263 «Об органах внутренних дел»). После того, как сотрудники пресекли совершающееся правонарушение, необходимо оказать помощь лицам, которые пострадали от насилия в семье.

После установления факта совершения административного правонарушения следует незамедлительно процессуально оформить данный факт. Однако существует проблема в данной деятельности, так как этот вид правонарушений относится к категории латентных. В связи с этим важно иметь возможность получения соответствующей информации из организаций здравоохранения, куда обращаются пострадавшие граждане. Предоставление такого рода информации регламентировано Законом Республики Беларусь от 18 июля 1993 г. № 2435 «О здравоохранении», постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 декабря 2014 г. № 1192, Инструкцией, утвержденной приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь и МВД Республики Беларусь от 4 августа 1994 г. № 183/176 «О порядке учета граждан, обратившихся (поступивших) в лечебные учреждения с травмами, отравлениями или другими механическими повреждениями криминального характера».

В соответствии с указанными нормативными правовыми актами основаниями, позволяющими полагать, что вред здоровью пациента причинен в результате противоправных действий, являются:

личное сообщение пациента о том, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий;

сообщение родственников пациента либо сопровождающих его лиц, а также сотрудников скорой медицинской помощи о том, что вред здоровью пациента причинен в результате противоправных действий;

характер травм, повреждений, состояния или заболевания пациента, свидетельствующие о том, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий, в том числе: изнасилования и иные действия сексуального характера, установление факта беременности у лиц, не достигших 16-летнего возраста, признаки проведения вмешательства в целях искусственного прерывания беременности (аборта);

вне организации здравоохранения, имеющей соответствующую лицензию, огнестрельные ранения;

установление у несовершеннолетнего психического расстройства (заболевания), вызванного воздействием алкоголя;

иные сведения о том, что вред здоровью пациента причинен в результате противоправных действий.

Так, при наличии у медицинского работника организации здравоохранения, непосредственно оказывающего медицинскую помощь пациенту, оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью пациента причинен в результате противоправных действий, медицинский работ-

ник незамедлительно устно или письменно сообщает об этом факте руководителю организации здравоохранения (лицу, его заменяющему), в которой он работает, или уполномоченному лицу, ответственному за своевременный прием поступающих от медицинских работников устных или письменных сообщений о вышеуказанных пациентах и передаче этих сообщений в правоохранительные органы (в рассматриваемом положении под правоохранительными органами понимаются ОВД).

Сообщение регистрируется в специальном журнале и незамедлительно направляется в правоохранительные органы по месту жительства (месту пребывания) пациента и (или) по месту оказания ему медицинской помощи в виде телефонограммы о факте обращения (поступления) такого пациента.

Кроме того, в течение суток со дня получения сообщения в правоохранительные органы направляется соответствующее письменное извещение, которое должно содержать следующие сведения о пациенте:

фамилию, собственное имя, отчество (при наличии), возраст (при наличии таких сведений);

адрес регистрации по месту жительства (месту пребывания) (при наличии таких сведений);

дату и время обращения (поступления) пациента;

основания, позволяющие полагать, что вред здоровью пациента причинен в результате противоправных действий.

В свою очередь, в соответствии с Инструкцией о порядке учета граждан, обратившихся (поступивших) в лечебно-профилактические учреждения с телесными повреждениями криминального характера; лиц, которые в силу состояния здоровья не могут сообщить о себе никаких данных; поступивших с наркотическим опьянением или отравлением суррогатами; несовершеннолетних с признаками отравления алкоголем, употребления наркотических или токсических веществ, утвержденной приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь и МВД Республики Беларусь от 4 августа 1994 г. № 183/176 «О порядке учета граждан, обратившихся (поступивших) в лечебные учреждения с травмами, отравлениями или другими механическими повреждениями криминального характера», дежурный территориального ОВД, получив сообщение об обращении (поступлении) пациента, вред здоровью которого предположительно причинен в результате противоправных действий, обязан:

зарегистрировать полученное сообщение в журнале поступившей информации;

сообщить медицинскому работнику свою должность, фамилию, номер, под которым зарегистрировано срочное сообщение в журнале учета информации, дату и время;

передать сообщение в отдел (отделение) внутренних дел по территориальности;

немедленно направить в лечебное учреждение сотрудников милиции для проведения неотложных оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных действующим законодательством и нормативными правовыми актами МВД.

Сотруднику милиции, направленному в медицинское учреждение, предписано принять от пострадавшего заявление или письменное объяснение (в зависимости от состояния пострадавшего).

Таким образом, имеется действенный механизм представления сведений о насилии в семье в ОВД из организаций здравоохранения (представляется на постоянной основе по мере поступления, в любое время суток), соответствующая информация в установленном порядке накапливается.

При общении с жертвой насилия следует обращать внимание на состояние пострадавшего.

Необходимость разрядки обстановки. Для это необходимо представиться и разъяснить основания его нахождения, развести участников в разные помещения, попросить присесть и успокоиться, не нарушать личное пространство участников, установить контроль на месте конфликта, профессионально отнестись к ситуации, быть беспристрастным, говорить спокойно и уверенно.

Соблюдать правила беседы с пострадавшей стороной, правонарушителем, в том числе соблюдать правила общения с детьми.

Соблюдать меры личной безопасности и правильно оценить опасность ситуации.

Таким образом, УИМ – первый, кто сталкивается с насилием в чужой семье, – авторитетная и непредвзятая сторона, которая пользуется доверием участников конфликта, может выступить посредником в урегулировании конфликтной ситуации.

1. Федчук, И.Л. Деятельность органов внутренних дел по противодействию насилия в семье // И.Л. Федчук. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 107 с.

2. Каразей, О.Г. Правовые и организационные основы работы с лицами, совершающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, а также пострадавшими от насилия в семье // О.Г. Каразей. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 125 с.

УДК 343.8

О.М. Станкевич, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *С.Л. Гайкович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *С.М. Казакевич*

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Рассматривается нормативное регулирование условий содержания осужденных к наказанию в виде лишения свободы. Проведен анализ порядка изменения данных условий как в пределах одного исправительного учреждения, так и в случае перевода осужденного в другое. Представлен вариант авторского определения условий содержания.

В настоящее время основная часть современных государств стремится к построению цивилизационного общества, которое обеспечивает правопорядок, социальную безопасность, нормальное функционирование государства, защиту прав, свобод и законных интересов граждан, тем самым проецируя эти институты на осужденных и на уголовно-исполнительное направление деятельности. С целью достижения поставленных задач существенную роль играют неотъемлемые элементы пенитенциарной науки, такие как порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы.

За последние годы учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы проделана немалая работа по совершенствованию деятельности и ее правовой регламентации в соответствии с международными стандартами.

Решен ряд задач, направленных на демократизацию уголовно-исполнительной политики, гуманизацию исполнения наказания, рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденных. Согласно принципам уголовно-исполнительного законодательства созданы предпосылки для внедрения более усовершенствованной и современной программы пенитенциарной деятельности.

Реализуется курс на улучшение условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Однако еще остаются нерешенными проблемы, связанные с основной целью уголовной ответственности: исправление осужденных, которое достигается определенным комплексом мер, в состав которых и входят порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы.

Статьей 81 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) установлены условия отбывания наказания осужденными к лишению свободы. При этом основную часть указанной нормы составляют специфические права осужденных, а также порядок их реализации.

Рационально обозначить, что содержание отдельных прав в количественном отношении (например, право на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости) зависит от вида режима исправительного учреждения (ИУ), назначенного судом. Посредством их установления законодатель регулирует уровень правоограничений, устанавливаемых наказанием в виде лишения свободы.

Следует отметить, что осужденные независимо от режима могут переводиться на улучшенные условия содержания в пределах одного ИУ. Данная мера воспитательного воздействия выступает в качестве способа дифференциации и индивидуализации отбывания наказания и является элем прогрессивной системы его исполнения.

Изменение условий содержания осужденных в пределах одного ИУ преследует целью стимулирование правомерного поведения осужденных [1, с. 416].

Статьей 82 УИК установлено правило, согласно которому осужденные могут приобретать продукты питания и предметы первой необходимости по безналичному расчету за счет денежных средств, имеющихся на их лицевых счетах, а также получаемых пенсий и денежных переводов. Предусмотрен также размер средств, разрешенных к расходованию. В ИУ практикуется особый порядок приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости, ввиду запрета на пользование денежными средствами.

Одно из центральных направлений ресоциализации осужденных – предоставление им свиданий. Помимо вышеобозначенной задачи данное право преследует целью сохранение семейных, родственных и иных социально полезных связей. Устанавливается два вида свиданий: краткосрочные – продолжительность предоставляемого свидания составляет четыре часа; длительные – до трех суток. На данный момент считается, что, исходя из оценки личности осужденного, его поведения в период отбывания наказания, технических и материальных возможностей администрации учреждения, продолжительность длительного свидания может варьироваться. Это положение обеспечивает реализацию принципа справедливости.

Продолжая анализ элементов рассматриваемого института, полагаем целесообразным отметить, что число посылок, передач, бандеролей и мелких пакетов, разрешаемых получать осужденным, устанавливается

в зависимости от режима содержания осужденного. Соответственно, количество посылок и передач может увеличиваться, если осужденный будет переведен на улучшенные условия содержания. Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (ПВР ИУ) установлен перечень продуктов питания и предметов первой необходимости, обуви, одежды и других промышленных товаров, которые осужденные могут иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях, мелких пакетах и приобретать в магазинах учреждения. Данная правовая регламентация перечня обеспечивает, в первую очередь, соблюдение международных стандартов отбывания наказания в виде лишения свободы, а также единообразное и справедливое отношение ко всем осужденным независимо от совершенного ими преступления.

Существенной составляющей условий содержания осужденных является их право на переписку. Данное право – важное средство сохранения и налаживания их социально полезных связей, а возможность отправления денежных переводов осужденными позволяет оказывать родственникам материальную помощь [2, с. 9].

В ст. 85 УИК закреплено то, что осужденным разрешено получать и отправлять за счет собственных средств письма и телеграммы без ограничения их количества. Отправление и получение осужденными писем производится только через администрацию ИУ. С этой целью в каждом изолированном участке, а в воспитательной колонии в установленном месте вывешиваются почтовые ящики, из которых ежедневно, кроме выходных и праздничных дней, уполномоченными на то должностными лицами письма вынимаются и подвергаются цензуре, а затем отправляются адресату.

Осужденные также могут получать любые переводы денежных средств в свой адрес, они зачисляются на их лицевой счет. О поступлении денежного перевода осужденный ставится в известность.

Данное положение является одним из способов поддержания социально полезных связей осужденного, установления его намерений после освобождения. Переписка также играет особую роль в деятельности всех служб ИУ. Немаловажным считается переписка осужденного с родственниками и обеспечение режима на территории ИУ. В переписке возможно обнаружение скрытых противоправных намерений (например, совершить побег).

Статья 86 УИК регламентирует право осужденных на телефонные разговоры, устанавливает условия и порядок их проведения. Уголовно-исполнительным законодательством не установлена периодичность предоставления телефонных разговоров. Вместе с тем в течение года

при наличии технических возможностей и по письменному заявлению осужденных администрация обязана их разрешить. Нет ограничений на то, с каким населенным пунктом осужденный может вести телефонные разговоры. В заявлении он указывает адрес, собственное имя, отчество, степень родства, номер телефона абонента и продолжительность разговора. Единственным препятствием к проведению телефонных разговоров может послужить отсутствие технических возможностей в ИУ. Телефонные разговоры оплачиваются осужденными за счет собственных средств.

При исключительных обстоятельствах (смерть или тяжелое заболевание близкого родственника, угрожающее его жизни, стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье) телефонный разговор может быть разрешен администрацией осужденным, содержащимся в штрафных (дисциплинарных) изоляторах, помещениях камерного типа и одиночных камерах.

Реализация права на телефонные разговоры осуществляется обычно в нерабочее время в специально оборудованных помещениях учреждений, оснащенных абонентскими устройствами с технической возможностью обеспечения контроля проводимых разговоров.

В соответствии с положениями ст. 87 УИК предусмотрено право на прогулку осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в помещении камерного типа исправительных колоний особого режима, специализированных палатах лечебных ИУ.

Данная норма соответствует Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, которые определяют, что каждый заключенный, не занятый работами на открытом воздухе, ежедневно должен проводить, по крайней мере, один час на открытом воздухе (на прогулке), если позволяет погода.

Таким образом, при имплементации стандартов, закрепленных в международно-правовых договорах, реализуются принципы уважения прав человека и основных свобод. Правотворчество и правоприменительная практика должны быть ориентированы на повсеместное соблюдение основных прав и свобод личности. Все условия отбывания наказания, закрепленные в уголовно-исполнительном законодательстве, направлены в первую очередь на обеспечение необходимых условий для жизни осужденного, а также на его исправление, социализацию и воспитание по различным направлениям.

Следующим блоком рационально рассмотреть элементы порядка и условия отбывания наказания, связанные с выходом за пределы ИУ. Одно из основных требований режима в местах лишения свободы –

обязательная изоляция осужденных с целью исключения возможности совершения ими противоправных действий. Это достигается надежной охраной осужденных и осуществлением за ними постоянного надзора не только в ИУ, но и за его пределами – на производственных объектах, при этапировании и т. д.

Вместе с тем законодательство предусматривает возможность в установленных случаях предоставлять определенные блага, в частности разрешение осужденному находиться за пределами ИУ. В соответствии с УИК к таковым относятся: предоставление осужденным разрешения на передвижение без конвоя или сопровождения; проживание осужденных женщин вне исправительной колонии; предоставление осужденным возможности выезда за пределы ИУ.

Предоставление осужденным разрешения на передвижение без конвоя воспринимается как поощрение, хотя в полном смысле этого слова его нельзя считать таковым. Разрешение передвигаться без конвоя обусловлено исключительно производственно-хозяйственными целями деятельности ИУ. В отсутствие необходимости (например, с окончанием отопительного сезона) отменяется и передвижение без конвоя, если оно было задействовано именно для реализации этих целей.

Необходимо также разъяснить толкование нормы ст. 90 УИК передвижение без конвоя – не право осужденного, поскольку разрешение на такое передвижение является прерогативой администрации исправительной колонии, поэтому применяемое в статье словосочетание «право передвигаться без конвоя» понимается не в его юридическом значении, а как синоним словосочетания «возможность передвижения без конвоя». Необходимо отметить, что осужденные, которым предоставлено право передвижения без конвоя или сопровождения, размещаются в общежитиях на территории изолированно от остальных осужденных. Обусловлена данная мера определенными факторами. Первый заключается в том, что данные осужденные пользуются благами, не предусмотренными для других лиц, отбывающих наказание в ИУ. Тем самым вызывает агрессию у других осужденных и нередко приводит к конфликтным ситуациям. Второй немаловажный фактор – минимизация возможностей совершения осужденными различных противоправных действий.

На данный момент институт передвижения осужденных без конвоя в Республике Беларусь не используется, так как вызывает определенные трудности в деятельности различных служб. Проблема состоит в том, что осужденные, наделенные данным правом, способствуют проникновению запрещенных к использованию и хранению предметов на территорию ИУ.

Подводя итоги, полагаем возможным сделать следующие выводы.

1. Порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы четко регламентированы на общегосударственном, локальном и внутриведомственном уровнях.

2. Не все условия, юридически закрепленные в УИК, нашли свое отражение в правоприменительной деятельности. Данный факт обусловлен тем, что некоторые нормы могут способствовать дестабилизации оперативной обстановки в ИУ, что повлечет за собой определенные негативные последствия.

3. Создание необходимых условий отбывания наказания в ИУ будет способствовать реализации международных принципов: гуманизма, дифференциации и индивидуализации, справедливости и законности при отправлении правосудия.

4. Под условиями отбывания наказания в ИУ следует понимать установленные уголовно-исполнительным законодательством улучшения либо ухудшения социально-материального положения лица, в зависимости от его поведения и личности.

1. Корниенко, Г.А. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие / Г.А. Корниенко, А.Я. Гришко, В.Н. Черный. – 3-е изд., испр. и доп. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2013. – 822 с.

2. Янчук, И.А. Об изменении условий отбывания наказания как способ дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы / И.А. Янчук // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2011. – № 6. – С. 9–11.

УДК 342.9

В.В. Судариков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *О.И. Левщук*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Рассматриваются теоретико-правовые аспекты организации взаимодействия органов внутренних дел с общественными организациями в сфере охраны общественного порядка. Проанализирован зарубежный опыт такого взаимодействия с гражданами. На основании сравнения зарубежного опыта предлагаются выводы по повышению уровня участия граждан в охране общественного порядка.

Важнейшая правоохранительная функция государства – обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Одним из факторов, позитивно влияющих на деликтологическое и криминогенное оздоровление общества, является привлечение общественности к охране общественного порядка. Как правило, это наиболее сознательные члены трудовых коллективов, студенты, учащаяся молодежь и люди, имеющие активную гражданскую позицию, которая реализуется путем участия их в добровольных дружинах, внештатном сотрудничестве с правоохранительными органами, участие в объединениях граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка, участие в советах общественных пунктов охраны общественного порядка.

В соответствии со ст. 6 Закона Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка» граждане могут реализовывать свое право на участие в охране правопорядка в следующих формах:

индивидуальное участие;

внештатное сотрудничество с правоохранительными органами;

участие в объединениях граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка (Молодежный отряд охраны правопорядка БРСМ);

членство в добровольных дружинах;

участие в советах общественных пунктов охраны правопорядка [1].

Индивидуальное участие граждан в охране правопорядка может осуществляться в виде сообщения правоохранительным органам о ставших гражданам известными фактах готовящихся, совершаемых или совершенных правонарушений, причинах и условиях, способствующих их совершению; оказания содействия правоохранительным органам в работе по профилактике и пресечению правонарушений; пропаганды правовых знаний, способствующих предупреждению правонарушений.

Так, индивидуальное участие граждан в охране правопорядка Германии, США может осуществляться в виде долгосрочного сотрудничества в рамках института добровольных помощников полиции, а также как одномоментная помощь, выражающаяся в сообщении ОВД о противоправном поведении, замеченных подозрительных предметах и подозрительных лицах.

Среди коллективных форм участия используются такие формы, как создание пунктов по обеспечению правопорядка и предупреждению преступности (Япония), формирование полицейского резерва (помощников) (США), организация патрулирования общественных мест, создание добровольных дружин и иных общественных формирований правоохранительной направленности (Беларусь, Великобритания, США, Эстония и др.) [13].

В соответствии с п. 1 ст. 2 Закона Украины от 6 августа 2015 г. «О Национальной полиции» одной из функций полиции является охрана и обеспечение общественного порядка. В ст. 11 вышеназванного закона прописано взаимодействие с населением на принципе партнерства. Деятельность полиции осуществляется в тесном сотрудничестве и взаимодействии с населением, территориальными общинами и общественными объединениями на принципах партнерства и направлена на удовлетворении их потребности [2].

Граждане Украины в соответствии с Конституцией Украины, Законом Украины от 22 июня 2000 г. «Об участии граждан в охране общественного порядка и государственной границы» имеют право создавать общественные объединения для участия в охране общественного порядка, содействия органам местного самоуправления и органам исполнительной власти, правоохранительным органам, а также должностным лицам, в предотвращении и прекращении административных правонарушений и преступлений, защите жизни и здоровья граждан, интересов общества и государства от противоправных посягательств [3].

В ст. 9 вышеназванного закона прописаны задачи общественных объединений в трех направлениях:

- в сфере охраны общественного порядка;
- в сфере охраны государственной границы;
- в случае возникновения чрезвычайных ситуаций [4].

По мнению доктора юридических наук С.М. Калюжного, сотрудничество полиции и населения может состоять в двух общих формах – консультации и непосредственно сотрудничество. Консультативный механизм заключается в том, что полиция вместе с населением определяет проблемы, которые имеют место на территории ее обслуживания [5].

В государствах Западной Европы и США считается, что каждый полицейский орган, которому не удастся внедрить в практическую деятельность эффективный и крепкий консультативный механизм для обсуждения с общественностью полицейской деятельности, не сможет действовать эффективно, потому что такая деятельность нуждается в широкой поддержке общественности. Консультативный механизм помогает полиции устанавливать задания для решения проблем борьбы с преступностью, уделять внимание тем правонарушениям, которые больше всего тревожат население. Непосредственно сотрудничество между полицией и гражданами заключается в том, что между ними устанавливаются такие взаимоотношения, при которых они вместе разрешают проблемы преступности и других правонарушений по месту жительства граждан, обеспечивая тем самым решение заданий правоохранительной и правозащитной направленности.

Заслуживает внимания мнение профессора В.К. Колпакова, который указывает, что все общественные формирования, взаимодействующие с милицией, можно объединить в две группы. Во-первых, это те, которые специально были созданы для борьбы с правонарушениями и охраны общественного порядка (советы общественных пунктов охраны порядка, добровольные народные дружины и т. д.). Во-вторых, это те, для которых охрана общественного порядка, борьба с правонарушениями выступает как функция, сопутствующая их основной хозяйственной или социально-культурной деятельности (участковые комитеты, советы ветеранов, родительские комитеты, агитационные коллективы по работе среди населения и др.) [6, с. 60].

Вместе с тем не только названные формирования могут быть привлечены к обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Согласно ст. 1 Закона Украины от 22 марта 2012 г. «Об охранной деятельности» субъектом охранной деятельности является любой субъект ведения хозяйства любой формы собственности, созданный и зарегистрированный на территории Украины, который осуществляет охранную деятельность на основании полученной в установленном порядке лицензии. Как предусмотрено в ст. 18 вышеназванного закона, субъекты охранной деятельности и правоохранительные органы могут взаимодействовать в сфере предупреждения, прекращения и раскрытия преступлений и обеспечения охраны общественного порядка. Мероприятия по взаимодействию с правоохранительными органами не могут нарушать обязательств субъектов охранной деятельности по договору о предоставлении охранных услуг [7].

В ст. 30 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан на объединение [8]. Конституционное право каждого на объединение включает в себя право создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей; право вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также право беспрепятственно выходить из общественных объединений.

В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9] предусмотрено два вопроса местного значения, касающихся общественного порядка: п. 8 ч. 1 ст. 15 и п. 9 ч. 1 ст. 16 – организация охраны общественного порядка на территории муниципального района и городского округа муниципальной полицией; п. 33 ч. 1 ст. 14 и п. 37 ч. 1 ст. 16 – создание условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка (в поселениях и городских округах).

Следовательно, законодатель закрепил для муниципальных образований два способа охраны общественного порядка на своей территории: профессиональными органами и силами общественности.

Охрана общественного порядка силами общественности осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [10], который устанавливает принципы и основные формы участия граждан в охране общественного порядка, участия граждан в поиске лиц, пропавших без вести, особенности создания и деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, целью которых является участие в охране общественного порядка, порядок и особенности создания и деятельности народных дружин, а также правовой статус народных дружинников.

В гл. 2 данного закона определены следующие формы и цели участия граждан в охране общественного порядка:

содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам;

участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести;

внештатное сотрудничество с полицией;

участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности.

Особое внимание в законе уделено порядку создания и деятельности народных дружин.

Сравнивая формы участия граждан в охране общественного порядка Российской Федерации с аналогичными формами в Республике Беларусь, мы можем выделить ряд отличий.

1. Российский законодатель закрепил такую форму охраны общественного порядка – участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести. В Республике Беларусь поиском лиц, пропавших без вести, занимается Министерство по чрезвычайным ситуациям совместно с добровольными дружинами Министерства по чрезвычайным ситуациям и ОВД, также в нашей стране существует взаимодействие со средствами массовой информации (участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести).

2. Российский законодатель также закрепил в законодательстве форму участия граждан – содействие правоохранительным органам. На наш взгляд, это обширное понятие «содействие» (в чем оно проявляется в законе не предусмотрено).

Проанализировав данные формы участия граждан в охране общественного порядка, можно сказать, что в Республике Беларусь по взаимодействию граждан законодатель предусмотрел лучше.

Следует обратить внимание на то, что за рубежом наблюдаются две модели обеспечения внутренней безопасности: централизованная модель с доминирующей ролью Министерства внутренних дел (Франция, Италия, Испания, Германия) и децентрализованная модель (США, Великобритания, Япония), предполагающая высокую роль муниципальных органов власти в управлении полицией. Ориентация полиции на тесное взаимодействие с населением хорошо видна в децентрализованной модели, особенно в англосаксонских странах [11].

В ряде зарубежных стран, например, США, Канада, Япония, установлены партнерские взаимоотношения полиции и населения на уровне муниципалитета и подчинении полиции местным властям. Например, широкое признание получило в США движение «Триада», суть деятельности которого схематично можно представить так: общество – пожилые люди – правоохранительные органы. В стране действует сеть представителей движения, которые оказывают пожилым людям квалифицированную помощь, защищают их от противоправных действий, дают им возможность почувствовать себя необходимыми и полезными обществу [12, с. 200].

В США стимулирование активности граждан ведется на основе разрабатываемых программ. В настоящее время действуют программы наблюдения жителей за домами соседей, сообщения в полицию о совершаемых преступлениях и т. д., одной из форм реализации которых является активное патрулирование, осуществляемое жителями района. Кроме того, существуют программы, поддерживающие объединения граждан правоохранительной направленности. К одной из таких программ относится формирование полицейского резерва (помощников), в состав которых включаются гражданские лица, выполняющие на добровольной безвозмездной основе обязанности по обеспечению правопорядка. Члены этих формирований носят полицейскую форму, наделяются практически такими же, как и полицейские-профессионалы, правами по пресечению правонарушений, несут дежурство, имея при себе принадлежащее им на законных основаниях огнестрельное оружие. Обладая высоким авторитетом в обществе, эти объединения рассматриваются как средство формирования широкого слоя законопослушных граждан и мощный фактор патриотического воспитания населения [13, с. 31].

Исходя из анализа участия граждан в охране общественного порядка в различных государствах можно выделить положительный опыт для реализации его в Республике Беларусь. В США членам общественных объединений разрешается носить форму и специальные средства, целесообразно было бы внедрить опыт в наши общественные объединения

правоохранительной направленности. Так, осуществляя охрану общественного порядка, сотрудникам органов внутренних дел оказывают содействие общественные объединения правоохранительной направленности. Нередко бывают ситуации, когда на жизнь, здоровье, честь и достоинство граждан, интересы общества и государства посягают преступные элементы, и тогда сотрудник органов внутренних дел должен применять физическую силу, специальные средства, оружие, боевую и специальную технику.

Сотрудник органов внутренних дел в экстремальной обстановке имеет право ожидать помощь от общественных объединений, осуществляющих совместно с ним охрану общественного порядка. Нужно было бы ввести первоначальную подготовку для общественных объединений, участвующих в охране общественного порядка, и принимать у них экзамен по служебной подготовке. Для привлечения граждан к охране общественного порядка целесообразно было срок, который лицо осуществляло охрану общественного порядка, засчитать в срок прохождения срочной службы в Вооруженных Силах Республики Беларусь, либо срок отработки после получения образования. Тем самым мы заинтересуем граждан принимать участие в охране общественного порядка и осуществим профилактику противоправных проявлений в молодежной среде.

1. Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 214-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О Национальной полиции [Электронный ресурс] : Закон Украины, 6 авг. 2015 г. // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.09.2017.

3. Конституция Украины 1996 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми 8 дек. 2004 г. // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.09.2017.

4. Об участии граждан в охране общественного порядка и государственной границы [Электронный ресурс] : Закон Украины, 22 июня 2000 г. // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.09.2017.

5. Московец, В.И. Формы и процедуры участия общественности в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности / В.И. Московец // Проблемы правоохран. деятельности. – 2013. – № 12. – С. 85–90.

6. Колпаков, В.К. Взаимодействие милиции и общественности в сфере правопорядка : учеб. пособие / В.К. Колпаков – М. : УАВД, 1993. – 80 с.

7. Об охранной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Украины, 22 марта 2012 г. // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.09.2017.

8. Конституция Российской Федерации 1993 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми 21 июля 2014 г. // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.09.2017.

9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 6 окт. 2003 г., № 131-ФЗ // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.09.2017.

10. Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс] : Федер. закон, 2 апр. 2014 г., № 44-ФЗ // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org>. – Дата доступа: 20.09.2017.

11. Ониани, М.Г. Участие гражданского населения в оценке и контроле за деятельностью органов внутренних дел / М.Г. Ониани // Актуальные проблемы права : материалы Междунар. науч. конф., Москва, нояб. 2011 г. / Ваш полиграф. партнер ; ред.: А.Н. Агапов [и др.]. – М., 2011. – С. 105–108.

12. Медведицкова, Л.В. Опыт эффективного взаимодействия населения и полиции в зарубежных странах в процессе профилактики и раскрытия преступлений / Л.В. Медведицкова, В.В. Зубенко // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 1 (56). – С. 199–201.

13. Гайдов, В.Б. О проекте Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» / В.Б. Гайдов // Вестн. Ом. юрид. акад. – 2013. – № 2. – С. 27–33.

УДК 349.2

В.М. Терентьев, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО, ДЕЛОВАЯ РЕПУТАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проанализированы различные подходы к определению понятий чести, достоинства и деловой репутации как объектов гражданско-правовых отношений. Рассмотрены теоретические и практические вопросы применения ст.153 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Гражданское законодательство Республики Беларусь не содержит определений чести, достоинства и деловой репутации. Между тем эта проблема является очень важной при рассмотрении дел данной категории в суде, так как честь, достоинство и деловая репутация выступают объектом гражданско-правовых отношений. О.Н. Романова указывает право на честь, достоинство и деловую репутацию занимает особое ме-

сто в системе субъективных прав граждан и юридических лиц. Данное право, наряду с правом на жизнь, неприкосновенность личности, свободу совести, мнений, убеждений является необходимым условием устройства жизни человека в цивилизованном обществе и должно быть безоговорочно признано и охраняемо государством [1, с. 2].

Согласно ст. 21, 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство [2]. По мнению Р.И. Филипчик, указанное право означает, в частности, гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе и препятствовать разглашению сведений личного характера [3].

Так, право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является конституционным правом.

В обеспечение приведенных положений Основного Закона действующее законодательство предусматривает различные средства защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина.

Специальное правило о гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации закреплено в ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), предусматривающей, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности [4].

Согласно статистическим данным за последние пять лет в суды Республики Беларусь ежегодно поступает более 100 гражданских дел этой категории. Рассмотрено с вынесением решения в 2013 г. 156 дел, 2014 г. – 141, 2015 г. – 71, 2016 г. – 91, за первое полугодие 2017 г. – 47 [5].

Безусловно, количество дел этой категории незначительно по сравнению с общим количеством рассмотренных гражданских дел, в то же время судебная практика по искам данной категории дел выявила ряд проблем. Одной из них является решение вопроса о том, имело ли место нарушение права на честь, достоинство и деловую репутацию, а для этого необходимо понимать, что в юридическом смысле подразумевается под указанными понятиями.

Дать конкретное и единственно верное определение данным терминам сложно, потому что существует множество сформированных мнений уважаемых ученых, политиков и даже писателей по этому поводу.

Например, понятие о чести выработывалось и сформировывалось в процессе нравственной практики общества, поэтому суть понятия

«честь» является социальным. Вместе с тем общественная оценка личности никаким образом не зависит от воли и желания самого оцениваемого лица, потому что вся его деятельность контролируется и проверяется обществом, и именно оно вырабатывает оценку нравственных качеств каждого конкретного человека.

Р.И. Филипчик определяет честь как сопровождающееся положительной оценкой отражение качеств лица в общественном сознании [3]. А.П. Сергеев полагает, что честь – это объективная оценка личности, которая определяет отношение общества к гражданину или юридическому лицу, это, своего рода, социальная оценка моральных и других качеств личности [6, с. 11]. В.А. Коньков указывает, что честь – это общественная оценка личности, определенная мера духовных, социальных качеств гражданина [7, с. 412]. Ю.В. Хуторянский рассматривает честь как социальную оценку моральных и иных качеств личности [8, с. 203]. Н.Н. Парыгина пишет, что честь – нематериальное благо гражданина, состоящее в даваемой обществом личности гражданина положительной оценке, обусловленной уникальным сочетанием ее индивидуальных характеристик (деяний, качеств, способностей) [9, с. 143].

Кроме указанных определений имеется еще целое множество мнений, которые каким-либо образом дополняют друг друга. Но в целом, полагаем, они имеют одну основу.

Если проанализировать приведенные суждения, то можно отследить закономерное противопоставление двух подходов – честь как категория оценки другими людьми, обществом и как личная самооценка.

Переходя к оценке и уяснению понятия «достоинство», следует отметить, что оно находится в органическом единстве с честью. Необходимо также сделать акцент на том, что достоинство есть высшая человеческая ценность. Эта идея была выдвинута еще гуманистами в конце Средневековья.

Р.И. Филипчик под достоинством понимает совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе [3]. Г.Х. Гуменюк указывает, что достоинство – это комплекс индивидуальных ценностей определенного человека, которые заключаются в его духовных, нравственных качествах, ценных относительно потребностей общества [10, с. 49]. Достоинство, по мнению В.А. Конькова, это самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения [7, с. 413]. По мнению Ю.В. Хуторянского, под достоинством следует понимать самооценку индивида, его осознание своих личных качеств, способностей и своего общественного значения, положения в обществе [8, с. 203]. Н.Н. Парыгина пишет, что

достоинство – нематериальное благо гражданина, состоящее в положительной самооценке, а также в стандарте уважительного отношения со стороны общества и его отдельных членов, основанного на моральном равенстве представителей человечества [9, с. 144].

Так, в юридической литературе в основном превалирует позиция о том, что к достоинству необходимо относить и физические качества личности. Как видим, честь и достоинство являются нравственными категориями, но одновременно имеют общеправовой характер.

Переходя к понятию «репутация», нельзя не отметить тот факт, что оно в отличие от «честь» и «достоинства» относится и к юридическим лицам.

Понятие «репутация» в разных литературных источниках в определенные периоды имело различные оттенки. Так, до 1990-х гг. это определение носило в основном нравственно-эмоциональную окраску, и словосочетания, в которых имелось слово «репутация», употреблялись преимущественно в беллетристике и относились к отдельным личностям или группам людей [11, с. 113].

На сегодня в литературе понятие «деловая репутация» имеет много значений.

М.Н. Малеина утверждает, что деловая репутация «представляет собой набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе, поклонников (для шоу-бизнеса), избирателей (для выборных должностей) и персонифицирует среди других профессионалов в этой области деятельности» [12, л. 15]. Ю.В. Хуторянский определяет деловую репутацию как сложившееся общественное мнение о деловых, профессиональных качествах личности или юридического лица, или индивидуального предпринимателя [8, с. 204].

Деловая репутация, по мнению Н.Н. Парыгиной, представляет собой мультиаспектное, многогранное явление, имеющее прежде всего социологическую, а также философскую, экономическую, правовую и даже деонтологическую составляющие, ни одну из которых нельзя игнорировать [9, с. 145].

Так, деловая репутация – это общественная оценка качеств, достоинств и недостатков организации, связанных с общественной, профессиональной сферой деятельности, которая включает также оценку деловых качеств его работников.

Возникает вопрос: если существует необходимость толкования понятий чести, достоинства и деловой репутации, в частности, для лица, обращающегося за защитой нарушенного права, и для суда, рассматри-

вающего и разрешающего дело, то следует ли закреплять определения данных понятий в законодательном порядке?

При анализе данных определений становится очевидным, что их рассмотрение возможно лишь на доктринальном уровне в силу невозможности дать точные, юридически завершённые определения чести, достоинства и деловой репутации, поэтому создание законодательных определений таких сложных нравственных категорий представляется нецелесообразным. Однако мы полагаем, что соответствующие разъяснения необходимо сделать Верховному Суду Республики Беларусь в постановлении Пленума, посвященном судебному разрешению данной категории дел.

Повредить рассматриваемым нематериальным благам возможно путем распространения сведений, не соответствующих действительности и имеющих порочащий характер.

Иными словами, для удовлетворения гражданского иска о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо соблюдение трех обязательных условий: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений; несоответствие их действительности.

Разъяснения о том, что следует понимать под распространением порочащих сведений, даны в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» (далее – постановление № 15).

Под распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица, следует понимать опубликование таких сведений в печати, сообщение по радио, телевидению, с использованием других СМИ или технических средств (световых табло, сети Интернет и т. п.), изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, листовках, обращениях в адрес должностных лиц, демонстрацию (вывешивание) в публичных местах плакатов, лозунгов, а также сообщений в иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение сведений лишь лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением [13].

В то же время в постановлении № 15 не содержится исчерпывающего перечня форм распространения сведений. Таким образом, ни одна из форм распространения не имеет какого-либо преимущества. Важен сам факт распространения порочащих сведений, который служит основанием для возложения обязанностей опровержения оспариваемых сведений на виновных лиц.

Традиционными формами распространения гражданами порочащих сведений являются обращения (заявление, жалоба), письма официального или личного характера, разговоры, в том числе по телефону, и т. п. Однако особенно частыми в последнее время является размещение порочащих сведений в сети Интернет.

Отметим, что возможность установить виновное лицо не всегда присутствует, например, если ложная информация была размещена на анонимной основе в форуме интернет-сайта. Но, представляется, что данное техническое препятствие не должно расцениваться как барьер к защите гражданином своих прав и становиться помехой к восстановлению положения, существовавшего до нарушения [14, с. 143].

Дискуссионным в теории и судебной практике является вопрос о том, кто будет являться надлежащим ответчиком за распространение порочащей информации в сети Интернет – владелец сайта (форума, блога и т. п.) или автор соответствующего сообщения?

Для того чтобы получить информацию, которая содержится на каком-либо интернет-ресурсе (например, сайте организации, веб-портале и т. д.), необходимо обратиться с запросом к устройству, на котором он размещается. Для этого каждому устройству (каждой точке подключения устройства к сети) присваивается уникальный номер – его называют IP-адресом (сетевым адресом). Чтобы работать в интернете было удобней, существует дополнительная система идентификации устройств: каждому IP-адресу в сети можно присвоить иной более понятный синоним (идентификатор), или доменное имя. Для регистрации домена в национальной доменной зоне заявитель подает регистратору заявку и заключает с ним договор на регистрацию доменного имени [15, с. 31].

Так, право администрирования существует в силу договора о регистрации доменного имени, поэтому ответственность за содержание информации на сайте администратора домена должен нести владелец домена, как лицо, создающее технические условия для посетителей своего интернет-ресурса.

В соответствии с п. 8 постановления № 15 порочащими являются не соответствующие действительности сведения, которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных граждан, юридических лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев (например, сведения о нечестности, невыполнении профессионального долга, недостойном поведении в трудовом коллективе, семье, сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, и т. п.).

Необходимо отметить, что критерии, которым отвечали бы порочащие гражданина сведения, не установлены законом, да и не могут быть им установлены.

Согласно ч. 2 и 3 п. 8 постановления № 15 сведения, порочащие гражданина, признаются не соответствующими действительности, если с достоверностью не установлено иное (презумпция добропорядочности). При этом не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую действительности критику недостатков в работе, поведения в общественном месте, коллективе, быту [13].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Законодательное определение таких сложных объектов гражданско-правовых отношений, как честь, достоинство и деловая репутация представляется нецелесообразным в силу невозможности дать точные, юридически завершённые определения рассматриваемым понятиям. Соответствующие разъяснения стоит сделать Верховному Суду Республики Беларусь в постановлении Пленума, посвященном судебному разрешению данной категории дел.

Анализ специальной литературы позволяет выделить основные подходы к сущности чести, достоинства и деловой репутации.

Многими учеными честь рассматривается как категория оценки другими людьми, обществом либо как личная самооценка, к достоинству, как правило, относят физические качества личности, под деловой репутацией понимают общественную оценку качеств, достоинств и недостатков организации.

Повредить рассматриваемым нематериальным благам возможно путем распространения сведений, не соответствующих действительности и имеющих порочащий характер.

При этом отметим, что в постановлении № 15 не содержится исчерпывающего перечня форм распространения сведений. Таким образом, ни одна из форм распространения не имеет какого-либо преимущества. Однако наиболее актуальной проблемой в последнее время является размещение порочащих сведений в сети Интернет. Дискуссионным в теории и судебной практике является вопрос о том, кто будет являться надлежащим ответчиком за распространение порочащей информации в сети Интернет – владелец сайта или автор соответствующего сообщения. На наш взгляд, ответственность за содержание информации на сайте администратора домена должен нести владелец домена, как лицо, создающее технические условия для посетителей своего интернет-ресурса.

1. Романова, О.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах / О.Н. Романова. – Минск : Амалфея, 2007. – 186 с.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Филипчик, Р.И. О защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] / Р.И. Филипчик // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 16.05.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции за 2013, 2014, 2015, 2016, 1-е полугодие 2017 года [Электронный ресурс] / Верхов. Суд Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Режим доступа: http://court.gov.by/justice_RB/statistics. – Дата доступа: 10.11.2017.

6. Сергеев, А.П. Гражданское право : учеб. пособие / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М. : Проспект, 2012. – 784 с.

7. Коньков, В.А. Защита чести, достоинства и деловой репутации, общий взгляд / В.А. Коньков // Аллея науки. – 2017. – № 9. – С. 411–419.

8. Хуторянский, Ю.В. Понятие чести, достоинства и деловой репутации / Ю.В. Хуторянский // Современ. проблемы права, экономики и упр. – 2017. – № 1 (4). – С. 203–206.

9. Парыгина, Н.Н. Деловая репутация в системе нематериальных благ / Н.Н. Парыгина // Теория и практика обществ. развития. – 2017. – № 1. – С. 143–147.

10. Гуменюк, Г.Х. Честь, достоинство и деловая репутация как правовые категории / Г.Х. Гуменюк // Теория и практика обществ. развития. – 2016. – № 1 (6). – С. 49–54.

11. Гусалова, А.Р. Деловая репутация как объект гражданского права / А.Р. Гусалова // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 113–117.

12. Малейна, М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Н. Малейна. – М., 1997. – 431 л.

13. О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 1999 г., № 15 : в ред. от 30.03.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

14. Ревкова, М.А. Правовая характеристика сведений, опубликованных в сети Интернет, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию / М.А. Ревкова // Вестн. Ин-та мировых цивилизаций. – 2017. – № 14. – С. 143–147.

15. Старосотникова, Е.Э. Пользуемся доменом по новым правилам / Е.Э. Старосотникова // Пром.-торг. право. – 2017. – № 9 (179). – С. 31–39 с.

УДК 343.228

П.Д. Терешёнок, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *С.М. Свило*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Н.И. Козелецкая*

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Рассматриваются теоретические и практические проблемы, связанные с применением института необходимой обороны, и определяется эффективность соответствующих уголовно-правовых норм. Указывается на необходимость реформирования данного института с учетом того, что он занимает основополагающее место в правовой системе государства и является механизмом реализации права каждого человека на защиту от общественно опасного посягательства. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства, которые позволят исключить субъективизм при оценке действий лица, совершенных в состоянии необходимой обороны.

Конституция Республики Беларусь провозглашает высшей ценностью государства и общества человека, его права и свободы (ст. 2) [1]. Но идеал свободной личности не означает, что поведение человека ничем не ограничивается и что он освобожден от любой ответственности перед другими людьми и обществом, поскольку реализация прав и свобод в общественной жизни сталкивается с индивидуальными и публичными интересами. В связи с этим возникает необходимость разграничивать сферу прав одного человека со статусом других обладателей прав и свобод, а также со сферой прав и интересов государства и общества в целом. Ввиду этого Конституция Республики Беларусь в ст. 24 установила, что государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств [1].

На сегодня правоохранительные органы Республики Беларусь не способны в полном объеме обеспечить своевременное предотвращение каждого правонарушения. Именно на устранение этой проблемы и нацелен институт необходимой обороны как уголовно-правовое средство борьбы с преступностью. Он также является той основой, которая обеспечивает социальную активность населения в борьбе с преступными явлениями.

Ведь еще А.Ф. Кони писал: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что она основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне

существует исстари и никогда не перестанет существовать, это закон, вытекающий непосредственно из человеческой природы» [2, с. 43].

В соответствии со ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны [3]. Данное положение в равной мере распространяется на всех лиц, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Исследованием установлено, что положения УК в части установления оснований и условий правомерного причинения вреда в состоянии необходимой обороны охватывают многие проблемные и неоднозначно толкуемые дефиниции, а отдельные признаки по своему характеру являются оценочными. Вследствие этого отмечается непоследовательность следственно-судебной практики, выражающаяся в характерных для этой категории дел ошибках при квалификации [4; 5, с. 62]. В связи с этим представляется логичным и целесообразным высказать авторскую точку зрения на некоторые аспекты института необходимой обороны, которые, по нашему мнению, требуют корректировки.

Как указано ранее, необходимая оборона, закрепленная в ст. 34 УК, предоставляет право каждому гражданину на защиту; однако, что законодатель понимает под защитой четко не сформулировано. Анализ литературы, а также сама этимология понятия «оборона» свидетельствуют о целесообразности замены термина «необходимая оборона» на «необходимую защиту», ввиду того, что последний наиболее точно отражает содержание данного права.

Так, оборона ориентирована, в том числе, на пассивную форму поведения, а защита подразумевает активные действия. Оборона предполагает заведомость нападения, что и определяет ее упредительный характер. Полагаем, оборона одна из нескольких тактических форм защиты от преступного посягательства. Стоит отметить, что термин «самозащита» тут также не уместен ввиду того, что он предполагает защиту обороняющегося без посторонней помощи, что исключает возможность содействия со стороны третьих лиц. Тем более в ст. 10 Конституции Республики Беларусь говорится о «защите государством гражданина». Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова «оборона» выступает как одно из средств «защиты», в свою очередь, «защита», «за-

щищать» означает «оградить от посягательства, враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь»; «защитник» – это то лицо, которое защищает, охраняет, оберегает кого-нибудь или что-нибудь»; «оборона» – это совокупность средств, необходимых для отпора врагу» [6, с. 617].

В научной литературе высказывается мнение о том, что в анализируемом контексте уместно использовать термин «оборона» ввиду того, что понятие «защита» употребляется в ином, более распространенном значении (судебная защита, правовая защита и т. д.). Данное утверждение представляется недостаточно мотивированным, так как основывается на традиции законодательства, т. е. на том, что понятие «оборона» существует давно и воспринято как теорией, так и практикой.

Таким образом, термин «защита» наиболее точно соответствует формулировке закона ввиду того, что он имеет в своей основе глубокую смысловую нагрузку, ведь действия по защите должны быть интенсивнее, чем само посягательство, а защита именно тогда будет иметь результат, когда она превосходит своей активностью посягательство.

Кроме этого, с точки зрения этимологии термин «необходимая» употреблен в ст. 34 УК некорректно, так как «необходимый» – это без чего нельзя обойтись. Соответственно, грамматическое толкование анализируемой нормы свидетельствует, что действия лица по отражению посягательства являются обязанностью; что, в свою очередь, вступает в противоречие с содержанием статьи, согласно которой действия – это право лица. По нашему мнению, предикат «необходимая» целесообразно применять к лицам, обязанным защищать права и жизнь человека, что регламентировано на законодательном уровне.

Вследствие вышесказанного, полагаем, название ст. 34 УК «Необходимая оборона» целесообразно заменить на более точную формулировку, отражающую ее правовую суть, «Правомерная защита».

Немаловажный аспект, на который нужно обратить внимание: законодатель, сформулировав ст. 34 УК, не дал правового понятия необходимой обороны. Между тем наличие такого определения будет способствовать определению границ необходимой обороны и отражать сущность данного явления, поскольку имеющихся определений необходимой обороны множество. Следует остановиться на таком, которое способствует оптимальному соотношению теоретического и правоприменительного аспектов. В этой связи стоит указать на возможность выбора следующей дефиниции: «Необходимая оборона – правомерная защита интересов личности, общества и государства от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему, но если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны».

Исследованием установлено, что в зарубежном уголовном законодательстве оборона (защита), как правило, не называется необходимой. Как пишет И. Звечаровский, данное слово используется в другом контексте: «если исполнитель полагает, что такая сила необходима для защиты» или «действие, продиктованное необходимостью законной обороны» [7, с. 53].

Однако наиболее сложным на практике является вопрос о критериях разграничения правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов. В ч. 3 ст. 34 УК определено, что превышение пределов необходимой обороны как юридическая категория является понятием, оценка которой зависит от усмотрения органов дознания, предварительного следствия и суда, что существенно сказывается на результативности правоприменительной деятельности. Не дает соответствующих разъяснений и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь.

Вместе с тем, полагаем, данная проблема требует пристального внимания законодателя, а также дальнейших исследований с целью разработки действенных рекомендаций по унификации подходов к реализации института необходимой обороны в обеспечении безопасности граждан, их имущества и, в конечном счете, в укреплении правопорядка.

Так, в научной литературе высказано мнение о том, что целесообразен отказ от института превышения пределов необходимой обороны и признание любого вреда, причиненного обороняющимся, правомерным. Представленная точка зрения не лишена смысла, так как справедливо, что именно посягающий несет риск возможного причинения ему любого вреда. Необходимо также учесть тот факт, что обороняющийся из-за сильного душевного волнения не может объективно определить соответствие его защиты характеру посягательства. Их оппоненты утверждают, что институт превышения пределов необходимой обороны следует сохранить, но закрепить в правовой норме ряд общих условий, при которых действия обороняющегося, причинившего вред посягающему лицу, признавались бы правомерными [8, с. 11]. Полагаем, данное мнение является более предпочтительным, так как в законе нельзя предусмотреть всех возможных ситуаций, но необходимо учесть наиболее типичные, которые дадут гражданам четкое представление о том, когда и как они могут защищаться, не боясь быть подвергнутыми уголовной ответственности. При этом следует признать обоснованным и целесообразным исключение понятия «превышение пределов необходимой обороны» в случаях защиты от общественно опасного посягательства, если оно сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Исторически сложилось, что в науке уголовного права традиционно условия правомерности причинения вреда в состоянии необходимой

обороны принято делить на условия, относящиеся к общественно опасному посягательству, и условия, относящиеся к защите. Среди второй группы условий следует выделить отсутствие превышения пределов необходимой обороны как наиболее противоречивое из всех. Превышение пределов необходимой обороны имеет место при явном несоответствии между вредом, угрожающим обороняющемуся, и вредом, причиняемым в ходе необходимой обороны. В науке иногда выдвигается ошибочное требование «соразмерности благ», применение которого повлекло бы невозможность использования необходимой обороны в определенных случаях. Например, согласно такому подходу нельзя нанести вору телесное повреждение или причинить смерть насильнику. Ошибочно также требование о причинении нападающему минимально возможного вреда, поскольку, полагая, в состоянии необходимой обороны невозможно определить «минимальный вред», причинение которого будет достаточным, чтобы отразить посягательство. При этом законодатель считает возможным в результате необходимой обороны причинение вреда более значительного, чем вред отраженный. Главное, чтобы не было явной несоразмерности такого вреда характеру и опасности посягательства.

Таким образом, рассмотренные вопросы не исчерпывают весь перечень проблем института необходимой обороны. В этой связи своевременным их решением представляются сформулированные авторские предложения по изменению действующего законодательства и практики его применения.

На основании вышеизложенного логичным представляется внести ряд изменений. Во-первых, целесообразно переформулировать название ст. 34 УК Республики Беларусь как «Правомерная защита», так как этимология данного словосочетания наиболее точно отражает правовую сущность анализируемого института. Во-вторых, ввиду отсутствия легальной дефиниции необходимой обороны в ст. 34 УК, ее стоит сформулировать следующим образом: «Необходимая оборона – правомерная защита интересов личности, общества и государства от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему, но если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны». В-третьих, так как в соответствии с ч. 3 ст. 34 УК превышение пределов необходимой обороны является юридической категорией, которая отдана на усмотрение органов предварительного расследования и суда, а соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по этому вопросу отсутствуют, логичным видится разработка рекомендаций или отдельного постановления, которые позволили бы исключить субъективизм правоприменителя.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. и 16 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны / А.Ф. Кони. – М. : Остожье, 1866. – 112 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. № 53-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Под Слонимом 81-летний пенсионер застрелил грабителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://govorim.by/grodnenskaya-oblast/slonim/novosti-slonima/94622>. – Дата доступа: 02.10.2017.

5. Судебная практика по уголовным делам / Суд. весн. – 2010. – № 1. – С. 62–63.

6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Юрид. лит., 1997. – 944 с.

7. Звечаровский, И. Кому необходима необходимая оборона? / И. Звечаровский // Уголов. право. – 2013. – № 1. – С. 51–58.

8. Звечаровский, И. Ответственность за нарушение условий правомерности необходимой обороны / И. Звечаровский // Законность. – 1998. – № 8. – С. 10–11.

УДК 343.953

В.В. Храменков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.В. Ермолович*

Рецензент – кандидат юридических наук *Ю.И. Селятыцкий*

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ ПРОФАЙЛИНГ

Рассматриваются проблемы внедрения в современную правоохранительную деятельность технологий правоохранительного профайлинга. Отдельно рассмотрены перспективные направления развития профайлинга в Республике Беларусь.

Современные реалии предъявляют к сотрудникам правоохранительных органов все более высокие требования. Качественная реализация поставленных перед данными органами задач зависит в большей степени от наличия у каждого сотрудника целостной системы знаний, навыков и компетенций, которая формируется в процессе подготовки и практической деятельности. Одним из элементов данной системы, на наш взгляд, должны быть современные технологии правоохранительно-профайлинга.

Свою историю технология профайлинга ведет с конца 70-х гг. XX в. Изначально она стала применяться с целью обеспечения авиационной безопасности израильской авиакомпанией «Эль-Аль». Профайлинг был ориентирован на снижение вероятности появления возможных рисков, связанных с авиаперевозками пассажиров, и применялся во время предполетного досмотра.

Параллельно с этим «Пол Экман Групп» (компания, которая была создана американским психологом Полом Экманом и занималась изучением эмоциональных экспрессий) разработала ряд компьютерных программ, позволяющих считывать эмоциональные состояния человека. Специальные программы, созданные Полом Экманом, стали активно применять не только в аэропортах США, но и в других структурах, занимающихся обеспечением безопасности. При обучении полицейских и других лиц навыкам профайлинга Пол Экман использовал тренажеры, основанные на разработанной им системе кодирования лицевых движений (FACS – Facial Action Coding System). В данной системе подробно представлены сигналы лица, т. е. информация, которую возможно считывать у объекта наблюдения.

В 1984 г. данная методика была смоделирована в англоязычном варианте компанией ICTS и стала использоваться службами авиационной безопасности в большинстве европейских стран и США.

На территории стран СНГ методика профайлинга, несмотря на неоднозначное толкование этого термина, была введена в 1990-х гг. [4, с. 6–7].

Необходимо также отметить, что значительную роль в становлении профайлинга сыграло расследование террористического акта, совершенного в отношении двух пассажирских самолетов, вылетевших 24 августа 2004 г. из аэропорта «Домодедово», которое показало, что в данном случае было упущено из виду много моментов, непосредственно указывающих на готовящийся террористический акт. Террористки продемонстрировали характерные подозрительные признаки, которые однозначно служат поводом для тотального досмотра и возможного отказа в перевозке. Таким образом, обращение к профайлингу, как эффективному способу по выявлению противоправных намерений пассажира, было обосновано требованиями сложившейся ситуации.

Проблема отсутствия опыта использования профайлинга в деятельности правоохранительных органов, недооценка его профилактических возможностей требует в настоящее время кардинального переосмысления. С учетом адаптации к национальной правовой системе и условиям применения данная технология может быть успешно внедрена в правоприменительную практику деятельности правоохранительных органов,

что даст положительный эффект в деле борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Успешность применения метода профайлинга предопределяется наличием у сотрудников правоохранительных органов необходимого объема знаний, прежде всего в области психологии, в частности в психологии поведения. Поведение является понятием, которое охватывает множество явлений, таких как реакция, движения, действия, процессы и иные измеряемые изменения организма исследуемого субъекта. Именно предвидя и прогнозируя поведение человека, мы можем судить о том, с какой степенью вероятности он может совершить противоправное действие. В то же время реализации процесса предвидения и прогнозирования поведения субъекта является достаточно затруднительной процедурой ввиду многогранности структуры самой личности. Однако выработанные теорией и практикой знания о ряде закономерностей поведения субъекта позволяют нам в определенной степени прогнозировать его и применить необходимые ответные меры профилактического характера, а в случае необходимости – меры, направленные на пресечение правонарушений.

В настоящее время в специальной литературе отсутствует единое понятие профайлинга. Однако можно установить, что данное слово является производным от английского «profile» – профиль и относится к профессиональной терминологии.

При определении содержания профайлинга необходимо исходить из следующих положений:

профайлинг – один из способов обеспечения безопасности, так как позволяет предотвратить противоправные действия посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций;

выявление потенциально опасных лиц и ситуаций проводится по специальным технологиям, в основе которых лежит комплексный анализ таких значимых факторов, как внешность и поведение человека, его перевозочные документы, багаж, вещи, находящиеся при нем, и др.;

профайлинг как один из способов по предотвращению противоправных действий может применяться на любом этапе, во всех местах и на всех мероприятиях по обеспечению безопасности;

в рамках профайлинга необходимо применение методов психологии в их прикладном аспекте, так как особый акцент делается на процессах межличностного взаимодействия, на возможностях человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации, на формировании и развитии таких качеств, как наблюдательность, проницательность, коммуникабельность.

По мнению ряда ученых, содержание понятия «профайлинг» понимается как технология предотвращения противоправных действий

посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии [4, с. 7–8]. В более узком смысле профайлинг – система установления вероятностной причастности определенного субъекта к планируемому противоправному действию.

На наш взгляд, целесообразно выделять в общей структуре технологии профайлинга отдельное направление – «правоохранительный профайлинг», содержание которого более соответствует целям и задачам, решаемым правоохранительными органами, а именно «технология выявления лиц, представляющих оперативный интерес, и прогнозирования противоправного поведения иных лиц в ходе обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности сотрудниками правоохранительных органов и специальных служб».

По нашему мнению, применительно к деятельности правоохранительных органов наиболее перспективными являются следующие направления применения профайлинга:

в обеспечении транспортной безопасности (транспортный или оперативный профайлинг);

при обеспечении безопасности крупных массовых мероприятий (спортивного, культурно-зрелищного, политического характера и др.) (профайлинг при проведении массовых мероприятий);

в оперативно-розыскной деятельности ОВД при составлении психологического портрета преступника (криминальный профайлинг);

в оперативно-розыскной деятельности ОВД, деятельности участковых инспекторов милиции и при несении патрульно-постовой службы на обслуживаемой территории (территориальный профайлинг);

при проведении отдельных следственных действий (осмотр, допрос, очная ставка, обыск) (следственный профайлинг).

Рассматривая правовой аспект использования технологий профайлинга, можно отметить, что для выполнения основных задач по обеспечению безопасности населения Республики Беларусь, Национальным собранием и Правительством нашего государства был принят ряд национальных законодательных актов и ратифицированы основные международные конвенции в данной сфере. Первоначально данное направление развивалось в рамках правового обеспечения безопасности деятельности объектов гражданского авиатранспорта. Так, Чикагская конвенция о международной гражданской авиации, принятая 7 декабря 1944 г. (Конвенция), Воздушный кодекс Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-3 (далее – Воздушный кодекс); Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17 июля 2007 г. № 263-3; постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 апреля 2009 г. № 31 «Об утверждении

авиационных правил «Обучение кадров в области авиационной безопасности»; постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 августа 2007 г. № 46 «Об утверждении авиационных правил «Контроль качества мероприятий по обеспечению защиты гражданской авиации Республики Беларусь от актов незаконного вмешательства» закрепили достаточный комплекс мер по предотвращению актов незаконного вмешательства. В частности, в приложении 17 к вышеуказанной конвенции сказано, чтобы правила, практика и процедуры авиационной безопасности обеспечивали не только безопасность пассажиров, экипажа, наземного персонала и других граждан во всех случаях, связанных с защитой гражданской авиации от актов незаконного вмешательства (АНВ), но и оперативное реагирование на любое усиление угрозы безопасности [2].

В ст. 77 Воздушного кодекса определены основные методы обеспечения безопасности на транспорте. К таким методам, в частности, относятся: предотвращение незаконного провоза на воздушном судне оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих, легковоспламеняющихся, радиоактивных веществ, а также других опасных веществ, материалов и изделий, которые могут быть использованы для совершения АНВ в деятельности авиации, и принятие особых мер предосторожности при их провозе в соответствии с законодательством; проведение досмотра пассажиров, членов экипажа воздушного судна, багажа, в том числе вещей, находящихся при пассажирах, грузов, почтовых отправок, бортовых запасов воздушного судна [1].

Профайлинг представляет собой особые технологии, которые видоизменяются в связи с угрозой АНВ и расцениваются как практика и процедуры обеспечения безопасности пассажиров, посетителей, экипажа, персонала, т. е. соответствуют международным стандартам по обеспечению безопасности.

Таким образом, все вышеуказанные документы подтверждают правомерность профайлинга и являются правовым обоснованием применения следующих процедур:

применение технологий профайлинга в рамках предполетного досмотра;

использование таких методов, как наблюдение, опрос, ручной досмотр багажа и личный (индивидуальный) досмотр;

применение профайлинга сотрудниками служб авиационной безопасности и правоохранительных органов в своей деятельности;

внедрение технологий профайлинга или его элементов для обеспечения безопасности воздушного судна при послеполетном досмотре пассажиров;

необходимость обучения профайлингу в рамках подготовки специалистов по обеспечению авиационной безопасности, соответствующей современным и другим возможным направлениям предотвращения актов незаконного вмешательства.

Более конкретные ссылки на профайлинг содержатся в таком нормативном правовом документе Республики Беларусь, как постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления досмотра в целях обеспечения авиационной безопасности» от 1 марта 2017 г. № 4/54. Так, в гл. 8 данного постановления сказано, что в целях выявления в пассажиропотоке потенциально опасных граждан проводится опрос (профайлинг) пассажира [3].

Наличие правовой базы и объективные предпосылки в применении профайлинга в правоохранительной деятельности формируют запросы на совершенствование и развитие технологий правоохранительного профайлинга в Республике Беларусь. Данное развитие может быть осуществлено в рамках создания проекта специализированной лаборатории профайлинга, например на базе учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Примером создания подобного научно-прикладного проекта может служить лаборатория территориального профайлинга, созданная на базе Санкт-Петербургского университета МВД России. Ее цели – моделирование учебных ситуаций по оценке поведения и намерений людей в местах массового скопления (вокзалы, торговые объекты, культовые сооружения) с целью предупреждения террористических актов на социально-культурных объектах города. Однако, на наш взгляд, в современных условиях лаборатория правоохранительного профайлинга может охватывать решение большего количества задач. Наиболее перспективным направлением является активное внедрение технологий верификации, т. е. использование при выявлении лжи как неинструментальных (профайлинг) методик, так и инструментальных (верификация) средств диагностики человеческого поведения (например, полиграф) и др. Рассматривая перспективный проект современной лаборатории правоохранительного профайлинга, целесообразно определить направления ее деятельности, а именно: обучение курсантов и переподготовка действующих сотрудников органов внутренних дел по отдельным направлениям профайлинга (верификации), проведение интегрированных междисциплинарных научных исследований; оказание помощи практическим подразделениям правоохранительных органов республики; создание открытой платформы для совершенствования правоохранительного профайлинга на территории Республики Беларусь. На наш взгляд, в ходе обучения курсантов и прак-

тических сотрудников целесообразно делать акцент на следующих направлениях: дистанционное выявление опасных лиц в ходе проведения массовых мероприятий; выявление лжи по вербальным и невербальным признакам в ходе проведения опроса, допроса, очной ставки; оперативное выявление причастных лиц при осмотре места происшествия; выявление подозрительных лиц на основе изучения видеопотока на объектах транспорта и в иных местах; обеспечение кадровой работы; оперативное выявление причастности к определенным событиям по признакам устной и письменной речи и др. Основными направлениями научных исследований данной лаборатории могут стать алгоритмы оперативного выявления признаков скрытого либо завуалированного гнева, презрения, отвращения и ряд др. После подбора специалистов и введения в активную эксплуатацию предложенного проекта у практических органов может появиться уникальная возможность по диагностике и прогнозированию поведения лиц, представляющих какой-либо интерес. Например, в ходе допроса подозреваемого параллельно со следователем могут проводить диагностику и оказывать помощь в режиме реального времени специалисты по ряду специфических, возможно даже спорных для научного мира, направлений (жесты и поза, микромимика, инструментальный контроль психоэмоционального состояния, анализ структуры и содержания письменной и устной речи, нейролингвистическое программирование, дерматоглифика, биоэнергетика и др.). Создание открытой платформы для осуществления взаимодействия в рамках проблемных вопросов профайлинга позволит привлечь к научным исследованиям специалистов из ведущих белорусских и российских высших учреждений образования, а в перспективе, при вхождении Республики Беларусь в Болонский процесс, – европейских образовательных и научных учреждений.

Одним из наиболее перспективных направлений для развития навыков профайлинга является внедрение в учебный процесс современных мультимедийных технологий обучения. Данное направление может быть обеспечено за счет внедрения современных мультимедийных учебных глоссариев.

Глоссарий (лат. Glossarium «собрание глосс») – словарь узкоспециализированных терминов в какой-либо отрасли знаний с толкованием, иногда переводом на другой язык, комментариями и примерами.

Абсолютное большинство учебных дисциплин и профайлинг в том числе имеют свой понятийный аппарат. В отдельных случаях понятийный аппарат имеет прямые междисциплинарные связи. Создание и внедрение мультимедийных учебных глоссариев, на наш взгляд, должны строиться на следующих принципах: конкретность, краткость, грамотность, наглядность, мультизадачность.

Принцип конкретности раскрывается применительно к содержанию воспринимаемого понятия, т. е. делает объект изучения уникальным и легко идентифицируемым на фоне остальных понятий, объектов, явлений, процессов.

Принцип краткости предполагает изложение мыслей с использованием наименьшего количества слов – в идеальном варианте – одного.

Принцип грамотности раскрывается в жестком соответствии воспринимаемого учебного материала с установленными нормами грамматики, правописания и фонетики (применительно к языку, на котором дается материал).

Принцип наглядности заключается в задействовании максимального количества каналов человеческого восприятия информации. Например, помимо озвучивания термина параллельно на мультимедийном экране отображается сам предмет (понятие, явление, процесс) и его написание, буквы которого изменяют цвет при воспроизведении.

Принцип мультизадачности глоссария. Данный принцип может обеспечивать решение задачи по целому ряду направлений, первоначально не связанных между собой, а именно, рассматривая вопросы, совершенствование общей языковой подготовки обучающихся, может появиться возможность давать термины и понятия последовательно на нескольких языках. Например, на экране появляется лицо с признаками эмоции гнева, рядом появляется буквенный блок информации, 1-я строка «Гнев» – русский язык; 2-я строка «Гнеў» – белорусский язык, 3-я строка «Anger» – английский язык (с ударениями). Параллельно с визуальным воспроизведением идет аудиосопровождение изучаемой информации. Изначально рассматриваемый глоссарий создан для изучения проявления эмоций в рамках учебной дисциплины «Индивидуальная тактическая подготовка», однако данный метод обучения позволяет частично решать и вопросы языковой подготовки курсантов.

Применительно к изучению содержания профайлинга, глоссарий может быть сформирован из фотографий (рисунков) лиц людей, с яркими выражениями определенных эмоций. В рамках данного исследования был разработан и внедрен в образовательный процесс Академии МВД глоссарий по изучению базовых эмоций по мимике лица, а именно: гнев, отвращение, презрение. Данные эмоции часто являются предвестниками активным действий, соответственно, должны быть быстро идентифицированы представителем правоохранительного органа в целях пресечения правонарушения и обеспечения личной безопасности.

Для создания максимально эффективного глоссария должны учитываться различные особенности обучающихся. Например, для лучшего усвоения материал может быть сформирован с учетом гендерных различий, в мужском и женском исполнении и др.

В заключение можно отметить, что активное внедрение и применение новых форм обучения сотрудников и военнослужащих правоохранительных органов, в том числе и обучению приемам и методам профайлинга, в перспективе позволит в целом повысить эффективность правоохранительной деятельности в Республике Беларусь. Проблема теоретического осмысления и практического применения профайлинга в деятельности служб безопасности и подразделений правоохранительных органов, являясь весьма актуальной, требует дальнейшего рассмотрения и решения.

1. Воздушный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 мая 2006 г., № 117-3 : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 24 апр. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. № 437-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Конвенция о международной гражданской авиации [Электронный ресурс] : [заключена в Чикаго 07.12.1944 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Об утверждении Инструкции о порядке осуществления досмотра в целях обеспечения авиационной безопасности [Электронный ресурс] : постановление М-ва трансп. и коммуникаций Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 1 марта 2017 г., № 4/54 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21732041&p1=1>. – Дата доступа: 15.04.2018.

4. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Правоохран. деятельность» / Ю.М. Вольнский-Басманов [и др.] ; под ред. Ю.М. Вольнского-Басманова, Н.Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 223 с.

УДК 343.985.8

О.П. Циунель, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ЗАЩИТА ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ИЛИ ОКАЗЫВАВШИХ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Освещаются положения Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», регулирующие порядок применения мер по обеспечению безопасности к лицам, оказывающим содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Институт защиты лиц, оказывающих или оказывавших содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, занимает одно из ключевых мест в политике государства по противодействию преступности. Этот факт обусловливается тем, что правоохранительные органы, противодействуя данному негативному социальному явлению, могут привлекать граждан к содействию на конфиденциальной основе, а также к подготовке проведения оперативно-розыскных мероприятий и участию в них. Кроме того, защита жизни, здоровья, имущества граждан – одна из приоритетных функций любого современного государства.

Для нормального функционирования института защиты конфидентов, их близких и имущества необходим целый комплекс специальных мер, направленных не только на обеспечение социальной и правовой защищенности, но и на охрану их жизни, здоровья и имущества. До июля 2015 г. проблема обеспечения безопасности данных лиц в теории и практике ОРД имела особую актуальность. Это связано прежде всего с отсутствием в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) от 1999 г. порядка обеспечения безопасности конфидентов, а также соответствующего организационно-тактического механизма их реализации.

Содействие гражданам органам, осуществляющим ОРД, связано с определенным риском негативного воздействия со стороны преступников, которое, в свою очередь, представляет угрозу успешному решению задач ОРД. В практической деятельности данное негативное воздействие может быть выражено в различных формах: причинение физического вреда и материального ущерба, психическое принуждение и даже физическое устранение содействующих граждан, что обуславливает объективную необходимость защиты лиц, оказывающих или оказывавших конфиденциальное содействие, и принятие комплекса мер обеспечения их безопасности [1].

Государство в лице компетентных органов должно гарантировать надежную защиту лиц, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе, что, в свою очередь, обеспечит дальнейшее сотрудничество граждан, создаст у них уверенность, что они находятся в состоянии защищенности, усилит их мотивацию. Между лицами, привлекаемыми к содействию, и государственными органами возникают особые правоотношения, содержанием которых является совокупность субъективных прав и юридических обязанностей.

Раскрытие правовой природы лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам, позволило современному законодательству закрепить определение таким лицам. Данное определение содержится в Законе об ОРД и гласит следующее: «гражданин,

оказывающий или оказывавший содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, – гражданин, привлеченный органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, к сотрудничеству на конфиденциальной основе, гражданин, который, не являясь должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, участвует или участвовал на конфиденциальной основе в оперативно-розыском мероприятии либо содействует или содействовал на конфиденциальной основе его подготовке и (или) проведению – по контракту либо по заявлению гражданина в соответствии с настоящим Законом» [2].

К основаниям применения мер безопасности необходимо относить наличие достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы жизни, здоровью или имуществу лица, оказывающего содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, или его близких.

Потребность обеспечения безопасности указанных выше лиц послужила своеобразным толчком к разработке и законодательному закреплению системы гарантий их социальной и правовой защиты.

Одним из важнейших прав таких лиц является право на социально-правовую защиту. В связи с этим особое значение приобретает разработка механизма социально-правовой защиты и его юридической сущности. Представляется, что данный механизм имеет систему взаимосвязанных элементов.

Первым элементом можно выделить совокупность государственно-правовых мер, установленных и гарантированных действующими нормативными правовыми актами. Такие меры можно разделить на три группы, которые направлены на обеспечение:

- эффективного содействия;
- безопасности содействующих лиц;
- их социальной защищенности [3].

Эффективность содействия в соответствии с Законом об ОРД достигается путем соблюдения требований конспирации при осуществлении ОРД, сохранения в тайне сведений о лицах, оказывающих содействие, предоставления права на получение вознаграждения и других выплат и других мер. Безопасность достигается путем применения мер безопасности в порядке, определяемом Законом «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь». Представляется, что в условиях отсутствия специального нормативного правового акта должны применяться меры безопасности (например, личная охрана, охрана жилища и имущества, временное помещение в безопасное место, изменение паспортных данных и др.) на основаниях и в порядке, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О государственной защите судей, долж-

ностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Социальная защищенность достигается путем применения предусмотренных нормативными правовыми актами гарантий социальной защиты. В соответствии с Законом об ОРД к ним могут быть отнесены: включение периода сотрудничества граждан с органами, осуществляющими ОРД, по контракту в качестве основного рода занятий в их трудовой стаж; выплата единовременного пособия в случае гибели (смерти) лица семье потерпевшего и др. [2].

Но, несмотря на это, существующие в отечественном законодательстве меры по обеспечению безопасности не в полной мере достаточны для эффективного обеспечения защиты конфидентов.

Вторым элементом механизма социально-правовой защиты будут являться лица, в отношении которых установлены рассмотренные выше меры. К этой категории следует отнести совершеннолетних, дееспособных лиц, привлекаемых на добровольной основе к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий. По их волеизъявлению содействие может быть гласным или конфиденциальным, осуществляемым с заключением контракта либо без него. При определенных законодательством условиях такие меры могут быть распространены на близких указанных лиц, членов их семьи и иждивенцев. Так, в отношении указанных категорий лиц применяются такие меры, как выплата единовременного пособия, пенсии по случаю потери кормильца, меры безопасности в случае реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье, имущество.

Третьим элементом механизма реализации социально-правовой защиты лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, являются государственные органы, уполномоченные на реализацию составляющих ее ранее мер. Представляется обоснованным, что реализовывать такие меры должны государственные органы, которым лица оказывают содействие. Перечень таких органов содержится в ст. 12 Закона об ОРД.

Четвертый элемент механизма реализации мер – порядок реализации мер социально-правовой защиты, который представляет собой совокупность последовательных элементов (этапов), направленных на осуществление мер социально-правовой защиты лиц, оказывающих содействие уполномоченным в решении задач ОРД. Исходя из сложившихся в юридической науке взглядов под реализацией мер социально-правовой защиты следует понимать процесс осуществления государственным органом предписаний правовых норм, составляющих институт социально-правовой защиты лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД. Реализация указанных мер возможна в случае

возникновения обстоятельств, дающих право притязания на них, т. е. возникновение юридических фактов.

В свою очередь, термин «защита» часто заменяют словом «охрана», хотя это различные аспекты обеспечения прав личности, характеризующиеся тесными связями и взаимопереходами, в отдельных случаях сближающиеся и совпадающие, в других – относительно обособленные и существующие вполне самостоятельно.

В рассматриваемом аспекте термин «защита» как понятийное образование состоит из двух взаимосвязанных понятий:

- социальной защиты;
- правовой защиты.

От определения их соотношения и объема зависит правильное формулирование единого понятия социальной и правовой защиты в ОРД. К данной проблеме в специальной литературе существуют неоднозначные подходы.

Понятия «социальная защита» и «правовая защита» не являются взаимоисключающими, наоборот, они взаимообусловлены, правовые нормы не исключают норм общественных. При закреплении социальных мер защиты в нормах права они одновременно становятся и мерами правовой защиты. Следовательно, социальную и правовую защиту следует рассматривать как совокупность правовых положений, определяющих социальные гарантии участникам ОРД, а также обеспечивающих их реализацию.

Термин «социальный» (лат. *socialis*) означает – общественный; связанный с жизнью и отношениями людей в обществе, т. е., сочетание «общественная защита лиц, содействующих на конфиденциальной основе», несет уже несколько иную смысловую нагрузку, так как общество само по себе не обладает необходимыми инструментами защиты. Такими средствами может обладать только государство, которое имеет и использует в качестве защиты такие инструменты, как право и государственно-правовой механизм по его реализации.

Термин «государственная защита» включает в себя и правовую защиту (законы принимаются государством), и социальную (в силу того что общественные организации и само общество являются частью государства, и эти два института практически не могут существовать друг без друга), и политическую, и экономическую, и военную, и иную.

Под государственной защитой лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, следует понимать осуществление уполномоченными на то государственными органами предусмотренных действующим законодательством мер безопасности, правовой

и социальной защиты, применяемых при наличии угрозы посягательств на их жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство указанных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим ОРД [4].

Анализируя оперативно-розыскное законодательство и теоретические аспекты этой деятельности применительно к задаче защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД методами ОРД, реализуемой в форме проведения оперативно-розыскных мероприятий, термин «оперативно-розыскные меры» определяет как отдельные приемы, отражающие количественные и качественные характеристики оперативно-розыскных действий, и как систему приемов или совокупность специальных оперативно-розыскных действий. Последний подход к определению содержательного аспекта понятия «меры» представляется более приемлемым, так как в основе его лежит использование мероприятий, т. е. организованных действий или совокупности действий, имеющих определенную цель.

Защита лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, должна достигаться не просто удалением их из сферы досягаемости преступниками, а предоставлением им надежных гарантий, позволяющих эффективно осуществлять свои права и обязанности в решении задач ОРД.

В связи с этим целесообразно определить и рассмотреть виды защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД. В качестве видов можно определить:

- применение специальных мер безопасности;
- осуществление мер социальной защиты.

Действие защиты должно распространяться на все категории лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, а не только сотрудничающих по контракту [5].

Исходя из всего вышеизложенного следует, что конфиденциальное содействие граждан с оперативно-розыскными органами можно определить как специфический вид содействия органам уголовного преследования, а защиту указанных лиц – как специфический вид защиты лиц, содействующих гражданам. Механизм реализации социальной и правовой защиты в свою очередь может быть рассмотрен как система элементов, включающая в себя: меры социально-правовой защиты лиц, в отношении которых они могут осуществляться; органы, уполномоченные их осуществить, и порядок их реализации.

1. Замылин, Е.И. Правовые основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству [Электронный ресурс] / Е.И. Замылин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Горшенков, С.А. Отдельные аспекты правового регулирования и теоретического осмысления проблемы защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в Республике Беларусь / С.А. Горшенков // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 27 февр. 2014 г. / Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь ; редкол.: Е.Л. Лазакович [и др.]. – Могилев, 2014. – С. 110–111.

4. Башан, А.В. К вопросу об организационном обеспечении безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел / А.В. Башан, С.А. Горшенков // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 27 февр. 2014 г. / Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь ; редкол.: Е.Л. Лазакович [и др.]. – Могилев, 2014. – С. 90–91.

5. Башан, А.В. Пути совершенствования законодательства в сфере защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел / А.В. Башан, С.А. Горшенков // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности : материалы Всерос. видеоконф. «Розыскная работа ОВД», Тюмень, 29 февр. 2012 г. / Тюмен. ин-т повыш. квалиф. сотрудников МВД России ; редкол.: В.А. Иголевиц [и др.]. – Тюмень, 2012. – С. 26–27.

УДК 351.74

А.А. Швайко, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *В.С. Трояновский*

Рецензент – кандидат юридических наук *С.Ю. Дегонский*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассмотрены основные положения правоприменения и правоприменительной деятельности органов внутренних дел, а также основания разграничения данных понятий. В противовес разграничению показана сторона соотношения правоприменения и правоприменительной деятельности. Рассмотрен также вопрос об основном субъекте правоприменительной деятельности – органы внутренних дел.

Правоприменительная деятельность компетентных должностных лиц государственных органов является объектом пристального внимания не только ученых, но и прежде всего граждан Республики Беларусь. Именно они обращаются к соответствующему должностному лицу для

установления юридически значимого факта, разрешения спора, а также вступают во взаимоотношения с государством по другим поводам, влекущим установление, изменение или прекращение соответствующих прав и обязанностей у субъектов данных правоотношений. Непосредственно по результатам такого взаимодействия граждане делают выводы о способности государства защитить их права и законные интересы, обеспечить достойный уровень жизни, создать условия для удовлетворения соответствующих потребностей и реализации деловых и творческих инициатив, что стимулирует правомерное поведение субъекта права, добросовестное исполнение возложенных на него обязанностей.

Значимость таких взаимоотношений человека и государства невозможно переоценить, поэтому в настоящее время осуществляется ряд мероприятий правового и организационного характера, направленных на создание положительного имиджа органов государственной власти и управления, в том числе и ОВД Республики Беларусь. Примером такой деятельности является разработка и осуществление комплекса мер, направленных на де бюрократизацию государственного аппарата и улучшение работы с гражданами, содержащихся в Директиве Президента Республики Беларусь № 2 «О де бюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» [1]. Однако помимо организационных мероприятий важное значение имеет правоприменительная деятельность компетентных органов и должностных лиц, направленная на защиту прав и свобод граждан, достижение справедливости в деле государственного управления.

Сегодня понятие «правоприменительная деятельность» активно используется в нормативных правовых актах различного уровня и в научной литературе, являясь одной из важнейших и широко распространенных категорий в общей теории права и отраслевых юридических науках. В связи с пристальным вниманием к обозначенной проблеме, а также востребованностью ее на практике и отсутствием системной и комплексной общетеоретической разработки можно констатировать, что исследования в данной области представляют собой научный интерес как в силу своей фундаментальности, так и естественного процесса накопления новых знаний, что побуждает исследователей-правоведов к уточнению и пересмотру тех или иных подходов при выяснении сущности и основных признаков правоприменительной деятельности.

Правоприменительную деятельность следует рассматривать исходя из двух взаимосвязанных аспектов:

во-первых, правоприменительная деятельность – это организационно-правовая форма осуществления применения права, выражающая

ся в комплексе правоприменительных действий по реализации юридических предписаний;

во-вторых, правоприменительная деятельность, с функциональной точки зрения, является особым видом юридической деятельности компетентных субъектов, обладающих властными полномочиями, осуществляемой в строгом соответствии с процессуально-процедурными регламентами, с целью разрешения конкретного юридического дела.

Говоря же о соотношении терминов «правоприменительная деятельность» и «применение права», следует иметь в виду, что категория «применение права» раскрывает только теоретические аспекты понимания того, как и кем должно осуществляться применение права. В данном случае смысл дефиниции «применение права» не предполагает динамизма и не дает возможность представить его в действии. В то же время, как видится, именно «правоприменительная деятельность» берет на себя задачу показать применение права в движении. В таком понимании применение права и правоприменительная деятельность соотносятся как общее и частное. Применение права, будучи более широким понятием, регламентирует деятельность и правила поведения субъектов в процессе применения правовых норм, что позволяет эффективно обеспечить законность и обоснованность принимаемых правоприменителем решений. В свою очередь, как было отмечено ранее, правоприменительная деятельность является процессуальной формой применения права и обеспечивает динамику данного процесса.

Применение права – это государственно-властная и организующая деятельность компетентных органов по реализации норм права в конкретном случае и вынесение актов применения права.

В общей теории права применение права обычно рассматривают как властную систему, индивидуально-правовую деятельность, которая направлена на решение юридических дел.

Применение права – одна из форм государственной деятельности, направленная на реализацию правовых предписаний.

Основные требования к применению права:

- законность;
- обоснованность;
- своевременность;
- целесообразность;
- справедливость;
- гуманность.

Цель применения права – удовлетворение не личных потребностей правоприменителей и не только потребностей лиц, реализующих права и обязанности, а законных интересов всего общества.

Применение права осуществляется всегда в рамках конкретных правовых отношений. Данные отношения называют правоприменительными. Правовое положение участников в подобных правоотношениях различно. Активная и определяющая роль принадлежит субъекту, обладающему в данном конкретном отношении властными полномочиями, он обязан использовать их на удовлетворение не своих собственных интересов, а интересов других участников правового отношения в направлении разрешения конкретной жизненной ситуации [2, с. 44].

Правоприменительной деятельности органов внутренних дел отведено особое место в правоохранительном механизме современного белорусского государства, что определяет особые требования, применяемые к ее качеству.

Применение права как форма его реализации чаще всего рассматривается исследователями в рамках правоприменительной деятельности, осуществляемой уполномоченными на то компетентными государственными органами. Но подобный подход отображает только одну сторону этого правового явления, так как для реализации права в форме применения необходимо наличие не только правоприменителя, но и субъекта, к которому эти нормы права применяются. Вместе с тем применение права строго регламентируется законом, а его участники обладают правами и обязанностями относительно друг к другу.

Таким образом, можно говорить о наличии особой разновидности правовых отношений, а именно правоприменительных, в рамках которых и реализуется правоприменительная деятельность органов внутренних дел.

Правоприменительные отношения органов внутренних дел выступают в качестве разновидности управленческих отношений, обладают управленческой природой, организационной сутью, имеют специфические связи с управляемыми субъектами. Правоприменительные отношения в деятельности органов внутренних дел можно определить как разновидность общественных отношений, обусловленных взаимосвязями субъектов, обладающих юридическими правами и обязанностями, в рамках их деятельности и в соответствии с правовыми и процедурными нормами, осуществляющими государственно-властные полномочия по регулированию и разрешению индивидуальных дел и правовых ситуаций.

Органы внутренних дел в правоохранительной сфере являются одним из главных субъектов правоприменительной деятельности. Вся деятельность сотрудников органов внутренних дел регламентируется нормативными правовыми актами и законодательством. Реализация этих норм

является одной из обязанностей сотрудника в его работе, и она должна выполняться. В противном же случае к сотруднику могут быть применены меры воздействия, будь то административное взыскание или дисциплинарное, что, в свою очередь, также является применением права.

Правоприменение – специфическая форма деятельности органов внутренних дел, направленная на реализацию правоохранительной функции государства, включающей целенаправленное воздействие органов внутренних дел на социальные отношения в области противодействия преступности, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Она строится на определенных принципах, находящихся в единстве и диалектической взаимосвязи, что устанавливает определенные пределы использования форм и методов осуществления правоприменения, выступая тем самым юридическими гарантиями правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Именно находясь в тесной взаимосвязи между собой, принципы правоприменительной деятельности органов внутренних дел образуют определенную систему, включающую прежде всего принципы законности, обоснованности, целесообразности и справедливости [3, с. 455].

Правоприменение как властная, организующая деятельность специально уполномоченных субъектов представляет собой одну из главных составных частей механизма правового регулирования общественных отношений, что значительно отличает ее от других форм реализации права.

Таким образом, правоприменительная деятельность представляет собой сложный механизм материально-правовых, процессуальных, организационных, технических, психологических и иных связей, что отличает применение права от правоприменительной деятельности.

Правоприменительная деятельность органов внутренних дел, как и любой другой вид деятельности государственных органов, независимо от количества выделяемых стадий базируется на определенных отправных началах: принципах законности, обоснованности, целесообразности и справедливости.

Считаем, что одной из задач реформирования существующей системы органов внутренних дел Республики Беларусь видится в формировании высокого уровня профессиональной правовой и нравственной культуры субъектов правоприменительной деятельности органов внутренних дел, что позволит достичь как юридической, так и социальной эффективности применения права.

Проблемы понятия права и его реализации в правоприменительной деятельности органов внутренних дел в современных условиях должны

тесно увязываться с правоохранительной функцией государства. Для этого необходимо четко понимать сущность правоприменительной деятельности и правоохранительную направленность субъектов, осуществляющих ее. Указанное позволит достичь наиболее высокого уровня применения права.

1. О дебиюкратизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2006 г., № 2 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23 марта 2015 г. № 135 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Воропаев, Д.А. К вопросу об юридико-технических основаниях усмотрения в правоприменительной деятельности / Д.А. Воропаев // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления : материалы XIX респ. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, Минск, 20 марта 2015 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: под общ. ред. И.И. Ганчеренка. – Минск, 2015. – С. 455–457.

3. Лазарев, В.В. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / В.В. Лазарев, И.П. Левченко. – М. : Акад. МВД СССР, 1989. – 84 с.

УДК 342.9

А.В. Шейко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.С. Касьянчик*

Рецензент – кандидат юридических наук *О.В. Гиммельрейх*

НЕПОВИНОВЕНИЕ ЗАКОННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИМ СЛУЖЕБНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассматриваются актуальные вопросы квалификации и ответственности за совершение правонарушения, состоящего в оказании неповиновения законным требованиям должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий. Формулируются предложения по совершенствованию мер ответственности и механизма их реализации.

Вопросы, связанные с организацией административно-правового статуса должностного лица, на протяжении не одного десятилетия находятся в центре дискуссии ученых и практиков. И это не удивительно,

ведь от уровня организации и степени проработанности такого статуса в конечном счете зависит эффективность реализации коррелирующего такому статусу правового статуса гражданина в сфере государственного управления.

Существуют различные подходы относительно понятия должностного лица. Попытки правовой регламентации элементов его правового статуса дают все основания утверждать об истории развития этой проблематики. В общеправовой науке выделяют два противоположных подхода в толковании понятия «должностное лицо» – широкий и узкий [1, с. 13]. Наиболее четкое выражение они нашли в науках административного и уголовного права.

Длительное время исследования в изучении данной проблематики преобладали в уголовно-правовой науке. Это было связано с особенностью уголовной ответственности в сфере служебной деятельности. Уголовное право исходит из широкого понимания понятия «должностное лицо» и рассматривает должностное лицо как субъекта, противоправные действия которого носят повышенную общественную опасность. Это имело значительное влияние на развитие института административной ответственности должностных лиц.

В отличие от приведенного подхода основное внимание представителей административно-правовой науки концентрировалось на особенностях правового статуса должностного лица как участника управленческих отношений [2, с. 11–12].

Исследования содержания понятия должностного лица в административном праве происходили в рамках развития института государственной службы, в системе знаний которого должностными лицами признавались лишь государственные служащие государственных органов и их аппарата.

Отсутствием унифицированного нормативного подхода к определению содержания данного понятия опосредуется ряд иных проблем, существующих в системе организации административно-правового статуса должностного лица государственного органа. Ключевым аспектом неразрешенности этих проблем является необеспеченность полномочий должностного лица государственного органа созданной и эффективно функционирующей системой мер ответственности, направленных на реализацию таких полномочий. В основе системы таких мер лежит ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий, предусмотренная ст. 23.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП).

Практика применения данной статьи свидетельствует, с одной стороны, о широком распространении деяний, предусмотренных ее диспозицией, но, с другой, о постепенном снижении ее эффективности, учитывая относительно устойчивую динамику роста количества фактов привлечения граждан к ответственности согласно санкции приведенной нормы. В конечном счете это приводит к существованию значительных проблем комплексности организации административно-правового статуса должностного лица, утрате его эффективности.

Фактическое административное принуждение начинается уже с момента предъявления должностным лицом законного требования к обязанному лицу, не желающему подчиниться введенному ограничению. При этом должностное лицо обязано предупредить гражданина, совершающего административное правонарушение, о применении мер принуждения (пресечения) и возможной его ответственности. Здесь принципиально значимым является то, что если этого принудительного воздействия оказывается достаточно, ответственность по указанной норме не наступает.

Поскольку требования и иные юридически и организационно-властные действия должностного лица, направленные на реализацию его административно-правового статуса, по сути, представляют собой правоприменительные акты, в соответствии с презумпцией законности правового акта управления любое юридически властное требование должностного лица презюмируется законным, а потому подлежит исполнению, пока и если иное не будет установлено.

Важно отметить неоднозначность рассмотрения критерия законности требований должностного лица (его категорий) различными авторами.

Например, при регламентации ст. 35 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД) в ранг обязательных для исполнения всеми гражданами возводятся только *законные* требования сотрудника органов внутренних дел. При этом, что следует понимать под термином «законные требования должностного лица (в том числе сотрудника органов внутренних дел)» ни в Законе об ОВД, ни в иных нормативных правовых актах не конкретизируется.

В специальной литературе данный термин определяется в широком диапазоне значений: от таких требований, которые «соответствуют закону, основаны на законе» [3, с. 530], «предусмотрены нормативными правовыми актами» [4, с. 857], «реализуют предписания нормативных правовых актов» [5, с. 68], до требований и действий, которые «не противоречат... предписаниям правовых норм» [6, с. 368].

Проведенное исследование проблем применения нормы ст. 23.4 КоАП «Неповиновение законному распоряжению или требованию

должностного лица при исполнении им служебных полномочий» и связанных с ними вопросов совершенствования созданного механизма ее реализации позволяет сделать следующие выводы.

1. Под административно-правовым статусом должностного лица необходимо понимать закрепленную правовыми нормами систему взаимосвязанных, персонально не определенных административно-публичных полномочий, правовых ограничений, ответственности и гарантий правовой защиты должностного лица, обусловленную содержанием деятельности по реализации государственно значимых функций в сфере охранительных и регулятивных правоотношений.

2. В системе организации административно-правового статуса должностного лица полномочиям, учитывая их властный потенциал и особую значимость в системе реализации государственно значимых функций, отведена главенствующая роль. Однако, не будучи обеспеченными средствами реализации, такие полномочия утрачивают свой регулирующий потенциал и перестают быть действенным правовым средством в системе функционирования государственного органа. Организационно-правовыми средствами, обеспечивающими реализацию полномочий должностного лица, выступают гарантии его правовой защиты.

3. В основе организации административно-правового статуса должностного лица лежит система административно-публичных полномочий, непосредственная реализация которых выступает обязательным элементом системы функционирования государственных органов.

Вместе с тем неотъемлемым звеном механизма реализации таких полномочий (а равно функций государственных органов) выступает система гарантий правовой защиты должностного лица. Ключевым звеном в системе таких гарантий выступает группа правовых средств, обеспечивающих привлечение виновных лиц к ответственности за воспрепятствование осуществлению законной деятельности должностного лица, а равно за деяния, посягающие на него и его близких в связи с реализацией им своих служебных полномочий (гарантии защиты прав должностного лица).

Ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе, выступает важнейшей специально-юридической гарантией правовой защиты должностного лица.

4. В современных условиях правовая охрана деятельности должностных лиц государственных органов осуществляется нормами различных отраслей права – уголовного, административного, гражданского, трудового. В соответствии с этим можно вести речь об уголовно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой

охране деятельности должностных лиц. Меры, принимаемые в рамках этих видов правовой охраны, различны, но вместе с тем служат одной единой цели – защите деятельности должностных лиц от посягательств, обеспечению ее нормального хода и беспрепятственного осуществления.

Однако рассмотрение института ответственности за посягательство на деятельность должностного лица государственного органа в контексте оказания противодействия его законным требованиям следует начинать с уголовного законодательства, с норм которого берет непосредственное начало этот институт.

5. В современных условиях охрана служебной деятельности должностных лиц обеспечивается посредством следующих составов административных правонарушений: вмешательство в разрешение дела об административном правонарушении (ст. 23.3 КоАП); неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий (ст. 23.4 КоАП); оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий (ст. 23.5 КоАП); неисполнение (письменного) требования (предписания) (ст. 23.1 КоАП); воспрепятствование проведению проверки, экспертизы (ст. 23.2 КоАП); невыполнение требования об остановке транспортного средства (ст. 18.21 КоАП).

6. Неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица всегда связано с посягательством на порядок управления, общественный порядок и общественную безопасность, а в некоторых случаях – и на здоровье должностных лиц.

7. Непосредственным объектом административных правонарушений, состоящих в оказании неповиновения законным требованиям или распоряжениям должностного лица, выступают общественные отношения, обеспечивающие конкретные виды государственного управления, на которые посягает физическое лицо: деятельность должностных лиц органов государственного управления и государственных организаций.

8. Состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 23.4 КоАП, является формальным: для признания деяний, предусмотренных диспозицией данной статьи в качестве оконченного правонарушения, достаточно установить факт противоправных действий (бездействия), при этом наличия каких-либо последствий не требуется.

В названии и диспозиции ст. 23.4 КоАП указывается на запрет неповиновения как в отношении требования должностного лица, так и применительно к его распоряжению.

Однако понятие «распоряжение», в отличие от понятия «требование», распространяемого применительно ко всем категориям граждан, являет собой вид акта управления, издаваемого, как правило, единолич-

но руководителем коллегиального органа в целях разрешения оперативных вопросов; чаще всего касается узкого круга должностных лиц.

Вместе с тем в диспозиции данной нормы четко и прямо указано на то, что действие данной статьи не распространяется на неповиновение должностному лицу со стороны работника, который организационно ему подчинен. Следовательно, логичен вывод о том, что термин «распоряжение», имеющий сугубо внутри служебное, трудовое основание, не согласуется с ее сущностным предназначением, ее содержанием. В этой связи полагаем необходимым термин «распоряжение» исключить из названия и диспозиции рассматриваемой нормы.

Наиболее приемлемым вариантом разрешения обозначенной проблемы видится четкое законодательное разъяснение примененного в ряде законодательных актов Республики Беларусь термина «законные требования должностного лица». С позиций обозначенной проблемы и ее проявлений в практике деятельности государственных органов под таковыми необходимо признать требования должностного лица государственного органа, не противоречащие нормам действующего в Республике Беларусь законодательства, направленные на реализацию функций государственного органа, от лица которого выполняет свои служебно-должностные обязанности это лицо. Полагаем целесообразным закрепить данное определение в примечании к ст. 23.4 КоАП.

В целях обеспечения учета общественной вредности при назначении судами мер ответственности за деяния, подпадающие под состав правонарушения, предусмотренного ст. 23.4 КоАП, изложить данную статью в новой редакции, предусмотрев в ней наличие части второй:

«Статья 23.4. Неповиновение законному требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий

1. Неповиновение законному требованию должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе, –

влечет наложение штрафа в размере от двух до тридцати базовых величин или административный арест.

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное лицом, в течение года привлекавшимся к административной ответственности по данной статье, –

влечет наложение штрафа в размере от тридцати до пятидесяти базовых величин или административный арест».

1. Усольцев, А.Т. Должностное лицо в советском государственном управлении / А.Т. Усольцев // Правоведение. – 1987. – № 2. – С. 13–19.

2. Дубенко, С.Д. Государственная служба и государственные служащие в Украине : учеб.-метод. пособие / под ред. Н.Г. Нижник. – К. : ІнЮре, 1999. – 242 с.

3. Словарь русского языка : в 4 т. / подгот. Л.П. Алекторовой [и др.] ; гл. ред. А.П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1 / ред.: А.П. Евгеньева, Г.А. Разумникова. – 1981. – 698 с.

4. Круглов, В.А. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / В.А. Круглов. – Минск : Амалфея, 2013. – 1064 с.

5. Крамник, А.Н. Административная ответственность за правонарушения против порядка управления : учеб. пособие / А.Н. Крамник, Н.А. Крамник, А.А. Садовская. – Минск : БГУ, 2013. – 183 с.

6. Кондрашов, Б.П. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции» / Б.П. Кондрашов, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 453 с.

УДК 343.13

Александр С. Юргель, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

Рецензент – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

О СУЩНОСТИ, ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И ЗНАЧЕНИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Рассматривается правовая природа стадии возбуждения уголовного дела в Республике Беларусь; исследуется нормативная регламентация первоначального этапа процессуальной деятельности через призму целесообразности его сохранения в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, вскрываются отдельные проблемы правового регулирования и правоприменения, возникающие на этапе возбуждения уголовного дела.

Для обеспечения охраны гарантированных Конституцией Республики Беларусь прав и свобод граждан законодатель допускает ведение предварительного расследования только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Вместе с тем нельзя допускать, чтобы общественно опасные деяния остались без внимания и надлежащей правовой оценки со стороны органов уголовного преследования. С целью обеспечения обоснованности начала расследования и полноты охвата этой деятельностью всех случаев совершения преступлений в уголовном процессе существует стадия возбуждения уголовного дела. Рассматриваемая стадия – это первоначальный этап уголовного процесса, который представляет собой проведение проверки по заявлениям (сообщениям) о преступлениях в целях установления органом уголовного преследования наличия или отсутствия

поводов и оснований к возбуждению уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) орган уголовного преследования в пределах своей компетенции обязан возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления [1].

В УПК анализируемая стадия преимущественно регламентируется гл. 20, 21. Ее обособленность обуславливается наличием «собственных» целей, задач, процессуальных сроков, кругом участников и перечнем принимаемых решений.

Целью стадии возбуждения уголовного дела является установление наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Для этого в «арсенале» органов уголовного преследования имеется перечень следственных и других процессуальных действий, проведение которых возможно до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Согласно ч. 2 ст. 173 УПК к ним относятся получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование дополнительных документов, назначение проверки финансово-хозяйственной деятельности, производство осмотра места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствования, экспертиз, задержания и личного обыска при задержании, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (эксгумация). Существование приведенного перечня, с одной стороны, дает возможность осуществлять меры по предотвращению или пресечению преступления, обнаружению, изъятию и закреплению его следов в ходе проверки поступившего заявления (сообщения), с другой – фактически влечет использование институтов предварительного расследования на этапе, когда вопрос о возбуждении уголовного дела еще не решен положительно.

Рассматривая задачи стадии возбуждения уголовного дела, следует отметить, что ей, безусловно, присущи общие задачи стадий уголовного процесса, вытекающие из ст. 7 УПК. Что касается ее непосредственных задач, то к ним традиционно относят: установление наличия или отсутствия признаков преступления; выяснение вопроса о том, имеются ли обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, предусмотренные в ст. 29 УПК; обеспечение возможности своевременного реагирования уполномоченных субъектов на все факты выявления совершенных, совершаемых или готовящихся общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом; создание необходимых условий для возбуждения уголовного дела при наличии признаков преступления; исключение случаев необоснованного возбуждения уголовных дел и бесосновательного по ним производства [2, с. 292]. Уникаль-

ность отдельных задач стадии возбуждения уголовного дела отчетливо видна при рассмотрении задач других стадий уголовного процесса. Так, приоритетными задачами стадии предварительного расследования являются: установление обстоятельств преступления, избличение лиц его совершивших, обеспечение обоснованного привлечения их в качестве обвиняемых и освобождение от уголовной ответственности невиновных лиц. Основная задача стадии назначения и подготовки судебного разбирательства состоит в рассмотрении поступившего в суд уголовного дела для решения вопроса о достаточности данных для рассмотрения его судом по существу. Стадия судебного разбирательства – центральная стадия уголовного процесса, где судом решится вопрос о виновности или невиновности обвиняемого и применения к нему уголовного наказания.

Таким образом, даже поверхностное рассмотрение задач некоторых стадий уголовного процесса свидетельствует о том, что стадии возбуждения уголовного дела присущи задачи, которые не решаются на других стадиях уголовного процесса, в этой связи ее самостоятельное существование вполне целесообразно.

Еще одним индивидуализирующим признаком стадии возбуждения уголовного дела являются ее процессуальные сроки. Часть 1 ст. 173 УПК устанавливает, что при поступлении информации о преступлении решение по заявлению (сообщению) должно быть принято в срок не позднее трех суток, а при необходимости проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела – не позднее десяти суток. В необходимых случаях срок проведения проверки может быть продлен до трех месяцев. Однако, учитывая возможность приостановления и возобновления проверки, общий срок ее осуществления может достигать шести месяцев (ст. 173³ УПК). Несмотря на то что согласно п. 4¹ ст. 173 УПК в срок проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении не включается время, в течение которого она была приостановлена, время принятия итогового решения, предусмотренного ст. 174 УПК, а следовательно, и законное право гражданина на защиту своих интересов так или иначе откладывается на указанный срок.

Необходимо отметить, что круг участников стадии возбуждения уголовного дела имеет ряд уголовно-процессуальных особенностей. Так, законодателем в п. 49 ст. 6 УПК через соответствующее перечисление было разъяснено, какие субъекты являются участниками уголовного процесса. На начальном этапе уголовно-процессуальной деятельности в сферу рассматриваемых общественных отношений вовлекается заявитель, лицо, пострадавшее от преступления, лицо, проверяемое на

причастность к преступлению, и очевиден. Следует подчеркнуть, что в вышеуказанном пункте ст. 6 УПК данные лица не перечислены, к тому же их процессуальный статус в УПК подробно не регламентирован, в связи с чем на начальном этапе уголовно-процессуальной деятельности возникает ряд вопросов в правоприменительной практике, связанных с отсутствием закрепленных в законе обязанностей и прав названных субъектов, в том числе права на юридическую помощь.

В связи с поступившей или обнаруженной информацией о совершенных, совершаемых или готовящихся преступлениях по результатам проведения проверки орган уголовного преследования принимает одно из предусмотренных ст. 174 УПК решений: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о передаче заявления, сообщения по подследственности, компетенции; о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде в соответствии со ст. 426 УПК уголовное дело частного обвинения. Уголовное дело может быть возбуждено по факту совершения преступления либо в отношении конкретного лица. Вместе с тем решение о возбуждении уголовного дела принимается только тогда, когда исследованы все обстоятельства и собраны все необходимые сведения для осуществления предварительного расследования, в противном случае данные материалы возвращаются органу дознания для проведения дополнительной проверки. Однако не всегда поступающая в органы дознания информация содержит признаки преступления, в указанном случае после проведения проверки выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Согласно ч. 4 ст. 174 УПК при направлении заявления или сообщения по подследственности орган уголовного преследования обязан принять меры к предотвращению или пресечению преступления, а равно к закреплению следов преступления. В случаях прекращения проверки и разъяснения заявителю права возбудить в суде в соответствии со ст. 426 УПК уголовное дело частного обвинения, копия постановления о прекращении проверки в течение 24 часов направляется заявителю, лицу, в отношении которого принято решение, и прокурору. При этом заявителю, лицу, в отношении которого принято решение, разъясняются право и порядок обжалования постановления, а также право ознакомления с материалами проверки по заявлению или сообщению о преступлении.

Наличие такого спектра принимаемых решений еще раз подчеркивает самостоятельность стадии возбуждения уголовного дела и является очередной индивидуализирующей ее чертой.

Изложенное позволяет заключить, что стадия возбуждения уголовного дела является первоначальным этапом уголовного процесса, обуславливающим дальнейшее производство по поступившей информации

о преступлении. Действия органов уголовного преследования в рамках данной стадии в целом ориентированы на проверку поступающих сведений с целью разграничения информации о преступлениях и иных правонарушениях. Таким образом исключается возможность необоснованного уголовного преследования. Вместе с тем существующий механизм осуществления предварительной проверки, ее процессуальные сроки и регламентация стадии в целом не способствуют защите прав и законных интересов граждан и организаций, пострадавших от общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, а в некоторых случаях прямо препятствуют быстрому и эффективному расследованию преступлений. Данная тенденция сложилась по ряду причин: во-первых, не урегулирован в полной мере процессуальный статус участников на рассматриваемой стадии, во-вторых, законодательное «расширение стадии» привело к тому, что сегодня этап по своему содержанию приближается к следующему за ним этапу уголовного процесса – предварительному расследованию.

Значение стадии неразрывно связано с ее целями и задачами. Оно заключается, во-первых, в том, что акт возбуждения уголовного дела определяет границу между непроцессуальной деятельностью по обнаружению преступлений и лиц, их совершивших, и процессуальной деятельностью по установлению фактических обстоятельств совершения преступлений и виновности лиц, их совершивших. Вместе с тем акт служит процессуальным основанием для производства следственных действий и применения мер уголовно-процессуального принуждения. Стадия также позволяет отграничить преступления от иных правонарушений и не начинать производство предварительного расследования в связи с совершением правонарушений, не влекущих за собой уголовную ответственность и уголовное наказание.

При этом некоторыми исследователями подчеркивается, что первоначальным предназначением данной стадии в момент ее закрепления в законодательстве было создание дополнительных гарантий защиты граждан от произвола органов уголовного преследования. Как указывают А.А. Давлетов и Л.А. Кравчук, проведению массовых репрессий в годы сталинизма в Советском государстве «во многом способствовал «легковесный» механизм уголовного судопроизводства, позволяющий включать всю карательную мощь органов уголовного преследования немедленно по получению сообщения о преступлении. Инерция начатого расследования вела правоприменителя к обязательному обвинению, а затем – к направлению дела в суд, который, в свою очередь, штамповал обвинительный приговор» [3, с. 219]. Изложенное позволяет заключить, что стадия имела предназначение своеобразного «фильтра», призванно-

го минимизировать количество граждан, незаконно вовлекаемых в уголовное производство.

Однако правовая система нашего государства со временем неизбежно претерпела изменения. Разумеется, существенно изменилась и рассматриваемая стадия, но ее значение, по большей части осталось прежним. Сегодня стадия возбуждения уголовного дела является все тем же «фильтром», только теперь он направлен на «отсеивание» поступающей информации, не заключающей в себе сведений о преступлении. Таким образом, назрела необходимость внести определенного рода изменения в начальный этап уголовного процесса. Утверждать, что стадия подлежит полной ликвидации было бы ошибочно, прежде чем принять подобного рода решение, необходимо объективно оценить последствия и смоделировать новый механизм возбуждения уголовного дела. По этому поводу на современном этапе развития отечественной уголовно-процессуальной науки ведется активная дискуссия. Например, А.И. Швед полагает, что решение о возбуждении уголовного дела предшествует предварительному расследованию, и для его принятия достаточно установления наличия данных, указывающих на признаки конкретного преступления. Границей развития стадии ученый предлагает устанавливать момент или барьер, делающий невозможным применение мер процессуального принуждения без процессуального оформления решения о возбуждении уголовного дела [4, с. 24]. Российский процессуалист Ю.А. Цветков, напротив, утверждает, что законодатель расчленил субстанциональное единство предварительного следствия, выведя отдельные его части на стадию, предшествующую возбуждению уголовного дела, и дав им вполне самостоятельное существование [5, с. 18]. Л.И. Кукреш полагает, что перспективы стадии возбуждения уголовного дела складываются никак не в пользу самостоятельности данной стадии, а скорее, указывают на грядущую ее трансформацию в стадию предварительного расследования [6].

Таким образом, на современном этапе развития стадия имеет значение барьера для поступающей информации, не содержащей сведений о преступлении. Благодаря установленному порядку возбуждения уголовного дела, органы уголовного преследования имеют возможность посредством проведения предварительной проверки убедиться в наличии признаков того или иного преступления.

Анализ правовой природы начального этапа уголовного процесса позволяет сделать вывод о том, что стадия возбуждения уголовного дела сформировалась в качестве самостоятельной, имеет свои цели, задачи, круг участников, процессуальные сроки и значение. Однако действующая регламентация и правоприменительная практика свидетельствуют

о необходимости выработки новых теоретико-обоснованных подходов к начальному этапу уголовно-процессуальной деятельности в целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

1. Уголовно-процессуальный кодекс [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. № 93-3 // ЭТАЛОН-ONLINE. – Минск, 2018

2. Шостак, М.А. Уголовный процесс : учеб. пособие / М.А. Шостак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. – 630 с.

3. Климович, Ю.С. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / Ю.С. Климович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., 7 апр. 2016 г. : тез. докл. – Минск, 2016. – С. 218–219.

4. Швед, А.И. Актуальные тенденции развития стадии возбуждения уголовного дела / А.И. Швед // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 16. – С. 21–24.

5. Цветков, Ю.А. «Улыбка без кота» или что останется от предварительного следствия? / Ю.А. Цветков // Уголов. судопроизводство. – 2016. – № 2. – С. 18–23.

6. Кукреш, Л.И. Возбуждение уголовного дела – самостоятельная стадия или начальный этап предварительного расследования / Л.И. Кукреш // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса : сб. материалов науч.-практ. конф. – Минск, 2006. – С. 188–192.

УДК 343.985

Алексей С. Юргель, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.М. Веремеенко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ПРОЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Раскрываются характеристики организованной преступной деятельности, предпосылки возникновения и анализ ее состояния за прошедшее пятилетие в Республике Беларусь.

Актуальность рассматриваемой темы исследования обусловлена необходимостью практической и теоретической проработки вопросов оперативно-розыскной деятельности субъектов раскрытия преступлений, совершаемых организованными преступными группами и сообществами.

Степень социальной напряженности в обществе так или иначе зависит от уровня преступности. Последняя на сегодня переживает не только количественные, но и качественные изменения, а это и интеграция общеуголовной и экономической преступности, и консолидация преступных группировок, и усиление преступной специализации.

Одна из наиболее важных задач государства – защита прав, свобод и интересов личности. Для ее обеспечения и возникает постоянная необходимость в разработке новых методов и форм расследования и раскрытия преступлений, поиске теоретической модернизации оперативно-розыскной деятельности, способной положительно влиять на практику.

Критерий общественной опасности стал ориентирующим при организации систем оперативного учета. Во-первых, он функционирует на отбор контингента, основываясь на оценке ранее исследованной преступной деятельности методом экстраполяции отмеченных в прошлом выявлений общественной опасности личности (систематическое проявление агрессии, безжалостность, тяга к тирании, местами к садизму, готовность удовлетворить собственные потребности всеми возможными способами, невзирая на моральные и правовые нормы). Во-вторых, критерий общественной опасности также оказывает влияние на научную подготовку структуры поисковых показателей, квалифицирующих лиц оперативного учета и событий преступлений [1, с. 27]

Реальность угрозы правам и свободам личности со стороны организованной преступности заключается в том, что свобода подавляется актами насилия, лоббирования и террора. Вследствие чего основополагающие конституционные права и свободы поддаются влиянию со стороны преступных сообществ. В итоге организованная преступность проникает в органы законодательной, судебной и исполнительной власти. А это равнозначно фальшивому социальному, политическому, религиозному и экономическому самоопределению общества, ведь деятельность подобных систем будет направлена на удовлетворение интересов уже специфически узкого круга лиц.

Преступления, совершаемые организованными преступными группами в большинстве своем, несут опасность на уровень выше, нежели деяния, совершенные отдельно взятыми индивидами. В организованной преступности параллельно привлекается определенное количество участников (в отдельных случаях их количество достигает несколько сотен), вместе с чем возникает определенная специфика в механизме и иных составляющих преступного производства, которые наносят значительный ущерб обществу и приводят к наиболее тяжким последствиям.

Не стоит отрицать и случаи проникновения преступных сообществ во властные и управленческие государственные органы всех уровней. В прошлом попытки установить коррумпированные связи со сторо-

ны организованной преступности были мотивированы обеспечением скрытности, установлением безопасности по отношению к последствиям преступлений и совершающими их лицами. Современные же организованные преступные сообщества в большинстве своем стремятся возбудить коррупционные процессы в государстве, преследуя следующий интерес: получение позиций с достаточным уровнем влияния, которые позволят оказывать некое давление на лиц, принимающих политические и управленческие решения. Подразумевается, что характер принимаемых решений благоприятен лишь для развития преступной деятельности. Как следствие – криминальная инвазия и реорганизация государственных структур.

Понимание оперативно-розыскных составляющих организованных преступных групп оказывает влияние на решение возникших в процессе расследования и раскрытия криминогенных ситуаций, содержащих определенный свод информации. Сюда может включаться информация об объекте и цели преступления, о направленности групповой преступной деятельности, о способе, механизме и обстановке совершения преступного посягательства, о содержащейся структурной организации преступного сообщества, функциональном ролевом распределении, индивидуально-определенных типологических черт участников организованной преступной группы, косвенных членов преступного сообщества и особенности его внутрigrуппового взаимоотношения.

Анализируя эффективность подготовки субъектов оперативно-розыскной деятельности, можно предположить, что конечные умения и навыки должны быть творчески адаптированы к осуществлению задач по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений. Вместе с тем готовность к неординарному, гибкому и нестандартному решению поставленных задач обеспечивается: умением оперировать теоретическими познаниями в области криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, тактико-специальной подготовки и даже психологии; приобретенными навыками по прогнозированию; умением анализировать, систематизировать; пользоваться такими методами рассуждения, как дедукция и индукция; постоянным самосовершенствованием личных профессиональных качеств. Во многом рассматриваемые понятия обусловлены объемом полученного ранее опыта, откуда и возникает необходимость количественного и качественного улучшения тактической преэмптивности. Прибывший на службу новый сотрудник оперативного подразделения должен в кратчайшие сроки пройти всестороннее тактическое обучение не только в практической, но и в теоретической части.

Преступные группировки, как разновидность малых социальных групп, не являются простыми сложениями определенной численности индивидов, которые вместе занимают преступной деятельностью.

Организованную преступную группу можно понимать как определенный круг лиц, объединенных общими преступными интересами, осуществляющими общественно опасную деятельность по выполнению преступных целей, с присущим им уровнем организации структуры. Фактически это симбиоз, который на выходе отражается как целостный субъект. В подобных групповых субъектах преступной деятельности возникает иное, не такое как у отдельно взятого индивида, принципиально новое соединение свойств, целей и возможностей. Преступное событие – результат деятельности уже имеющихся в наличии профессиональных знаний, умений, навыков и общих способностей.

Естественно, некоторые черты присущи и преступлениям, совершенным отдельно взятым лицом. Это и подготовка к совершению преступления, хотя здесь же стоит отметить, что в организованных преступных группах создание наиболее благоприятных обстоятельств для достижения преступной цели осуществляется на более качественном уровне, с более широким кругом возможностей, и умышленное сокрытие последствий, и даже создание ложных следов.

С правовой точки зрения, организованная преступность также считается тем преступным явлением, которое несет в себе повышенную общественную опасность. Принимая во внимание рассматриваемый уровень общественной опасности, уголовная ответственность лиц, участвующих в организованной преступной деятельности, всегда на уровень выше, нежели ответственность для одиночных субъектов. Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает повышенный уровень общественной опасности групповых преступлений и дает понятие группе лиц, что подразумевается как признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованно группой [2, с. 7]. Данное определение не раскрывает сущности психологической и механической особенности групповой преступности, однако дает возможность выполнить правильную уголовно-правовую квалификацию, ограничивая группу лиц от организованной преступной группы.

Классические групповые преступления активно встречаются в уголовном производстве и сегодня. Зарождение самых простых преступных групп часто обусловлено определенной эмоциональной ситуацией, которая в процессе совместной жизнедеятельности и выступает в качестве основной мотивирующей силы. Часто предварительный сговор у таких групп возникает непосредственно перед совершением преступления. Данная преступная группа также характеризуется отсутствием длящихся общих преступных целей, которые чаще всего и вовсе кратковременны. В таких преступных группах крайне редко встречаются четкая функциональная структура и градация деятельности ее участников. Ре-

шение принимается на основе общего желания и согласия, преступления совершаются совместно. Такого рода групповая преступность, в подавляющем большинстве, малоустойчива и за совершением преступления или его серии следует самоликвидация преступной группы.

На следующем уровне развития структурной организации рассматривается преступная группа, образующаяся часто на основании предварительного сговора совместного совершения преступных деяний. С криминалистической точки зрения, данные преступные группы относятся к такому виду преступных сообществ, как «компания». Членский состав групп типа «компания» в большинстве своем является постоянным. Такие преступные группы могут и не иметь ярко выраженного лидера, однако сформированный из авторитетного и самого активного контингента центр управления всегда присутствует. В большинстве своем у рассматриваемых преступных групп отсутствуют коррумпированные связи, так как их наличие ставит под сомнение традиционно сложившиеся уголовные принципы деятельности авторитетных членов.

Анализируя классические преступные группы, не следует забывать о наиболее сложной из них – организованной преступной группе, которая имеет четкое определение ролевых функций ее участников, строгую иерархию и выраженного лидера. Такие организованные преступные группы имеют устойчивый характер, конкретно определенную преступную цель и наличие достаточно объемного общего капитала, который имеет некоторые источники формирования, принципы распределения и реализации. Для установления коррумпированных связей подобные группы чаще всего выбирают правоохранительные органы. Часто под данный тип преступного формирования попадает деятельность организованных преступных групп, имеющая признаки бандитизма, мошенничества, организованного воровства, группового вымогательства и контрабанды.

Особенно характерным признаком для преступлений, совершенных организованной преступной группой, является корысть. При условии дальнейшего развития преступного формирования с сопутствующим обретением материальной базы, денежного довольствия и иных средств могут возникать иные мотивы и цели его деятельности. Одновременный интерес преступного сообщества к концентрации в своей собственности материальных и иных ценностей выступает как наиболее типичный мотив, служащий двигателем для такой преступной деятельности, как хищение, должностное присвоение имущества, взяточничество, хозяйственные и иные преступления.

Вместе с тем организованная преступность отличается между собой по характеру деятельности. Основываясь на практике и научных данных, можно подразделить организованную преступную деятельность по областям проявления:

в сфере экономики;
сфере управления;
социальной сфере.

Основываясь на классификации групповой преступной деятельности, можно подчеркнуть некоторые ее характеристики: наличие профессиональной составляющей, возможность пользования должностным положением участников преступной группы, присутствие коррумпированных и иных, упрощающих деятельность организованной преступной группы, связей.

Основыполагающим составляющим организованной преступности выступает элемент, который содержит в себе совокупность главных средств воплощения неправомерных целей. Следовательно, данные инструменты можно обозначить как основные. Чаще всего это самые простые возможности получения максимального материального обогащения при минимальных условных затратах. В подавляющем большинстве это корыстная деятельность с чертами насилия или без них.

Выделяются также и элементы вспомогательного характера, обеспечивающие процесс подготовки и последующего сокрытия следов преступления организованной преступной группы. Эта деятельность также хорошо структурирована и систематизирована. Сюда можно отнести и деятельность по обеспечению преступного сообщества материальными средствами, оружием, экипировкой, транспортом, фальсификация документации и легендирование их участников.

Пользуясь вышепредставленной информацией, можно сделать вывод, что организованная преступная деятельность – это система преступных деяний, совершаемых на профессиональной основе в силу непрерывного взаимодействия, направленного на неправомерное, регулярное пополнение собственной материальной и иной, представляющей ценность, базы, объединившихся под общими целями в устойчивое, высокоорганизованное, скрываемое и защищенное от быстрого раскрытия преступное формирование.

Наркобизнес – основная сфера деятельности организованных преступных групп, в последние годы является неоднозначной проблемой. В 2012 г. было совершено 4 230 преступлений, связанных с наркотиками, в 2013 г. это число выросло до 5 037, а в 2014 г. – до 7 356. Сложившаяся ситуация вызвала ответную реакцию со стороны руководства страны и непосредственно органов внутренних дел. 28 декабря 2014 г. был принят Декрет Президента Республики Беларусь № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков».

В целях обеспечения защиты жизни и здоровья граждан, создания условий для безопасного развития детей и молодежи, пресечения распространения наркомании как угрозы для демографии и здоровья на-

ции, обеспечения безопасности общества и государства Президент Республики Беларусь постановил: государственным органам и подчиненным организациям, а также советам общественных пунктов охраны правопорядка, общественным объединениям и иным организациям, на которых законодательными актами возложены функции по профилактике правонарушений, в том числе в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, в пределах своей компетенции максимально активизировать усилия по противодействию незаконному обороту наркотиков и профилактике их потребления [4, с. 1].

В трехмесячный срок были разработаны и утверждены комплексные планы мероприятий, которые предусматривали принятие наиболее результативных мер, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков и профилактики их потребления.

С конца 2014 г. количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, стало падать – сначала на 1 % в 2015 г., затем сразу на 14 % в 2016 г. (6 041 преступление). На текущий год мы видим снижение преступной деятельности в сфере наркотических средств на 16 % относительно того же периода прошлого года.

Предприняты практические меры стали результатом выявления в 2017 г. более четырех тысяч наркопреступлений, две тысячи которых связаны со сбытом. Всего за текущий год из незаконного оборота изъято более 360 кг наркотических средств и 23 кг психотропных веществ. Пресечена деятельность трех подпольных нарколабораторий, выявлено 28 помещений, специально приспособленных и оборудованных для выращивания наркосодержащих растений [3].

Торговля людьми также является основным родом деятельности для множества организованных преступных групп стран постсоветского пространства. На сегодня мы имеем отрицательно сформировавшуюся тенденцию к количественному изменению данного вида преступных деяний. Если в 2012 г. в данной сфере было выявлено 384 преступления, то в 2013 г. – уже 459, в 2014 г. – 563, в 2015 г. – и 875, 2016 г. – 1374. За прошедшее пятилетие было выявлено четыре организованные преступные группы, ликвидировано 13 порно студий, прекращена деятельность более двух десятков порносайтов.

Преступления, совершаемые организованными преступными группами в сфере экономической деятельности, также не остаются без внимания. Имея варьирующиеся годовые показатели за последнее пятилетие, мы видим общую тенденцию к численному увеличению фактов регистрации подобных преступлений.

Принимая во внимание вышеуказанное, следует отметить одну из самых главных статистических особенностей – увеличение числа людей, совершивших преступления в группе лиц. С 2013 по 2016 г. это

количество увеличилось более, чем на 7 %. Вместе с тем также прослеживается увеличение общего количества лиц, совершивших преступления, если в 2013 г. это были 49 801 человек, то в конце 2016 г. – 51 551 человек, из которых более 10 тыс. несовершеннолетние и женщины.

В 2012 г. представителями Генеральной прокуратуры утверждалось, что благодаря целенаправленным государственным политическим мероприятиям организованная преступность в Беларуси побеждена. Однако ликвидированная сотрудниками Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией встреча с участием более 25 криминальных лидеров Беларуси и России летом 2016 г. на территории г. Минска напомнила о существовании данной проблемы в обществе и на современном этапе. Анализ статистических данных, исследование судебных практик и обзор средств массовой информации позволяет сделать определенный вывод. Возможно, организованная преступность и побеждена на территории Республики Беларусь, но это не исключает той возможности, что ее остатки видоизменились как таковые. От банды с «воровскими понятиями» она могла эволюционировать в высокоорганизованное, оснащенное крупным капиталом и профессиональными кадрами, интеллектуальное сообщество. С учетом допустимых изменений потенциальная общественная опасность возросла в разы, а процесс расследования и раскрытия многократно усложнился. Добавив ко всему этому сферу высоких технологий, современную межнациональную интеграцию и мобильность общества, мы получим четко выраженную необходимость в пересмотре и реорганизации некоторых форм, методов, мероприятий, инструментов и средств расследования и раскрытия подобных преступлений.

1. Основы борьбы с организованной преступностью: монография / А.И. Коннов [и др.] ; под ред.: В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. – М. : Инфра-М, 1996. – 400 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. № 266-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=14613>. – Дата доступа: 12.11.2017.

4. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2014 г., № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Круглый стол «Вопросы реализации норм Конституции и конституционного права» (20 марта 2018 г.)

УДК 342.72

М.Б. Белихин, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *К.Д. Сазон*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ

Миграционные процессы оказывают влияние на различные стороны общественной жизни государства. Актуальный вопрос – управление миграцией населения. Наиболее эффективным средством управления миграцией является правовое регулирование – воздействие норм права на поведение людей посредством юридических способов и средств в целях упорядочения и совершенствования общественных отношений.

В связи с этим считаем возможным отметить, что правовую основу регулирования общественных отношений в области миграции населения прежде всего составляют нормы Конституции Республики Беларусь (Конституция) [1]. К числу конституционных принципов правового регулирования миграции считаем возможным отнести: признание человека его прав, свобод и гарантии их реализации высшей ценностью и целью общества и государства (часть первая ст. 2); верховенство права (ст. 7); признание Республикой Беларусь приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечение соответствия им законодательства (часть первая ст. 8); гарантированность защиты и покровительства государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами (часть первая ст. 10); предоставление иностранным гражданам и лицам без гражданства на территории Беларуси возможности пользования правами и свободами и требование исполнения обязанностей наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами (ст. 11); предоставление Республикой Беларусь права убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или

национальную принадлежность (ст. 12); право каждого на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий (часть вторая ст. 21); равенство всех перед законом и право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22); ограничение прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (часть первая ст. 23); право граждан Республики Беларусь свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно (ст. 30); обязанность государства принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией (часть первая ст. 59); обязанность государственных органов, должностных и иных лиц, которым доверено исполнение государственных функций, в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (часть вторая ст. 59).

Непосредственная реализация указанных конституционных принципов миграционной политики обеспечивается посредством их детализации в иных разработанных и принятых (изданных) нормативных правовых актах.

Одним из основополагающих нормативных правовых актов, нормы которого призваны сформировать необходимый юридический фундамент функционирования государства и обеспечить защиту прав его граждан, является Закон от 1 августа 2002 г. «О гражданстве Республики Беларусь» (далее – Закон о гражданстве) [2]. Согласно правовой позиции Конституционного Суда, исходящее из верховенства Конституции суверенное право Республики Беларусь осуществлять правовое регулирование отношений, связанных с гражданством, предполагает возможность усмотрения законодателя при установлении принципов, оснований, условий, а также порядка приобретения и прекращения гражданства Республики Беларусь. При этом определяющим для развития института гражданства является конституционный принцип верховенства права, предполагающий, что правовое регулирование в данной сфере должно основываться на положениях Конституции и согласовываться с общепризнанными принципами международного права и международными обязательствами Республики Беларусь [3].

В связи с этим в настоящее время Закон о гражданстве определяет правовые основы государственного регулирования в области граждан-

ства, регламентирует основания и порядок приобретения, сохранения и прекращения гражданства Республики Беларусь, принятия, исполнения и обжалования решений по вопросам гражданства, определяет особые случаи изменения и сохранения гражданства, устанавливает компетенцию государственных органов, а также права и обязанности граждан Республики Беларусь в данной области.

Уяснение конституционно-правового смысла норм Закона о гражданстве, по мнению Конституционного Суда, позволяет сделать вывод о том, что названный закон по своему содержанию направлен на совершенствование правового механизма реализации конституционных положений, регулирующих вопросы гражданства Республики Беларусь, а его нормы основываются также на общепризнанных принципах международного права и международных договорах Республики Беларусь [3].

Ключевым актом в системе миграционного законодательства является Закон от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [4] (Закон). В Законе определяются правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – иностранцы) в Республике Беларусь, порядок их въезда, пребывания и выезда из страны, обжалования решений и действий (бездействия) государственных органов, а также иные отношения, связанные с пребыванием этих лиц в Республике Беларусь. Закон регулирует отношения между иностранцами, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного управления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны, возникающие в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Республике Беларусь, а также основные аспекты, связанные с пребыванием иностранных граждан.

Как отметил Конституционный Суд, в Законе закрепляются гарантии обеспечения следующих прав и свобод иностранцев: личных прав и свобод; права на свободное передвижение и выбора места пребывания (жительства); права на участие в политических партиях и иных общественных объединениях; социально-экономических прав; права на осуществление трудовой, предпринимательской и иной деятельности; имущественных и личных неимущественных прав; права на охрану здоровья; права на образование; права на сохранение национальной культуры и уважение национального достоинства (ст. 7–15). Согласно правовой позиции Конституционного Суда нормы, содержащиеся в вышеуказанных статьях Закона, развивают положения Основного Закона о конституционных правах и обязанностях личности в Республике Беларусь [5].

Актом миграционного законодательства, определяющим основы миграционной политики государства по вопросам внешней трудовой

миграции, является Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-3 «О внешней трудовой миграции» (далее – Закон № 255-3) [6]. Закон № 255-3 направлен на совершенствование правового регулирования отношений в области внешней трудовой миграции, связанных с трудоустройством за пределами Республики Беларусь по трудовым договорам с иностранными нанимателями граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, а также с трудоустройством и осуществлением трудовой деятельности в Республике Беларусь по трудовым договорам с нанимателями Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь.

Анализ положений Закона № 255-3 в целом с позиции их конституционности, по мнению Конституционного Суда, свидетельствует о том, что конституционные принципы и нормы находят развитие как в конкретизации основных направлений законодательного регулирования отношений в области внешней трудовой миграции, так и в совершенствовании механизмов реализации законодательных норм. В результате этого обеспечивается создание условий для защиты прав и законных интересов граждан и организаций, в том или ином качестве вовлеченных в отношения, складывающиеся в области внешней трудовой миграции, более последовательного и действенного контроля за соблюдением требований законодательства в указанной области [7].

Правовые основы миграционной политики Республики Беларусь в области вынужденной миграции закреплены в Законе от 23 июня 2008 г. № 354-3 «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» (далее – Закон № 354-3) [8].

На основании положений Конституции и международно-правовых актов Республика Беларусь вправе предоставлять иностранцам статус беженца, дополнительную защиту, убежище и временную защиту в случае выезда последних из государства своей принадлежности на территорию Республики Беларусь по причине обоснованных опасений быть подвергнутым преследованию по политическим, социальным, религиозным, этническим основаниям. Данное правомочие, по мнению Конституционного Суда, выступает проявлением конституционного принципа гуманизма, вытекающего из положений Конституции [9].

Таким образом, конституционные принципы выступают необходимым правовым фундаментом построения отраслевого правового массива, призванного, с одной стороны, обеспечить реализацию права каждого человека на свободу передвижения и выбор места жительства как

признанной возможности пространственного перемещения, рассматриваемого нами в качестве имманентного свойства миграции любого вида. С другой стороны, они являют собой необходимые программно-целевые ориентиры функционирования государства и призваны очертить круг национальных интересов в заявленной области с точки зрения согласования содержания свободы каждого передвигаться с конституированной обязанностью государства создавать необходимые условия для полной реализации гражданами прав и свобод в условиях обеспечения целостности иных охраняемых правом ценностей. Положения законодательных актов по различным аспектам правового регулирования общественных отношений в сфере миграции по своему содержанию не противоречат Конституции и направлены на развитие ее норм и принципов.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп. : принятыми на респ. референдуме 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. : офиц. текст. – Минск : Амалфея, 2017. – 48 с.

2. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 136-3 : в ред. от 20.07.2016 г. № 414-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь»» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 16.12.2015 г., № Р-1006/2015 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-3 : в ред. от 24.10.2016 г. № 439-3 : с изм. и доп. от 20.07.2016 г. № 414-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 24 дек. 2009 г., № Р-418/2009 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-3 : в ред. от 05.01.2016 г. № 353-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 21 дек. 2010 г., № Р-526/2010 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-З : в ред. от 24.12.2015 г. № 331-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам вынужденной миграции» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 11 июля 2016 г., № Р-1063/2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 342 + 338(476)

А.С. Бурак, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.И. Бородич*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Экономическая безопасность имеет важнейшее значение для государства: ориентирует экономику на принятие эффективных и социально значимых решений; является гарантом независимости страны и одним из условий стабильности и эффективности жизнедеятельности личности и общества.

Экономическая безопасность включена в систему национальной безопасности вместе с такими ее составными частями, как политическая, научно-технологическая, социальная, демографическая, информационная, военная, экологическая безопасность. Все элементы этой системы взаимодействуют между собой и могут оказывать положительное и отрицательное влияние друг на друга.

Экономическая безопасность – это состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

Согласно п. 10 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в экономической сфере основными национальными интересами являются:

экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модер-

низации экономических отношений, снижения себестоимости, импортоемкости и материалоемкости производимой продукции;

сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной систем;

обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов;

достижение уровня энергетической безопасности, достаточного для нейтрализации внешней зависимости от поступления энергоносителей;

поддержание гарантированного уровня продовольственной безопасности;

трансфер современных технологий в экономику страны преимущественно за счет прямых иностранных инвестиций, доступность зарубежных кредитных ресурсов.

Исходя из национальных интересов категориальный анализ экономической безопасности предполагает применение субъектно-объектного подхода, т. е. конкретизацию ее субъектов и тех сфер их жизнедеятельности, которые выступают объектами их отношений по поводу обеспечения потребности в защите от внутренних и внешних угроз [1].

Сама экономическая безопасность имеет достаточно сложную внутреннюю структуру. Анализ реальных процессов и осмысление отечественного и зарубежного опыта решения экономической безопасности, как указывает Л.И. Абалкин, позволяет выделить следующие элементы: экономическую независимость; стабильность и устойчивость национальной экономики; способность к саморазвитию и прогрессу [2, с. 5–6]. Эти элементы определяют показатели, на основании которых определяется состояние экономической безопасности. Показатели экономической безопасности – это инструмент оценки состояния экономики с точки зрения важнейших процессов, отражающих сущность экономической безопасности [3, с. 94–100]. Каждый показатель имеет пороговое значение достижения, которого будет свидетельствовать об угрозе экономической безопасности.

Для нормального функционирования экономики и успешной борьбы с угрозами экономической безопасности создана система обеспечения экономической безопасности. Она состоит из взаимосвязанных элементов, которые в совокупности определяют основные направления деятельности этой системы. Ключевыми элементами системы являются: субъект, объект, цели, задачи, принципы, функции, механизм обеспечения экономической безопасности.

Одним из основных направлений деятельности государства по обеспечению экономической безопасности является противодействие экономической преступности. Основными субъектами, осуществляющими

противодействие экономической преступности, выступают правоохранительные органы.

Правовое регулирование деятельности правоохранительных органов по обеспечению экономической безопасности представляет деятельность государства по созданию нормативно-правовых актов, закрепляющих меры по противодействию угрозам экономической безопасности, приоритеты развития экономики и задачи, цели, принципы функционирования субъектов обеспечения экономической безопасности. Правовое регулирование состоит из двух крупных блоков: актов национального законодательства и актов международного законодательства. С помощью этого механизма государство защищает экономические интересы страны и способствует обеспечению экономической безопасности.

Одну из ведущих позиций в сфере противодействия экономической преступности занимают органы внутренних дел. Они могут участвовать в обеспечении экономической безопасности как непосредственно, так и опосредованно. Это проявляется в разных сферах деятельности данных органов.

Основным участником в сфере обеспечения экономической безопасности является подразделение по борьбе с экономической преступностью органов внутренних дел. Именно это подразделение принимает непосредственное участие в обеспечении экономической безопасности.

Опосредованное участие в обеспечении экономической безопасности принимают такие подразделения, как государственная автомобильная инспекция, оперативно-дежурная служба и подразделение охраны правопорядка и профилактики. Например, это проявляется через быстрое реагирование на преступления, обеспечение безопасности на дорогах, выявление и пресечение административных правонарушений и преступлений.

Однако существуют некоторые проблемы, мешающие деятельности органов внутренних дел максимально эффективно участвовать в обеспечении экономической безопасности. По мнению автора, к таким проблемам относятся: несовершенство законодательства; недостатки в организации кадрового обеспечения; взаимодействие органов внутренних дел с иностранными правоохранительными органами, общественностью, средствами массовой информации; льготы и социальное обеспечение сотрудников; оснащенность современными техническими и информационными средствами. Решение этого круга проблем позволит повысить эффективность работы органов внутренних дел, социальную защищенность сотрудников и улучшит взаимодействие органов внутренних дел с иностранными правоохранительными органами, общественностью, средствами массовой информации.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности заключается в состоянии экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз.

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 нояб. 2010 г. : в ред. от 24.01.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопр. экономики. – 1994. – № 12 – С. 4–13.

3. Белозеров, И.П. Место и значимость экономической безопасности в структуре национальной безопасности России / И.П. Белозеров, Е.А. Клоков. – Омск : Вестн. Омск. ун-та, 2009. – № 2 – С. 94–100.

4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. О международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6. Бородич, А.И. Международное сотрудничество по противодействию преступлениям в сфере экономики / А.И. Бородич // Тр. И-та нац. безопасности Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – № 43. – С. 97–105.

УДК 341

П.А. Васильев, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.И. Бородич*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

Цель статьи обусловлена высоким уровнем развития глобализации и ростом транснациональной преступной деятельности. Лица, которые занимаются преступной деятельностью, хотят всеми возможными способами избежать любой ответственности за свои незаконные деяния. Одним из таких способов является выезд за пределы своего государства, потому что там заканчивается юрисдикция органов уголовного преследования страны, в которой они занимались противоправной деятельностью.

Международное сотрудничество оперативно-розыскных органов с аналогичными органами зарубежных стран осуществляется на двусто-

роннем, региональном и универсальном уровнях, в первую очередь в борьбе с транснациональной организованной преступностью, международным терроризмом, наркобизнесом, в организации международного розыска скрывшихся преступников, а также полученных преступным путем денежных средств и имущества.

Правовой основой международного сотрудничества являются ратифицированные конвенции ООН, Совета Европы, решения Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ, международные многосторонние и двусторонние договоры, соглашения и решения таких органов координации взаимодействия с партнерами из СНГ, как Совет министров внутренних дел, Совет руководителей органов безопасности и специальных служб, Совет командующих Пограничными войсками, Совет руководителей таможенных служб государств – участников СНГ.

Сотрудничество государств по противодействию преступности – это самостоятельное направление межгосударственной деятельности, так как обеспечение безопасности государств и мирового сообщества нормами международного права возлагается на государства, а общественная опасность преступлений (международных, международного характера, транснациональных) требует объединения усилий всех государств, т. е. международного сотрудничества.

Характер и уровень угроз, исходящих от преступности, определяют основные направления международного сотрудничества по их предупреждению и локализации, а также формы, способы, средства и методы решения задач противодействия «трансграничной преступности, деятельности транснациональных либо зарубежных преступных организаций и группировок, связанной с посягательствами на жизнь, здоровье, свободу и социальные права белорусских граждан». Анализируя нормы Конвенции ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г. [1], Конвенции ООН «Против коррупции» от 31 октября 2003 г. [2], Решения Совета глав государств СНГ «О Концепции взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью» от 2 апреля 1999 г. [3], Решения Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий» от 25 октября 2013 г. [4], Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Азербайджанской Республики о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 28 августа 2012 г. [5], Закона Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-3 (ред. от 12 декабря 2013 г.) «О борьбе с организованной преступностью» [6],

мы пришли к выводу: международное сотрудничество по противодействию преступности можно рассматривать как регулируемую нормами международного права совместную деятельность субъектов (в первую очередь государств) международного права и внутригосударственных правоотношений (правоохранительных органов и др.) по реализации защиты сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать их конституционные права, свободы, жизненно важные интересы и мирового сообщества от международных и имеющих международный характер преступлений, транснациональных преступлений, посягающих на международный (внутригосударственный) правопорядок.

Международное противодействие преступности не может рассматриваться вне системы международного права, международного сотрудничества государств и субъектов внутригосударственных правоотношений по противодействию преступности, нормативной основой которого является международное и национальное право.

Международное сотрудничество по противодействию преступности представляется возможным рассматривать как подсистему в общей системе правоотношений государств. Направление международного сотрудничества по противодействию преступности – это сотрудничество по конкретному виду или группе преступлений.

Ученые-правоведы по-разному определяют формы и направления международного сотрудничества по противодействию преступности. Так, А.Г. Волеводз к основным формам относит формы, присущие деятельности определенных органов государственной власти, например, установление преступности и наказуемости в уголовном порядке определенных общественно опасных деяний (криминализация), относящиеся к компетенции органов законодательной власти; учреждение и формирование на основе действующего законодательства специализированных (правоохранительных и иных) органов и судов, относящиеся к компетенции органов законодательной и исполнительной власти, и др. [7, с. 11–20]. В.Г. Тихиня, Л.В. Павлова к формам сотрудничества государств в борьбе с преступностью также относят: обмен информацией, представляемой органами юстиции заинтересованных государств, касающейся действующего законодательства относительно конкретных уголовных преступлений, а также информацией о готовящихся или совершенных преступлениях, оперативно-розыскных мероприятиях; оказание профессионально-технической помощи; договорно-правовую координацию и др. [8, с. 138]. И.Э. Никитина отмечает, что в российской научной литературе выделяются следующие формы осуществления сотрудничества в Европейском Союзе (ЕС): путем непосредственного

взаимодействия правоохранительных органов европейских государств в рамках ЕС; путем взаимодействия государств – членов ЕС через специально созданные учреждения ЕС, его специализированные органы и структурные подразделения институтов, в компетенцию которых входят вопросы борьбы с преступностью [9, с. 14].

Исходя из сложившихся научных взглядов под формой сотрудничества государств по противодействию преступности понимается организационное и правовое сотрудничество по заключению и реализации договоров по противодействию преступлениям (международным, международного характера, транснациональным), разработке международных стандартов, обеспечивающих защиту прав, свобод человека и гражданина от преступных посягательств и механизма их реализации, своевременному обмену оперативной и иной информацией, оказанию правовой помощи по уголовным делам и др. [10, с. 130].

На сегодня существует механизм защиты прав и свобод человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Данный механизм берет свое начало в международно-правовых источниках и подкрепляется и конкретизируется национальным законодательством. В каждой стране существует своя определенная система надзора за законностью при осуществлении сыскной деятельности.

Мировое сообщество на настоящий момент уделяет пристальное внимание повышению эффективности борьбы с преступностью в целом и ее конкретными видами, представляющими наибольшую общественную опасность в частности. Для этого разработан механизм сотрудничества различных государств. Такое сотрудничество направлено прежде всего на обмен опытом, совершенствование имеющихся методов осуществления данной деятельности, разработку новых технических средств и т. д.

Однако остается проблемой тот факт, что реальное осуществление сыска за пределами государства, даже посредством сил иностранного государства, не представляется возможным. В этом ракурсе международное сотрудничество остается относительным понятием. Добиться успеха не позволяет даже деятельность международных полицейских органов (Интерпол, Европол). Правильнее сказать, что деятельность данных органов весьма ограничена и недостаточно функциональна. Она сводится лишь к ведению каких-либо единых информационных массивов данных.

Таким образом, международное сотрудничество по противодействию преступности представляет собой регулируемую нормами международного и национального права совместную деятельность субъектов (в первую очередь государств) международного права и внутригосу-

дарственных правоотношений (правоохранительных органов и др.) по противодействию международным, имеющих международный характер преступлениям, транснациональным преступлениям, посягающим на международный (внутригосударственный) правопорядок.

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : [заключена в г. Палермо 15.11.2000 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : [заключена в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г.] // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О Концепции взаимодействия государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью [Электронный ресурс] : решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств, 02.04.1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. О Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий [Электронный ресурс] : решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств, 25.10.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Азербайджанской Республики о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс] : [заключено в г. Минске 28.08.2012 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. О борьбе с организованной преступностью [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 27 июля 2007 г., № 244-3 : в ред. от 12.12.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Волеводз, А.Г. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью / А.Г. Волеводз // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2007. – № 1. – С. 11–20.

8. Тихиня, В.Г., Павлова, Л.В. Основы международного права : учеб. пособие // В.Г. Тихиня, Л.В. Павлова. – Минск : Кн. Дом, 2006. – 320 с.

9. Никитина, И.Э. Международно-правовые формы сотрудничества государств – членов Европейского Союза в сфере юстиции и внутренних дел : монография / И.Э. Никитина ; под ред. Р.А. Каламкаряна. – Москва : ВНИИ МВД России, 2014. – 198 с.

10. Бородич, А.И. Современные формы и направления сотрудничества государств по противодействию преступности / А.И. Бородич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2 (34). – С. 129–133.

О.А. Дементей, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Е.Н. Мазаник*

КИБОРГИЗАЦИЯ В ТЕОРИИ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Нарастающие тенденции развития научно-технического прогресса позволяют внедрять появляющиеся достижения в повседневную жизнь человека. Так, например, проведение исследований в области биологии, химии, медицины и других естественных наук позволяет находить новые способы исцеления от ранее неизлечимых заболеваний, осуществлять их профилактику и диагностику. При этом некоторые из этих способов казались ранее неосуществимыми и в основном фигурировали в художественной литературе, преподносимой в жанре фантастики.

Тем не менее данная тематика освещается также и в работах некоторых футурологов, которые строят прогнозы относительно социальных процессов, в том числе в отношении научно-технических новаций, которые могут оказать существенное влияние на деятельность человека. Так, известный изобретатель и футуролог Р. Курцвейл, по сообщениям некоторых новостных источников, также затрагивает соматических аспектов развития науки: «Биология станет информационной наукой – мы будем программировать себя, изменяя структуру своего генома, чтобы защититься от болезней. А внутри нашего организма поселятся миниатюрные компьютеры и молекулярные нанороботы-врачи, которые будут диагностировать и устранять болезни и повреждения» [1].

Так, современные технологии уже на данном этапе научно-технического прогресса позволяют говорить об имплантатах, экзоскелетах, протезах, в том числе и управляемых, которые могут служить средством реабилитации людей, страдающих от заболеваний и последствий травм опорно-двигательного аппарата [2, с. 86]. Подобного рода новации часто трактуются в ранее указанной литературе как процесс киборгизации тела человека.

Между тем данный вопрос является довольно дискуссионным, что обусловлено рядом неточностей, которые имеют место в различных сферах деятельности человека, в том числе и правовой.

Так, например, отдельные авторы, в частности М. Марсеньяк и М. Кличовски, считают, что в результате использования данных технологий вполне вероятно будет иметь место легализованная коммерциализация человеческого тела [3, с. 61–62]. Можно предположить, что такой подход в правовом регулировании будет способствовать, в первую очередь, обострению проблем криминогенного характера.

Следует отметить, что распространение технологий для киборгизации первоначально не сможет приобрести массовый характер, но данная проблема нуждается в постоянном мониторинге. Немаловажным является также вопрос о соотношении киборгизации человека с нормами общественной морали и догмами религии.

Последняя особенность, детерминирующая дискуссионность в научной литературе, является присущей также другой широко обсуждаемой теме, а именно соматическим правам человека.

Сравнение киборгизации с данной правовой категорией во многом также обусловлено схожестью объекта этих явлений, который усматривается в классическом определении соматических прав человека, предлагаемом В.И. Круссом, который рассматривал их как «...группу таких прав, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [4, с. 43]. Учитывая то, что процесс киборгизации непосредственно связан с изменениями в функционировании человеческого тела, представляется возможным рассматривать право на его осуществление в контексте категории соматических прав человека. Однако прежде необходимо уяснить критерии отнесения тех или иных прав к категории соматических, а также некоторые их классификации.

Так, несмотря на отсутствие в данный момент единой классификации этих прав, некоторые ученые разделяют соматические права по различным основаниям. Например, М.А. Лаврик в своей работе «К теории соматических прав человека» пишет о пяти группах соматических прав: к первой группе он относит право человека на смерть (обеспечивается осуществлением процесса эвтаназии); ко второй – права человека, относительно его органов и тканей; к третьей – сексуальные права человека; к четвертой – репродуктивные права человека; к пятой – право человека на смену пола [5, с. 22].

Соматическим правам посвящены работы и В.И. Крусса. Однако ученый не дифференцирует данные права по различным основаниям. Им сформирован максимально полный перечень соматических прав. К последним В.И. Крусс относит: право на смерть; право на изменение пола; право на гомосексуальные контакты; право на трансплантацию органов; право на употребление наркотических средств или психотропных веществ; право на искусственное репродуктивное; право на стерилизацию; право на аборт; право на клонирование; право на виртуальное моделирование [4, с. 43].

Представляется возможным полагать, что данные подходы авторов не охватывают все разновидности общественных отношений, склады-

вающихся по поводу осуществления соматических прав человека, что позволяет рассматривать киборгизацию тела человека, а также право на ее осуществление в рамках данной правовой концепции.

При отождествлении киборгизации с соматическими правами также следует принимать во внимание присущие последним признаки, которые могут быть отнесены, в том числе, и к праву человека на киборгизацию. К таким признакам относятся, например, специфический характер объекта данных прав; природная зависимость от знаний биологии, генетики, медицины, техники; новизна, неоднозначное отношение со стороны религии, морали, этики, политики; неразрывная связь с конституционными (основными) правами человека и некоторые др. [6, с. 224–225].

Однако следует отметить, что каждому из приведенных выше соматических прав присущ ряд индивидуальных специфических особенностей. По мнению отдельных авторов, подобные особенности являются свойственными и для киборгизации: отождествление механизации человека с созданием киберпроектов, а соответственно и как результат – появление киборгов (людей с замещенными высокотехнологичными аналогами частями тела); формирование образа такого киборга через массовую культуру; прямая связь с уровнем технического и научного развития и др. [3, с. 60–62].

Таким образом, несмотря на наличие некоторых особенностей, стоит отметить, что процесс киборгизации тела человека (право на его осуществление) имеет некоторые сходства с соматическими правами. В связи с этим при дальнейшем построении прогнозов реализации киборгизации следует руководствоваться научными исследованиями, касающимися изучения проблем регулирования соматических прав. Прежде всего это имеет отношение к учету как положительных моментов такой реализации, так и негативных последствий, которые должны быть предусмотрены в первую очередь. Между тем вопрос киборгизации является дискуссионным и на данный момент его рассмотрение обусловлено наличием определенного резонанса в связи с быстрым развитием технологий и футурологическими прогнозами. Следовательно, данная тема является актуальной, а предпосылки – достаточными, чтобы прийти к выводу о необходимости более детального рассмотрения с позиции различных научных подходов, в том числе и в юридической доктрине.

1. Доживем до сингулярности [Электронный ресурс] / «Эксперт online». – Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2012/16/dozhivem-do-singulyarnosti/ (дата обращения: 13.05.2018).

2. Многофункциональный активный протез руки [Электронный ресурс] / А.С. Боргуль [и др.] // Приборостроение. – 2013. – № 4. – С. 86–89. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogofunktsionalnyy-aktivnyy-protaz-ruki/> (дата обращения: 09.03.2018).

3. Баева, Л.В. Образ киберчеловека в современной науке и культуре [Электронный ресурс] // Филос. проблемы информ. технологий и киберпространства. – 2015. – № 1. – С. 56–69. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-kibercheloveka-v-sovremennoy-nauke-i-kulture/> (дата обращения: 21.05.2018).

4. Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43–50.

5. Лаврик, М.А. К теории соматических прав человека / М.А. Лаврик // Сиб. юрид. вестн. – 2005. – № 3. – С. 16–26.

6. Нестерова, Е.М. Понятие и юридико-социальная сущность соматических прав человека / Е.М. Нестерова // Соц.-экон. явления и процессы. Международ. журн. – 2011. – № 7 – С. 222–226.

УДК 351.74

Е.О. Зеленькова, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *С.Г. Луговский*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАНЦЕВ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

По сведениям территориальных органов внутренних дел на 31 декабря 2017 г., республику по частным и служебным делам посетило почти 879 тыс. иностранцев (аналогичный период прошлого года (АППГ)). В Республике Беларусь находилось 47,1 тыс. иностранцев (АППГ – 52,8 тыс.), имеющих разрешение на временное проживание, из них более 11 тыс. иностранцев, прибывших к супругу или близкому родственнику, свыше 17 тыс. – на учебу, более 11 тыс. – по служебным делам, а также почти 174,8 тыс. (АППГ – 176,5 тыс.) – на постоянное проживание.

В Республике Беларусь общественные отношения в сфере миграции населения регулируются большим количеством нормативно-правовых актов, среди которых можно выделить следующие: Закон от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь (МВД) от 22 июля 2017 г. № 173, Закон от 23 июня 2008 г. № 354-З «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь», постановле-

ние Совета Министров Республики Беларусь от 14 апреля 2009 г. № 461 «Вопросы предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь», постановление Государственного пограничного комитета Республики Беларусь от 15 марта 2016 г. № 7 «О некоторых вопросах нахождения в приграничной зоне на территории Республики Беларусь», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 2016 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы» и др. Полагаем, что существует необходимость в издании кодифицированного нормативно-правового акта, а именно Миграционного кодекса Республики Беларусь, для устранения пробелов в законодательстве, единообразного и правильного применения законодательства правоохранительными органами.

При формировании государственной политики противодействия незаконной миграции следует также учитывать соразмеримость приоритетов национальной безопасности и последствий миграции. Безвизовый режим с рядом стран и упрощенный порядок пересечения государственной границы, в свою очередь, может негативно сказаться на миграционной безопасности нашей страны.

Необходимо также обратить внимание на российское законодательство, которое, в свою очередь, дает такие понятия, как иностранный гражданин – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства; лицо без гражданства – физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства; законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин – лицо, имеющее действительные вид на жительство либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные, предусмотренные Федеральным законом или международным договором Российской Федерации, документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации. Уточнены такие понятия, как приглашение на въезд в Российскую Федерацию, приглашающая сторона, иностранный работник и иные [1].

В законодательстве Республики Беларусь представлено следующее понятие: иностранный гражданин – лицо, не являющееся гражданином Республики Беларусь и имеющее доказательства своей принадлежности к гражданству (подданству) другого государства. Полагаем, что существует необходимость в уточнении понятийного аппарата.

С 1 января 2019 г. в Республике Беларусь планируется введение биометрических паспортов для граждан нашей страны. Полагаем, что необходимо выдавать вышеуказанные документы также иностранцам, временно и постоянно проживающим на территории нашего государства.

Следует отметить тот факт, что законодательство нашей республики имеет свои преимущества перед законодательством других стран. Примером может служить то, что иностранцы в Республике Беларусь могут иметь в собственности имущество, наследовать или завещать его, пользоваться иными имущественными и личными неимущественными правами в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь. Транзитный проезд (транзит) иностранцев через территорию Республики Беларусь осуществляется в срок, не превышающий двух суток со дня их въезда в Республику Беларусь, за исключением случаев вынужденной остановки, в соответствии с Правилами транзитного проезда (транзита) иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Республики Беларусь, утверждаемыми Советом Министров Республики Беларусь. Иностранцы, проезжающие через территорию Республики Казахстан транзитом, следуют с соблюдением правил транзитного проезда в пограничный пункт выезда из Республики Казахстан по установленному маршруту и могут иметь остановки на территории Республики Казахстан только в пунктах, указанных в казахстанских транзитных визах, при наличии разрешения, выданного уполномоченными на то государственными органами Республики Казахстан. Из вышесказанного вытекает, что иностранцы, находящиеся на территории нашего государства, имеют ряд преимуществ, по сравнению с другими странами [2].

Деятельность органов внутренних дел по защите прав и свобод человека осуществляется в общем направлении исполнения поставленных задач, но защита прав и свобод не растворяется в массе иных задач, решаемых органами внутренних дел, а наоборот, оно конкретизирует их. В конечном итоге все иные задачи выступают в качестве производных от главной задачи – защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечение их личной и имущественной безопасности, защита прав и законных интересов организаций от преступных и иных противоправных посягательств в соответствии с компетенцией органов внутренних дел [3, с. 23–24]. Подразделениями по гражданству и миграции во взаимодействии с иными службами и подразделениями органов внутренних дел систематически организовываются и проводятся мероприятия, направленные на выявление нарушений порядка пребывания,

занятия трудовой деятельностью, как со стороны иностранцев, так и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, их привлекающих, а также пресечение незаконной деятельности, связанной с трудоустройством за пределами нашей страны на безлицензионной основе.

В нашем государстве достигнут высокий уровень миграционной безопасности. Несмотря на то что в странах Евросоюза продолжается миграционный кризис, миграционная обстановка в Республике Беларусь остается стабильной, контролируемой, управляемой и не оказывающей существенного влияния на общественную, социально-политическую и криминогенную ситуацию в стране, благодаря взаимодействию различных органов, а также четкой и слаженной работе подразделений. В Республике Беларусь проделана значительная законодательная и правоприменительная работа, сформировано миграционное законодательство, соответствующее высоким мировым стандартам в данной области.

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 25 июля 2002 г., № 115-ФЗ : в ред. от 31.12.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 10.05.2018.

2. О правовом положении иностранцев [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 19 июня 1995 г., № 2337 : с изм. и доп. по состоянию на 16.04.2018 г. // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 10.05.2018.

3. Идеал свободной человеческой личности: от международных пактов о правах человека к современной Конституции : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 дек. 2016 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.В. Яскевич [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2016. – 235 с.

УДК 342.722

Е.А. Костюков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Р.А. Середа*

СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАНЦЕВ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Достоинства или недостатки любого Сообщества, Содружества или более интегрированной формы объединения – Союза нельзя выявить вне реальных условий их возникновения, без учета важнейших факторов,

предопределивших их создание и перспективы дальнейшего развития. Особое место в сфере предмета регулирования интеграционных образований занимают вопросы правового положения граждан и иностранных граждан в государствах-участниках. В этой связи несомненный интерес представляет анализ правового положения иностранцев в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации.

В рамках создания Союзного государства между Республикой Беларусь и Российской Федерацией был подписан ряд законодательных актов, устанавливающих важнейшие правовые основы взаимодействия двух государств. Ключевым из них является двухстороннее Соглашение об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства от 3 февраля 2009 г., в котором закрепляется объем предоставляемых прав и свобод лицам, имеющим не только российское или белорусское гражданство, но и обладающим статусом иностранного гражданина на или лица без гражданства по отношению к Союзному государству.

В первую очередь следует обратить внимание на сроки нахождения иностранцев на территории стран – участниц Союзного государства. В частности, в Республике Беларусь разрешение на временное проживание выдается на срок до одного года, выдача разрешения на временное проживание осуществляется подразделением по гражданству и миграции органа внутренних дел по заявлениям граждан, тогда как в законодательстве Российской Федерации указано, что разрешение на временное проживание может быть выдано иностранному гражданину в пределах квоты, утвержденной Правительством Российской Федерации. При этом разрешение на временное проживание выдается на три года. Срок рассмотрения заявления о выдаче разрешения на временное проживание в России составляет шесть месяцев, в Республике Беларусь данный срок ограничен 15 днями.

Следующим аспектом, отражающим статус рассматриваемой категории лиц, является место его нахождения.

Временно проживающий в Республике Беларусь иностранец обязан проживать только по тому месту временного проживания, по которому ему выдано соответствующее разрешение. При перемене места временного проживания такой иностранец обязан в течение пяти суток, за исключением выходных дней, объявленных Президентом Республики Беларусь нерабочими, обратиться в орган внутренних дел по новому месту временного проживания для внесения изменений в разрешение на временное проживание. Никаких иных обязанностей миграционным законодательством Республики Беларусь для временно проживающих иностранцев не предусмотрено.

В то же время временно проживающий в Российской Федерации иностранец в течение двух месяцев по истечении очередного года, со дня получения им разрешения на временное проживание, обязан лично подавать в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции по месту получения разрешения на временное проживание определенный пакет документов. В него входят уведомление о подтверждении своего проживания в Российской Федерации, справка о доходах, копия налоговой декларации и иные документы. Такие требования отсутствуют в законодательстве Республики Беларусь.

Таким образом, граждане Республики Беларусь, являющиеся иностранцами по отношению к Российской Федерации, и граждане Российской Федерации, являющиеся иностранцами по отношению к Республике Беларусь, в рамках нормативных правовых актов, устанавливающих порядок сотрудничества двух стран, имеют относительно неравный порядок оформления своего статуса при нахождении на территории стран Союзного государства. Это указывает на неполное соответствие правового статуса временно проживающих иностранцев Соглашению об обеспечении равных прав граждан Союзного государства от 3 февраля 2009 г.

Рассматривая статус постоянно проживающих иностранцев, следует также отметить различные подходы к пониманию категории «постоянно проживающий иностранец» и основаниям приобретения данного статуса в Республике Беларусь и Российской Федерации.

Если в нашей стране постоянно проживающим является иностранец, получивший разрешение на постоянное проживание и вид на жительство, то в Российской Федерации постоянно проживающим является иностранец, получивший только вид на жительство. Таким образом, законодательство Российской Федерации ставит знак равенства между видом на жительство и постоянным проживанием. Трудно с этим согласиться, так как вид на жительство – это вторичный элемент в структуре постоянного проживания.

Считаем, что первичным является разрешение на постоянное проживание, дающее возможность иностранцу проживать в стране постоянно, а выдаваемый вид на жительство является лишь документом, подтверждающим получение такого статуса.

Рассматривая основания приобретения статуса постоянно проживающего иностранца, следует отметить, что в соответствии с Соглашением между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Союзного государства от 3 февраля 2009 г. факт принадлежности лица к гражданству одной из Сторон является основанием для получения разрешения на постоянное жительство без учета

срока временного пребывания и получения разрешения на временное проживание на территории другой Стороны.

Учитывая данное обстоятельство, предлагаем внести изменения в ст. 53 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. и дополнить ее следующим основанием: «Разрешение на постоянное проживание может быть выдано иным иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с международными договорами Республики Беларусь».

Кроме того, законодательство Республики Беларусь не обязывает иностранцев, получивших разрешение на постоянное проживание, уведомлять о своем проживании в Республике Беларусь, представлять сведения о месте работы и о продолжительности осуществления ими трудовой деятельности, о периоде нахождения за пределами страны, о размере и источниках дохода за очередной год.

В свою очередь, постоянно проживающий в Российской Федерации иностранец обязан ежегодно уведомлять о подтверждении своего проживания в Российской Федерации территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции по месту получения данным иностранцем вида на жительство. За неисполнение обязанностей по уведомлению о подтверждении своего проживания в Российской Федерации иностранец может быть привлечен к административной ответственности.

Полагаем, что позиция, избранная российским законодательством более верная, поскольку трудности, связанные с определением наличия достаточного дохода у иностранца и членов его семьи либо пребывания за пределами Республики Беларусь, возлагаются на сотрудников органов внутренних дел, что сделать без получения сведений от иностранца часто весьма проблематично.

В связи с этим предлагаем внести дополнения в часть 5 ст. 53 вышеуказанного закона, изложив ее в следующей редакции: «Постоянно проживающий в Республике Беларусь иностранец обязан ежегодно уведомлять о своем проживании в Республике Беларусь орган внутренних дел по месту жительства». Считаем, что следует установить административную ответственность за уклонение иностранцев от выполнения данной обязанности.

Таким образом, можно сделать вывод, что процедура получения разрешения на временное и постоянное проживание в Российской Федерации более сложная и длительная.

В частности, дополнительными трудностями являются наличие квот, необходимость предоставления свидетельства о постановке иностранца на учет в налоговом органе, документов, подтверждающих отсутствие

у него заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний, которые представляют опасность для окружающих, сертификата об отсутствии у него заболевания, вызываемого ВИЧ-инфекцией, необходимость ежегодного подтверждения проживания с представлением справки о доходах и копии налоговой декларации. Однако следует подчеркнуть и ряд положительных моментов. Во-первых, данные требования способствуют своевременному выявлению заболеваний, представляющих опасность для населения страны, во-вторых, усиливается контроль за проживанием и деятельностью иностранцев.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что иностранные граждане и лица без гражданства, находясь на территории Республики Беларусь или Российской Федерации, выполняют различные правовые предписания, касающиеся их неотъемлемых прав и свобод, которые отличаются определенными положениями в законодательствах государств-участниц. Это говорит о неравном правовом положении иностранцев в двух государствах и указывает на неполное соответствие внутригосударственных нормативных правовых актов условиям, целям и задачам создания и развития Союзного государства. Полагаем, что это требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, закрепляющей союз двух государств.

Научно-практическая конференция
«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(26 апреля 2018 г.)

УДК 343.98

А.С. Гилевский, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.С. Климович*

ПРИЗНАНИЕ ВИНЫ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Признание вины... один из наиболее дискуссионных вопросов уголовно-процессуального права. Признание вины (лат. сл. – Regina probationum) такой институт, который уже со времен Древнего Рима считался «царицей доказательств, то есть, признание, которое дела-

ет излишними все доказательства, улики и дальнейшие следственные действия». При этом еще во времена инквизиции получение признания обвиняемого рассматривалось как кратчайший путь к истине. Признание добывалось с помощью пыток и было достаточным для вынесения обвинительного приговора даже без его подтверждения другими доказательствами.

Но что есть признание вины в сегодняшнем уголовном процессе, какую роль играет признание вины при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Республики Беларусь и необходимо ли оно вообще при заключении подобного рода соглашения?

«Вина – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. Такую формулировку дает белорусский законодатель в Уголовном кодексе Республики Беларусь, при этом ни в УК, ни в УПК не закреплено понятие, что такое «признание вины». М.А. Днепровская отмечает, что в научной литературе нет единого подхода к пониманию категорий «признание вины» и «согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением» [1]. Тем не менее данный вопрос, по нашему мнению, хорошо раскрыла А.В. Ендольцева в своей работе «Институт освобождения от уголовной ответственности: законодательные и правоприменительные проблемы»: «Признание вины в рассматриваемых случаях выражает внутреннее, психическое отношение лица к содеянному и заключается в осознании его противоправности, проявлении сожаления о совершенном им преступном деянии и причиненном вреде, что подтверждается добровольными позитивными постпреступными действиями, направленными на предотвращение, устранение или уменьшение тяжести вредных последствий содеянного либо оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений» [2]. Иными словами, признание вины выражает, как ранее было отмечено, внутреннее, психическое отношение лица к совершенному преступлению и заключается в осознании его противоправности, проявлении сожаления о совершенном им преступном деянии и причиненном вреде, намерении своими действиями возместить ущерб или иным образом загладить вред.

Законодатель однозначно определяет в ч. 4 ст. 468⁶ УПК, что «в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления...». По этому поводу есть ряд научных статей, которые дают оценку такому подходу, часто сравнивая досудебное соглашение со «сделкой о признании вины». Дело в том, что такой институт уголовного процесса имеет ряд системных отличий по отношению к

белорусскому аналогу. Это и упрощение ведения уголовного процесса, и большие преференции для обвиняемого, выраженные в минимизации наказания, а в некоторых случаях и вовсе в переквалификации на менее тяжкое преступление. Мы отчетливо понимаем, что отечественная уголовно-правовая система к такому не готова по ряду объективных причин, но при этом стоит отметить, что законодательство европейских стран связывает применение компромиссных моделей правосудия, как правило, не с признанием вины обвиняемым, а с его формальным согласием с обвинением.

Следует обратить внимание на то, что в последние годы в уголовном процессе стран континентальной Европы наблюдается тенденция развития в компромиссных процедурах договорного начала по типу американской сделки о признании вины. Иными словами, на сегодня американский вариант является довольно действенным и эффективным, поскольку 98 % всех уголовных дел в Америке рассматриваются посредством «сделки о признании вины». Сможем ли мы изменить свое законодательство таким образом, чтобы подобного рода сделка была возможна в нашей стране, пока неизвестно.

Так, отвечая на вопрос, поставленный в начале статьи, о роли и необходимости признания вины в качестве обязательного условия при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимо отметить следующее.

Во-первых, само понятие «соглашение» подразумевает под собой некие договорные отношения, т. е. если лицо согласно с перечисленными в законе условиями, оно вправе заключить такой договор, и понуждать лицо к его заключению никто не имеет право. Субъект сам решит, приемлемо для него это или нет.

Во-вторых, в некоторых случаях именно вопрос о признании вины может стать камнем преткновения при заключении досудебного соглашения. Например, обвиняемый по ч. 2 ст. 328 УК в ходатайстве о заключении соглашения о сотрудничестве указал, что «намерен оказывать всяческое содействие предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других участников преступления и готов ответить на любые вопросы следствия», однако вину в инкриминируемом преступлении не признал. В данном случае, в соответствии с УПК, следователем была составлена справка о невозможности заключения такого соглашения. А в случае, когда обвиняемый частично признавал вину (признавал факт подстрекательства к даче взятки должностному лицу, но отрицал вину в совершении покушения на мошенничество, поскольку денежные средства намеревался передать в качестве взятки должностному лицу, к которому обращался с просьбой решить вопрос,

и фактически вопрос в интересах взяткодателя был решен), следователем была составлена справка о возможности заключения соглашения о сотрудничестве, а прокурором заключено такое соглашение [3, с. 4].

Исходя из вышеизложенного мы сделали следующий вывод: институт признания вины в уголовном процессе играет свою роль как в нашей уголовно-правовой системе, так и в иных государствах. Признание вины при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не является столь эффективной мерой, какой является в зарубежных странах. Полагаем, что нет целесообразности во введении признания вины в качестве обязательного условия для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как:

последующий отказ лица от признания своей вины и предъявленного обвинения не исключает действительности досудебного соглашения о сотрудничестве, не влияет на решение прокурора о подтверждении факта выполнения взятых на себя обязательств и направлении уголовного дела в суд, а также не является определяющим по вопросу о возможности применения к лицу, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, более мягкого наказания;

законодатель сделал подозреваемого стороной досудебного соглашения о сотрудничестве. Но в отношении данного участника уголовного процесса еще не сформулировано обвинение и, соответственно, не очерчен круг деяний, в совершении которых лицо может признать себя виновным.

1. Днепрова, М.А. Процессуальное значение признания вины и согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением в истории науки российской уголовно-судопроизводства [Электронный ресурс] / М.А. Днепрова // Журн. рос. права. – 2009. – № 4 (148). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnoe-znachenie-priznaniya-viny-i-soglasiya-obvinyаемого-s-predyavlenным-emu-obvinением-v-istorii-nauki-rossiyskogo-ugolovного-судопроизводства>: 24.04.2018).

2. Ендольцева, А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Ендольцева ; Моск. ун-т МВД России. – М., 2005. – 49 с.

3. Обобщение практики производства по уголовным делам в отношении подозреваемых (обвиняемых), с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. – Минск : [б. и.], 2017. – 15 с.

О.И. Гуштын, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.В. Мытник*

ГЛАСНОСТЬ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Гласность – политика максимальной открытости в деятельности государственных учреждений и свободы информации.

Согласно ст. 114 Конституции Республики Беларусь разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом судебном заседании допускается в случаях, предусмотренных законодательством, с соблюдением всех правил судопроизводства.

Данное конституционное положение продублировано в отраслевом законодательстве.

Так, согласно ст. 11 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом судебном заседании допускается лишь в случаях, установленных законом, с соблюдением всех правил судопроизводства.

Не допускаются разглашение сведений, относящихся к личной жизни гражданина, которые унижают его честь и достоинство либо могут причинить вред его правам, законным интересам или деловой репутации, а равно разглашение сведений, относящихся к деятельности организации, индивидуального предпринимателя, которые могут причинить вред их правам, законным интересам или деловой репутации, если иное не предусмотрено законодательством.

Гласность означает, что любой человек, достигший шестнадцатилетнего возраста, может присутствовать в зале судебного заседания (ч. 7 ст. 287 УПК), в том числе студенты, представители СМИ, общественности.

Открытое разбирательство дел в судах оказывает мощное влияние на судей и иных участников процесса и позитивно воздействует на соблюдение общепризнанных норм права, гарантирует действительную информированность людей о судебной работе, считается одним из проявлений конституционного права.

Гласное судебное разбирательство уголовных дел обеспечивает информированность граждан о судебной деятельности, воспитательное воздействие судебного процесса, а также общественный контроль за судом. Гласность предупреждает отступление суда и участников судебного процесса, а также общественный контроль за судом. Гласность пред-

упреждает отступление суда и участников судебного разбирательства от общих условий судебного разбирательства, способствует повышению его культуры.

Государственная тайна – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб государству.

Закрытое судебное заседание допускается по мотивированному определению (постановлению) суда лишь в интересах обеспечения охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, а также по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях и другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство, и в случае, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного процесса, а также членов их семей или близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими. По делам, рассмотренным в закрытом судебном заседании, публично оглашается только резолютивная часть приговора, определения, постановления суда (ст. 23 УПК).

Рассмотрение гражданских дел также во всех судах открытое. В целях защиты сведений, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, содержащихся в материалах дела, проводится закрытое судебное заседание. Для предотвращения разглашения информации, которая касается интимных сторон жизни граждан или порочит их честь, достоинство или деловую репутацию, а также в случае, если это необходимо для охраны интересов несовершеннолетнего, суд может слушать дело в целом или совершать отдельные процессуальные действия в закрытом судебном заседании (ст. 17 ГПК).

По просьбе сторон или одной из них при отсутствии возражений юридически заинтересованных в исходе дела лиц суд может рассмотреть в закрытом судебном заседании любое дело.

При рассмотрении дела или совершении отдельных процессуальных действий в закрытом судебном заседании присутствуют только юридически заинтересованные в исходе дела лица, а в необходимых случаях – свидетели, эксперты, специалисты, переводчики. Закрытое судебное заседание проводится с соблюдением всех процессуальных правил, установленных ГПК.

В целях охраны тайны переписки и телеграфных сообщений личная переписка и личные телеграфные сообщения граждан могут быть

оглашены в открытом судебном заседании только с согласия лиц, между которыми эта переписка и телеграфные сообщения имели место. В противном случае такая переписка и телеграфные сообщения оглашаются и исследуются в закрытом судебном заседании. Эти правила применяются и при оглашении личных записей граждан.

Присутствующие в открытом судебном заседании вправе вести письменную и магнитофонную записи. Фото-, киносъемка и видеозапись допускаются с разрешения председательствующего в судебном заседании и с согласия сторон.

В соответствии с законодательством разбирательство дела в судах, рассматривающих экономические дела, открытое.

Разбирательство дела в закрытом судебном заседании допускается при удовлетворении судом, рассматривающим экономические дела, ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость неразглашения сведений либо на иные обстоятельства, препятствующие открытому разбирательству. При разбирательстве дела в закрытом судебном заседании присутствуют лица, участвующие в деле, их представители, а в необходимых случаях – свидетели, эксперты, специалисты и переводчики (ст. 21 ХПК).

Разбирательство дела в закрытом судебном заседании ведется с соблюдением правил судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела, и с учетом особенностей, предусмотренных законодательными актами о государственных секретах.

В соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Так, лица, участвующие в деле, могут заявить ходатайство о разбирательстве дела в закрытом судебном заседании с целью защиты, например, тайны корреспонденции, и др.

Таким образом, гласность в деятельности судов – значимая гарантия его независимости и самостоятельности при осуществлении правосудия, гарантия законности, объективности и справедливости судебных постановлений по конкретному делу. Причем это в равной степени касается защиты прав и законных интересов гражданина, субъекта хозяйствования и государства. Гласность создает предпосылки для непредвзятого, полного и всестороннего исследования всех обстоятельств дела и способствует вынесению законного, обоснованного и справедливого судебного постановления.

В.И. Каминский, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ПРОТОКОЛ ОБЪЯСНЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В соответствии со ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

Источники доказательств – показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, судебного заседания и оперативно-розыскных мероприятий, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном УПК.

В соответствии со ст. 173 УПК до возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения, из чего на основании ст. 88 УПК следует, что объяснения, полученные в порядке, предусмотренном УПК, являются источником доказательств.

Вышеуказанное утверждение создает противоречивость терминологии, закрепленной в ч. 3 ст. 105 УПК, исходя из которой, в случае признания объяснений источником доказательств, следует, что «допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном настоящим Кодексом порядке и из предусмотренных законом источников». Отраженная выше противоречивость создает предпосылки для внесения изменений в ч. 3 ст. 105 УПК и последующего закрепления объяснений в УПК как самостоятельного источника доказательств, предусмотренных ст. 88 УПК.

Названные предпосылки находят свою аргументацию в ч. 6 ст. 105 УПК, в соответствии с которой следует, что в основу процессуальных решений, принимаемых органом уголовного преследования, могут быть положены только достоверные доказательства. Объяснения – это материально выраженный факт. Они имеют существенное значение при принятии таких процессуальных решений, как возбуждение уголовного дела или же отказ в возбуждении уголовного дела, из чего следует,

что объяснения при возбуждении уголовного дела или же при отказе в возбуждении уголовного дела являются доказательствами, обосновывающими соответствующее процессуальное решение.

Законодатель, выделяя в качестве самостоятельных источников доказательств показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, указывает на то, что при производстве по возбужденному уголовному делу значимыми являются «пояснения» соответствующих лиц, в то же время не придавая должного значения и законодательной регламентации указанным «пояснениям» на стадии возбуждения уголовного дела, где происходит получение объяснений.

Практическая деятельность правоохранительных органов подтверждает значимость указанных «пояснений» и до момента возбуждения уголовного дела: нередко они заложены в основу процессуального решения, принимаемого на стадии возбуждения уголовного дела.

Собранные по материалам объяснения подлежат всесторонней, полной и объективной проверке органами уголовного преследования. Проверка объяснений состоит в их анализе, сопоставлении с другими доказательствами, имеющимися в материалах и в уголовном деле, а также в получении других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое объяснение. Противоречия, имеющие место в объяснениях лиц, которые в последующем в рамках возбужденного уголовного дела являются подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, иных доказательствах, требуют обязательного принятия мер, направленных на их устранение при производстве по уголовному делу.

Объяснения подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Относящимися к уголовному делу признаются объяснения, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для данного дела. Не являются относящимися к делу объяснения, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства.

Объяснения признаются недопустимыми, если они получены с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований УПК, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса.

Процесс получения объяснений не имеет регламентации, предусмотренной УПК, однако общие правила, закрепленные в УПК и Конституции Республики Беларусь (Конституция), указывают на отсутствие юридической силы объяснений, полученных с нарушением закона. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства указывает на обязанность должностного лица, получающего объяснения в порядке, предусмотренном ст. 173 УПК, разъяснить лицу, дающему объяснения, положения ч. 4 ст. 10 УПК и ст. 27 Конституции, в соответствии

с которыми никто не должен принуждаться к даче объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников.

Необходимо отметить, что в случае противодействия правоохранительным органам, лицо, совершившее преступление, или же иное лицо, действующее в интересах лица, совершившего преступление, в качестве защитной версии, во избежание ответственности за совершенное деяние, может приводить ложные доводы, в части того, что должностное лицо, получившее объяснения, сфальсифицировало подпись и рукописный текст лица, давшего объяснения. В указанном случае до возбуждения уголовного дела, согласно ч. 2 ст. 226 УПК, является законным и обоснованным получение образцов почерка для сравнительного исследования, производство осмотра документа, а именно конкретно взятого объяснения, назначение почерковедческой экспертизы.

В случае назначения почерковедческой экспертизы объяснение, которое должно явиться объектом экспертного исследования, подлежит осмотру с последующей его упаковкой и опечатыванием. Результаты осмотра соответствующего объяснения подлежат фиксации в протоколе осмотра документов. По окончании экспертного исследования и получении заключения эксперта объяснение, подвергнутое экспертному исследованию, признается вещественным доказательством (в случае возбужденного уголовного дела), как объект, который может служить средством по обнаружению самостоятельного преступления, предусмотренного, например, ст. 395, 400 Уголовного кодекса Республики Беларусь, или же средством по установлению фактических обстоятельств, имевших место событий, по которым даются объяснения.

В качестве примера необходимо отметить, что в сложившейся следственной практике, уголовное дело по ст. 328 УК в случае наличия объяснения, в котором изложены обстоятельства, указывающие на сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, возбуждается по ч. 2 ст. 328 УК или же иной соответствующей части. В названном случае при последующем противодействии правоохранительным органам подозреваемый (обвиняемый) или же свидетель, действующий в интересах подозреваемого (обвиняемого), во избежание ответственности последнего за совершенное преступление, дает показания в части того, что должностное лицо, отбирающее объяснения, неверно изложило обстоятельства объяснения. В таком случае лицо, получившее соответствующие объяснения, подлежит допросу в качестве свидетеля.

Обратим внимание на то, что в соответствии со ст. 60 УПК не подлежат допросу в качестве свидетелей: прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, секретарь судебного заседания (секретарь судебного заседания – помощник судьи) – об обстоятельствах *уголовного дела*, ко-

торые стали им известны в связи с участием в производстве по уголовному делу, а судья – в связи с обсуждением в совещательной комнате вопросов, возникших при вынесении судебного решения, из чего следует, что лицо, получившее объяснение *до возбуждения уголовного дела*, на законных основаниях может быть допрошено в качестве свидетеля по уголовному делу, в части обстоятельств отобранного объяснения.

Обстоятельством, указывающим на необходимость включения объяснения в перечень источников доказательств, также является порядок осуществления ускоренного производства. В соответствии со ст. 452 УПК при ускоренном производстве до возбуждения уголовного дела берутся объяснения от лица, не отрицающего совершения этого преступления, очевидцев и других лиц об обстоятельствах совершенного преступления. После возбуждения уголовного дела очевидцы и другие лица, обладающие данными об обстоятельствах совершенного преступления и являющиеся потенциальными «свидетелями» в рамках возбужденного уголовного дела, в порядке ускоренного производства в качестве таковых не допрашиваются, что свидетельствует о признании объяснений в ходе ускоренного производства в качестве источника доказательств в его первоначальном виде.

Таким образом, полагаем, что в отечественном уголовном процессе имеются существенные предпосылки для закрепления объяснений в качестве самостоятельного источника доказательств, предусмотренных ст. 88 УПК. Следует отметить, что принятие соответствующего решения повлечет рассмотрение вопроса о необходимости предупреждения субъекта об уголовной ответственности за дачу ложных объяснений и за уклонение от дачи объяснений, за исключением лиц, в отношении которых осуществляется проверка по материалам, и с учетом положений ч. 4 ст. 10 УПК и ст. 27 Конституции.

УДК 343.1

В.И. Каралёк, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Г.А. Павловец

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Так, согласно ч. 1 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) «защитником в уголовном процессе является лицо, которое по основаниям и в порядке, предусмотренным настоящим

Кодексом, осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает им юридическую помощь, а равно осуществляет защиту прав и законных интересов умершего подозреваемого, обвиняемого» [1].

В то же время в литературе можно встретить и иные трактовки данного понятия. К.Ф. Гуценко считает, что «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого путем выявления обстоятельств, смягчающих их ответственность, освобождающих их от уголовной ответственности, оказания обвиняемому, подозреваемому необходимой юридической помощи» (ст. 30 УПК) [2].

А.П. Рыжаков придерживается мнения, что «защитником является лицо, допущенное следователем (дознавателем, прокурором, судьей или судом) в качестве такового в уголовный процесс, защищающий права и интересы подозреваемых, обвиняемых и лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости» (ст. 138 УПК) [3].

Л.И. Кукреш в своем учебном пособии определяет защитника как «Защитник – это лицо, которое осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого путем выявления обстоятельств, оправдывающих, смягчающих их ответственность, освобождающих от уголовной ответственности» (ст. 126 УПК) [4].

На основе анализа данных точек зрения можно сделать вывод, что защитник – это физическое лицо, которое в установленном законом порядке допущено к участию в уголовном деле с целью защиты прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, осужденного или оправданного путем выявления обстоятельств, смягчающих их ответственность, освобождающих их от уголовной ответственности, а также для оказания им иной юридической помощи.

Защитник – активный участник уголовного процесса. Его участие обеспечивает реализацию такого права, как право на защиту. Данное право дано каждому гражданину и лицу, не являющемуся гражданином Республики Беларусь (граждане иностранного государства, лица без гражданства). В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств.

В качестве защитников по уголовному делу допускаются адвокаты – лица, получившие в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность на территории Республики Беларусь. Защитник-адвокат должен являться гражданином Республики Беларусь либо гражданином другого иностранного государства,

допущенным, в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, также адвокат должен являться членом соответствующей коллегии адвокатов. Эти и иные требования установлены Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности».

Помимо адвоката по ходатайству обвиняемого путем постановления суда в качестве защитника в суде может быть допущен один из близких родственников либо законных представителей обвиняемого.

В случае выступления близкого в качестве защитника могут быть дети, родители, братья или сестры, дед или бабушка, внуки, а также супруг или супруга. Просьба в суд заявляется устно или письменно. Данное ходатайство можно заявлять неограниченное количество раз. По законодательству Республики Беларусь обвиняемый вправе иметь как одного, так и нескольких защитников. В связи с этим близкий родственник часто выступает защитником вместе с адвокатом. Наличие высшего юридического образования для защитника, являющимся близким родственником, не является обязательным в отличие от адвоката. Представляется, что это не совсем обоснованно, поскольку возникает вопрос об объективной возможности реализации обвиняемым права на защиту, поскольку защитник, не являющийся юристом, не способен оказать квалифицированную юридическую помощь, а следовательно, и обеспечить достойный уровень защиты лица, которому она оказывается.

Участие защитника в уголовном процессе не является обязательным, за исключением указанных уголовно-процессуальным законом случаев. Обвиняемый имеет право отказаться от услуг защитника путем подачи заявления в орган, ведущий уголовный процесс. При даче обвиняемым согласия на защиту его прав в уголовном деле между обвиняемым и защитником заключается соглашение. Услуги защитника оказываются как на возмездной, так и на безвозмездной (в определенных случаях) основе. Защитник вступает в уголовный процесс лишь при определенных обстоятельствах. Данный перечень обстоятельств указан в УПК. Этими обстоятельствами являются: вынесение постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, фактическое задержание подозреваемого, применение к подозреваемому меры пресечения, признание лица подозреваемым, предъявление обвинения. В соответствии с ч. 4 ст. 44 УПК защитник имеет право быть допущенным к участию в уголовном деле с момента фактического задержания подозреваемого лица. Согласно ч. 2 ст. 45 УПК обязательное участие защитника при производстве следственных и иных процессуальных действий должно быть обеспечено с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении лица, с момента фактиче-

ского задержания. Исходя из буквального толкования данной нормы, защитник, например, несовершеннолетнему задержанному должен быть предоставлен сразу же после его фактического задержания, т. е. даже до доставления его в орган уголовного преследования. Однако на практике обеспечить участие защитника, скажем, при проведении личного обыска, как по месту фактического задержания несовершеннолетнего, так и после его доставления в орган уголовного преследования не представляется возможным, исходя как из специфики задержания и личного обыска, так и порядка предоставления адвоката для осуществления защиты (ст. 125 УПК) [5]. Этот пример – один из многих, которые можно привести по вопросу предоставления защитника с момента фактического задержания. В таком случае предоставление защитника на практике не является возможным и в связи с этим наблюдается неполное урегулирование нормами УПК рассматриваемого вопроса. Возможно, при более подробном изучении данной проблемы законодателем в будущем будет внесено изменение или дополнение, которое сделает эту норму более реализуемой в практическом применении. При рассмотрении вопроса значения защитника в уголовном процессе можно сделать вывод, что его роль в качестве участника уголовного процесса очень важна, поскольку подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, а с недавнего времени и свидетель, нуждаются в защитнике, который способен оказать квалифицированную юридическую помощь.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Кондрусов, Э.В. Защитник. Понятие, его процессуальное положение, допуск защитника к участию в деле, обязательное участие защитника / Э.В. Кондрусов // Рос. судья. – 2007. – № 3. – С. 13–14.

3. Рыжаков, А.П. Уголовный процесс : учеб. для вузов / А.П. Рыжаков. – 2-е изд., и доп., – М. : Норма, 2003. – 346 с.

4. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2005. – 232 с.

5. Солтанович, А.В. Гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве / А.В. Солтанович, М.Л. Хиревич // Проблемы укрепления законности и правопорядка. – 2014. – № 7. – С. 124–129.

В.Н. Ковчик, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС, ЗНАЧЕНИЕ

Латинское изречение гласит, что «в уголовных делах доказательства должны быть светлее света» [1]. Данное выражение действительно истинно, поскольку именно от доказательств зависит судьба людей, их социальный статус и достижение справедливости в обществе в целом.

Вышеперечисленные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, устанавливаются исключительно посредством доказательств. Лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств, дающих основания для предъявления ему обвинения. Следователь может передать уголовное дело прокурору для направления в суд только в случае, когда по уголовному делу выполнены все следственные действия и собраны достаточные доказательства. Суд выносит решение о виновности либо невиновности обвиняемого лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке.

Значимость данного института отмечала еще Екатерина II, которая подчеркивала, что «лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить» [2].

Доказательства прошли длинный исторический путь, меняя тем или иным образом свои формы, отвечая условиям времени и потребностям поколений.

В Древней Руси правовой базой функционирования общества являлась Русская Правда. Исходя из норм названного акта можно сделать вывод о том, что обвиняемый был вынужден искать и предоставлять доказательства в свою пользу, поскольку их отсутствие или неубедительность рассматривались как свидетельство его виновности. Наиболее распространенным видом доказательств являлись показания свидетелей. Свидетели были двух видов: «видоки» – очевидцы происшедшего и «послухи» – свидетели доброй славы, не являющиеся свидетелями факта. В качестве доказательств применялись так называемые внешние признаки – следы, свидетельствующие о происшедшем событии [3].

Основными источниками российского права на этапе Средневековья являются Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение

1649 г., Краткое изложение процессов, являющееся приложением Воинского устава Петра I, изданного в 1716 г.

В качестве видов доказательств рассматривались показания обвиняемого, повальный обыск, захват с поличным, свидетельские показания. Обыденным явлением было получение показаний обвиняемого о признании своей вины под пыткой, такое доказательство воспринималось лучшим доказательством – «царицей доказательств», которое однозначно решало вопрос о виновности лица [4].

В развитии доказательственного права немалый интерес представляет период царствования Петра I. Именно тогда укреплялась и развивалась система законных доказательств, которая позволяла ограничить судебный произвол. При Петре I исчезает обвинительный процесс. На смену ему приходит инквизиционный, что предопределило возникновение теории формальных доказательств, которая просуществовала вплоть до судебной реформы. Она ставила своей целью согласно Указу Правительствующему сенату от 20 января 1864 г.: «Водворить суд скорый, правый, милостивый, равный для всех, дать надлежащую самостоятельность судебной власти...» [5].

Следующим этапом формирования теории доказательств в уголовном процессе стал советский период. В 1917 г. был принят Декрет о суде № 1. Данным декретом были упразднены вся царская судебная система, судебные установления, судебные следователи, прокурорский надзор, частная и присяжная адвокатура. Однако Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. подтверждал ведение процесса по правилам судебных уставов 1864 г. [6, с. 213].

На современном этапе существует несколько точек зрения по вопросу о понятии доказательств. Ряд ученых предполагают, что доказательствами являются сами факты, обстоятельства реальной действительности. Другие же отмечают, что под доказательствами следует понимать факты, на основе которых устанавливается виновность или невиновность того или иного лица в его совершении и иные обстоятельства, от которых зависит степень ответственности этого лица, и источники сведений об этих фактах.

Согласно ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь под доказательствами следует понимать любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела [7].

В соответствии с ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации под доказательствами следует понимать любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [8].

Проводя сравнительную параллель между понятиями, предложенными законодательными актами двух государств, необходимо отметить, что определение, предложенное законодателем России, наиболее приемлемо. Данный факт подтверждается тем, что сведения, по сути, представляют собой информацию, которую суд, прокурор, следователь либо орган дознания может оценить с позиций достоверности или недостоверности. В то время как под фактическими данными следует понимать обстоятельства, которые соответствуют действительности и, соответственно, не нуждаются в дополнительной проверке органами, ведущими уголовный процесс.

Исходя из вышеизложенного закономерным будет вывод о том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь нуждается в корректировке.

1. Афоризмы и цитаты о доказательствах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-o-dokazatelstvax>. – Дата доступа: 15.04.2018.

2. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/. – Дата доступа: 15.04.2018 г.

3. Русская Правда (Пространная редакция) [Электронное издание] / подгот. текста, пер. и коммент. М.Б. Свердлова // Б-ка лит. Древ. Руси / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН, 1963. – Т. 4 : XII век.

4. Судебники XV–XVI вв. / под общ. ред. Б.Д. Грекова. – М. ; Л., 1952.

5. Указ Правительствующему Сенату [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3300/>. – Дата доступа: 16.04.2018.

6. Декрет о суде // Декреты советской власти : сб. док. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т истории АН СССР : [многотом. изд.]. – М. : Политиздат, 1957–1997. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957–1997. – 376 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 18 дек. 2001 г. : с посл. изм. и доп. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

УДК 343.1

Ф.А. Мигалкин, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Согласно ст. 60 Конституции Республики Беларусь гарантируется право на судебную защиту и восстановление нарушенного права. Одним из способов является подача гражданского иска как на досудебных стадиях уголовного-процесса, так и на стадии судебного разбирательства. Главная задача гражданского иска – это возмещение вреда, полученного в результате совершения преступления, как материального, так и морального.

Правовой институт возмещения вреда имеет очень давнюю историю. Это один из старейших правовых институтов. Он являлся одним из основных видов наказаний как у славян, так и множества других народов Европы в период раннего Средневековья. Одним из старейших памятников писанного права славян являлась Русская Правда в трех редакциях: «Краткая, Пространная и Сокращенная». В «Краткой редакции» данного памятника права возмещение вреда, причиненного преступлением, является основным видом наказания и присутствует практически в каждой статье данного документа: «Убьет муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или сын брата, или сын сестры; если не будет никто мстить, то 40 гривен за убитого.

Если убитый – русин, или гридин, или купец, или ябедник, или мечник, или же изгой, или Словенин, то 40 гривен уплатить за него.

Если кто будет избит до крови или до синяков, то ему не надо искать свидетеля, если же не будет на нем никаких следов (побоев), то пусть приведет свидетеля, а если он не может (привести свидетеля), то делу конец. Если (потерпевший) не может отомстить за себя, то пусть возьмет с виновного за обиду 3 гривны и плату лекарю» [1].

Так, отличительной чертой возмещения вреда по Русской Правде в большинстве случаев всегда фиксировано и отличается лишь от тяже-

сти совершенного преступления, но в рамках самой статьи возмещение вреда не дифференцируется, за исключением «Платы лекарю», которая могла изменяться.

Но со временем возмещение вреда перестает быть доминирующим видом наказаний, используемых на территории Беларуси в соответствии с тогдашними законами, все чаще начинает применяться смертная казнь, что наблюдается уже в таких памятниках права, как Статуты Великого Княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг., институт возмещения вреда был серьезно переработан и доработан. В разд. 10 Статута 1588 г. давались точные расценки, сколько должен был возместить преступник. Например, в ст. 2 данного раздела устанавливаются цены, которые должен уплатить преступник за убийство дикого животного в чужом лесу. «Уставуем цену звером диким, которое бы через кого было убито у чужой пущы: за зубра – двенадцать рублей грошей, за лося – шесть рублей грошей, за оленя або за ланю – шесть рублей грошей, за медведя – три рубли грошей, за коня або за кобылу дикую – три рубли грошей, за вепра або за свинью – рубль грошей, за сарну – копу грошей, за рыся-три рубли грошей, за соболя – два рубли грошей, за куну – полкопы грошей.», как мы видим, теперь размер выплаты зависит от размера нанесенного вреда и в пределах одного преступления, в разных случаях сумма может быть разной. Но главное – данный институт играл важную роль как эффективный инструмент защиты собственности [2].

После трех разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи, однако российское законодательство начало действовать на этих землях не сразу и действовало до 1840 г. В российском законодательстве середины XIX в. уже появляется понятие «гражданский иск» и регламентируется его подача. В Уложении о наказаниях 1845 г., вошедшем в Свод законов Российской империи, помимо общих правил возмещения вреда, предусматривалось, что ответственность за причиненные убытки несут и наследники виновного в пределах суммы наследства; должник, к которому не применялось уголовное наказание, мог быть заключен под стражу на основании общих правил о несостоятельных должниках, устанавливалась очередность обращения взыскания на имущество обвиняемого, сначала удовлетворялись требования по возмещению вреда, затем иные денежные взыскания. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. гражданский иск мог быть подан на всех этапах уголовного процесса, что мы наблюдаем и сегодня в белорусском законодательстве [3].

Новой страницей в истории как России и Беларуси, так и в развитии института возмещения вреда стало образование Союза Советских Социалистических Республик. Институт возмещения вреда в УПК БССР

1923 г., который действовал на территории Беларуси, также реализовывался посредством гражданского иска. В соответствии со ст. 14 УПК БССР 1923 г. потерпевший, понесший от преступного деяния вред и убытки, вправе предъявить к обвиняемому и к лицам, несущим ответственность за причиненные обвиняемым вред и убытки, гражданский иск, который подлежит рассмотрению совместно с уголовным делом. Гражданский иск может быть заявлен как при начатии уголовного дела и во время предварительного следствия, так и позже, но до начала судебного следствия. Потерпевшие, не заявившие гражданского иска при производстве уголовного дела, имеют право предъявить гражданский иск в общем порядке [4].

Однако если человеку в гражданском иске было отказано, то потерпевший лишился права подачи вторичного иска. В УПК БССР 1960 г. давалось определение гражданского истца и гражданского ответчика, все также запрещалась повторная подача гражданского иска при отказе в первый раз. Был описан порядок признания лица гражданским истцом [5].

На сегодня институт возмещения вреда, реализуемый посредством гражданского иска, в уголовном процессе достаточно регламентирован и занимает целую главу в Уголовно-процессуальном кодексе. Важно отметить, что в настоящее время гражданин, которому при производстве дознания или предварительного следствия в признании лица гражданским истцом, имеет право предъявить гражданский иск в судебном заседании. Регламентирован механизм обеспечения гражданского иска и исполнения приговора в части конфискации имущества [6].

Подводя вывод всему вышесказанному, можно утверждать, что институт возмещения вреда прошел долгий путь развития от основного вида наказания по Русской Правде до отдельного правового института гражданского иска в уголовном процессе.

1. Русская Правда. Краткая редакция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rin.ru/cgi-bin/view.pl?id=542>. – Дата доступа: 28.03.2018.

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года : тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: У.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1989. – 576 с.

3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/115/>. – Дата доступа: 04.04.2018.

4. Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1923 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravovye-akty-bssr/kodeksy/>. – Дата доступа: 12.04.2018.

5. Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravovye-akty-bssr/kodeksy/>. – Дата доступа: 14.04.2018.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.1

М.Н. Мороз, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

ОБ ОРГАНАХ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Одна из важнейших стадий уголовного процесса – предварительное расследование, которое понимается в теории уголовного процесса как урегулированная законом процессуальная деятельность органов дознания и предварительного следствия по установлению обстоятельств преступления, изобличению лиц, его совершивших, обеспечение обоснованного привлечения их в качестве обвиняемых. Главнейшее значение для развития предварительного расследования в целом имел Указ от 29 августа 1808 г. «О следственных приставах, определяемых при полиции», в котором выделено должностное лицо полиции – судебный пристав, целенаправленно занимающийся предварительным расследованием по уголовным делам [1].

Согласно п. 26 ст. 6 УПК предварительное расследование – это производство предварительного следствия, дознания по уголовному делу. Из этого следует, что предварительное следствие и дознание являются формами одного и того же этапа уголовного процесса, объединены единством достижения цели и решением общих задач. Однако, несмотря на схожесть данных форм, предварительное следствие и дознание отличаются по кругу лиц, управомоченных осуществлять предварительное следствие и дознание; срокам проведения; процессуальной компетенции; порядку принятия процессуальных решений при производстве дознания и предварительного следствия; видам окончания предварительного следствия и дознания [1].

Стоит отметить, что дознанию придается такой же главенствующий характер, как и предварительному следствию. Дознание – это уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами с целью установления лица, совершившего преступление, и других обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Неко-

торые ученые не относят дознание к форме предварительного расследования, утверждая, что это отдельная самостоятельная функция органов дознания [2; 3].

Тем не менее законодатель дает нам именно такую систему предварительного расследования и в соответствии со ст. 37 УПК государственными органами и должностными лицами, уполномоченными законом осуществлять дознание, являются:

Министерство внутренних дел Республики Беларусь, специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью органов внутренних дел, территориальные органы внутренних дел;

органы государственной безопасности – по уголовным делам, отнесенным законом к их ведению;

в Вооруженных Силах Республики Беларусь и транспортных войсках Республики Беларусь – военные коменданты военных комендатур в зоне ответственности военных комендатур, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учебных заведений, организаций Вооруженных Сил и гарнизонов, а в других войсках и воинских формированиях – командиры воинских частей, соединений, начальники органов пограничной службы, начальники военных учреждений – по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, на которых распространяется статус военнослужащих, а также о преступлениях, совершенных гражданским персоналом Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в связи с исполнением ими служебных (трудовых) обязанностей в расположении воинской части, соединения, военного учебного заведения, учреждения, организации Вооруженных Сил, гарнизона, органа пограничной службы или его подразделения;

начальники учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по уголовным делам о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений;

Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, территориальные органы пограничной службы, орган пограничной службы специального назначения – по уголовным делам о преступлениях, выявляемых при выполнении возложенных на органы пограничной службы задач;

таможенные органы – по уголовным делам о контрабанде, незаконном перемещении товаров через таможенную границу, незаконном экспорте объектов экспортного контроля, невозвращении на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, об уклонении от уплаты таможенных платежей;

органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 224–227, 233–235, 237–245, 247 и 2611 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также о коррупционных преступлениях в экономической сфере;

органы государственного пожарного надзора – по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил;

капитаны морских или речных судов, командиры воздушных судов, находящихся вне пределов Республики Беларусь, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных на судах;

главы дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Беларусь – по делам о преступлениях, совершенных в пределах территории дипломатических представительств и консульских учреждений.

Из этого перечня видно, что дознание осуществляется различными государственными органами и должностными лицами, носит производный от выполняемых ими основных функций характер. Органы дознания – это государственные органы, на которые возложены обязанности по приему, регистрации и рассмотрению заявлений о совершенном, совершаемом или готовящемся преступлении. Материалы дознания имеют такое же доказательственное значение, как и материалы предварительного следствия.

На практике существует такая проблема: органы дознания, указанные в УПК, обладают недостаточно высоким уровнем образования и профессионализма в сфере предварительного расследования преступлений, так как дознание – это второстепенная обязанность данных органов. Главной же их обязанностью является выполнение тех задач, которые вытекают из профессиональных обязанностей в соответствии с занимаемой должностью данного органа. Это влечет за собой совершение различных нарушений со стороны органов дознания. Стоит также отметить несовершенство контроля и надзора за их деятельностью, из чего следует, что органы дознания в настоящее время не имеют возможности максимально эффективно бороться с преступностью, именно поэтому необходимо и очень важно обращать внимание на совершенствование деятельности органов дознания [4; 5].

Подводя итог вышеизложенному, считаю, что улучшить качество деятельности органов дознания можно через предъявление к ним квалификационных требований, тождественных следователю. Стоит отметить, что эффективность деятельности органов дознания тем выше, чем выше ее качество, которое определяется совокупностью профессиональных способностей и навыков сотрудников органов дознания и созданием необходимых, максимально благоприятных условий для их работы.

1. Уголовный процесс: Особенная часть / И.В. Данько [и др.] ; под ред. В.Н. Бибило. – Минск, 2013. – Т. 1.

2. Есина, А.С. Дознание в органах внутренних дел : учеб.-практ. пособие / под ред. А.С. Есиной. – М., 2005.

3. Шилов, Р.Е. Предварительное расследование и соотношение его форм / Р.Е. Шилов // Актуал. проблемы рос. права. – 2009. – № 1.

4. Каталог авторефератов и диссертаций по праву и юриспруденции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawtheses.com/>. – Дата доступа: 13.04.2018.

5. Международная Ассоциация Содействия Правосудию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iuaj.net/>. – Дата доступа: 13.04.2018.

УДК 343.1

С.С. Одынец, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.В. Мытник*

ОБ УЧАСТИИ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Важнейшим показателем демократического характера государственной власти служит участие народа в ее осуществлении.

Согласно ст. 3 Конституции Республики Беларусь «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией».

Согласно ст. 9 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (КоСиСС) граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в деятельности суда по осуществлению правосудия в качестве народных заседателей в порядке и случаях, установленных КоСиСС и иными законодательными актами.

Народными заседателями могут быть граждане Республики Беларусь, достигшие 25-летнего возраста, владеющие белорусским и русским языками.

Народными заседателями не могут быть:

лица, в отношении которых имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор суда;

лица, признанные ограниченно дееспособными или недееспособными решением суда, вступившим в законную силу;

лица, состоящие на учете в психоневрологическом и (или) наркологическом диспансерах;

депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, руководящие работники государственных органов и иных организаций, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, судьи, прокурорские работники, работники судов, сотрудники органов государственной безопасности, органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, работники органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, нотариусы, адвокаты, а также лица, занимающие выборные должности в органах местного управления и самоуправления;

священнослужители (ст. 117 КоСиСС).

Иным законодательным актом является лишь Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК), т. е. об участии народных представителей в отправлении правосудия речь идет только при производстве по уголовным делам.

В зависимости от тяжести и субъекта преступления в суде по первой инстанции уголовные дела рассматриваются единолично либо коллегиально. Коллегиальное рассмотрение производится в составе двух народных заседателей и судьи:

о преступлениях, за которые уголовным законом предусматриваются наказание свыше десяти лет лишения свободы, пожизненное заключение или смертная казнь;

преступлениях несовершеннолетних (ч. 3 ст. 32 УПК).

Для рассмотрения конкретного дела в суде судья привлекает народных заседателей согласно очередности из числа народных заседателей соответствующего суда. Народный заседатель привлекается к исполнению своих обязанностей на срок не более 21 дня в году, а в случае, если время рассмотрения конкретного дела превышает указанный срок, – на срок рассмотрения этого дела. При отправлении правосудия народные заседатели пользуются равными правами с судьями-профессионалами. Следует отметить, что Концепцией судебно-правовой реформы, утвержденной 23 апреля 1992 г. постановлением Верховного Совета Республики Беларусь, предусматривалось введение суда присяжных в нашем государстве.

В отличие от Республики Беларусь в Российской Федерации, Казахстане, Украине и Кыргызстане право граждан на суд присяжных является конституционной гарантией.

Так, в Российской Федерации суд присяжных возрожден в 1993 г. В настоящее время в Российской Федерации по ходатайству обвиняемого уголовные дела о преступлениях, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК, в

суде первой инстанции рассматриваются в составе судьи Федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей (ст. 30 УПК Российской Федерации).

Следует отметить, что и сегодня в странах, где институт присяжных заседателей практикуется веками, не утихают дискуссии по поводу необходимости суда народа. Приводятся аргументы как «за», так и «против».

Преимущества суда присяжных заключаются в следующем:

реализация в суде народовластия;

надежные гарантии защиты прав и законных интересов граждан;

реализация принципа презумпции невиновности;

содействие образованию гражданского общества.

Мнения же противников сводятся следующему:

громоздкость и сложность процедуры, из-за которой увеличиваются организационные затраты и происходит удлинение сроков рассмотрения дел в суде;

неспособность граждан, не ведающих в праве и не обладающих соответствующими навыками, принимать объективное, а значит, законное и обоснованное решение;

дороговизна данной формы производства.

Судья Верховного Суда Республики Беларусь Виктор Ракитский полагает, что «реализация идеи введения суда присяжных в судебную систему Республики Беларусь повлечет дополнительное привлечение в судебную систему материальных ресурсов; необходимость проведения дополнительных организационных мероприятий (подбор присяжных, обеспечение их участия в рассмотрении дел и др.)» [1, с. 39].

Необходимо признать, что данная форма судопроизводства является очень дорогой и сложной в организации, но в процессе реализации гражданами своего права на участие в осуществлении правосудия происходит развитие представлений граждан о законе и праве, формируются навыки законопослушного поведения.

Считаем, что расширение участия представителей гражданского общества в осуществлении правосудия будет способствовать справедливости и гуманности судебных решений. Суд с участием присяжных заседателей позволит разбавить профессиональные взгляды судей обычными житейскими взглядами гражданских лиц, что укрепит народовластие в Республике Беларусь.

Несмотря на финансовые трудности, по нашему мнению, данный институт необходимо закрепить в законодательстве Республики Беларусь.

1. Ракитский, В. Суд присяжных заседателей: «за» и «против» для Беларуси // В. Ракитский // Суд. вестн. – 2014. – № 2. – С. 29–39.

Н.Д. Попков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ИНСТИТУТ ДАЧИ ПОРУЧЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Рассматривая процессуальный статус следователя в уголовном процессе, возникает вопрос о целесообразности наделения его правом давать поручения органам дознания производить следственные и другие процессуальные действия. В таком случае при возникновении у следователя необходимости в данном поручении лицо, производящее дознание, будет обязано произвести любые следственные действия, которые закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК). Часть 2 ст. 37 УПК содержит перечень обязанностей, возлагаемых на органы дознания. Анализ содержания рассматриваемой нормы позволяет констатировать, что обязанность производства по уголовному делу следственных и других процессуальных действий по поручению следователя в полномочия органа дознания не входит. Однако она вытекает из содержания других норм УПК: так в соответствии с ч. 4 ст. 186 УПК орган дознания вправе производить следственные и другие процессуальные действия по поручению следователя. Учитывая, что описанное полномочие представляет собой достаточно объемный и значимый сегмент деятельности органов дознания, считаем целесообразным отразить в ч. 2 ст. 37 УПК полномочие органа дознания на производство следственных и других процессуальных действий по поручению следователя. Это будет способствовать конкретизации нормативного закрепления основных направлений деятельности органов дознания, систематизации их в рамках одной нормы [4].

М.А. Шостак считает необоснованным содержащееся в ч. 4 ст. 184 УПК правомочие следователя поручать производство следственных и других процессуальных действий органу дознания по месту предварительного расследования или по месту их производства. По смыслу этой нормы следователь может поручить органу дознания проведение любых следственных и других процессуальных действий по делу, находящемуся в его производстве. Таким образом «размывается» грань между дознанием и предварительным следствием. Из этого следует, что предварительное расследование по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, осуществляют следователь и орган дознания совместно, что противоречит требованиям ст. 180, 181, п. 3 ч. 2 ст. 37, ст. 186 УПК [1, с. 186]. Предполагаем, что данное утверждение не в пол-

ной мере соответствует современной роли органов дознания. Так, в случае отказа от института дачи поручений, объем процессуальной работы, выполняемой органами дознания, существенно снизится (у органа дознания останутся полномочия по проведению оперативно-розыскных мероприятий, следственных и других процессуальных действий до момента установления лица, совершившего преступление), а нагрузка на следователя пропорционально возрастет, что повлечет необходимость численной реорганизации подразделений предварительного следствия. Кроме того, в некоторых случаях при наличии большого объема работы по делу возникнет необходимость в создании группы следователей. Однако у следователей, которых в нее привлекут, могут находиться другие уголовные дела, по которым требуется проведение значительного объема работы. Таким образом, упразднение права следователя на дачу поручений в настоящее время может негативно сказаться на качестве производства по уголовным делам.

Российский ученый-процессуалист А.С. Анненкова в связи с этим считает, что производство расследования преступлений органами дознания снижает степень защищенности прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного процесса. Данное мнение она обосновывает тем, что, безусловно, органы дознания, к которым отнесены различные органы исполнительной власти и некоторые должностные лица, играют значительную роль в расследовании преступлений, однако они осуществляют также и иные возложенные законодателем полномочия, хотя и связанные с уголовным процессом (административная деятельность, оперативно-розыскная и пр.), но осуществляемые вне его. Таким образом, нередко к расследованию преступлений в форме дознания привлекаются должностные лица, не занимающиеся на постоянной основе этой деятельностью, например участковые инспектора милиции [2, с. 48]. Таким образом, становится необходимым качественная организация работы органа дознания его начальником, на что его и обязывает ст. 38 УПК.

В соответствии с ч. 7 ст. 36 УПК следователь вправе давать органу дознания поручения о производстве следственных и других процессуальных действий и требовать от них содействия в их проведении. Такие поручения даются в письменной форме и являются для органов дознания обязательными. Таким образом, законодатель не устанавливает рамки, в пределах которых следователь может использовать орган дознания в процессе расследования уголовного дела. В свою очередь, орган дознания не имеет права не исполнять поручение в связи с субъективным мнением его начальника о необоснованности решения следователя. Однако опыт правоприменительной практики показывает, что не исключены случаи дачи поручений органу дознания не аргументированно (при отсутствии на то оснований), когда следователь может злоупотреб-

бить своим процессуальным правом использовать силы и средства органа дознания в производстве следственных и других процессуальных действий, которые он может провести самостоятельно. В этой связи приемлемо высказанное в науке мнение о том, что целесообразно в законе закрепить случаи, в которых следователь вправе дать поручение органу дознания (например, когда необходимо одновременное производство нескольких следственных и других процессуальных действий). Важно также привлекать к данной процедуре прокурора, который будет их согласовывать, оценивая их обоснованность [3, с. 33]. Реализация указанного предложения, полагаем, может положительно сказаться на повышении эффективности работы органов дознания, на которые законодателем возложены, помимо уголовно-процессуальных, также полномочия на осуществление оперативно-розыскной, административной и другой деятельности.

Подводя итог, можно отметить, что уголовно-процессуальный институт дачи поручений – неотъемлемая часть деятельности органов уголовного преследования. Однако анализ норм законодательства, научной литературы по данной тематике и правоприменительной практики позволяет констатировать, что нормы УПК, регламентирующие рассматриваемый аспект правоотношений участников уголовного процесса, требуют корректировки. В частности, ставится под сомнение целесообразность наделять следователя правом дачи поручений органу дознания о производстве следственных и других процессуальных действий без закрепленных на то в УПК оснований. Считаем также необходимым дополнение ч. 2 ст. 37 УПК, в которой регламентированы обязанности органа дознания, полномочием на производство следственных и других процессуальных действий по поручению следователя [4].

В заключение необходимо отметить, что реализация предложенных положений в законодательстве будет способствовать совершенствованию порядка производства предварительного расследования и повышению эффективности работы органов дознания.

1. Шостак, М.А. О соотношении дознания и предварительного следствия / М.А. Шостак // Досудебное производство по материалам и уголовным делам: состояние, проблемы, перспективы : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 мая 2014 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред.: О.В. Рожко [и др.]. – Минск, 2014. – С. 185–188.

2. Анненкова, А.С. Дознаватель и следователь: должны ли быть одинаковые полномочия? / А.С. Анненкова // Законность. – 2015. – № 4. – С. 47–49.

3. Данько, И.В. Дознание в контексте реформы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь / И.В. Данько // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 6. – С. 30–33.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 8 янв. 2018 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2018.

УДК 343.1

А.В. Фурманов, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Н.А. Борисенко*

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭКСПЕРТИЗ

Генезис и развитие специальных знаний в уголовном процессе Республики Беларусь имеет достаточно длительную историю. Исторический анализ позволяет проследить этапы использования специальных знаний при расследовании преступлений и наметить пути дальнейшего совершенствования данного правового института в уголовном процессе.

Внедрение специальных знаний в уголовный процесс неразрывно связано с развитием научно-технического прогресса. Развитие общества и государства требовало от лиц, осуществляющих правоохранительную функцию, широких познаний в науке, технике, искусстве и ремесле, в результате чего в уголовном процессе появилось понятие «сведущие лица». В современной трактовке уголовно-процессуального закона под сведущими лицами понимают эксперта.

Само понятие «сведущие люди» в далеком прошлом нашло свое отражение в различных исторических памятниках права. В современном уголовном процессе термин «сведущие лица» не используется, однако он получил широкое распространение в различных научных трудах ученых-процессуалистов и криминалистов, связывающих данную терминологию для определения лиц, обладающих специальными знаниями, привлеченных органами следствия и суда для оказания содействия в процессе установления истины по уголовному делу [1].

Следует сказать, что еще до н. э. привлекали лиц, обладающих специальными знаниями в определенной области жизнедеятельности, для участия в судопроизводстве. Таким примером могут быть первые сведения о применении медицинских знаний в судопроизводстве, относящиеся ко времени Гиппократов, жившего более 400 лет до н. э., при исследовании механических повреждений на теле человека, определении жизнеспособности младенцев, а также при исследовании трупов. Таким образом, можно предположить, что указанные исследования являются прототипом судебной медицинской экспертизы.

В истории также имеются примеры зарождения еще во времена византийского императора Юстиниана в V–IV вв. нашей эры такого вида судебной экспертизы, как исследование почерка [2, с. 277].

Если рассматривать историю зарождения и развития экспертизы на территории славянских государств, стоит обратить внимание на Псковскую судную грамоту 1467 г., в которой содержались предписания, направленные на предупреждение подлогов и подделки документов. Так, при совершении какой-либо сделки необходимо обращаться к княжескому писцу, который свидетельствовал сделку и выступал таким образом гарантом подлинности документа [3, с. 25]. Кроме того, в случае пользования подложными документами княжеский писец должен был расследовать данный факт и определить недействительность этих документов [4, с. 314].

В XVI в. институт специальных знаний в уголовном процессе активно проявил себя. Хотя процессуально в законодательстве порядок назначения и проведения экспертиз и не был закреплен, но, вместе с тем, суды, осуществляя правосудие, чаще стали прибегать к возможностям сведущих лиц в различных областях знаний, чаще всего в медицинской сфере. Это, в свою очередь, предопределяло необходимость проработки и закрепления в законодательстве того периода процессуальной возможности использования знаний сведущих лиц.

Один из первых известных случаев назначения судебной медицинской экспертизы на территории славянских государств относится к 1535 г. Так, по поручению правительницы Елены врач Феофил произвел освидетельствование удельного князя Андрея Старицкого по поводу подозрения его в притворной болезни. Вернувшись в Москву из Старицы, Феофил донес правительнице Елене: «У Андрея болезнь легкая, говорит, что на стегне болячка, а лежит на постели» [5, с. 402].

В Статуте 1566 г. впервые был определен возраст уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, – с 14 лет. Данное обстоятельство повлияло на развитие знаний в области судебной медицины и психиатрии, посредством которых при определенных обстоятельствах подтверждался возраст подозреваемого либо потерпевшего лица.

К одним из первых экспертов в области судебной психиатрии были отнесены монахи (XVI–XVII вв.). Последние привлекались для определения вменяемости субъектов расследования. Выяснение вменяемости участников уголовного процесса происходило путем опроса и бесед приходского духовенства с больным лицом, а также с иными лицами, знавшими больного. Иногда так могли быть опрошены десятки, а то и сотни человек.

Примеры зарождения экспертиз вещественных доказательств можно отнести к первой половине XVII в. Объектами исследований тогда выступали корни, травы и другие предметы. Исследования поручались врачам. В последующие годы такие исследования участились, особенно в части определения ядовитых свойств растений и влияния их на организм. Указанные случаи свидетельствуют о предпосылках зарождения судебно-химической экспертизы [5, с. 421].

Таким образом, можно утверждать, что отдельные элементы института производства экспертиз и появление экспертов относится к далекому прошлому. Апогея деления специальных знаний по видам и областям, а также применения их в уголовном процессе в славянских государствах приходится на XVI–XVII вв., когда в исторических памятниках усматриваются элементы таких видов судебных экспертиз, как судебная медицинская, судебно-почерковедческая, судебно-психиатрическая и судебно-химическая и др.

1. Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография / В.Н. Махов. – М. : РУДН, 2000. – 296 с.
2. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В.М. Корецкого. – М. : Госюриздат, 1961. – 950 с.
3. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Тихонова, О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1990. – 480 с.
4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства. XV–XVII вв. / [сост.: А.А. Зимин, С.М. Кашантов, А.И. Копанев и А.Г. Поляк] ; под ред. [и с предисл., с. 5–45] Л.В. Черепнина // Памятники русского права. – М. : Госюриздат, 1956. – 632 с.
5. История России с древнейших времен [Электронный ресурс] / С.М. Соловьев. – Москва : Адепт : ИДДК, 2003. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

УДК 343.1

Александр С. Юргель, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Первоначальный этап уголовно-процессуальной деятельности в теории уголовного процесса заключен в рамки стадии возбуждения уголовного дела. Стоит отметить, что данный правовой институт имеет весьма существенную историю развития, в том числе закрепления в

законодательстве как самостоятельного. Вместе с тем анализ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения позволяет сделать вывод о том, что существует ряд проблем в нормативном обеспечении данного института.

Так, все еще имеет место неопределенность процессуального статуса заявителя, очевидца и лица, проверяемого на причастность к преступлению. Потерпевший, чей правовой статус закреплен в УПК, появляется в уголовном процессе только в случае признания его таковым постановлением органа, ведущего уголовный процесс, и только по возбужденному уголовному делу. До этого момента, на этапе проведения проверки поступившей информации о преступлении, правовой статус лица, пострадавшего от противоправных действий, остается неурегулированным, что создает определенные проблемы в правоприменительной практике, в том числе затрудняет реализацию его прав и законных интересов.

На сегодня стадия возбуждения уголовного дела имеет весьма широкие процессуальные границы. Это обуславливает внимание ученых-процессуалистов к имеющей место законодательной тенденции расширения перечня следственных и процессуальных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 173 УПК). Существование указанной тенденции и ее постепенная реализация влечет приближение содержания стадии возбуждения уголовного дела к содержанию стадии предварительного расследования, тем самым исключая необходимость обособленного существования первой стадии. Со вступлением в силу изменений в УПК в 2017 г. срок проведения проверки (с учетом времени ее возможного приостановления) по поступившему сообщению о преступлении может достигать шесть месяцев. Учитывая то, что в указанный промежуток времени отдельные участники уголовного процесса даже не имеют четко установленного процессуального статуса, становится понятным, что законодателем не до конца уяснена сущность и значение стадии возбуждения уголовного дела. В связи с чем отдельные авторы утверждают, что законодатель данный этап перманентно модернизирует, превращая его в суррогат расследования [1, с. 257–259].

Очередным проблемным моментом в деятельности органов уголовного преследования на рассматриваемом этапе является разграничение компетенции органов дознания и следственных подразделений. Сегодня, благодаря широкому перечню следственных действий, допускаемых к проведению до возбуждения уголовного дела, процессуалисты высказывают мнение о том, что деятельность по проверке поступившей информации о преступлении и вовсе приобретает характер упрощен-

ной формы расследования очевидных преступлений по уголовным делам, возбуждаемым в отношении конкретных лиц [2, с. 121]. Наряду с этим органы дознания осуществляют весьма объемный перечень процессуальных и следственных действий, реализуя возложенные на них обязанности по проведению проверки по поступившей информации о преступлении, проводя дознание по уголовным делам, выполняя поручения следователей. Следовательно, для решения проблемы разграничения компетенции органов дознания и следственных подразделений представляется необходимым сохранить за органами дознания право на осуществление «следственной» деятельности лишь в случаях безотлагательности, в целях предупреждения и пресечения преступлений, закрепления их следов, задержания лица по непосредственному подозрению в совершении преступления, проведения его личного обыска, осмотра места происшествия.

Отдельные проблемы стадии возбуждения уголовного дела обусловлены и отсутствием эффективного взаимодействия между органами дознания и предварительного следствия. Так, на практике возникают ситуации, при которых орган дознания, обнаружив признаки преступления в соответствии с ч. 1 ст. 186 УПК передает заявление, сообщение о преступлении вместе с материалами проверки в орган предварительного следствия, а тот, в свою очередь, не усмотрев в материалах проверки оснований для возбуждения уголовного дела выносит мотивированное постановление и передает материалы проверки прокурору, который, в связи с поступившим постановлением, направляет материалы в орган дознания либо принимает одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 174 УПК. Такая «переписка» вовсе не способствует эффективности противодействия преступности [3, с. 32].

Изложенное позволяет заключить следующее: проблемы правового регулирования института возбуждения уголовного дела актуальны как никогда ранее, они препятствуют эффективной работе органов, ведущих уголовный процесс, и требуют оперативного решения. Представляется, что стадия возбуждения уголовного дела уже не может быть в том виде, в котором существует в настоящее время. Перед учеными и практиками стоит задача комплексного переосмысления сущности и предназначения стадии возбуждения уголовного дела, формулирование концептуально нового подхода к начальному этапу уголовного процесса. Велика вероятность того, что возбуждение уголовного дела перестанет существовать как стадия уголовного процесса, а начальный этап уголовно-процессуальной деятельности получит новую форму реализации, которая положительно скажется на деятельности органов уголовного пресле-

дования и способствует более эффективному осуществлению прав и законных интересов граждан, вступающих в уголовно-процессуальные отношения.

1. Мытник, П.В. Стадия возбуждения уголовного дела: proetcontra / П.В. Мытник // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред.: А.В. Яскевич [и др.]. – Минск, 2018. – С. 257–259.

2. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ : науч.-практ. изд. / под общ. ред. В.В. Мозякова, С.И. Гирько, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. – М., 2003. – 1280 с.

3. Дознание в контексте реформы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь / И.В. Данько // Юстиция Беларуси. – 2013. – № 6. – С. 30–33.

Круглый стол
«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(27 апреля 2018 г.)

УДК 343.7

Н.И. Боровский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ
ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПРЕДМЕТОМ ХИЩЕНИЯ

Виртуальное пространство стремительно коммерциализируется и впитывает в себя все большие денежные потоки. За реальные деньги пользователи информационных услуг приобретают игровые деньги, а равно иные объекты информационного характера, не имеющие физического (овеществленного) выражения.

В современных условиях в сети Интернет присутствуют также специальные сервисы (торговые площадки) по продаже виртуальных объектов, используемых игроками в многопользовательских онлайн-играх.

Следует отметить, что правовая природа подобного рода объектов до настоящего времени четко в науке не определена. Юристы спорят о том, могут ли такие объекты, как электронные книги, библиотеки iTunes, аккаунт в социальной сети или многопользовательской игре переходить

в порядке наследования, а равно возможно ли возложить на подобное цифровое имущество обременение или использовать его в порядке исполнительного производства.

В зарубежных странах обозначенный вопрос решается по-разному и с различной степенью успешности. При этом отдельные государства стремятся соответствовать в уровне развития национального законодательства тому стремительному уровню развития информационных технологий, который имеет место на современном этапе развития общества.

Так, в США вопрос о правовом статусе виртуальных объектов и даже их наследовании уже почти решен положительно. С 1 января 2015 г. в штате Делавэр вступил в силу нормативный акт (An act to amend Title 12 of the Delaware Code relating to fiduciary access to digital assets and digital accounts), позволяющий получать виртуальную собственность по наследству.

В связи с этим закономерно встает вопрос о возможности признания виртуальных объектов предметом хищения по белорусскому уголовно-законодательству. По мнению В.М. Елина, проблема рассмотрения информационной вещи в качестве предмета имущественного преступления в настоящее время не может решаться однозначно и нуждается в дальнейшей проработке [1, с. 74].

Вместе с тем другие ученые напрямую утверждают о появлении так называемого интернет-имущества, противоправное завладение которым также причиняет реальный ущерб потерпевшему.

Т.М. Лопатина пишет, что в компьютерах и компьютерных сетях хранятся не деньги или имущество, а информация о них или об их движении. Информация – это не имущество, она не обладает экономическим, социальным и юридическим признаками, характеризующими чужое имущество как предмет хищения, который выступает обязательным признаком состава мошенничества. Это всего лишь сведения, представленные в специфической форме [2, с. 93].

Ю.Е. Пудовочкин справедливо отмечает, что потребности в настоящее время настоятельно требуют отказаться от ставшего догмой понимания предмета только и исключительно как вещи (предмета материального мира) [3, с. 61].

Если попытаться взглянуть на проблему в самом обобщенном виде, то возможны следующие варианты развития отношений, возникающих в связи с неправомерным завладением виртуальными объектами:

- 1) устранить от юридической оценки подобных ситуаций;
- 2) квалифицировать такие посягательства в контексте существующих уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере информационной безопасности (гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь);

3) применить к подобного рода деяниям нормы о преступлениях против собственности (гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Сохранение нейтралитета уголовного права относительно оценки посягательств на виртуальные объекты представляется наименее приемлемым путем решения указанной проблемы. Приобретение реальных и виртуальных денег, накопление оуществленного и интернет-имущества имеют одну общую черту – затрачиваемое на это реальное время человека, его труд и во многих случаях реальные финансовые ресурсы. В связи с этим можно сделать вывод, что такие объекты не должны и не могут быть исключены из-под уголовно-правовой охраны только потому, что обладают несколько иной природой, выражены в другой форме. Справедливо отмечает М.А. Кулезин, дальнейшее абстрагирование от решения указанной проблемы в условиях столь молниеносно развивающихся информационных технологий и интернета не является эффективным для бизнеса в целом и отдельных граждан в частности [4, с. 53].

Подход, связанный с квалификацией неправомерных завладений виртуальными объектами как посягательств на безопасность компьютерной информации и компьютерных систем, обладает очевидным недостатком: фактически не выражает действительной направленности преступного деяния. Такие посягательства совершаются в корыстных целях путем завладения объектами, пусть и неосозаемыми, но обладающими реальной рыночной стоимостью и способностью к обороту.

В данном контексте безынтересен опыт ряда азиатских стран (Китай, Тайвань, Южная Корея), оценивающих посягательства на виртуальные объекты как преступления против собственности. Так, Уголовный кодекс Тайваня исходит из того, что виртуальные объекты являются собственностью в правовом смысле, отчуждаемы и передаваемы, а неправомерное завладение такими объектами путем кражи или мошенничества наказуемо по нормам уголовного права.

В любом случае новые объекты уголовно-правовой охраны появляются и существуют вне зависимости от их правовой природы. В решении этого вопроса доктрина уголовного права в значительной степени зависит от развития науки гражданского права, которая, как представляется, должна выделить такие объекты в качестве особой категории объектов гражданских прав с использованием отдельных элементов правового режима вещей.

Таким образом, правовые проблемы, связанные с признанием виртуальных объектов как предмета хищения, со временем будут актуализироваться. Стремительно развивающаяся интернет-индустрия неизбежно приведет к необходимости разрешения рассматриваемой проблемы уголовно-правовыми средствами, что, в свою очередь, вызовет необходимость совершенствовать уголовное законодательство в силу требований современного развития общественных отношений.

1. Елин, В.М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления / В.М. Елин // Бизнес-информатика. – 2013. – № 2 (24). – С. 70–76.

2. Лопатина, Т.М. Проблемы уголовно-правовой защиты сфер компьютерной информации: современный взгляд на мошенничество / Т.М. Лопатина // Право и безопасность. – 2013. – № 3–4 (45). – С. 89–95.

3. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о составе преступления / Ю.Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 248 с.

4. Кулезин, М.А. Реальные проблемы виртуальных объектов / М.А. Кулезин // Евраз. адвокатура. – 2015. – № 5 (18). – С. 51–53.

УДК 343.9

А.В. Высоцкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маишталер*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Наркомания и наркопреступность не только представляют собой угрозу государственной и общественной безопасности, но и ведут к деградации и вымиранию всего человечества.

Современные криминальные тенденции показывают, что все чаще как способ распространения наркотических средств используется сеть Интернет. Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и их аналогов, совершаемых с использованием компьютерных технологий, состоит в том, что растет информационное пространство, а вместе с ним и число пользователей.

По данным интернет-ресурса, на январь 2018 г. пользователями сети Интернет являются 4,021 млрд человек [1].

Незаконный оборот наркотиков в Республике Беларусь с каждым годом набирает все большие масштабы, видоизменяясь и принимая новые формы, подстраиваясь под современные реалии. Сегодня большой популярностью пользуются специально создаваемые сайты.

По данным МВД Республики Беларусь, в 2017 г. в Министерство информации Республики Беларусь были направлены уведомления о необходимости ограничения доступа к 13 сайтам, содержащим сообщения или материалы, направленные на незаконный оборот наркотиков. Возбуждено почти 600 уголовных дел, связанных с распространением психоактивных веществ посредством сети Интернет. Заблокированы транзакции по 650 электронным кошелькам [2].

По материалам сотрудников аналитической разведки, в январе-феврале 2018 г. возбуждено 142 уголовных дела. В Министерство информации Республики Беларусь направлены уведомления о необходимости ограничения доступа к шести сайтам, содержащим сообщения или материалы, направленные на незаконный оборот наркотиков. Заблокированы транзакции по 105 кошелькам электронных денег [3].

Изучение личности преступника, как носителя субъективных причин совершения преступлений, имеет важное значение. Личность преступника исследуется для установления связи преступления с различными факторами, анализа механизма преступного поведения, разработки мер предупреждения преступлений и других вопросов.

Криминологические исследования и статистические данные свидетельствуют о том, что среди преступников значительно больше мужчин, чем женщин. Данное положение применимо и к наркопреступности. Согласно анализу уголовных дел по наркопреступлениям с использованием сети Интернет доля мужчин составляет 94 %.

Возрастная структура наркопреступников зависит от способа их совершения. Преступления в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием сети Интернет совершаются преимущественно лицами в возрасте 18–30 лет (80 %).

По образовательному уровню большинство наркопреступников (в том числе использующих сеть Интернет при совершении наркопреступления) имеют среднее или среднее специальное образование [4].

Наркопреступность в сети Интернет обусловлена различными детерминантами, которые тесно связаны с причинами и условиями наркопреступности в целом.

К основным причинам наркопреступлений в сети Интернет можно отнести недостаточное правовое регулирование интернета, распространение информации о наркотиках в сети Интернет, которая часто носит позитивный характер и вызывает у молодых пользователей желание приобрести и употребить наркотические средства. К причинам также стоит отнести телевидение, в частности некоторые передачи и кинофильмы, пропагандирующие потребление наркотиков. Основной аудиторией данных телепередач и кинофильмов является молодежь, которая аккумулирует всю пагубную информацию и возводит ее в ранг позитивного. Однако наиболее опасным в сфере неконтролируемой информации для человека в возрасте 18–30 лет является интернет.

К основным условиям наркопреступлений в сети Интернет относятся анонимность и мысль о безнаказанности, общедоступность информации, распространяемой посредством сети Интернет и телевидения, пассивное поведение представителей правоохранительных органов.

Важнейшим мероприятием по организации противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров является предупреждение. Именно предупреждение позволяет не допускать массового криминального поведения со всеми отрицательными последствиями.

К мерам предупреждения наркопреступности в сети Интернет следует отнести общественный мониторинг, фильтрацию контента, поощрение создания интернет-ресурсов антинаркотической направленности, пропаганду здорового образа жизни, совершенствование нормативного регулирования сети Интернет, направление по месту работы (учебы) сведений о деятельности лица в сфере незаконного оборота наркотиков в интернете и иные меры предупреждения.

1. Интернет в России и в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bizhit.ru/>. – Дата доступа: 19.04.2018.

2. Интернет-портал Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 19.04.2018.

3. Интернет-портал Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 19.04.2018.

4. Интернет-портал Диссертационных советов СПбГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://disser.spbu.ru>. – Дата доступа: 19.04.2018.

УДК 343.232

В.Э. Груцинский, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Ковальчук*

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) норма о малозначительности деяния сформулирована законодателем в ч. 4 ст. 11 следующим образом: «Не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняе-

мым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

Для того чтобы в полной мере разобраться что это за категория, предлагаю проанализировать признаки, составляющие ее сущность. К таковым следует отнести наличие деяния; формальное содержание в содеянном признаков деяния, предусмотренного Особенной частью УК; отсутствие в данном деянии общественной опасности, присущей преступлению; оценку правоприменителем содеянного как малозначительность; возможность применения мер административной или дисциплинарной ответственности за содеянное.

Наличие деяния.

Деяние – это акт осознанного, волевого, внешнего поведения лица. Обязательным условием деяния является его осознанно-волевой характер. Поступок может быть признан волевым лишь тогда, когда он контролировался или мог контролироваться человеком, т. е. является выражением его воли.

Под признаком формального содержания признаков деяния, закрепленного в УК, подразумевается то, что данное малозначительное деяние содержит все признаки, закрепленные в Особенной части УК, т. е. по форме является преступным.

Отсутствие в деянии общественной опасности, присущей преступлению. Понятие общественной опасности в УК не закреплено и решение вопроса о наличии или отсутствии ее в совершенном деянии решает правоприменитель. Четких критериев, по которым можно судить о характере и степени общественной опасности, на законодательном уровне не выработано.

В уголовно-правовой литературе под характером общественной опасности понимается большая или меньшая опасность того или иного вида преступления, определяемая совокупностью признаков, образующих соответствующий состав преступления. Степень общественной опасности отражена в количественной составляющей материального признака преступления.

Оценка правоприменителем содеянного как «малозначительность».

Для того чтобы признать деяние малозначительным, правоприменителю требуется установить, причинен ли существенный вред охраняемым уголовным законом интересам или нет. Была ли угроза такого причинения вреда? Малозначительными могут быть лишь те деяния, вред от которых является несущественным. С субъективной стороны направленность умысла лица должна была означать именно причинение несущественного, мизерного или незначительного вреда. Признак «существенный вред» должен быть, на сколько это возможно, регламен-

тирован определенной количественной характеристикой наступивших либо возможных последствий.

Возможность применения мер административной или дисциплинарной ответственности.

Безвредных деяний, которые внешне содержат признаки преступления, не существует. При отсутствии общественной опасности, присущей преступлению, малозначительное деяние, тем не менее, всегда является общественно вредным. При описании видов юридической ответственности, которые могут быть применены к лицу, совершившему малозначительное деяние, следует законодательно закрепить полный список разновидностей юридической ответственности (административную, гражданско-правовую, дисциплинарную и др.), так как в соответствии с принципом неотвратимости ответственности каждому деянию должна быть дана правовая оценка.

Только совокупность всех названных признаков свидетельствует о том, что деяние можно признать малозначительным.

В связи с наличием в определении малозначительности деяния оценочных признаков, полагаю, необходимо в уголовном законодательстве (в УК либо в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь) закрепить их понятие, что будет способствовать единообразию следственной и судебной практики в части применения анализируемой нормы.

УДК 343.2

В.Н. Ковчик, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Ковальчук*

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Двадцать первый век, безусловно, у каждого из нас ассоциируется с прорывом в области информационных технологий, знания и информация становятся определяющим условием развития.

Однако, несмотря на преимущества, данное явление в случае недолжного использования может привести и к негативным последствиям, одним из таких можно назвать использование экстремистскими организациями интернета в качестве своеобразной трибуны для пропаганды своих идей.

В первую очередь злоумышленники прибегают к размещению информации, побуждающей к насильственному изменению конституционного строя и нарушению целостности государств, пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, расовой, национальной, религиозной принадлежности, поскольку интернет позволяет не только довольно быстро, но и анонимно распространять любую идеологию по всему миру, что способствует формированию ранее не существовавшего единого сообщества, которое вдохновляет своих членов на совершение актов насилия. Кроме того, размещение подобной информации приносит прибыль для финансирования деятельности организаций, поскольку они имеют возможность получать денежные средства от финансирования сайтов через рекламу, трафиков захождения на сайт.

Кроме того, информационные сети активно используют участники террористических и экстремистских организаций с целью поиска разнообразных данных о способах изготовления самодельных взрывных устройств, методах осуществления преступлений террористического характера.

О.С. Жукова подчеркивает, что информационно-телекоммуникационные сети общего пользования, в том числе сеть Интернет, являются наиболее перспективными средствами пропаганды экстремистской деятельности вследствие оперативности предоставления соответствующей информации, относительно низкой стоимости технологии создания и распространения таких сведений, сложности, а в большинстве случаев невозможности привлечения к ответственности лиц, размещающих экстремистские материалы, в силу отсутствия системы международных соглашений и законодательства, регулирующих вопросы борьбы с распространением экстремистских материалов на сайтах в зарубежных государствах. Так, например, 90 % всех русскоязычных сайтов, характеризующихся экстремистской и террористической направленностью, фактически находятся за рубежом, т. е. вне пределов российского правового поля.

При этом основные усилия сотрудников правоохранительных органов направлены на привлечение к уголовной ответственности за совершенные преступления экстремистской направленности, когда в сети Интернет уже размещены экстремистские материалы, ориентированные на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, а равно призывающие к нарушению территориальной целостности государства или к осуществлению иной экстремистской деятельности, а не на предупреждение таких деяний, в том числе их повторения.

Кроме того, изучение результатов опроса сотрудников органов внутренних дел и материалов уголовных дел показали, что к условиям совершения таких преступлений можно отнести недостаточное количество квалифицированных сотрудников (на это указали 27,07 % опрошенных сотрудников) и недостатки в технической оснащенности подразделений по борьбе с экстремизмом (71,07 %), недостаточная осведомленность сотрудников о причинах и условиях данных уголовно наказуемых деяний, об особенностях выявления последних и эффективных мерах по их устранению (22,5 %), загруженность на работе (16,43 %).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что:

1. Сеть Интернет приобрела статус основного средства коммуникации, как для экстремистских, так и для террористических организаций, ее использующих для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии.

2. Сеть Интернет в данных преступлениях играет двоякую роль: с одной стороны, она является средством и связана со способом их совершения; с другой – оказывает криминогенное воздействие на психику неограниченного круга лиц, формируя ненависть или вражду по отношению к тем или иным социальным группам.

3. Наибольшее воздействие сеть Интернет оказывает на несовершеннолетних. Данные преступления при их совершении одновременно порождают условия для увеличения числа потенциальных последователей экстремистской идеологии, а значит, и для прироста соответствующих уголовно наказуемых деяний. Основной адресат – молодежь, часть которой поддается на простые для восприятия и следования идеологические послы и готова ретранслировать их дальше.

УДК 343.4

С.В. Лантес, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маишталер*

НАИБОЛЕЕ ЧАСТО СОВЕРШАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В текущем году на территории Республики Беларусь наблюдается рост количества фактов совершения специфического вида противоправных деяний в сети Интернет. Такие деяния совершаются следующими способами: во-первых, «взлом» и несанкционированное использование

учетных записей пользователей в социальных сетях; во-вторых, совершение хищений с карт-счетов граждан путем мошенничества либо использования компьютерной техники. В обоих случаях злоумышленники пользуются излишней доверчивостью и неосмотрительностью самих пользователей, а также их халатным подходом к обеспечению безопасного использования сети Интернет [1].

Так, в г. Гомеле в текущем году, по сравнению с прошлым, число преступлений, предусмотренных ст. 349 (несанкционированный доступ к компьютерной информации) Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), по сравнению с 2016 г. выросло на 13 %. За 12 месяцев 2016 г. в областном центре зарегистрировано 93 преступления, за аналогичный период 2017 г. – 105 [2].

Как показывает практика, одним из наиболее встречающихся способов совершения данного преступления является «взлом» страниц пользователей в социальной сети «ВКонтакте». Преступник с целью получения корыстной выгоды рассылает сообщения его знакомым и друзьям под аккаунтом пользователя сети, который ничего не подозревает.

Например, при взломе страницы в социальной сети «ВКонтакте» гражданки Т. злоумышленник рассылал сообщения ее друзьям с просьбой перевести денежные средства на абонентские номера компании связи, зарегистрированной в Российской Федерации. При этом в сообщениях от ее имени он написал, что она находится в трудной жизненной ситуации и ей в срочном порядке требуются деньги. Друзья пользователя сети, предполагая, что оказывают помощь гражданке Т., перевели денежные средства на указанные злоумышленником номера абонентов мобильной сети.

В данном случае произошло совершение сразу нескольких преступлений, а именно по ч. 2 ст. 349 УК (несанкционированный доступ к компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности) по отношению к гражданке Т., и по ст. 209 УК (мошенничество) по отношению к лицам, перечислившим денежные средства на указанные абонентские номера [3].

Еще одним из показательных примеров являются преступления в социальной сети «Одноклассники». Так, неизвестное лицо «взломало» страницу в социальной сети «Одноклассники» гражданина Я. Воспользовавшись его аккаунтом, от его имени переслало сообщения зарегистрированным в сети его друзьям и знакомым с просьбой указать реквизиты своих банковских карточек. Злоумышленник при пересылке сообщений пользовался данными, хранящимися на странице в социальной сети, а именно использовал способ переписки, словесные обороты, жизненные события, отраженные в предыдущих сообщениях гражданину Я. и его друзей.

В данной ситуации лицо совершило несколько преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 349 УК по отношению к гражданину Я., и ч. 2 ст. 212 УК (хищение имущества путем введения в компьютерную систему ложной информации, сопряженное с несанкционированным доступом к компьютерной информации) по отношению к тем лицам, которые указали реквизиты своих банковских карточек, и с карт-счетов которых были похищены денежные средства.

В случае, когда потерпевший «попадает» на обман преступника и сам осуществляет перевод средств на предложенные реквизиты, в действиях преступника усматривается состав преступления, предусмотренного ст. 209 УК «Мошенничество» (в зависимости от суммы похищенного по соответствующей части нормы).

Когда имеет место предоставление потерпевшим платежных реквизитов и осуществление транзакций злоумышленником путем их ввода на различных сайтах, поддерживающих возможность совершения платежных операций, имеет место ст. 212 УК «Хищение путем использования компьютерной техники». Как правило, преступник не оставляет на карт-счете никаких денежных средств.

Так, в 2016 г. в сравнении с 2015 г. число выявленных преступлений в сфере высоких технологий увеличилось на 1,3 % (с 2 440 до 2 471), в том числе по областям: Брестская – 260 (276), Витебская – 286 (243), Гомельская – 353 (354), Гродненская – 206 (249), Минск – 818 (776), Минская – 311 (304), Могилевская – 237 (238).

Общий уровень раскрываемости составил только 56,5 % данных видов преступлений (в 2015 г. – 55,5 %). Это обусловлено рядом причин:

трансграничность данного вида преступлений;

низкий уровень квалификации сотрудников правоохранительных органов в вопросах обеспечения защиты информации граждан и раскрытия преступлений в сфере высоких технологий;

нет законодательного закрепления определенных общественных отношений, возникающих между пользователями в сети Интернет;

высокая латентность данного вида преступлений.

Таким образом, наиболее часто совершаются преступления в сети Интернет, предусмотренные ст. 212, 209, 349 УК, и на основании этого и вышеуказанных причин необходимо усилить контроль за предупреждением и раскрытием данного вида преступлений, проводить работу по повышению уровня взаимодействия правоохранительных органов различных стран в вопросах раскрытия преступлений в сфере высоких технологий, проводить мероприятия по повышению уровня квалификации сотрудников в вопросах защиты информации граждан.

1. Слоні́мскі веснік [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slonves.by/>. – Дата доступа: 19.04.2018.

2. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. – Дата доступа: 19.04.2018.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.54

В.Р. Меерсон, выпускник магистратуры

Научный руководитель – доктор юридических наук,
профессор *А.Л. Савенок*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) в большинстве своем относятся к категории тяжких или особо тяжких преступлений (в некоторых случаях менее тяжких – ч. 1 ст. 168, 169 УК), являются одними из самых резонансных преступлений. Реакция общества на них всегда резко отрицательная, с выражением нетерпимости к подобного рода деяниям. Иногда рассматриваемые общественно опасные деяния сопровождаются еще более тяжкими преступлениями, такими как убийства потерпевших.

К сожалению, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних характеризуются высокой степенью латентности. Например, за два месяца 2018 г., по информации МВД Республики Беларусь, в стране 113 несовершеннолетних стали жертвами сексуального насилия, и это в два раза больше по сравнению с соответствующим периодом 2017 г. За январь и февраль было задержано 83 подозреваемых в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, это в полтора раза больше прошлогодних значений. За последние пять лет число преступлений против половой неприкосновенности не-

совершеннолетних увеличилось в 15 раз – с 38 до 606, а количество пострадавших – в четыре раза, с 113 до 439 [1]. В связи с развитием информационных технологий несовершеннолетние становятся еще более уязвимы к сексуальному воздействию (так называемому онлайн-грумингу) в сети Интернет. Так, опросы лаборатории Касперского показывают, что почти 90 % московских школьников хотя бы изредка получают предложения о дружбе от незнакомых людей в социальных сетях, а почти половина с готовностью отвечает на такие предложения и даже отправляет их самостоятельно [2]. Исходя из данных фактов развитие информационных технологий привело к тому, что сексуальная эксплуатация несовершеннолетнего, часто неприемлемая с правовой точки зрения, осуществляется даже без непосредственных встреч общающихся сторон.

Учитывая важность указанных обстоятельств, видится необходимым совершенствование уголовно-правовой защиты несовершеннолетних в сочетании с иными формами воздействия неправового характера.

Следует подчеркнуть, что существенные изменения, усиливающие уголовную ответственность за некоторые составы, располагающиеся в гл. 20 УК, были внесены в январе 2015 г. [3]. Однако одним усилением ответственности нельзя достигнуть необходимого уровня правовой охраны рассматриваемых общественных отношений. На данный момент существуют проблемы дифференциации, разграничения составов, внедрение в национальное законодательство изменений в институт принудительных мер безопасности и лечения в рамках борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Заслуживает особого внимания в рассматриваемом вопросе эффективное использование принудительных мер безопасности и лечения. Анализ уголовного законодательства стран бывшего СССР позволяет сделать вывод о схожести норм, регулирующих принудительные меры медицинского характера [4, с.113]. Но необходимо обратить внимание на тот факт, что в большинстве европейских стран нет такого понятия, как принудительные меры безопасности и лечения. В их национальном законодательстве используется правовое понятие «меры безопасности», что гораздо шире по своему охвату [5, с. 285]. Меры безопасности применяются не только к лицам, совершившим преступления в состоянии расстройства психики, но и к лицам, страдающим алкоголизмом, наркоманией, а также совершающим преступления против половой неприкосновенности. Учитывая вышеуказанное, необходимо также обратить внимание на положения Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных посягательств, которая в гл. V в качестве одного из средств воздействия на лиц, совершивших сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних, признает

программы или меры по вмешательству, в качестве которых рассматриваются коррекционные меры [6]. Их содержанием являются медико-санитарная помощь и социальные услуги, имеющие целью предотвращение и минимизацию рисков повторных сексуальных посягательств. К медико-санитарным мерам могут быть отнесены оказание психиатрической помощи (принудительные меры медицинского характера в отношении ограниченно вменяемых лиц) и длительное введение педофилам антиандрогенных препаратов с мониторингом уровня мужских половых гормонов в крови (так называемая химическая кастрация). При этом государство обеспечивает оценку уровня опасности и возможного риска повторного совершения преступлений. Сегодня химическая кастрация апробирована и используется в США, Великобритании, Германии, большинстве стран Западной Европы, Израиле и считается гуманным методом нейтрализации сексуальной агрессии. Говоря о химической кастрации, необходимо признать, что в США есть опыт добровольной кастрации. Выбирая этот метод добровольно альтернативно пожизненному или, например 10-летнему заключению, преступник знает, что освободится от наказания через десять лет при хорошем поведении [7].

Таким образом, основываясь на положениях Конвенции Совета Европы, зарубежного правового опыта, введение подобных мер в национальное уголовное законодательство представляется возможным только после детальной проработки данного вопроса. В первую очередь необходимо исследовать опыт тех зарубежных стран, уголовное законодательство которых содержит подобные меры, а также тех стран, которые, введя в свое законодательство такие меры, позже исключили их (например, Республика Молдова). С января 2018 г. в Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» введен институт «химическая кастрация». Министерством здравоохранения Республики Казахстан в связи с этим разработаны правила применения химической кастрации, которые также вступили в силу с начала 2018 г. В приказе главы ведомства отмечается, что «применение принудительных мер медицинского характера в виде химической кастрации проводится на основании решения суда в целях предупреждения состояния декомпенсации у лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения» [8].

В Республике Беларусь по инициативе правоохранительных органов будет рассматриваться вопрос о внедрении вышеуказанных уголовно-правовых мер в Уголовный кодекс Республики Беларусь, позволяющих эффективнее противодействовать актуальной угрозе половой неприкосновенности несовершеннолетних. «В мире существуют такие меры в отношении педофилов, как химическая кастрация, ведение базы данных педофилов, ответственность за онлайн-груминг. В некоторых странах

есть информирование о проживающих рядом с детскими учреждениями педофилах, например, в США, Польше, Великобритании. Мы хотим также взять на вооружение данные методы», – в интервью высказал свою позицию официальный представитель МВД Республики Беларусь [9].

Подводя итог, можно привести несколько доводов в пользу введения в УК в рамках уголовно-правового института принудительных мер безопасности и лечения норм, позволяющих применять химическую кастрацию к лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Безусловно, химическая кастрация может лишить насильника возможности совершить повторное преступление, эффективно повлияет на саму причину совершения преступления. На данный момент введение препаратов, влияющих на уровень мужских половых гормонов в крови, является самой гуманной мерой, признанной во многих странах мира. Введение препаратов не влечет необратимых последствий, после прекращения применения гормональных веществ функции организма восстанавливаются. Однако применение медикаментов должно осуществляться вместе с профессиональной психолого-психиатрической помощью. Только в этом случае рассмотренные новшества в уголовно-правовом законодательстве будут оправданны, а также наиболее эффективно осуществлены.

1. Naviny.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.naviny.by/article/20180315/1521092728-pedofil-vyhodya-iz-tyurmy-ostaetsya-pedofilom-chto-s-etim-mozhno-sdelat/>. – Дата доступа: 25.04.2018.

2. Защита детей by Kaspersky Lab [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kids.kaspersky.ru/uncategorized/protecting-your-child-from-grooming/>. – Дата доступа: 25.04.2018.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.01.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Маркова, А.М. Принудительные меры медицинского характера в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья / А.М. Маркова // Право. – 2017. – № 1. – С. 112–116.

5. Греку, В.П. Зарубежный опыт некоторых государств по применению мер безопасности к душевнобольным и иным лицам, совершившим преступное деяние / В.П. Греку // Молодой ученый. – 2013. – № 8. – С. 285–290.

6. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений [Электронный ресурс] : [заключена в г. Ланса-роте 25.10.2007 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

7. Козочкин, И.Д. Меры безопасности по уголовному праву США / И.Д. Козочкин // Право и политика. – 2000. – № 6. – Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/internationallaw/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1095949750&archive=1254124015&start_from=&ucat=3&category=12/ (дата обращения: 25.04.2018).

8. РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20180101/1512049710.html/>. – Дата доступа: 25.04.2018.

9. Belta.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/dorozhnuju-kartu-po-borbe-s-nasiliem-nad-detmi-planiruetsja-podgotovit-k-letu-295005-2018/>. – Дата доступа: 25.04.2018.

УДК 343.2

Н.В. Руммо, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Ковальчук*

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ЛИЦОМ СВОЕЙ ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы являются одними из опасных посягательств на личность. Об этом свидетельствует место данных видов преступлений в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК), которые располагаются непосредственно после преступлений против жизни и здоровья человека. Особенной частью этого нормативного правового акта.

Следует отметить, что уголовная ответственность за совершение данных преступных посягательств стала заметно строже по сравнению с Уголовным кодексом БССР 1960 г. УК 1999 г. установил равную уголовно-правовую защиту прав и свобод лиц обоих полов, усилил защищенность личности потерпевших несовершеннолетних (малолетних) от сексуальных преступлений. Наряду с положительными тенденциями в уголовном законодательстве постсоветского периода, принятием постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК)»

(далее – ППВС № 7) в правоприменительной практике все же остается ряд правоприменительных проблем, требующих своего разрешения.

Одна из них – вопрос квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности и реализации уголовной ответственности за их совершение при изменении лицом (как субъектом преступления, так и потерпевшим) своей половой принадлежности.

Предлагаем рассмотреть указанную проблему квалификации применительно к ситуации, где потерпевшим является лицо, изменившее свою половую принадлежность.

Стоит отметить, что изменение биологического пола в Республике Беларусь разрешено на основании Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении», где в ст. 19 этого нормативного правового акта именуемой «Изменение и коррекция половой принадлежности» закреплено, что изменение и коррекция половой принадлежности проводятся в государственных организациях здравоохранения по желанию совершеннолетнего пациента при наличии медицинских показаний на основании решений Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь в порядке, установленном Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

Лица, изменившие свой биологический пол, обладают равными правами и обязанностями наряду с иными гражданами Республики Беларусь.

Так, в соответствии с разъяснением, данным в п. 2 ППВС № 7, под изнасилованием (ст. 166 УК) понимается половой акт с женщиной, совершаемый с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшей или ее близким (против ее воли) либо с использованием ее беспомощного состояния (помимо воли потерпевшей). В правоприменительной практике могут иметь место ситуации, когда виновный совершил насильственный половой акт с лицом, который является трансгендером, т. е. человеком, который, будучи рожденным как представитель одного пола, ощущает себя личностью противоположного пола. В данной ситуации возникает вопрос, является ли потерпевший жертвой изнасилования либо насильственных действий сексуального характера? По нашему мнению, данный вопрос квалификации следует разрешать исходя из следующих обстоятельств:

юридического факта половой принадлежности лица, пострадавшего от преступления (пола, указанного в свидетельстве о рождении гражданина, общегражданском паспорте);

отношения самого пострадавшего к своему биологическому полу; осознания виновным пола потерпевшего.

Ключевым, как представляется, в основу квалификации должно быть положено обстоятельство, связанное с осознанием виновным пола потерпевшего.

Вместе с тем вопрос о принятии решения Межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения (Комиссия) (см. постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 декабря 2010 г. № 163 «О некоторых вопросах изменения и коррекции половой принадлежности») о необходимости смены пола лицу и вопрос о необходимости проведения последующей гормональной и (или) хирургической коррекции пола лицу, сменившему пол, должны учитываться при квалификации данных преступлений.

Например, женщина получила заключение Комиссии о том, что ей разрешено изменить свой пол на мужской, на основании данного заключения ей был выдан новый общегражданский паспорт, что она мужчина, но хирургическую коррекцию не сделала. В этот момент это лицо стало жертвой изнасилования. Как нам представляется, вопрос квалификации в данном случае должен решаться исходя из того, мог ли виновный изнасиловать в гетеросексуальной форме потерпевшего или нет, и понимал ли то, что насилует женщину. При этом факт того, кем ощущал себя потерпевший – мужчиной или женщиной, в данном случае не должен иметь квалификационного значения. Наше мнение подкрепляется тем, что женщина, ставшая мужчиной, все же может забеременеть.

Если женщине, ставшей мужчиной и подвергшейся насильственным действиям, была осуществлена хирургическая коррекция нижних половых органов, то в данном случае действия виновного следует квалифицировать как насильственные действия сексуального характера, поскольку преступник мог совершить эти действия в любой иной, кроме гетеросексуальной, форме насилия.

При этом если лицу была произведена лишь хирургическая коррекция верхних половых органов, то это не должно влиять на квалификацию содеянного, поскольку данное положение дел не влияет на гетеросексуальный контакт насильника и потерпевшего.

В случае, если у девушки, сменившей пол на мужской, была проведена хирургическая коррекция верхних и нижних половых органов, однако виновный полагал, что вступает в насильственный половой контакт с женщиной, но в виду объективных, независящих от него, причин не довел свои действия до конца, действия последнего следует квалифицировать как покушение на изнасилование. Если в данном случае мужчина продолжил свое преступное намерение и удовлетворил свою сексуальную страсть в иной неестественной форме, то такие действия

следует квалифицировать по совокупности: как покушение на изнасилование и совершение насильственных действий сексуального характера по ст. 167 УК.

Рассмотрим вопрос уголовно-правовой оценки и реализации уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы виновным лицом, изменившим свою половую принадлежность.

Вопрос квалификации действий виновного может возникнуть тогда, когда лицо мужского пола совершило изнасилование, после чего спустя некоторое время изменило свою половую принадлежность с проведением хирургической коррекции верхних и нижних половых органов.

Как представляется, данный вопрос должен быть разрешен с учетом положений, содержащихся в ч. 1 ст. 9 УК именуемой «Действие уголовного закона во времени», согласно которым преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Временем совершения деяния признается время осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. В данном случае, несмотря на то, что на момент задержания виновный в изнасиловании являлся лицом женского пола, данное лицо подлежит ответственности за совершенное им преступление по соответствующей части ст. 166 УК.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что решение вопроса назначения такому лицу наказания определено в ч. 1 ст. 9 УК как «наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время совершения этого деяния». Буквальный смысл данной нормы позволяет заключить, что лицу (мужчине), совершившему изнасилование и изменившему свой пол на женский назначается наказание по правилам, предусмотренным УК, как для лица мужского пола. Вместе с тем вопрос отбывания таким лицом наказания в уголовном законодательстве является открытым.

Как представляется, при назначении наказания такому лицу, а равно его исполнении, суду следует руководствоваться нормами закона исходя из того, что осужденный является лицом женского пола. Такой подход будет соответствовать реализации принципов справедливости и гуманизма.

Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время остаются открытыми вопросы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности и реализации уголовной ответственности за их совершение при изменении лицом своей половой принадлежности, требующие внесения соответствующих законодательных изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

А.В. Хацкевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маушалер*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Потребление наркотических средств в настоящее время стали восприниматься многими людьми, а особенно молодежью, как нормальное явление. Интернет – наиболее быстрый и относительно безопасный способ получения наркотиков, так думают многие лица, желающие потратить наркотические средства и не тратить на покупку много времени.

Несмотря на усилия подразделений по наркоконтролю Республики Беларусь в 2017 г., которые были сосредоточены на проведении комплекса профилактических и иных мероприятий в молодежной среде с целью недопущения вовлечения молодежи в потребление наркотических средств, с каждым годом возраст людей, которые попадают в наркотическую зависимость, стремительно снижается, и на сегодня наркоманами становятся молодые люди [1]. Для того чтобы завлечь как можно больше «клиентов», современные наркодилеры переместились в интернет-пространство. Большинство родителей, которые не вмешиваются в жизнь своих детей, даже не догадываются, чем может заниматься их ребенок, используя сеть Интернет.

Процесс получения наркотиков через сеть Интернет довольно прост, лица, желающие потратить наркотики, используют «теневого интернет», в котором отследить IP-адрес невозможно, так как сигнал шифруется и проходит через несколько стран. Для этого в основном скачивают бесплатный браузер «Тор», который предоставляет доступ к засекреченным сайтам. В этом браузере не представляет труда не только покупка наркотиков, но и устройство на работу в качестве наркокурьера, необходимо всего лишь заполнить анкету и написать свое резюме. Оплата такого заработка осуществляется через электронные кошельки, причем в любой валюте.

В последнее время дилеры находят своих клиентов и в социальных сетях. Сначала такой человек просит добавить его в друзья по какой-нибудь игре, или якобы увидев вас в группе, а потом завязывает с вами переписку, тем самым присматриваясь к вам, а через некоторое время предлагает легкий заработок. В последнее время встречаются такие ситуации, когда злоумышленники взламывают страницы в социальных сетях, а после пишут тем людям, с кем у вас была наиболее активная

переписка и предлагают им своеобразный заработок, якобы от вашего имени.

После согласия подростка получить наркотик он перечисляет на указанный электронный кошелек денежную сумму, далее к нему на электронный кошелек приходит смс-сообщение с подсказками, где искать купленный товар.

У дилера к каждому молодому человеку индивидуальный подход. Люди, которые предлагают несовершеннолетним наркотики, часто являются хорошими психологами, которые без труда находят слабые места в неокрепшей детской психике, и привлекают к себе наибольшее внимание, чем его сверстники.

Знаки, которые оставляют дилеры в качестве подсказок, понятны только посвященным. Обыкновенный человек даже не обратит внимания на стрелки, подписи, номера, указанные на различных местах (например, на стенах домов, заборах, люках и т. п.).

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств через сеть Интернет, обладают повышенной общественной опасностью, поскольку сделку с покупателем сбытчик осуществляет без личных встреч, а через посредников или путем закладки. Сеть Интернет постоянно меняется, имеет много квалифицированных пользователей, которые пишут программы для себя, а затем распространяют их среди желающих. Постоянно появляются новые запрещенные серверы, а существующие обновляются, на смену заблокированным сайтам приходят новые, более совершенные и труднодоступные для обнаружения правоохранительными органами. Из-за увеличения числа пользователей в сети Интернет растет количество лиц, являющихся потенциальными приобретателями наркотиков, так как сразу на них оказывает влияние наркопропаганда торговли в сети запрещенными к обороту средствами, веществами, а также растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, и их части. Необходимо учитывать, что у правоохранительных органов возникает ряд сложностей, обусловленных различными факторами, в частности, высокой анонимностью в сети Интернет.

Использование сети Интернет для нелегального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов – настоящая проблема современного общества, для решения которой требуется много времени и усилий. Необходимо совершенствовать законодательство нашей республики в различных сферах, улучшать техническое обеспечение правоохранительных органов, разрабатывать эффективные способы профилактики, предотвращения и пресечения преступлений в киберпространстве, а также проводить профилактические работы с молодежью, в целях более

эффективного снижения наркопреступлений, совершенные, в частности, несовершеннолетними. Но самое главное – воздействовать на общественное сознание, поощрять работу общественных организаций, чья деятельность направлена на борьбу с наркотиками, и помнить, что легальных порошков и безвредных курительных смесей не существует.

1. Обзор наркоситуации в республике за 2 месяца 2018 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=304623/>. – Дата доступа: 01.05.2018.

УДК 343.237

А.А. Хвойницкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Совершение преступления в соучастии, несомненно, представляет большую общественную опасность по сравнению с преступлением, являющимся деянием одного лица. Сложение усилий соучастников, согласованность их поведения способствуют повышению вероятности достижения поставленной преступной цели, причем в более короткие сроки и с большей степенью вредоносности. Ощущение помощи блокирует сдерживающие факторы, повышается готовность к совершению более тяжких преступлений, способы совершения деяния приобретают более изощренные формы. В связи с этим традиционным для уголовного законодательства стран постсоветского пространства является установление дифференцированных мер ответственности за деяния, совершенные в соучастии.

Дифференциация уголовной ответственности – это разделение уголовной ответственности в уголовном законе путем установления законодателем различных уголовно-правовых последствий в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного [1, с. 43]. Дифференциация уголовной ответственности соучастников тесно связана с их классификацией, поскольку определение меры уголовной ответственности соучастников закон связывает в том числе и с видом соучастия в преступлении [2, с. 6].

Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) содержит несколько правил дифференциации уголовной ответственности соучастников.

Первым из них является учет характера участия соучастника в совершении преступления при квалификации содеянного им преступления. Деяние исполнителя квалифицируется по соответствующей статье Особенной части УК без ссылки на ст. 16 УК, в то время как деяние организатора, подстрекателя и пособника – со ссылкой на соответствующую часть ст. 16 УК (ч. 7 ст. 16 УК). Следует отметить, что, несмотря на то, что соучастники отвечают за самостоятельные действия, квалификация их действий все же зависит от действий исполнителя. Так, например, в случае, если исполнитель не довел до конца задуманное преступление совместно с другими соучастниками по причинам, не зависящим от него, то он привлекается к ответственности за покушение или приготовление. Другие соучастники тоже будут отвечать, соответственно, за приготовление или покушение на преступление.

Еще одним правилом дифференциации уголовной ответственности соучастников является указание в законе в качестве квалифицирующего признака некоторых составов преступлений на групповой характер их совершения, иначе говоря, на соисполнение. Кроме того, уголовный закон предусматривает, что совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступной организацией влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных ч. 9 ст. 16, п. 11 ч. 1 ст. 64 УК.

Следующим правилом дифференциации уголовной ответственности соучастников является требование закона об учете роли лица в совершении преступления, при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, в связи с добровольным отказом от преступления (ч. 3–4 ст. 15 УК).

Одним из сложных вопросов о пределах уголовной ответственности соучастия является вопрос о вменении соучастникам признаков совместно совершенного преступления, если обладателями этих признаков являются лишь некоторые из соучастников.

Как правило, квалифицирующие признаки, свойственные персонально одному из соучастников, не влияют на квалификацию действий других соучастников, не имеющих данных признаков. Так, если для одного соучастника совершенная кража была повторной, а для другого – нет, то действия первого соучастника будут квалифицированы по ч. 2 ст. 205 УК, а первого – по ч. 1 ст. 205 УК. В то же время, как справедливо отмечено В.В. Марчуком, влияние квалифицирующих признаков, присущих одному из соучастников, на пределы ответственности других соучастников зависит от вида обстоятельств, имеющих квалифицирующее значение. Обстоятельства объективного характера, повышающие общественную опасность преступления, совершаемого исполнителем

(способ совершения преступления, место или время совершения преступления, размер причиненного имущественного ущерба и др.), вменяются другим соучастникам при условии, если они охватывались их умыслом. Например, пособник, помогающий одному из группы убийц, зная о нескольких исполнителях и желая скрыть от ответственности всю группу, должен нести ответственность по п. 15 ч. 2 ст. 139 УК (убийство, совершенное группой лиц). И наоборот, если пособник не предполагал, что убийство будет совершено группой лиц или общеопасным способом, то эти квалифицирующие признаки ему вменяться не могут [3, с. 75].

Сложнее обстоит вопрос с мотивами и целью соучастников. При совершении преступления в соучастии различные соучастники могут руководствоваться различными мотивами и преследовать различные цели. Например, различие мотивов преступного поведения соучастников может повлечь различную квалификацию при убийстве, когда подстрекатель руководствуется мотивом ревности, а исполнитель, которому обещано вознаграждение, – корыстными мотивами. Однако сложность влияния мотивов и целей на правовую оценку содеянного заключается в том, что в отличие от объективных признаков мотивы и цели как субъективные признаки в обязательном порядке присутствуют в поведении каждого соучастника. Привносит сложность и тот факт, что соучастники могут руководствоваться различными мотивами и целями по отношению к самому преступлению и соучастию в этом преступлении.

Таким образом, можно констатировать наличие в доктрине уголовного права множества мнений при решении вопроса об ответственности соучастников преступления, что создает определенные сложности у правоприменителя. Тем не менее на законодательном уровне предпринята попытка дифференциации ответственности соучастников преступления, предпосылкой которой выступает закрепление видов соучастников и форм соучастия в преступлении.

1. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности / Е.В. Рогова. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 337 с.

2. Соболев, В.В. Форма и вид соучастия как основание дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления / В.В. Соболев // Рос. следователь. – 2013. – № 11. – С. 5–8.

3. Марчук, В.В. Квалификация преступлений : учеб. пособие / В.В. Марчук. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 210 с.

**Научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы совершенствования
правового регулирования экономических отношений
в Республике Беларусь»
(15 июня 2018 г.)**

УДК 336.76 + 336.77

А.А. Богданова, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Г. Сачек*

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КРЕДИТНОГО РЕЙТИНГА
И ОПЫТ РАЗМЕЩЕНИЯ ЕВРООБЛИГАЦИЙ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Необходимость выхода экономики Беларуси на инновационный путь развития, проведения широкомасштабной модернизации отечественных предприятий по-прежнему предполагает существенное увеличение объема привлекаемых иностранных инвестиций. До получения Беларусью кредитного рейтинга потенциальные иностранные инвесторы фактически не имели объективной информации о состоянии экономики нашей республики, степени рискованности инвестирования средств в предприятия страны.

Таким образом, суверенный кредитный рейтинг рассматривается иностранными инвесторами в качестве объективной оценки рискованности вложений в экономику конкретного государства. Наличие у республики суверенного кредитного рейтинга позволяет рассчитывать на существенное повышение заинтересованности иностранных инвесторов во вложении средств в Беларусь.

Получение страной суверенного кредитного рейтинга от одного или нескольких международных рейтинговых агентств – важная предпосылка для привлечения инвестиционных ресурсов посредством эмиссии еврооблигаций.

Динамика кредитного рейтинга Республики Беларусь, рассмотренная в контексте пресс-релизов от рейтингового агентства Standard&Poor's, находит свое отражение в следующих основных моментах.

21 августа 2007 г. Международное рейтинговое агентство Standard&Poor's присвоило Республике Беларусь долгосрочный кредитный рей-

тинг в иностранной валюте – «В+»; краткосрочный кредитный рейтинг в иностранной валюте – «В»; долгосрочный кредитный рейтинг в национальной валюте – «ВВ»; краткосрочный кредитный рейтинг в национальной валюте – «В». Прогноз изменения рейтингов – «стабильный» [1].

26 января 2009 г. Международное рейтинговое агентство Standard&Poor's подтвердило суверенные кредитные рейтинги Беларуси: долгосрочный рейтинг по обязательствам в иностранной валюте (В+) и долгосрочный рейтинг по обязательствам в национальной валюте (ВВ), а также краткосрочные рейтинги по обязательствам в иностранной и национальной валюте (В). Прогноз по рейтингам – «негативный».

26 сентября 2011 г. рейтинговое агентство Standard&Poor's понизило суверенные кредитные рейтинги Республики Беларусь с «В/В» до «В-/С». В результате чего рейтинги были выведены из списка CreditWatch, куда они были помещены 27 мая 2011 г. с негативным прогнозом. Прогноз по рейтингам остался «негативным». Оценка риска перевода и конвертации валюты для белорусских несuverенных заемщиков понижена до «В-».

В феврале 2012 г. по оценке Standard&Poor's прогноз Республики Беларусь «стабильный», суверенный кредитный рейтинг: «В-», по оценке Moody's Investors Service – «В3», прогноз «негативный».

В апреле 2013 г. рейтинговое агентство Standard&Poor's пересмотрело прогноз по рейтингам Беларуси, и он оказался «позитивным», отмечена продолжающаяся стабилизация экономики. Рейтинги подтверждены на уровне «В-/В».

В апреле 2014 г. Международное рейтинговое агентство Standard&Poor's подтвердило долгосрочный рейтинг Беларуси на уровне «В-» со стабильным прогнозом, сообщили в пресс-релизе агентства. Краткосрочный рейтинг был подтвержден на уровне «В». Стабильный прогноз по рейтингам отражал ожидания экспертов агентства о том, что, несмотря на слабую внешнюю ликвидность и негибкую монетарную политику, белорусское правительство обеспечит рефинансирование долга путем выпуска облигаций на внутренних рынках и получения временной финансовой поддержки со стороны России.

6 октября 2017 г. рейтинговое агентство Standard&Poors впервые с 2011 г. повысило долгосрочный суверенный кредитный рейтинг Беларуси по обязательствам в иностранной валюте до уровня «В» (ранее – «В-»), прогноз «стабильный».

В связи с тем, что у Беларуси в последнее время сложился положительный международный кредитный рейтинг, можно предположить, что уменьшение внешней задолженности будет способствовать повышению рейтинга, а это, в свою очередь, предоставит доступ к более дешевым кредитным ресурсам.

11 июня 2018 г. появились сведения о том, что Республика Беларусь намерена получить кредитный рейтинг Китайского агентства China Chengxin International Credit Rating Co и выпустить государственные ценные бумаги на финансовом рынке Китая. Об этом говорится в сообщении посольства Беларуси в Китае.

В 2006–2007 гг. вопрос о присвоении Беларуси кредитного рейтинга рассматривался в контексте возможности организации выпуска и размещения на внешних финансовых рынках государственных ценных бумаг Республики Беларусь. Именно значение рейтинга определяет срок обращения, процентную ставку и другие условия выпуска ценных бумаг [1].

В августе 2010 г. Министерством финансов Республики Беларусь осуществлен выпуск еврооблигаций Республики Беларусь (с доразмещением) в формате RegS на общую сумму 1 млрд долл. США (по номинальной стоимости) двумя траншами, со сроком обращения 5 лет с купонной ставкой 8,75 % годовых. Общая доходность выпуска таких облигаций составила 8,7 % годовых [2].

28 июля 2015 г. одновременно с последней выплатой купонного дохода на сумму 43 млн 750 тыс. долл. США Министерство финансов Республики Беларусь направило средства платежному агенту (DeutscheBank AG, London) на погашение дебютного выпуска государственных облигаций, размещенных на международном финансовом рынке 3 августа 2010 г., на сумму 1 млрд долл. США. Средняя доходность к погашению данного займа составила 8,6 % годовых [3].

Размещение семилетних еврооблигаций на сумму 800 млн долл. США было осуществлено 19 января 2011 г. После чего 22 января 2018 г. Министерство финансов Республики Беларусь направило 800 млн долл. США платежному агенту (DeutscheBank AG, London) на погашение выпуска еврооблигаций, размещенных 26 января 2011 г. Одновременно была произведена выплата купонного дохода на 35,8 млн долл. США [3].

29 июня 2017 г. было завершено размещение двух выпусков еврооблигаций Республики Беларусь общим объемом 1,4 млрд долл.

5-летний выпуск еврооблигаций с погашением в феврале 2023 г. на сумму 800 млн долл. с доходностью к погашению 7,125 % годовых;

10-летний выпуск еврооблигаций с погашением в июне 2027 г. на сумму 600 млн долл. с доходностью к погашению 7,625 % годовых.

Таким образом, в результате анализа динамики изменения кредитного рейтинга Республики Беларусь и результатов опыта размещения еврооблигаций Республики Беларусь на международном фондовом рынке перспектива положительного развития данной сферы экономики Республики Беларусь не вызывает сомнения.

В целом кредитный рейтинг – полезный показатель не только для инвестора, но также и для организаций, намеревающихся привлечь инве-

стиции. Рейтинг инвестиционного уровня может выгодно представить ценную бумагу, компанию или страну на глобальном рынке, привлекая иностранные инвестиции и ускоряя развитие национальной экономики. Действительно, для стран с развивающейся экономикой кредитный рейтинг является ключевым фактором, обеспечивающим инвестиционную привлекательность для иностранных инвесторов. Поскольку кредитный рейтинг инвестиционного уровня облегчает процесс привлечения инвестиций, большинство стран и компаний стремятся поддержать и улучшить свои рейтинги, гарантируя устойчивую политическую ситуацию и более прозрачный рынок капитала [4].

1. Сац, Л. Кредитный рейтинг – прогноз «стабильный» / Л. Сац // Экономика Беларуси: Итоги. Тенденции. Прогнозы. – 2007. – № 4.

2. О программе развития рынка ценных бумаг Республики Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Нац. банка Респ. Беларусь, 12 апр. 2011 г., № 482/10 // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/>. – Дата доступа: 01.02.2018.

4. Трегуб, А. Рейтинговое инвестирование коллективных инвестиций: цивилизованный подход / А. Трегуб // Финансист. – 2001. – № 8–9.

УДК 349.6

К.В. Волчецкий, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

О ВНЕДРЕНИИ СИСТЕМЫ БЛОКЧЕЙН В ЭКОНОМИКУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сегодня криптовалюты и система блокчейн – прогрессивное явление в сфере финансов. Тем не менее высказываются мнения, что биткоин не подкреплён каким-либо товарооборотом и берётся пользователями из воздуха. Криптовалюты используются как платёжные средства, но следует более подробно рассмотреть их появление в экономике и необходимость легализации криптовалюты.

Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 был установлен ряд норм по созданию условий для внедрения в экономику Республики Беларусь технологии реестра блоков транзакций блок-

чейн, иных технологий, основанных на принципах распределённости, децентрализации и безопасности совершаемых с их использованием операций.

В целях понимания легализации криптовалют и системы блокчейн, а также как определения криптовалюты в гражданском обороте необходимо в полной мере рассмотреть эти понятия.

Криптовалюта – разновидность цифровой валюты, создание и контроль за которой базируется на криптографических методах. Иными словами, криптовалюта определяется как законная денежная единица, используемая на принципах конфиденциальности, целостности данных и аутентификации.

Необходимо отметить, что первой криптовалютой является биткоин, а иные криптовалюты принято называть альткоидами, наименований которых на сегодня создано более двух тысяч.

Существование криптовалют невозможно без использования системы блокчейн, которая является основой для их получения всеми пользователями данной системы.

Блокчейн – система записи транзакций в виде последовательной цепочки соединённых между собой блоков, основной особенностью которой является децентрализация и распределение информации обо всех транзакциях между всеми пользователями системы.

Одна из главных особенностей системы – полная децентрализация: нет центрального администратора или какого-либо его аналога. Необходимый и достаточный элемент этой платёжной системы – базовая программа-клиент. Запущенные на множестве компьютеров программы-клиенты соединяются между собой в одноранговую сеть, каждый узел которой равноправен и самодостаточен. Невозможно государственное или частное управление системой, в том числе изменение суммарного количества биткоинов, объём и время выпуска которых известны заранее.

Особенность блокчейн в виде децентрализации даёт определенное преимущество перед ныне имеющейся системой осуществления транзакций. Например, гражданин оплачивает банковской карточкой покупки в магазине. Транзакция не осуществится, если нет связи с банком и его единственным сервером, где находятся записи о наличии финансовых средств на счете данного гражданина.

Представляется необходимым сделать пояснение о механизме работы системы блокчейн. Так, представим, что граждане Иванов и Петров договорились создать собственную криптовалюту. Они условились, что всего единиц данной валюты будет 5 000, и на начальном этапе они получают по 1 000 единиц. Каждый из них создал файл, в который занес первые транзакции в виде присвоения системой каждому из них определённого количества криптовалюты. Запись будет иметь следующий вид:

Система 5 000

Система >Петров 1 000

Система >Иванов 1 000

Через некоторое время Иванов решил приобрести у Петрова молоток за 20 единиц криптовалюты. Тогда каждый из них запускает процесс вычисления хэш-суммы первого блока транзакций. Необходимо отметить, что хэш-сумма – набор из 33 символов, который можно получить исходя из записи данных, но сами данные, исходя из хэш-суммы, вы не получите никогда.

Получив хэш-сумму «материнского блока», они записывают ее в начало следующего блока транзакции. Допустим, что Иванов вычислил хэш-сумму быстрее Петрова, тогда он, вместе с хэш-суммой записывает свой кошелек, так как имеет право на вознаграждение от системы за продолжение цепочки, ведь условно он предоставил свое оборудование в аренду, чтобы обеспечить функционирование системы блокчейн.

Новый сформировавшийся блок отсылается Петрову. Таким образом, цепочка имеет продолжение на обоих компьютерах, и если необходимо будет обратиться за информацией о финансовых средствах любого из пользователей, то ее можно будет найти как на компьютере Иванова, так и на компьютере Петрова.

На практике, информация системы распределена между огромным количеством пользователей системы и блокчейн построена на взаимной выгоде. Хэш-суммы вычисляются на целых компьютерных фермах.

Каждую секунду в системе появляется транзакция, для которой необходимо создать блок. Каждый пользователь принимает информацию о транзакции и поддерживает ее осуществление за счет запуска процесса вычисления хэш-суммы последнего сгенерированного блока. Важным условием вычисления хэш-суммы является то, что, например, для биткоина хэш-сумма каждого блока должна начинаться на шестнадцать нулей, и эту запись все участники системы ищут путем подбора.

Найдя нужную запись, пользователь рассылает блок всем остальным пользователям. Как только 51 % пользователей примет сформированный блок и подтвердит его, он официально становится продолжением цепочки, а пользователь, который его сформировал, получит вознаграждение, потому как он предоставляет свое оборудование в аренду, чтобы обеспечивать функционирование системы блокчейн.

Кажется, будто можно захватить контроль над необходимым 51 % компьютеров сети и получать вознаграждение постоянно, однако, выведя на рынок полученное количество биткоинов для их продажи на бирже, выяснится, что курс значительно ниже. Это связано с тем, что на криптовалюты также действуют законы спроса и предложения. Кроме

того, управлять подобной системой отдаленно крайне затруднительно, а создавать свой собственный механический парк – финансово невыгодно.

Все вышеперечисленное демонстрирует практическое преимущество системы блокчейн над системой централизованных транзакций. Однако существуют и некоторые минусы: сложности в определении криптовалют в гражданском обороте; конфиденциальность личности участников транзакции; проблемы налогообложения.

Тем не менее при создании альткоинов последние две проблемы могут быть устранены за счет внедрения в программу-клиент таких функций, как идентификации пользователя виртуального кошелька и расщепления единицы криптовалюты на более мелкие.

Проблема определения криптовалют в гражданском обороте может быть решена за счет более детального рассмотрения их использования пользователями или же введением новой категории в гражданский оборот и закрепление данной категории на законодательном уровне.

УДК 342.92 + 343.37

Ю.Н. Гаркуша, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ ТОВАРОВ, ЦЕННОСТЕЙ И ИНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Незаконный оборот подакцизных товаров наносит существенный экономический вред государству, представляет угрозу экономической безопасности. Кроме того, правонарушения в сфере оборота подакцизных товаров касаются интересов граждан, поскольку вредные последствия преступной деятельности затрагивают каждого конкретного человека. Вопросы охраны и укрепления здоровья нации, в том числе противодействия злоупотреблению населением алкогольными напитками, табакокурению, находятся на непрерывном государственном контроле. В этой связи представляет интерес анализ развития правового регулирования законодательства на современном этапе, а также снижения риска приобретения некачественных товаров подакцизной группы.

Перемещение через государственную границу товаров, ценностей и иных предметов, сопровождающееся нарушением требований таможенного законодательства в Беларуси, берет свое начало в XV–XVI вв., когда основным и главным местом контрабанды была граница с Пруссией, существовавшая в нескольких десятках километров к северу от Гродно. В конце XVIII – начале XIX в. после раздела Речи Посполитой Пруссия оказалась совсем рядом – граница проходила по рекам Лососянка и Неман.

Население, проживающее недалеко от границы, нередко зарабатывало на контрабанде. В первой половине XIX в. одним из главных предметов контрабанды являлась соль, которую отправляли на экспорт в Пруссию. Соль привозили из Королевства Польского и Украины, на нашей территории располагались соленые склады. Часть соли отправлялась на законных основаниях, часть – нелегально.

Торговые отношения с Пруссией осуществлялись в двух направлениях: через сухопутные таможенные пункты (Вержбовская таможня); по Неману в Кенигсберг.

По реке Неман корабль отправлялся в Пруссию с пустой каютой капитана. На обратном пути каюта заставлялась различными ценными предметами – дорогой мебелью, люстрами, секретерами, зеркалами и др. Все это считалось внешней отделкой каюты, поэтому не попадало под уплату пошлины. На самом деле по прибытии на место данные товары продавались по достаточно высоким ценам.

В 20–30-х гг. предметом контрабанды были спички, керосин, которые перевозили из Пруссии на территорию нынешней Беларуси. В 20-х гг. Республика Польша продала все свои предприятия шведскому спичечному магнату Крюгеру, тем самым уничтожив все польское спичечное производство, которое пришло в упадок. В этой связи спички в Гродно стоили очень дорого: люди покупали их и каждую разделяли на три-четыре части. В свою очередь, в Пруссии спички стоили в несколько раз дешевле. Следовательно, их привоз и продажа в Гродно осуществлялись нелегально.

В 80-х гг. прошлого века граждане БССР перевозили в Польшу золотые украшения и драгоценности, пряча в бутылки и закатывая в консервные банки.

До недавнего времени была широко распространена контрабанда табачных изделий. До 2008 г. легально разрешено было перевозить несколько блоков сигарет, и с продажи каждого блока перевозчик мог выручить дополнительные 10 долл. В дальнейшем возможность таким образом получать прибыль исчезла.

С.В. Король, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *Т.М. Фицук*

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Медиация в хозяйственно-правовых отношениях – это переговоры сторон с участием медиатора (посредника) в целях урегулирования хозяйственно-правового спора этих сторон путем выработки для них взаимоприемлемого решения [1, с. 31]. Стоит отметить, что медиация в хозяйственном процессе является альтернативным судебному способу разрешения спора.

В Республике Беларусь, как впрочем, и в Российской Федерации медиация появилась совсем недавно. Вопросы медиации регулируются Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» [2], в соответствии с которым граждане, в том числе и в хозяйственно-правовых отношениях, имеют возможность разрешать споры путем переговоров с участием медиатора. Медиация в переводе с латинского означает «посредничество». Вопросы медиации (посредничества) получили свое развитие сразу в нескольких постановлениях Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. Речь идет о постановлениях: № 12 «О некоторых вопросах подготовки в сфере медиации»; № 13 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения Реестра медиаторов и Реестра организаций, обеспечивающих проведение медиации»; № 14 «Об установлении форм документов в сфере медиации»; № 15 «Об утверждении Правил этики медиатора».

В Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 8 июля 2013 г. № Р-841/2013 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О медиации»» справедливо отмечено, что возможность урегулирования правовых споров в рамках процедуры медиации признана международной практикой [3]. Так, комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) 24 июня 2002 г. принят Типовой закон «О международной коммерческой согласительной процедуре», разработанный с учетом практики применения согласительных процедур в различных государствах и рекомендованный государствам для использования в национальных законодательных актах [4, с. 288].

Медиация крайне эффективна при разрешении споров в хозяйственной (экономической) деятельности, так как направлена на внесудебное урегулирование спора без его публичной огласки, что положительно влияет на перспективы развития сотрудничества сторон спора в их дальнейшей хозяйственной (экономической) деятельности.

На сегодня существует ряд актуальных вопросов, которые касаются проведения медиации в хозяйственно-правовых отношениях. Основными из них являются:

- 1) избежание сторонами медиации и обращение ими в суд для решения спора;
- 2) консервативные взгляды сторон на механизм медиации;
- 3) малое количество профессиональных медиаторов в хозяйственно-правовой сфере.

Данные вопросы возникают в хозяйственно-правовой сфере в связи: с новизной процедуры медиации;

недостаточностью информирования граждан в СМИ, государственных органах и т. д. о возможности проведения процедуры медиации, ее положительных отличиях от судебного разбирательства;

отсутствием заинтересованности государства в формировании квазисудебной структуры;

отсутствием распространенной практики использования медиации; отсутствием в суде помещений, которые можно было бы предоставлять для проведения примирительных процедур;

необязательности проведения процедуры медиации до обращения в экономический суд (и другие суды);

высокая степень конфликтности отношений в обществе и др.

На наш взгляд, необходимо внедрять медиацию в хозяйственно-правовые отношения как можно быстрее. Во-первых, это приведет к выработке умения у сторон вести деловые, примирительные переговоры. Во-вторых, снимет нагрузку с экономических судов. В-третьих, данная процедура позволит урегулировать хозяйственно-правовые споры до обращения в суд, что положительно скажется на эмоциональном взаимодействии сторон и не повлечет негативных последствий для развития их экономической (хозяйственной) деятельности. В-четвертых, это возможность выработки для конфликтующих сторон такого решения, которое могло бы устроить обе стороны и к которому они без помощи медиатора прийти не могли.

Для решения актуальных вопросов медиации в хозяйственно-правовых отношениях необходимо:

установить обязательность разъяснения уполномоченными лицами (квалифицированными в данной области) субъектам хозяйствования

привилегии процедуры медиации (на законодательном уровне) по сравнению с судебными разбирательствами;

уделить особое внимание рекламе медиации в СМИ;

придать огласке статистику работы медиаторов в хозяйственно-правовой сфере (показать конечный результат их работы – примирение сторон, приход ими к определенному решению);

организовать возможность расширения перспектив медиации в хозяйственно-правовой сфере по средствам выработки интереса у лиц, готовых обучаться по данному направлению.

Таким образом, стоит сказать, что пока в Республике Беларусь существует консервативный взгляд на нововведения, пока не реализованы вышеперечисленные меры для внедрения процедуры медиации в хозяйственно-правовые отношения, данный механизм не будет использоваться субъектами хозяйствования, которые, как и раньше, будут обращаться в суд для разрешения возникших споров.

1. Основы альтернативного разрешения споров / под ред. В.И. Самарина, О.В. Мороз, А.Г. Авдея [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 224 с.

2. О медиации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О медиации» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 8 июля 2013 г., № Р-841/2013 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Хацук, Ж.В. Развитие законодательства об альтернативных способах разрешения споров / Ж.В. Хацук // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28–29 окт. 2016 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И.В. Вегера [и др.]. – Новополоцк, 2016. – С. 288–295.

УДК 343.9

А.А. Масловская, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Г. Сачек*

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Во всех странах СНГ в последние десятилетия идут бурные процессы политического и социально-экономического реформирования. Одна из главных причин этого – сегодня мир вступил в стадию кардинальных

социально-экономических, военно-политических и иных изменений, характеризующихся высокой степенью усложнения, многообразия, интенсивности и динамичности, это во многом связано с процессами регионализации и глобализации.

Республика Беларусь объективно не может находиться в стороне от глобальных процессов, происходящих в мире. В нашей стране понятия «национальная безопасность» и «экономическая безопасность» активно используются в управлении социальными и экономическими процессами. Эти понятия характеризуются как комплексные социально-экономические и правовые категории, которые учитываются при принятии руководством государств важнейших политических и социально-экономических решений [1, с. 21].

Ядром национальной безопасности всегда была, остается и будет экономическая безопасность. Ее главной угрозой выступают коррупционные проявления в основных сферах жизнедеятельности государства. Являясь наиболее опасным, разлагающим институты государства и гражданского общества явлением современной действительности, проблема коррупции требует глубокого изучения с целью разработки эффективных способов противодействия.

Говоря о коррупции, как об историческом явлении, необходимо подчеркнуть, что полностью искоренить это социальное зло не удалось ни в одной стране мира, однако необходимо принимать максимальные усилия к снижению коррупционных рисков.

В современном обществе, когда преступность экономической направленности превратилась в систематическое и массовое явление, успешная борьба с нею предполагает поиск тех особых причин и условий, которые этому способствуют.

Традиционно преступность в сфере экономики определялась как совокупность корыстных посягательств на собственность и порядок управления экономикой, которые совершаются лицами, занимающими определенные социальные позиции в данной сфере и реализующими требования, связанные с указанными позициями социальных ролей [2, с. 2–6].

Сегодня для многих стран, а в том числе и Республики Беларусь, криминализация экономики – реальное явление, которое можно определить как новое состояние всей экономической системы, затрагивающее все стадии общественного воспроизводства (производство, распределение, обмен и потребление) и все уровни хозяйствования (отдельные работники, мелкие, средние и крупные предприятия, целые отрасли или отдельные регионы).

Сфера экономических отношений, где происходит циркуляция всех кредитно-денежных и финансовых ресурсов, особенно привлекательна

и уязвима для преступных посягательств и в конечном счете трансформируется в сферу приоритетных интересов организованной преступности. Такая криминализация экономических отношений влечет за собой повышенную опасность для граждан и государства, поэтому правоохранительные органы всех государств нацелены, в рамках своей компетенции, на борьбу с экономической преступностью, на подрыв экономических основ организованной преступности.

Обращаясь к статистическим данным, наибольшее количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности наблюдалось в Российской Федерации и составило 6 300 (-43,4 %), в Беларуси – 1 922 (+53,3 %), в Узбекистане – 1 845 (+6,3 %), Казахстане – 1 256 (+21,4 %) [3].

Необходимо отметить, что коррупционные преступления обладают крайне высокой степенью общественной опасности, подрывают авторитет публичной власти, препятствуют стабильному развитию общества, эффективному управлению и экономическому росту стран, ущемляют права и законные интересы граждан.

Коррупции невозможно противостоять путем осуществления отдельных разрозненных, фрагментарных мероприятий на различных направлениях, поскольку ее преодоление относится к сфере взаимной ответственности государств и требует адекватных, скоординированных, комплексных мер противодействия на национальном и межгосударственном уровнях.

Как мы отмечали выше, коррупция – социальное зло, поразившее практически все сферы жизнедеятельности общества. Проведенный нами анализ обобщенных статистических данных за последние три года свидетельствует о высокой степени зараженности коррупцией большинства социальных систем: система здравоохранения – 19,1 %, сельское хозяйство – 7,6 %, транспорт – 3,8 %, образование – 13 %, торговля – 6,6 %, промышленность – 10,7 %, финансы, страхование – 1,3 %, строительство – 12,2 %, культура, спорт – 2,2 %, социальные услуги – 13,8 %, государственное управление – 9,7 % [4].

В то же время независимые международные источники отмечают, что в целом общественное сознание в нашей стране негативно относится к коррупционным проявлениям. В Индексе восприятия коррупции – 2017 Республика Беларусь заняла лучшее в своей истории 68-е место с показателем 44 балла из 100 возможных.

Годом ранее наша страна была на 79-м месте с 40 баллами, в 2013 г. только 29 баллов и 123-е место.

Считаем, что проблема коррупционных проявлений значительно шире, нежели просто реализация корыстной мотивации должностных лиц. Коррупция в настоящее время приобретает транснациональный характер и постепенно трансформируется из внутренней угрозы эконо-

мической безопасности в угрозу, противодействие которой необходимо оказывать на международном уровне.

Все страны заинтересованы в обеспечении экономической безопасности и для этого консолидируют свои усилия в борьбе с преступностью экономической направленности и особенно ее организованных форм.

1. Ларичев, В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности) : монография / В.Д. Ларичев. – М., 2003. – С. 21.

2. Акулов, А.Я. Экономическая природа коррупции и современные особенности антикоррупционной политики / А.Я. Акулов // Следователь. – 2013. – № 12. – С. 2–6.

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 22.04.2018.

4. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : офиц. сайт М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by>. – Дата доступа: 22.04.2018.

УДК 343.8

Ф.А. Мигалкин, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

О РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ СОЗДАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Частное пенитенциарное учреждение – учреждение, ведающее исполнением наказания в виде лишения свободы, принадлежащее на праве собственности частным коммерческим структурам.

Практика передачи заключенных в частные руки появилась еще во второй половине XIX в. в США. После Гражданской войны, когда на плантациях и производствах не осталось рабов, предпринимателям не хватало дешевой рабочей силы. Тюрьмы в это время были переполнены, и в 1868 г. губернатор штата Джорджия передал нескольким местным предприятиям первую партию заключенных «в аренду» на год – за 100 рабочих штат получил 2 500 долл. «Арендаторы» должны были обеспечивать заключенных едой и кровом. 16 человек из первой партии заключенных, переданных в частные руки, умерли, но с точки зрения администрации штата сделка оказалась выгодной, так что в 1869 г. 393 уголовника – это были все заключенные штата – уже строили железную дорогу для частной компании. За следующие пять лет аренда заключен-

ных стала главным источником дохода для штата Джорджия, но к 1908 г. вследствие экономического кризиса и негативного общественного мнения данная практика была запрещена.

В 1980-е гг. американские тюрьмы снова оказались переполнены из-за программы «Война с наркотиками», которую в 1971 г. объявил президент Ричард Никсон. Если в 1980 г. в США было всего 50 000 заключенных, осужденных за ненасильственные преступления в сфере наркотиков, то к 1997 г. их стало уже 400 000. В 1983 г. некоторые американские юристы пришли к выводу, что частная инициатива могла бы решить проблему перенаселения тюрем и предложили свой бизнес-план крупным американским компаниям. В результате была создана первая тюремная компания Correction Corporation of America.

Обязанности компании, владеющей частным пенитенциарным учреждением, следующие: при заключении контракта компания обязуется сама нанимать персонал и присматривать за заключенными; обеспечивать питание, медицинское обслуживание и т. д. При этом компания может использовать их в качестве дешевой рабочей силы, а также государство платит за каждого заключенного, которого оно помещает в данное учреждение, но, что важно, сумма, которую затрачивает государство на одного заключенного в частном пенитенциарном учреждении, меньше по разному подсчету от 20 до 50 % по сравнению с затратами в государственном учреждении, такая дифференциация зависит от числа лиц, помещенных в данное учреждение.

Но далеко не все лица, приговоренные к наказанию в виде лишения свободы, попадают в частные пенитенциарные учреждения. В данных учреждениях есть ряд критериев для подбора лиц, которые будут отбывать наказание. К этим критериям относятся вменяемость; преимущественно совершившие ненасильственные преступления; не достигшие пенсионного возраста; хорошие медицинские показатели.

Данные критерии применяются для того, чтобы компания смогла максимально сэкономить на медицинском обеспечении и могла легко контролировать осужденных. Важным критерием также является количество приговоренных к наказанию в виде лишения свободы, и чем эта цифра выше, тем больше доходы компании. Хороший пример та же компания Correction Corporation of America – ее годового оборот составляет 1,76 млрд долл., причем стоимость акций до прихода к власти Дональда Трампа стремительно падала со стоимости в 39,4 долл. до 13,3 долл. за акцию, но с победой на выборах ситуация стала меняться, акции компании выросли до 21,4 долл. за акцию, также планируется дальнейший рост на 0,19 %.

Создание коммерческих пенитенциарных учреждений в Республике Беларусь, учитывая все вышесказанное, в данный период невозможно исходя из следующих факторов:

Количество лиц, приговоренных к отбыванию наказания в виде лишения свободы, за 2015 г. – 11 409, 2016 г. – 12 182, 2017 г. – 10 294.

Законодательно не закреплена возможность создания частных пенитенциарных учреждений, так в ч. 5 ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса сказано, что наказания в виде ареста, ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, лишения свободы, пожизненного заключения и смертной казни исполняются учреждениями уголовно-исполнительной системы, к органам уголовно-исполнительной системы согласно ст. 21 Закона «Об органах внутренних дел» относятся Департамент исполнения наказаний Министерства внутренних дел и подчиненные ему подразделения и учреждения, и в следствие этого закон не предусматривает создания частного пенитенциарного учреждения.

Таким образом, можно сделать вывод:

частные пенитенциарные учреждения – доходный бизнес, создающий экономию государственного бюджета;

ключевая проблема данного бизнеса – зависимость от бесперебойного потока осужденных и внутренней политики государства.

Актуальным остается вопрос: способно ли совместить частное пенитенциарное учреждение функцию исправления осужденного и цель получения максимальной прибыли?

VII курсантские научные чтения

«Актуальные проблемы теории и истории государства и права» (18 декабря 2018 г.)

УДК 34(09)

Н.Д. Белов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

ВСЕКИТАЙСКОЕ СОБРАНИЕ КАК ОРГАН ВСЕНАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Китай на сегодня – самая развитая страна в мире. Уровень ее экономического и технологического развития достиг небывалых высот. Китайский город Шанхай за 165 лет из небольшой рыбацкой деревни превратился в крупный мегаполис, где сосредоточена вся мощь китайской экономики.

На наш взгляд, в политической системе Китая особый интерес представляет высший орган государственной власти – Всекитайское собрание народных представителей.

Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), согласно ст. 57 Конституции Китайской Народной Республики (КНР), является высшим органом государственной власти. Его правовой статус закрепляется Конституцией и Законом об организации ВСНП. Вершиной всей политической системы Китая является ВСНП. Кроме того, ВСНП – законодательный орган, в котором китайский народ исполняет государственную власть, а также представительный орган, т. е. образуется из представителей, избранных от провинций, автономных районов, городов центрального подчинения, специальных административных районов и Вооруженных Сил. Решения, принятые ВСНП, носят обязательный характер для всех.

ВСНП осуществляет следующие основные функции:

- 1) вносит изменения в Конституцию;
- 2) следит за соблюдением Конституции;
- 3) принимает основные законы и вносит в них изменения;
- 4) выбирает Председателя Китайской Народной Республики;
- 5) изменяет или отменяет утратившие силу постановления Постоянного Комитета ВСНП;
- 6) рассматривает и утверждает планы экономического и социального развития и отчеты об их выполнении;
- 7) рассматривает и утверждает государственный бюджет и отчет о его исполнении;
- 8) избирает, утверждает руководителей государственных органов и смещает их;
- 9) утверждает решения об образовании провинций, автономных районов и городов центрального подчинения;
- 10) утверждает решения о создании особых административных районов и их общественном строе;
- 11) решает вопросы войны и мира.

ВСНП имеет следующие особенности:

придерживается принципа «Народ есть хозяин государства» согласно ст. 2 Конституции КНР, в которой говорится, что вся власть в КНР принадлежит народу. Если полностью раскрыть этот принцип, то в Китае воля, желание и требования народных масс могут принять форму государственного волеизъявления только через собрания народных представителей разных ступеней, избираемые народными массами. Народ может осуществлять свое право на управление государственными делами только посредством собрания народных представителей. Но для

того, чтобы в полной мере гарантировать право граждан быть хозяевами государства, одного представительного органа недостаточно. Наряду с политическими правами, включая право избираться и быть избранным, право критиковать государственные учреждения и их работников, право внесения предложений и право контроля, Конституции и различные права по демократическому управлению низовыми организациями и право народных масс на самоуправление;

носит широко представительный характер. Собрания народных представителей разных ступеней, формируются по принципу пропорционального представительства различных национальностей, регионов, общественных кругов, классов и слоев общества. Это позволяет понять, что мнение каждого в Китае будет учитываться независимо от его происхождения и социального положения. В ВСНП как минимум одно место гарантируется для представителя самых малочисленных национальных меньшинств;

функционирует на основе принципа демократического централизма. В работе собрания народных представителей этот принцип отображается в трех аспектах: во-первых, они избираются народом, ответственные перед народом и подконтрольные ему; во-вторых, все административные, судебные и надзорные органы государства избираются собраниями народных представителей, ответственные перед ними и подконтрольны ими; в-третьих, распределение полномочий между центральными и местными органами государственной власти производится по принципу максимального поощрения инициативы на местах при сохранении единого руководства со стороны центра, с тем чтобы, с одной стороны, обеспечить народу широкие демократические права, а с другой, гарантировать централизм и единство в осуществлении государственной власти [1].

Так, около 3 000 депутатов выполняли поручение всего народа 5 марта 1998 г., присутствовали на церемонии открытия 1-й сессии ВСНП 9-го созыва для обсуждения важных государственных вопросов. Это яркий пример того, что ВСНП был собран по поручению народа, чтобы удовлетворить его ожидания в решении вопросов развития Китая [2].

Подводя итоги, можно отметить, что Всекитайское собрание – орган, который избирается народом, и он несет ответственность перед ним. Большая численность депутатов позволяет учитывать мнение всех слоев населения и не оставлять без внимания мнение народа с низким социальным статусом. Все желания и требования народа могут быть реализованы только через ВСНП. Всекитайское собрание – орган всенародного представительства.

1. Всекитайское собрание народных представителей – высший орган государственной власти / сост.: Ван Чуаньминь. – Пекин : Синьсин, 1998.

2. Егоров, К.А. Представительная система Китая: история и современность / К.А. Егоров. – М. : Спарк, 1998. – 240 с.

УДК 34(09)

М.Л. Блищ, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.В. Шабельцев*

УСТАНОВЛЕНИЕ ДОМИНАТА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Приход к власти Диоклетиана подвел черту в политической эволюции императорской власти. Давно обветшавшая система Принципата окончательно ликвидируется в первые годы его правления. Диоклетиан не похож на предшествующих монархов, и его реформы привели к созданию новой формы правления – Доминату. Ключевыми реформами Диоклетиана являются преобразования в государственном управлении, религиозной сфере и экономической системе.

Главой государства, неограниченным повелителем Рима являлся император. Его могущество подчеркивалось обожествлением власти: Диоклетиан первый в Римской империи ввел обычаи, видимо подчеркивавшие власть монарха. Он приказал поклоняться себе, тогда как до него всех императоров просто приветствовали. Он облачался в одежды, украшенные драгоценными камнями, тогда как прежде знаком императорской власти была хламида, а остальное убранство не отличалось от одежды прочих жителей. Диоклетиан являлся главой империи, но при этом в 293 г. ввел тетрархию – назначил Максимилиана своим соправителем (младшим августом), при этом у каждого августа было по цезарю. Тем самым «четыре человека управляли единым всеохватным неделимым наследием» [1, с. 89]. Современники эти события описывали так: «боги дали нам государями Диоклетиана и Максимилиана, присоединив к столь великим мужам Галерия и Констанция» [2, с. 324].

При главе государства в эпоху Домината был создан совещательный орган *Consistorium principis* – Императорский совет, – который был подчинен непосредственно императору, и заседания этого совета чаще всего происходили в присутствии и при непосредственном его руководстве. *Consistorium principis* по инициативе монарха обсуждал все вопросы законодательства, важнейшие гражданские и военные проблемы, судебные дела. Совет не имел законодательной инициативы, и его отличии

тельной чертой являлось то, что членам Совета запрещалось сидеть в присутствии монарха – это резко отличало его от более ранних учреждений подобного типа именованных *consilium*.

Диоклетиан ограничил права Сената: он лишил сенаторов возможности управлять почти всеми провинциями. Единственную важную должность, которую император оставил представителям Сената, был пост префекта города Рима. При этом Диоклетиан стремился низвести Рим с его положения столицы, что содействовало развитию главного города родной для императора Далмации – Спалото (современный хорватский Сплит) [3, с. 143].

Реформа системы органов государственного управления Римской империи стала крупнейшей при Диоклетиане. Им было создано новое административное деление римской державы, в результате чего возник огромный бюрократический аппарат, предназначенный действовать с четкостью хорошо отлаженного механизма для выполнения воли монарха. Вновь созданный государственный аппарат должен был обеспечить императору четкий контроль над столицей и всеми территориями, предупреждать возможные сепаратистские выступления, упорядочить, унифицировать управление империей, дабы по возможности предотвратить народные волнения.

При Диоклетиане был установлен огромный штат чиновников. Была создана новая иерархия чинов и званий, каждой ступени которой соответствовал титул, а каждому титулу и рангу – определенное жалование [4, с. 47]. Всего можно отметить три типа должностей: придворные должности, гражданские должности и военные должности. Диоклетиан старался не допустить так часто проявлявшихся в политической жизни империи в III в. до н. э. рецидивов сепаратизма, сосредоточения слишком большой власти в руках одного лица. Именно поэтому для него было чрезвычайно важным полное отделение гражданской власти от военной. При Диоклетиане было еще два префекта, которые именовались префектами претория. Компетенция префектов претория была очень обширна. Они были прямо подчинены императору и обладали властью над теми, кто занимал военные должности. У каждого префекта имелся общий помощник. Существовали также помощники, носившие наименование *praefectus vigilum* и *praefectus annonae*. На местах же дела вели *curatores* – мелкие чиновники, составлявшие колоссальный штат.

Провинциальными общинами управляли декурионы. В их обязанности входило следить за выполнением общегосударственных повинностей. Диоклетиан освобождал декурионов от военных повинностей, ибо полагал, что основная их задача – несение гражданских повинностей. Еще существовали провинциальные советы, которые создавались на местах и обладали правом петиций к императору.

В последнюю категорию, *dignitates militares*, входили лица, возглавлявшие войска на местах.

Немаловажными при Диоклетиане были реформы в сфере законодательства. При нем была создана новая организация законодательства в империи. Высшим источником законодательной власти является только сам император [4, с. 52].

В издании законов и рескриптов Диоклетиан придерживался классического римского права. Законы издавались в форме *oratio ad senatum*, или адресовались в форме эдиктов. При Диоклетиане было издано около 1 200 указов. Законотворчество Диоклетиана имело определенную идеологическую направленность. Он стремился ограничить проникновение неримских, особенно греческих, правовых концепций в право империи.

Очень серьезные изменения были и в судебной системе. Появилась четкая система апелляций, которые должны были идти императору или его префекту претория. Диоклетиан также даровал правителям некоторых наиболее значимых провинций право рассматривать апелляции.

Особый интерес вызывает религиозная политика Диоклетиана, время правления которого вошло в историю не только рождением политической системы Домината, но и крупнейшим столкновением языческой античности с крепнущим христианством.

Гонения на христиан начались на девятнадцатом году правления Диоклетиана. В феврале 303 г. был издан первый эдикт против христиан и разосланы грамоты, предписывающие разрушить христианские храмы до основания, сжигать их книги, всех христиан лишить государственных должностей, находящихся в услужении лишать свободы, если не откажутся от христианства. От христианства отреклись жена и дочь Диоклетиана [4, с. 97].

Затем последовали еще три эдикта, в которых предписывалось заключать всех христиан в оковы и всеми мерами принуждать к жертвоприношениям римским божествам и императору.

Скоро гонения распространились по всей восточной и центральной части империи. Погиб римский епископ Марцелин. По приводимому Евсеием свидетельству, мученика Фалеаса наибольшие жестокости творились в Фиваиде и Александрии. Сильнейшими были преследования во Фригии, в Понте и Северной Африке.

Несмотря на всю жестокость политики правителей империи, сломить моральное сопротивление христианства все же не удалось.

Политические преобразования Диоклетиана не могли быть успешными без стабилизации экономического положения в империи.

Значительное увеличение численности римской армии, резкое увеличение административно-бюрократического аппарата вызвали колос-

сальный рост денежных расходов государства. Но массовая чеканка неполноценной монеты в период кризиса делала необходимым в первую очередь проведение мероприятий по ликвидации финансового кризиса и восстановлению покупательной способности имперской денежной системы. Первоочередное значение в связи с этим Диоклетиан был вынужден придать регулированию государственных финансов.

Исходя из этого Диоклетиан установил в качестве основных государственных платежей натуральные сборы. Была проведена унификация налогов. Все сельское население империи было равномерно обложено комбинированным подушно-поземельным налогом. Этот налог взимался с единицы, которая могла быть отработана трудом взрослого мужчины и двух женщин. От налогов не были освобождены и представители сенаторского сословия, платившие, кроме поземельного, еще и особый налог деньгами. Городские жители уплачивали раз в пять лет особую подушную подать деньгами. Для организации сбора императорского годового дохода Диоклетиан назначил специальных инспекторов по налогообложению для каждого города.

Каждые пять лет производились подробнейшие переписи населения. Первая перепись состоялась в 289 г.

Особое внимание среди экономических мероприятий Диоклетиана занимает *Edictum de pretiis rerum venalium* – «Эдикт о ценах», изданный в 301 г. Этим эдиктом Диоклетиан пытался, выправив рыночные цены, не только подавить инфляцию, но и строго регламентировать экономическую жизнь империи. Хотя, несмотря на все старания, римская монета так и не стала твердой валютой [4, с. 65].

Таким образом, реформы Диоклетиана носили системный характер и затронули политическую, экономическую, правовую и религиозную сферы жизни Римской империи. Эти реформы окончательно ликвидировали многообразие форм государственного управления эпохи Принципата, создали строгую систему органов власти, а право и суд стали централизованными, превратившись из дела гражданской общины в дело государства.

1. Уильямс, С. Диоклетиан: реставратор Римской империи / С. Уильямс. – СПб. : Евразия, 2014. – 366 с.

2. Вописк, Ф. Кар, Карин и Нумериан // Властители Рима / Ф. Вописк. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 318–325.

3. Момзен, Т. История Рима / Т. Момзен. – СПб. : Наука, 2005. – 558 с.

4. Князький, И. Император Диоклетиан и конец античного мира / И. Князький. – СПб. : Алетейя, 2010. – 142 с.

УДК 342.9

А.Ю. Богданкевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

ИМИДЖ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНИЗАЦИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ

На сегодня имидж должностного лица часто ассоциируется с имиджем организации, работником которой является данное должностное лицо. Это связано с тем, что при осуществлении своих полномочий должностные лица чаще всего принимают решения, которые влекут определенные юридические последствия, и на основании которых у населения складывается тот или иной образ о деятельности определенной организации или подразделения. Некоторые ученые определяют понятие имиджа как определенный феномен массового сознания, который функционирует как образ-представление, в котором в сложном взаимодействии соединяются внешние и внутренние характеристики должностного лица. Любой имидж отличается определенной мерой абстрактности, схематичности и упрощенности в сравнении с его носителем. В формировании имиджа важную роль играют стереотипы и ассоциации, с помощью которых люди наделяют объект восприятия хотя и распространенными, но нередко не отвечающими в некоторых случаях реальными качествами. Имидж динамичен, он оперативно откликается на различные политические, социальные и другие изменения в жизни общества, которые оказывают влияние на восприятие субъектов [1, с. 76]. Имидж имеется у каждого субъекта, в том числе и у должностного лица, и порой их имеется несколько, что обусловлено прежде всего тем фактом, что субъект взаимодействует с различными социальными группами, в каждой из которых складывается определенное впечатление о нем. Главными функциями имиджа являются: экзистенциальная (бытийная представленность должностного лица в сознании других людей), эстетическая (призвана облагородить впечатление, производимое на публику лидером организации), коммуникативная и др. Имидж должностного лица – сложный, многофакторный феномен, его специфика связана с особенностями осуществления должностных обязанностей в области административного управления как видом деятельности, ее местом в жизни людей и характером деятельности должностного лица или организации. Роль эффективного сформировавшегося имиджа должностного лица проявляется как в высоком рейтинге

популярности его носителя, так и в возможностях влияния на формирование общественного мнения. В массовом сознании в определенные периоды существует определенная группа имиджей, которые различаются как содержательно, так и мерой стереотипности входящих в него характеристик.

Многими учеными определена одна из важных ролей при формировании имиджа визуальной информации, в первую очередь внешний вид должностного лица, который отражает определенные характеристики человека, такие как возраст, национальная принадлежность, эмоциональное состояние и ряд индивидуально-психологических свойств личности (тревожность, уверенность и др.) [2, с. 32]. На формирование имиджа также оказывают влияние населения, степень согласованности всех вербальных и невербальных аспектов коммуникации. Эти явления универсально влияют на процесс познания людьми друг друга, формирование имиджа должностного лица.

Существуют три наиболее распространенных мнения по поводу природы имиджа должностного лица. Первое состоит в том, что имидж может быть вообще не связан с реальными характеристиками субъекта, которому он принадлежит. В свою очередь, сторонники данной точки зрения предполагают, что имидж должностного лица формируется на основании каких-либо фактов известных о данном лице или на основании образа, который создан в отношении конкретного должностного лица [3, с. 51]. Второе предполагает, что имидж является определенным отражением сущности личности. Третье признает двойную природу сущности имиджа, т. е. зависимость как от реальных фактов, так и от целенаправленного формирования. Имидж должностного лица – сформированный у населения образ, являющийся результатом непосредственного восприятия, его деятельности в области административного управления и продвижением в результате деятельности в средствах массовой информации [4, с. 72].

Имидж должностного лица является идеальным образованием в виде психического образа-представления. Между тем современная трактовка понятия «имидж» используется, как правило, в контексте формирования, целенаправленного создания и планируемого психологического воздействия на людей и их поведение. Е.Б. Перельгина отметила, что имидж – это создаваемый образ, т. е. образ, возникающий в результате определенной деятельности. Более конкретное определение предлагают В.Г. Зазыкина и Е.Н. Богданова: «имидж – это специально сконструированный психологический образ, создаваемый с определенными целями». Специфика имиджа определяется его целенаправленностью и сконструированностью образа. Данное утверждение подчеркивает А.И. Донцов, который обосновывает мысль о том, что образ объекта возникает

всегда, когда появляется субъект, воспринимающими данный объект, имидж как феномен возникает тогда, когда никто не просто не осознает или кем-то воспринимается, но и ставит перед собой задачу корректировать это восприятие [4, с. 50]. Имидж государственного служащего – это индивидуальный имидж, который является оценочным образом, складывающимся из определенных параметров: результативность и эффективность работы, профессионализм и добросовестность, должностное поведение, культурный уровень, коммуникативные качества, а также субъективные оценки деятельности должностного лица со стороны населения и институтов гражданского общества. Однако стоит заметить, что образ государственного служащего зависит не только от его персональных качеств, результатов трудовой деятельности, но и от организации, в которой он работает и от других чиновников, в сотрудничестве с которыми он достигает поставленных целей и задач. Как правило, высококвалифицированные, компетентные и обладающие хорошим набором личностных характеристик государственные служащие попадают под критику со стороны общества из-за того, что граждане не были удовлетворены результатами обращения в государственный орган, где работает данное должностное лицо. Такое может произойти, если должностное лицо не справилось со своей работой из-за нехватки профессионализма и компетентности. В этой связи при выявлении факторов, влияющих на формирование имиджа государственного служащего, также целесообразно рассматривать имидж государственного органа в целом, так как среда, в которой можно оценить результаты деятельности государственного служащего, неразрывно связана с его имиджем [5, с. 38].

Важным условием для формирования позитивного имиджа человека или организации является наличие знания о его деятельности у заинтересованных лиц, т. е. с тем, чтобы у населения конкретное должностное лицо или конкретный орган государственного управления воспринимался позитивно, необходимо, чтобы население понимало предмет деятельности и осознавало, что полномочия исполняются эффективно. Восприятие руководителя по открытым для наблюдения характеристикам, таким как внешность, социально-демографическая принадлежность, вербальное и невербальное поведение, а также контент, в котором он действует, позволяет определить и сам имидж руководителя, который состоит из мотивов, намерений, установок и ценностных ориентаций. Стоит отметить что, те организации, которым удается установить хорошие связи с общественностью, имеют не только широкую известность, но и прочную репутацию. Именно поэтому взаимодействие со СМИ – один из самых эффективных способов повышения имиджа организации [6, л. 81].

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно понимания имиджа должностного лица и проблем его формирования.

1. Имидж должностного лица – сложный, многофакторный феномен, его специфика в первую очередь связана с особенностями осуществления должностных обязанностей в области административного управления как видом деятельности, ее местом в жизни людей и характером деятельности должностного лица или организации. Он является оценочным образом, складывающимся из таких параметров, как результативность и эффективность работы, профессионализм, служебное поведение, культурный уровень, коммуникативные качества, а также субъективные оценки деятельности должностного лица со стороны населения и институтов гражданского общества.

2. Современная трактовка понятия «имидж» используется, как правило, в контексте формирования, целенаправленного создания и планируемого психологического воздействия на людей и их поведение. При формировании имиджа важную роль играют средства массовой информации, так как именно они непосредственно взаимодействуют с населением и оказывают значительное влияние на проектирование позитивного имиджа должностного лица.

3. Важность формирования позитивного имиджа должностного лица государственного лица продиктована отождествлением большей части населения имиджа должностного лица с имиджем конкретной организации, в том числе на основании решений, влекущих юридические последствия для лиц, не подчиненных ему. В этой связи актуальной проблемой, требующей разрешения на теоретико-прикладном уровне, является нормативно-правовое разграничение имиджа организации и должностного лица.

1. Абульханова-Славская, К.А. Деятельность и психология личности / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Наука, 1980. – 335 с.

2. Перельгина, Е.Б. Психология имиджа / Е.Б. Перельгина. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 223 с.

3. Смирнов, С.Д. Психология образа: проблемы активности психического отражения / С.Д. Смирнов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – 231 с.

4. Журавлев, Д.В. Имидж как специфическое единство типичных признаков, управляющих индивидуальным, групповым и массовым сознанием / Д.В. Журавлев // PR в образовании. – 2004. – № 2. – С. 46–57.

5. Райков, А.Н. Имидж как инструмент управления / А.Н. Райков // Информ. и бизнес. – 2002. – № 2. – С. 37–41.

6. Сухина, О.Ю. Имидж организации как способ воздействия на социальное поведение : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.08 / О.Ю. Сухина ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2003. – 143 л.

НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ ДОГОВОР И ЕГО ВИДЫ

Одним из источников права, регулирующим отношения между различными субъектами права, в которых, как правило, одной из сторон выступает государство или его часть, является нормативный договор. Понятие нормативного правового договора не является новым для юридической науки. Однако предметом пристального внимания оно стало сравнительно недавно. Обусловлено это значительным расширением сферы применения нормативного правового договора. Несмотря на очевидную актуальность и практическую значимость данного направления научных исследований, проблема места и роли нормативного правового договора в системе источников права до настоящего времени разрабатывалась недостаточно. Как известно, значительное количество государств вступает во взаимодействие. Существует огромный массив правил, закрепленных в договорах с нормативным содержанием, которые регулируют их отношения. В этой связи целью исследования является получение достоверных знаний о том, какое значение имеет нормативный договор в системе источников права Республики Беларусь и насколько положения рассматриваемого источника права являются обязательными для исполнения соответствующими субъектами права.

История международного права тесно связана с развитием взаимоотношений между первыми центрами человеческих цивилизаций, к которым в древности относились районы Древнего Китая, Древней Индии, Греции и Рима. Государства, которые базировались в этих центрах, так или иначе поддерживали отношения между собой, что в конечном итоге привело к созданию прообраза международно-правового регулирования.

Нормы, регулировавшие отношения между этими государствами, носили двусторонний характер, однако наряду с ними существовали и нормы регионального характера. Несмотря на то что эти нормы возникли, как уже отмечалось, в глубокой древности и претерпели значительные изменения, они вошли в современное международное право (например, нормы, относящиеся к дипломатическому праву и праву международных договоров). Безусловно, нормы содержали сходные признаки относительно современных международно-правовых положений, что позволяет описать изучаемое правовое явление в его генезисе [1, с. 6].

Каким образом произошло так, что договоры, заключаемые между государствами, стали именоваться нормативными? Нормативность, как обязательный признак правовых норм, заключается в трех аспектах: общеобязательности, распространении действия нормы на персонально неопределенный круг лиц, неоднократного применения. Таким образом, возникает связь договора, т. е. соглашения между двумя или несколькими субъектами, и права как такового. Австрийский ученый-юрист Ганс Кельзен – основоположник нормативистской теории происхождения права – указывал, что право как правопорядок отличается от всех других социальных порядков наличием принуждения, и сделал вывод, что право есть принудительный правопорядок. Отсюда следует вывод, что для упрочнения соглашения по различным вопросам государственной деятельности в праве международных договоров возникает так называемая нормативность.

Нормативный правовой договор представляет собой весьма значимую разновидность договорных актов, существующих в рамках международного и национального права. Основное отличие договора нормативного содержания от всех остальных договоров состоит в том, что он содержит в себе норму права – правило общего характера, обязательную для исполнения неопределенным кругом лиц.

Нормативный договор – это двустороннее или многостороннее соглашение между различными субъектами права, в котором содержатся нормы права [2, с. 254]. Такую разновидность договора нужно отграничивать прежде всего от индивидуального юридического акта (например, договора купли-продажи в гражданском праве), который устанавливает не нормы права, а конкретные юридические права и обязанности субъектов права.

Исходя из приведенного выше понятия нормативного договора следует выделить его основные признаки. Итак, договор с нормативным содержанием имеет следующие признаки: обладает согласительным характером (нормативный договор – это прежде всего соглашение сторон); имеет добровольный характер (безусловно, что для заключения нормативного договора необходимо свободное волеизъявление сторон); имеет взаимно обязательный характер (реализация договора обеспечивается в законодательном порядке); порождает правовые нормы и предписания, правила общеобязательного характера; может содержать в себе, помимо норм права, принципы права; не принимается каким-либо правотворческим органом, а является содержащим правовые нормы соглашением договаривающихся сторон; выражает общий, взаимный интерес сторон.

Существует множество разновидностей нормативного правового договора. Однако для того чтобы понять его сущность и природу, следует рассмотреть особую разновидность – международный договор. В настоящее время, безусловно, международный договор является наиболее распространенным и значимым нормативным актом, позволяющим ответить на основной вопрос: «Какое влияние оказывает нормативный договор на деятельность государств-участников его заключения?».

В соответствии со ст. 8 Конституции Республики Беларусь Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. В нашей системе действующих нормативных правовых актов создан закон, регулирующий отношения, возникающие по поводу использования документа международного характера в деятельности Республики Беларусь. Согласно ст. 1 Закона «О международных договорах Республики Беларусь» международный договор Республики Беларусь – международный договор (межгосударственный, межправительственный или международный договор межведомственного характера), заключенный в письменной форме Республикой Беларусь с иностранным государством (иностранными государствами), с международной организацией (международными организациями), иным субъектом (иными субъектами), обладающим (обладающими) правом заключать международные договоры, который регулируется международным правом независимо от того, содержится он в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования и способа заключения (договор, соглашение, конвенция, решение, пакт, протокол, обмен письмами или нотами и другие наименования и способы заключения международного договора).

Согласие Республики Беларусь на обязательность для нее международного договора может быть выражено подписанием международного договора, ратификацией международного договора, утверждением (принятием) международного договора, присоединением к международному договору либо иными другими способами, предусмотренными международным договором. Решение о согласии на обязательность для Республики Беларусь межгосударственных и межправительственных договоров принимаются Президентом Республики Беларусь, Национальным собранием Республики Беларусь или Советом Министров Республики Беларусь [3].

Несмотря на общетеоретическую составляющую о том, что главной особенностью нормативного договора является наличие нормы права – правила общеобязательного характера, необходима и определенная внутригосударственная процедура, позволяющая закрепить установленные между государствами соглашения.

Таким образом, договоры с нормативным содержанием, в частности, международные договоры, играют ключевую роль в деятельности Республики Беларусь по тем или иным вопросам. Основными признаками нормативного договора являются следующие: добровольный, согласительный характер заключения, обязательность исполнения принятых правил, общий, взаимный интерес сторон, наличие как норм права, так и принципов права. Содержание нормы права в нормативном договоре позволяет говорить нам об общеобязательности исполнения принятых положений. Необходимо также иметь в виду, что государства, заключая международный договор и желая закрепить установленные нормы на уровне обязательности исполнения, проходят определенную законодательством процедуру, т. е. фактически без реализации этой процедуры невозможно говорить о том, что закрепленные положения будут обязательно исполнены.

1. Гурин, А.В. История международного публичного права : пособие / А.В. Гурин. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – 76 с.

2. Вишневицкий, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневицкий, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – 3-е изд. – Минск : Академия МВД, 2017. – 478 с.

3. О международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-3 : с изм. и доп. от 8 янв. 2014 г. № 124-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 34(09)

Г.С. Горегляд, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Вениосов*

АНТИГУМАННОСТЬ РАСОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ 20–40-х гг. XX в.

В начале XX в. в Германии очень широко были распространены статьи и брошюры с изложением расовой теории, которые перевозносили германскую и всячески унижали семитскую расу – евреев.

Итоги Первой мировой войны усилили расистские настроения. После четырех лет войны Германия капитулировала. Немцы не ожидали поражения, так как были уверены в непобедимости своей армии. Выводы немцев заключались в том, что не внешние силы победили Гер-

манию, а внутреннее предательство со стороны левых – коммунистов и евреев. По стране прокатилась волна яркого антисемитизма.

24 февраля 1920 г. на собрании немецкой рабочей партии (ДАП) (здесь же она была переименована в национал-социалистическую немецкую рабочую партию – НСДАП) была оглашена программа «25 пунктов». Четвертый пункт этой программы гласил: «Гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к немецкой нации, в чьих жилах течет немецкая кровь. Таким образом, ни один еврей не может быть отнесен к немецкой нации, а также являться гражданином Германии» [1, с. 636].

Сразу после прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. началось организованное и систематическое преследование евреев. Антигуманность и противоправная практика разделялись на несколько периодов.

Первый период – 1933–1935 гг. – экономический бойкот и социальная изоляция. Началось постепенное вытеснение евреев из сфер общественной жизни на основании различных постановлений и законов.

1 апреля 1933 г. был предпринят организованный партийной верхушкой первый открытый бойкот евреев, касавшийся торговых предприятий, школ, университетов, врачей и адвокатов.

7 апреля 1933 г. был издан Закон «О восстановлении профессионального чиновничества». Согласно ему ограничивались права евреев на занятие ряда должностей, а также на получение образования. Но пока этот закон не распространялся на немецких евреев – участников Первой мировой войны. На основании этого закона были исключены со службы адвокаты еврейского происхождения. Нацистские власти принимали меры к отстранению евреев от культурной жизни, им запрещалось заниматься делами печати и радио [2, с. 138].

Эмиграция евреев из Третьего рейха достигла к 1935 г. 71 000 человек.

Второй период – 1935–1938 гг. Издание Нюрнбергских законов, исключение евреев со службы. При этом были ликвидированы послабления, касавшиеся евреев, бывших фронтовиков. В представлении гитлеровцев евреи и вовсе должны были исчезнуть из общественной жизни.

15 сентября 1935 г. на VII съезде НСДАП в Нюрнберге провозглашены по инициативе А. Гитлера два отдельных расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта, известные под общим названием «Нюрнбергские расовые законы» – «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести». Эти законы были единогласно приняты сессией Рейхстага, специально созванной в Нюрнберге по случаю съезда партии. Они представляли собой суть нацистского режима и были предназначены для сохранения «чистоты» арийской крови.

«Закон о гражданине Рейха» разделил население Германии, с одной стороны, на граждан, «принадлежащих к немецкой или родственной крови», а с другой – на подданных государства, «принадлежащих к расово чуждым элементам». Закон также ввел различие между гражданином и подданным государства. Подданный государства подлежит защите Германской империи и «особо обязан» ей. Полные политические права имеет только гражданин Рейха. Он должен быть подданным государства «немецкой или родственной крови» и доказывать своим поведением, что «хочет верно служить немецкому народу и Рейху и подходит для этого» [3].

В Нюрнбергских законах не определялось понятие «еврей», постановлением от 14 ноября 1935 г. была принята поправка к «Закону о гражданине Рейха», которая устанавливала, что евреем считается тот, у кого трое из родителей его родителей были чистокровными евреями; евреем считается также человек, родившийся в смешанном браке, подданный государства, происходящий от двух чистокровных евреев, – родители его родителей, если он: в момент издания закона принадлежит к иудейской общине или был принят в нее позднее; в момент издания закона состоял в браке с евреем; происходит из смешанной семьи, зарегистрированной после того, как был принят «Закон о защите германской крови и германской чести»; является внебрачным ребенком, у которого один родитель еврей.

В тесной связи с «Законом о гражданине Рейха» стоит «Закон о защите германской крови и германской чести», запрещавший браки евреев с «лицами германской крови» и предусматривавший наказание за внебрачные половые связи между ними. Такие отношения именовались «расовыми загрязнениями».

Вводились опознавательные знаки для ношения на одежде и дополнительные имена Сара и Израиль, которые евреи обязаны были присоединять к своим прежним именам и фамилиям. Кроме того, лица еврейской национальности обязывались постоянно иметь при себе удостоверение личности, на котором ставилась большая буква J (Jude) [2, с. 140].

После принятия Нюрнбергских законов наступил период относительного затишья, которое объяснялось тем, что в 1936 г. в Германии должны были состояться зимние и летние Олимпийские игры. Но это был лишь тактический ход. Главным же было то, что Гитлер и вся его нацистская верхушка не прекращали своей деятельности по принятию антиеврейских правовых актов. На основании Закона о гражданстве было издано 13 постановлений, направленных на ограничение и лишение еврейского населения гражданских прав, например:

14 июня 1938 г. – об обозначении еврейских торговых предприятий специальными знаками;

25 сентября 1938 г. – о запрещении евреям врачебной практики;

27 сентября 1938 г. – о запрещении адвокатской деятельности и др. [2, с. 140].

К 1938 г. эмиграция евреев из Третьего рейха достигла около 300 000 человек. Вытеснение евреев из Германии сопровождалось их разорением и осуществлялось бесчеловечными методами.

Третий период – 1938–1941 гг. Систематическое ограничение прав на «законной» основе. Ноябрьский погром 1938 г. «Хрустальная ночь». Депортация евреев в Польшу.

7 ноября 1938 г. был убит дипломат немецкого посольства в Париже Эрнст фон Рат польским евреем Гриншпаном, жившим в Париже.

Рат был известен своими антинацистскими настроениями и находился под негласным надзором гестапо. Нацисты рассчитывали с помощью Гриншпана убрать неугодного дипломата и одновременно создать повод для кровавого побоища. Существует подробная письменная инструкция Мюллера – начальника тайной государственной полиции (гестапо), как проводить погром, что и как грабить и жечь.

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по Германии прокатилась волна погромов. Была сожжена 101 синагога и 75 разрушены, разгромлены предприятия и разбиты витрины еврейских магазинов (улицы Берлина и других городов были буквально устланы ковром из осколков разбитых еврейских магазинов – отсюда название «Хрустальная ночь»), разгромлены квартиры, разграблены еврейские жилища. Приблизительно 100 евреев были убиты, тысячи ранены. Около 30 000 евреев были арестованы и отправлены в лагерь [4, с. 200].

Четвертый период – 1941–1945 гг.

После начала Второй мировой войны антиеврейская политика Гитлера переросла в полноценный план по «окончательному решению еврейского вопроса». Нацисты организовали в оккупированной Польше гетто, куда были депортированы польские и западноевропейские евреи, которые жили там в нечеловеческих условиях.

После нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 г. СС и оперативные карательные отряды (айнзатцгруппы) начали уничтожать целые еврейские общины. В Беларуси было создано нацистами свыше 110 гетто. Наряду с продолжавшимися расстрелами осенью 1941 г. СС и полиция стали использовать газенвагены: герметичные грузовики, выхлопные газы которых направлены внутрь кузова, так что все, кто находился внутри, погибали. В декабре 1941 г. начинает работу первый нацистский лагерь смерти Хелмно.

На территории Польши нацисты создают еще пять подобных лагерей: Собибор, Белжец, Трешлинка, Освенцим и Майданек. В Беларуси было более 260 лагерей смерти. В Минске и его окрестностях находилось пять таких лагерей. Один из них – Трешенец – стоял на четвертом месте после Освенцима, Майданека и Трешлинки по количеству уничтоженных – 206 500 человек.

Важным этапом в «промышленном уничтожении «неарийцев» явилась конференция в Ванзее – пригород Берлина, которая проходила 20 января 1942 г. с участием СС. На Ванзенской конференции обсуждали и координировали меры по приведению в исполнение плана «окончательного решения еврейского вопроса» – тотальному уничтожению евреев. Во время Холокоста погибли 6 млн евреев – мужчин, женщин и детей, т. е. две трети всех евреев, живших в Европе перед Второй мировой войной.

Внутренняя и военная политика фашистского государства получила справедливую оценку. Многочисленные преступления нацистов подверглись осуждению.

Представитель обвинения от США У. Уолш на заседании Международного военного трибунала от 13 и 14 декабря 1945 г. сказал следующее: «В заключение я хочу представить документ, доказывающий, что 4 млн евреев было уничтожено в различных концлагерях и 2 млн умерщвлено полицией на Востоке, что составляет 6 млн уничтоженных евреев. Документ ПС-2738, США-296» [1, с. 653].

Много времени нас отделяет от окончания Второй мировой войны. Наша молодежь мало знает о страшных событиях того периода. Различные фашистские группировки организуются и сегодня. В последние три года число случаев публичной демонстрации нацистской символики в стране увеличилось в 15 раз, а с 2015 г. число фактов распространения экстремистской продукции выросло в 30 раз, поэтому МВД Республики Беларусь инициировало внесение изменений и дополнений в законодательство, в соответствии с которыми предлагается установить уголовную ответственность за умышленную пропаганду нацизма.

1. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. Т. 5. – М. : Юрид. лит., 1991. – 672 с.

2. Алексеев, Н.С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества / Н.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1986. – 400 с.

3. Нюрнбергские расовые законы [Электронный ресурс] / Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 07.12.2018.

4. Мельников, Д.Е., Черная, Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945 / Д.Е. Мельников, Л.Б. Черная. – М. : Политиздат, 1987. – 414 с.

А.И. Гугучкин, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

РАЗВИТИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В БССР В 20-х гг.

Период становления Советского государства играет важную роль в нашей истории формирования белорусской национальной государственности. Важным и интересным этапом данного периода является новая экономическая политика, проводимая в 20-х гг., разрешающая в определенной степени частную собственность и некоторое отступление к капиталистическим отношениям для благоприятного построения социализма. Именно это противоречивое взаимодействие, позволившее восстановить Россию и земли, которые ранее принадлежали России в дореволюционный период, в том числе и белорусские, после Первой мировой войны, Гражданской войны и иностранной интервенции, рассмотрим и проанализируем.

Так, период интересен сочетанием подходов к собственности. В настоящее время такую модель экономики характеризуют как смешанную, наиболее сбалансированную и эффективную.

Для полноценного осознания и восприятия периода НЭП, причин его появления и отступления от него необходимо рассмотреть период «военного коммунизма» и формирования СССР (1917–1921), а также годы реставрации социализма, коллективизации и индустриализации (1929–1936).

Первыми декретами после Октябрьской социалистической революции были «Декрет о мире» и «Декрет о земле». Первый представлял собой скорее призыв к мирному соглашению с Германией без аннексий и контрибуций. Второй – уже более содержательный нормативный акт, в своем начале перераспределявший бывшую землю помещиков между крестьянством. Следующим важным документом можно считать дополнение к «Декрету о земле», дополнению «о социализации земли» [1], что означало переход земли из частной собственности в общенародную.

Советской властью были приняты меры к постепенной национализации экономики. Первым шагом было установление рабочего контроля на предприятиях, заводах и фабриках. Контроль осуществлялся за соблюдением достойных условий труда рабочих, выплаты им заработной платы, но фактически связывал руки собственникам предприятий и на-

вызывал им условия рабочих. Бизнес, не выполнявший условия, подлежал национализации.

После национализации отдельных предприятий Советская власть перешла к национализации стратегических отраслей промышленности весной 1918 г. (спички, свечи, рис, кофе, сахар, нефть, золото, платина и т. д.). Полная национализация всей промышленности (за редким исключением) завершилась уже в июне 1918 г. Важная веха – национализация внешней торговли, а также национализация зернохранилищ и установление монополии на торговлю хлебом. Происходила национализация водного транспорта и железнодорожной инфраструктуры, банковского сектора, его пассивов и активов. Еще одним важным шагом было аннулирование ценных бумаг, отмена выплаты по ним дивидендов либо их регистрация в государственном фонде с переходом в собственность государства. Осуществлялась национализация церковного имущества и других религиозных организаций. Было национализировано жилье, торговые сети, лавки и точки розничной торговли.

Необходимость в НЭПе возникала в силу экономической разрухи и социальной напряженности, неспособности политики «военного коммунизма» к решению насущных проблем. Основные цели реформы заключались в снятии социальной напряженности среди крестьянства и преодолении экономического кризиса, восстановлении внешних политических связей и снятии международной изоляции. Новые условия мирного социалистического строительства потребовали перестройки системы управления и планирования народного хозяйства. «Доделывать, переделывать, начинать с начала придется нам еще не раз. Каждая ступень, что нам удастся вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы» [2, с. 151]. Первым шагом, положившим начало НЭП, было замена натуральным продналогом продразверстки [3, с. 245–247], возвратив желание крестьянам развивать свое хозяйство.

Возникла потребность в новых институтах гражданского права, соответствующим НЭП. В связи с чем был разработан новый Гражданский кодекс, Гражданский Кодекс РСФСР 1922 г. (ГК). Цели создания ГК соответствовали целям НЭП [4].

В Основном положении, первом разделе, ст. 4 ГК устанавливались равные гражданские права всем гражданам РСФСР независимо от их пола, расы, национальности, вероисповедания и происхождения; в ст. 6 ГК утверждалось, что никто не может быть лишен гражданских прав или ограничен в правах иначе, как в случаях, установленных законом; в ст. 14–19 ГК устанавливались существенные ограничения сво-

боды предпринимательской деятельности и частной инициативы, чаще в тех случаях, когда последние действовали в ущерб государству; в ст. 20–25 ГК ограничивались объем и размер права частной собственности; в ст. 13 ГК субъектами гражданских правоотношений признавались не только физические, но и юридические лица.

К особенностям вещного права, которое было регламентировано во втором разделе ГК РСФСР 1922 г., можно отнести следующее:

1. Не было дано определение понятию «вещное право».
2. Признавались три вида прав на вещи: право собственности, право застройки, право залога.
3. Центральным институтом вещного права называлось право собственности.
4. Создавался режим наибольшего благоприятствования государственной собственности (исключительной собственности на отдельные категории имущества).
5. Выделялась кооперативная собственность, которая, однако, четко не регламентировалась.
6. Уделялось достаточное внимание праву частной собственности (допускалось имение личных вещей и предметов обихода, орудий труда и иных вещей, необходимых для ремесла либо сельского хозяйства).
7. Регулировалось залоговое право (вводилось в кодекс в целях контроля государства над крупными сделками; из залога покрывались недоимки по государственным налогам; из залога оплачивались задолженности по зарплате рабочим и служащим);

В ст. 52 ГК закладывал основные направления развития народного хозяйства и экономики в целом, закреплял разграничение собственности на государственную, кооперативную и частную; в ст. 54 закреплялась денационализация малых и кустарных торговых и промышленных предприятий, появилась возможность их держания. «При помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете» [2, с. 224] – так сформулировал Ленин важнейший принцип хозяйствования. Самым главным введением было возвращение свободой торговли для крестьянства. Изначально разрешение свободной торговли предполагало расширение централизованного товарообмена, однако в итоге вышла обычная купля-продажа по законам рынка.

Рыночные реформы способствовали восстановлению хозяйства до довоенного уровня 1913 г. уже в 1925 г., однако они также способствовали возрождению буржуазии, победа над которой считалась одним из достижений Октябрьской революции.

Широкие изменения были внесены в промышленность: отменялись главки и вместо них однородные либо взаимосвязанные предприятия объединялись в тресты, получавших широкую финансовую и хозяйственную независимость. Такие предприятия снимались с государственного снабжения (государство за долги трестов не отвечало) и сами распоряжались, что им производить и как свою продукцию реализовывать. Предприятия перешли на хозяйственный расчет. Это означало, что после внесения определенной суммы в казну государства предприятие было вольно распоряжаться широким спектром вышеуказанных прав. Такая политика основывалась на рыночных началах, орган ВСНХ становился больше координационно-совещательным, нежели распорядительным. На началах кооперации стали возникать синдикаты, берущие на себя внешнеторговые операции, обеспечение и снабжение трестов.

Несмотря на полное восстановление хозяйства до довоенного уровня 1913 г. и трехкратного роста промышленного производства в сравнении с 1921 г., дальнейшее развитие сельского хозяйства, а следовательно, и промышленности, было затруднено низким уровнем агротехники мелких хозяйств, а также главенством кулака и большим количеством бедняков в сельском хозяйстве. Стагнация развития сельского хозяйства с 1927 по 1929 г. потребовала радикальных решений со стороны Советского правительства.

Коллективизация началась в декабре 1929 г. Причиной послужило отставание роста товарности сельского хозяйства по отношению к росту населения страны и его потребности к товарам промышленности. Первоочередной целью этой политики была коллективизация мелких и средних хозяйств в колхозы и совхозы и борьбе с кулачеством. Требовалось концентрировать мелкие хозяйства для объединения их усилий, механизация этих хозяйств и повышения вклада в экономику.

Индустриализация началась с мая 1929 г. Целью служило сокращение отставания от капиталистических стран и превращения СССР из страны аграрной в страну индустриальную. Было критически необходимо повысить обороноспособность страны, что, конечно, невозможно без мощной тяжелой промышленности.

Свертывание НЭПа началось в 1927 г. Поводом послужил срыв поставок хлебазаготовок согласно плану. Были ликвидированы синдикаты, постепенно национализировались предприятия, а мелкие хозяйства преобразовывались в колхозы и совхозы. Отменена частная собственность, запрещена свободная торговля, а также были отменены либо национализированы государствами институты НЭПа.

В качестве подведения итогов можно отметить инновационную суть НЭП. НЭП полностью достигла намеченных целей, довоенные эконо-

мические показатели в 1913 г. были превышены в два раза в 1926 г. Однако последующий потенциал для роста в условиях НЭП был низким. Основная проблема заключалась в отсутствии дальнейших инвестиций в экономику, что крайне необходимо в условиях рынка. СССР не мог себе позволить долгосрочные инвестиционные проекты, а иностранные государства инвестиций в СССР не желали из-за риска новой национализации. Применение НЭП в СССР можно назвать первым эпизодом применения социалистической рыночной экономики с лидирующей ролью государства в системе, но при этом без всеобъемлющей власти в экономической сфере. Подобная система активно используется в современных государствах. Явным примером можно привести Китайскую Народную Республику. НЭП и ее подход к имуществу – важный вклад в практику мировой экономики и права.

1. Основной закон о социализации земли от 27.01.18 г. // Декреты Советской власти. – Т. 1. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – С. 407–419.

2. Ленин, В.И. Сочинения. – Изд. 5. – Т. 44. – М.: Изд-во полит. лит., 1970.

3. Декрет ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21.03.21 г. // Известия. – 1921. – № 62, 23 марта. – С. 245–247.

4. Авраменко, О.А. Гражданское право РСФСР в период НЭПа: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.А. Авраменко; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2005. – 32 с.

УДК 34(09)

Н.В. Евсеенко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ МИЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В октябре 1917 г. в результате вооруженного восстания рабочих, крестьян, солдат и матросов в России победила социалистическая революция. Молодой Советской стране необходимо было закрепить ее завоевание, защитить республику от иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. Для выполнения этой задачи по предложению В.И. Ленина был образован Народный Комиссариат внутренних дел (НКВД). После победы социалистической революции Советская власть

сравнительно быстро сумела подавить саботаж буржуазии и чиновников. Однако сопротивление старых господствующих классов на этом не закончилось. «Мы снова попали в войну, – писал В.И. Ленин, – мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас, – теперь уже против нас англо-французский империализм» [1, с. 18].

В годы иностранной интервенции деятельность советской милиции, как и других государственных органов, была подчинена общей задаче разгрома внутренних и внешних врагов. Помимо основной ее деятельности по охране общественного порядка и борьбы с преступностью милиция участвовала в вооруженной борьбе с иностранными интервентами. В частности, под ее охрану были переданы пути сообщения и стратегические объекты. Оказание помощи органам в мероприятиях «военного коммунизма», направленных на мобилизацию и рациональное использование материальных и трудовых ресурсов страны. Для защиты личной безопасности и ограждения прав граждан и для реальной поддержки Советской власти на местах организуется Советская рабоче-крестьянская милиция. Она же следит за неуклонным осуществлением и проведением в жизнь декретов и постановлений как центральной, так и местной Советской власти.

Однако в милиции не все работники были честными и добросовестными. В августе 1918 г. был опубликован приказ Западной области, в которую перечислялась категория лиц, подлежащих увольнению из ее рядов. К этой категории прежде всего относились враждебно или нейтрально настроенные к Советской власти люди. Милиция Западной области строилась в соответствии с Инструкцией НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции» [1, с. 20]. После провозглашения БССР в Минске состоялся первый съезд начальников уездных милиций Минской губернии. Съезд предложил всем начальникам уездных милиций и ответственным ее работникам взять на себя инициативу организации при управлении уездных милиций коммунистических групп. В целях устранения кумовства в милиции съезд запретил милиционерам находиться на службе в той местности, где они родились и жили. Съезд признал необходимым учредить конные резервы на уездные и районные управления. Решено было также обратиться с ходатайством в Комиссариат внутренних дел о немедленном снабжении милиционеров форменной одеждой и оружием. Для поддержания порядка и укрепления работы обороны в прифронтовых районах Витебской и Гомельской губерний создать революционные комитеты, которым были подчинены органы милиции.

Летом 1920 г. большое значение в деле становления и укрепления органов милиции Беларуси имели соответствующие постановления СНК РСФСР. Остальные нормативные акты, определявшие место милиции в государственном механизме, ее организационную структуру, разрабатывались и принимались при участии В.И. Ленина – Декрет СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О советской рабоче-крестьянской милиции» [1, с. 25]. Согласно декрету при приближении фронта милиция в полном составе привлекалась к участию в боевых действиях совместно с красноармейцами. Законом предусматривалось улучшение боевого обеспечения милиции. Обязательное обучение личного состава военному делу, на нее распространялось действие уставов Красной Армии. Однако практическая реализация принятого документа была сопряжена с трудностями военного времени, а также с тем, что по существу еще не была создана общая (территориальная) штатная милиция. Так, 23 апреля 1919 г. был принят Декрет ВЦИК «О речной советской рабоче-крестьянской милиции». В ее обязанности были вменены поддержание порядка и обеспечение безопасности граждан на водных путях сообщения, охрана водных путей и судов, продовольственных грузов и сооружений – пристаней, набережных, складов, ссыпок, элеваторов [1, с. 26].

Для определения функций железнодорожной милиции ВЦИК утвердил положение «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции», согласно которому железнодорожная милиция выполняла обязанности и пользовалась правами общей милиции. Вместе с тем на нее возложены борьба с кражами и другими преступлениями на станциях и в пути, хищениями железнодорожного имущества, продовольствия, со спекуляцией на железных дорогах; охрана порядка при скоплении публики на вокзалах; оказание помощи при крушениях и продолжительных остановках поездов. Правовые положения советской милиции РСФСР на практике были творчески использованы в Беларуси и других национальных республиках. Местные органы республики придерживались мнения, что законы Советской России обязательны и для Беларуси. Таким образом, принимая те или иные правовые акты, они прямо ссылались на соответствующие законодательные положения РСФСР как первоисточник. Для борьбы с бандитизмом создавались мобильные конные отряды милиции, на всех железнодорожных станциях сотрудниками милиции и чекистами были налажены учет перевозок, пассажирских поездов и проверка документов. Все расходы по содержанию милиции относились за счет государства. Составной частью аппарата рабоче-крестьянской милиции являлся уголовный розыск. В ноябре 1920 г. уголовно-розыскные отделения были в 18 уездах республики. К декабрю 1920 г. уголовно-розыскные отделения были восстановлены

в Минском, Борисовском, Бобруйском, Игуменском, Слуцком и Мозырском уездах. Для подготовки и инструктирования специалистов на места были посланы сотрудники центрального аппарата. Однако борьба с уголовными преступлениями и прежде всего с бандитизмом во многих случаях была малоэффективной из-за слабого вооружения, снаряжения и обмундирования милиции. Жизнь каждого работника милиции подвергалась риску и опасности. Большую общественную опасность в годы интервенции и Гражданской войны представляла спекуляция. Своими преступными действиями спекулянты вносили дезорганизацию в обеспечение населения продовольственными товарами, способствовали хищениям государственного имущества и тем самым наносили ущерб экономической основе Советского государства.

Милиция оказывала значительную помощь в осуществлении продовольственной разверстки. Она производила строгое наблюдение за исполнением всеми гражданами установленной в стране государственной хлебной монополии, оказывала необходимое содействие продовольственным органам. Большое экономическое и военно-политическое значение имела деятельность милиции по обеспечению мероприятий Советской власти и военных организаций подводами для перевозки красноармейцев, заготовки продовольствия, топлива. Неслучайно сотрудники милиции в обязательном порядке входили в состав создаваемых при ревкомах комиссий по заготовке топлива. Особую опасность представляли банды дезертиров из воинских частей. В этих бандах, как правило, объединялись наиболее отсталые в политическом отношении люди. Они занимались грабежами и террором населения. Для борьбы с дезертирами были созданы центральная, а также губернские и уездные комиссии. Большую помощь комиссиям оказывала милиция. Вторжение немецких империалистов в феврале 1919 г. прервало социалистическое строительство на большей части территории Беларуси. Однако в оккупированных местностях создавались партизанские отряды, многие из которых возглавляли сотрудники милиции, проявлявшие мужество и героизм в жестокой борьбе с внутренней контрреволюцией. Милиция с честью выполняла возложенные на нее обязанности. В боях с интервентами работники милиции показывали примеры мужества, стойкости и верного служения Родине, честного выполнения своего служебного долга [2].

Таким образом, в годы иностранной интервенции и Гражданской войны работники милиции Беларуси принимали участие в осуществлении политики военного коммунизма, активно участвовали в войне с уголовной преступностью, дезертирством. Борясь со спекуляцией, самоговарением, они способствовали установлению и упрочению Советской власти.

1. Вишневский, А.Ф. Милиция Советской Белоруссии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский ; М-во внутр. дел СССР, Мин. высш. шк. – Минск : Мин. высш. шк. МВД СССР, 1981. – 47 с.

2. Вишневский, А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси, 1917–1940 гг. : Исторически-правовые аспекты / А.Ф. Вишневский ; [науч. ред. В.М. Фомин]. – Минск : Тесей, 2000. – 222 с.

УДК 342.9

Г.В. Жмаев, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

ЦЕЛИ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» И СПОСОБЫ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

Определение целей – один из наиболее важных этапов в деятельности организации, в том числе такой большой, какой представляет собой государство. От того, насколько правильно выбрана цель развития, насколько четко она сформулирована, зависит успех деятельности, реализации конкретных государственных программ, планов социально-экономического развития и других стратегически важных решений для жизнедеятельности общества и государства. Неправильное и (или) нечеткое формулирование цели приводит к тому, что система управления работает недостаточно эффективно.

Постановка цели – это результат выявления долгосрочных внутренних возможностей организации на реальном поле деятельности, что, в свою очередь, является результатом анализа внешней среды. В условиях наблюдаемого перехода общественных отношений в информационную сферу осуществление государственного управления с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) предполагает правильное определение и постановку целей реализации технологии «электронное правительство». Согласно Национальной программе ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы (подпрограмма № 2 «Электронное правительство») [1] целью создания «электронного правительства» является повышение эффективности реализации основных государственных функций на основе создания и развития государственной системы оказания электронных услуг посредством: совершенствования управленче-

ских бизнес-процессов и административных процедур с использованием ИКТ; создания новых и развития существующих государственных информационных ресурсов; предоставления электронных услуг через различные среды доступа путем использования современной сетевой инфраструктуры; перехода на электронный документооборот и дистанционное межведомственное взаимодействие.

Однако постановка целей или целеполагание в теории и практике управленческой деятельности представляет собой исходное состояние или одну из сторон формирования целей. Вторым компонентом этого сложного процесса является реализация целей (целедостижение). Вместе с тем вышеуказанный нормативный акт не содержит конкретных способов достижения названной цели.

В этой связи представляется необходимым сформулировать на законодательном уровне комплекс мер, необходимых для обеспечения эффективности административно-правового регулирования отношений по организации и функционированию «электронного правительства», а именно:

I. Создание адекватного современным стандартам государственного управления кадрового обеспечения системы управления «электронным правительством».

Реализация «электронного правительства» требует наличия профессионально компетентных государственных служащих, обладающих достаточным уровнем знаний и опыта в области административного управления в условиях использования ИКТ. Это предполагает разработку и внедрение перечня специальных требований, предъявляемых к уровню их квалификации; сопоставимых базовых составляющих информационно-технологической и нормативно-правовой инфраструктуры «электронного правительства»; подготовку и проведение научно-исследовательских работ в области различных видов образования, учитывая специфику и требования государственной службы; разработку соответствующих узконаправленных учебных курсов по программному обеспечению, используемому на государственной службе; повышение квалификации государственных служащих; популяризация лучших практик, включая проведение различных конференций, и т. д.

II. Использование правовой основы механизмов государственно-частного партнерства как системы установленных в законодательстве форм, видов и методов регулирования отношений между органами власти, юридическими или физическими лицами предполагает установку долговременного, основанного на доверии сотрудничества, при котором существует обоюдная ответственность по формулировке целей проекта, его ресурсному обеспечению, качеству получаемых результатов. Развитие

государственно-частного партнерства неразрывно связано с системой государственного управления, а потому его распространение подразумевает институционализацию.

Необходимо подчеркнуть, что во многом эффективность применения механизма государственно-частного партнерства определяется контекстом деятельности государства, в частности, совокупностью проводимых административных реформ, направленных на повышение прозрачности и подотчетности органов власти, сокращение бюрократических издержек, установление четкого механизма обратной связи с населением. Однако использование потенциала ИКТ в системе государственного управления носит настолько сложный характер, что государство часто выступает в роли лишь одного из исполнителей подобных проектов. Во всех таких случаях государственным структурам важно выработать четкие правила регулирования и административно-правовые механизмы контроля над реализацией проектов.

III. Популяризация государственных услуг, выступая одной из мер, необходимых для обеспечения эффективности построения и функционирования «электронного правительства», является комплексным процессом, зависящим от трех основных групп факторов: организационные, касающиеся непосредственно информированности и заинтересованности граждан, а также уровня компьютерной грамотности населения; технологические, предполагающие наличие высокоскоростного интернета на всей территории страны и ее субъектов, а также наличие развитой сети многофункциональных центров, своевременность выдачи электронных карт гражданам (ID-карт); правовые факторы, предполагающие наличие непротиворечивой нормативно-правовой базы, нацеленные на качество предоставления услуг.

IV. Мониторинг законодательства и правоприменения при использовании информационного потенциала в государственном управлении.

Несомненно, важным фактором успешности перехода к «электронному правительству» будет являться институционализация механизмов мониторинга, а также независимой оценки результативности перевода административных процессов оказания электронных государственных услуг и выполнения государственных функций в электронном виде. Следует отметить, что за последнее десятилетие в нашем государстве фактически создано новое законодательство в рассматриваемой нами предметной области, последующие изменения которого повлекли и изменение самой системы государственного управления. Однако отметим, что при этом до конца не созданы новые эффективные механизмы взаимодействия органов исполнительной власти по исследованию нормативных правовых актов на предмет их качества.

По мнению М.Н. Марченко, «обществу требуется четкий, простой, ясный и доступный гражданам порядок, предоставляющий высокую степень прозрачности, стабильности и гарантированности всех жизненных процессов, а также оптимальный объем нормативных правовых актов за счет увеличения общности правовых предписаний, оптимального механизма государственного управления с целью устранения дублирования функций органов публичной власти и точного установления объема их компетенции» [2, с. 239–245].

Отсюда следует, что мониторинг законодательства и правоприменения как раз и выступает одним из механизмов изучения правовых норм на предмет качества и эффективности. Мониторингу не характерны властвование и подчинение, тем не менее в процессе управления его данные предоставляют возможность принимать наиболее эффективные управленческие решения, иными словами, его смысловая нагрузка – это информационное взаимодействие.

Использование информационного потенциала в системе государственного управления в некоторой степени является организационной основой мониторинга. Следовательно, в рамках формирования и функционирования «электронного правительства» должны быть созданы организационные и технические условия для организации и проведения всевозможных мониторинговых мероприятий. Среди них создание различных баз данных, содержащих официальную и неофициальную правовую информацию (нормативные правовые акты, заключения экспертиз, предложения, направленные на совершенствование законодательства). Проведение мониторинга удовлетворенности граждан уровнем доступа к информации, предоставляемой органами исполнительной власти, даст возможность оценить эффективность и оперативность развития информационного общества и нивелировать проявление негативных последствий его развития.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить следующее.

Формирование целей является сложным, развернутым в пространстве и времени процессом, включающем в себя два диалектически взаимосвязанных этапа: *постановка цели (целеполагание) и реализацию целей (целестремление)*. Цель создания «электронного правительства» определена и нормативно закреплена в соответствующем нормативном правовом акте, что подчеркивает ее обязательный характер.

Для достижения указанной цели представляется необходимым законодательно проработать и реализовать комплекс мер, необходимых для обеспечения эффективности административно-правового регулирования отношений по организации и функционированию «электронного правительства»: а) *создание кадрового обеспечения системы управления*

«электронным правительством»; б) использование правовой основы механизмов государственно-частного партнерства; в) популяризация государственных услуг; г) мониторинг законодательства и правоприменения при использовании информационного потенциала в государственном управлении.

Данные меры должны быть закреплены в Концепции развития электронного правительства в Республике Беларусь в виде плана мероприятий по ее реализации.

1. Об утверждении Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы: подпрограмма № 2 «Электронное правительство» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 марта 2011 г., № 384 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.06.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / отв. ред. М.Н. Марченко. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 3. – 528 с.

УДК 351.742

С.В. Король, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *А.И. Мурашко*

АГЕНТУРНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО СЫСКА И КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Наивысшего уровня развития агентурная работа получила в политическом розыске, однако те же методы оперативно-розыскной деятельности применялись и в уголовном сыске и контрразведывательной деятельности правоохранительных органов Российской империи.

Уголовный сыск – служба российской полиции с 1866 по 1917 г., в задачу которой входило раскрытие общеуголовных преступлений, проведение дознания по ним, розыск преступников и без вести пропавших.

Одним из методов пресечения и раскрытия преступления в уголовном сыске было агентурное наблюдение, которое выполнялось специальными агентами.

Преступления в конце XIX – начале XX в. совершались тайно, без очевидцев и свидетелей. Преступник всегда старался тщательно скрыть следы преступления, а также все то, что могло каким-то образом указать на его причастность к данному деянию. На этом этапе характеризовать преступный мир можно было как достаточно сложную, закрытую, замкнутую систему, где присутствовали определенные правила конспирации. В задачи органов уголовного сыска в ходе раскрытия преступления входило, главным образом, получение достоверной информации о каждом преступлении: кто его совершил, каким методом, где находится похищенное имущество или сам преступник, и т. д. Основная ответственность за донесение такой информации в уголовном сыске лежала на осведомителях – агентах, которые предоставляли такую информацию за определенное вознаграждение. В уголовном сыске часто использовались секретные агенты, эффективная деятельность которых активно начала развиваться в конце XIX в.

Информацию по каждому преступлению агенты уголовного сыска предоставляли конфиденциально. Это означало, что о деятельности такого агента не было известно постороннему кругу лиц, информация передавалась исключительно секретно.

Наружное наблюдение было скрытым, тайным мероприятием. Агенты, проводившие наружное наблюдение, тщательно скрывались сами, либо, если невозможно было скрыться, тщательно маскировали само мероприятие, дабы не дать основания преступнику догадаться, что за ним следят. В противном случае цель наружного наблюдения будет не достигнута.

Важно отметить, что у каждого сыщика была своя сеть осведомителей, своя агентура. Обучение и воспитание руководителей сыскных подразделений, рядовых работников сыска осуществлялось как с помощью самообразования, так и централизованно, на организованных при Департаменте полиции курсах [1, с. 46]. Однако даже такой подход к обучению агентов уголовного сыска, их руководителей, часто не давал положительных результатов. Успехов в агентурном наблюдении добивались далеко не все обученные сыщики.

Правовое регулирование агентурной работы в уголовном сыске касалось главным образом учета и соблюдения секретности ее результатов, методы руководства агентурой по сравнению с политическим розыском урегулированы были весьма слабо [1, с. 47].

Таким образом, нужно отметить, что в уголовном сыске также осуществлялась агентурная работа, однако в правовом поле данный вид деятельности не был урегулирован, так как в политическом розыске, что,

в свою очередь, требовало от руководства розыскных подразделений совершенствования правовой регламентации.

Агентурное наблюдение имело важное значение в деятельности военных контрразведывательных отделений Российской империи в конце XIX – начале XX в. [2, л. 185–186]. Еще накануне Отечественной войны 1812 г. в ходе военной реформы в России была впервые образована военная контрразведка. Одной из главных задач военной контрразведки был сбор разведывательной информации и противодействие французскому шпионажу. Для достижения целей сбора определенной информации применялось агентурное наблюдение. Важно отметить, что, в отличие от уголовного сыска, в органах военной контрразведки были специально подготовленные профессионалы своего дела, которые занимались розыском и добычей информации о преступлениях, шпионстве и т. д. Соответственно, информация, получаемая путем агентурного наблюдения в органах военной контрразведки, была более точной, оперативной, развернутой.

Отсутствие правовой базы, регламентирующей деятельность военной контрразведки, существенно осложняло ее деятельность: «...до начала XX столетия в России органы военной контрразведки создавались только в военное время, а по окончании боевых действий упразднялись. Тем самым предавался забвению накопленный опыт борьбы со шпионами и диверсантами противника, а немногочисленные профессиональные контрразведчики оставались не востребованы правительством и вынуждены были искать службы в иных государственных органах» [1, с. 41].

С XIX до начала XX в. попытки создания постоянных органов военной контрразведки были неоднократными. Борьба с иностранным военным шпионажем осложнялась и отсутствием соответствующей правовой основы: до 1912 г. в Российской империи шпионаж в мирное время не образовывал состава преступления. Отечественный опыт создания уголовно-правовой базы борьбы с военным шпионажем доказывал, что правительство не осознавало всей глубины наносимого шпионами вреда, и лишь инициатива снизу позволила привести правовые нормы, карающие за шпионаж, в соответствие с международным уровнем развития этого института [3, с. 41].

В начале XX в. роль наблюдательных агентов в военной контрразведке резко возрастает, государство осознает значимость и эффективность их деятельности. Большой опыт наблюдения привлекаемых агентов в военной контрразведке давал возможность не только добывать инфор-

мацию путем наблюдения за объектом, но и входить агенту в контакт с объектом, оставаясь при этом не рассекреченным.

Большая контрразведывательная работа проводилась накануне наступательных операций. В немалой степени успех Юго-Западного фронта под руководством Алексея Брусилова в 1916 г. обеспечила фронтовая контрразведка. С ее участием были разоблачены 87 австрийских и немецких шпионов. Активно работали русские военные агенты за границей. Например, полковнику Семенову, военному агенту в Румынии, удалось собрать подробные сведения о 16 филиалах немецкой разведывательной службы в этой стране и предоставить в ГУГШ списки более чем на 150 лиц, подозреваемых в агентурных связях с немцами. Достаточно высокой оценкой деятельности российской контрразведки во время Первой мировой войны могут служить высказывания самого Вальтера Николаи. В 1945 г., уже на Лубянке, на вопрос: «Имелась ли у вас агентура из среды правительственных кругов царской России?» Николаи ответил: «Такой агентуры разведывательная служба Германии не имела» [4].

Таким образом, важно отметить, что агентурное наблюдение в уголовном сыске и контрразведывательных органах Российской империи получило определенное развитие. Результаты агентурной работы позволяли предупреждать и раскрывать многие преступления. В то же время правовая регламентация данной деятельности не соответствовала складывающимся общественным отношениям, требовала совершенствования и контроля со стороны руководства этих правоохранительных органов.

1. Жаров, С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: Организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Жаров. – Екатеринбург, 2010. – 57 с.

2. Жаров, С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: Организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.Н. Жаров. – Екатеринбург, 2010. – 459 л.

3. Щербакова, Е.И. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 гг. / Е.И. Щербакова ; под ред. Г.А. Бордюгова. – М. : АИРО – XXI ; СПб. : «Дмитрий Буланин», 2006. – 384 с.

4. Родин, И. Военная контрразведка Российской Империи [Электронный ресурс] / И. Родин // РОВС. – Режим доступа: <http://rovs2.narod.ru/oneone.html> (дата обращения: 11.03.2017).

В.В. Кравец, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматульский

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Противодействие преступности – одна из важнейших внутренних функций государства. Конституция Республики Беларусь определяет, что высшей ценностью для государства является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, и гарантии их реализации [1]. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина должны распространяться в равной мере на установленные законодателем допустимые ограничения, касающиеся этих прав. В оперативно-розыскной деятельности эти гарантии приобретают существенное значение в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [2].

Возможность широкого использования методов оперативно-розыскной деятельности уполномоченными государственными органами, закрепленными в Законе об ОРД, обеспечивает эффективность такого противодействия. Информация, полученная в ходе осуществления данного вида деятельности, является доказательством по уголовным делам. Однако при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (ОРД) конституционные права и свободы граждан могут быть ограничены.

Конституция Республики Беларусь допускает ограничение конституционных прав и свобод граждан: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону» [1, с. 7].

В Республике Беларусь ограничение прав и свобод человека и гражданина может выражаться в частичной отмене права (некоторые категории государственных служащих ограничены ст. 36 в свободе политических объединений, но могут создавать и быть членами общественных объединений, которые не преследуют политических целей); полной

отмене права (недееспособные лишаются избирательного права, ст. 64 Конституции Республики Беларусь) [1, с. 15].

Ограничение прав и свобод граждан устанавливается:

для уважения прав, свобод и репутации других лиц;

охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Проанализировав ст. 19 Закона об ОРД, мы можем говорить о том, что требованием обязательности прокурорского санкционирования распространяется только на оперативно-розыскные мероприятия: наведение справок о сведениях, составляющих банковскую, врачебную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну; оперативный осмотр жилища и иного законного владения гражданина, помещения, здания, сооружения, транспортных средств, иного объекта и территории организации, проводимый негласно и связанный с проникновением в (на) них в отсутствие собственника, владельца, пользователя; наблюдение с использованием средств негласного получения (фиксации) информации и иных средств, установленных в жилище и ином законном владении гражданина, помещении, здании, сооружении, транспортном средстве, ином объекте и на территории организации, за исключением общественных мест, участков местности, а также всех видов общественного транспорта; проверочная закупка, проводимая повторно или более двух раз в отношении одного и того же гражданина в рамках одного и того же дела оперативного учета; слуховой контроль; контроль в сетях электросвязи; контроль почтовых отправлений; оперативный эксперимент [2]. Иное вторжение допускается без уведомления прокурора, фактически бесконтрольно. При этом объем и характер собираемой информации остается на усмотрение органа, осуществляющего ОРД.

В Законе «Об информации, информатизации и защите информации» сформулировано положение, прямо противоречащее Закону об ОРД, – запрет: «Сбор, обработка, хранение информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользование ими осуществляются с согласия данного физического лица» [3].

Анализ ст. 19 Закона об ОРД показывает, что оперативный опрос, наблюдение (осуществляющееся в местах, в которых возможен беспрепятственный вход граждан) и другие виды ОРМ, не нарушающие конституционных прав граждан, во всех случаях не требуют санкции прокурора.

Оперативный опрос представляет собой общение с гражданином в целях получения от этого гражданина непосредственно или по сред-

ствам сети электросвязи сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [2]. При этом в ходе оперативного опроса сотрудник, осуществляющий ОРД, может получать любую информацию, в том числе и о частной жизни физических лиц и их персональных данных.

Наблюдение представляет собой визуальное или иное восприятие деятельности гражданина, в отношении которого проводится ОРМ, явлений, событий, процессов, деяний иных граждан, происходящих в жилище и ином законном владении гражданина, помещении, здании, сооружении, транспортном средстве, на ином объекте и территории организации, участке местности, непосредственно или опосредованно в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД. Стоит отметить, что в ходе наблюдения за гражданином даже в общественных местах у оперативника есть возможность собирать информацию о его частной жизни и хранить ее в деле оперативного учета.

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что Закон об ОРД дает возможность сотруднику, осуществляющему ОРД, проводить такие ОРМ, как оперативный опрос и наблюдение в целях сбора, хранения и использования информации о его частной жизни, без санкции прокурора, а также в отсутствие достаточных признаков преступления, по которым предварительное следствие обязательно, что не соответствует положениям ст. 25, 28, 29 Конституции Республики Беларусь.

Уважение прав и свобод человека распространяется на все государственные и негосударственные органы, в том числе уполномоченные на проведение ОРД. Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина, равно как и вмешательство в его личную жизнь допускается только на основаниях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь.

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Академия МВД, 2016. – 39 с.

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

П.Г. Матюшик, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

**ОБОРОНА БРЕСТСКОГО ВОКЗАЛА
ЛИНЕЙНЫМ ОТДЕЛОМ МИЛИЦИИ
ПОД КОМАНДОВАНИЕМ А.Я. ВОРОБЬЁВА**

Прошло более 70 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Мы помним города-герои и самые важные боевые операции, которые проходили на территории Беларуси, – героическая защита Брестской крепости в первые дни войны, оборона Могилева, который не сдавался 23 дня и ночи, «Багратион» – одна из величайших наступательных операций в истории человечества. В этом ряду менее известной, но не менее героической, была оборона Брестского вокзала линейным отделом милиции под командованием полковника А.Я. Воробьёва. Андрей Яковлевич Воробьёв (1902–1941), начальник линейного отдела милиции станции Брест-Литовской, капитан милиции. Родился 12 февраля 1902 г. в деревне Студенец Шумяцкого района Смоленской области [1, с. 52].

Вокзал в Бресте и станцию Брест-Центральный начали строить еще в 1883 г. по Указу императора Александра II. 28 мая 1886 г. состоялась церемония торжественного открытия вокзала. В 1939-м, после воссоединения западных и восточных областей республики, почти полностью произошла замена рабочих и служащих Брестского железнодорожного узла, формировался штат линейных отделов милиции. Среди этих людей не только местные жители, но и специалисты, которые окончили учебные заведения и были направлены на работу в Западную Беларусь из других регионов Советского Союза.

В ночь на 22 июня 1941 г. на службе находились 30 сотрудников линейного отдела милиции. На дежурство заступил и рядовой А.В. Кулеша, который так запомнил те тревожные часы: «Сам я жил в деревне Плоска, поэтому на дежурство вышел из дома загодя. Шел вместе со своим братом Михаилом не торопясь, ведя велосипед. Уже в ходе дежурства ко мне подошла группа пограничников, в ней было человек 30, они приказали отправить их служебным поездом в Высокое и показали документы. Что-то в их поведении мне показалось подозрительным. Я незаметно проследил за ними и услышал немецкую речь. После этого я побежал к дежурному и сообщил об увиденном, на что тот опять махнул рукой, сказав, что мне сегодня все чудится. А пограничников

отправили». Но это было только начало... В два часа ночи начальнику линейного отдела милиции Брест-Литовской железной дороги позвонили из оперативного пункта милиции на станции Ивацевичи [2, с. 150].

Звонивший доложил, что в районе станции Береза-Картузская неизвестный самолет обстрелял состав пассажирского поезда, который следовал в Брест из Москвы. Сообщалось, что среди пассажиров поезда есть жертвы. Еще один тревожный звонок прозвучал со станции Жабинка. Заместитель по оперативной работе доложил, что связь с Брестом прервана, не работали телеграф и телефон. Так на вокзале оказалась группа связистов из 74-го авиационного полка, которой командовал старшина Баснев. Группа собиралась ехать в Пружаны за пополнением. Кроме них на Брестском вокзале оказались военнослужащие 291-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, которые везли в свою часть партию сапог, они ждали поезд на Высокое. На вокзале также находились красноармейцы 66-го укрепрайона во главе с политруком Ф.Л. Зазириным и команда летчиков Борисовского летного училища. Утром 22 июня 1941 г. все они были разбужены близкими взрывами. Горели казармы Северного военного городка, а над Брестской крепостью небо просто пылало. О том, что же именно происходило на вокзале в Бресте в последующие часы и дни июня 1941 г., точно сказать сложно, так как участники тех событий малочисленны, а их воспоминания иногда противоречили друг другу. Так А.В. Кулеша рассказывал о последнем поезде с беженцами из Бреста, который по приказу начальника линейного отдела милиции Воробьёва удалось отправить из горящего города на восток.

В то же время, по свидетельству дежурного диспетчера станции А.П. Шихова, удалось отправить только один паровоз с двумя стрелками для того, чтобы проверить состояние пути до Жабинки. Паровоз был послан по распоряжению начальника отделения железной дороги Л.Д. Елина. В первые часы войны офицеры должны были позаботиться о боеприпасах, военнослужащие были со своим оружием, но патронов не хватало. Как выяснилось позже, на вокзале имелся небольшой склад оружия и боеприпасов железнодорожной охраны, куда и отправил солдат за оружием Воробьёв. По воспоминаниям А. Кулеша, начальник линейного отдела милиции Андрей Воробьёв появился на вокзале буквально через 10–15 минут после начала артналета.

Через несколько часов они увидели своих противников, это была небольшая группа немцев на мотоциклах, от которых они смогли с легкостью отбиться, но к ним направлялись бронетранспортеры. В таких условиях сражаться было невозможно, и солдаты к 10 часам заняли оборону вокзала с подвалов. Вокзальное подземелье – довольно запу-

танный лабиринт помещений общей площадью около 1 000 квадратных метров. Подвалы размещаются с трех сторон здания вокзала: с Граевской, восточной и Московской. На восточной стороне через подвальные помещения шла капитальная стена, которая разделяла их на две части, а защитников на два отдельных отряда. Красноармейцы и железнодорожники во главе с лейтенантом Николаем Шимченко и старшиной Павлом Басневым оказались в подвалах с Граевской стороны. А с Московской стороны находились милиционеры под командованием А.Я. Воробьева [4].

На второй день осады немцы решили использовать газ. Они закидывали в подвал паклю, которая была обмочена в горячем, от этого запаха защитников вокзала сильно тошнило. Бойцы смачивали платки в баке для отопления и дышали через них. Немцы пытались забросать подвалы и гранатами, но защитников спасали толстые перегородки между помещениями. На третий день осады в подвал начала поступать вода, немцы подтянули к окнам шланги. Вода медленно заливала отсеки, спасали перегородки подвалов, оставляя время для спасения. 25 июня, по рассказам милиционеров, три человека из группы Воробьева смогли незамеченными выйти из подвалов и уйти из окружения. С наступлением темноты из подвала вышли еще шестеро во главе с Воробьевым. 26 июня немцы подогнули паровоз с мощным насосом и с огромной силой начали нагнетать воду в подвал. Двое суток затапливалось то, что еще не было затоплено. Погибли остатки продуктов, иссякли батареи фонарей. В окна летели газовые шашки. 29 июня в 9–11 часов утра удалось выбраться под навесной перрон. Первыми выползли Мартыненко и Шихов. Взяв с собой куски кирпича, под видом рабочих по уборке территории пытались уйти из оцепления. Отошли уже на значительное расстояние, как вдруг три немца настигли их с криком «Хальт!» Ударив прикладами, повели к навесному перрону, где находились остальные вышедшие из подвалов. В шеренге пленных было 27 человек, в том числе две женщины – работницы дистанции связи телеграфистка Мария Триггер и телефонистка Оля Кривцова [3, с. 1].

После четырех суток, проведенных в воде, тела и руки защитников были грязными и сморщенными, виднелись одни глаза и зубы. Истощенных и обросших военных немцы отделили от остальных и отправили в лагерь Тересполья – к пленным из Брестской крепости. А.Я. Воробьев смог пробиться в город и даже добрался до своей семьи, но кто-то из горожан выдал его немцам. Воробьев был арестован, а потом расстрелян на берегу реки Муховец.

В первые дни Великой Отечественной войны сотрудники милиции вместе с солдатами Красной Армии встали на защиту Родины. Среди

многочисленных героических эпизодов начального периода войны особое место занимает оборона Брестского вокзала линейным отделом милиции под командованием полковника А.Я. Воробьева.

1. Очерки истории милиции Белорусской, 1917–1987 гг. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.

2. Милиция Беларуси: 100 лет. История и современность / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. И.А. Шуневича. – Минск : Беларусь, 2016. – 191с.

3. Оборона Брестского вокзала линейным отделом милиции под командованием А.Я. Воробьева [Электронный ресурс] // Эксклюзивные фото из архива клуба «Диггеры Бреста». – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/bilet-v-odin-konets-8.html>. – Дата доступа: 26.09.2018.

4. Оборона Брестского вокзала линейным отделом милиции под командованием А.Я. Воробьева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/75808-oborona-zheleznodorozhnogo-vokzala-v-breste.html>. – Дата доступа: 26.09.2018.

УДК 340.130

А.И. Михайловская, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воропаев*

НОРМЫ ПРАВА: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Норма права – основная составляющая, входящая в систему правовых средств, без которой существование и дальнейшее развитие права невозможно, что обуславливает необходимость рассмотрения данного вопроса.

Нормы права относятся к числу социальных норм, определяющих правила поведения людей в их отношениях между собой, рассчитанных на неопределенный круг лиц, отражающих фактически сложившиеся общественные отношения и определяющих их развитие на перспективу [1, с. 100].

Нормы права обладают следующими отличительными признаками:

1) определяют или поддерживают единый порядок в обществе. Каждой норме права присуще качество общеобязательного правила: в ней определяется мера возможного или должного поведения человека;

2) устанавливаются либо санкционируются государством, при этом государство либо устанавливает новые правила поведения, либо санкционирует уже существующие правила или их варианты; обеспечиваются государственным принуждением;

3) отличаются от других социальных норм формальной определенностью, т. е. точным обозначением обстоятельств, порождающих их применение;

4) имеют документальную форму их выражения, которая позволяет людям ясно и четко представлять содержание, пределы и другие необходимые свойства нормы права (законы, декреты, указы, постановления, инструкции и т. д.).

Таким образом, норма права – это установленное государством или санкционированное им общеобязательное правило поведения, соответствующее основным правовым принципам и обеспечиваемое при необходимости принудительной силой государства.

Норма права имеет определенную структуру, под которой понимается ее внутреннее строение, наличие в ней взаимосвязанных между собой и предполагающих друг друга необходимых составных частей, элементов – гипотезы, диспозиции и санкции [2, с. 178].

Под гипотезой подразумевается часть нормы права, указывающая на жизненные обстоятельства, при наличии или отсутствии которых реализуется правило поведения.

Диспозиция – это та часть нормы права, которая указывает само правило поведения, которому необходимо или можно следовать в конкретной жизненной ситуации, предусмотренной гипотезой.

Санкция – это часть нормы права, указывающая на последствия, которые могут иметь место в случае несоблюдения правила поведения, установленного в диспозиции. Следует отметить, что санкция может носить не только отрицательный характер.

Нормы права разнообразны по своим качествам и свойствам. В связи с этим возникает необходимость их классифицировать. В юридической литературе встречаются классификации по различным основаниям, например:

1) по субъектам нормотворчества нормы права разделяются:

на нормы права, исходящие от государства, принимаемые уполномоченными органами государственной власти и должностными лицами;

локальные нормы права, принимаемые различными организациями (предприятиями, учреждениями и т. п.);

нормы права, принимаемые народом на референдуме, сходе;

нормы права, исходящие от нескольких государств, в результате той или иной договоренности, или от международных организаций;

2) по предмету правового регулирования (по отраслям права) нормы права разделяются на нормы конституционного, административного, уголовного, уголовно-процессуального, финансового, трудового и иных отраслей права.

Отраслевые нормы права делятся на *материальные* и *процессуальные* нормы. *Материальные* нормы права закрепляют права и обязанности субъектов права, их правовое положение, пределы правового регулирования и т. д. *Процессуальные* нормы права регулируют организационные отношения и носят сугубо процедурный характер. Они регламентируют порядок, формы и методы реализации норм материального права;

3) по методу правового регулирования нормы права разделяются на *императивные*, *диспозитивные*, *рекомендательные*, *поощрительные*.

Императивные нормы – строго обязательные, категорические нормы, не допускающие отступлений от правила поведения, изложенного в самой норме права.

Диспозитивные нормы допускают значительную свободу поведения субъекта по его собственному усмотрению, но в пределах, указанных в законе, правовых вариантах. Сущность диспозитивных норм в том, что субъектам права предоставляется возможность поступать по своему усмотрению.

Рекомендательные нормы права устанавливают варианты наиболее желательного с точки зрения государства урегулирования общественных отношений.

Поощрительные нормы – это нормы, в которых устанавливаются меры поощрения за совершение действий, особо полезных для общества;

4) по характеру регулирования поведения нормы права разделяются на *управомочивающие*, *обязывающие*, *запрещающие*.

Управомочивающие нормы предоставляют субъектам право на совершение предусмотренных в них действий. Например, ст. 36 Конституции Республики Беларусь закрепляет право граждан на свободу объединений.

Обязывающие нормы требуют совершения определенных активных действий. Так, в соответствии со ст. 56 Конституции Республики Беларусь граждане нашей страны обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей.

Запрещающие нормы возлагают обязанность воздерживаться от названного в них поведения. Например, ст. 23 Конституции Республики Беларусь гласит, что никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону [3];

5) по характеру воздействия на общественные отношения нормы права делятся на *регулятивные* и *охранительные*.

Регулятивные нормы права устанавливают модель поведения людей. Они регулируют общественные отношения путем предоставления субъектам прав и обязанностей, определяют условия реализации этих прав и обязанностей, виды и меры государственного обеспечения их осуществления.

Охранительные нормы права направлены на регламентацию мер юридической ответственности, а также соответствующих мер защиты субъективных прав;

б) по функциональному назначению нормы права классифицируются на *общие* и *конкретные* нормы.

Общие нормы права фиксируют общественные отношения в обобщенном виде. Они являются исходными нормами и занимают высшую ступень в иерархии норм права.

Конкретные нормы права детализируют общие нормы права. Общие нормы по своей природе более стабильны, чем конкретные, жизнь которых гораздо короче. Конкретные нормы не регулируют новые общественные отношения, а конкретизируют те, которые уже урегулированы общими нормами.

Следует отметить, что нами обозначены только некоторые классификации норм права.

Таким образом, норма права – это установленное государством или санкционированное им общеобязательное правило поведения, соответствующее основным правовым принципам и обеспечиваемое при необходимости принудительной силой государства. Норма права имеет внутреннюю структуру и состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. В юридической литературе существует большое количество оснований для классификации норм права: по субъекту нормотворчества, по предмету правового регулирования, по методу правового регулирования, по характеру регулирования, по характеру воздействия на общественные отношения, по функциональному назначению нормы права и др.

1. Бибило, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2015. – 206 с.

2. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – 3-е изд. – Минск : Академия МВД, 2017. – 478 с.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

Н.А. Седляр, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

ПРАВО И МОРАЛЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Право – понятие юриспруденции, один из видов регуляторов общественных отношений; система общеобязательных, формально-определенных, принимаемых в установленном порядке гарантированных государством правил поведения, которые регулируют общественные отношения. Конкретное определение права зависит от типа правопонимания, которого придерживается тот или иной ученый (т. е. его субъективных представлений о праве).

Мораль (лат. *moralitas*, термин введен Цицероном от лат. *mores* – общепринятые традиции, нравы) – принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений.

В русском языке помимо слова мораль употребляется слово нравственность. Эти слова чаще выступают в роли синонимов или каким-то образом концептуализируются для обозначения отдельных сторон (уровней) морали. Мораль, принятую и преобладающую в том или ином обществе, принято называть общественной.

Отсюда можно вывести общие черты обозначенных регулятивных систем:

1. Представляют собой разновидности единой системы социальных норм.

2. Имеют нормативное содержание, являются регуляторами поведения людей в обществе.

3. Основаны на общности социально-экономических интересов и культуры общества.

4. Берут начало из одного и того же исторического «корня» – обычая родового общества, «мононормы».

5. В ряде важных своих аспектов право и господствующая мораль обычно дополняют друг друга. Право в известной своей части отражает нравственные взгляды общества, поэтому некоторые нравственные запреты (например, не убей, не укради) получают закрепление в нормах права.

В то же время между моралью и правом имеются существенные различия:

1. Исторически мораль возникает раньше права.

2. Мораль формируется всем обществом на основе нравственных представлений людей о добре и зле, чести, совести и т. д., а право в его

нормативистском понимании имеет своим источником волю народа или суверена.

3. Моральные нормы, как правило, содержатся в сознании людей и передаются ими из поколения в поколение, в свою очередь, правовые предписания чаще всего находят свое закрепление в текстах нормативных правовых актов.

4. Требования норм морали носят предельно абстрактный характер и представляют собой обобщенные правила поведения (будь честным, добрым, справедливым). Нормы права имеют строго определенное юридическое содержание, детализированы, содержат в себе четко определенные понятия и юридические категории (смертная казнь).

5. Реализация норм морали обеспечивается внутренними нравственными убеждениями человека и (или) средствами общественного мнения. Обеспечение правовых норм же нередко требует применения мер государственного принуждения.

В процессе нормотворчества требования нравственности должны учитываться компетентными государственными органами. Законодатель, осуществляя свою деятельность, обязан руководствоваться общепризнанными моральными принципами, так как противоречие норм права справедливым моральным устоям ведет к падению авторитета права в обществе, требует больших материальных затрат на принудительную реализацию соответствующих предписаний.

Таким образом, право активно содействует утверждению общечеловеческих нравственных представлений, убеждений и принципов, в то время мораль укрепляет нравственную основу и авторитет права, наполняет его глубоким нравственным содержанием.

УДК 351.74(09)

А.В. Скоробогатый, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *А.И. Мурашко*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

До сих пор среди ученых-исследователей нет единого мнения, каково период зарождения понятия «организованная преступность», соответственно и начала законодательного закрепления в различных источниках права.

Так, уже в Русской Правде законодатель разграничил соучастников и пособников (приводится в переводе): «Если холоп обокрал кого-нибудь, то господин обязан или заплатить за него, или выдать его головою вместе с другими участниками воровства, бывшими при самом деле или хоронившими краденое, кроме их жен и детей. Если же откроется, что принимали участие в покраже свободные люди, то таковые платят князю штраф (продажу)» (ст. 121) [1, с. 25].

Позднее различные формы групповых преступлений получили общее название «скоп», употреблявшееся в Приговоре Земского собора первого ополчения (1611 г.) и в Соборном уложении 1649 г. (ст. 21, 198) [2, с. 48; 3, с. 89, 134]. Однако понятие «скоп» в то время обозначало не формы соучастия, а некоторое множество участников преступления.

Артикул воинский, действовавший с 1715 г., ввел ответственность лиц, растративших государственные средства (арт. 194), но не разработал понятий, характеризующих те или иные формы совместного совершения преступных деяний. Например, в арт. 161 устанавливалась ответственность за групповое убийство по найму, однако признаки группы не выделялись, а лишь перечислялись возможные способы сговора. Только в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных (в редакциях 1845, 1866, 1885 гг.) появляются новые понятия, указывающие на то, что законодатель стал разграничивать такие организованные формы преступной деятельности, как скоп (скопище), заговор, сообщество, шайка. При этом признаки перечисленных форм групповой деятельности законодательно не раскрывались [4, с. 638–648].

Уже к XX в. организованность преступности значительно возросла, что нашло отражение в уголовном законодательстве того времени. Проявилось и такое системное качество преступности, как фрактальность (самоподобие): все последующие формы преступной самоорганизации напоминали по своей структуре предыдущие, но на каждом этапе своего развития представляли перед законодателем во все более усложненном виде. Здесь уместно отметить, что фрактальность как всеобщее свойство систем присуща и системе права.

Примером может служить Уголовное уложение 1903 г., созданное законодателем в ответ на появившиеся новые формы преступных скопищ и сообществ и впоследствии оказавшее «существенное влияние на содержание нормативных актов как советского, так и постсоветского периодов» [5, с. 18].

Понятие шайки длительное время также использовалось в советском праве: в 1947 г. совершение преступлений шайкой было введено в качестве квалифицирующего обстоятельства в такие составы, как кража и разбой [6].

К началу 1918 г. внутренняя и внешняя обстановка в стране резко обострилась, приняла угрожающие размеры разгул бандитизма, что потребовало усиления репрессий в отношении врагов революции, к которым относились, кроме бандитов, «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» [7].

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. понятия, характеризующие деятельность групп и сообществ, все еще не были разработаны, и только при определении мер социальной защиты (так именовались меры наказания) надлежало учитывать совершение преступления такими группами, как банда или шайка. В ст. 60–62 вышеуказанного кодекса устанавливалась ответственность за участие в контрреволюционной организации, в ст. 75 – за участие в массовых беспорядках, в ст. 76 – за бандитизм. Все эти преступления могли повлечь применение высшей меры уголовного наказания. В ст. 180 данного кодекса криминализировались «организованные по взаимному соглашению» случаи хищения государственного имущества, совершенные систематически либо несколькими ответственными должностными лицами или в особо крупных размерах; за данные действия предусматривалось применение смертной казни [8].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. ввел ответственность за участие в контрреволюционной организации (ст. 58¹) и за бандитизм (ст. 59³), под которым понималась организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или на отдельных граждан, в остановках поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи. В то время уже сложилось представление о свойствах и существенных признаках банды как вооруженной устойчивой группы лиц, состоящей не менее чем из двух лиц, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений [9].

К концу 40-х – началу 50-х гг. XX в. в СССР сформировался целый ряд преступных образований, обладавших иерархической организационной структурой. В условиях послевоенной разрухи в теневом секторе экономики стало налаживаться производство необходимых населению товаров в подпольных цехах либо с использованием сверхурочной работы на неучтенных излишках сырья в цехах государственных предприятий. Возник слой подпольных миллионеров – так называемых цеховиков. В таких условиях рост коррупции был неминуем. Реакция же государства была неадекватной: руководители заявили о ликвидации в СССР организованной и профессиональной преступности [4, с. 638–648].

Начиная с 1960 г. в нормативных актах МВД перестали употреблять такие понятия, как «преступные группировки», «воровские группировки», «уголовно-бандитствующий элемент», «вор в законе» и т. п. И это

в тот период, когда в течение 11-й пятилетки многократно вырос материальный ущерб от хищений: на 4 % всех расхитителей, совершивших хищения в особо крупном размере, приходилось более половины всей суммы похищенного [10, с. 117].

Тем не менее именно в начале 80-х гг. о проблеме с организованной преступностью стали говорить открыто. Как и иные «запретные» явления этот вид преступности, возникший и набравший силу в застойный период, долгое время официально не признавался. Именно это во многом предопределило то, что в 80-е гг. произошел всплеск криминального профессионализма и высокоорганизованных форм конкретного проявления в общеуголовной преступности, которые, как верно отметил И.И. Карпец, в теории совсем недавно почти начисто отрицались [11, с. 39]. Следует отметить, что правоохранные органы не сидели, сложив руки, а немедленно среагировали на данное преступное явление и уже на втором Съезде народных депутатов Съезда народных депутатов СССР 23 декабря 1989 г. было принято постановление СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью».

После распада СССР Законом «О милиции» от 26 февраля 1991 г. № 637-ХП (на данный момент утратил силу) была указана отдельная статья о существовании в МВД отдельного подразделения – милиция по организованной преступности и коррупции. В Уголовный кодекс Республики Беларусь 1960 г. были внесены дополнения, предусматривающие уголовную ответственность за создание, руководство и участие в преступной организации, совершение преступлений в составе организованной группы. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. наиболее полно отражает все вышеперечисленные изменения, но и он требует доработки отдельных моментов. В настоящее время для разъяснения создано ППВС Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций» от 25 сентября 2003 г. № 9 (в ред. ППВС от 31 марта 2016 г. № 2), которое также играет важную роль в правоохранительной деятельности.

В заключение мы можем с уверенностью утверждать, что борьба с преступностью, в том числе с ее организованными формами, является одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов в настоящее время. Законодательное закрепление форм борьбы с организованной преступностью, уголовной ответственности за совершенные деяния организованными преступными группами и организациями имеет достаточно долгий путь, начиная от закрепления данных норм в Русской Правде и заканчивая Уголовным кодексом Республики Беларусь 1999 г. Данный факт показывает, что организованная преступ-

ность существует достаточно давно, но и борьба с ней осуществляется с постоянным совершенствованием уголовно-правовых и иных мер борьбы с организованной преступностью.

1. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. – М. : Проспект, 2013. – 472 с.

2. Российское законодательство X–XX веков : учеб. пособие : в 9 т. / под ред. А.Г. Манькова, О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1985. – Т. 3 : Акты Земских соборов. – 512 с.

3. Соборное уложение 1649 года : текст, коммент. / редкол.: В.И. Буганов, М.П. Ирошников, А.Г. Маньков, В.М. Панеях [и др.]. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1987. – 448 с.

4. Скуратов, Ю.И. Развитие организованной преступности в России: системный анализ / Ю.И. Скуратов, Л.В. Глазкова, Н.С. Грудинин, А.А. Незнамова // Всерос. криминол. журн. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 638–648.

5. Черепанова, Е.В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Черепанова. – М., 2009. – 28 с.

6. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – № 19.

7. О красном терроре : постановление СНК РСФСР, 5 сент. 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1918. – № 65. – Ст. 710.

8. Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

9. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года : офиц. текст с изм. на 1 авг. 1948 г. и с прил. пост. систематизир. материалов. – М., 1948. – 113 с.

10. Агапов, П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности / П.В. Агапов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД России, 2011. – 327 с.

11. Криминологические проблемы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. / М-во внутр. дел СССР, Киев. высш. шк. им. Ф.Э. Дзержинского ; [редкол.: А.А. Ковалкин и др.]. – Киев : КВШ : МВД СССР, 1989. – 158 с.

УДК 34(09)(476)

Э.В. Скурьят, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

ГРОДСКИЙ СУД В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Судебные органы в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) развивались с XIV по XV в., но окончательное становление судебная система получила в XVI в. В этот период создаются и получают законода-

тельное закрепление суды земские, подкоморские, городские и главные суды.

Следует отметить, что судебная система государства того времени играла важную роль в вопросе правового обеспечения общественной жизни в ВКЛ. Все новшества, связанные с судебной системой, всегда привлекали внимание и заботили шляхту. Охрана жизни, чести и имущества от покушений на них, охрана шляхетских прав от стеснения их властями требовали особого внимания к организации суда и заботы о его правильном, с точки зрения шляхтича, устройстве и функционировании [1, с. 1].

Бельским привилеем 1564 г. в ВКЛ провозглашается судебная реформа, которая была окончательно закреплена Статутом 1566 г. Организация нового областного суда требовала нового областного деления. Эта организация устраивала шляхту, так как в основу ее было положено объединение по поветам не крупных территориальных размеров вместо прежнего соединения по ведомствам и землям [1, с. 52]. Все княжество по Статуту 1566 г. было разделено на поветы, границы которых были четко определены. Новые поветы являлись единицами административными, политическими, военными и, наконец, судебными. Согласно Статуту 1566 г. каждый повет должен был иметь три поветовых суда: земский, городской и подкоморский [1, с. 52–53].

В судебной системе ВКЛ городской суд представляет особый интерес, так как в городе складывались наиболее сложные общественные отношения того времени.

Гродский (замковый) суд – это один из поветовых судов, который получил свое название от того, что он, как правило, осуществлялся в замках. В случае захвата административного центра создавался временный центр, где и проводились заседания.

В качестве особенностей данного суда можно отметить:

всесословность (по Бельскому сейму 1564 г. вся шляхта, начиная от воевод, князей и панов и заканчивая духовными лицами, судилась независимо от положения);

высокие требования морального и профессионального характера к кандидатам на должность судьи;

работа в двух инстанциях;

коллегиальность при рассмотрении дел;

публичность и состязательность при проведении судебных заседаний;

неотделенность от администрации, несмотря на довольно значительный шаг в развитии судебной системы.

Судьей был воевода или староста, соединявший в себе звания правителя земель, главы администрации и замкового суда. Первое отдавало ему хозяйство и доходы земель, второе – управление и суд над подданными, над самой шляхтой. Воевода являлся одновременно и старостой поветового суда. Так он мог держать власть судового старосты и проводить судебные заседания.

Судебная власть старосты осуществлялась во время «городских рочков», периодических судебных сессий [1, с. 58]. Повестки в суд писали от имени и под печатью поветовых старост и воевод. Часто воевода или староста свои судебные обязанности не исполняли лично. За них это делали городские урядники [1, с. 59].

Если воевода или староста отсутствовал или был занят, то судебные дела рассматривались их наместниками, которые назначались воеводой или старостой по личному усмотрению и выбору. Никакая высшая власть не имела права вмешиваться в назначение, эта была исключительная прерогатива местной власти. В таком случае суд осуществлялся коллегией, состоящей из наместника воеводы или подстаросты, замкового судьи и писаря (замковый дьяк). Последние назначались воеводой или старостой из числа местных шляхтичей, которые были местными уроженцами и знали право. К тому же в этих заседаниях участвовал городничий. Обязательным условием для судей являлось знание белорусского языка, иначе их не выбирали.

Для вызова лиц и наблюдения порядка во время заседаний в городском суде также существовал возный. Он работал как судебный пристав нашего времени, рассыльный суда. Возные являлись официальными свидетелями, а также могли производить судебную экспертизу. Возные присутствовали при исполнении приговоров и постановлений суда, при исполнении частными лицами своих обязанностей, наложенными на них судом, что нужно было для учета. Третьим статутом была учреждена должность генерального возного.

Гродский суд рассматривал самые тяжелые уголовные преступления и гражданские дела. Ему были подсудны уголовные дела о нападениях на дома шляхты, о поджогах, разбоях, изнасилованиях, убийствах шляхтичей, колдовстве, отравлениях, а также гражданские дела об истребовании сбежавших крепостных крестьян и челяди невольной [2, с. 134], а именно преступления «па гарачым учынку». Он свидетельствовал копии документов, сделки, обеспечивал доказательства, исполнял решения и приговоры других судов, вел акты книги.

Основной задачей гродского суда было осуждение лиц, пойманных с поличным или задержанных в течение 24 часов после совершения преступления. Если шляхтич-преступник в течение этого времени успевал

скрыться в своем доме, его следовало вызывать в суд повесткой на очередную сессию суда, но не позже, чем через четыре недели. Если срок был пропущен, заинтересованная сторона могла обратиться в земский суд [2, с. 135].

Основными наказаниями по гродскому суду являлись:
тюремное заключение;
смертная казнь.

Для исполнения приговоров в распоряжении «городского урада» имелись тюрьма и палач, «кат». При замке или поветовом дворе должна была находиться «турма» или место для «везенья», т. е. заключения, куда и помещались «вязни», приговоренные к лишению свободы. При этом закон требует, чтобы «городский урад» принимал приговоренных судами «до везенья», не чиня никаких «вымов и фолькги таковым». Что касается «ката», то он содержится при «городском ураде» как для пытки, «пробы» и «муки», так и для осуществления смертной казни над осужденными [2, с. 113].

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что гродский суд занимал важное положение в системе судов ВКЛ и включал в себя новаторские идеи в виде всеословности. Необходимость создания такого органа было вызвано усложнением социальной структуры городов того времени.

1. Лаппо, И.И. Гродский суд в Великом Княжестве Литовском в XVI столетии / И.И. Лаппо // Журн. М-ва нар. просвещения. Новая сер., ч. XIII. – СПб. : Сенат. тип., 1908. – С. 51–113.

2. Довнар, Т.И. История государства и права Беларуси : курс лекций / Т.И. Довнар. – Минск, 2004. – 134 с.

УДК 340.14

В.А. Слуцкий, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

ПРИНЦИПЫ ПРАВА КАК ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Теория принципов права получила достаточно основательное освещение в юриспруденции. Если в общей теории права тема принципов права стала традиционной, то в отраслевых науках она конкретизирована. Тем не менее в ней имеется немало дискуссионных и до конца не

исследованных вопросов. Основные принципы права в науке определяются как «сквозные и генеральные идеи», в которых выражаются общий «дух» и направленность правового регулирования. Они конкретизируют сущность права и раскрывают его социальный характер. Принципы права, неся в себе его основную идеологическую нагрузку, выступают в виде своеобразного теоретического каркаса права. К основным принципам права относятся: принцип законности, принцип уважения чести и достоинства личности, принцип неприкосновенности личности, принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, принцип презумпции невиновности. Полагаем, что эти принципы также являются принципами работы следователя.

Следователь – одна из центральных фигур досудебного уголовного судопроизводства. Деятельность следователя имеет глубоко нравственные основы. Дело не только в том, что следователь защищает права и законные интересы потерпевшего от преступления. Уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие деятельность следователя, нацелены на обеспечение прав и законных интересов обвиняемого, подозреваемого, а также интересов общества и государства.

Основополагающим, на наш взгляд, принципом права в деятельности следователя является принцип законности. В соответствии с данным принципом следователь не вправе применять закон, противоречащий Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (УПК). Следователь также не должен применять противоречащие УПК ведомственные нормативные акты, указания и распоряжения, исходящие от контролирующих и надзирающих органов.

Кроме того, принцип законности проявляется и в том, чтобы все постановления следователя были законными, обоснованными и мотивированными. Например, в любом постановлении следователя (о назначении экспертизы, проведении обыска, выемки и др.) в его описательно-мотивировочной части обязательно отражаются основания и цели проведения соответствующего действия. Так, основанием для назначения экспертизы является необходимость в применении специальных познаний.

Важным принципом является также принцип уважения чести и достоинства личности. В частности, в соответствии с данным принципом, никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Под пыткой понимается как физическое, так и психическое воздействие. Пытки запрещены международными нормами. Так, норма, предусмотренная ст. 11 Конвенции против пыток

и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, вменяет в обязанность государствам систематически рассматривать методы и практику проведения допроса, чтобы не допускать каких-либо случаев пыток [1]. Данный принцип конкретизируется в отдельных нормах уголовно-процессуального законодательства. Так, ч. 3 ст. 11 УПК предусматривает, что никто из участвующих в уголовном процессе лиц не должен подвергаться насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению, а также без согласия подвергаться медицинским и иным опытам [2].

К этому следует добавить, что принцип уважения чести и достоинства личности – это руководство к действию в любых ситуациях, которые не могут быть исчерпывающе прописаны в законе и иных нормативных актах. Здесь открывается широкое поле для действия сугубо нравственных норм, нормативно никак не закрепленных. Например, уважение к чести и достоинству личности может быть проявлено в том, чтобы корректно сообщить лицу о совершении преступления его родственником.

Немаловажным является также принцип охраны прав и свобод человека и гражданина. Он заключается, во-первых, в недопустимости нарушения этих прав и свобод следователем, во-вторых, в разъяснении участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности, а также в обеспечении возможности осуществления этих прав.

Поскольку деятельность следователя неразрывно связана с правомерным ограничением прав человека (право на личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища и др.), следует помнить, что ограничение сотрудником прав и свобод граждан допустимо только на основании и в порядке, предусмотренных законом. В ситуациях, связанных с ограничением прав и свобод гражданина, за исключением действий в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны, сотрудник должен разъяснить ему основание такого ограничения.

Принцип презумпции невиновности является одним из важных. Данный принцип также имеет конституционную основу. Презумпция невиновности означает, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые

не могут быть устранены в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, толкуются в пользу обвиняемого.

Поскольку обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда, следователь должен воздерживаться от всяких действий, влекущих неоправданное разглашение факта привлечения лица в качестве обвиняемого. Так, не является морально оправданной передача сведений об этом в средствах массовой информации (например, по делам о преступлениях, получивших широкий общественный резонанс).

Таким образом, рассмотренные нами принципы составляют правовую основу деятельности следователя.

1. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : принята резолюцией 39/46 Генер. Ассамблеи, 10 дек. 1984 г. // Орг. Объед. Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml. – Дата доступа: 25.01.2019.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 34(09)

А.В. Степаньков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *В.А. Данилов*

ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКАЯ ССР – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ

В 1919 г. по решению I съезда Советов БССР была принята Декларация об объединении Белорусской ССР с Литовской ССР. Это было вызвано тем, что 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение о включении в состав РСФСР Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, а оставшаяся территория отходила к Литовской ССР. В постановлении ЦК РКП(б) говорилось о возвращении к территории БССР Смоленской, Витебской и Могилевской губерний, входивших в состав РСФСР, а Литовско-Белорусскую ССР создать на базе Минской, Гродненской и Виленской губерний. Объяснялось такое решение тем, что оно будто бы

больше отвечает общеполитическим задачам РСФСР и международной конъюнктуре. Скорее всего имелись в виду тогдашние претензии Польши на белорусские и литовские территории. Еще в декабре 1918 г. власть Польши в лице Юзефа Пилсудского заявила, что Польское государство будет обновляться в пределах Речи Посполитой в границах 1772 г. От этого шли и рассуждения об интернациональном долге рабочих Беларуси смягчить нажим империализма на РСФСР путем создания буферного Литовско-Белорусского государства. Анализируя политику ЦК РКП(б) в отношении самовыражения Беларуси в конце 1918 – начале 1919 г., академик И.М. Игнатенко приходит к следующему выводу: «Военно-политическое положение потребовало создания ЛитБел, чтобы закрыть тем самым окно для проникновения империалистических сил непосредственно на территорию России. ЦК РКП(б) полагал, что создание ЛитБел именно в это время будет содействовать усилению международного положения Советской страны, обороне революции и советской власти» [1, с. 67]. Интересен факт, что этим решением ЦК РКП(б) от 16 января 1919 г. были недовольны как члены Облисполкомзапа (А.Ф. Мясников), так и члены группы Д. Жилуновича – В. Червякова. Сперва потому, что хотели захватить власть, другие исходили от национальной идеи. Жилунович и его товарищи написали в ЦК РКП(б) протест против территориального разделения Беларуси и потребовали пересмотреть решение ЦК. Последствием этого стало их исключение из Совета БССР и арест Д. Жилуновича. Белорусские исследователи Р. Платонов и М. Сташкевич считают, что ЦК РКП(б) шел на отделение от БССР Могилевской и Витебской губерний очень продуманно, так как знал про настроения высших слоев Польши, которые требовали инкорпорации Беларуси. По их мнению, «... включенные в состав РСФСР Могилевская и Витебская губернии, когда бы другие территории захватило Польское государство, в перспективе стали бы основой для возрождения белорусской государственности» [2, с.152]. В Декларации I Всебелорусского съезда Советов БССР «Об объединении Социалистических Советских Республик Литвы и Белорусской» были обозначены две причины создания Литовско-Белорусской ССР. Во-первых, говорилось об «исторической общности рабочих Беларуси и Литвы» (очевидно, имелось в виду Великое княжество Литовское). Во-вторых, объявлялась необходимость скорейшего разгрома белогвардейского белорусско-литовского правительства в связи с тем, что Литовская Тариба и Белорусская Рада выступали одним контрреволюционным фронтом. Таким образом, объединение республик в буферное государственное образование проводилось с целью борьбы против Белорусской Народной Республики и Литовского буржуазного государства. Присутствовавший на I Всебелорусском

съезде Советов БССР председатель Литовского советского государства У.С. Мицкявичюс-Капсукас в качестве еще одной причины создания ЛитБел выделил тезис, что существование таких маленьких государств, как Литва, в то время было опасно и даже невозможным.

Фактическое объединение двух республик в одну Литовско-Белорусскую ССР (ЛитБел) произошло 27 февраля 1919 г. на совместном заседании ЦВК двух советских республик. Главой объединенного ЦВК ЛитБел был выбран Ю.Г. Циховский, а СНК возглавил У.С. Мицкявичюс-Капсукас. В состав территории ЛитБел вошли Минская, Гродненская, Виленская, Ковенская и часть Сувалкской губерний с населением более 4 млн человек. Однако соседняя Польша и другие европейские державы не признали Литовско-Белорусской ССР в качестве субъекта международного права. В апреле 1919 г. ЦВК ЛитБел объявил республику на военном положении. 19 апреля был создан Совет обороны Литвы и Беларуси, которому передавалась вся власть. В мае 1919 г. Совет обороны ЛитБел принял предложение ЦК РКП(б) о создании военного союза советских республик, договор о котором вышел 1 июня 1919 г. Однако это не остановило наступление польских войск.

Фактически Литовско-Белорусская ССР перестала существовать осенью 1919 г., потому что в это время власть РСФСР вступила в прямые отношения с буржуазной литовской властью. 11 сентября 1919 г. правительство РСФСР предложило властям буржуазной Литвы вступить в переговоры о подготовке мирного договора. 12 июля 1920 г. был подписан мирный договор между РСФСР и Литвой.

Летом 1920 г. началось освобождение территорий Беларуси от бело-польской оккупации. 14 июля Красная Армия заняла Вильно. В сентябре 1920 г. правительством РСФСР были переданы литовским властям Виленский край и г. Вильно. Таким образом, Литовско-Белорусская ССР юридически остановила свое существование. Однако, как считают многие ученые, это государственное образование для Беларуси не имело юридической силы, так как оно не соответствовало нормам международного права. Создание ЛитБел считалось нерациональным, так как свою главную функцию – функцию буферного государства, которое сдерживало бы нажим на Россию и территориальные претензии Польши – ЛитБел не выполняла.

Начальник возрожденного Польского государства Юзеф Пилсудский в апреле 1919 г. издал «Обращение к жителям бывшего Великого Княжества Литовского», где пообещал не вмешиваться во внутренние национальные и религиозные дела белорусов и литовцев и дать им право самим решать свою судьбу. Пилсудский не раз встречался с белорусскими деятелями и щедро раздавал обещания (вплоть до согласия создать

белорусско-польскую федерацию). В сентябре 1919 г. он выступил в Минске на белорусском языке, который хорошо знал, по происхождению был белорусом. Но, как показали дальнейшие события, перевесила позиция польских шовинистов, которые не признавали Беларуси.

31 июля 1920 г. состоялось второе провозглашение БССР. Воссоздать буферную ЛитБел было уже невозможно, поскольку реально существовала независимая Литва. Чтобы предотвратить переход власти в руки национальных сил в Беларуси, большевики согласились на восстановление БССР. Но на этот раз ее территория состояла только из шести уездов бывшей Минской губернии общей площадью всего 52,4 тыс. км².

«Государство обоих народов», как в пропагандистских целях называли ЛитБел, не было признано никем, кроме Советской России, и скоро обнаружило свою нежизнеспособность. Уже через два месяца после ее образования польские войска заняли Вильно, и правительство ЛитБел переехало в Двинск, потом в Минск, Бобруйск, Смоленск. В конце лета 1919 г. поляки оккупировали всю территорию ЛитБел, власти которой не успели создать даже основные атрибуты государственности. 19 июля СНК ЛитБел принял постановление о передаче всех дел Минскому губернскому РВК. На этом история ЛитБел прекращается, вскоре после принятия упомянутого постановления польскими войсками был занят и Минск (8 августа 1919 г.).

1. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.

2. Платонов, Р.П. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности / Р.П. Платонов, Н.С. Сташкевич. – Минск : Беларусь, 1990. – 304 с.

УДК 340.122

Н.Д. Стулевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Григорьев*

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ШКОЛА

Вопрос понимания права – одна из наиболее дискуссионных проблем в юридической науке, что вызвано рядом объективных и субъективных факторов: историческими, политическими, экономическими, культурными, мировоззренческими особенностями конкретного учено-

го, а также неоднозначностью и сложностью права как предмета теории государства и права. Применительно к отечественной юридической науке, также следует акцентировать внимание на тех особенностях изучения права, которые сформировались во времена Советского Союза, и на последствиях распада данного государства, что не могло не сказаться на дальнейшем развитии юриспруденции, а в частности и теории государства и права. Острота дискуссии была усилена проникновением идей западных ученых-юристов в отечественную юридическую науку, их детальным изучением и переработкой. Одной из таких идей является признание духовного, нравственного начала важнейшим элементом права, что составляет основу естественно-правовой теории – одного из основных сформировавшихся подходов к пониманию права.

Естественно-правовая концепция зародилась еще в глубокой древности и была представлена взглядами таких мыслителей, как Аристотель, Сократ, Платон, Цицерон, Гай, которые, наряду с правовыми нормами, установленными государством, выделяли естественное право, исходящее от Бога или природы и не зависящее от признания его государством или людьми. Данное представление – правовой дуализм, поскольку они считали, что параллельно с писаными людьми законами существуют высшие неписанные божественные законы, составляющие вечный божественный порядок. Своей кульминации данная теория достигла в XVII–XVIII вв. в эпоху буржуазных революций, направленных против феодального строя. Ее поддерживали и развивали голландские просветители Г. Гроций и Б. Спиноза, английские – Т. Гоббс и Д. Локк, французские – Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах и др., работы которых, в принципе, и создали такое направление (теорию) в юридической науке.

Теорией обосновывается наличие у каждого человека неотъемлемых, врожденных прав и свобод, соответствующих требованию человеческого разума. Основные нравственные и правовые идеи и принципы, обосновываемые данной теорией в качестве естественных законов, – это свобода, равенство, безопасность, неприкосновенность частной собственности, что придает ей демократический характер. Провозглашается, что естественное право как нечто вечное, неизменное и общее для всех людей имеет приоритет над выраженным в законах позитивным правом, которому присущи изменчивость, непостоянство. Именно поэтому целью государства должна быть охрана естественных прав, а нормативные акты, издаваемые им, должны лишь закреплять данные права, а в случае несоответствия законов естественному праву они считаются необоснованными, несправедливыми и подлежат замене. После закрепления буржуазного строя подобные идеи теряли актуальность, на их смену вновь приходили позитивистские концепции. Возрожде-

ние естественно-правовых идей имело место после Второй мировой войны как реакция на фашистскую политическую систему. Обращаясь к историческому контексту, можно сделать вывод об активизации естественно-правовых взглядов при переходе от авторитарного и тоталитарного политико-правового режима к демократическому.

Что же касается современности, данный подход к пониманию права является основным в правовой доктрине демократических государств, а также представляет собой тот теоретический фундамент, на котором основывается защита прав и свобод человека во всем мировом пространстве. При этом нельзя не отметить характерные изменения подхода, заключающиеся в отходе от догматичного рассмотрения естественных прав, привязка их к конкретному обществу (народу), а также рассмотрение человека как субъекта общественных связей и признание динамичности нравственных и культурных ценностей и, соответственно, правосознания, что в совокупности создает методологию на социологической основе. Такой подход получил название «возрожденное естественное право».

Тем не менее естественно-правовую теорию нельзя в полной мере назвать юридической концепцией, на которой возможно построить правовую систему. Речь в данном случае идет о некой умозрительной, философской системе идей, взглядов, представлений о праве в контексте понятия справедливости. Практическая реализация данной теории в судебной и правоохранительной деятельности весьма сомнительна ввиду субъективности самого понятия справедливости, отсутствия универсальных критериев оценки закона на предмет справедливости, неясность в механизме замены «несправедливого» закона и, что самое главное, отсутствия таких законов, которые бы однозначно являлись правовыми с точки зрения естественно-правовой концепции. Несмотря на вышеуказанные недостатки, на практике часто можно обнаружить пробелы в законодательстве, его противоречивость и недостаточную определенность. Тем самым законодатель и правоприменитель признают и несовершенство нормативного понимания права. Неслучайно новый Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» дефинирует правовую неопределенность как отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения. Таким образом, юридическая практика отражает противостояние между естественным правом и содержанием нормативных актов государства. В этой связи целесообразно

использовать концепцию естественного права в качестве инструмента совершенствования законодательства. Не исключается также использование названной концепции при применении права, например, в рамках рассмотрения субъектом применения права.

УДК 340.142

Н.А. Сумароков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

В правоведении под источником права понимаются действующие в государстве официальные документы, устанавливающие или санкционирующие нормы права, внешние формы выражения правотворческой деятельности государства, с помощью которой воля законодателя становится обязательной для исполнения.

К источникам права чаще всего относят нормативный правовой акт, нормативный договор, судебный прецедент, правовой обычай, религиозные тексты, правовые доктрины, общие принципы права.

В рамках нашего исследования более подробно остановимся на таком источнике права, как судебный прецедент, и установим его место среди других источников прав национальной правовой системы.

Итак, судебный прецедент – это решение суда по конкретному делу, которое затем становится образцом, обязательным правилом для решения аналогичных дел в будущем. Ныне такой источник широко используется в странах англосаксонской правовой семьи. Необходимо отметить, что прецедентное право чрезвычайно громоздко, запутанно и противоречиво, что позволяет суду осуществлять правотворческие функции как в случае отсутствия соответствующего закона, так и при его наличии [1, с. 106].

Существуют различные взгляды на то, относится ли судебный прецедент к источникам права. Обратим внимание на аргументы, приводимые учеными-правоведами в пользу той или иной точки зрения. Так, М.Н. Марченко является противником признания судебного прецедента источником права, приводя следующие аргументы: 1) это противоречит принципу разделения властей; 2) в романо-германской правовой семье судебная практика не признается источником права; 3) идея признания судебной практики как источника права противоречит правотворческой деятельности парламента [2, с. 14].

А.К. Безина и В.В. Лазарев обращают внимание на то, что все нормотворческие органы осуществляют конкретизацию права. В этом процессе участвуют и суды, которые в процессе применения права конкретизируют общий масштаб нормы права. По их мнению, правотворческую деятельность судебных органов нельзя именовать правотворческой, следовательно, судебный прецедент не является источником права [3, с. 7].

Сторонники того, что судебный прецедент все же является источником права, говорят о том, что судебная практика позволяет преодолеть пробелы в законодательстве при осуществлении соответствующей деятельности. То, что судебная практика по конкретным делам может устанавливать новые нормы права, признает профессор В.Н. Бибило. Как она справедливо отмечает, эти новые нормы права не формулируются, а выводятся из существа принимаемого решения [4, с. 52].

Среди отечественных правоведов преобладает точка зрения, в соответствии с которой судебный прецедент не рассматривается в качестве источника права. Часто сторонники такого взгляда ссылаются на принадлежность правовой системы Республики Беларусь к романо-германской правовой семье, в которой якобы нет места судебному прецеденту. Противоположного мнения придерживается доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси Г.А. Василевич [5, с. 135].

Особый интерес в этом отношении представляют решения Конституционного Суда Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд), которые имеют особый статус среди актов органов судебной власти. Полагаем, они являются источником права. Достаточно привести один довод: заключением Конституционного Суда может быть признана не имеющая юридической силы норма любого акта законодательства. Независимо от последующей отмены признанного неконституционным акта органом, его принявшим, все равно он прекращает действие с момента, определенного Конституционным Судом. Более того, Конституционный Суд в связи с признанием проверенного акта неконституционным в целях недопущения пробела, при наличии которого могут наступить еще более неблагоприятные последствия, вправе сформулировать на основе конституционных принципов временную норму, которой должны руководствоваться правоприменители, в том числе и суды.

Сложнее обстоит дело с практикой иных судов. Судебная деятельность, касающаяся рассмотрения конкретных дел, относится к индивидуально-правовой деятельности, в результате которой может быть выработано устоявшееся положение о применении нормы права по аналогичным делам.

В литературе сформулирована совокупность условий, при наличии которых судебный прецедент следует возвести в ранг источника права, а именно:

1. Полное либо частичное отсутствие нормативного регулирования определенных отношений, установленное в ходе судебного разрешения правового спора.

2. Оптимальное применение судом института аналогии для логического обоснования решения по делу и вступление данного решения в законную силу, т. е. признание его отвечающим целям правосудия. Под оптимальностью в данном случае подразумевается то, что решение: а) должно быть четко и ясно аргументировано, исходя из аналогичных правовых норм или общеправовых принципов (аналогия закона или аналогия права) и б) основываться на конкретных фактах, т. е. не отрываться от обстоятельств данного правового спора.

3. Наличие судебного правоположения, официально опубликованного для всеобщего сведения. Под судебным правоположением следует понимать правило общего характера, установленное высшими судами страны на основании обобщения судебной практики по разрешению споров с применением аналогии закона и аналогии права.

4. Наличие решения суда высшей инстанции, сформулировавшего такое правоположение, где обращается внимание органа, в актах которого обнаружен пробел, на необходимость устранить его посредством издания специального нормативного правового акта (реализации права законодательной инициативы). Тем самым действие прецедента оказывается ограниченным во времени, т. е. это источник права временного действия (до издания нормативного правового акта компетентным органом, восполняющим пробел).

Таким образом, рассматривая мнения различных специалистов, можно сделать вывод о том, что существуют подходы к вопросу о том, является ли судебный прецедент источником права. Полагаем, что судебная практика в Республике Беларусь является вспомогательным источником при разрешении конкретных юридических дел.

1. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособие / А.Ф. Колотов [и др.]. – 2-е изд., испр. и дораб. – Оренбург : Университет, 2013. – 233 с.

2. Марченко, М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? / М.Н. Марченко // Журн. рос. права. – 2000. – № 12. – С. 15–18.

3. Безина, А.К. Конкретизация права и судебной практики / А.К. Безина, В.В. Лазарев // Сов. юстиция. – 1968. – № 2. – С. 4–8.

4. Бибило, В.Н. Правотворчество судей при осуществлении правосудия / В.Н. Бибило // Суд. весн. – 1997. – № 3. – С. 52–53.

5. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г.А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 135 с.

УДК 34(09)

Н.А. Хомянок, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

На протяжении конца XIV – первой половине XVI в. Королевство Польское неоднократно пыталось навязать Великому княжеству Литовскому (ВКЛ), Русскому и Жемойтскому унию с целью инкорпорации в свой состав. ВКЛ рассматривало унию с Польшей как вынужденный шаг, на который оно шло под натиском внутренних и внешних причин. Особенно остро вопрос об унии стал в 60-х гг. XVI в., когда в Ливонии началась война между ВКЛ и Московским государством. Неудачи Ливонской войны стали одной из главных причин, которая принудила ВКЛ к унии с Польшей и созданию в 1569 г. Речи Посполитой [1, с. 55]

В середине XVII в. международная атмосфера вокруг Речи Посполитой накалилась до предела. С юга ей угрожала Османская империя, на востоке – Русское государство, с севера – Швеция. Непокойно было и внутри самой Речи Посполитой. Это прежде всего касалось территории Украины. После Люблинской унии украинские магнаты и шляхта отделились от ВКЛ и присоединились к Короне Польской, отношения между поляками и украинцами ухудшились, так как проникновение на Украину польской шляхты и католического духовенства вело к закреплению украинских крестьян, усилению национального угнетения и религиозных разногласий. В 1648 г. началась казацко-крестьянская война, охватившая и южные районы территории Беларуси. Украинский гетман Б. Хмельницкий выступил против властей Речи Посполитой, чтобы создать на Украине казацкое государство. Война длилась с 1648 по 1651 г. и в итоге казацкие войска были разбиты гетманом ВКЛ Я. Радзивиллом. В сентябре 1651 г. казацкое руководство было вынуждено заключить мир с Польшей [2, с. 133–134].

Казацкое руководство не могло смириться с условиями мира. Велись переговоры с пограничными государствами с целью получить помощь в борьбе против Речи Посполитой. Внешнеполитическая ориентация украинского руководства склонялась в сторону Москвы. Поводом для войны Русского государства с Речью Посполитой явилась просьба Б. Хмельницкого войти со всей так называемой Малороссией, которая была охвачена национально-освободительной борьбой против Польши, в состав Русского государства. Возобновление военных действий на Украине в 1653 г. и настойчивые просьбы украинского гетмана о помощи подтолкнули московское правительство к подготовке войны с Речью Посполитой. 1 октября Земский собор дал согласие принять Украину под власть России. 23 октября 1653 г. Русское государство объявило войну Польше и ВКЛ. Стратегической целью войны для Русского государства было присоединение всей территории Украины, Беларуси и Литвы и получение выхода к Балтийскому морю. Московская дипломатия использовала в своих интересах религиозные противоречия в Речи Посполитой [2, с. 135–136].

Несмотря на то что Русское государство объявило войну Речи Посполитой в октябре 1653 г., боевые действия начались только 18 мая 1654 г., русские войска во главе с царем выступили из Москвы, к ним присоединилось войско казаков Б. Хмельницкого, 100-тысячной русско-украинской армии противостоял 12-тысячный корпус полевого гетмана ВКЛ Я. Радзивилла. На юге украинской армии Б. Хмельницкого противостоял коронный гетман С. Потоцкий с 10–15-тысячным войском. Таким образом, в начале войны русская армия имела пятикратный численный перевес над войском ВКЛ. Кроме того, начиная с 1655 г. польской территории стала угрожать шведская армия [2, с. 136]. На главном смоленско-вильенском направлении русские войска сразу заняли города Смоленщины: Белая, Дорогобуж, Рославль, Мстиславль, Невель. Три месяца потратили на осаду Смоленска, затем были заняты Орша, Минск, Витебск, Могилев и другие города. В июле 1655 г. была взята столица ВКЛ Вильно. После нее были заняты Ковно, Гродно, Пинск, Брест [2, с. 137].

К 10 декабря 1655 г. русская армия завоевала 68 городов ВКЛ, а 26 городов присоединились к Русскому государству по договору. Итогом военной кампании 1654–1655 гг. стал царский Манифест от 30 декабря 1655 г. о присоединении ВКЛ к Русскому государству, после чего царь вернулся в Москву. Но магнаты ВКЛ не собирались признавать этот манифест, и, таким образом, капитуляции со стороны ВКЛ. Мирный договор с ВКЛ не был заключен. Москва фактически закончила войну против ВКЛ и всей Речи Посполитой в одностороннем порядке. На

территорию Польши царские войска вступать не собирались. Граница условного фронта между Русским государством и Польшей проходила в начале 1656 г. от Немана до Полесья. Так закончилась третья регулярная война XVII в. между Русским государством и Речью Посполитой 1654–1655 гг. [2, с. 137–138].

Восточная часть ВКЛ была аннексирована. Шляхта, присягнувшая царю, сохраняла имения и сословные права, оказавшая сопротивление, – лишилась поместий. За православной церковью сохранялись все владения и права. Запрещалась деятельность католической и униатской церковью. Политика новых властей привела к враждебному отношению к ним городского и сельского населения Беларуси. После ухудшения положения русских войск шляхта, мещане и крестьяне, присягнувшие Русскому государству, начали массово выступать с оружием против царских войск. На территории Беларуси началось гражданское противостояние [2, с. 138–139].

В марте 1655 г. шведский король Карл X Густав принял решение начать войну против Речи Посполитой, чтобы разгромить давнего соперника и поделить его земли, а после остановить и Москву. ВКЛ оказалось в состоянии войны на два фронта, тем более что Корона Польская не могла помочь, и в июне 1655 г. великий гетман ВКЛ Я. Радзивилл выразил готовность принять протекторат Швеции [2, с. 140].

Я. Радзивилл выступил инициатором договора между Швецией и ВКЛ. В Ригу выехал посол ВКЛ просить протекции и военной помощи. Был привезен проект соглашения, подписанный в Кейданах Радзивиллом, полевым гетманом ВКЛ В.А. Корвин Гонсевским, иерархами католической церкви и многими военными чинами (436 чел.), но спасти Вильно от захвата русскими войсками не удалось. Большинство шляхты не приняло этот документ и осталось на стороне короля Яна II Казимира. Соглашение предусматривало унию ВКЛ со Швецией на равных правах, что подчеркивалось в договоре. Уния ВКЛ с Польшей автоматически упразднилась. Шведский король обязывался выгнать с территории ВКЛ московские войска, а потерянные земли вернуть бывшим владельцам. В отношении тех, кто не подпишет Кейданский договор, предполагалась конфискация имущества. 20 октября 1655 г. был принят новый вариант документа. Его подписали 1 142 человека со шляхты и католического духовенства. Он предусматривал в основном те же условия объединения ВКЛ со Швецией. По итогам Кейданского договора Швеция взяла под охрану своих войск часть западных земель ВКЛ. После смерти главного инициатора договора Я. Радзивилла в апреле 1656 г. в Жамойтии произошло антишведское восстание. Шведская администрация и войска отошли в Инфлянты. Кейданский договор окончательно потерял силу [3, с. 161].

В начале 1656 г. правительственные круги Речи Посполитой разработали программу спасения государства, было особенно важно подписать перемирие с Алексеем Михайловичем. Москва тоже была заинтересована в скорейшем и, понятно, временном перемирии с Речью Посполитой. Передышка была нужна в связи с военным конфликтом со Швецией, угрозой со стороны Бранденбурга и Швеции выступить вместе против Москвы в случае перехода русских войск на территорию Польши и желанием опередить создание польско-шведско-бранденбургского блока [2, с. 141]

В июле 1656 г. в Вильно начались мирные переговоры между Москвой и Речью Посполитой. Переговоры проходили в сложных для комиссаров ВКЛ условиях. Польша никак не могла смириться с потерей Украины. Другие вопросы, в том числе потерю значительной части территории ВКЛ, польские представители соглашались обсуждать. Московские воеводы отдавали приказы о нападении на шляхетские дворы в пограничных воеводствах, вынуждали шляхту присягать на верность царю [2, с. 142].

Итогами переговоров стало перемирие, подписанное 3 ноября 1656 г. в Вильно. Виленское соглашение приветствовали в обоих государствах. Но оно было скорее дипломатическим успехом польско-литвинского государства, которое добилось отсрочки решения украинского вопроса и вывода значительной части шведских войск из Польши и ВКЛ для войны против Русского государства [2, с. 142].

Однако антишведский альянс оказался непрочным и кратковременным. Речь Посполитая и Русское государство искали новых союзников. После того, как летом 1658 г. Варшавский сейм отказал царю в праве на избрание и потребовал отдать все захваченные земли, а новые переговоры под Вильно зашли в тупик, военные действия возобновились [2, с. 143].

Таким образом, в середине XVII в. ВКЛ находилось в тяжелых внешнеполитических условиях и стало ареной ожесточенной борьбы между Российским государством, Польшей и Швецией.

1. Лапановіч, С.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вуч-метад. дапам. / С.Ф. Лапановіч, А.М. Сувалаў ; установа адукацыі “Акад. М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь”. – Мінск : Акадэмія МУС, 2018. – 173 с.

2. Снапковский, В.Е. История внешней политики Беларуси : пособие / В.Е. Снапковский. – Минск : БГУ, 2013. – 495 с.

3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 4. Кадэты – Ляшчэня / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э.Э. Жакевіч. – Минск : БелЭн, 1997. – 432 с.

УДК 340.125

Е.А. Шастайло, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Григорьев*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Социологическая юриспруденция, она же прагматический подход к праву, сформировалась в конце XIX в. и практическое применение, как и большинство сторонников, нашла в западных странах, а конкретнее – Великобритании и США, на что повлияло несколько причин. Во-первых, стремительное развитие капиталистических отношений часто не укладывалось в рамки существующих негибких предписаний, из-за чего регуляция этих процессов была затруднена, что усложняло отношения между капиталистическими государствами и их опорой – предпринимателями. Во-вторых, судебное решение, он же прецедент, имел место в Англии уже в XI в., а потому такая трактовка права имела традицию, которая столь важна для общества в этой стране. В-третьих, менталитет. Пресловутая «американская мечта» и представления англичан о правильном и справедливом обществе слабо вязались с догматизмом нормативистского подхода. В итоге вышеперечисленное вылилось в англосаксонскую правовую систему, в которой социологический подход и нашел реализацию.

Его суть – право не выражается в предписанных государством нормах и правилах, а трактуется как живой, динамичный правовой порядок, общественные отношения такие, какие они есть. На практике это реализуется в конкретных судебных решениях – прецедентах. А прецедент высшей судебной инстанции – образец для нижестоящей. Так, решение по делу английской Палаты лордов – правило для действия в подобных ситуациях для Апелляционного суда, решения которого, в свою очередь, эталон для Высокого суда. Судебная система в Англии и США массивна и разветвлена, а роль судебной ветви власти гипертрофированна по сравнению со странами романо-германской правовой семьи, так как судьи не только применяют право, но и непосредственно занимаются правотворчеством, что существенно увеличивает их полномочия.

К несомненным достоинствам подобной системы относится скорость реагирования на изменяющиеся общественные процессы и отношения. Например, в начале десятилетия Европу и Беларусь в частно-

сти захлестнула волна синтетических наркотиков (спайсов). Азиатские поставщики постоянно изменяли формулу препаратов, вследствие чего правоохранительные органы не могли привлечь к ответственности сбытчиков: к моменту запрета одной комбинации веществ, в ходу была уже иная, лишь слегка измененная, но оттого совершенно легальная. Тем временем тысячи молодых людей теряли здоровье, а иногда и жизнь, употребляя опасный наркотик.

Иная ситуация наблюдалась в странах, где основная форма права – прецедент. Суды привлекали распространителей к ответственности и ставили под запрет новые формулы, что позволило не допустить опасных последствий. Именно в данной ситуации социологический подход продемонстрировал свои достоинства и состоятельность.

Стоит отметить, что в основе прагматического подхода лежит приоритет частного над государственным, не допускается вмешательство властей в общественные процессы, если они не вредят самому социуму. Это следствие опять же глубоких, вековых традиций и особенностей менталитета западного человека, для которого высшими ценностями являются свобода и независимость. А потому страны с преобладанием социологической трактовки права имеют давние традиции демократии и парламентаризма, а принцип разделения властей из-за развитости судебной системы реализуется там в полной мере.

Однако из-за свободной трактовки тех же прецедентов и определяющей роли судей возникает значительный простор для разного рода произвола, бесконтрольности и злоупотреблений полномочиями. Ежегодно накапливается огромное количество прецедентов, которые могут толковаться совершенно по-разному, в угоду одной стороне процесса и в ущерб другой. Несомненно, в странах англосаксонской правовой семьи требования к судьям и их правовое положение особые, их деятельность перманентно контролируется, а престиж среди населения формировался веками. Но далеко не все детали судебного процесса доступны надзору. Таким образом, в наше время социологический подход если не изживает себя, то во многом объединяется с нормативистским, допускает вмешательство государства. В США, например, существует высший источник права – Конституция. Но попытка отмены прецедента как главенствующей формы права не нашла поддержки ни среди правящих кругов, ни среди простого населения. Причины этого – особое западное мировоззрение, философия, традиции, частью и следствием которых является социологический подход.

Д.С. Шелег, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Понятие гражданского общества впервые встречается в трудах Аристотеля (384–322 гг. до н. э.), разработавшего идею полиса как высшего объединения людей, которые являются равноправными гражданами, участвуют в управлении делами государства. В гражданском обществе Аристотель видел сообщество равных и свободных граждан, которые связаны между собой определенной формой политического устройства.

В Новое время идею гражданского общества развивали Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Они делили историю человечества на период естественного состояния и период гражданского состояния. Т. Гоббс и Дж. Локк считают основоположниками либерализма, суть которого в формировании правительства, действующего на основании закона, и признании права на частную собственность и объединения. Последовательное развитие общественных отношений предопределило и трансформацию взглядов ученых о гражданском обществе. В работах Н. Макиавелли, Г. Гроция обосновывалось соответствие гражданскому обществу не всех форм государственного устройства, а лишь тех, которые основаны на естественно-правовых, договорных началах. В частности, Дж. Локк считал, что абсолютная монархия несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления. Н. Макиавелли придерживался мнения о том, что наилучшей формой государства является смешанная, состоящая из монархии, аристократии и демократии, каждая из которых призвана сдерживать и оберегать другие.

Гражданское общество в широком смысле слова включает в себя всю сферу жизни и деятельности граждан, не охватываемую прямой государственной регламентацией (включая частный бизнес и политические партии, не находящиеся у власти). Такое гражданское общество совместимо не только с демократией, но и с авторитаризмом, и лишь тоталитаризм означает его полное или почти полное поглощение государством.

Но что такое гражданское общество? Гражданское общество – это сфера общественных отношений, образуемая совокупностью негосударственных институтов и самоорганизующихся групп, способных к организованным и ответственным коллективным действиям в защиту своих общественно значимых интересов.

Гражданское общество можно также определить как оформленную сферу взаимодействия частных интересов. Оно может тесно соприкасаться со сферой политики, но его роль не сводится исключительно к роли посредника между личностью и государством. Оно существует параллельно с устоявшимися в стране формами воздействия на правительство. В ряде случаев государство сознательно отказывается от части своих функций или ограничивает их в пользу организаций и объединений гражданского общества, созданных на добровольной основе. Через их сеть государство мобилизует и привлекает для решения социальных проблем значительные материальные средства и трудовые ресурсы, позволяющие разгрузить собственные административные структуры, компенсировать недостатки их деятельности, а также решить те или иные управленческие задачи.

Сложная проблема – поиск наиболее эффективных путей формирования гражданского общества. Современные исследователи и политики согласны с тем, что необходимо создать субъективные факторы и объективные условия для его формирования. На Западе гражданское общество создавалось «снизу» на основе определенных традиций и системы ценностей. Его появление определено развитием гражданских инициатив, формированием особого типа личности с сознанием и поведением особого типа. Они способны эффективно бороться за лучшее будущее для себя и своей семьи. Гражданское общество там формировалось как совокупность социальных институтов и отношений, которые существуют независимо от государства и через систему гражданских структур, оказывающих на него влияние, которое направлено на принятие определенных решений и реализацию групповых и индивидуальных интересов.

Что касается Республики Беларусь, то для формирования гражданского общества необходимо решение большого количества проблем, в том числе и в области политики. Политический плюрализм, обусловленный наличием сильной многопартийности, играет важную роль, так как главным аспектом во взаимоотношении гражданского общества и государства являются политические партии. Они представляют в законодательных органах различные интересы социальных групп и, согласно с А.В. Рубановым, степень доверия к ним распределяется по своеобраз-

ной дуге, повернутой концами вверх, крайние точки на которой занимают представители самой молодой и самой пожилой возрастных групп. Наибольшее количество приверженцев политических партий расположено в самой почтенной по возрасту группе, чей возраст превышает 60 лет (они склонны поддерживать «левые партии») и самой молодой группе, чей возраст меньше 20 лет (здесь преобладают сторонники «правых партий»). Политические партии выполняют функции механизма, регулирующего общественную жизнь, содействуют политической социализации граждан. Партии заинтересованы в формировании гражданского общества, чтобы использовать ресурсы его структур в ходе политической деятельности.

Развитие системы образования – важное условие формирования и становления гражданского общества. Развитие образовательной системы предусматривает приведение ее в соответствие с современными требованиями. Регулируется образовательная сфера рядом нормативных правовых актов, ключевым среди которых является Кодекс Республики Беларусь об образовании. Проблемой в сфере образования является то, что государство еще не в состоянии поддерживать во всех образовательных учреждениях высокий уровень заработной платы и социальной защиты педагогических работников, нет системы конкретных действий, направленных на повышение качества образования, и т. д.

Гражданское общество нельзя сформировать без повышения правовой и гражданской культуры населения, которая находит свое выражение в патриотизме и гражданственности. Правовая и гражданская культура наполняет содержанием понятия «патриотизм» и «интересы нации». Гражданственность как элемент гражданской культуры представляет собой совокупность высших качеств человека. Гражданское общество в Беларуси должно опираться на национальные корни, специфику белорусского народа. Начальными пунктами этой идеи должны стать традиции и ценности белорусов – коллективизм, «працавітасць», веротерпимость и др.

Таким образом, гражданское общество в Республике Беларусь находится на пути совершенствования. В стране существует политическая система, сформированная на принципах разделения властей и многопартийности, гражданам гарантированы основополагающие права и индивидуальные свободы, взаимоотношения между властью и личностью определяются законодательством.

Д.С. Шестакович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

РОЛЬ СЕРГЕЯ БЕЛЬЧЕНКО В ВОССТАНОВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Есть имена, с которыми поступили не совсем справедливо. Не вышли под прицелы прожекторов, в лучи всеобщей известности, а остались в полутени. Одно из таких имя генерала-полковника Сергея Саввича Бельченко, активного участника партизанского движения, первого Министра внутренних дел в послевоенной истории нашей страны, который много сделал для формирования облика современной милиции. На наш взгляд, его жизнь достойна киноэпопеи, но и в коротких кадрах хроники, и в отдельных деталях и эпизодах масштаб личности С. Бельченко виден отчетливо [3].

Сотрудники издания «СБ. Беларусь сегодня» приводят такие воспоминания Сергея Бельченко: в конце июня 1941 года война уже оглушила людей грохотом безостановочных бомбежек, смерть успела стать обыденностью, а горе – нормой. Толпы беженцев тянулись на Восток, отступали части Красной Армии. Люди брели по дорогам, с ужасом глядя в небо. На обочине, раскинув руки, лежала мертвая женщина, а рядом ползал ребенок. Но люди проходили мимо, машины пролетали, не снижая скорости. Но вот одна остановилась, из салона вышел человек в чекистской форме, взял малыша на руки. Он очень спешит, но бросить ребенка не может. Останавливает санитарный грузовик с ранеными, просит шофера взять мальчугана, а когда тот отказывается, достает маузер и тихо говорит: «Не возьмешь – пристрелю». Этот человек – начальник УНКГБ по Белостокской области Сергей Бельченко. Позже он будет вспоминать в своих мемуарах, что именно дикий эпизод на обочине помог ему полностью осознать ужас начавшейся войны [3, с. 2].

О том, что А. Гитлер со своей армией вот-вот начнет наступление, С. Бельченко, как и многие другие офицеры Западного военного округа, прекрасно знал. В первых числах июня пограничники наблюдали за тем, как нацисты подвозили к границе тяжелые орудия, устанавливали их на огневых позициях. Задержанные шпионы-перебежчики, переодетые в форму красноармейцев, точно указали день и время наступления.

22 июня в час ночи, когда пропала связь с заставами, а после и с Минском, уверенность стала стопроцентной. И Сергей Саввич начал действовать. Не дожидаясь указаний непосредственного руководства, он экстренно собрал бюро обкома партии и объявил, что утром начнется война. Это был достаточно смелый поступок, ведь Бельченко могли запросто назвать паникером, предателем. На бюро было принято несколько важных решений – об эвакуации жителей, вывозе документов. А потом с неба посыпались бомбы, началось отступление.

Это были сумбурные, страшные дни, когда армии отчаянно не хватало согласованности, четкости, когда люди, способные принять решения, были на особом счету. С. Бельченко оказался одним из немногих, кто не поддавался панике и сохранил ясность сознания. Он знал, что нужно делать, чтобы выжить.

Еще один эпизод первых дней войны. На переправе шоссейный мост разбит, на железнодорожном стоит поезд – машинист сбежал. Одни пытаются перебраться вплавь, другие с отрешенным видом сидят на земле. Повсюду крики, стоны, неразбериха... Но вот к мосту подъезжает полторка с С. Бельченко – он понимает, что медлить нельзя, и решает организовать переправу. С. Бельченко бросается в толпу, находит из числа красноармейцев машиниста, и состав отгоняют. Перевозить транспорт он приказывает по железнодорожному мосту, машины, которые выйдут из строя, не выдержав пляски по рельсам, – сбрасывать в воду. Так за короткое время Сергей Саввич фактически в одиночку смог организовать транспортировку людей и техники. Многим тогда запомнился этот невысокий уверенный в себе человек, который, несмотря на общее смятение, проявил высшие офицерские качества [3, с. 4].

С. Бельченко всегда думал на несколько шагов вперед. Отходя на Восток, он оставил в Белостоке две чекистские группы для ведения диверсионной борьбы, став, сам того не предполагая, одним из инициаторов партизанской борьбы. И в последующие военные годы, будучи заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения, Сергей Саввич демонстрировал яркий талант стратега, спланировав многие операции, в том числе легендарную «рельсовую войну».

Начало освобождения БССР пришлось на осень 1943 г. Освобожден Гомель, который лежит в руинах, люди живут в землянках, не хватает продовольствия. В таких сложнейших условиях С. Бельченко, который был назначен на должность наркома внутренних дел Белорусской ССР, пришлось с нуля организовывать деятельность милиции. Ни жилья, ни кадров, ни обеспечения ему не дали. А задачу поставили сложнейшую – на него, как тогда выражались, возлагалась персональная ответственность за борьбу с бандитизмом. Провала ему бы не простили.

Армия Крайова, ОУНовцы, банды Рагнера, Котвича, Сибиряка в Западной Беларуси – фактически милиция открыла второй фронт. Противник оказался искушенным, злым: бандиты взрывали мосты и административные здания, охотились за военнослужащими и партийными работниками. Чтобы противостоять диверсантам, нужны были знания и опыт. Кадровый вопрос закрыли, сформировав милицейские дивизии из двух наиболее боеспособных партизанских бригад. Тактику борьбы использовали разнообразную. Например, внедряли в ряды преступников агентов, чтобы те разлагали группировки изнутри. Как после вспоминал Сергей Саввич, ставка на саморазрушение работала безотказно – ссоры заканчивались резней, бандиты убивали друг друга [3, с. 3].

С особыми трудностями милиция столкнулась, пытаясь уничтожить банду под руководством бывшего председателя сельсовета, которая действовала в окрестностях Бобруйска. С этой группировкой удалось покончить только после того, как чекисты завербовали родственника главаря, который вывел поделщиков под пулеметы красноармейцев. Помимо бандитизма беспокойство вызывали тогда беспризорики. Детские дома были разрушены, тысячи сирот скитались по городам и деревням. Некоторые из них были завербованы нацистами для ведения диверсионной борьбы [3, с. 3].

В 1944 г. в республике были зарегистрированы 574 бандитских проявления, 222 террористических акта и 75 других тяжких преступлений. Благодаря самоотверженной работе милиционеров уже к 1947 г. поставленная руководством страны задача была выполнена: крупные бандформирования полностью уничтожили. С. Бельченко в очередной раз с честью вышел из непростой ситуации [1, с. 17]. Бандиты его ненавидели, считали своим врагом. Кто знает, по какому пути развивалась бы белорусская милиция, если бы 16 октября 1946 г. ее руководителю (к тому времени уже Министру внутренних дел) не помог случай. В тот день Сергей Бельченко вернулся домой на рассвете – как обычно, было много работы. Практически сразу отправился в спальню, разделся, накрылся купленным супругой ватным одеялом. Сергей Саввич не подозревал, что за ним через глазок прицела наблюдает снайпер, укрывшийся в сарае неподалеку. Из чердачного окна убийца бил наверняка, но пуля, летевшая в министра, закрутилась в толщине ваты, потеряв смертельную силу. С. Бельченко выжил. Что характерно, проводить масштабное расследование, по горячим следам блокировать город он запретил – чтобы не отвлекать силы. Выпячивать свою личность он не любил.

На посту руководителя белорусской милиции Сергей Саввич проработал более десяти лет. После служил в Ленинграде, был заместителем председателя КГБ при Совете Министров СССР. О белорусском периоде

своей карьеры всегда вспоминал с теплотой, часто приезжал в Минск. В 2002 г., не дожив совсем чуть-чуть до столетнего юбилея, Сергей Саввич скончался [1, с. 24].

Память о нем хранят те, кто знал его лично. Свою службу в милиции начинал при Бельченко генерал-лейтенант внутренней службы Виктор Пискарёв, возглавлявший МВД в 1984–1990 гг. «Белорусская милиция участвовала в двух войнах – в борьбе с гитлеровцами и в сражениях с бандитизмом. Те люди, которые начинали эту борьбу, безусловно, достойны уважения и почестей. У нас нет такого права – забывать о них, – убежден Виктор Алексеевич. – И я корю себя за то, что, будучи Министром внутренних дел, не поднимал этого вопроса, не был достаточно активен».

Сегодня завет генерала выполнен, на здании республиканского Министерства внутренних дел в память о Сергее Саввиче Бельченко установлена мемориальная табличка [2, с. 57].

Несомненно, С.С. Бельченко внес важнейший вклад в восстановление деятельности милиции в послевоенный период, возглавляя и организовывая эту деятельность в первое военное десятилетие.

1. Очерки истории милиции Белорусской 1917–1987 г. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.

2. Милиция Беларуси: 100 лет. История и современность / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. И.А. Шуневича. – Минск : Беларусь, 2016 г. – 191 с.

3. Роль Сергея Бельченко в восстановлении деятельности ОВД в послевоенный период [Электронный ресурс] // Игорь Строев, «СБ-Беларусь сегодня». – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by/main.aspx?guid=62383>. – Дата доступа: 26.11.2018.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Асташинок В.А.</i> Проблема адаптации курсантов-первокурсников к новым условиям жизнедеятельности	3
<i>Блохин Д.А.</i> Предоставление статуса беженца в законодательстве Республики Беларусь и США	11
<i>Блохин Д.А., Дементей О.А.</i> О правовом регулировании соматических прав человека в Республике Беларусь	18
<i>Богданкевич А.Ю.</i> Роль и значение общественного совета при Министерстве внутренних дел Республики Беларусь в формировании положительного общественного мнения о деятельности милиции	25
<i>Богданова А.А.</i> Особенности аутентичного и казуального толкования уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки	33
<i>Бубко А.И.</i> Проблемы квалификации и разграничения торговли людьми, незаконной миграции и смежных преступлений	39
<i>Буд-Гусаим А.М.</i> Актуальные аспекты противодействия сексуальной эксплуатации в контексте торговли людьми в Республике Беларусь	46
<i>Васильев А.С., Терешёнок П.Д.</i> Становление и развитие органов предварительного расследования на территории Республики Беларусь	51
<i>Вашумирский С.О.</i> Феномен «мягкого» права	57
<i>Воскресенский В.Р.</i> Некоторые международно-правовые аспекты сотрудничества Республики Беларусь в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков	62
<i>Высоцкий А.В.</i> Развитие законодательства об ответственности за доведение до самоубийства на территории Беларуси	69
<i>Гаркуша Ю.Н.</i> Пути сокращения теневых процессов на рынке подакцизных товаров	74
<i>Герасименко Р.В.</i> Возникновение и становление Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского	79
<i>Грузинский Д.В.</i> Место и роль органов внутренних дел Республики Беларусь в обеспечении национальной безопасности посредством проведения оперативно-розыскной деятельности	87
<i>Грузинский Д.В., Куликович А.А.</i> Оперативно-розыскная профилактика: понятие и отдельные аспекты	93
<i>Дементей О.А.</i> Требования, предъявляемые к отдельным правовым актам управления в деятельности органов внутренних дел	99
<i>Демьянов Н.А.</i> Становление и развитие института возмещения вреда, причиненного правонарушением и незаконными действиями должностных лиц государственных органов	105
<i>Жмаев Г.В.</i> Феномен «одно окно» в государственном управлении (как принцип, как служба, как технология)	110

<i>Жмаев Г.В., Богданкевич А.Ю.</i> О правовом закреплении этических норм поведения должностных лиц в системе государственной службы	119
<i>Завацкий Д.О.</i> Реализация принципа законности в оперативно-розыскной деятельности	126
<i>Касперович Н.С.</i> Предмет взяточничества: актуальные проблемы нормотворческой и правоприменительной деятельности	131
<i>Касперович Н.С., Соловьева Н.А.</i> Пути укрепления законности в деятельности подразделений милиции общественной безопасности органов внутренних дел	136
<i>Кетурко В.Ф.</i> Правовые основания использования средств фотовидеофиксации в деятельности органов внутренних дел	143
<i>Клачок И.П.</i> Меры гражданского процессуального воздействия в гражданском судопроизводстве Республики Беларусь	151
<i>Ковальчук М.В.</i> Об отграничении причинения имущественного ущерба без признаков хищения от смежных преступлений	157
<i>Коновалов Е.Г.</i> Выявление преступлений, связанных с запрещенной экономической деятельностью	165
<i>Король С.В.</i> Наружное (филерское) наблюдение в Российской империи второй половины XIX – начала XX в.	170
<i>Костючук Е.В.</i> Основные элементы оперативно-розыскной характеристики незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ	174
<i>Кравец В.В.</i> Некоторые вопросы обеспечения и ограничения конституционных прав и свобод человека в оперативно-розыскной деятельности	179
<i>Красовский А.И., Швайко А.А.</i> Проблемы участия милиции в расследовании преступлений на первоначальном этапе	185
<i>Крукович В.О.</i> Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования хищений имущества	191
<i>Кухновец О.А.</i> Принципы государственной службы в Республике Беларусь	197
<i>Лавышик А.О.</i> Проблемы выделения признаков и квалификации экстремизма и терроризма	204
<i>Лазуткин А.В.</i> Современное состояние информационного обеспечения подразделений криминальной милиции органов внутренних дел	210
<i>Масловская А.А.</i> Меры, принимаемые для противодействия коррупции в Республике Беларусь	217
<i>Одинец В.О.</i> Контрактная система найма в Республике Беларусь	223
<i>Павлович В.В.</i> О системе нормативных правовых актов, регулирующих вопросы кадровой политики в Республике Беларусь	229
<i>Пинчук А.С.</i> Административно-правовое регулирование оборота криптовалюты и токенов: сравнительно-правовой анализ	235
<i>Попков Н.Д.</i> О понятиях «лицо, производящее дознание» и «начальник органа дознания» в уголовном процессе Республики Беларусь	242

<i>Радецкий А.В.</i> Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации должностного лица: историко-правовое исследование	248
<i>Рыжий Е.Л.</i> Становление и развитие системы борьбы с коррупцией в Российской империи	253
<i>Савенок Е.С., Кравец В.В.</i> История образования сыского дела в Республике Беларусь	261
<i>Скоробогатый А.В.</i> Научные подходы к содержанию и структуре оперативно-розыскной характеристики преступлений	270
<i>Смалько С.Т., Шериунович В.А.</i> Гигиеническая оценка рациона питания курсантов Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь	277
<i>Соловьева Н.А.</i> Тактика деятельности органов внутренних дел по выявлению насилия в семье	285
<i>Станкевич О.М.</i> Дифференцированный подход к определению условий отбывания наказания в исправительных учреждениях	291
<i>Судариков В.В.</i> Международно-правовой опыт обеспечения охраны общественного порядка общественными формированиями правоохранительной направленности	296
<i>Терентьев В.М.</i> Честь, достоинство, деловая репутация как объект гражданско-правовых отношений	303
<i>Терешёнок П.Д.</i> Необходимая оборона: пути совершенствования правовой нормы	311
<i>Храменков В.В.</i> Правоохранительный профайлинг	316
<i>Циунель О.П.</i> Защита лиц, оказывающих или оказывавших содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	324
<i>Швайко А.А.</i> Понятие и сущность правоприменительной деятельности органов внутренних дел	330
<i>Шейко А.В.</i> Неповиновение законным требованиям должностного лица государственного органа при исполнении им служебных полномочий: вопросы квалификации и ответственности	335
<i>Юргель Александр С.</i> О сущности, правовой природе и значении стадии возбуждения уголовного дела	341
<i>Юргель Алексей С.</i> Проявление организованной преступности на современном этапе	347

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Круглый стол

«Вопросы реализации норм Конституции и конституционного права»
(20 марта 2018 г.)

<i>Белихин М.Б.</i> Конституционные принципы регулирования миграции	355
<i>Бурак А.С.</i> Обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь	360

<i>Васильев П.А.</i> Международное сотрудничество по противодействию преступности	363
<i>Дементей О.А.</i> Киборгизация в теории соматических прав человека	368
<i>Зеленькова Е.О.</i> Пути совершенствования деятельности органов внутренних дел по обеспечению правового статуса иностранцев, находящихся на территории Республики Беларусь	371
<i>Костиюков Е.А.</i> Соотношение конституционно-правового статуса иностранцев в рамках Союзного государства Беларуси и России	374

Научно-практическая конференция

«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и практики его применения»
(26 апреля 2018 г.)

<i>Гилевский А.С.</i> Признание вины как обязательное условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве	378
<i>Гуштын О.И.</i> Гласность при отправлении правосудия	382
<i>Каминский В.И.</i> Протокол объяснения как источник доказательств в уголовном процессе	385
<i>Каралёк В.И.</i> Отдельные вопросы участия защитника в уголовном процессе	388
<i>Ковчик В.Н.</i> Доказательства в уголовном процессе: понятие, исторический генезис, значение	392
<i>Мигалкин Ф.А.</i> Отдельные этапы развития правового института возмещения вреда на территории современной Беларуси	395
<i>Мороз М.Н.</i> Об органах дознания в уголовном процессе	398
<i>Одынец С.С.</i> Об участии граждан в осуществлении правосудия	401
<i>Попков Н.Д.</i> Институт дачи поручений: проблемы эффективной реализации	404
<i>Фурманов А.В.</i> История зарождения отдельных видов экспертиз	407
<i>Юргель Александр С.</i> Стадия возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы	409

Круглый стол

«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(27 апреля 2018 г.)

<i>Боровский Н.И.</i> Проблемные аспекты признания виртуальных объектов предметом хищения	412
<i>Высоцкий А.В.</i> Криминологические аспекты незаконного оборота наркотиков в сети Интернет	415
<i>Груцинский В.Э.</i> Малозначительность деяния в Уголовном кодексе Республики Беларусь	417

<i>Ковчик В.Н.</i> Сеть Интернет как среда распространения экстремистских проявлений	419
<i>Лаптев С.В.</i> Наиболее часто совершаемые преступления в сети Интернет	421
<i>Меерсон В.Р.</i> Совершенствование мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних	424
<i>Руммо Н.В.</i> Вопросы квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности и реализации уголовной ответственности за их совершение при изменении лицом своей половой принадлежности	428
<i>Хацкевич А.В.</i> Современные тенденции распространения наркотических средств в сети Интернет	432
<i>Хвойницкий А.А.</i> Отдельные аспекты дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления	434

*Научно-практическая конференция
«Актуальные вопросы совершенствования
правового регулирования экономических отношений
в Республике Беларусь»
(15 июня 2018 г.)*

<i>Богданова А.А.</i> Динамика развития кредитного рейтинга и опыт размещения еврооблигаций Республики Беларусь	437
<i>Волчецкий К.В.</i> О внедрении системы блокчейн в экономику Республики Беларусь	440
<i>Гаркуша Ю.Н.</i> Исторический аспект незаконного перемещения через государственную границу товаров, ценностей и иных предметов	443
<i>Король С.В.</i> Медиация как альтернативный способ разрешения споров в хозяйственном процессе: актуальные вопросы	445
<i>Масловская А.А.</i> Коррупция как угроза экономической безопасности Республики Беларусь	447
<i>Мигалкин Ф.А.</i> О рентабельности частных пенитенциарных учреждений и возможности их создания в Республике Беларусь	450

*VII курсантские научные чтения
«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»
(18 декабря 2018 г.)*

<i>Белов Н.Д.</i> Всекитайское собрание как орган всенародного представительства	452
<i>Блиц М.Л.</i> Установление Домината в Римской империи	455

<i>Богданкевич А.Ю.</i> Имидж должностных лиц организаций: актуальные проблемы формирования и поддержания	459
<i>Ваишумирский С.О.</i> Нормативный правовой договор и его виды	463
<i>Горегляд Г.С.</i> Антигуманность расового законодательства Германии 20–40-х гг. XX в.	466
<i>Гузучкин А.И.</i> Развитие имущественных отношений в БССР в 20-е гг.	471
<i>Евсеевко Н.В.</i> Особенности работы милиции в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции	475
<i>Жмаев Г.В.</i> Цели «электронного правительства» и способы их достижения	479
<i>Король С.В.</i> Агентурное наблюдение в деятельности уголовного сыска и контрразведывательных органов Российской империи	483
<i>Кравец В.В.</i> Теоретико-правовые вопросы обеспечения прав и свобод гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	487
<i>Матюшик П.Г.</i> Оборона Брестского вокзала линейным отделом милиции под командованием А.Я. Воробьева	490
<i>Михайловская А.И.</i> Нормы права: понятие и классификация	493
<i>Седляр Н.А.</i> Право и мораль: общее и особенное	497
<i>Скоробогатый А.В.</i> Уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью: исторический анализ	498
<i>Скурят Э.В.</i> Гродский суд в Великом княжестве Литовском	502
<i>Слуцкий В.А.</i> Принципы права как принципы работы следователя	505
<i>Степаньков А.В.</i> Литовско-белорусская ССР – несостоявшийся союз	508
<i>Стулевич Н.Д.</i> Естественнно-правовая школа	511
<i>Сумароков Н.А.</i> Судебный прецедент как источник права	514
<i>Хомянок Н.А.</i> Внешняя политика Речи Посполитой в середине XVII в.	517
<i>Шастайло Е.А.</i> Социологическая юриспруденция	521
<i>Шелег Д.С.</i> Формирование гражданского общества в Республике Беларусь	523
<i>Шестакович Д.С.</i> Роль Сергея Бельченко в восстановлении деятельности органов внутренних дел в послевоенный период	526

Научное издание

**КУРСАНТСКИЙ
ВЕСТНИК**

Сборник научных статей обучающихся

Выпуск 4

Подписано в печать 22.10.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 31,15. Уч.-изд. л. 32,06.
Тираж 30 экз. Заказ 277.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.